ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
КОНАНЪ-ДОЙЛЯ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ГИРДЛЬСТОНЪ.

РОМАНЪ.

Переводъ А. Энквистъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздательство П. П. Сойкина
Стремянная, собств. д. № 12.

Типографія П. П Сойкина, Спб., Стремянная, 12.

I. Мистеръ Харстонъ является къ назначенному часу.

По внѣшнему виду входъ въ контору торговой фирмы Гирдльстонъ и К° былъ весьма невзраченъ,—и неосвѣдомленный человѣкъ, судя по первому впечатлѣнію, едва-ли бы составилъ себѣ правильное представленіе о блестящемъ положеніи дѣлъ этой фирмы. Почти на самомъ углу широкой торговой улицы, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ Фенчерчъ-Стритъ, узкая дверка ведетъ въ длинный чисто выбѣленный корридоръ, на одной изъ стѣнъ котораго прибита мѣдная доска съ надписью: «Гирдльстонъ и К°, торговыя дѣла съ Африкой»,—а надъ доской красуется любопытный іероглифъ, изображающій собою человѣческую руку, указывающую куда-то непомѣрно длиннымъ перстомъ. Слѣдуя указанію его, посѣтитель очутится въ маленькомъ квадратномъ дворикѣ со множествомъ выходящихъ на него дверей. На одной изъ послѣднихъ онъ опять увидитъ названіе вышеупомянутой фирмы, изображенное крупными бѣлыми буквами, а немного ниже—слово «Push *)!» Если вы послѣдуете этому лаконическому приглашенію, то очутитесь въ длинномъ низкомъ помѣщеніи; это и будетъ контора торговой фирмы Гирдльстонъ.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, все было спокойно въ конторѣ. Вся линія окошечекъ въ проволочной сѣткѣ, отгораживающей служащихъ отъ посѣтителей, была свободна отъ публики, хотя устланный линолеумомъ полъ еще носилъ слѣды множества ногъ, свидѣтельствуя о многочисленныхъ дѣловыхъ людяхъ, побывавшихъ здѣсь въ теченіе утра. Слабый свѣтъ лондонскаго туманнаго дня проникалъ сквозь оконныя стекла въ это низкое помѣщеніе, оставляя въ углахъ темныя тѣни. Въ глубинѣ комнаты пожилой че-

*) Push—толкай!

ловѣкъ съ усталымъ и блѣднымъ лицомъ, сидя на высокомъ вращающемся табуретѣ, подводилъ длинные ряды цифръ, беззвучно бормоча дрожащими губами и постукивая на своей конторкѣ костлявыми, дрожащими пальцами, безпрестанно щелкавшими на счетахъ.

Нѣсколько пониже его, вдоль двухъ длинныхъ краснаго дерева конторокъ, человѣкъ шесть молодыхъ людей, низко опустивъ головы и высоко поднявъ плечи, казалось, читали съ пожирающей быстротой и непомѣрнымъ усердіемъ. При видѣ этой неутомимой энергіи и неподкупнаго служебнаго рвенія, любой завсегдатай Лондонскихъ конторъ и канцелярій заключилъ бы, что они находятся подъ наблюденіемъ зоркаго глаза кого-нибудь изъ представителей фирмы.

Этимъ представителемъ въ данномъ случаѣ являлся широкоплечій господинъ, съ плотной, толстой, какъ у вола, шеей, стоявшій облокотясь о мраморную доску камина, лицомъ къ служащимъ конторы. Онъ перелистывалъ страницы какого-то альманаха, искоса поглядывая, время отъ времени, на усердныхъ тружениковъ за конторками. Каждая черта этого энергичнаго, широкаго лица и этой мощной сильной фигуры дышала властолюбіемъ и строгостью. Немного выше средняго роста, широкоплечій, съ сильно развитой нижней челюстью и смѣлымъ, проницательнымъ взглядомъ блестящихъ темныхъ глазъ, онъ весь казался воплощеніемъ рѣшимости, граничащей съ упорствомъ. Было что-то классическое въ правильныхъ чертахъ его лица блѣдно-оливковаго оттѣнка и черныхъ, круто-вьющихся и плотно прилегающихъ къ головѣ густыхъ волосахъ, не скрывающихъ правильно округленной формы его черепа. Несмотря, однако, на эти классическія черты, въ нихъ отсутствовала одухотворенность; это былъ скорѣе всего одинъ изъ профилей римскихъ императоровъ, великолѣпныхъ по животной силѣ, но лишенныхъ той мягкости взгляда и очертанія губъ, которая говоритъ о внутреннемъ содержаніи человѣка, о его духовной жизни. Массивная золотая цѣпь на жилетѣ и громадный сверкающій алмазъ въ перстнѣ казались естественнымъ дополненіемъ чувственныхъ губъ и тяжелаго, широкаго подбородка. Таковъ былъ Эзра, единственный сынъ Джона Гирдльстона и наслѣдникъ всего его громаднаго дѣла. Немудрено, что всѣ сколько нибудь смотрѣвшіе въ даль событій склонялись въ три погибели надъ своими пюпитрами

и работали съ усердіемъ, видимо, разсчитаннымъ на то, чтобы обратить на себя вниманіе младшаго компаньона фирмы и внушить ему должное сознаніе ихъ безпредѣльной преданности интересамъ фирмы.

Но,—увы!—они вскорѣ должны были убѣдиться, что оцѣнка ихъ усердія молодымъ человѣкомъ основывается отнюдь не на ихъ настоящей, усидчивой работѣ. Это было видно изъ слѣдующихъ его словъ. Не отрывая глазъ отъ альманаха, съ сардонической улыбкой на смугломъ лицѣ онъ окликнулъ одного изъ служащихъ: «Паркеръ»!

Молодой, бѣлокурый, какъ ленъ, клеркъ *), сидѣвшій на дальнемъ концѣ комнаты у высокой полированной конторки, даже вздрогнулъ при этомъ окрикѣ и, поднявъ голову, испуганно взглянулъ на говорившаго.

— Ну, кто же выигралъ, Паркеръ?—спросилъ молодой хозяинъ.

— Кто выигралъ, сэръ!—съ недоумѣніемъ пробормоталъ клеркъ.—Я не понимаю, сэръ!

— Ну, да! Я спрашиваю, кто выигралъ!—повторилъ молодой Гирдльстонъ.—Вы прекрасно понимаете!—и Эзра рѣзко стукнулъ разрѣзнымъ ножемъ по страницамъ альманаха.—Вы играли въ орлянку съ Робсономъ и Перкинсомъ, когда я вернулся послѣ завтрака. Я имѣю основаніе предполагать, что вы занимались этимъ все время, пока я отсутствовалъ, и потому вполнѣ естественно, что мнѣ любопытно узнать, кто изъ васъ выигралъ!

Всѣ три злополучныхъ клерка низко склонились надъ своими конторками, чтобы не видѣть саркастической усмѣшки и смѣющихся глазъ своего принципала, который продолжалъ все тѣмъ же спокойнымъ, весело-насмѣшливымъ тономъ.

— Вы, господа, получите около тридцати шиллинговъ **) въ недѣлю отъ нашей фирмы... Кажется, я не ошибаюсь въ цифрѣ, мистеръ Гирлей?—обратился онъ къ старшему клерку, сидѣвшему выше другихъ за отдѣльной конторкой, немного поодаль отъ другихъ.— Да? Я такъ и думалъ!—Ну, такъ вотъ... Орлянка,—конечно, сама по себѣ довольно безобидная игра и даже довольно увлекательная. Но вы едва ли можете предполагать, что мы станемъ настолько одобрять ее, чтобы платить деньги «за поглядѣніе», какъ въ нее игра-

*) Писецъ, конторскій служащій.
**) Шиллингъ—около 40 коп.

ютъ у насъ въ конторѣ. А потому я посовѣтую моему отцу вычесть у каждаго изъ васъ по пяти шиллинговъ изъ вашей получки въ ближайшую субботу. Этотъ вычетъ возмѣститъ намъ то время, которое вы отняли отъ вашихъ рабочихъ часовъ для орлянки!

Онъ замолчалъ, а всѣ трое виновныхъ уже начали успокаиваться и поздравлять себя, что отдѣлались сравнительно легко на этотъ разъ, когда Эзра Гирдльстонъ снова заговорилъ.

— Вы позаботитесь, мистеръ Гильрей, чтобы этотъ вычетъ былъ непремѣнно произведенъ,—сказалъ онъ,—и въ то же время я попрошу васъ сдѣлать вычетъ въ 10 шиллинговъ и изъ вашего содержанія, такъ какъ, въ качествѣ старшаго клерка, отвѣтственность за поддержаніе порядка въ конторѣ, въ отсутствіи хозяевъ, лежитъ на васъ, а вы, повидимому, пренебрегли этой обязанностью. Надѣюсь, вы позаботитесь, чтобы все сказанное мною было исполнено въ точности, мистеръ Гильрей! Не правда-ли?

— Да, сэръ!—покорно и кротко отозвался старшій клеркъ. Это былъ пожилой господинъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ, для котораго вычетъ въ десять шиллинговъ являлся довольно чувствительнымъ. Но ему не оставалось ничего болѣе, какъ покориться неизбѣжному, и его худощавое, сморщенное лицо приняло при этомъ выраженіе кроткой покорности. Однако, мысль о томъ, какимъ образомъ поддерживать надлежащій порядокъ между его десятью молодыми подчиненными, сильно смущала его.

Молодой принципалъ молчалъ, а остальные клерки, не упомянутые имъ, попрежнему продолжали работать, не поднимая глазъ; но на душѣ у нихъ было неспокойно: никто изъ нихъ не былъ увѣренъ, что не будетъ пріобщенъ въ свою очередь къ этому инциденту. Однако, страхи и опасенія ихъ оказались напрасными, по крайней мѣрѣ въ данное время, такъ какъ изъ смежной комнаты раздался рѣзкій звонъ маленькаго столоваго гонга, вслѣдъ за тѣмъ въ дверяхъ появился мальчикъ и передалъ, что мистеръ Гирдльстонъ желаетъ переговорить съ мистеромъ Эзрой. Окинувъ быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ всѣхъ служащихъ, молодой хозяинъ вышелъ въ заднюю комнату, служившую дѣловымъ кабинетомъ его отцу. Уходъ его вызвалъ всеобщую радость на лицахъ конторщиковъ; десять гусиныхъ перьевъ моментально

взлетѣли въ воздухъ и были пойманы съ замѣчательной ловкостью налету ихъ владѣльцами, а десять торжествующихъ и насмѣшливыхъ физіономій обернулись въ сторону стараго Гильрея, который съ умоляющимъ видомъ просилъ о поддержаніи порядка и тишины въ конторѣ.

Святилище мистера Джона Гирдльстона имѣло двѣ двери: одну массивную дубовую дверь, съ дорогими гранеными стеклами, и другую, обитую темно-зеленымъ сукномъ. Самая комната была не велика; но благодаря высокому потолку въ ней было достаточно воздуха, а стѣны ея были украшены разрѣзами судовъ, художественно исполненными на деревѣ рѣзьбою, подобно изображеніямъ рыбьихъ скелетовъ на стѣнахъ зоологическихъ музеевъ. Тутъ же красовались и карты, и маршруты судовъ, и фотографіи, и списки плавающихъ судовъ. Надъ каминомъ же висѣла большая акварель, изображающая «Белинду» въ тотъ моментъ, когда она наскочила на рифъ сѣвернѣе мыса Пальмасъ. Надпись подъ этимъ художественнымъ произведеніемъ гласила, что это была работа младшаго помощника капитана этого судна, принесенная въ даръ главѣ фирмы. Ходилъ слухъ, что съ гибелью этого судна фирма понесла жестокіе убытки, и нѣкоторые указывали на присутствіе этой картины въ кабинетѣ старика Гирдльстона, какъ на новое доказательство присущей ему силы воли и характера, такъ какъ онъ не побоялся украсить комнату этимъ постояннымъ напоминаніемъ о постигшемъ его несчастіи. Однако, нѣкій агентъ Компаніи Ллойдъ не раздѣлялъ этого мнѣнія и старался даже намекнуть, хитрымъ подмигиваніемъ лѣвой вѣки и выразительнымъ жестомъ праваго указательнаго пальца, что судно было застраховано не столь уже много ниже своей стоимости, и что убытки, понесенные фирмой, были уже не столь велики, какъ о томъ говорили.

Джонъ Гирдльстонъ, сидѣвшій передъ своимъ большимъ конторскимъ столомъ въ ожиданіи сына, безспорно, обладалъ въ высшей степени замѣчательной наружностью. Подъ правильными, рѣзко очерченными линіями его характернаго лица со строгимъ профилемъ и глубоко сидящими глазами несомнѣнно скрывался сильный характеръ и желѣзная воля. Гладко выбритый, кромѣ маленькихъ бачекъ, черныхъ съ просѣдью волосъ, онъ казался такимъ непреклоннымъ, уравновѣшеннымъ, сдержаннымъ и непроницаемымъ, что въ его чертахъ, казалось, не-

возможно было прочесть ничего, кромѣ строгости и рѣшимости, двухъ качествъ, въ равной мѣрѣ совмѣстимыхъ какъ съ самой благородной и высокой натурой, такъ и съ самою низкой и пошлой. Быть можетъ, именно эта двухсторонность въ характерѣ старика Джона Гирдльстонъ и послужила поводомъ къ самымъ разнороднымъ мнѣніямъ о личности главы этой извѣстной торговой фирмы въ обществѣ. Его считали фанатикомъ въ дѣлѣ религіи, пуристомъ въ вопросахъ нравственности и человѣкомъ безупречной честности въ торговыхъ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе находились и такіе люди, которые смотрѣли на него косо и, за исключеніемъ одного только человѣка, никто не могъ назвать его своимъ «другомъ».

Онъ всталъ и стоялъ, прислонясь спиной къ камину, когда въ комнату вошелъ его сынъ. Онъ былъ настолько выше сына, что казался горделивою башней въ сравненіи съ этимъ плотнымъ, широкоплечимъ молодымъ человѣкомъ, который, помимо разницы въ возрастѣ, производилъ, однако, впечатлѣніе болѣе сильнаго изъ нихъ двоихъ.

Съ лица молодого человѣка сбѣжало выраженіе сарказма и снисходительнаго пренебреженія, которое онъ считалъ наиболѣе подходящимъ при сношеніяхъ со своими служащими; теперь онъ явился такимъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ, по своей натурѣ, т. е. рѣзкимъ и грубымъ.

— Что такое?—спросилъ онъ, опускаясь въ кресло и позвякивая горстью монетъ, опущенныхъ безъ кошелька въ боковой карманъ его брюкъ.

— Я получилъ извѣстія о «Черномъ Орлѣ»,—началъ старикъ,—онъ прибылъ на Мадейру!

— Аа!—воскликнулъ молодой человѣкъ.—Хорошо!

— Онъ нагруженъ почти полнымъ грузомъ, какъ мнѣ доноситъ капитанъ Гамильтонъ Миггсъ.

— Я крайне удивленъ, что Миггсъ могъ послать донесеніе, и еще болѣе удивленъ тѣмъ, что ты, отецъ, придаешь значеніе этому донесенію!—нетерпѣливо замѣтилъ младшій Гирдльстонъ,—этотъ человѣкъ никогда не бываетъ трезвъ!

— Миггсъ—хорошій морякъ и очень популяренъ на берегу. Правда, временами онъ поддается своей слабости, но мы всѣ имѣемъ свои недостатки... Вотъ списокъ товаровъ, подтвержденный нашими агентами. «Шестьсотъ боченковъ пальмоваго масла...

— Масло теперь упало въ цѣнѣ!—прервалъ отца Эзра.

— Да, но оно опять подымется прежде, чѣмъ придетъ «Черный Орелъ»!—увѣренно возразилъ старый коммерсантъ.— Затѣмъ имѣется грузъ кокосовыхъ орѣховъ, камеди, чернаго дерева, шкуръ, кошенили и слоновой кости.

Молодой человѣкъ свистнулъ съ довольнымъ видомъ.

— Да, это, пожалуй, не дурно для Миггса!—проговорилъ онъ,—слоновая кость теперь въ большомъ спросѣ!

— Намъ положительно необходимы два—три удачныхъ рейса,—замѣтилъ старикъ Гирдльстонъ,—такъ какъ въ послѣднее время дѣла были плохи; тутъ какъ разъ пришла одна весьма непріятная новость, которая способна лишить меня той радости, которую я испытывалъ бы при иныхъ условіяхъ: три человѣка изъ экипажа умерли отъ лихорадки. Именъ онъ не упоминаетъ!

— Ахъ, черти!—досадливо воскликнулъ Эзра.—Вѣдь мы знаемъ, что это значитъ. Три женщины, каждая съ цѣлой грудой ребятъ, примутся осаждать контору съ требованіемъ пенсій, пособій, страховокъ и т. п. Между тѣмъ, кто же виноватъ въ томъ, что эти моряки такой непредусмотрительный, такой незапасливый народъ?! Отправляясь въ море, слѣдуетъ обезпечивать семью на всякій случай!

Старикъ остановилъ сына движеніемъ своей бѣлой, выхоленной руки:

— Я желаю,—произнесъ онъ,—чтобы ты относился къ этимъ вопросамъ съ большимъ уваженіемъ и съ большей осмотрительностью. Что можетъ быть печальнѣе утраты кормильца семьи? Меня это огорчило гораздо болѣе, чѣмъ ты можешь предполагать.

— Значитъ, ты намѣренъ выдать пенсію ихъ женамъ?— сказалъ Эзра съ лукавой усмѣшкой.

— Никоимъ образомъ, — рѣшительно возразилъ его отецъ,—«Гирдльстонъ и К°»—не общество страхованія жизни. Всякій работникъ достоинъ своей платы за тотъ трудъ, который онъ несетъ, но когда его работа въ этой жизни прекращается, то семья его должна довольствоваться тѣми сбереженіями, которыя остались отъ его трудовъ и заработковъ. Для насъ явилось бы весьма опаснымъ прецедентомъ назначеніе пенсій вдовамъ этихъ трехъ погибшихъ моряковъ,— такъ какъ это лишило бы остальныхъ всякаго желанія откладывать сбереженія на черный день, въ разсчетѣ на буду-

щую пенсію, и тѣмъ самымъ мы только поощряли бы въ нихъ всякіе пороки и расточительность!

Эзра разсмѣялся, не переставая позвякивать деньгами и ключами въ своихъ брючныхъ карманахъ.

— Ну, однако, я не объ этомъ хотѣлъ говорить съ тобой,—продолжалъ его отецъ.—Я началъ съ этого только потому, что всегда считалъ за правило прежде всего и выше всего ставить дѣла и дѣловые интересы, а потомъ уже думать о своихъ частныхъ и личныхъ дѣлахъ, какъ бы важны они ни были. Говорятъ, что Джонъ Харстонъ при смерти; онъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ говоритъ, что хочетъ меня видѣть. Для меня неудобно оставлять контору, но, съ другой стороны, я сознаю, что мой христіанскій долгъ велитъ мнѣ исполнить его желаніе. А потому я хочу, чтобы ты побылъ здѣсь и присмотрѣлъ за всѣмъ во время моего отсутствія!

— Мнѣ положительно не вѣрится, чтобы это была правда!—сказалъ Эзра.—Тутъ какая-то ошибка. Я говорилъ съ нимъ о пониженіи еще въ прошлый понедѣльникъ; онъ былъ совершенно здоровъ!

— Онъ заболѣлъ внезапно,—возразилъ отецъ, берясь за шляпу,—во всякомъ случаѣ нѣтъ возможности сомнѣваться въ томъ, что онъ на краю смерти. Докторъ говоритъ, что онъ едва ли проживетъ до вечера. Это злокачественная форма тифа...

— Вы съ нимъ очень старые друзья?—замѣтилъ Эзра, задумчиво глядя на отца.

— Мы еще мальчуганами играли вмѣстѣ,—отвѣтилъ старикъ съ легкимъ сухимъ покашливаніемъ, что являлось у него высшимъ проявленіемъ душевнаго волненія.—Твоя мать, Эзра, умерла въ тотъ самый день, когда жена Харсона родила ему его единственную дочь,—это было семнадцать лѣтъ тому назадъ. Вскорѣ послѣ того, черезъ нѣсколько дней всего, умерла и жена Харстона. Я слышалъ отъ него, что быть можетъ и мы вскорѣ послѣдуемъ одинъ за другимъ. Но жизнь наша во власти Всевышняго, и, повидимому, одинъ изъ насъ будетъ отозванъ отъ здѣшней жизни, а другой оставленъ!

— А что станется съ его деньгами, если доктора правы?—съ живостью спросилъ Эзра.

— Все до копейки перейдетъ къ его дочери. Это будетъ богатая наслѣдница. У него нѣтъ никакой другой родни, о ко-

торой-бы я слышалъ, кромѣ этихъ Димсдалей, у которыхъ свое прекрасное состоянiе. Однако, мнѣ нужно идти!

— Кстати, говорятъ, что злокачественный тифъ заразителенъ. Не правда-ли?—небрежно замѣтилъ сынъ.

— Да, говорятъ!—спокойно отозвался старый коммерсантъ и вышелъ черезъ контору.

Оставшись одинъ, Эзра Гирдльстонъ вытянулъ впередъ свои ноги и положилъ ихъ на рѣшетку камина, въ которомъ не было огня.—Да, директоръ—желѣзный человѣкъ!—разсуждалъ онъ самъ съ собой, глядя на блестящiе, полированные стальные прутья каминной рѣшетки,—но будьте увѣрены, онъ чувствуетъ эту утрату гораздо глубже и сильнѣй, чѣмъ показываетъ. Вѣдь, это единственный другъ, какого онъ когда-либо имѣлъ въ жизни, или какого онъ когда либо будетъ имѣть. Впрочемъ, это не мое дѣло!—И, успокоившись на этомъ заключенiи, молодой человѣкъ принялся, тихонько посвистывая, перелистывать и просматривать частный журналъ текущихъ дѣлъ фирмы.

Весьма возможно, что молодой Гирдльстонъ былъ правъ въ своихъ предположенiяхъ, полагая, что безстрастный старый коммерсантъ, глава торговой фирмы его имени, испытывалъ въ данный моментъ сердечную скорбь и съ тяжелымъ чувствомъ подозвалъ экипажъ, приказавъ везти себя къ дому своего друга въ Фильгамѣ. Оба они съ Харстономъ выросли въ домѣ призрѣнiя бѣдныхъ и обучались въ безплатной школѣ благотворительнаго общества; оба вмѣстѣ прошли эту школу и вмѣстѣ же вышли на жизненный путь; вмѣстѣ стали подыматься и преуспѣвать въ жизни. Еще въ ту пору, когда Джонъ Гирдльстонъ былъ костистымъ мальчуганомъ, а Харстонъ тщедушнымъ, блѣднолицымъ мальчикомъ,—послѣднiй привыкъ смотрѣть на своего товарища и друга, какъ на своего естественнаго защитника и руководителя. Есть умы, по самой природѣ своей способные жить только чужою мыслью и лишенные возможности существовать безъ посторонней поддержки и содѣйствiя; они любятъ опираться на чью-нибудь болѣе сильную и самобытную мысль, отъ которой могутъ заимствоваться, которой могутъ придерживаться и которою могутъ руководиться въ жизни. Сильный и самобытный умъ всегда группируетъ вокругъ себя болѣе мелкiе и слабые умы, являющiеся, такъ сказать, слабымъ подражанiемъ ему и слѣдующiе по его стопамъ.

Съ годами Харстонъ все больше и больше опирался на своего стараго школьнаго товарища, усваивая себѣ многія изъ его особенностей, изъ его практическихъ дѣловыхъ пріемовъ, даже изъ его душевныхъ качествъ, до того, что въ въ концѣ концовъ онъ сталъ какъ бы своего рода пародіей этого рѣдкаго оригинала. Для него Гирдльстонъ являлся идеаломъ человѣка; — мнѣніе Гирдльстона — самымъ непогрѣшимымъ и самымъ правильнымъ изъ всѣхъ мнѣній, поступки Гирдльстона—образцомъ для всѣхъ, а рѣчи—разумнѣйшими рѣчами. И сорокъ лѣтъ такого обожанія и такой преданности неизбѣжно должны были произвести глубокое впечатлѣніе на этого желѣзнаго человѣка, какъ бы онъ ни скрывалъ это, какъ бы ни таилъ своихъ чувствъ въ душѣ.

Путемъ неустаннаго, внимательнаго отношенія къ дѣламъ и путемъ крайней осторожности и осмотрительности—Харстонъ составилъ себѣ сперва небольшое состояніе, потомъ нашелъ для своихъ товаровъ прекрасный экспортный рынокъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру и совѣтамъ своего друга. Интересы ихъ никогда не могли столкнуться, такъ какъ всѣ торговыя операціи Харстона ограничивались Средиземнымъ моремъ и за предѣлы его не выходили. Фирма его пріобрѣтала все больше вѣса и значенія,и въ концѣ концовъ на Харстона стали смотрѣть въ Сити, какъ на состоятельнаго человѣка и серьезнаго дѣльца, съ которымъ нужно было считаться.

Его единственной дочери Кэтъ недавно исполнилось 17лѣтъ. Другихъ близкихъ родственниковъ у него не было, кромѣ доктора Димсдаля, обладающаго громадною практикой въ Вестъ-Эндѣ и солидными капиталами въ банкѣ. Не удивительно, что дѣятельный и дѣловитый Эзра Гирдльстонъ, а, быть можетъ и его отецъ также интересовались судьбою и распредѣленіемъ капиталовъ находящагося на краю смерти Харстона.

Подъѣхавъ къ дому своего друга, Гирдльстонъ толкнулъ чугунную калитку, ведущую къ подъѣзду дома, и зашагалъ по усыпанной гравіемъ дорожкѣ лицевого палисадника. Яркое осеннее солнце свѣтило съ безоблачнаго неба, заливая своимъ золотистымъ свѣтомъ зеленыя, точно бархатистыя, лужайки, газоны и куртины различныхъ цвѣтовъ. Казалось, самый воздухъ и весело трепещущая, еще зеленая листва и птички, щебетавшія въ кустахъ,—все говорило о радостяхъ жизни. И тяжело было думать, глядя на все это, что смерть уже схватила своей костлявой рукой того, кому принадлежало все это.

Неуклюжаго вида, маленькій господинъ, весь въ черномъ, торопливо спускавшійся со ступенекъ крыльца, столкнулся лицомъ къ лицу съ Гирдльстономъ.

— Ну, что, докторъ?—спросилъ послѣдній.—Какъ вашъ паціентъ?

— Вы, конечно, не за тѣмъ пріѣхали, чтобы повидать его? Не правда-ли?—спросилъ докторъ, глядя съ нѣкоторымъ любопытствомъ на блѣдное лицо, съ нависшими бровями и рѣшительной складкой вокругъ рта.

— Да, я какъ разъ иду къ нему наверхъ!

— Это чрезвычайно злокачественная форма тифа. Онъ можетъ умереть черезъ часъ, хотя можетъ дотянуть и до вечера; но ничто не можетъ его спасти. Онъ едва ли узнаетъ васъ, и я боюсь, что вы ни чѣмъ не можете его утѣшить. Болѣзнь его чрезвычайно прилипчивая, и вы подвергаете себя совершенно ненужной опасности, идя къ нему. Я бы усиленно рекомендовалъ вамъ не подыматься къ больному!

— Почему-же, когда вы сами только что вышли отъ него, докторъ?

— Меня къ нему призывалъ мой долгъ!

— И меня также!—рѣшительно отвѣтилъ посѣтитель и, проворно вбѣжавъ по каменнымъ ступенямъ крыльца, вошелъ въ роскошный и просторный вестибюль. Къ нему примыкала большая пріемная, выходившая окнами въ садъ. Черезъ отворенную дверь Гирдльстонъ увидѣлъ нѣчто, что заставило его невольно остановиться на минуту. Въ нишѣ у окна сидѣла дѣвушка; ея воздушный, гибкій станъ подался впередъ; судорожно сжатыя руки обхватили граціозную головку; локти ея упирались на мраморную доску столика, стоявшаго передъ ней. Ея роскошные каштановые волосы густыми прядями ниспадали на бѣлыя, какъ мраморъ, удивительной красоты руки.—Словомъ, вся она могла бы служить моделью любому художнику, для изображенія скорбящей Мадонны. Докторъ только что сообщилъ ей печальную вѣсть о томъ, что ни малѣйшей надежды на спасеніе больного не осталось, что отецъ ея долженъ умереть. И теперь дѣвушка переживала первый пароксизмъ своего горя, слишкомъ искренняго и глубокаго даже на взглядъ поверхностнаго наблюдателя, чтобы можно было подойти къ ней съ утѣшеніемъ.

Но дивной красоты борзой былъ, очевидно, иного мнѣнія; онъ положилъ свои переднія лапы къ ней на колѣни и старался

пропустить свою тонкую, острую морду между ея руками, чтобы лизнуть ее въ лицо и тѣмъ выразить ей свое дружеское сочувствіе. Гирдльстонъ оставался съ минуту въ нерѣшимости, затѣмъ медленно поднялся по широкой лѣстницѣ во второй этажъ и, отворивъ дверь въ комнату Харстона, не задумываясь вошелъ въ нее.

Сторы были опущены, и въ комнатѣ было почти темно. Ѣдкій запахъ дезинфекціи и тяжелая атмосфера болѣзни сразу охватили вошедшаго. Постель больного находилась въ глубинѣ комнаты, но Гирдльстонъ, еще не видя его, уже слышалъ его тужелое, порывистоеи свистящее дыханіе. Миловидная опрятная сидѣлка поднялась со стула у постели больного и, узнавъ посѣтителя, сказала ему шепотомъ нѣсколько словъ и беззвучно вышла. Гирдльстонъ дернулъ шнурокъ одной изъ венеціанскихъ жалюзи, чтобы дать доступъ нѣсколькимъ лучамъ солнца въ комнату больного.

Громадная компата смотрѣла сараемъ; въ ней было пусто и непривѣтно; ковры, портьеры, мягкая мебель и всѣ мелочи, придававшія ей красоту и уютность, были вынесены въ интересахъ лучшей дезинфекціи. Джонъ Гирдльстонъ, осторожно ступая, подошелъ къ больному и сѣлъ на стулъ подлѣ кровати своего умирающаго друга.

Страдалецъ лежалъ на спинѣ, повидимому, не сознавая, что вокругъ него происходитъ. Его глаза были обращены вверхъ, какъ будто онъ уставился ими въ потолокъ. Запекшіяся губы были раскрыты, и изъ нихъ вылетало учащенное и отрывистое дыханіе. Даже и для непривычнаго глаза коммерсанта было ясно, что ангелъ смерти виталъ надъ нимъ. Съ неумѣлой, непривычной нѣжностью, въ которой было нѣчто невыразимо утѣшительное, даже патетическое, Джонъ Гирдльстонъ смочилъ водою губку и провелъ ею по воспаленному лбу больного. Послѣдній повернулъ голову, и лучъ сознанія и безмолвной признательности засвѣтился въ его глазахъ.

— Я зналъ, что ты придешь!—сказалъ онъ сипло и едва слышно.

— Да, я пришелъ, какъ только получилъ твое извѣщеніе!

— Я радъ, что ты здѣсь,—продолжалъ больной со вздохомъ облегченія.—Судя по просвѣтлѣвшему выраженію его лица, видно было, что даже и теперь, въ минуту смерти, онъ искалъ опоры и поддержки у своего стараго школьнаго товарища и отъ него ждалъ помощи и утѣшенія. Съ видимымъ усиліемъ онъ

приподнялъ съ шелковаго стеганнаго одѣяла исхудалую руку и положилъ ее на руку Гирдльстона.

— Я хотѣлъ бы поговорить съ тобою, Джонъ, но очень слабъ,—сказалъ онъ,—слышишь ты, что я говорю?

— Да, слышу!

— Дай мнѣ ложечку вонъ того лекарства; оно на время проясняетъ мои мысли! Я сдѣлалъ завѣщаніе, Джонъ!

— Да!—отозвался коммерсантъ, ставя обратно на мѣсто склянку съ лекарствомъ.

— Сегодня утромъ мы все это оформили... наклони голову поближе ко мнѣ: такъ тебѣ лучше будетъ слышно.—У меня всего только 50 тысячъ. Для меня было бы лучше, если бы я удалился отъ дѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; тогда у меня было гораздо больше!

— Я тебѣ говорилъ!—прервалъ его угрюмо Гирдльстонъ.

— Да, ты мнѣ говорилъ... ты говорилъ. Но я думалъ поступить лучше. 40 тысячъ я оставляю дочери, моей дорогой Кэтъ!..

Нѣчто похожее на любопытство сверкнуло въ глазахъ старика Гирдльстона.

— А доходы съ дѣла?—спросилъ онъ.

— Ихъ я оставлю нераздѣльно на безплатныя школы для бѣдныхъ дѣтей города Лондона. Помнишь, и мы съ тобой были такими же бѣдными мальчиками и обучались на счетъ благотворительности; мы знаемъ цѣну этимъ безплатнымъ школамъ. Гирдльстонъ казался какъ будто нѣсколько разочарованнымъ, но больной продолжалъ, хотя все тише и все съ большимъ усиліемъ.

— У моей дочери будетъ 40,000 фунтовъ. Но это наслѣдство обставлено мною такъ, что она не можетъ тронуть денегъ, ни передать право кому либо другому располагать ими до ея полнаго совершеннолѣтія. У нея нѣтъ друзей, Джонъ, и нѣтъ родныхъ, кромѣ моего единственнаго двоюроднаго брата, доктора Джоржа Димсдаля. Никогда еще дѣвушка не оставалась болѣе одинокой и беззащитной въ своемъ сиротствѣ. Возьми ее ты, прошу тебя, и воспитай ее подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ. Береги ее превыше всего! Относись къ ней, какъ бы ты относился къ своей дочери, оберегай ее пуще всего отъ тѣхъ, кто захочетъ разбить ея молодую жизнь, чтобы воспользоваться ея достояніемъ. Сдѣлай это, старый другъ, и дай мнѣ умереть

спокойно, дай мнѣ испытать это счастье на моемъ смертномъ одрѣ!

Гирдльстонъ молчалъ. Его тяжелыя вѣки были низко опущены, а лобъ нахмурился отъ думы.

— Ты единственный человѣкъ изъ всѣхъ, кого я знаю,— продолжалъ умирающій,—въ справедливости и честности котораго я увѣренъ, и тебѣ одному я могу довѣрить свое дитя... Дай мнѣ напиться, у меня во рту пересохло... А если, упаси Боже,—моя дѣвочка умретъ до своего замужества, тогда....— Духаніе больного прервалось, и онъ принужденъ былъ замолчать, чтобы собраться съ силами.

— Что тогда?

— Тогда, старый другъ, все ея состояніе перейдетъ къ тебѣ, такъ какъ никто лучше тебя не сумѣетъ воспользоваться имъ! Таково содержаніе моего завѣщанія.—Но ты будешь беречь ее, какъ если бы она была твоя родная дочь. Это нѣжный цвѣтокъ, Джонъ, слишкомъ слабый, чтобы оставаться безъ опоры и ухода. Обѣщай мнѣ, что ты будешь поступать съ ней по справедливости. Обѣщай!

— Обѣщаю, Джонъ!—проговорилъ Гирдльстонъ глубокимъ, растроганнымъ голосомъ; онъ стоялъ теперь выпрямившись, а когда умирающій говорилъ, то наклонялся надъ нимъ совершенно близко, чтобы уловить его слова.

Силы Харстона быстро падали; слабымъ движеніемъ онъ указалъ на толстую книгу въ темномъ кожаномъ переплетѣ, лежавшую на столѣ.

— Возьми эту книгу!—проговорилъ онъ.

Гирдльстонъ исполнилъ просьбу.

— Теперь повторяй за мной: «Клянусь и торжественно обѣщаю любить и оберегать, какъ свое родное дитя...—едва слышно говорилъ дрожащій и прерывающійся голосъ умирающаго, а за нимъ повторялъ рѣже слова глубокій басъ его друга,— Кэтъ Харстонъ, дочь моего умершаго друга... И, какъ я буду поступать съ нею, такъ пусть и моя плоть и кровь, мое единственное дитя поступаетъ со мною!... изнемогая договорилъ умирающій, и голова его откинулась на подушки.

Гирдльстонъ торжественно повторилъ за нимъ и эти послѣднія слова, и когда кончилъ, холодѣющія уста больного снова слабо зашевелились.

— Слава Богу!... Теперь я могу спокойно умереть!—про-

шепталъ онъ, и лицо его просвѣтлѣло, точно его озарила внутренняя радость.

— Отврати теперь помыслы свои отъ всего земного и отъ всей этой суеты мірской,—произнесъ Джонъ Гирдльстонъ угрюмо,—и сосредоточь ихъ на томъ, что вѣчно и никогда не можетъ умереть!

— Ты уходишь?—спросилъ печально умирающій, видя, что его другъ взялъ свою шляпу и палку.

— Да, я долженъ быть въ шесть часовъ въ Сити,—у меня тамъ дѣловое свиданіе, котораго я не могу избѣжать!

— И у меня также дѣловое свиданіе, котораго я не могу избѣжать!—сказалъ умирающій, слабо улыбаясь.

— Я сейчасъ пошлю къ тебѣ сидѣлку,—сказалъ Гирдльстонъ.—Прощай!

— Прощай! Господь тебя благослови, Джонъ!

Сильная, твердая рука здороваго человѣка на мгновеніе сжала слабую воспаленную руку больного; затѣмъ Гирдльстонъ, тяжело ступая, поспѣшно спустился съ лѣстницы. Такъ простились эти друзья, 40 лѣтъ сохранявшіе свою дружбу.

Глава фирмы Гирдльстонъ явился къ назначенному часу на свое дѣловое свиданіе, но еще прежде, чѣмъ онъ прибылъ на условное мѣсто, другъ его Харстонъ также явился къ назначенному часу на свиданіе, котораго онъ не могъ избѣжать,—на свиданіе со смертью!

II. Модная благотворительность.

Было скучное октябрьское утро. Со времени смерти Харстона прошло нѣсколько недѣль. Мозглый воздухъ Сити казался еще болѣе мозглымъ и туманнымъ изъ оконъ конторы фирмы Гирдльстонъ. Старый коммерсантъ, сѣрый, пасмурный и угрюмый, словно онъ былъ воплощеніемъ Лондонской погоды въ это утро, сидѣлъ передъ своимъ краснаго дерева столомъ и отмѣчалъ въ длинномъ спискѣ рыночныя цѣны и цѣны на биржѣ различныхъ товаровъ и цѣнность различныхъ бумагъ, въ которыя былъ вложенъ его капиталъ.

Противъ него, развалясь въ большомъ креслѣ, сидѣлъ Эзра, онъ казался невыспавшимся, съ темными кругами около глазъ.

— Фуй!—воскликнулъ отецъ, взглянувъ на него съ чувствомъ гадливости,—ты уже успѣлъ выпить сегодня, съ ранняго утра!

— Да, я выпилъ немного коньяку и содовой, по дорогѣ въ контору,—небрежно отозвался молодой человѣкъ,—мнѣ нужно было подкрѣпиться.

— Молодой человѣкъ въ твоемъ возрастѣ не долженъ нуждаться въ подкрѣпленіи. У тебя сильная, здоровая натура, но ею не слѣдуетъ злоупотреблять. Ты вернулся вчера, вѣроятно, очень поздно, потому что я легъ въ постель послѣ часа, а ты еще не возвращался!

— Мы играли въ карты съ майоромъ Клеттербекъ и еще двумя другими господами и, дѣйствительно, поздно засидѣлись.

— Ты игралъ съ майоромъ Клеттербекъ?

— Да!

— Не могу сказать, чтобы мнѣ было пріятно видѣть тебя въ обществѣ этого господина. Это игрокъ и пьяница: отъ него ничему хорошему ты не научишься; да онъ и самому себѣ никогда не сдѣлаетъ ничего хорошаго! Смотри, чтобы онъ не обобралъ тебя! Это такой человѣкъ!—Произнося эти слова, старый коммерсантъ, однако, инстинктивно сознавалъ, что послѣднее предостереженіе лишнее.

— Объ этомъ не безпокойся, отецъ,—недовольнымъ тономъ отозвался Эзра.—Кажется, я теперь уже въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ самъ можетъ выбирать себѣ друзей!

— Такихъ друзей, какъ этотъ?

— Мнѣ нравится знакомство съ людьми этого сорта. Ты, конечно, человѣкъ, создавшій себѣ успѣхъ, но въ соціальномъ отношеніи ты не можешь помочь мнѣ сдѣлать карьеру.—Мнѣ надо кого нибудь, кто бы указалъ мнѣ путеводную нить въ этотъ лабиринтъ, и маіоръ какъ разъ тотъ человѣкъ котораго я для этого выбралъ. Какъ только я сумѣю стоять самъ на своихъ ногахъ, я не замедлю извѣстить его объ этомъ!

— Чтожъ, иди своей дорогой, дѣлай какъ знаешь!—проговорилъ старикъ Гирдльстонъ. Этотъ человѣкъ, жесткій и непоколебимый по отношенію ко всему и ко всѣмъ, былъ мягокъ и податливъ только по отношенію къ своему сыну. Чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ всѣ разговоры между отцомъ и сыномъ почти неизмѣнно оканчивались этими словами.

— Но теперь дѣловое время, перейдемъ къ дѣламъ!—продолжалъ старикъ.—Я вижу, что вчера акціи «Иллинойсъ» стояли 112.

— А сегодня уже 113!

— Что? Развѣ ты побывалъ уже на биржѣ?

— Да, я заглянулъ туда по дорогѣ въ контору. Совѣтую держаться ихъ; онѣ еще нѣкоторое время будутъ подыматься!

Старикъ сдѣлалъ карандашомъ помѣтку на поляхъ вѣдомости.

— Думаю, что намъ нужно держаться также и хлопчатобумажныхъ!—продолжалъ отецъ.

— Нѣтъ, продавай ихъ сейчасъ же!—рѣшительно возразилъ Эзра.—Я только что видѣлъ молодого Фезерстона изъ Ливерпуля; не легко было разобраться въ томъ, что онъ говорилъ, но все же онъ успѣлъ достаточно проговориться, чтобы можно было заключить, что онѣ пойдутъ на пониженіе.

Старикъ снова сдѣлалъ помѣтку на поляхъ: онъ почти никогда не спорилъ съ сыномъ въ подобныхъ случаяхъ, такъ какъ долгій опытъ доказалъ ему, что сынъ его всегда говорилъ не безъ основанія.

— Возьми этотъ листъ, Эзра,—сказалъ старикъ,—и если найдешь нужнымъ измѣнить что нибудь, помѣть.

— Я это сдѣлаю тамъ, въ конторѣ,—отвѣтилъ сынъ, вставая съ мѣста,—тамъ я, по крайней мѣрѣ, могу присмотрѣть за этими лѣнтяями клерками, а то Гильрей не имѣетъ понятія, какъ ихъ заставить работать.

Выходя онъ столкнулся въ дверяхъ съ пожилымъ господиномъ въ бѣломъ жилетѣ, который, точно мальчикъ, отскочилъ обратно въ контору.

Съ почтительнымъ поклономъ Эзра прошелъ въ контору, а посѣтитель, войдя въ кабинетъ, былъ встрѣченъ старшимъ Гирдльстономъ. Судя по тому, какъ послѣдній пожималъ руки посѣтителю, можно было заключить, что это былъ человѣкъ съ извѣстнымъ вѣсомъ и положеніемъ. Это дѣйствительно былъ извѣстный филантропъ, мистеръ Джифферсонъ — Эдварсъ, членъ парламента, подпись котораго на биллѣ значила не многимъ меньше подписи Ротшильда.

— Какъ живете можете, Гирдльстонъ?—заговорилъ онъ, утирая лицо платкомъ. Это былъ забавный маленькій человѣчекъ, съ нервными, суетливыми движеніями и ласковой привѣтливой манерой.—Работаете, по обыкновенію? Все впередъ и впередъ, все въ ширь да въ ширь! Хе, хе... Удивительный вы человѣкъ! Поистинѣ удивительный!..

— Вамъ, какъ видно, жарко,—сказалъ коммерсантъ,—позвольте мнѣ предложить вамъ рюмочку Кларета, у меня есть какъ разъ бутылка здѣсь въ шкафу!

— Нѣтъ, благодарю васъ,—возразилъ посѣтитель, глядя на главу фирмы такими глазами, точно онъ былъ какая ни будь ботаническая рѣдкость.—Необычайный человѣкъ! Желѣзный Гирдльстонъ, да, такъ зовутъ васъ въ Сити. Не дурное прозвище, ха, ха, звучитъ не хуже, пожалуй, чѣмъ «желѣзный канцлеръ», право!.. Твердъ, какъ желѣзо, на взглядъ, но здѣсь, дорогой мой, мягокъ и нѣженъ,—и онъ черезъ столъ дотронулся набалдашникомъ своей трости до сюртука Гирдльстона въ томъ мѣстѣ, гдѣ должна находиться сердечная область. Посѣтитель при этомъ шумно и весело разсмѣялся,—глава же фирмы сдержанно улыбнулся только одними губами и легкимъ наклоненіемъ головы поблагодарилъ своего собесѣдника за лестное мнѣніе.

— Я собственно явился къ вамъ попрошайничать,—продолжалъ мистеръ Джефферсонъ, доставая изъ своего портфеля объемистый свертокъ бумагъ.—Я, вѣдь, зналъ, къ кому иду! Это знаете, любезнѣйшій, на увеличеніе средствъ «Общества поощренія соціальной эволюціи среди туземцевъ». Все, что имъ нужно,—это нѣсколько сотъ фунтовъ для начала ихъ дѣла; задача въ высшей степени благородная, цѣль—возвышенная...

— А въ чемъ она заключается?—спросилъ глава фирмы.

— Ну, какъ вамъ сказать, поощреніе эволюціи среди аборигеновъ,—смущенно пояснилъ мистеръ Джефферсонъ,—нѣчто въ родѣ практическаго осуществленія Дарвинизма.—Способствовать эволюціонированію ихъ въ высшій типъ, ну, чтобы сдѣлать ихъ всѣхъ, со временемъ, бѣлыми людьми. Профессоръ Вильдеръ прочелъ намъ блестящую лекцію по этому поводу. Если хотите, я пришлю вамъ тотъ № «Таймса», гдѣ напечатанъ отчетъ. Онъ говорилъ объ ихъ большихъ пальцахъ, которые эти люди не могутъ загнуть на ладонь, о томъ, что у нихъ зачаточные хвосты или, что они были у нихъ, пока не атрофировались путемъ умѣлаго подбора. Также и растительность па спинѣ;—они уничтожили ее, вытирая ее о стволы деревьевъ... Положительно удивительныя вещи! И все, что имъ требуется, это еще немного денегъ!

— Да, это, повидимому, заслуживающее вниманія дѣло!— серьезно замѣтилъ Гирдльстонъ.

— Я такъ и зналъ, что вы отнесетесь сочувственно къ этому дѣлу!—восхищенно воскликнулъ знаменитый филантропъ.—Понятно, при вашихъ сношеніяхъ съ туземными племенами Африки, ихъ культура и эволюція имѣютъ для васъ

громадное значеніе! Если вамъ приходится имѣть сношенія съ человѣкомъ, у котораго зачаточный хвостъ и который не въ состояніи загнуть свой большой палецъ, такъ это не особенно-то пріятно! Наша задача развить ихъ въ гуманитарномъ отношеніи, развить въ нихъ утонченные вкусы! Помните, Хьюеттъ, членъ «Royal Society», отправился въ прошломъ году для составленія отчетовъ о прогрессѣ культурныхъ началъ среди этихъ дикарей, и съ нимъ случился, можно сказать, довольно печальный случай; если не ошибаюсь, съ нимъ произошло непріятное приключеніе: утверждаютъ, что онъ былъ съѣденъ. Изъ этого вы видите, что мы уже имѣемъ своихъ мучениковъ! И самое меньшее, что мы можемъ сдѣлать, мы, которые смирненько сидимъ дома, въ своемъ углу,—это поддержать доброе дѣло по мѣрѣ силъ и возможности. Не правда-ли?

— Чьими подписями вы уже заручились?—спросилъ старый коммерсантъ.

— Вотъ смотрите!—сказалъ Джефферсонъ, развертывая списокъ подписавшихся: Спринггсъ—10; Мартонъ—10; Вигглесворсъ—5; Гаукинсъ—10; Индерманнъ—15; Думсъ—5; и еще весьма многіе подписали болѣе мелкія суммы.

— Какая до настоящаго времени наивысшая цифра?—спросилъ Гирдльстонъ.

— Всѣхъ больше подписалъ на это дѣло Индерманнъ, занимающійся импортомъ табака,—15 фунтовъ *)!

— Да, это хорошее дѣло,—проговорилъ Гирдльстонъ, обмакивая перо въ чернильницу.—Дающая рука... помните, что говорится о ней въ Священномъ Писаніи... Отчетъ о пожертвованіяхъ, конечно, будетъ отпечатанъ, опубликованъ и разосланъ?

— Само собою!

— Вотъ и мой чекъ на 25 фунтовъ. Я счастливъ, что имѣю случай содѣйствовать возрожденію этихъ несчастныхъ, которымъ Провидѣніе отвело мѣсто въ низшей сферѣ, чѣмъ мнѣ и вамъ!

— Гирдльстонъ!—воскликнулъ растроганнымъ голосомъ членъ Парламента, убирая въ свой бумажникъ чекъ своего собесѣдника,—вы прекрасный человѣкъ, я этого не забуду, другъ мой! Никогда не забуду!

— Богатство также имѣетъ свои обязательства, и благотворительность—одно изъ нихъ,—наставительно произнесъ

*) Фунтъ, или фунтъ стерлинговъ, около 10 рубл. на наши деньги.

Гирдльстонъ, пожимая протянутую ему руку филантропа.— Прощайте, сэръ, не откажите увѣдомить меня, когда наши труды на пользу ближнихъ увѣнчаются успѣхами. Буду вамъ за это очень признателенъ! Въ случаѣ, если бы понадобилось еще больше денегъ, вы знаете, гдѣ ихъ найти: я всегда къ вашимъ услугамъ!

На лицѣ главы фирмы появилась саркастическая улыбка въ тотъ моментъ, когда онъ затворялъ дверь своего кабинета за гостемъ. «Это, кажется, разумное помѣщенiе денегъ!»—пробормоталъ онъ про себя, снова опускаясь въ свое кресло у стола.—Съ его значенiемъ въ Парламентѣ и влiянiемъ въ финансовыхъ сферахъ, этотъ человѣкъ можетъ очень пригодиться! Кромѣ того, и на подписномъ листѣ это выходитъ не дурно: больше всѣхъ пожертвовалъ Гирдльстонъ, бросилъ самую крупную подачку, не глядя на что.—Это внушаетъ довѣрiе къ фирмѣ. Да, думаю, что эти деньги израсходованы съ толкомъ!

Эзра вѣжливо поклонился проходившему черезъ контору мистеру Джефферсону, а старшiй клеркъ, мистеръ Гирьлей, предупредительно отворилъ ему дверь. Проходя мимо него, Джефферсонъ ласково потрепалъ его по плечу и произнесъ своимъ торопливымъ, ласковымъ тономъ:

— Счастливецъ!—Служитъ у такого человѣка!—Такой прекрасный примѣръ, которому должно подражать.—Это большой человѣкъ! Да! Подражайте ему, слѣдуйте его указанiямъ, это вѣрнѣйшiй путь къ успѣху!—съ этими словами онъ скрылся за дверью и побѣжалъ вдоль улицы въ поискахъ новыхъ жертвователей для своей новой филантропической затѣи.

III. Томасъ Гильрей также дѣлаетъ выгодное помѣщенiе денегъ.

Неуклюжiй маленькiй человѣчекъ еще стоялъ у дверей, въ которыя только что вышелъ филантропъ, и сопоставлялъ въ умѣ своемъ его несвязныя слова, стараясь составить изъ нихъ дѣльное наставленiе, которое онъ могъ бы унести домой и тамъ на досугѣ хорошенько обдумать, когда его вниманiе было привлечено блѣдной женщиной съ ребенкомъ на рукахъ, топтавшейся у двери и не рѣшавшейся войти. Она смотрѣла на старшаго клерка упорнымъ взглядомъ, словно хотѣла и не рѣшалась заговорить съ нимъ. Но уловивъ, вѣроятно, добродушное выраженiе на его желтомъ, сморщенномъ лицѣ, она, наконецъ, подошла къ нему.

— Какъ вы думаете, можно мнѣ будетъ видѣть мистера Гирдльстона, сэръ?—вѣжливо спросила она.—Или, быть можетъ, вы сами и есть мистеръ Гирдльстонъ?

Платье на ней было самое жалкое, а глаза опухли отъ слезъ.

— Мистеръ Гирдльстонъ въ своемъ кабинетѣ!—ласково отвѣтилъ старшій клеркъ.—Но я не сомнѣваюсь, что онъ приметъ васъ, если вы пожелаете немного обождать!

Если бы онъ обращался къ важной дамѣ, выряженной въ шелка и дорогіе мѣха, какія иногда являлись въ контору, то не могъ бы говорить болѣе вѣжливо и предупредительно. Повидимому, въ наши дни, когда рыцарская вѣжливость исчезла съ лица земли, какъ мы полагаемъ,—на самомъ дѣлѣ, покинувъ избранный кругъ, она нашла себѣ убѣжище въ самыхъ странныхъ и незамѣтныхъ мѣстахъ.

Глава фирмы посмотрѣлъ удивленнымъ и недовѣрчивымъ взглядомъ на свою посѣтительницу, которую только что проводилъ къ нему старшій клеркъ.

— Садитесь,—вотъ стулъ!—проговорилъ онъ.—Что я могу сдѣлать для васъ?

— Я, мистеръ Гирдльстонъ—мистриссъ Гудсонъ!—начала посѣтительница, робко усаживаясь на кончикъ стула.

Она сильно устала, такъ какъ издалека пришла пѣшкомъ.

— Гудсонъ? Что то не помню!—произнесъ Гирдльстонъ.

— Джимъ Гудсонъ, — продолжала женщина,—онъ былъ моимъ мужемъ;—онъ много лѣтъ плавалъ на вашемъ суднѣ «Черный Орелъ». Онъ отправился, чтобы заработать что нибудь для меня и нашего ребенка, сэръ, но умеръ отъ лихорадки, бѣдняга, и теперь лежитъ на днѣ моря съ пушечнымъ ядромъ, привязаннымъ къ ногамъ. Мнѣ это говорилъ судовый плотникъ, который зашивалъ его въ парусъ... Я желала-бы и сама умереть и лежать теперь подлѣ него—видитъ Богъ!—И она принялась всхлипывать и стонать; ребенокъ ея вдругъ проснулся отъ этихъ звуковъ, протеръ глазенки и принялся разглядывать главу фирмы и его кабинетъ съ критическимъ и философскимъ видомъ, свойственнымъ дѣтямъ.

— Успокойтесь, прошу васъ,—проговорилъ старый Гирдльстонъ,—вспомнивъ въ то же время, что бѣда, предсказанная ему сегодня утромъ сыномъ, начинаетъ уже надвигаться, и при этомъ еще разъ изумляясь удивительному дару предвидѣнія, которымъ обладалъ Эзра.

— Ахъ, какъ мнѣ было трудно, сэръ! Какъ трудно и тяжело,—продолжала женщина, вытирая глаза, но все еще всхлипывая время отъ времени.—Когда я услышала, что «Черный Орелъ» вошелъ въ рѣку, я потратила свои послѣдніе гроши, чтобы приготовить Джиму хорошенькій ужинъ, баранины и яичекъ,—это онъ всего больше любилъ, да пинту горькой—полбутылочку виски,—которую онъ могъ бы выпить горячей, въ видѣ грога, такъ какъ, вѣроятно, вернется озябшій да къ тому-же прямо изъ теплыхъ краевъ. Приготовила и вышла на улицу; пошла къ рѣкѣ и, наконецъ, увидѣла «Чернаго Орла». Я тотчасъ же узнала его двѣ бѣлыхъ полосы на кормѣ и скоро различила крикъ попугаевъ, оглашавшихъ воздухъ съ палубы. Затѣмъ я увидѣла головы нѣкоторыхъ изъ людей экипажа и стала махать платкомъ; одинъ изъ нихъ отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же.—Да, твой Джимъ всегда узнаетъ свою маленькую жену, сказала я себѣ и побѣжала со всѣхъ ногъ къ тому мѣсту, гдѣ они должны были пристать. Но я была такъ взволнована, что едва видѣла, куда иду, а тутъ еще толпа: рабочіе возвращались съ работъ. Когда я подоспѣла къ пристани, судно уже пристало. Я взбѣжала на палубу, и первый человѣкъ, котораго я увидѣла, былъ Санди Макъ Ферсонъ, котораго я знала еще у себя на родинѣ. «Гдѣ Джимъ?—закричала я, подбѣгая къ нему и мимо него на бакъ, но онъ схватилъ меня за руку.—«Тише, дѣвушка, тише! Не спѣши!»—шутливо остановилъ онъ меня. Я взглянула ему въ лицо; лицо его было очень печально; и вдругъ сердце во мнѣ упало, и колѣни задрожали. «Гдѣ Джимъ?—спрашиваю я,—а онъ:—«Не спрашивай!» говоритъ; тогда я смотрю на него и кричу.—«Нѣтъ! нѣтъ, не говори мнѣ ничего. Не говори! не надо!» Я все поняла, и теперь ужъ было безразлично, что бы онъ ни сказалъ: въ глазахъ у меня потемнѣло, и я лишилась сознанія. Помощникъ капитана нанялъ кэбъ и отвезъ меня домой; когда я пришла, наконецъ, въ себя, вижу: ужинъ стоитъ на столѣ; посуда вся начищена, и въ горницѣ все такъ по праздничному прибрано, и ребенокъ спрашиваетъ меня.—«А гдѣ же отецъ?»—Вѣдь я сказала ему, что отецъ вернулся и привезъ ей гостинецъ изъ Африки, а онъ, голубчикъ, лежитъ тамъ на днѣ моря... Ахъ, сэръ... это просто надорвало мою душу!

— Да, конечно, это большое горе,—отозвался старый коммерсантъ, сочувственно качая своей сѣдой головой.—Но этого рода вещи посылаются намъ Провидѣніемъ, какъ испытанія, мистриссъ Гудсонъ.—Онѣ учатъ насъ не отдаваться такъ все-

цѣло житейской суетѣ, а стремиться къ высшей, вѣчной цѣли. Всѣ мы—несчастные, близорукіе люди, не видящіе дальше своего носа, а между тѣмъ не рѣдко то, что кажется намъ непоправимымъ несчастьемъ, на самомъ дѣлѣ является исходной точкой нашего дальнѣйшаго благополучія!

— Благослови васъ Богъ, сэръ!—сказала несчастная вдова,—вы по истинѣ добрый господинъ и говорите мнѣ такія хорошія слова, что мнѣ становится словно легче на сердцѣ.

— У каждаго изъ насъ свои горя, у кого больше, у кого меньше!—продолжалъ глава фирмы,—но мы не должны падать духомъ. А теперь я долженъ пожелать вамъ всего лучшаго, мистриссъ Гудсонъ, и прошу васъ вѣрить моему самому сердечному сочувствію къ вамъ!

Женщина поднялась и съ минуту стояла въ нерѣшимости, словно хотѣла еще что то сказать, наконецъ, рѣшилась

— А позвольте васъ спросить, когда мнѣ можно будетъ получить остальное содержаніе Джима, сэръ?—спросила она дрожащимъ голосомъ.—У меня почти все въ домѣ заложено; мы съ ребенкомъ ослабѣли отъ голода!

— Остальное содержаніе вашего мужа? — переспросилъ Гардльстонъ, снимая съ полки большую счетную книгу и проворно перелистывая ее.—Мнѣ думается, что здѣсь вкралась какая-то ошибка, мистриссъ Гудсонъ.—Позвольте, я сейчасъ посмотрю... Даусонъ,—Деффильдъ, — Евгрардъ, — Франсисъ,—Гюнтеръ,—Гудсонъ... вотъ, вотъ, Гудсонъ, боцманъ, на «Черномъ Орлѣ». Его содержаніе, какъ видно по книгамъ, было 5 ф. въ мѣсяцъ. Плаваніе продолжалось всего 8 мѣсяцевъ, но онъ умеръ, когда судно находилось всего лишь два мѣсяца въ плаваніи, а между тѣмъ вы здѣсь все это время получали половинное жалованье. Изъ этого вы видите, что ему за службу слѣдовало всего 12 фунтовъ, а вы уже получили гораздо больше, именно 20 фунтовъ; значитъ, вы еще получили 8 фунтовъ лишнихъ. Мы, конечно, не станемъ говорить объ этихъ деньгахъ въ настоящее время,—добавилъ главный представитель фирмы съ видомъ великолѣпнаго великодушія.—Когда вы устроитесь, и ваши дѣла нѣсколько поправятся, вы вернете намъ слѣдуемое. Но вы, понятно, не можете и разсчитывать, чтобы мы еще сверхъ того оказали вамъ какую-нибудь поддержку, въ настоящее время!

— Но, сэръ, у меня не осталось рѣшительно ничего!—отчаяннымъ воплемъ вырвалось изъ устъ бѣдной вдовы.

— Весьма сожалѣю о томъ,—но вамъ слѣдуетъ обратиться не къ намъ; вы сами это можете понять, послѣ того какъ я разъяснилъ вамъ положеніе вещей. Прощайте! Желаю вамъ удачи и надѣюсь, что вы время отъ времени будете извѣщать насъ о томъ, какъ вамъ живется. Мы всегда живо интересуемся семьями тѣхъ, кто служилъ у насъ. Прощайте, мистриссъ Гудсонъ!—и Гирдльстонъ отворилъ дверь, давая понять убитой горемъ женщинѣ, что аудіенція окончена.

Едва держась на ногахъ, несчастная шатаясь вышла изъ кабинета и черезъ контору направилась къ выходу съ ребенкомъ на рукахъ.

Очутившись на улицѣ, она обвела вокругъ себя недоумѣвающимъ взглядомъ, словно не могла дать себѣ отчета, гдѣ она находится и что съ ней. Старшій клеркъ тревожнымъ взглядомъ проводилъ женщину и, стоя въ дверяхъ, оглянулся назадъ въ контору, на своихъ сослуживцевъ, поглощенныхъ работой, на Эздру Гирдльстона, занятаго какимъ-то отчетомъ, и, незамѣтно подкравшись къ женщинѣ, которая все еще не трогалась съ мѣста, съ робкой улыбкой на лицѣ сунулъ ей что то въ руку и поспѣшно вернулся на свое мѣсто съ такимъ строгимъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ на лицѣ, словно всѣ его помыслы были всецѣло поглощены дѣлами фирмы. Существуютъ спекуляціи, которыя выше пониманія дѣловыхъ людей. Можетъ быть, Томасъ Гильрей, твои необдуманно израсходованные гроши, отданные несчастной вдовѣ,—принесутъ тебѣ болѣе крупные проценты, чѣмъ тѣ 25 фунтовъ твоего принципала, отданные на никому не нужную филантропическую затѣю, которые онъ считалъ выгоднымъ помѣщеніемъ денегъ.

IV. Капитанъ Гамильтонъ Миггсъ.

Едва только глава фирмы Гирдльстонъ и К° успѣлъ немного придти въ себя и привести въ порядокъ свои чувства, послѣ тяжелой обязанности, принятой имъ на себя, разъясненія вдовѣ Гудсонъ ея финансоваго положенія, какъ чуткій слухъ его уловилъ въ конторѣ чьи то непривычные, тяжелые шаги. Одновременно съ этимъ онъ услышалъ чей то грубый, сиплый голосъ, требовавшій, въ болѣе энергичныхъ, чѣмъ это обыкновенно принято, выраженіяхъ, чтобы ему сообщили, можетъ-ли онъ видѣть главу фирмы или нѣтъ. Очевидно, послѣдовалъ удовлетворительный отвѣтъ, такъ какъ громкіе, тяжелые шаги стали прибли-

жаться, и сильный громкій стукъ въ дверь возвѣстилъ, что посѣтитель стоитъ у дверей.

— Войдите!—крикнулъ мистеръ Гирдльстонъ, положивъ на столъ перо.

Въ отвѣтъ на это приглашеніе, дверь медленно и постепенно стала отворяться, и въ комнату проникъ только сильный запахъ спирта, и ничего болѣе.

— Войдите!—нетерпѣливо повторилъ коммерсантъ.

Послѣ этого вторичнаго приглашенія, въ дверь просунулась сперва копна черныхъ всклокоченныхъ волосъ, затѣмъ мѣдно-красный, потный лобъ съ парой очень густыхъ и всклокоченныхъ бровей, а подъ ними пара вытаращенныхъ, какъ у рака, почти неподвижныхъ глазъ, выцвѣтшихъ и странныхъ, какъ у человѣка больного.

Глаза эти долго смотрѣли сперва на главу фирмы, затѣмъ на все окружающее, и только послѣ того, какъ результаты осмотра успокоили обладателя этихъ глазъ,—показалась и остальная часть лица, т. е. приплюснутый широкій несъ, большой ротъ съ отвислой нижней губой, обнажавшей рядъ крупныхъ крѣпкихъ зубовъ съ сильнымъ табачнымъ налетомъ и густую всклокоченную черную бороду съ нагляднымъ доказательствомъ того, что владѣлецъ ея кушалъ поутру яйца въ смятку. Послѣ того, какъ изъ-за двери появилась эта голова, вскорѣ послѣдовало и туловище, все тѣмъ-же постепеннымъ порядкомъ выдвигавшееся изъ-за двери, пока, наконецъ, вся эта странная фигура не вырисовалась на порогѣ кабинета. Это былъ крѣпко сложенный, старый морякъ, въ синей форменной курткѣ и такого-же цвѣта брюкахъ, съ форменной парусинной фуражкой въ рукахъ. Сдѣлавъ неуклюжій короткій поклонъ, болѣе похожій на кивокъ, чѣмъ на поклонъ, и неловко шаркнувъ ногой, этотъ любопытный субъектъ, непріятно осклабившись, еще издали протянулъ владѣльцу фирмы свою огромную широкую, какъ лопату, и изукрашенную грубыми эмблемами, волосатую руку, въ знакъ привѣтствія.

— Радъ васъ видѣть, капитанъ!—произнесъ глава фирмы, подымаясь и сердечно, съ жаромъ пожимая протянутую къ нему руку.—Очень радъ, что вижу васъ цѣлымъ и невредимымъ!

— Я также радъ васъ видѣть, сэръ, очень радъ!—отвѣчалъ густымъ сиплымъ басомъ гость; онъ говорилъ съ какой-то странной нерѣшительностью, какъ человѣкъ сильно пьяный.—Я пришелъ къ вамъ съ нѣкоторой осторожностью, да, потому что

я не зналъ, кто еще могъ быть здѣсь. Когда вы и я говоримъ между собой, то можемъ говорить съ глаза на глазъ... Понимаете?..

Старый коммерсантъ молча поднялъ брови, словно онъ не совсѣмъ принималъ необходимость такой интимной бесѣды, на которую намекалъ его собесѣдникъ.

— Не лучше-ли было-бы вамъ сѣсть, капитанъ?—замѣтилъ онъ.

Въ отвѣтъ на предложеніе, капитанъ взялъ бамбуковый стулъ и отнесъ его въ самый дальній конецъ комнаты, затѣмъ уставился въ глухую стѣну позади стула и нѣкоторое время внимательно всматривался въ нее, послѣ чего, постучавъ въ нее согнутымъ пальцемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и внимательно прислушиваясь къ звуку, наконецъ, сѣлъ на принесенный имъ стулъ, продолжая все еще оглядываться назадъ время отъ времени, словно опасался, что кто-нибудь стоитъ за его спиной.

— Я сегодня немножко перехватилъ подкрѣпительнаго,—проговорилъ онъ, какъ-бы извиняясь.—Я, видите ли, люблю быть увѣренъ, что у меня нѣтъ никого за спиной.

— Вамъ слѣдовало бы бросить эту скверную привычку пить!—сказалъ мистеръ Гирдльстонъ.—Это безполезная и преступная трата нашихъ лучшихъ способностей. Вы только вредите себѣ этимъ и въ настоящей жизни, и въ будущей!

Но этотъ трогательный совѣтъ, повидимому, не произвелъ на капитана Гамильтона Миґгса ни малѣйшаго впечатлѣнія. Напротивъ, онъ разсмѣялся глухимъ, отрывистымъ смѣхомъ и, осклабившись, громко ударилъ себя по ляшкѣ, послѣ чего выразилъ свое мнѣніе, что его принципалъ «чудакъ!» Это убѣжденіе было настолько сильно въ немъ, что онъ не могъ удержаться, чтобы не повторить еще нѣсколько разъ про себя этотъ эпитетъ со всевозможными оттѣнками интонаціи.

— Ну, ну,—примирительно проговорилъ послѣ нѣкотораго молчанія Гирдльстонъ.—Какъ видно, мальчики—всегда останутся мальчиками, а моряки—я полагаю—моряками! Послѣ восьми мѣсяцевъ хлопотъ, тревогъ и всякаго рода опасностей, закончившихся, долженъ сознаться, успѣхомъ,—кое какая маленькая поблажка можетъ быть позволительна. Какъ видите я не примѣняю къ другимъ ту-же строгую мѣрку, какъ къ самому себѣ,—и менѣе требователенъ къ другимъ, чѣмъ къ себѣ и своему поведенію!—Но и эта примирительная рѣчь оказала столь-же мало дѣйствія на закосѣлаго Миггса, вызвавъ въ немъ

только новый приступъ того-же глухого, прерывистаго смѣха и повтореніе того же эпитета по адресу своего начальства. Наконецъ, онъ смолкъ и погрузился въ сонливое созерцаніе ковра на полу; тогда мистеръ Гирдльстонъ снова обратился къ нему:

— Поздравляю васъ, капитанъ, съ прекраснѣйшимъ грузомъ и желаю вамъ такой же удачи въ слѣдующемъ вашемъ плаваніи!

— Слоновая кость и золотоносный песокъ, шкуры и камедь, кошениль и каучукъ, черное дерево, рисъ, табакъ, масло, плоды и орѣхи... Я желалъ бы видѣть лучшій грузъ!—вызывающе отозвался старый морякъ.

— Я и говорю, превосходный грузъ, капитанъ, дѣйствительно, превосходный... Если не ошибаюсь, три человѣка изъ вашего экипажа умерло.

— Ну, да!—Трое изъ этихъ шелопаевъ, дѣйствительно, отправились на тотъ свѣтъ. Двое—отъ лихорадки, а третій отъ укуса змѣи. Мнѣ просто тошно смотрѣть, чѣмъ становятся въ настоящее время моряки. Когда я еще лазалъ по мачтамъ,—мы въ то время постыдились бы умирать отъ такихъ пустяковъ! ха, ха! Посмотрите на меня! Я хворалъ лихорадкой шестнадцать разъ; у меня была желтуха и дисентерія; въ Андаманѣ меня ужалила черная кобра; кромѣ того, у меня была холера. И что же все это сдѣлало со мной?—Ровно ничего! Случилась эта холера у насъ, когда мы были съ нашимъ «купцомъ» на Сандвичевыхъ островахъ, и изъ нашего экипажа въ 10 человѣкъ семеро умерло, а я остался живъ! Но вотъ, что я скажу вамъ, директоръ; не найдется-ли у васъ здѣсь капли чего-нибудь, чтобы промочить горло?

Гирдльстонъ поднялся со своего мѣста, досталъ изъ шкафа бутылку и налилъ своему собесѣднику небольшой стаканчикъ рома.

Капитанъ опорожнилъ его съ видимымъ наслажденіемъ, затѣмъ, поставивъ обратно пустой стаканъ на подносъ, облегченно вздохнулъ.

— Ну, а теперь, скажите по совѣсти,—обратился онъ ко главѣ фирмы, сопровождая свои слова непріятной, безцеремонной усмѣшкой,—вы не удивились нашему возвращенію? Хе? Говорите напрямикъ! Что тутъ!

— Это старое судно еще крѣпко и можетъ снести еще не мало груза!—проговорилъ коммерсантъ.

— Не мало груза! Ха, ха!.. Да я думалъ, что оно тутъ же

въ заливѣ расползется по всѣмъ швамъ! Мы, сударь, провели такую ночь при West-sud-West, что потомъ трое сутокъ не могли отдѣлаться отъ мысли о смерти; всѣ, сколько насъ ни было. А вы знаете, я не трусъ, сэръ! Мы ни на одну секунду не могли поручиться за свою жизнь цѣлыхъ трое сутокъ, а послѣ того каждую минуту ждали, что вотъ-вотъ такъ и пойдемъ ко дну. Судно было, въ сущности, никуда не годно ужъ тогда, когда мы уходили изъ Англіи, а тамъ солнце выварило изъ него всю смолу, такъ что въ любой шовъ вы могли бы просунуть палецъ! Два дня и три ночи мы не переставали выкачивать воду изъ трюма; мы потеряли марсель, у насъ снесло парусъ,—и видитъ Богъ, я не думалъ, что снова увижу Лондонъ.

— Если это судно могло вынести такую бурю, то значитъ, оно можетъ совершить еще и другое плаваніе!—спокойно замѣтилъ глава фирмы.

— Оно можетъ отправиться въ плаваніе, да!—угрюмо и выразительно отчеканилъ морякъ, но можно поручиться, что оно не вернется.

— Ну, полноте! Вы не совсѣмъ здоровы сегодня, мистеръ Миггсъ! Мы очень цѣнимъ васъ, какъ отважнаго, безстрашнаго моряка!... Позвольте, я налью вамъ еще стаканчикъ... Какъ человѣка, который не страшится кое-какого небольшого риска тамъ, гдѣ можно что нибудь нажить. Вы не портите свою репутацію, если станете говорить и поступать въ такомъ духѣ!

— Судно въ ужасно плохомъ состояніи!—упорно настаивалъ капитанъ,—вамъ придется непремѣнно приступить къ починкѣ прежде, чѣмъ опять услать его въ море!

— Что же намъ придется съ нимъ сдѣлать?

— Поставить въ доки, основательно высушить и сдѣлать новую, крѣпкую обшивку. Иначе оно можетъ затонуть прежде, чѣмъ мы успѣемъ выйти изъ канала, если пустить его въ томъ видѣ, какъ оно есть!

— Прекрасно,—холодно отозвался глава фирмы,—разъ вы настаиваете на этомъ, это, конечно, придется сдѣлать! Но понятно, что это составитъ значительную разницу въ вашемъ содержаніи!

— Хе! Это почему?

— Вы въ настоящее время получаете 15 фунтовъ въ мѣсяцъ и пять процентовъ съ коммиссіи.—Но, вѣдь, это исключительныя условія, въ зависимости отъ извѣстнаго риска, которому вы себя подвергаете. Мы сдѣлаемъ все, что вы говорите.

«Черный Орелъ» будетъ приведенъ въ полный порядокъ, но ваше содержаніе съ настоящаго времени будетъ 10 ф. въ мѣсяцъ и $2\frac{1}{2}\%$ коммиссіонныхъ.

— Стойте! Стойте!—закричалъ морякъ, и мѣдно-красное лицо его замѣтно побагровѣло, а въ глазахъ загорѣлся ядовитый огонекъ.—Не добивайте меня! Не доводите до крайности, проклятые!—шипѣлъ онъ, подвигаясь къ столу и опершись на него обѣими руками и въ то же время приближая свое разсвирѣпѣвшее лицо все ближе и ближе къ собесѣднику.—Не пробуйте затѣвать эту игру, не забудьте, что я вольный англійскій морякъ, и ни у кого подъ кулаками быть не желаю! Слышите, пріятель?

— Вы пьяны!—сказалъ глава фирмы.—Сядьте!

— Вы еще убавите мнѣ экипажа,—не такъ-ли?—продолжалъ ревѣть капитанъ Гамильтонъ Миггсъ, постепенно возбуждая себя до полнаго бѣшенства.—Вы сбавляете мнѣ содержаніе, мнѣ, который работалъ на васъ, обогащалъ васъ, рисковалъ для васъ своею жизнью!—Попробуйте только, директоръ, попробуйте, говорю я вамъ! А что, если я выболтаю эту маленькую исторію съ закрашиваніемъ правительственнаго ревизіоннаго клейма? Что грозитъ въ такомъ случаѣ уважаемой фирмѣ Гирдльстонъ и К°?—Знаете?

— Что вы хотите сказать?

— Что я хочу сказать! Да развѣ вы не знаете, что я хочу сказать? Ну, конечно! Вѣдь, не вы заставили насъ выйти въ море ночью и закрасить клеймо правительственной ревизіи, чтобы имѣть возможность перегрузить судно свыше нормы и затѣмъ возстановить снова это правительственное клеймо, свидѣтельствующее о законномъ досмотрѣ. Кто это приказалъ дѣлать? Не вы?

— Вы осмѣливаетесь утверждать, что...

— Тысяча проклятій! Конечно, я утверждаю!

Гирдльстонъ нѣсколько разъ ударилъ въ гонгъ, стоявшій у него на столѣ.

— Гильрей,—обратился онъ совершенно спокойно къ показавшемуся въ дверяхъ старшему клэрку,—выйдите на улицу и пригласите сюда полисмена!

Капитанъ Гамильтонъ Миггсъ казался нѣсколько озадаченнымъ этимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла.

— Держи руль прямо! Директоръ, что это вы задумали?—спросилъ онъ.

— Я хочу отдать васъ въ руки полиціи!—спокойно отвѣчалъ глава фирмы.

— Для чего? По какому поводу?

— По тому случаю, что вы осмѣливаетесь грозить мнѣ и вымогать у меня деньги подъ ложными предлогами!

— У васъ нѣтъ свидѣтелей!—воскликнулъ морякъ полу-вызывающимъ, полу-оробѣвшимъ голосомъ.

— Вы ошибаетесь, они есть!—проговорилъ Эзра, входя въ комнату. Онъ стоялъ между дверями, ведущими въ кабинетъ отца изъ конторы, и слышалъ весь конецъ разговора.—Продолжайте, капитанъ! Вы только что сказали, что если мой отецъ не увеличитъ вашего вознагражденія, то вы очерните его въ глазахъ общества и власти!

— Я вовсе не это хотѣлъ сказать,—угрюмо и глухо вымолвилъ капитанъ Миггсъ, нервно переводя глаза съ сына на отца и съ отца на сына. Дѣло въ томъ, что въ своей ранней молодости капитанъ былъ хорошо извѣстенъ полиціи и потому не имѣлъ теперь желанія возобновлять это знакомство.

— Кто закрашивалъ клеймо на досмотрѣнномъ суднѣ?—спросилъ коммерсантъ.

— Я!

— Сдѣлали вы это по чьему либо приказанію?

— Нѣтъ!

— Полисменъ здѣсь, прикажете провести его сюда, сэръ?—спросилъ Гильрей, пріотворяя дверь.

— Попросите его подождать!—сказалъ Гирдльстонъ.—А теперь, капитанъ, вернемся къ основной темѣ нашего разговора. Будемъ мы сушить и мѣнять обшивку «Чернаго Орла» и убавлять ваше содержаніе или же вы найдете возможнымъ опять отправиться на этомъ суднѣ на прежнихъ условіяхъ?

— Хорошо, я отправлюсь, и пусть я буду проклятъ!—буркнулъ сердито капитанъ, засунувъ руки въ карманы своихъ брюкъ и плюхнувшись въ близъ стоявшее кресло.

— Прекрасно!—угрюмо замѣтилъ глава фирмы,—но замѣтьте, что клясться грѣшно. Эзра, отошли полисмена и извинись передъ нимъ за безпокойство!—обратился старикъ къ сыну.

— Вамъ не удастся провести «Чернаго Орла» черезъ досмотръ, если вы не сдѣлаете съ нимъ чего нибудь...—угрюмо пробормоталъ морякъ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, не глядя на своего собесѣдника.

— Ну, понятно, что мы что-нибудь сдѣлаемъ! Наша фирма не скупится на необходимые расходы; она желаетъ только избѣжать ненужныхъ тратъ. Мы его перекрасимъ, засмолимъ, гдѣ нужно, законопатимъ, приведемъ въ порядокъ снасти. Это крѣпкое, прочное старое судно и съ такимъ смѣлымъ, отважнымъ и опытнымъ морякомъ, какъ вы, подъ командой такого капитана оно совершитъ еще много плаваній!—закончилъ уже совершенно довольнымъ тономъ глава фирмы.

Но его собесѣдникъ казался менѣе довольнымъ.

— Мнѣ вы платите за рискъ, какъ вы только что изволили высказать!—съ угрюмымъ сарказмомъ вымолвилъ Миггсъ;—но не жестоко-ли, не грѣшно-ли это по отношенію къ тѣмъ другимъ, моимъ помощникомъ и служащимъ?

— Во всемъ есть рискъ, дорогой капитанъ! Въ мірѣ нѣтъ ничего такого, что бы не было сопряжено съ извѣстнымъ рискомъ. Вы помните, что говорится вообще о морякахъ: «имъ дано счастье увидѣть глубь морскую, а взамѣнъ этого суждена маленькая опасность». Въ сущности, вѣдь, и мой домъ въ Экклестонѣ тоже можетъ быть разрушенъ землетрясеніемъ или снесенъ циклономъ, но зачѣмъ мнѣ постоянно думать объ этомъ? Нѣтъ никакой надобности предрѣшать заранѣе, что съ «Чернымъ Орломъ» непремѣнно должно случиться несчастье!

Логика главы фирмы заставила капитана молчать, но, видимо, вовсе не убѣдила его.

— Ну, ну!—промычалъ онъ сердито.—Я отправлюсь, и дѣло съ концомъ. Значитъ, нечего больше и говорить объ этомъ; только время терять. У васъ свой разсчетъ пускать въ море сгнившія судна; у меня разсчетъ плавать на нихъ; такъ и покончимъ на этомъ нашъ разговоръ!

— Не желаете-ли еще стаканчикъ рома?

— Нѣтъ, ни единой капли!

— А почему нѣтъ?

— Потому, что я люблю, чтобы у меня голова была свѣжа, когда мнѣ приходится разговаривать съ вами, мистеръ Гирдльстонъ. Выйдя за двери вашей конторы, я опять буду пить, сколько душа запроситъ. Но не желаю говорить о дѣлахъ и напиваться въ то же время. Когда вы желаете, чтобы я отправился?

— Когда «Черный Орелъ» будетъ разгруженъ и вновь нагруженъ и приведенъ въ надлежащій видъ, не ранѣе трехъ,

четырехъ недѣль, я полагаю. Я поджидаю къ этому времени Спэндера съ «Афинской Дѣвой». Какъ вы думаете, вернется онъ къ этому времени?

— Если ничего не случится съ нимъ въ пути!—мрачно и многозначительно сказалъ капитанъ Гамильтонъ Миггсъ, съ недоброй усмѣшкой.—Онъ былъ у Сіерра-Леона, когда мы проходили мимо береговъ. Я не могъ зайти туда, потому что «швабры» донесли на меня, что я пустилъ зарядъ въ негра.

— Это былъ дурной, необдуманный поступокъ,—строго и наставительно замѣтилъ старый коммерсантъ.—Вы должны принимать во вниманіе интересы фирмы, Миггсъ! Мы не можемъ допустить, чтобы прекрасный торговый портъ былъ закрытъ для нашихъ судовъ, вслѣдствіе вашей неосмотрительности. Что же, это обвиненіе противъ васъ было письменное?

— Да, другой негръ привезъ его мнѣ на судно!

— Читали вы его?

— Нѣтъ; я выкинулъ его за бортъ!

— А что же сталось съ негромъ?

— Что съ нимъ сталось?—повторилъ Миггсъ съ злой усмѣшкой.—Видите, когда я выкидывалъ бумагу за бортъ, онъ слишкомъ крѣпко цѣплялся за нее. Ну, и понимаете, тоже выкинулся за бортъ, а я снялся съ якоря и ушелъ!

— Въ тѣхъ мѣстахъ водятся акулы?

— Не особенно много!

— Право, Миггсъ, вы должны обуздывать себя. Вы нарушили пятую заповѣдь и надолго заперли портъ Фритоунъ для «Чернаго Орла».

— Этотъ портъ всегда былъ ничего нестоющій!—пробурчалъ капитанъ.—Я бы не далъ гроша за всѣ эти британскіе порты. Я люблю имѣть дѣло съ настоящими неграми, съ ребятами, которымъ не знакомы никакіе законы и никакая тому подобная мерзость; съ ними я сговорюсь какъ нельзя лучше.

— Я всегда удивлялся вашему умѣнью ладить съ ними,—проговорилъ Гирдльстонъ.—Вамъ удается собрать прекраснѣйшій, можно сказать, завидный грузъ тамъ, гдѣ опытнѣйшіе шкипера торговыхъ судовъ съ трудомъ только наберутъ груду орѣховъ. Скажите, какъ вы это дѣлаете?—не безъ любопытства освѣдомился старикъ.

— Это многіе пожелали бы знать!—сказалъ Миггсъ, лукаво подмигнувъ.

— Такъ это, значитъ, секретъ?

— Не скажу, чтобы это былъ настоящій секретъ, особенно отъ васъ, потому что вы не шкиперъ, и разницы отъ этого не будетъ, узнали вы это или нѣтъ. Но я не хочу, чтобы всѣ они пустились въ эту игру. Вотъ почему я не люблю объ этомъ говорить.

— Такъ какъ же вы дѣлаете?

— Ужъ вамъ я, такъ и быть, скажу,—согласился Миггсъ, который, повидимому, къ этому времени уже совершенно успокоился и пришелъ въ себя; теперь глаза его сверкали во время разсказовъ про свои подвиги.—Это весьма просто: я напиваюсь вмѣстѣ съ ними! Вотъ какъ я обдѣлываю свои дѣла. Поняли?

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, въ этомъ вся мудрость! Клянусь честью, когда эти господа, перворазрядные шкипера, съ полу-дюжиной наилучшихъ аттестатовъ и рекомендацій, эти троюродные и четвероюродные кузены какого-нибудь герцога или графа, являются со своими судами въ туземный портъ, разгуливаютъ между неграми и всякими дикарями и говорятъ съ ними свысока, словно они какіе-то жестяные Мафусаилы на колесикахъ, то, право, можно подумать, что изъ плаща Всемогущаго Господа не выкроить даже курточки этимъ господчикамъ, столько у нихъ важности. А я, когда попаду къ дикарямъ, затащу ихъ всѣхъ въ свою каюту, такихъ, какъ они есть, черныхъ, нагихъ и вонючихъ,—и пойдетъ отъ нихъ запахъ такой, что не всякому-то пріятно. Но что подѣлаешь? Того требуетъ дѣло. И вотъ вытащу я ромъ, и всякій пьетъ, сколько хочетъ, и я пью вмѣстѣ съ ними; мы пьемъ и передаемъ изъ рукъ въ руки бутылку. Языки тогда развязываются у нихъ, а я притаюсь и слушаю, слова не пороню, все только слушаю, какъ они похваляются, и такимъ образомъ узнаю отлично, какой здѣсь имѣется товаръ и чѣмъ они богаты. А разъ я знаю это, то ужъ не хитро и раздобыть то, что мнѣ нужно. Кромѣ того, эти люди любятъ маленькое вниманіе къ себѣ, какъ и нашъ братъ христіанинъ; а меня любятъ за то, что я обхожусь съ ними хорошо, по человѣчески, не обижаю ихъ.

— Это превосходный способъ, Миггсъ, превосходный!—одобрилъ его глава фирмы.—Вы неоцѣненный служащій!

— Ну, однако,—заявилъ капитанъ, вставая со своего мѣста,—я ужъ слишкомъ изсушился со всей этой болтовней и,

хотя не имѣю ничего противъ того, чтобы напиваться съ неграми, пусть я буду проклятъ, если я...—онъ не договорилъ, но странная улыбка на лицѣ его собесѣдника говорила довольно ясно, что его поняли.

— Предположимъ, — проговорилъ онъ, уже готовясь уходить и лукаво подтолкнувъ локтемъ стараго Гирдльстона,— предположимъ, что мы пошли ко дну въ заливѣ. Вѣдь, вы бы, пожалуй, были въ убыткѣ, дяденька, хэ?

— То есть?

— То есть, даже зная, что мы при отправленіи были застрахованы много выше нашей настоящей стоимости, случись какое-нибудь несчастье, оно принесло бы вамъ не одну тысячу прибыли; вы съ улыбочкой положили бы эти денежки въ карманъ, и все обстояло бы какъ нельзя лучше. Это я знаю. Ну, а случись бѣда на возвратномъ пути, вамъ пришлось бы выложить кое-что изъ кармана. Да-съ! Вѣдь, мой грузъ превышаетъ стоимость вашей страховой преміи, и тогда это было бы повтореніе исторіи «изобрѣтателя висѣлицы, повѣсившагося на своей висѣлицѣ»!—какъ-бы сказалъ Шекспиръ.

— Намъ приходится заранѣе мириться съ такого рода случайностями!—Не безъ достоинства отозвался глава фирмы.

— Ну, прощайте, директоръ!—сказалъ капитанъ Гамильтонъ Миггсъ.—Когда я вамъ понадоблюсь, то вы всегда найдете меня въ старой норѣ «Пѣтуха и Коровьей губы», въ Ротерхисѣ!—И онъ вышелъ. По его уходѣ Эзра вошелъ въ кабинетъ отца.

— Это странный субъектъ,—замѣтилъ онъ по адресу только что вышедшаго Миггса.—Я услыхалъ изъ конторы, какъ онъ рычалъ, и полагая, что можетъ произойти что-нибудь не ладное, рѣшилъ, что не мѣшаетъ послушать, что онъ имѣетъ сказать. При всемъ томъ онъ, дѣйствительно, полезный и дѣльный служащій!

— Этотъ человѣкъ на половину самъ дикарь,—сказалъ улыбаясь старикъ,—а потому онъ среди нихъ въ своей сферѣ; этимъ и объясняется то, что онъ съ ними умѣетъ такъ хорошо ладить!

— И повидимому, даже климатъ на него не вліяетъ!

— На тѣло его, дѣйствительно, не вліяетъ, но на душу, Эзра!... Но вернемся къ дѣламъ,—прервалъ себя старикъ.—Я хочу, чтобы ты повидалъ страховыхъ агентовъ и уплатилъ имъ страховку за «Черный Орелъ». Если найдешь возмож-

нымъ, еще повысь страховую сумму, но дѣлай это осмотрительно; судно очень ненадежное. Въ случаѣ, если съ нимъ что-нибудь случится, надо, чтобы фирма имѣла какую-нибудь заручку.

V. Современные Аѳиняне.

Эдинбургскій университетъ можетъ, конечно, называться «alma mater» своихъ студентовъ, но если онъ вообще является «Матерью», то во всякомъ случаѣ матерью спартанской, скрывающей свои материнскія чувства съ большимъ стараніемъ и успѣхомъ. Единственное выраженіе интереса, какой она рѣшается проявлять по отношенію къ своимъ дорогимъ питомцамъ,—бываетъ въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда отъ нихъ требуются деньги. Тогда положительно приходится удивляться, какъ эта старая насѣдка аккуратно считаетъ своихъ цыплятъ и какъ спѣшно эти требованія или просьбы достигаютъ тысячъ бывшихъ ея питомцевъ, разсѣянныхъ по всему лицу Имперіи, которые, несмотря на все ея невниманіе къ нимъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ ихъ жизни, все же питаютъ какое то странное чувство привязанности, а иногда даже умилительной нѣжности къ своей alma mater. Есть что-то символическое даже въ самомъ наружномъ видѣ этого прямоугольнаго зданія, массивнаго, сѣраго и угрюмаго. Оно само по себѣ смотритъ ученымъ, серьезнымъ, практичнымъ и полезнымъ. Въ немъ мало сантиментальнаго или поэтическаго, и въ этомъ оно соотвѣтствуетъ національному характеру, который оно воспитываетъ въ своихъ стѣнахъ.

Юноша, поступающій въ одинъ изъ Англійскихъ университетовъ, попадаетъ въ обширную просвѣщенную общественную школу. Пройдя Харроу или Итонъ, онъ не испытываетъ черезчуръ разительной перемѣны между той жизнью, какую онъ велъ въ послѣднихъ классахъ средней школы, и той, которая ожидаетъ его въ университетѣ. Здѣсь онъ поселяется въ комнатахъ, гдѣ жили до него десятки поколѣній такихъ-же студентовъ и гдѣ послѣ него будутъ жить десятки и сотни поколѣній въ будущемъ. Жизнь его строго нормирована. Онъ обязанъ въ опредѣленные часы находится въ стѣнахъ университета, обязанъ посѣщать лекціи, сдавать экзамены; если его поведеніе не благовидно, то онъ подлежитъ извѣстнымъ взысканіямъ; за нимъ наблюдаютъ оффиціальныя лица, спеціально къ тому приставленныя; цѣлый кодексъ со-

отвѣтственныхъ мѣръ наказанія постоянно виситъ у него надъ головой. Съ другой стороны, университетъ непрестанно печется о немъ; ободряетъ и поощряетъ его за успѣхи,—призы, награды, стипендіи установлены въ изобиліи; товарищества и союзы также поддерживаютъ въ молодыхъ людяхъ извѣстный духъ, даютъ взаимную поддержку; словомъ, студенту широко открыты всѣ пути къ преуспѣванію.

Ничего подобнаго вы не увидите въ Шотландскомъ университетѣ. И здѣсь юноша, уплативъ установленную плату, становится студентомъ, но кромѣ того ему предоставляется дѣлать рѣшительно все, что угодно. Правда, въ извѣстные часы дня читаются лекціи, но онъ можетъ посѣщать или не посѣщать, смотря по тому, какъ ему заблагоразсудится, и никто не сдѣлаетъ ему по этому поводу ни малѣйшаго замѣчанія. Въ отношеніи религіи, ему предоставляется вѣрить въ Бога или въ чорта, поклоняться солнцу или держать у себя на каминѣ свой собственный фетишъ; это университету рѣшительно все равно. Жить онъ можетъ также, гдѣ ему угодно, вставать и ложиться, когда нравится, и нарушать всѣ десять заповѣдей, лишь бы поведеніе его сколько нибудь походило на благопристойное, въ то время, когда онъ находится въ стѣнахъ университета. Во всѣхъ отношеніяхъ студентъ,—полный господинъ себѣ. Въ извѣстные сроки производятся экзамены, которые студенты могутъ держать или же не держать, по собственному своему усмотрѣнію.

Словомъ, университетъ—это большая, несимпатичная машина, поглощающая съ одного конца цѣлый потокъ ширококостныхъ, хрящеватыхъ юнцовъ и выкладывающая съ другого конца ученыхъ богослововъ, юристовъ и искусныхъ медиковъ, при чемъ изъ каждой тысячи юнцовъ, т. е. сырого матеріала, хорошо, если 600 человѣкъ дойдутъ до другого конца, остальные же гибнутъ во время этого процесса превращенія.

Какъ достоинства, такъ и недостатки Шотландской системы очевидны. Предоставленные всецѣло самимъ себѣ, среди далеко не безупречной въ нравственномъ отношеніи обстановки, многіе изъ этихъ юношей погибаютъ у самаго преддверья жизни и уже никогда болѣе не могутъ подняться. Многіе и даже очень многіе излѣниваются и спиваются, третьи,—истративъ и расточивъ безъ пользы и смысла всѣ деньги, какими они могли или даже не могли располагать, покидаютъ универси-

тетъ, не научившись ничему, кромѣ разврата. За то, съ другой стороны, юноши, обладающіе достаточной мужественностью, выдержкой и силой характера, достаточно благоразумные и здравомыслящіе, чтобы не свернуть съ прямого и надлежащаго пути, дѣйствительно проходятъ здѣсь такую школу, которой имъ хватаетъ на всю жизнь. Пройдя черезъ всѣ искушенія и устоявъ,—они научаются самообузданію, самостоятельности и независимости, словомъ, дѣлаются въ полномъ смыслѣ мужчинами, подготовленными для жизни, тогда какъ англійскіе студенты покидаютъ университетъ лишь усовершенствовавшимися школьниками.

Высоко на третьемъ этажѣ Новъ-Стрита, Томасъ Димсдаль переживалъ періодъ искуса въ крошечной спаленкѣ и просторной гостиной, которая впослѣдствіи у большинства студентовъ обращается одновременно въ столовую, кабинетъ и гостиную. Грязноватый буфетъ съ еще болѣе грязноватыми, темнаго цвѣта стульями и археологическій диванъ составляли главную обстановку большой комнаты, за исключеніемъ большого круглаго стола, стоявшаго по срединѣ и заваленнаго книгами, тетрадями, записками и бумагой. Надъ каминомъ находилось заплеванное мухами дрянное зеркало со множествомъ карточекъ, записокъ и лоскутковъ бумаги, заткнутыхъ за его грязноватую раму. На буфетѣ въ подозрительномъ порядкѣ выстроились научныя книги, которыя хозяинъ, видимо, рѣдко тревожилъ, а также и разобранный человѣческій черепъ. На одномъ концѣ камина валялись двѣ берцовыхъ кости, на другомъ—пара реберъ, а на стѣнѣ подлѣ камина красовался цѣлый рядъ перчатокъ для бокса. На полочкѣ въ небольшомъ углубленіи стѣны красовались произведенія обще-литературныя, которыя, повидимому, удостоивались большаго вниманія, чѣмъ научныя книги. Надъ буфетомъ висѣла фотографія, изображающая состязаніе въ футболъ на Эдинбурскомъ университетскомъ плацу, а противъ нея портретъ самого молодого Димсдаля въ томъ самомъ несложномъ костюмѣ, въ какомъ онъ былъ, когда взялъ призъ на состязаніи въ бѣгѣ на полъ-мили, въ университетскомъ гандикапѣ. Большой серебряный кубокъ, трофей вышеупомянутаго подвига, красовался тутъ же пониже портфеля на спеціальной подставкѣ.

Такова была обстановка этой студенческой комнаты въ то утро, о которомъ идетъ рѣчь. Самъ обитатель этой ком-

наты, молодой мистеръ Димсдаль сидѣлъ, лѣниво развалясь, въ большомъ старомъ креслѣ въ углу, съ короткой деревянной трубкой въ зубахъ, и ногами, закинутыми на край стола.

Сѣроглазый, свѣтло-волосый, широкій въ плечахъ и не широкій въ области таза, сильный, какъ волъ, проворный и граціозный, какъ олень, онъ представлялъ собою типичный образецъ молодого мужественнаго британца. Такія красивыя линіи его фигуры, естественость и свобода движеній, красивая, круглая, хорошо развившаяся голова на сильной мускульной шеѣ, могли бы служить моделью даже Аѳинскому скульптору. Но въ лицѣ его не было ничего, что бы напоминало собой классическую, правильную красоту эллиновъ. Это былъ чистокровнѣйшій англо-саксъ, до мельчайшей черты, съ широко разставленными глазами, съ зарождающимися усиками, нѣсколько свѣтлѣе цвѣта его загорѣлой кожи. Черты мелкія и вмѣстѣ съ тѣмъ характерныя и опредѣленныя,—простыя, но пріятныя; это было типичное лицо человѣка, который мало, что имѣетъ сказать о себѣ, и даже то малое, что онъ могъ бы сказать, говоритъ плохо, но который можетъ сдѣлать больше, чѣмъ всѣ краснобаи и писатели для того, чтобы опоясать нашу планету кругомъ краснымъ поясомъ Британскихъ владѣній.

— Удивляюсь, неужели Джекъ Гарраувей еще не готовъ?— пробормоталъ онъ, бросивъ на полъ газету («Скошемэнъ»), и глядя въ потолокъ. Сейчасъ одиннадцать часовъ!

Онъ всталъ, позѣвывая и потягиваясь, поднялъ съ полу валявшуюся у его ногъ кочергу и, взобравшись на стулъ, постучалъ ею три раза въ потолокъ. Три глухихъ удара отвѣчали на его стукъ изъ комнаты, расположенной надъ его помѣщеніемъ, этажемъ выше. Тогда молодой Димсдаль сталъ неторопясь разоблачаться, стягивая съ себя куртку и жилетъ. Въ это время раздались быстрые энергичные шаги на лѣстницѣ, и худощавый, усталаго вида и средняго роста молодой человѣкъ вошелъ въ комнату. Кивнувъ головой въ знакъ привѣтствія, онъ сдвинулъ столъ въ сторону, сбросилъ съ себя пиджакъ и жилетъ и натянулъ пару боксировальныхъ перчатокъ, валявшихся въ углу комнаты. Димсдаль сдѣлалъ то же самое и теперь стоялъ, какъ воплощеніе мужской граціи и силы, посрединѣ комнаты, дожидаясь своего партнера.

— Упражняйся вотъ въ этомъ ударѣ, Джекъ,—сказалъ Димсдаль, похлопалъ себя своей набитой перчаткой по лбу.

Товарищъ его всталъ въ позу и затѣмъ, сдѣлавъ выпадъ лѣвой рукой, нанесъ ударъ указаннымъ мѣстомъ.

Димсдаль улыбаясь покачалъ головой.

— Нѣтъ, это не годится!—сказалъ онъ.

— Я ударилъ со всей силы!—отозвался, словно оправдываясь, его товарищъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не годится!—Попробуй еще разъ!

Юноша повторилъ ударъ со всею силой, какою только могъ располагать.

Димсдаль снова покачалъ головой.

— Нѣтъ, это не то!—Ты, какъ видно, еще не усвоилъ себѣ этого пріема! Смотри, это дѣлается вотъ такъ!—Онъ подался впередъ; раздался рѣзкій короткій звукъ, и его партнеръ полетѣлъ черезъ всю комнату въ дальній ея конецъ съ такою силой, что, казалось, пробьетъ головой дверь.

— Вотъ какъ надо это дѣлать!—кротко и ласково сказалъ Димсдаль.

— Оо... такъ? Да!... проговорилъ юноша, потирая свою голову.—Это чертовски интересно, но мнѣ кажется, что я бы лучше понялъ этотъ пріемъ, если бы ты показалъ мнѣ его на комъ нибудь другомъ. А то знаешь, получается нѣчто среднее между взрывомъ порохового склада и естественной конвульсіей, и потому при такомъ ощущеніи, нѣсколько трудно разобраться.

Молодой наставникъ добродушно улыбнулся.

— Это единственный способъ научиться! — проговорилъ онъ,—теперь мы три минуты поупражняемся въ выпадахъ и этимъ закончимъ нашъ утренній урокъ!

Въ то время какъ въ комнатѣ 3-го этажа разыгрывалась эта маленькая сценка изъ быта студентовъ, очень тучный, пожилой господинъ, маленькаго роста, медленно шелъ вверхъ по улицѣ Хоовъ, поглядывая на №№ домовъ. Онъ былъ низенькій, толстенькій и приземистый, съ широкимъ добродушнымъ и грубоватымъ лицомъ и большими ясными карими глазами, строгими и проницательными и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтившимися вѣчно юнымъ весельемъ и задоромъ. Кустики небольшихъ сѣдѣющихъ бакъ дополняли это красное румяное лицо. На ходу онъ выбрасывалъ впередъ свои коротенькія ножки съ видомъ человѣка, который доволенъ собой и другими.

У дома № 13 онъ остановился и сильно постучалъ въ входную дверь металлическимъ набалдашникомъ своей палки.

«Мистриссъ Макъ-Тавишь здѣсь?—спросилъ онъ сухопарую угловатосложенную женщину, появившуюся въ дверяхъ въ отвѣтъ на его стукъ.

— Это я сама и есть, сэръ!

— Мистеръ Димсдаль живетъ у васъ, полагаю?

— Въ третьемъ этажѣ, по лицевой сторонѣ, сэръ!

— Дома онъ?

Что-то похожее на подозрѣніе мелкнуло въ глазахъ женщины.

— Вы можетъ быть насчетъ какого нибудь счета?—спросила она.

— На счетъ счета? Нѣтъ, милѣйшая, я не со счетомъ пришелъ! Мое имя докторъ Димсдаль! Я отецъ этого молодого человѣка и только что прибылъ изъ Лондона—повидать его. Надѣюсь, онъ не черезчуръ зарабатывается, бѣдняжка?

Что-то похожее на улыбку заиграло вокругъ губъ женщины.

— Ахъ, нѣтъ, я этого не думаю, сэръ!—отвѣтила она.

— Теперь я почти начинаю жалѣть, что пріѣхалъ не позже, а то такъ жаль прерывать его утреннія занятія и научныя размышленія. Онъ всего охотнѣе и усерднѣе работаетъ по утрамъ, мой мальчикъ!

— Ну, объ этомъ я бы не стала безпокоиться, сэръ!

— Ладно, ладно,—вы говорите, въ 3-ій этажъ? Онъ не ожидаетъ меня въ такое время!—Я захвачу бѣдняжку за работой, можно сказать, въ самое трудовое время!—проговорилъ старичекъ и сталъ подыматься вверхъ по лѣстницѣ.

Хозяйка осталась стоять въ сѣняхъ, съ любопытствомъ прислушиваясь къ тому, что будетъ дальше. Тучный господинъ добрался, наконецъ, до перваго этажа и остановился на площадкѣ.

— Боже мой!—пробормоталъ онъ,—кто-то выколачиваетъ ковры.—Какъ это должно мѣшать моему бѣдному мальчику заниматься!

Вздохнувъ онъ продолжалъ подниматься выше; на второй площадкѣ шумъ сталъ гораздо громче.

— Тутъ, вѣроятно, гдѣ-нибудь танцовальная школа!—высказалъ опять свое предположеніе докторъ Димсдаль.

Когда онъ, наконецъ, добрался до дверей комнаты своего сына, то уже не оставалось болѣе сомнѣнія въ томъ, откуда доносился этотъ страшный шумъ. То былъ несомнѣнно топотъ ногъ, удары, порывистое дыханіе и время отъ времени

глухой звукъ, словно кто-нибудь ударялся головой о дерево. «Это, навѣрное, припадокъ эпилепсiи!»—прошепталъ дрожащими губами докторъ и, нажавъ ручку двери, вбѣжалъ въ комнату сына.

Одного бѣглаго взгляда было достаточно, чтобы увидѣть происходившую здѣсь борьбу. Входить въ подробности было нѣкогда; онъ сразу понялъ, что какой-то опасный манiакъ нападалъ на его сына, и тотъ принужденъ былъ защищаться отъ него. Однимъ прыжкомъ вновь прибывшiй очутился подлѣ нападающаго, обхватилъ его за поясъ, повалилъ на полъ и сѣлъ на него верхомъ.—«Ну, теперь вяжи ему руки!»—запыхавшись проговорилъ онъ, обращаясь къ сыну, стараясь сохранить равновѣсiе и балансируя довольно искусно на выбивавшемся изъ-подъ него мнимомъ манiакѣ.

VI. Выборы ректора.

Прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ задыхавшiйся отъ смѣха Томасъ Димсдаль могъ объяснить энергичному маленькому доктору, что молодой человѣкъ, котораго онъ такъ проворно и такъ неожиданно осѣдлалъ,—не опасный манiакъ, а, напротивъ, самый безвредный и безобидный членъ общества. Когда сынъ все это достаточно разъяснилъ, докторъ поспѣшилъ возвратить свободу своему плѣннику и разсыпался передъ нимъ въ извиненiяхъ.

— Это мой отецъ, Гарраувей,—проговорилъ Томъ Димсдаль,—я не ожидалъ, что онъ прiѣдетъ такъ рано!

— Я очень извиняюсь передъ вами, молодой человѣкъ, очень извиняюсь; дѣло въ томъ, что я близорукъ и не успѣлъ надѣть очки. Мнѣ показалась, что это весьма опасная схватка, и я поспѣшилъ помѣшать несчастью, которое могло бы случиться!—извинялся докторъ.

— Не стоитъ говорить объ этомъ, сэръ, я ничуть не въ претензiи!—добродушно успокоилъ его молодой Гарраувей.

— А ты, Томъ, бездѣльникъ ты этакiй, такъ-то ты проводишь свои утреннiе часы? Я ожидалъ застать тебя погруженнымъ въ науки, окруженнаго книгами. Я даже сказалъ твоей домовой хозяйкѣ, что боюсь, что мой прiѣздъ въ такое время помѣшаетъ твоимъ занятiямъ, что я отвлеку тебя отъ твоихъ трудовъ! Вѣдь, черезъ нѣсколько недѣль тебѣ предстоитъ твой первый провѣрочный экзаменъ, сколько я знаю!

— Все это обойдется какъ нельзя лучше, тятька!—весело воскликнулъ его сынъ, стараясь умилостивить старика.—Мы съ Гарраувей обыкновенно продѣлываемъ кое-какой маленькій моціонъ передъ началомъ дневныхъ занятій.—Это чрезвычайно полезно! Бодритъ, знаешь! Садись-ка вотъ въ это кресло; хочешь папиросу?

Взглядъ старика случайно упалъ на медицинскія книги и разобранный черепъ, и его дурное настроеніе духа разомъ разсѣялось.

— Какъ вижу, у тебя весь твой инструментъ, тутъ, подъ руками,—замѣтилъ онъ указывая на кости и книги.

— Да, тятька, все тутъ!

— Эти кости вызываютъ во мнѣ добрыя старыя воспоминанія; я, конечно, давно отсталъ по анатоміи, но могу сказать, что, пожалуй, еще и сейчасъ забью васъ, молодыхъ! Посмотримъ! Ну-ка, скажи мнѣ, какія ноздреватыя части существуютъ въ клинообразныхъ костяхъ? Хэ?

— Иду! сейчасъ иду!—крикнулъ вдругъ его сынъ, обращаясь въ сторону двери, и стремглавъ выбѣжалъ изъ комнаты.

— Я не слышалъ, чтобы его кто-нибудь звалъ!—недоумѣло замѣтилъ докторъ.

— Неужели вы не слыхали, сэръ?—спросилъ Гарраувей, обдергивая на себѣ куртку.—А мнѣ показалось, будто я слышалъ чей-то голосъ.

— Вы занимаетесь вмѣстѣ съ моимъ сыномъ, если, не ошибаюсь?

— Да, сэръ!

— Такъ, можетъ быть, вы мнѣ можете сказать, какова структура клинообразныхъ костей.

— О, да, конечно, сэръ! Это видите ли! Сейчасъ, сейчасъ, Томъ, я бѣгу! Извините меня, сэръ, Томъ зоветъ меня! Бѣгу!—и Гарраувей исчезъ такъ же неожиданно и поспѣшно, какъ и его товарищъ. Докторъ остался одинъ покуривать свою папиросу, сидя въ креслѣ и размышляя о томъ, почему его слухъ сталъ такъ измѣнять ему.

Но вотъ оба студента вернулись, нѣсколько сконфуженные и раскраснѣвшіеся, но весело смѣющіеся. Оба они сразу заговорили о погодѣ, объ особенностяхъ и достопримѣчательностяхъ города, объ университетѣ, т. е. о всемъ, кромѣ структуры и составныхъ частей клинообразныхъ костей.

— Ты пріѣхалъ, отецъ, какъ разъ во время, чтобы уви-

дѣть образчикъ нашей университетской жизни,—сказалъ молодой Димсдаль.—Сегодня мы избираемъ новаго ректора. Мы съ Гарраувей проведемъ тебя въ университетъ, чтобы ты могъ видѣть, какъ все это у насъ происходитъ.—Это будетъ очень интересно для тебя!

— Я давно желалъ видѣть что нибудь подобное,—замѣтилъ докторъ Димсдаль,—вѣдь, я достигъ своего званія доктора инымъ путемъ, мистеръ Гарраувей, чѣмъ это дѣлаютъ теперешніе молодые люди: я обучался своему дѣлу у опытныхъ старыхъ врачей и не имѣлъ счастья посѣщать университетъ!

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Да, но я могу прекрасно вообразить себѣ все это. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть прекраснѣе, чѣмъ общеніе молодыхъ людей, стремящихся къ наукѣ, движимыхъ жаждой познанія, соперничающихъ между собой въ рвеніи обогащенія своихъ умовъ все новыми и новыми истинами?! Я, конечно, не имѣю ничего противъ разумныхъ развлеченій для молодыхъ людей. Я легко могу себѣ представить, какъ они разгуливаютъ группами въ священной оградѣ своего высокочтимаго университета и развлекаются между собой оживленными преніями, обсуждая и разбирая различныя теоріи физіологіи или новѣйшія завоеванія фармакологіи.

Гарраувей, который сначала слушалъ съ подобающимъ вниманіемъ и серьезностью рѣчь маленькаго доктора, при послѣднихъ словахъ его вдругъ точно поперхнулся и выбѣжалъ вонъ изъ комнаты.

— Твоему другу, кажется, показалось смѣшно то, что я говорилъ?—замѣтилъ докторъ Димсдаль.

— Да, его, знаешь, иногда вдругъ забираетъ смѣхъ, и тогда онъ ничего съ собой подѣлать не можетъ! Это съ нимъ часто случается... Но я до сихъ поръ еще не успѣлъ даже высказать тебѣ, какъ радъ тебя видѣть, тятька!

— А я тебя, мой дорогой мальчикъ! Твоя мать и Кэтъ пріѣдутъ съ ночнымъ поѣздомъ. Я уже занялъ для нихъ и для себя комнаты въ гостинницѣ, недалеко отсюда!

— О, Кэтъ Харстонъ! Я едва помню ее, такую маленькую дѣвочку съ длинными каштановыми волосками. Это было, вѣроятно, лѣтъ шесть тому назадъ; она тогда обѣщала быть хорошенькой!

— И сдержала свое обѣщаніе! Впрочемъ, ты самъ уви-

дишь. Вѣдь, она подъ опекой стараго Джона Гирдльстона, хотя мы единственная родня, какая у нея осталась на этомъ свѣтѣ. Ея отецъ былъ моимъ троюроднымъ или четвероюроднымъ братомъ. Въ настоящее время она проводитъ значительную часть времени съ нами въ Филлиморъ-Гарденѣ, насколько это разрѣшаетъ ея опекунъ. Онъ предпочитаетъ, чтобы она постоянно находилась у него въ домѣ, и я не осуждаю его за это; я даже вполнѣ понимаю его: эта дѣвушка, видишь ли, точно лучъ солнца въ домѣ. Повѣришь-ли, мнѣ пришлось вырвать у него, точно больной зубъ, согласіе—отпустить ее къ намъ на эти нѣсколько дней. Но я присталъ къ нему, какъ піявка, такъ присталъ, что наконецъ, надоѣлъ ему, и онъ согласился!—Маленькій докторъ даже прищелкнулъ языкомъ при воспоминаніи объ одержанной имъ побѣдѣ и протянулъ свои толстенькія и коротенькія ножки къ камину.

— Этотъ противный экзаменъ помѣшаетъ мнѣ быть съ вами столько времени, сколько бы я того желалъ!—хмуро замѣтилъ Томасъ.

— Это ничего; ничто не должно мѣшать твоимъ занятіямъ!

— А все таки я думаю, что дѣло это еще не такъ плохо. Я радъ, что они пріѣхали какъ разъ теперь, такъ какъ въ будущую пятницу состоится международный матчъ футболистовъ; Гарраувей и я, мы оба Шотландскіе хавръ-бэки. Вы всѣ должны придти посмотрѣть на насъ.

— А знаешь, что я тебѣ скажу, Димсдаль,—сказалъ Гарраувей, снова появилась въ дверяхъ, — если мы не поторопимся сейчасъ-же, то ничего не увидимъ и пропустимъ выборы. Вѣдь, сейчасъ безъ малаго 12 часовъ!

— Я совершенно готовъ, — воскликнулъ докторъ Димсдаль, вскакивая со своего кресла.

— Ну, такъ ѣдемъ!—заявилъ Томъ, и, захвативъ шляпы и трости, всѣ трое стали спускаться съ лѣстницы.

Избраніе ректора—это исключительно Шотландская особенность, и какъ бы на него ни смотрѣли непричастныя къ этому дѣлу лица, сами студенты смотрятъ на это, какъ на обрядъ въ высшей степени торжественный, какъ на актъ величайшей важности, отъ котораго можетъ зависѣть чуть ли не судьба міра. Если послушать ихъ рѣчи и обращенія къ ораторамъ противной партіи, можно подумать, что неприкосновенность англійской конституціи и даже самая участь британской имперіи зависитъ отъ предмета ихъ избранія.

Обыкновенно избираются два кандидата изъ наиболѣе выдающихся представителей двухъ различныхъ партій. Назначаютъ день выборовъ. Каждый студентъ имѣетъ право голоса, гг. же профессора голоса въ этомъ вопросѣ не имѣютъ. Такъ какъ обязанности ректора, можно сказать, почти номинальныя, а званіе это почетное, то недостатка въ желающихъ занять это положеніе никогда не бываетъ. Чаще всего какой-нибудь выдающійся мужъ науки или литературы приглашается выставить свою кандидатуру, но при этомъ выборы основываются главнымъ образомъ на почвѣ политической партійности, со всѣми старо-завѣтными пріемами парламентскихъ дебатовъ.

Уже за нѣсколько мѣсяцевъ до великаго дня начинается волненіе, агитація и возбужденіе. Образуются тайные комитеты, начинаются митинги, выборныя сходки и засѣданія; вырабатываются правила, программы; формулируются требованія; возбуждаются запросы,—и тайные агенты шныряютъ повсюду, вербуя тѣхъ, кто еще не присталъ ни къ какой изъ партій. Наконецъ, собирается грандіозный митингъ либеральныхъ студентовъ, о которомъ трубятъ повсемѣстно и за которымъ слѣдуетъ грандіозный обѣдъ студентовъ-консерваторовъ. Тогда компанія въ полномъ ходу. На университетскихъ воротахъ появляются большія доски-плакаты съ сатирами противъ того или другого изъ кандидатовъ, пародіи въ стихахъ, цитаты изъ рѣчей противной партіи въ умышленно искаженномъ и смѣхотворномъ видѣ и т. п. Тѣ, которые считаютъ себя хорошо освѣдомленными въ отношеніи настроенія большинства, принимаютъ видъ необычайно важный, глубоко мысленный и таинственный, отпуская многозначительные намеки, относительно того, на чью сторону склоняется большинство. Такъ проходитъ недѣля за недѣлей до тѣхъ поръ, пока всеобщее возбужденіе не достигаетъ своего апогея въ самый день избранія.

Въ этотъ день нѣтъ надобности спрашивать дорогу къ университету даже впервые пріѣхавшему въ городъ иностранцу, такъ какъ вой, гамъ и гулъ голосовъ, доносящійся изъ этихъ обыкновенно столь безмолвныхъ и мрачныхъ стѣнъ, слышенъ отъ улицы Принца до самаго Ньюнгтона. Такъ было и на этотъ разъ.

Передъ рѣшеткой университетской ограды стояла густая толпа горожанъ, смотрѣвшихъ въ громадный четырехуголь-

ный дворъ и развлекавшихся оживленіемъ и волненіемъ молодежи во дворѣ. Большое число наиболѣе спокойныхъ и миролюбивыхъ студентовъ группировалось подъ арками, они поспѣшили любезно удѣлить мѣстечко вновь прибывшимъ, такъ какъ Гарраувей, и Димсдаль, какъ извѣстные атлеты, пользовались большимъ почетомъ и уваженіемъ среди товарищей, несравненно большимъ, чѣмъ всѣ медалисты или наиболѣе достойные и выдающіеся люди. Не только громадный квадратный дворъ, но и всѣ безчисленные, выходящіе на него балконы и террасы были переполнены шумящей и вобужденной толпой студентовъ; всѣ три тысячи слишкомъ избирателей были тутъ на лицо; но шумъ и гамъ, который они подымали, могъ-бы сдѣлать честь втрое большему числу молодыхъ людей. Вся эта густо-сплотненная толпа свистѣла, кричала и шумѣла безъ умолка.

Время отъ времени выступалъ какой-нибудь ораторъ, котораго товарищи подымали на своихъ плечахъ; тогда замѣчалось колебаніе толпы во дворѣ, кто то разгонялъ тѣхъ, кто поддерживалъ оратора, и тотъ на полусловѣ нырялъ и исчезалъ въ толпѣ; вскорѣ въ другомъ концѣ толпы появлялся другой ораторъ и исчезалъ точно такимъ же образомъ. Произнесенное кѣмъ нибудь имя того или другого кандидата вызывало гулъ апплодисментовъ или ревъ свистковъ и брани. Тѣ, кому посчастливилось забраться на балконы или верхнія террасы, бомбардировали своихъ товарищей, толпившихся во дворѣ, самыми невѣроятными метательными снарядами въ видѣ картофеля, гороха, хлѣбныхъ катышекъ, огурцовъ и даже яицъ; сыпали также и сѣру, и муку; а находившіеся внизу силились отвѣтить, если только была возможность занести руку въ тѣснотѣ, подобными-же снарядами. Заманчивая картина, рисовавшаяся въ воображеніи доктора Димсдаля, картина академической благоговѣйной тишины и просвѣщенныхъ бесѣдъ на высокія темы, между поблѣднѣвшими надъ наукой юношами, сразу разплылась въ туманѣ, при видѣ этой безумной, шумящей и бѣснующейся толпы. Но несмотря на свои 50 лѣтъ, онъ смѣялся также весело и отъ всей души, какъ любой изъ юношей за его спиной, глядя на дикія выходки молодыхъ политикановъ и на погибель черныхъ сюртуковъ, жакетокъ и новенькихъ куртокъ, отъ неудобосваримыхъ метательныхъ снарядовъ, дождемъ сыпавшихся на нихъ.

Толпа была особенно плотна и густа передъ аудиторіей, гдѣ происходилъ подсчетъ голосовъ. Въ часъ долженъ былъ быть оглашенъ результатъ, и по мѣрѣ того, какъ длинная стрѣлка на большихъ университетскихъ часахъ подползала все ближе и ближе къ часу, всеобщее волненіе и ожиданіе возрастало все больше и больше. Наконецъ, часы пробили,— и въ тотъ же моментъ широкія двухстворчатыя двери упомянутой аудиторіи распахнулись,—и кучка людей выбѣжала во дворъ. Толпа нахлынула на нихъ со всѣхъ сторонъ и на мгновеніе какъ будто поглотила. Весь центръ этого моря голосовъ сильно заволновался, и вся толпа заходила взадъ и впередъ. Минуту—другую возбужденные избиратели напирали другъ на друга, тѣснили, боролись безъ всякой надобности и безъ всякаго толка, а тѣ, кто не могъ принять непосредственнаго участія въ схваткѣ, подбодрялъ дерущихся дикими криками одобренія или издѣвательства. Наконецъ, надъ головами студентовъ поднялся край большого плаката, на которомъ можно было прочесть слово «Либеральная», изображенное громадными буквами на большой доскѣ; но прежде, чѣмъ доска эта могла быть поднята выше, ее сорвала толпа враждебной партіи, и снова завязалась схватка, въ которой одни отбивали плакатъ, другіе стремились его уничтожить. Но вотъ плакатъ снова появился надъ головами волнующейся толпы, и на этотъ разъ на немъ можно было прочесть только слово «Большинство».—Минуту спустя все опять исчезло среди свиста, крика неистово волнующейся толпы. Однако, того, что успѣли прочитать, было совершенно достаточно, чтобы догадаться, на чьей сторонѣ осталась побѣда. Теперь отовсюду послышались крики торжества и привѣтствія; махали шляпами, тростями, кричали, ствистали, а между тѣмъ въ центрѣ толпы все еще шла борьба изъ за плаката. Движеніе это даже какъ будто разросталось и захватывало все большую и большую площадь, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ подходили все новыя подкрѣпленія. Но вотъ гигантскаго роста и геркулесовскаго сложенія «Либералъ» завладѣлъ доской и съ минуту держалъ ее, поднявъ высоко надъ головами, такъ что всѣ могли прочесть:

Либеральная. Большинство, 241.

Но и это торжество было кратковременно: чья то тяжелая рука опустилась надъ его головой; ноги его мельк-

нули въ воздухѣ, и онъ, и плакатъ очутились на землѣ. Однако, побѣдителямъ удалось проложить себѣ путь въ дальній конецъ двора, гдѣ возвышалась на своемъ высокомъ цоколѣ статуя во весь ростъ Сэра Давида Брюстера.—Отважные радикалы гурьбой взобрались на него и укрѣпили свой плакатъ на мраморной рукѣ высокочтимаго профессора. Такимъ образомъ насильственно обращенный въ партійнаго политикана, почтенный изобрѣтатель калейдоскопа сдѣлался вдругъ центромъ бѣшеной схватки, во время которой побѣжденная партія дѣлала отчаянныя усилія, чтобы уничтожить символъ побѣды своихъ противниковъ. Борьба все еще продолжалась, когда молодой Димсдаль увелъ своего отца, такъ какъ трудно было сказать, какіе размѣры могъ принять этотъ бунтъ.

— Что за вандалы! Что за варвары!—восклицалъ маленькій докторъ, возмущенный и вмѣстѣ опечаленный до глубины души тѣмъ, что онъ видѣлъ.—И это-то я представлялъ себѣ, какъ пріютъ утонченныхъ чувствъ, поприще для служенія науки, мѣсто для спокойнаго научнаго созерцанія!

— Но они не всегда таковы,сэръ,—попробовалъ было оправдать своихъ товарищей молодой Гарраувей, возвращавшійся вмѣстѣ съ Димсдалями домой.

— Конечно, они сегодня были нѣсколько шумливы и возбуждены,—добавилъ Томъ.

— Нѣсколько шумливы и возбуждены!—воскликнулъ маленькій докторъ.—Ахъ, ты бездѣльникъ! Да, я, право, думаю, что не будь я здѣсь, ты былъ-бы ихъ предводителемъ!

Съ этими словами онъ посмотрѣлъ сперва на одного, затѣмъ на другого товарища и на лицахъ ихъ прочелъ такъ ясно, что не ошибся въ своемъ предположеніи, что самъ не могъ удержаться и первый разразился громкимъ искреннимъ смѣхомъ. Въ слѣдующій моментъ и оба его юные спутники послѣдовали его примѣру съ величайшей искренностью и наслажденіемъ.

VII. Англія противъ Шотландіи.

Избраніе ректора состоялось, и о немъ вскорѣ забыли; за то готовилось другое великое событіе. Это былъ знаменитый матчъ Англійскихъ и Шотландскихъ футболистовъ. Лучшей погоды нельзя было даже желать. Съ утра былъ легкій туманъ, но когда солнце взошло, онъ быстро поднялся и разсѣялся, цѣпля-

ясь лишь нѣкоторое время за грязныя стѣны Эдинбургскаго замка.

Широкое пространство садовъ улицы Принцевъ, занимающихъ долину между старымъ и новымъ городомъ, раскинулось зеленѣющимъ ковромъ, какъ въ раннюю весну, а фонтаны весело сверкали на солнцѣ своей прозрачной струей. Эти тщательно прибранные, хорошо содержимые сады какъ будто контрастировали со старыми угрюмыми и своеобразными зданiями, обрамлявшими сады почти сплошнымъ кольцомъ, сливаясь въ одно гармоничное цѣлое съ величественнымъ холмомъ, который, словно притаившiйся къ землѣ передъ прыжкомъ левъ, казалось, сторожилъ день и ночь остатки древней столицы Шотландскихъ королей. Многiе путешественники, объѣхавшiе цѣлый свѣтъ, утверждаютъ, что нигдѣ не встрѣчали болѣе живописнаго ландшафта.

То же самое думали и трое прiѣзжихъ, смотрѣвшихъ изъ стрѣльчатаго окна Royal Hotel въ это солнечное утро на эту панораму, развернувшуюся передъ нами. Однако изъ этихъ трехъ прiѣзжихъ мы уже знаемъ; это былъ тучный маленькiй докторъ съ краснымъ лицомъ и большими карими глазами, въ завороченныхъ брючкахъ и легкомъ пиджачкѣ, съ толстой золотой цѣпочкой на кругленькомъ брюшкѣ и широко разставленными коротенькими ножками. Онъ засунулъ руки въ карманы, и на лицѣ его отразилось то непочтительное, критическое выраженiе, съ какимъ обыкновенно побывшiе въ путешествiяхъ англичане смотрятъ на красоты природы. Подлѣ него стояла молодая дѣвушка въ плотно облегающемъ ея станъ темномъ суконномъ платьѣ, съ маленькимъ отложнымъ полотнянымъ воротничкомъ и такими же рукавчиками. На ея прелестномъ личикѣ не было и слѣда критическаго отношенiя къ тому, что было у нея передъ глазами, напротивъ, краска возбужденiя и выраженiе безотчетнаго восторга и восхищенiя. Пожилая дама съ кроткимъ ласковымъ лицомъ сидѣла тутъ же въ большомъ соломенномъ креслѣ и любовно смотрѣла на игру выраженiй въ лицѣ молодой дѣвушки.

— Ахъ, дядя Джорджъ, —воскликнула она,—какъ божественно хорошо! Мнѣ положительно не вѣрится, что я свободна! Мнѣ просто кажется, что все это только сонъ, и что я вдругъ проснусь и увижу себя за столомъ, наливающей кофе Эзрѣ Гирдльстону и слушающей старика Гирдльстона, который читаетъ утреннюю котировку на биржѣ!

Пожилая дама съ материнской нѣжностью провела рукой по рукѣ молодой дѣвушки и сказала: — «Не думай объ этомъ, Кэтъ»!

— Нѣтъ, не думай объ этомъ,—повторилъ докторъ,—жена моя права! Зачѣмъ думать о томъ, что не доставляетъ удовольствія!—Но какъ вспомнишь, сколько мнѣ было труда и хлопотъ, чтобы уломать старика отпустить тебя, я сейчасъ чувствую усталость. Повѣришь, я уже нѣсколько разъ готовъ былъ отказаться; я отчаявался когда либо его переубѣдить, но вспоминалъ, что ты такъ этого желала, и продолжалъ настаивать ради тебя.

— Ахъ, какіе вы оба добрые и хорошіе ко мнѣ!—воскликнула дѣвушка съ искреннимъ порывомъ благодарности.

— Полно, полно, Кэтъ! Что касается Гирдльстона, то онъ, безспорно, правъ. Если бы тебя отдали мнѣ, я бы тоже держалъ тебя крѣпко и не захотѣлъ бы выпустить изъ рукъ! Не такъ-ли, Матильда?

— Ну, конечно, Джорджъ, мы бы тебя стали держать обѣими руками!

— Мы настоящіе тираны, оба! Не правда ли, Матильда?

— Да, Джорджъ!

— Я право, боюсь, что не умѣю быть полезной въ домѣ,— сказала дѣвушка такимъ тономъ, словно она чувствовала за собой какую-то вину.—Я была еще слишкомъ молода, чтобы вести хозяйство въ домѣ покойнаго своего отца. Кромѣ того, у него была такая славная старая, опытная экономка. Конечно, у мистера Гирдльстона тоже есть экономка, и онъ очень доволенъ ею, а все же и я бы желала быть чѣмъ нибудь полезна. Я читаю ему «Финансовыя Новости» послѣ обѣда, знаю цѣны на всѣ товары, знаю всѣ повышенія и пониженія на биржѣ, знаю всѣ акціи Американскихъ желѣзныхъ дорогъ, которыя постоянно то подымаются, то падаютъ. Но все это для меня такъ не интересно. Еще на этихъ дняхъ одно такое дѣло лопнуло, и Эзра сталъ проклинать всякія подобныя предпріятія, а мистеръ Гирдльстонъ сказалъ, что Господь наказуетъ тѣхъ, кого любитъ, хотя мнѣ показалось, что самъ былъ не особенно доволенъ тѣмъ, что на этотъ разъ принялъ наказаніе. Но какъ хорошо здѣсь! Просто, кажется, что живешь въ другомъ мірѣ!

Фигурка дѣвушки, стоявшей въ амбразурѣ окна, была прелестна; высокая, стройная, граціозная, съ мягкими линіями только что нарождающейся женственности, она была удивительно прекрасна. Лицо ея было скорѣе миловидно и необычайно

привлекательно, чѣмъ строго красиво, но въ немъ было нѣчто такое чарующее и манящее, что любой художникъ пришелъ бы въ восторгъ отъ этого удивительнаго сочетанія силы и мягкости, сказывавшихся въ ея прекрасно округленномъ подбородкѣ, въ линіи ея губъ и живой игрѣ выраженій, въ ея глазахъ, глубокихъ и чарующихъ. Ея темно-каштановые волосы съ темно бронзовымъ отливомъ тамъ, гдѣ на нихъ падало солнце, ложились красивыми, мягкими прядями на ея затылокъ. Ея темно-голубые, почти синіе глаза были полны жизни и огня, а слегка вздернутый задорный носикъ и пышныя чувственныя губы придавали особую своеобразную прелесть этому милому доброму личику. Начиная съ ея сіяющаго лучезарнаго личика и кончая кончиками ея маленькихъ ногъ, стыдливо выглядывавшихъ изъ подъ платья, вся она была прелестна, гармонична и очаровательна.

Такъ думали о ней всѣ, проходившіе мимо того окна, гдѣ она стояла, и такого же мнѣнія о ней былъ и молодой человѣкъ, укутанный въ длинный косматый ульстеръ, достигавшій до пятъ, и кокетливую бархатную фуражку, красиво сидѣвшую на его густыхъ бѣлокурыхъ, слегка вьющихся волосахъ, только что подъѣхавшій къ подъѣзду отеля.

— А вотъ и нашъ мальчикъ!—радостно воскликнула мать.

— Ну, какъ ты живешь, дорогая мама?—спросилъ юноша, нагибаясь къ ней и цѣлуя ее.—А ты, папа? Добрый день, кузина! Всѣ вы непремѣнно должны поѣхать со мной и принести мнѣ счастье во время игры. Какая благодать, что сегодня такая чудная погода и такъ тепло! Для зрителей чистая бѣда, когда холодно или дуетъ рѣзкій вѣтеръ. Что ты скажешь на это, тятька?

— Скажу, что ты противуестественный ренегатъ,—засмѣялся старикъ,—идешь противъ своей родной страны!

— Ахъ, полно тятька! Во первыхъ, я родился въ Шотландіи, во 2-хъ,—членъ шотландскаго клуба; мнѣ кажется, что этого достаточно!

— Ну, я во всякомъ случаѣ надѣюсь, что вы проиграете!

— Да, это весьма вѣроятно! Аткинсонъ, одинъ изъ нашихъ шотландскихъ чемпіоновъ, повредилъ себѣ ногу, и намъ придется выдти на состязаніе безъ него. Блеръ далеко не такъ ловокъ, какъ онъ, такъ что шансы пять противъ четырехъ за англичанъ сегодня. Говорятъ, что у нихъ лучшіе чемпіоны

интернаціональнаго матча! Я привелъ экипажъ, такъ что какъ только вы будете готовы, мы можемъ сѣсть и ѣхать.

Кромѣ студентовъ, предстоящимъ состязаніемъ былъ взволнованъ весь городъ. Футболъ есть и всегда былъ національной игрой въ Шотландіи, среди той части населенія, которая предпочитаетъ сильное движеніе; люди же болѣе спокойнаго характера замѣняютъ этотъ спортъ «гольфомъ». Нѣтъ другого спорта, который болѣе-бы соотвѣтствовалъ сильнымъ, подвижнымъ людямъ, чѣмъ эта игра, гдѣ 15 человѣкъ состязаются въ силѣ, ловкости, проворствѣ, смѣтливости и многихъ другихъ мужскихъ доблестяхъ и достоинствахъ въ продолжительной борьбѣ противъ 15 равносильныхъ имъ противниковъ. Это, такъ сказать, личная схватка, въ которой мячъ является точкой соприкосновенія. Мячъ этотъ можно швырять, катать, тащить, подбрасывать, словомъ, всѣми возможными средствами и способами загнать въ непріятельскій голъ. Проворствомъ ногъ можно далеко забросить этотъ мячъ въ непріятельскій лагерь. Силою тяжести и своего небольшого вѣса участникъ можетъ задавить всякую опозицію просто своимъ мертвымъ вѣсомъ, а самый выносливый и настойчивый долженъ выиграть.

Даже матчи между мѣстными клубами возбуждаютъ живѣйшій интересъ среди населенія Эдинбурга и привлекаютъ толпы зрителей. Что же говорить о такомъ матчѣ, въ которомъ долженъ принять участіе цвѣтъ шотландской молодежи противъ, такъ сказать, «сливокъ» английской спортивной молодежи?! Вся дорога къ аренѣ состязанія чернѣла тысячами головъ. Люди шли, ѣхали, бѣжали и неслись всѣ въ одномъ и томъ же направленіи.—Такъ густа была эта движущаяся толпа, что экипажъ Димсдалей принужденъ былъ двигаться шагомъ всю вторую половину пути, несмотря на энергичныя ругательства кучера, который, какъ истинный патріотъ, сознавалъ всю отвѣтственность, лежащую на немъ, въ случаѣ опозданія, такъ какъ онъ имѣлъ честь везти одного изъ шотландскихъ чемпіоновъ состязанія. Многіе въ толпѣ узнавали молодого спортсмена и махали ему шляпами или платками, посылая добрыя пожеланія. Миссъ Кэтъ Харстонъ и даже маленькій докторъ и его супруга начинали уже испытывать извѣстную долю того всеобщаго ожиданія и возбужденія, которое читалось на всѣхъ лицахъ окружающихъ. Только самъ юноша казался непричастнымъ всеобщему возбужденію и волненію и все время пути не переставая разсказывалъ своей хорошенькой кузинѣ правила

и основы игры, которыя она старалась себѣ усвоить изъ его словъ.

— Вы понимаете, кузина,—говорилъ онъ,—что 15 человѣкъ одной партіи играютъ противъ 15 человѣкъ другой партіи. Но было бы невыгодно и неразсчетливо, если бы всѣ они играли одновременно, такъ какъ если бы противникъ загналъ или забросилъ мячъ дальше группы играющихъ, то некому было бы его отослать, и партія была бы проиграна. Поэтому у насъ въ Шотландіи играютъ сразу только 10 человѣкъ изъ 15. Ихъ выбираютъ изъ числа самыхъ грузныхъ, сильныхъ и выносливыхъ. Эти 10 человѣкъ называются «форварды»; ихъ дѣло постоянно гоняться за мячемъ, не переставая и не переводя духа. Ихъ противниками являются, конечно, 10 «форвардовъ» противной партіи.

Непосредственно позади «форвардовъ» находятся два квартеръ-бека; послѣдніе должны быть очень проворные, увертливые, хитрые и ловкіе люди, могущіе развивать большую быстроту бѣга. Они никогда не принимаютъ участія въ самой игрѣ, всегда держатся позади играющихъ форвардовъ своей партіи, и если мячъ перелетаетъ за играющихъ, дѣло квартеръ-бековъ поймать его на лету и съ быстротой молніи отбросить въ сторону противниковъ. Если они окажутся очень проворными, то имъ удается отнести мячъ очень далеко прежде, чѣмъ ихъ поймаютъ, «захватятъ», какъ мы говоримъ. Кромѣ того, они должны постоянно слѣдить за квартеръ-беками противниковъ и «захватывать ихъ», если тѣ уходятъ со своихъ мѣстъ. Позади квартеръ-бековъ находятъ два «хавъ-бека», я—одинъ изъ нихъ. Отъ нихъ требуется большая быстрота бѣга и большая доля ловкости, такъ какъ хорошій бѣгунъ-противникъ часто перебрасываетъ мячъ за квартеръ-бековъ и тогда хавъ-бекамъ приходится гнать его обратно. Позади хавъ-бековъ находится только одинъ человѣкъ — это бекъ. Онъ является послѣднимъ рессурсомъ, когда мячъ миновалъ всѣхъ остальныхъ. Это долженъ быть надежный футболистъ, сильный и ловкій, на обязанности котораго лежитъ не допустить мячъ до гола, всѣми средствами.—Но вы меня не слушаете, кузина!..

— Ахъ, нѣтъ, слушаю,—сказала Кетъ. Понятно, что громадная волнующаяся кругомъ толпа и новая обстановка настолько развлекали и разсѣивали ее противъ воли, что она съ усиліемъ слушала объясненіе молодого человѣка.

— Вы это все очень быстро поймете, когда увидите!—весело добавилъ студентъ.—А вотъ мы и пріѣхали!

Какъ разъ въ этотъ моментъ экипажъ въѣхалъ черезъ широкія ворота на обширный покрытый травою лугъ съ красивымъ павильономъ въ одномъ концѣ и обнесеннымъ легкой изгородью пространствомъ въ 200 ярдовъ длины и около 100 ярдовъ ширины; ограда была весело разукрашена пестрыми флачками. Кругомъ нея тѣснились тысячи зрителей, въ 30, 35 рядовъ обступавшіе поле, заполняя всѣ возвышенности почвы и всѣ выгодныя для зрителей позиціи. Вдоль ограды за спинами зрителей тянулся рядъ экипажей, въ число которыхъ всталъ и экипажъ Димсдалей, тогда какъ Томъ выскочилъ еще на ходу и, захвативъ свой дорожный мѣшокъ, побѣжалъ въ павильонъ переодѣваться.

Была пора, такъ какъ въ тотъ моментъ, когда ихъ экипажъ только что подъѣзжалъ, толпа привѣтствовала громкимъ гуломъ вышедшихъ на арену англичанъ-борцовъ. Всѣ они были одѣты въ короткія бѣлыя полу-брючки и бѣлые шерстяные джерси, съ красной розой, вышитой на груди. Все это были молодецъ къ молодцу, рослые, статные и красивые молодые атлеты, ловкіе и проворные, какъ веселые котята, сильные и мощные, какъ молодые бычки; сразу можно было сказать, что съ ними справиться будетъ не легко. Это былъ цвѣтъ мѣстнаго университета и нѣсколькихъ Лондонскихъ клубовъ футболистовъ; всѣ они уже составили себѣ имена, которыя были извѣстны во всѣхъ кружкахъ, гдѣ играютъ въ футболъ. Вонъ высокій долговязый юноша, — это Ивенсъ, лучшій хавъ-бекъ, который, какъ говорятъ, способенъ отшвырнуть мячъ ногой дальше, чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ; а вотъ и Буллеръ, знаменитый Кембриджскій квартеръ-бекъ, легкій и изворотливый, какъ угорь. А этотъ вотъ — Джексонъ, другой квартеръ-бекъ. Тотъ свѣтлый блондинъ, съ волосами цвѣта соломы,—Кольсъ, выдающійся форвардъ. Да, все это были грозные соперники и шансы ихъ на побѣду, еще утромъ стоявшіе пять противъ четырехъ, теперь клонились къ пяти противъ трехъ. Въ ожиданіи выхода противниковъ молодые англичане, къ немалому удовольствію публики, для возбужденія кровообращенія продѣлывали различныя гимнастическія упражненія, такъ какъ въ ихъ тоненькихъ джерси было зябко. Они играли въ чехарду и другія подобныя подвижныя игры.

Но гдѣ же были ихъ противники? Прошло еще нѣсколько томительныхъ минутъ ожиданія,—и вдругъ въ одномъ изъ концовъ арены раздался привѣтственный крикъ толпы, который тотчасъ же подхватили всѣ присутствующіе: сѣверные чемпіоны въ своихъ голубыхъ джерси съ репейникомъ, вышитымъ на груди, вышли на арены. Для знатоковъ мужской красоты и силы представлялась трудная задача рѣшить, какая изъ двухъ партій заключала въ себѣ лучшій подборъ въ отношеніи физическихъ достоинствъ. Сѣверяне, т. е. Шотландцы, въ общемъ казались крупнѣе и массивнѣе и какъ-будто даже сильнѣе и выносливѣе, но при этомъ и нѣсколько грубѣе, чѣмъ ихъ оппоненты; послѣдніе же казались болѣе правильно и симметрично сложенными и, по мнѣнію экспертовъ, были признаны болѣе проворными и легкими.

У шотландскихъ форвардовъ былъ, однако, такой внушительный видъ, что на ихъ выносливость и упорство можно было положиться; на своихъ форвардовъ они и разсчитывали главнымъ образомъ. Впрочемъ, наличность трехъ такихъ футболистовъ, какъ Ивенсъ, Буллеръ и Джексонъ, дѣлала противниковъ особенно сильными, хотя у нихъ и не было въ числѣ форвардовъ людей, равныхъ по силѣ Миллару, Воттсу или Грею. Димсдаль и Гарраувей, шотландскіе хавъ-беки, и Туукей, ихъ квартеръ-бекъ съ его огненно рыжей шевелюрой, были лучшіе изъ сѣверянъ въ заднихъ рядахъ. Жребій присудилъ англичанамъ выборъ головъ; слѣд., на ихъ сторонѣ осталось преимущество играть по вѣтру, а не противъ вѣтра, хотя вѣтра, можно сказать, почти не было. Малѣйшій пустякъ часто имѣетъ громадное значеніе для исхода игры. Ивенсъ, капитанъ англійскихъ форвардовъ, поставилъ мячъ передъ собою на землѣ въ то время, какъ его девять товарищей тѣснились вокругъ него, какъ гончія на охотѣ въ ожиданіи спуска. Въ пятидесяти ярдахъ отъ него, въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ упасть мячъ, тѣсной гурьбой выстроились шотландцы. Раздался рѣзкій звукъ колокола; трепетъ ожиданія пробѣжалъ по толпѣ зрителей. Ивенсъ сдѣлалъ два стремительныхъ шага впередъ,—и желтый мячъ взлетѣлъ на воздухъ, словно его выстрѣлили изъ пушки, чтобы упасть въ ожидавшую его группу противниковъ.

На мгновеніе вся группа форвардовъ сбилась въ кучу, засуетилась, затѣмъ отъ нея отдѣлился Грей, знаменитый Гласговскій форвардъ: плотно подхвативъ подъ руку мячъ

и низко наклонивъ голову, онъ стремительно кинулся впередъ, какъ дикій быкъ, готовый поднять противника на рога, а за нимъ плотной стѣной его девять соратниковъ неслись, какъ ураганъ, готовый опрокинуть и смять все на своемъ пути; остальные пять партнеровъ ихъ слѣдовали за форвардами болѣе умѣреннымъ бѣгомъ, сохраняя все время надлежащее разстояніе между собой и форвардами. Наконецъ, они сбились съ англичанами, съ крикомъ кинувшимися за мячомъ въ тотъ моментъ, какъ ихъ капитанъ швырнулъ его. Первый изъ англичанъ набросился на Грея, чтобы выбить у него мячъ, но Грей, не замедляя бѣга, увернулся на бѣгу въ сторону, и англичанинъ пролетѣлъ мимо. Отъ второго онъ также увернулся въ послѣднюю минуту, но третій проворно далъ ему подножку,—и шотландецъ полетѣлъ черезъ голову и тотчасъ же былъ схваченъ за воротъ. Но это уже было безполезно, такъ какъ падая, онъ умѣлъ бросить мячъ взадъ себя,—и Гордонъ, другой изъ шотландскихъ форвардовъ, поймалъ его и успѣлъ промчаться съ нимъ еще саженъ двѣнадцать прежде, чѣмъ его схватили и повалили. Эта первая удача шотландцевъ совершенно уничтожила преимущество англичанъ, полученное ими отъ права начинать игру, и толпа громко привѣтствовала шотландцевъ.

Но вотъ теперь началась «схватка». Было ли когда либо такое племя людей, у которыхъ подобная схватка называлась-бы «игрой»! Двадцать человѣкъ молодыхъ силачей атлетовъ до того тѣсно схватываются и сплетаются между собой, что становится не только трудно, но даже положительно невозможно распознать, чья это рука или ноги; напрягаютъ не только всѣ свои мускулы, но и всѣ фибры своего существа другъ противъ друга, и все же такъ хорошо сохраняютъ свое равновѣсіе, что весь этотъ плотный, словно спаянный, клубокъ борцовъ остается абсолютно неподвижнымъ на мѣстѣ. Въ срединѣ его волнуется цѣлый хаосъ плечъ, головъ, рукъ, то подымающихся, то опускающихся съ удивительной быстротой и ловкостью, а по краямъ зрители видятъ напряженныя ноги, безпрерывно топчущіяся на мѣстѣ, чтобы найти лучшую точку опоры; ноги, повидимому, совершенно независимо дѣйствуютъ отъ остального корпуса ихъ владѣльцевъ, головы и плечи которыхъ втиснуты въ общій узелъ схватки. Сила давленія такъ велика, что даже потерявшій сознаніе борецъ не могъ бы упасть или даже пошатнуться

за недостаткомъ мѣста,—и при всемъ томъ ни тѣ, ни другіе изъ состязающихся не отступаютъ ни на шагъ, ни на вершокъ.

По краямъ этого клубка форвардовъ, отбивающихъ другъ у друга мячъ и силящихся оттѣснить другъ друга назадъ, держатся на нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи спокойные и внимательные квартеръ-беки, неотступно слѣдящіе за борющимися гигантами, не спуская также глазъ и другъ съ друга. Пусть только мячъ вылетитъ изъ клубка и полетитъ въ сторону одного изъ нихъ, — и они тотчасъ-же подхватятъ его и пробѣгутъ нѣсколько сажень прежде даже, чѣмъ кто-либо въ клубкѣ борцовъ успѣетъ спохватиться, что мячъ уже улетѣлъ. Позади квартеръ-бековъ стоятъ зоркіе и сторожскіе полу-беки, дальше всѣхъ отъ центральнаго ядра игроковъ, засунувъ руки въ карманы, стоятъ съ той и другой стороны беки, въ полномъ сознаніи, что до нихъ дѣло не скоро дойдетъ и что они еще успѣютъ приготовиться исполнить свою обязанность, такъ какъ мячъ не такъ-то скоро и легко минуетъ тѣхъ четверыхъ игроковъ, которые стоятъ между борцами и ими.

Теперь кучка борцовъ начинаетъ слегка колыхаться то взадъ, то впередъ; и тѣ, и другіе поочередно то отстаютъ на полъ шага, то наступаютъ. Толпа оретъ отъ восторга: «Поборола Шотландія!» — «Поборола Англія!» — «Шотландія!» — «Англія!» Эти крики, это рычаніе толпы могло бы взбунтовать самую сонную, самую вялую кровь. Кетъ Харстонъ уже не сидитъ, а встала и стоитъ во весь ростъ въ экипажѣ, вся раскраснѣвшаяся, возбужденная и радостная. Ея симпатіи на сторонѣ «алой розы», хотя ея товарищъ дѣтства, ея кузенъ, и стоитъ въ рядахъ противниковъ этой розы. Маленькій докторъ въ такомъ же восторгѣ и возбужденіи, какъ и сами юные участники игры, и даже ихъ возница всталъ на свои козла и махаетъ шляпой и кричитъ, привѣтствуя каждую удачу шотландцевъ. Теперь тяжеловѣсность противниковъ алой розы начинаетъ сказываться: англичане подаются назадъ шага на два, и вдругъ изъ группы бѣлыхъ рубашекъ выростаетъ точно изъ-подъ земли одна голубая рубашка. Онъ проложилъ себѣ дорогу, но мячъ остался позади, и онъ отскакиваетъ назадъ и всѣмъ своимъ вѣсомъ оттѣсняетъ противниковъ отъ мяча, который на мгновеніе загораживаетъ собою и успѣваетъ схватить; происходитъ послѣд-

ній натискъ съ той и другой стороны,—и вотъ плотный узелъ бѣлыхъ раскалывается надвое, и въ брешь врываются шотландцы форварды съ мячомъ въ рукахъ. Эта мощная фаланга расшатала англичанъ, какъ кучу хвороста, вправо и влѣво отъ себя,—и передъ ними нѣтъ уже никого, кромѣ одного маленькаго человѣчка, почти мальчика и по росту, и по вѣсу. Конечно, не ему остановить этотъ могучій напоръ противника. Но, въ тотъ моментъ, когда мячъ летѣлъ въ нѣсколькихъ ярдахъ впереди шотландцевъ, онъ вдругъ подскакиваетъ и схватываетъ его секундой раньше противника и въ тоже время вывертывается изъ рукъ противника, который успѣлъ было схватить его. Теперь его чередъ, этого маленькаго Кембриджскаго квартеръ-бека, показать, изъ какого онъ тѣста сдѣланъ!—Толпа реветъ отъ возбужденія. Съ правой и съ лѣвой стороны бѣгутъ рослые голубые форварды—ловятъ, хватаютъ, преслѣдуютъ,—а посреди нихъ, проворный и изворотливый, какъ рѣчная форель въ пруду, несется маленькій человѣчекъ со спокойнымъ лицомъ, обходя одного, откидывая въ сторону другого, выскальзывая изъ рукъ третьяго. Но вотъ его все-таки поймали! Нѣтъ! Онъ уже опередилъ всѣхъ форвардовъ и, выдѣлившись изъ толпы, задыхаясь бѣжитъ впередъ уже дрожащимъ, невѣрнымъ шагомъ. Смотрите, онъ уже увернулся отъ одного изъ голубыхъ квартеръ-бековъ и отшвырнулъ отъ себя другого. «Молодцомъ Англія»!—кричала толпа.—Браво, Буллеръ!—«Ну-ка теперь, Туукей!»—«Ну-ка, Димсдаль!»—«Молодецъ, Димсдаль! Ловко повалилъ! Ай да, Димсдаль! Молодецъ!.. Маленькій англичанинъ окончилъ свою карьеру, потому что Томъ былъ такъ же проворенъ, какъ онъ: въ тотъ моментъ, когда тотъ стрѣлой проносился мимо него, Томъ успѣлъ обхватить его за поясъ и повалить на землю. Дружные крики огласили при этомъ воздухъ, такъ какъ два хавъ-бека были единственными представителями университета въ данномъ матчѣ, а въ числѣ зрителей было до трехъ тысячъ студентовъ. Добродушный маленькій докторъ, весь красный отъ удовольствія, съ нескрываемымъ восторгомъ слышалъ, какъ кругомъ привѣтствовали и одобряли «его мальчика» тысячи возбужденныхъ голосовъ.

Партіи, какъ-то признавали всѣ компетентные и безпристрастные судьи, были почти равны. Въ продолженіи первыхъ 40 минутъ каждый значительный успѣхъ той или другой

партіи тотчасъ же нейтрализовался противникомъ. Главный центръ игры переносился то въ ту, то другую сторону, въ силу натиска или отпора, не не болѣе какъ на какихъ-нибудь 20, 30 шаговъ отъ середины арены. До сего времени ни чьему голу еще не грозила серьезная опасность. Въ продолженіи послѣдующихъ 40 минутъ многіе начинали думать, что быстрота и выносливость англичанъ возьмутъ верхъ надъ тяжелыми и громосткими шотландцами. Но послѣдніе, очевидно, вовсе не падали духомъ. Они стоятъ тѣсной группой, утирая свои мрачныя и суровыя лица и обсуждая между собой положеніе игры, такъ какъ по прошествіи каждыхъ 40 минутъ голы мѣняютъ, и дѣлается небольшой перерывъ.

Если всѣ участники матча играли отчаянно съ самаго начала, то теперь стали играть съ еще большимъ увлеченіемъ и азартомъ, потому что теперь близокъ былъ послѣдній рѣшительный моментъ. Каждый изъ играющихъ игралъ теперь такъ, словно отъ него одного зависила вся игра. Все снова и снова Грей, Андерсонъ и Гордонъ и ихъ грозная фаланга растрепанныхъ, тяжело дышащихъ шотландцевъ мчалась съ мячомъ въ рукахъ, но каждый разъ англійскіе хавъ- и квартеръ-беки болѣе чѣмъ возмѣщали слабость своихъ форвардовъ и вновь переносили борьбу въ непріятельскую землю. Два или три раза Ивенсъ, долговязый капитанъ англійскихъ форвардовъ, славившійся тѣмъ, что могъ дошвырнуть мячъ до гола почти съ любого мѣста «граунда», завладѣвалъ мячомъ, но всякій разъ прежде, чѣмъ онъ успѣвалъ швырнуть его, у него его выхватывалъ кто нибудь изъ противниковъ. Наконецъ, и ему посчастливилось: мячъ вырвался изъ клубка борцовъ и попалъ въ руки Буллера, который тотчасъ же перебросилъ его стоявшему за нимъ хавъ-беку. Невозможно было успѣть нагнать его. Онъ схватилъ мячъ и, измѣривъ взглядомъ разстояніе до гола, пробѣжалъ нѣсколько шаговъ и пустилъ мячъ съ такой силой, что его долговязыя ноги съ страшной силой мелькнули въ воздухѣ, и затѣмъ водарилось мертвое молчаніе, пока мячъ, описавъ высокую параболу, наконецъ, упалъ прямо, словно съ неба, внизъ, задѣвъ за поперечину гола и остался лежать на травѣ у столба. Послышался стонъ нѣсколькихъ огорченныхъ патріотовъ, слившійся съ радостными криками толпы, привѣтствовавшей англичанъ.

Однако, побѣда еще не была окончательно за ними. Остава-

лось еще 10 минутъ, которыми шотландцы могли воспользоваться, чтобы отнять у нихъ эту побѣду, а англичане—чтобы закрѣпить ее окончательно за собой. Сѣверяне послѣ выше упомянутаго удара играли такъ яростно, что мячъ все время держался близъ англійскаго гола, и только превосходная игра англійскихъ бековъ спасала ихъ отъ блестящаго реванша. Прошло пять минутъ; и шотландцевъ въ свою очередь оттѣснили англичане. Цѣлый рядъ блистательныхъ выбѣговъ Буллера, Джексона и Ивенса перенесъ поле битвы къ шотландскому голу, и казалось, что они снова одержатъ побѣду, какъ вдругъ произошла рѣзкая перемѣна. До окончанія времени игры оставалось всего еще три минуты, когда Туукей, одинъ изъ голубыхъ квартеръ-бековъ, овладѣлъ мечомъ и, великолѣпно пробѣжавъ громадное разстояніе и пробившись черезъ форвардовъ и преграждавшихъ ему дорогу квартеръ-бековъ, вдругъ былъ сбитъ съ ногъ Ивенсомъ, но успѣлъ бросить мячъ за спину. Димсдаль, гнавшійся все время за нимъ, чтобы выручить товарища въ нужную минуту, поймалъ мячъ на лету въ тотъ самый моментъ, когда Туукей бросилъ его взадъ себя.

«Теперь или никогда!»—подумалъ юноша и готовъ былъ пожертвовать, чѣмъ угодно, чтобы благополучно миновать тѣхъ трехъ противниковъ, которые теперь еще стояли между нимъ и голомъ противника. Какъ вихрь пронесся онъ мимо Ивенса прежде, чѣмъ задержавшій Туукая хавъ-бекъ успѣлъ отдѣлаться отъ цѣпкаго шотландца. Теперь оставалось еще два противника на его пути. Одинъ изъ нихъ былъ второй бѣлый хавъ-бекъ, широкоплечій, мощнаго сложенія, устремившійся на него съ невѣроятною силой. Не стараясь увернуться отъ него, Димсдаль, низко опустивъ голову, налетѣлъ прямо на него, такъ что оба сшиблись съ невѣроятной силой; произошелъ толчекъ, и обоихъ откинуло назадъ силою столкновенія. Димсдаль оправился первый и успѣлъ пробѣжать прежде, чѣмъ его соперникъ могъ схватить и повалить его. Теперь не болѣе 20 шаговъ отдѣляло его отъ Англійскаго гола; между Томомъ Димсдалемъ и голомъ стоялъ только одинъ человѣкъ, хотя человѣкъ шесть или семь еще гналось за нимъ и нагоняло его сзади. Этотъ послѣдній англичанинъ бекъ изловчился обхватить его вокругъ пояса, и въ то же время одинъ изъ нагнавшихъ противниковъ схватилъ его за воротъ куртки, что, собственно говоря, не дозволяется. Всѣ трое тяжело повалились на землю. Но дѣло уже было сдѣлано.

Падая, Димсдаль изловчился зашвырнуть мячъ, который слабо взлетѣлъ вверхъ, полетѣлъ внизъ и ударился прямо въ англійскій голъ. Едва успѣлъ онъ коснуться земли, какъ ударилъ колоколъ, возвѣщавшій окончаніе матча. Но звукъ его былъ заглушенъ бурнымъ взрывомъ восторга многотысячной толпы. Тысячи шляпъ и платковъ взвились къ небу; тысячи голосовъ гудѣли и ликовали, сливаясь въ одинъ общій ревъ, а тѣмъ временемъ главный виновникъ этого торжества все еще сидѣлъ на землѣ, правда, улыбающійся, но страшно блѣдный; одна рука его безсильно висѣла вдоль корпуса.

— Ну, переломъ ключицы еще небольшая цѣна за спасеніе такого матча, какъ этотъ, за спасеніе чести своей партіи!— думалъ Томъ Димсдаль, направляясь къ павильону вмѣстѣ съ отцомъ, подоспѣвшимъ къ нему, и Джекомъ Гарроувей, которые отстраняли отъ него толпу съ обѣихъ сторонъ.

Тучный маленькій докторъ прокладывалъ сыну дорогу сквозь обезумѣвшую толпу, проявляя при этомъ такую энергію и силу, которыя доказывали, что сынъ его унаслѣдовалъ свои атлетическіе таланты отъ него. Спустя полчаса Томъ былъ благополучно водворенъ въ самомъ спокойномъ углу экипажа между подушками и плэдами, съ рукой на перевязкѣ, блѣдный, но спокойный и улыбающійся; а обѣ женщины съ невыразимой заботливостью оправляли вокругъ него шали и подушки, чтобы предохранить его отъ тряски экипажа. Свойство англійской натуры женщины—что молодость, сила и красота меньше вліяютъ на ихъ сердца, чѣмъ слабость и безпомощность сильныхъ и красивыхъ людей. Темно голубые глаза Кетъ были полны теперь такого невыразимаго состраданія, когда она поминутно наклонялась къ нему и все что нибудь поправляла и оправляла, что онъ, уловивъ это выраженіе въ ея глазахъ, вдругъ почувствовалъ, что въ душѣ его, точно помимо его воли, что-то запѣло о веснѣ, о радости жизни, что-то дрогнуло и проснулось въ его сердцѣ, что сдѣлало всѣ его прежнія мечты и надежды блѣдными, безцвѣтными и безсмысленными. Маленькій шаловливый божекъ стрѣляетъ сильно и мѣтко, когда намѣченная имъ цѣль еще стоитъ на зарѣ своей жизни.

Во все время обратнаго пути Томъ спокойно лежалъ на подушкахъ, мечтая объ ангелахъ милосердія и любви,—и вся душа его словно расплывалась въ чувствѣ спокойнаго и тихаго довольства, граничащаго съ блаженствомъ въ тѣ минуты, когда

взглядъ его останавливался на миломъ, серьезномъ и озабоченномъ личикѣ кузины и ея глазахъ, смотрѣвшихъ на него съ такой нѣжностью. Да, это былъ день важныхъ событій въ его жизни: онъ доставилъ имъ побѣду своей партіи,—прославилъ студенчество, сломалъ себѣ ключицу—и, что самое важное изъ всего, онъ вдругъ почувствовалъ, что безнадежно влюбленъ.

VIII. Первый провѣрочный экзаменъ.

Спустя нѣсколько недѣль по своемъ выздоровленіи,. Томъ Димсдалъ долженъ былъ сдать свой первый провѣрочный экзаменъ, и его отецъ, отказавшійся теперь отъ практики, благодаря обезпеченному состоянію, остался въ Эдинбургѣ, чтобы узнать о результатахъ этого великаго событія. Не такъ то легко было уговорить Гирдльстона согласиться на продленіе отпуска Кетъ, но такъ какъ именно въ это время старый коммертансъ былъ слишкомъ озабоченъ своими личными дѣлами, то онъ оказался болѣе податливымъ. Такимъ образомъ, пріѣзжіе продолжали жить въ своей гостинницѣ, въ улицѣ Принцевъ, а молодой студентъ въ своей комнаткѣ въ Ховъ-Стритѣ, гдѣ онъ по утрамъ и въ послѣобѣденное время усердно занимался, а каждый вечеръ старался проводить въ отель Руайяль, гдѣ и оставался до тѣхъ поръ, пока отецъ не гналъ его опять къ книгамъ. Тщетно юноша просилъ объ отсрочкѣ еще на полъ—даже на четверть часа, старикъ докторъ былъ положительно неумолимъ; когда приходило роковое время, несчастный медленно собиралъ со всѣхъ столовъ свои перчатки, шляпу, трость, растягивая эту несложную процедуру, на сколько только было возможно, затѣмъ начиналъ прощаться со своими родственниками, съ чѣмъ онъ также не спѣшилъ, и нехотя уходилъ къ своимъ книгамъ и запискамъ. Но вскорѣ онъ сдѣлалъ пріятное открытіе, а именно, что съ одной изъ скамеекъ въ скверѣ улицы Принцевъ видна была вся гостиная, гдѣ обыкновенно проводили все свое время его родные и любимая имъ молодая дѣвушка. Съ того момента, какъ онъ сдѣлалъ это важное для него открытіе, онъ почти не оставался въ своей комнатѣ по вечерамъ. Правда, скверъ запирался на ночь,—но это нисколько не смущало рѣшительнаго юношу: онъ перелѣзалъ черезъ рѣшетку съ ловкостью и проворствомъ кошки и, усѣвшись на свою скамью, проводилъ здѣсь цѣлые часы, не спуская глазъ съ оконъ гостиной до тѣхъ поръ, пока интересующія его лица оставались

въ комнатѣ. Случалось иногда, что молодая дѣвушка или не появлялась въ гостиной или сидѣла въ такомъ мѣстѣ, что ея нельзя было видѣть черезъ окно. Тогда молодой студентъ возвращался къ себѣ въ самомъ дурномъ настроеніи духа и сидѣлъ до половины ночи, ничего не дѣлая, протестуя противъ судьбы и выкуривая одну за другой крѣпкія сигары. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ имѣлъ счастье видѣть черезъ окно граціозную фигурку своей кузины, онъ испытывалъ неизъяснимое удовольствіе, мысленно разсуждая, что смотрѣть на нее отсюда и наблюдать за каждымъ ея движеніемъ, пожалуй, лучшее, что можно придумать, послѣ удовольствія находиться непосредственно подлѣ нея. И тогда онъ возвращался домой довольный и опять сидѣлъ чуть не до утра, вспоминая каждое ея движеніе и жестъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ докторъ Димсдаль, любовно помышляя о своемъ сынѣ, наивно полагалъ, что его мальчикъ погружается по уши въ пучину научныхъ истинъ и черпаетъ въ нихъ бездну познаній, бездѣльный юноша сидѣлъ себѣ въ пятнадцати шагахъ отъ него, не спуская глазъ со своей прелестной кузины и уйдя по уши въ совершенно иного рода размышленія. Кетъ, конечно, не могла не понять того, что происходило кругомъ нея. Какъ ни чиста и ни невинна дѣвушка, но тайный женскій инстинктъ всегда подскажетъ ей, что она любима. Тогда только она вдругъ сознаетъ, что переступила ту грань, которая отдѣляетъ душевную жизнь ребенка отъ душевной жизни молодой женщины. Для Кетъ это сознаніе выразилось въ чувствѣ безотчетной тревоги и недоумѣнія,—и почти безсознательно ея поведеніе съ кузеномъ нѣсколько измѣнилось.

Сначала она была съ нимъ откровенна и относилась къ нему, какъ сестра къ брату; теперь же стала нѣсколько сдержаннѣе и какъ бы осмотрительнѣе. Онъ тотчасъ-же замѣтилъ эту перемѣну и въ душѣ бѣсился и злился на нее. Онъ даже имѣлъ оплошность выказать ей свое недовольство по этому поводу, послѣ чего она стала какъ будто еще сдержаннѣе и осмотрительнѣе. Тогда влюбленный сталъ изливать свои жалобы въ безсонныя ночи своему изголовью или же разражался цѣлымъ потокомъ плохихъ стиховъ, которые потомъ находила его квартирная хозяйка во время ежедневнаго осмотра его частныхъ писемъ и бумагъ, и потомъ читала избранному кругу своихъ сосѣдей.

Вскорѣ Томъ сталъ проявлять и другіе симптомы постигшаго его нарушенія равновѣсія: онъ всегда отличался нѣкоторой небрежностью въ туалетѣ и нѣсколько неряшливымъ видомъ, что отчасти соотвѣтствовало его образу жизни; теперь же вдругъ, въ одно прекрасное утро, послѣдовательно посѣтилъ своего портного, башмачника, шапочника, перчаточника и парикмахера, а недѣлю спустя вышелъ изъ своей комнаты въ такомъ торжественномъ и блестящемъ видѣ, что произвелъ глубокое впечатлѣніе на свою квартирную хозяйку и повергъ въ немалое удивленіе всѣхъ своихъ друзей. Его старые школьные товарищи едва узнали это добродушное, честное лицо, выглядывавшее теперь изъ подъ блестящаго цилиндра и всплывавшее надъ моднѣйшимъ изъ сюртуковъ.

Но отецъ совсѣмъ не былъ вразумленъ этой перемѣной въ сынѣ.

— Не могу понять, что такое случилось съ мальчикомъ, Кетъ,—выражалъ онъ дѣвушкѣ свое недоумѣніе, послѣ одного изъ посѣщеній сына.—Если бы я думалъ, что онъ превратится въ какого-то глупаго франта, то, кажется, лишилъ бы его наслѣдства! Развѣ ты не замѣчаешь въ немъ перемѣны, Кетъ?

Дѣвушка отвѣчала уклончиво, но ея яркій, вспыхнувшій на щекахъ румянецъ могъ бы открыть глаза старику, если бы онъ его замѣтилъ. Но онъ едва сознавалъ, что его сынъ уже пересталъ быть мальчуганомъ, а дочь Джона Харстона маленькой дѣвочкой въ коротенькихъ юбочкахъ. Впрочемъ, это открытіе обыкновенно дѣлаетъ кто нибудь изъ менѣе близкихъ лицъ и затѣмъ сообщаетъ о немъ домашнимъ и старымъ друзьямъ.

Любовь вообще имѣетъ непохвальную привычку закрадываться въ сердца людей въ самое неудобное время. Но могла ли она выбрать болѣе неподходящее время, какъ то, когда молодой человѣкъ долженъ былъ готовиться къ первому своему университетскому экзамену? Именно въ тѣ недѣли, когда Томъ Димсдаль мучился въ ботинкахъ на два номера меньше и уже своей ноги, изъ желанія сдѣлать свою правильно развитую мускулистую ногу—чуточку болѣе узкой и элегантной, и когда перчатки на его рукахъ лопались пара за парой, приводя въ удивленіе его перчаточника, всѣ его заботы и помышленія должны были бы быть направлены на познаніе и изученіе тайнъ ботаники, химіи и зоологіи.

Въ тѣ драгоцѣнные часы, которые должны были всецѣло

быть посвящены изученію подраздѣла кишечно полостныхъ животныхъ или порядка тайно брачныхъ растеній, онъ напрягалъ всю свою энергію мысли на то, чтобы припомнить слова романса, пропѣтаго наканунѣ его кузиной, или возстановить въ своей памяти точную интонацію, съ какой ею было произнесено замѣчаніе, что сегодня была хорошая погода или что либо другое въ этомъ родѣ. Изъ этого слѣдовало, что когда настал день экзамена, молодой студентъ въ моменты своего умственнаго просвѣтленія начиналъ испытывать сильное безпокойство и тревогу относительно благополучнаго исхода экзамена. Но было время, когда онъ довольно хорошо былъ знакомъ со своимъ предметомъ и при счастьѣ, пожалуй, могъ бы справиться. Теперь онъ рѣшилъ сдѣлать надъ собою энергичное усиліе и наверстать въ одну недѣлю то, на что слѣдовало потратить цѣлый мѣсяцъ. Но когда настал срокъ письменныхъ работъ, то оказалось, что съ ними онъ довольно хорошо справился, и ему болѣе посчастливилось, чѣмъ онъ могъ разсчитывать. Но устный экзаменъ, какъ онъ прекрасно сознавалъ, являлся для него несравненно болѣе опаснымъ.

Было сырое весеннее утро, когда настала очередь устнаго экзамена. Отецъ его и Кетъ довезли его въ экипажѣ до воротъ университета.

— Не падай духомъ, Томъ! Будь бодръ! — сказалъ ему отецъ.—Будь хладнокровенъ и хорошенько соберись съ мыслями. Главное—не теряй головы ни въ какомъ случаѣ!

— Мнѣ кажется, что я перезабылъ все, даже и то немногое, что зналъ!—печально отвѣчалъ Томъ, подымаясь по лѣстницѣ, но когда онъ обернулся и увидѣлъ, что Кетъ весело машетъ ему рукой, у него словно выросли крылья, и онъ сразу повеселѣлъ.

— Мы будемъ ждать тебя къ завтраку,—крикнулъ ему отецъ.—Смотри-же, принеси намъ радостныя извѣстія! И въ то время, какъ онъ еще говорилъ, экипажъ застучалъ по мостовой и покатился внизъ къ мосту, а Томъ присоединился къ группѣ ожидающихъ своей очереди студентовъ, собравшихся у дверей большого актоваго зала.

То была далеко не веселая группа; блѣдные, съ вытянутыми и печальными лицами, утомленные студенты, замученные отчасти напряженіемъ послѣднихъ дней, отчасти вслѣдствіи своего волненія. Непріятно было видѣть ихъ стараніе казаться увѣренными и безпечными, когда они окидывали взглядомъ небо, слов-

но желая изучить состоянiе погоды. Особенно тяжело было слышать, когда тотъ или другой изъ нихъ, собравъ все свое мужество, рѣшался отпустить какую-нибудь остроту или шутку, надъ которой всѣ остальные начинали шумно смѣяться, какъ бы желая показать, что даже въ этотъ рѣшительный моментъ они могли оцѣнить шутку. Но когда тотъ или другой изъ нихъ противъ воли напоминалъ объ экзаменѣ или разъяснялъ подробности вопроса, сдѣланнаго наканунѣ Бэкеру или Броуну, то всѣ вдругъ становились озабоченными и серьезными, и напускная беззаботность и веселiе разомъ сбѣгали у нихъ съ лица. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ особенно ухудшаютъ положенiе нѣкоторые шутники-утѣшители, которые забавляются тѣмъ, что подбираясь къ такой группѣ и безъ того озабоченныхъ и удрученныхъ молодыхъ людей, въ душѣ издѣваясь надъ ними, предлагаютъ имъ нелѣпѣйшiе вопросы, утверждая, что это излюбленный конекъ того или другого экзаменатора. Одинъ изъ такихъ субъектовъ подошелъ и къ Димсдалю, и, тронувъ его за локоть, затушилъ въ немъ послѣднюю искру надежды, остававшуюся въ немъ.

— Что вы знаете о какодилѣ?..—многозначительно спросилъ онъ.

— Какодилъ?.. Какодилъ!—воскликнулъ Томъ, растерявшись.—Это, вѣроятно, какое-нибудь изъ допотопныхъ рептилiй.—Не правда ли?

На лицѣ подошедшаго изобразилась болѣзненная, слабая улыбка.

— Нѣтъ, это взрывчатая органическая смѣсь. Васъ, навѣрное, объ этомъ спросятъ.—Это, знаете-ли, конекъ проф. Писмера! Онъ всѣхъ рѣшительно спрашиваетъ о томъ, какъ ее приготовляютъ!

Томъ, сильно встревоженный такими свѣдѣнiями, лихорадочно старался вывѣдать у товарищей кое-что объ этой смѣси, какъ вдругъ зазвонилъ колокольчикъ въ залѣ, и въ дверяхъ появилось красное вздутое лицо служителя, державшаго полоску голубой бумажки.

«Диллонъ, Димсдаль, Дугласъ!»—выкрикнулъ онъ напыщенно торжественнымъ голосомъ, и трое несчастныхъ молодыхъ людей протискались черезъ щель полуоткрытой двери въ торжественный актовый залъ.

Обстановка этой залы въ данный моментъ также не была разсчитана на то, чтобы обнадежить ихъ. Здѣсь стояли три

громадныхъ стола на разстояніи нѣсколькихъ саженъ другъ отъ друга; они были загромождены различными научными приборами, инструментами и пособіями; за каждымъ изъ нихъ сидѣло по два пожилыхъ господина съ угрюмыми, непривѣтливыми лицами, смотрящими критически и, какъ будто недоброжелательно.

«Диллонъ—ботаника; Димсдаль—зоологія; Дугласъ—химія»!—еще разъ возгласилъ служитель, глядя на свою полоску голубой бумаги, и каждый изъ студентовъ скромно и степенно подошелъ къ соотвѣтствующему столу. Томъ очутился лицомъ къ лицу съ громаднымъ крабомъ, который, казалось, смотрѣлъ на него съ большимъ лукавствомъ и злорадствомъ. А позади краба сидѣлъ профессоръ, который благодаря своимъ выпученнымъ глазамъ, круглому, шаровидному животу и крючковатымъ рукамъ, до того походилъ на краба, лежащаго передъ нимъ, что молодой студентъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Сэръ,—проговорилъ худощавый, гладко выбритый и на голо остриженный, высокій господинъ, сидѣвшій въ другомъ концѣ стола,—прошу васъ быть серьезнымъ: теперь не время проявлять ваше легкомысліе!

— Скажите мнѣ, что это такое!—спросилъ маленькій профессоръ, вручая Тому Димсдалю маленькій круглый предметъ.

— Это *echinus*, морской эжъ! — торжествующимъ тономъ отвѣтилъ студентъ.

— Обладаютъ они какой-нибудь циркуляціей?—спросилъ второй экзаменаторъ.

— Системой циркуляціи воды!—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Опишите ее!

Томъ началъ говорить бойко и бѣгло; но въ разсчеты экзаменаторовъ не входило позволить ему потратить всѣ пятнадцать минутъ предназначеннаго ему времени на расписываніе того, что онъ хорошо зналъ. Поэтому, послѣ первыхъ же двухъ-трехъ фразъ, они прервали его новымъ вопросомъ.

— Скажите, какъ передвигаются эти животныя.

— Благодаря системѣ длинныхъ трубокъ, которыя они, по желанію, могутъ выбрасывать впередъ или втягивать!

— Какимъ образомъ эти трубки даютъ имъ возможность передвигаться?

— Они снабжены присосками, эти трубки!

— Какого вида эти присоски?

— Это круглые полые диски!

— А вы увѣрены, что они круглые?—довольно рѣзко спросилъ второй экзаменаторъ.

— Да,—сказалъ Томъ твердо, хотя представленіе его на этотъ счетъ было довольно смутное.

— А какъ эти присоски дѣйствуютъ?—опять спросилъ высокій господинъ.

Томъ начиналъ сознавать, что эти два человѣка за длиннымъ столомъ проявляютъ по отношенію къ нему весьма неприличное любопытство; ему стало казаться, что нѣтъ возможности удовлетворить ихъ безграничной любознательности.

— Путемъ образованія пустоты!—почти съ огорченіемъ выкрикнулъ студентъ.

— А какимъ образомъ они образуютъ эту пустоту?

— Путемъ сокращенія мускульнаго бугра въ центрѣ!

— А что заставляетъ его сокращаться?

Теперь Томъ окончательно потерялъ голову; онъ готовъ былъ сказать «электричество!», какъ вдругъ счастливая мысль озарила его, и во время успѣвъ сдержаться отъ необдуманнаго отвѣта, онъ произнесъ:

— Мускульная сила!

— Очень хорошо!—сказали разомъ оба экзаменатора, но высокій господинъ не унимался и тотчасъ же продолжалъ допрашивать.

— А этотъ мускулъ состоитъ изъ обнаженныхъ или необнаженныхъ фибровъ?

— Необнаженныхъ!—выкрикнулъ наугадъ Томъ, и оба экзаменатора, потирая отъ удовольствія руки, почти въ одинъ голосъ заявили—«Прекрасно! Очень хорошо!»—послѣ чего волосы на головѣ Тома, ставшіе было дыбомъ отъ ужаса передъ экзаменаторами, начали мало-по-малу спокойно ложиться, и онъ пересталъ чувствовать себя такъ, какъ будто находится въ турецкихъ баняхъ.

— Сколько зубовъ у кролика?—вдругъ спросилъ его высокій господинъ.

— Не знаю!—кротко отвѣтилъ студентъ.

Господа ученые торжествующе переглянулись между собой.

— Онъ не знаетъ!—насмѣшливо и какъ-будто радостно воскликнулъ маленькій пучеглазый профессоръ. — Онъ не знаетъ!

— Я посовѣтовалъ бы вамъ сосчитать ихъ слѣдующій разъ, когда вамъ подадутъ жаренаго кролика за обѣдомъ!—

совершенно серьезно произнесъ высокій экзаменаторъ. Но такъ какъ это весьма походило на шутку, то Томъ счелъ нужнымъ засмѣяться, хотя смѣхъ его вышелъ какимъ-то страннымъ, внушающимъ скорѣе ужасъ, чѣмъ порождающимъ веселье.

Послѣ того экзаменующагося стали допрашивать о птеродактилахъ и о разницѣ въ анатомическомъ строеніи между летучей мышью и птицей, о миногахъ и вьюнахъ, о хрящеватыхъ рыбахъ и ланцетникахъ. На всѣ эти вопросы Томъ отвѣчалъ болѣе или менѣе удовлетворительно, чаще «менѣе», чѣмъ «болѣе», и когда, наконецъ, зазвенѣлъ колокольчикъ, что являлось знакомъ окончанія испытанія, то высокій господинъ наклонился надъ листомъ бумаги, лежавшимъ передъ нимъ, и намѣтилъ на немъ противъ фамиліи студента слѣдующій іероглифъ S и B.

Зоркіе глаза Тома тотчасъ-же уловили эти пріятные для него знаки, и онъ отошелъ отъ стола весьма довольный, такъ какъ зналъ, что эти буквы означали «satis bene»; что касается знака минуса, слѣдовавшаго за ними, то онъ не придавалъ ему особаго значенія. Что ему было до того, болѣе или менѣе удовлетворительны были его познанія, главно то, что онъ выдержалъ свой экзаменъ по зоологіи, а это было все, что ему требовалось въ настоящее время.

IX. Плохой конецъ.

Но впереди было еще не мало препонъ. Когда Томъ подошелъ къ столу ботаника, сѣдобородый экзаменаторъ сдѣлалъ знакъ рукой, указывая на разставленный передъ нимъ рядъ микроскоповъ; экзаменующійся долженъ былъ брать одинъ за другимъ микроскопы и высказываться относительно того, что онъ видитъ. Казалось, будто Томъ вложилъ всю душу въ тотъ одинъ глазъ, которымъ онъ прильнулъ къ микроскопу, но то, что онъ въ немъ видѣлъ, по его мнѣнію, всего болѣе походило на пластъ льда съ явными слѣдами коньковъ на немъ.

— Ну-те-ка... Ну-те-ка, поторапливайтесь!—пробормоталъ съ видимымъ нетерпѣніемъ профессоръ.—Вѣжливость вообще считается большинствомъ Эдинбургскихъ экзаменаторовъ совершенно излишней, и здѣсь профессора не особенно церемонятся съ господами студентами.—Если вы ничего не можете сказать по этому предмету, переходите къ слѣдующему!—сердито пробормоталъ профессоръ, спустя немного.

Этотъ уважаемый профессоръ,—хотя онъ въ душѣ былъ самый добродушнѣйшій человѣкъ, былъ однако извѣстенъ за одного изъ коварнѣйшихъ экзаменаторовъ, за одного изъ числа тѣхъ профессоровъ, которые смотрятъ на этого рода испытанія, какъ на случай помѣряться силами съ экзаменующимися. Онъ представлялъ себѣ это дѣло такъ, что студентъ старался во что бы то ни стало пройти черезъ этотъ искусъ, какъ черезъ тѣсную дверь,—а онъ, профессоръ, обязанъ съ своей стороны всячески помѣшать ему пройти, чего онъ въ большинствѣ случаевъ и достигалъ съ большимъ успѣхомъ.

— Ну-съ, поторапливайтесь!—Поторапливайтесь, молодой человѣкъ!—сердито торопилъ старикъ.

— Это разрѣзъ листа!—сказалъ, наконецъ, Томъ.

— Ничего похожаго!—воскликнулъ экзаменаторъ возмущеннымъ тономъ.—Вы весьма ошибаетесь! Вы даже очень сильно заблуждаетесь, молодой человѣкъ: это—«spirilloe» водяного растенія. Переходите къ слѣдующему!

Совершенно растерявшійся и смущенный Томъ тоскливымъ взглядомъ окинулъ длинный рядъ микроскоповъ и сталъ смотрѣть въ слѣдующій.

— Это препаратъ stomata (устьицъ листа),—сказалъ онъ, узнавая по рисунку въ своемъ учебникѣ ботаники.

Профессоръ опять потрясъ головой, какъ будто неодобрительно, но тѣмъ не менѣе сказалъ: «вы правы,—это вѣрно;—переходите къ слѣдующему!» Но оказалось, что третій препаратъ былъ столь же необъяснимъ и непонятенъ для Тома, какъ и первый, и онъ готовился уже встрѣтить неизбѣжное «не вѣрно»,—какъ вдругъ неожиданное обстоятельство повернуло все въ его пользу. Оказалось, что второй экзаменаторъ былъ не столь острой косой, косящей, какъ траву, юныхъ мучениковъ науки, какъ его уважаемый собратъ; онъ сохранилъ въ себѣ еще достаточно жизненности, чтобы интересоваться также и вещами, чуждыми его спеціальности; онъ узналъ въ молодомъ студентѣ юнаго героя, пострадавшаго ради того, чтобы поддержать честь своей страны, и такъ какъ этотъ экзаменаторъ былъ въ тоже время и горячимъ патріотомъ, то сердце его смягчилось и, видя серьезную опасность, грозящую юношѣ, онъ вступился за него, т. е. помогъ ему, поправивъ нѣсколько пояснительными вопросами и поддерживалъ до тѣхъ поръ, пока маленькій звонокъ не возвѣстилъ, что ему пора переходить къ слѣдующему столу... Въ результатѣ, хотя старѣйшій коллега покачивалъ

неодобрительно своей головой, выражая свое невысокое мнѣніе о познаніяхъ экзаменующагося, тѣмъ не менѣе на листѣ отмѣтокъ опять появилось «S. B.» Томъ Димсдаль облегченно вздохнулъ при видѣ ея и, откланявшись обоимъ профессорамъ, перешелъ къ третьему столу.

Но, увы!—часто на послѣднемъ препятствіи ѣздокъ, благополучно прошедшій всѣ остальныя, вдругъ летитъ кувыркомъ. То же самое было суждено и Томасу Димсдаль. Въ то время, какъ онъ переходилъ отъ второго стола къ третьему, что-то вдругъ напомнило ему нелѣпый разговоръ тамъ, въ смежной залѣ, о диковинномъ составѣ «какодилъ». А стоитъ только экзаменующему поддаться подобной нелѣпости, какъ она начинаетъ преслѣдовать его, и тогда ничто не въ силахъ изгнать ее изъ его головы. Томъ почувствовалъ, что у него голова идетъ кругомъ; онъ провелъ рукой по лбу и своимъ вьющимся бѣлокурымъ волосамъ, стараясь собраться съ силами. Имъ овладѣло непреодолимое желаніе сказать своимъ экзаменаторамъ, что онъ прекрасно знаетъ, о чемъ они его спросятъ и что для него было совершенно безнадежно пытаться отвѣтить имъ.

Старшій экзаменаторъ былъ краснощекій, добродушный господинъ въ очкахъ съ милой, мягкой манерой и ласковымъ обращеніемъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько не относящихся къ дѣлу пустяшныхъ замѣчаній своему коллегѣ съ цѣлью дать молодому студенту время нѣсколько оправиться и собраться съ мыслями, затѣмъ, наконецъ, обратился къ нему и спросилъ самымъ милымъ, доброжелательнымъ тономъ:

— Катались ли вы когда нибудь на лодкѣ по пруду?

Томъ сознался, что ему это случалось не разъ.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ экзаменаторъ,—вамъ, вѣроятно, приходилось случайно задѣвать весломъ илъ на днѣ?

Томъ призналъ, что это было весьма возможно.

— Если такъ, то вы могли замѣтить, что со дна подымался на поверхность большой пузырь или цѣлый рядъ пузырей. Такъ вотъ скажите мнѣ, изъ какого газа состоятъ эти пузыри?

Вопросъ былъ не изъ трудныхъ, и въ другое время Томъ могъ бы не задумываясь отвѣтить на него, но на этотъ разъ злополучный юноша, преслѣдуемый своею неотвязной мыслью, вдругъ почувствовалъ, что для него насталъ роковой моментъ, и ни минуты не задумываясь, съ полной увѣренностью отвѣтилъ, что эта смѣсь есть какодилъ!

Никто еще никогда не видалъ двухъ столь удивленныхъ

людей; никогда двое обыкновенно серьезныхъ ученыхъ не смѣялись такъ отъ всей души, какъ вышеупомянутые два экзаменатора, услышавъ отвѣтъ экзаменующагося. Эта неудержимая веселость профессоровъ заставила Тома очнуться, и онъ съ чувствомъ безпредѣльнаго отчаянія понялъ, что рѣчь шла о болотномъ газѣ, одномъ изъ самыхъ простѣйшихъ и обычнѣйшихъ химическихъ тѣлъ.—Но теперь,—увы,—было ужъ слишкомъ поздно!—И онъ ясно сознавалъ, что теперь уже ничто не можетъ его спасти: при далеко не блестящихъ отмѣткахъ по зоологіи и ботаникѣ, подобная оплошность по химіи являлась непоправимой. Онъ сдѣлалъ то, что ему только и оставалось сдѣлать, а именно, вставъ со своего мѣста, отвѣсилъ почтительный поклонъ экзаменаторамъ и, не сказавъ ни слова болѣе, вышелъ изъ залы, къ великому и безпримѣрному удивленію служителя, который никогда еще не былъ свидѣтелемъ такого нарушенія установленнаго decorum'а.

Затворяя за собою дверь, молодой студентъ взглянулъ назадъ и увидѣлъ, что и остальные профессора покинули свои мѣста и съ любопытствомъ слушали отчетъ одного изъ химиковъ о случившемся, и едва затворилась дверь, какъ зала огласилась громкимъ хохотомъ шести ученыхъ мужей. Въ смежной комнатѣ студента обступили товарищи въ надеждѣ узнать отъ него причину смѣха и веселости профессоровъ, но онъ сердито оттолкнулъ ихъ отъ себя и прошелъ мимо нихъ къ выходу, поспѣшно сбѣжалъ по ступенямъ университетской лѣстницы и успокоился только тогда, когда оставилъ это почтенное зданіе далеко за собой. Онъ зналъ, что эта глупая исторія и безъ его содѣйствія распространится скоро между студентами, и теперь помышлялъ только объ одномъ, какое ему принять рѣшеніе и какъ уладить то дѣло, о которомъ онъ въ послѣднее время много думалъ.

Между тѣмъ старики Димсдаль и Кэтъ давно уже съ тревогой и нетерпѣніемъ поджидали его въ уютной гостиной отеля. Маленькій докторъ по началу даже проявлялъ по этому случаю легкій цинизмъ и прикидывался равнодушнымъ, но этого хватило не надолго, и по мѣрѣ того, какъ время шло, добродушный маленькій господинъ начиналъ все больше волноваться, пока, наконецъ, не сталъ бѣгать по комнатѣ, барабаня пальцами по мебели и проявляя всѣ признаки сильнѣйшаго нетерпѣнія. Кэтъ была откомандирована къ окну, у котораго она стояла, какъ часовой на часахъ, не спуская глазъ съ улицы и не про-

пуская ни одного прохожаго, чтобы въ случаѣ, если она увидитъ своего кузена, тотчасъ же дать знать старикамъ о его приближеніи.

— Ты все еще не видишь его?—чуть не въ двадцатый разъ спрашивалъ ее докторъ.

— Нѣтъ, дорогой мой, не вижу!—отвѣчала Кэтъ, пожирая глазами улицу, во всю ея длину.

— Онъ теперь, навѣрное, уже вышелъ изъ университета. Онъ долженъ былъ прямо идти сюда, къ намъ...—Не понимаю, что онъ такъ долго пропадаетъ!.. Отойди отъ окна, Кэтъ; намъ не слѣдуетъ показывать этой мартышкѣ, что мы такъ безпокоимся о немъ!—говорилъ докторъ.

Кэтъ послушно отошла отъ окна и сѣла подлѣ старика, ласково гладя своей маленькой бѣленькой ручкой его широкую загорѣлую руку.

— Вы не безпокойтесь, дорогой мой,—говорила она успокоительно,—я увѣрена, что все кончится благополучно!

— Да, и я увѣренъ, что онъ выдержитъ!—сказалъ докторъ—но—Господи, что это такое?!

Существо, вызвавшее у старика послѣднее восклицаніе, была очень широколицая и очень краснощекая дѣвочка школьнаго возраста, съ кипой книгъ и грифельной доской подъ мышкой, неожиданно появившаяся на порогѣ гостиной.

— Извините, сэръ,—промолвила пришедшая, дѣлая торопливый книксенъ,—я Сарра Джэнъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—отозвался докторъ съ добродушной ироніей.—Ну, и что же вамъ здѣсь угодно, Сарра Джэнъ?

— Извините, сэръ, моя мать, мистриссъ Макъ-Тавишъ, просила меня передать вамъ это письмо отъ молодого господина, что живетъ у нея.—Съ этими словами маленькая посланница вручила старику письмо и, продѣлавъ въ другой разъ такой же потѣшный книксенъ, удалилась.

— Что бы это значило? Письмо адресовано ко мнѣ и написано рукой Тома!—пробормоталъ докторъ.

— О, Господи! Господи! — воскликнула мистриссъ Димсдаль съ свойственной женщинамъ догадливостью.—Это значитъ, что онъ не выдержалъ экзамена!

— Не можетъ быть!—возразилъ докторъ, обрывая дрожащими отъ волненія пальцами конвертъ.—А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ такъ!—продолжалъ онъ, пробѣгая глазами письмо.—Ты права, Матильда!—Бѣдный мальчикъ! Онъ этимъ еще болѣе

разстроенъ, чѣмъ мы, такъ ужъ мы не должны его бранить за это!—и добродушный старикъ сталъ внимательно перечитывать письмо сына. Содержаніе его было слѣдующее:

«Дорогой отецъ!»

Ты будешь огорченъ, я знаю, услышавъ о томъ, что я не выдержалъ экзамена. Но повѣрь мнѣ, я и самъ этимъ очень разстроенъ, потому что знаю, что причинилъ горе и разочарованіе тебѣ и мамѣ,—а вы оба ни того, ни другого не заслужили отъ меня.

Для меня же лично это несчастіе не столь ужасно въ томъ отношеніи, что даетъ мнѣ случай обратиться къ тебѣ, отецъ, съ просьбой о томъ, что я давно уже задумалъ и съ чѣмъ давно ношусь; а именно, съ просьбой позволить мнѣ бросить университетъ и заняться коммерческими дѣлами. Вы никогда не скрывали отъ меня вашихъ денежныхъ дѣлъ, и я знаю, что еслибы я даже окончилъ свой факультетъ, то никогда не имѣлъ-бы надобности быть практикующимъ врачомъ; мнѣ это, впрочемъ, вовсе не улыбалось! Я долженъ былъ потратить пять лѣтъ своей жизни на пріобрѣтеніе познаній, совершенно для меня не нужныхъ, и къ тому-же я лично не имѣю никакой склонности къ медицинѣ, а жить просто на доходы съ родительскихъ капиталовъ, на деньги, заработанныя другими,—для меня тошно. Вотъ почему я хотѣлъ бы сразу вступить на новый путь будущей моей карьеры и всего лучше, если-бы я вступилъ на него теперь же. Какою должна быть эта новая моя карьера, я предоставляю вамъ рѣшить; я же лично полагаю, что еслибы я вложилъ часть своего капитала въ какое-нибудь коммерческое предпріятіе, то, пристрастившись къ данному дѣлу, могъ бы зарабатывать кое что. Въ данный моментъ я слишкомъ удрученъ, слишкомъ пришибленъ неудачей, чтобъ явиться къ вамъ сегодня вечеромъ, но завтра надѣюсь услышать ваше рѣшеніе изъ вашихъ собственныхъ устъ. Томъ.

— Быть можетъ, эта неудача и не повредитъ никому!—примирительнымъ тономъ замѣтилъ добродушный маленькій докторъ, складывая письмо сына и укладывая его въ свой бумажникъ.—Какъ знать!

X. Люди Богемы.

Мѣстопребываніе маіора Тобіа Клеттербека, ранѣе служившаго въ 119-томъ легкомъ пѣхотномъ полку, не было извѣстно никому изъ друзей. Правда, иногда онъ упоминалъ мимоходомъ

о своемъ скромномъ маленькомъ уголкѣ, и при случаѣ вскользь замѣчалъ своимъ новымъ знакомымъ, что будетъ радъ, если они заглянутъ къ нему, когда нибудь, когда будутъ въ его краяхъ; но, съ другой стороны, онъ тщательно избѣгалъ самаго отдаленнаго намека на то, гдѣ находятся эти «его края», и потому его любезное приглашеніе никогда не имѣло практическихъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе, у собесѣдника получалось пріятное впечатлѣніе о гостепріимствѣ милаго маіора, что не рѣдко вело къ болѣе существенной любезности со стороны этихъ новыхъ знакомыхъ. Внушительная фигура маіора была весьма знакомой фигурой въ игорной комнатѣ «Рагъ и Бабтэль», а также и въ итальянскихъ окнахъ роскошнаго помѣщенія Jeunesse dorée. Высокій и величественный, съ плотной фигурой и полнымъ лицомъ, выглядывавшимъ изъ непомѣрно высокаго воротничка, стянутаго старомоднымъ полотнянымъ галстухомъ, онъ преставлялъ собою типичный обращикъ степеннаго, среднихъ лѣтъ, почтеннаго господина, внушающаго къ себѣ полное довѣріе. Шляпа маіора была всегда безукоризненной новизны; сюртукъ сидѣлъ безъ морщинки;—словомъ, съ лысой головы и до кончика его выпуклыхъ ногтей никакой, даже самый строгій критикъ не нашелъ бы въ маіорѣ ни малѣйшаго дефекта. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что и разговоръ былъ такъ же безупреченъ, какъ и его внѣшность. Это былъ изящный военный и много видѣвшій путешественникъ, съ превосходною памятью и обширнымъ и многостороннимъ опытомъ цѣлой жизни. Принимая во вниманіе всѣ эти качества маіора, вполнѣ естественно было видѣть въ немъ пріятное и желательное знакомство.

Однако, какъ ни прискорбно въ этомъ сознаться, подобное предположеніе весьма настойчиво опровергалось нѣкоторыми изъ болѣе близкихъ и посвященныхъ въ секретъ людей. Относительно маіора ходили слухи, серьезно компрометировавшіе его частную жизнь, и слухи эти достигли такихъ размѣровъ, что когда этотъ бравый офицеръ выставилъ свою кандидату въ одномъ изъ клубовъ, то не смотря на то, что былъ рекомендованъ однимъ лордомъ и поддержанъ баронетомъ, былъ постыдно отклоненъ. Въ обществѣ маіоръ смѣялся надъ этимъ случаемъ и вышучивалъ на разные лады свою неудачную попытку, но въ душѣ былъ глубоко возмущенъ. Это явствовало изъ того, что однажды, играя на бильярдѣ съ достопочтеннымъ Фунгусъ Брауномъ, который, какъ говорятъ, не

былъ безпричастенъ къ исключенію маіора изъ числа кандидатовъ въ члены клуба, маіоръ вдругъ сбросилъ съ себя маску равнодушія и, обративъ къ своему партнеру свое апоплектическое красное лицо, грозно воскликнулъ: «Клянусь честью, сэръ, въ былые дни я бы вызвалъ всѣхъ васъ къ барьеру! Всѣхъ васъ, проклятыхъ господъ, начиная съ совѣта клуба и кончая вами, вплоть до послѣдняго; и я бы проучилъ васъ всѣхъ! Да-съ! Клянусь святымъ Георгіемъ!» Въвиду такой рѣшительной атаки лицо досточтимаго сэра Фунгуса стало такъ же блѣдно, какъ лицо разгнѣваннаго маіора было красно, и онъ подумалъ въ душѣ, что не былъ болѣе осмотрителенъ въ своихъ словахъ съ кое кѣмъ изъ своихъ знакомыхъ, расхваливая имъ избранный составъ членовъ клуба, въ подтвержденіе чего онъ упомянулъ объ исключеніи маіора изъ состава членовъ.

Истинную причину этого чувства недовѣрія къ прежнему военному и блестящему англійскому офицеру трудно было опредѣлить съ точностью. Правда, всѣ знали, что онъ имѣлъ отчеты всѣхъ скачекъ и обладалъ какими-то секретными средствами получать свѣдѣнія отъ жокеевъ, которые при случаѣ указывали ему на хорошую лошадь. Но это было дѣло довольно обычное среди людей его общества. Правда также, что маіоръ Клеттербекъ былъ сильно преданъ «висту» по крупной и къ бильярду на большія ставки, но и эти возбуждающія развлеченія также весьма приняты у мужчинъ его круга, привыкшихъ вести жизнь, полную приключеній, и потому чувствующихъ потребность сильныхъ ощущеній, чтобы сдѣлать свою однообразную будничную жизнь болѣе сносной. Но, быть можетъ, одной изъ причинъ этихъ неблагопріятныхъ для него слуховъ было то маленькое обстоятельство, что игра маіора на бильярдѣ отличалось чрезвычайной разнообразностью, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ казалось, что онъ близокъ къ проигрышу, который на языкѣ спеціалистовъ называется «вышибаніемъ денегъ»; кромѣ того и тѣсная дружба этого ветерана съ разными неизвѣстнаго происхожденія пустыми и напыщенными юнцами, которыхъ онъ благосклонно патронировалъ въ квазифешенебельномъ обществѣ, указывая имъ, какъ и гдѣ тратить имѣющія у нихъ деньги, также подала поводъ къ самымъ нелестнымъ для него комментаріямъ.

Быть можетъ, и смутное представленіе объ его мѣстопребываніи, а также и таинственность всей его частной внѣ клуб-

ной жизни могли возбудить кое-какое предубѣжденіе противъ него. Тѣмъ не менѣе, хотя диктаторы того общества, въ которомъ онъ вращался, могли коситься на него, все же не могли отрицать факта, что Тобіа Клеттербекъ былъ третьимъ сыномъ достопочтеннаго сэра Чарльза Клеттербека, который въ свою очередь былъ вторымъ сыномъ герцога Денрока, представителя одной изъ древнѣйшихъ ирландскихъ фамилій. Это свое родство маіоръ неуклонительно объяснялъ всѣмъ и каждому, съ кѣмъ только сталкивалъ его случай, и особенно усердно напоминалъ объ этомъ тѣмъ упитаннымъ юношамъ, которыхъ онъ покровительствовалъ.

Случилось такъ, что въ тотъ день, о которомъ теперь идетъ рѣчь, маіоръ былъ какъ разъ занятъ именно этимъ дѣломъ. Стоя на верхней площадкѣ широкой каменной лѣстницы дома-дворца, столь непочтительно именуемаго постоянными его гостями и посѣтителями «Рагъ и Бобтэль», онъ подробно объяснялъ молодому человѣку съ блѣдно-оливковымъ цвѣтомъ лица и воловьей шеей рядъ браковъ, способствовавшихъ появленію на свѣтъ такого продукта, какъ его внушительная персона.

Его собесѣдникъ, бывшій никѣмъ инымъ, какъ Эзрой Гирдльстономъ, младшимъ компаньономъ крупной фирмы по торговлѣ съ Африкой, стоялъ прислонясь спиной къ одной изъ колоннъ портика, и съ мрачнымъ скучающимъ видомъ слушалъ фамильную хронологію маіора, позѣвывая время отъ времени и не давая себѣ даже труда скрывать эти зѣвки.

— Это такъ же просто, какъ мои пять пальцевъ!—говорилъ бывшій военный густымъ хриплымъ басомъ,—посмотрите сюда, Гирдльстонъ, вотъ это миссъ Летецiя Снакельсъ—Снаклетонъ, кузина покойнаго сэра Джемса,—и при этомъ маіоръ ударялъ серебряной ручкой своей тросточки по своему большому пальцу, долженствовавшему изобразить собою миссъ Снаклетонъ,—она вышла замужъ за Крауфорда, изъ «Голубыхъ».—Вы знаете, за одного изъ варвикширскихъ Крауфордовъ,—вотъ это онъ!—и разсказчикъ поднялъ вверхъ свой указательный палецъ.—А это ихъ трое дѣтей: Джемима, Гарольдъ и Джонъ!..—поднялись еще три пальца...—Но вотъ Джемима Крауфордъ подростаетъ и бѣжитъ изъ родительскаго дома съ Чарли Кеттербекомъ.—Вотъ этотъ мой большой палецъ другой руки—будетъ представлять собой этого самаго Чарли, а остальные пальцы...

— Къ чорту всѣ эти ваши пальцы!—досадливо воскликнулъ молодой Гирдльстонъ,—все это, конечно, очень интересно, маіоръ, но было бы несравненно вразумительнѣе, если бы вы изложили это письменно!

— Я и намѣренъ это сдѣлать, милѣйшій!—съ воодушевленіемъ воскликнулъ маіоръ, ничуть не смущаясь неожиданнымъ замѣчаніемъ своего собесѣдника,—я изложу вамъ это сейчасъ на листкѣ изъ записной книжки. Ну, вотъ!... Фенчерчъ Стритъ... э...? Это адресъ вашей конторы, конечно... хотя чтобы васъ найти, вполнѣ достаточно двухъ словъ: «Гирдльстонъ, Лондонъ». Я сегодня говорилъ о васъ сэру Месгрэвъ Мооръ, и онъ сейчасъ же сказалъ мнѣ, что знаетъ васъ. «Гирдльстонъ?»—сказалъ онъ.—«Онъ самый!»—говорю я,—«Торговый король?»—говоритъ онъ.—«Онъ самый!»—говорю я.—«Я буду радъ встрѣтиться съ нимъ!»—говоритъ онъ.—«И вы встрѣтитесь!»—говорю я.—Вы, конечно, знаете, Гирдльстонъ, что сэръ Месгрэвъ Мооръ—это самый чистокровный аристократъ въ цѣломъ Ватерфордѣ!.

— Да, у него больше чистой крови, чѣмъ денегъ!—замѣтилъ молодой человѣкъ, приглаживая свои густые, черные усы

— Вы ошибаетесь. Онъ отправился въ Калифорнію и вернулся оттуда съ двадцатью пятью тысячами фунтовъ! Я встрѣтился съ нимъ въ Ливерпулѣ въ самый день его пріѣзда.—«Это мнѣ не къ добру, Тоби!»—говоритъ онъ.—«Почему?»—спрашиваю я.—«Того, что я имѣю, не достаточно; этого довольно только для того, чтобы перебиться!»—говоритъ онъ.—«Ну, такъ чтожъ!»—говорю я.—«Развѣ только поставить все на фаворита въ Сентъ-Леджерѣ!»—говоритъ онъ—да такъ и сдѣлалъ; поставилъ все до послѣдняго пенни, а лошадь была побита,—у самаго столба другая обошла ее на полъ-головы. Такъ онъ и пропустилъ все въ одинъ день. Это фактъ, сэръ! Клянусь честью! На другой день приходитъ ко мнѣ, говоритъ:—«Ничего не осталось!»—«Ничего?»—говорю я.—«Только одно осталось!»—говоритъ онъ.—«Застрѣлиться?»—говорю я.—«Жениться»—говоритъ онъ и спустя мѣсяцъ онъ былъ уже женатъ на второй миссъ Шеттлеворсъ, которая имѣла пять тысячъ въ своемъ распоряженіи сейчасъ и другія пять тысячъ фунтовъ въвиду, когда старый лордъ Дундженисъ отдастъ Богу душу.

— Вотъ какъ?—лѣниво пробормоталъ его собесѣдникъ.

— Это фактъ! Клянусь честью! А кстати, вотъ и лордъ Генри Ричардсонъ! «Какъ поживаете, Ричардсонъ, какъ поживаете?—Знаете, я помню Ричардсона, когда онъ былъ не

больше моего мизинца. Ахъ, да! Я хотѣлъ вамъ сказать, какой со мной странный случай... Ха, ха... чертовски странный!.. Право! но весьма досадный при этомъ!.. Дѣло въ томъ, милѣйшій, что, торопясь уйти изъ дома, я оставилъ свой бумажникъ на комодѣ, въ спальнѣ... а этотъ Джорроксъ тамъ въ бильярдной приглашаетъ меня сыграть съ нимъ партію на десятку фунтовъ.—но я не хочу играть, не имѣя денегъ въ карманѣ. Тобіа Клеттербекъ можетъ быть не богатъ, милѣйшій»,—при этомъ онъ выпятилъ впередъ свою широкую молодецкую грудь и нѣсколько разъ похлопалъ по ней своей широкой мягкой ладонью,—да, но онъ честенъ и платитъ свои долги чести безъ промедленія. Да-съ!—Никто не можетъ ничего сказать противъ Тобіа Клеттербека, сэръ, кромѣ того, что онъ на половинномъ жалованіи и имѣетъ больше сердца, чѣмъ разума. Однако,—продолжалъ быстро переходя отъ сантиментальнаго умиленія къ практической сторонѣ дѣла,—если бы вы, милѣйшій, могли ссудить меня десятью фунтами до завтра, то я охотно сыгралъ бы съ Джорроксомъ партишку! Вы понимаете, далеко не ко всякому я обратился-бы съ этой маленькой просьбой и даже отъ васъ не принялъ бы ничего иного, кромѣ небольшой временной услуги, понимаете!..

— Да, но вы можете прозакладывать мнѣ хотя вашу жизнь,—проговорилъ Эзра Гирдльстонъ, съ усмѣшкой упорно смотря себѣ подъ ноги и чертя какія-то линіи кончикомъ своей тросточки на каменныхъ плитахъ ступеней лѣстницы,—все равно ничего не получили бы отъ меня: я принялъ за правило никогда никому не давать взаймы денегъ, ни на долгое, ни на короткое время!

— И вы не дадите мнѣ этой пустяшной суммы?

— Нѣтъ!—рѣшительно отозвался молодой человѣкъ.

Съ минуту кирпично-красное лицо маіора приняло еще болѣе густую окраску, а его маленькіе темные глазки злобно сверкнули изъ-подъ нависшихъ бровей на молодого собесѣдника. Но онъ подавилъ готовившійся взрывъ гнѣва и разразился шумнымъ смѣхомъ.

— Клянусь честью!—взвизгнулъ онъ, щекоча молодого человѣка подъ бокъ своей палкой съ серебрянымъ набалдашникомъ, которую онъ за минуту до того схватилъ, повидимому, съ совершенно инымъ, менѣе миролюбивымъ намѣреніемъ,—ахъ, вы забавникъ! Молодые дѣловые люди!.. На все то у

нихъ правила да росписанія. Нѣтъ, вы совсѣмъ не по плечу старому простофилѣ Тобію Клеттербеку! Вѣдь, только подумать, сэръ, чтобы изъ-за какихъ-то десяти фунтовъ такъ сѣсть въ лужу! Томми Хискота вы знаете? Онъ служилъ въ 81-мъ пѣхотномъ полку,—вотъ посмѣется-то, когда узнаетъ объ этомъ! Знаете, онъ когда-то далъ мнѣ добрый совѣтъ: «Зашивай всегда въ подкладку каждаго сюртука, который ты носишь, или каждой жилетки, которую надѣваешь, ассигнацію въ 5 фунтовъ, чтобы у тебя никогда не могло случиться надобности въ деньгахъ и чтобы ты не очутился въ неловкомъ положеніи». Совѣтъ мнѣ показался хорошъ—я такъ и сдѣлалъ. И чтоже вы думаете? Негодяй лакей въ тотъ же вечеръ стащилъ у меня жилетъ вмѣстѣ съ 5-ю фунтами и продалъ его за шесть шиллинговъ и шесть пенсовъ! Клянусь Святымъ Георгіемъ!... Развѣ вы уходите?

— Да; я долженъ быть въ Сити къ четыремъ часамъ; Директоръ уѣзжаетъ изъ конторы въ четыре часа. До-свиданья! Увижу я васъ сегодня вечеромъ?

— Какъ всегда, въ карточной комнатѣ!—отозвался бывшій военный и посмотрѣлъ вслѣдъ уходившему молодому человѣку далеко не ласковымъ взглядомъ. Случайно молодой человѣкъ обернулся, дойдя до половины лѣстницы, и лицо маіора разомъ преобразилось: онъ ласково кивалъ ему, привѣтливо улыбаясь, и весело помахивалъ ему тросточкой въ знакъ прощальнаго привѣтствія.

Стоя на площадкѣ парадной клубной лѣстницы, этотъ бывшій военный съ торжественнымъ, самодовольнымъ видомъ, гордо-выпяченною грудью и представительной наружностью имѣлъ такой видъ, какъ будто онъ былъ поставленъ здѣсь для контроля проходящихъ или какъ образецъ аристократичности этого клуба. Нѣсколько разъ онъ пытался облегчить свою душу проходившимъ мимо членамъ клуба, повѣствуя о томъ, что его ждетъ въ биліардной Джорроксъ, и что онъ оставилъ дома свой бумажникъ, но кромѣ повода къ многочисленнымъ шуткамъ и подтруниваніямъ со стороны болѣе юныхъ членовъ клуба, тонкая политика маіора на этотъ разъ ни къ чему не привела. Наконецъ, онъ рѣшилъ покончить съ этимъ дѣломъ и, помахавъ палкой, подозвалъ проѣзжавшаго мимо возницу, поспѣшно вскочилъ въ экипажъ, предварительно окинувъ испытующимъ взглядомъ всю улицу и ближайшіе дома, какъ бы съ тѣмъ, чтобы убѣдиться, что

его никто не видѣлъ, назвалъ одну изъ модныхъ улицъ по ту сторону Сити и укатилъ. Очутившись послѣ довольно продолжительнаго путешествія въ той модной торговой улицѣ, вдоль которой тянулись съ обѣихъ сторонъ ряды большихъ магазиновъ, онъ вышелъ изъ экипажа и, отпустивъ возницу, узкимъ и темнымъ проулкомъ вышелъ на длинную и грязную улицу, застроенную сплошь очень высокими, невзрачными, закопченными домами, идущую параллельно той большой торговой улицѣ, о которой говорилось выше, и представлявшей собою такую же рѣзкую противоположность къ ней, какую представляетъ оборотная сторона холста, на которомъ написана картина, къ самой картинѣ.

По этой-то темной и мрачной улицѣ маіоръ долго шествовалъ со всей присущей ему важностью, пока не достигъ, наконецъ, угрюмаго вида дома, изъ оконъ котораго, словно бѣльма, выглядывали безыменные билетики, гласившіе объ отдачѣ въ наймы комнатъ и помѣщеній. Старая желѣзная рѣшетка, отдѣлявшая этотъ домъ отъ улицы, была поломана и проржавлена, все зданіе казалось покрытымъ бѣлою плѣсенью. Маіоръ проворно взбѣжалъ по каменнымъ ступенькамъ крыльца, выбитымъ и вытоптаннымъ цѣлымъ рядомъ поколѣній безчисленныхъ жильцовъ, и, толкнувъ большую скрипучую дверь, на которой красовалась мѣдная дощечка, гласившая, что это помѣщеніе содержитъ нѣкая мистриссъ Робинсъ, вошелъ въ полутемныя сѣни съ видомъ человѣка, которому здѣсь все давно знакомо, поднялся въ первый этажъ, затѣмъ во второй, потомъ въ третій, пока, наконецъ, не добрался до 4-ой площадки. Здѣсь онъ толкнулъ одну изъ дверей и очутился въ маленькой комнаткѣ, весьма непригляднаго вида, которая въ данное время и представляла собою «его маленькій уголокъ», какъ онъ весьма кокетливо выражался своимъ клубнымъ знакомымъ, и такъ умѣло примѣнялъ это словечко,—что одни оставались подъ сомнѣніемъ, что маіоръ разумѣлъ подъ его маленькимъ уголкомъ какое нибудь небольшое помѣстье съ усадьбой или большую пригородную виллу. Но на дѣлѣ—даже и это скромное святилище не принадлежало нераздѣльно блестящему маіору, какъ это было видно изъ того, что въ креслѣ у камина, въ которомъ, однако, не было огня, сидѣлъ, расположившись совершенно по домашнему, краснощекій господинъ съ длинной темной бородой и покуривалъ изъ длинной трубки съ фарфоровой головкой.

Когда маіоръ вошелъ въ комнату, господинъ этотъ что-то промычалъ глубокимъ гортаннымъ голосомъ, не вынимая изо рта мундштука своей трубки, а маіоръ Клеттербекъ отвѣчалъ на привѣтствіе небрежнымъ кивкомъ головы. Затѣмъ, снявъ съ головы свой щегольской, лоснящійся, какъ зеркало, цилиндръ и бережно убравъ его въ картонъ, снявъ также свой сюртукъ, воротничекъ, галстухъ и франтовскія ботинки, онъ прибралъ все это съ такой заботливой бережливостью, какъ и шляпу. Послѣ этого, облачившись въ длинный пунцовый халатъ, такого-же цвѣта ермолку, онъ продѣлавъ въ этомъ нарядѣ нѣсколько «раз» мазурки, вѣроятно, въ знакъ того пріятнаго самочувствія, какое онъ испытывалъ переоблачившись.

— Ну, плясать собственно не отъ чего, дружище!—сказалъ бывшій военный, усаживаясь въ походное складное кресло и перекидывая ногу на ногу.—Мы, такъ сказать, на краю обрыва... и если счастье не повернется къ намъ лицомъ, то, право, трудно сказать, что съ нами будетъ!»

— Бывало и хуже съ нами не разъ!—отозвался темно бородый съ легкимъ акцентомъ, по которому въ немъ сразу можно было узнать нѣмца.—Мои деньги придутъ или ты выиграешь или еще что-нибудь случится,—и все обойдется, какъ не надо лучше!

— Будемъ надѣяться, что такъ! — набожно замѣтилъ маіоръ,—Какая благодать сбросить съ себя эти крахмальные воротнички и это плотно облегающее платье; однако, мнѣ теперь придется очень поберегать то и другое, потому что мой портной,—чтобъ ему лопнуть!—не желаетъ больше открывать кредита, а звонкой монеты въ данное время не много! Безъ хорошаго же платья, я буду,—что метельщикъ безъ метлы.

Нѣмецъ утвердительно кивнулъ головой, выражая свое полное согласіе съ пріятелемъ, и продолжалъ пускать клубы дыма въ потолокъ. Зигизмундъ фонъ Баумзеръ бѣжалъ изъ-за политическихъ убѣжденій съ родины и устроился клеркомъ въ одной мелкой лондонской фирмѣ; служба давала ему какъ разъ только возможность удерживать душу въ тѣлѣ. Онъ и маіоръ жили когда-то въ отдѣльныхъ комнатахъ, у другой хозяйки, до тѣхъ поръ, пока общіе ихъ сожители, такіе же представители богемы, какъ и они, не свели ихъ. Когда весьма сходныя обстоятельства изгнали ихъ обоихъ изъ прежняго жилья, то у маіора явилась мысль, что, помѣстившись въ

одной комнатѣ съ фонъ Баумзеромъ, онъ сократитъ расходы и въ тоже время пріобрѣтетъ пріятнаго товарища: старый ветеранъ былъ человѣкъ общительный, особенно въ свои неоффиціальные часы, и питалъ присущее всѣмъ ирландцамъ отвращеніе къ одиночеству. Это соглашеніе пришлось также очень по душѣ и фонъ Баумзеру, который былъ ревностнымъ поклонникомъ и цѣнителемъ разнообразныхъ талантовъ и способностей маіора и его многосторонней опытности. Такъ и случилось, что они поселились вмѣстѣ. Когда счастье улыбалось маіору, то въ задней каморкѣ 4-го этажа наступали хорошія времена, — и обоимъ тогда жилось хорошо; когда же улыбка фортуны была обращена къ нѣмцу, то маіоръ опять получалъ большую часть благополучія и щедротъ ея на свою долю. Въ тяжелыя же времена, которыя наступали въ промежутки между просвѣтами благополучія, оба сносили ихъ, не жалуясь, какъ умѣли и какъ могли. Иногда маіоръ создавалъ настоящую импровизацію роскоши и блеска, расписывая красоты и великолѣпіе замка Денроссъ въ графствѣ Майо, который являлся родовымъ гнѣздомъ всѣхъ Клеттербоковъ. «Мы еще отправимся съ тобой туда, и будемъ жить въ немъ, въ нашемъ родовомъ замкѣ!—восклицалъ онъ, потрепывая пріятеля по плечу.—Вѣдь, этотъ замокъ будетъ мой, понимаешь, отъ крѣпостныхъ подземелій, на глубинѣ 40 футовъ подъ землею, и до маковки флакштока, на которомъ развивается эмблема лойяльности моихъ доблестныхъ предковъ». Отъ такихъ разсказовъ простодушный нѣмецъ приходилъ въ блаженное состояніе и начиналъ потирать отъ удовольствія свои большія красныя руки, испытывая такое наслажденіе, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ побывалъ въ этомъ замкѣ и получилъ на него ленный патентъ.

— Получилъ ты свое письмо?—спросилъ маіоръ, свертывая папироску.

Фонъ Баумзеръ ожидалъ своего четвертнаго пособія, которое высылали ему съ родины друзья, и теперь пріятели съ нетерпѣніемъ ожидали этихъ денегъ.

Фонъ Баумзеръ отрицательно покачалъ головой.

— Чтобъ имъ ни дна, ни покрышки! — воскликнулъ маіоръ,—вѣдь, они должны были выслать недѣлю тому назадъ. Тебѣ-бы слѣдовало сдѣлать то, что сдѣлалъ Джимми Тоулеръ. Ты не зналъ Тоулера? Сапера? Когда мы вмѣстѣ служили въ Канадѣ, онъ былъ весьма опечаленъ тѣмъ, что

деньги, присылаемыя ему ежемѣсячно его дядей, старымъ сэромъ Оливеромъ, не получались имъ въ свое время.—«Слушай, Тоби,—говоритъ онъ мнѣ.—«Я подогрѣю этого стараго негодяя!»—съ этими словами онъ сѣлъ и написалъ письмо своему дядюшкѣ, въ которомъ говорилъ, что его недѣловитое отношеніе приведетъ всѣхъ ихъ къ разоренію, и многое другое въ этомъ родѣ. Когда сэръ Оливеръ получилъ это письмо, то пришелъ въ такое дьявольское бѣшенство, что, диктуя добавленіе къ своему завѣщанію, вдругъ скувырнулся и умеръ, а Джимми получилъ чистыхъ семь тысячъ фунтовъ годового дохода!

— Это гораздо больше, чѣмъ онъ заслуживалъ,—замѣтилъ нѣмецъ.—Ну, а у васъ какъ теперь насчетъ денегъ?—обратился онъ къ своему сожителю.

Маіоръ Клеттербекъ досталъ изъ кармана брюкъ 10 червонцевъ и положилъ ихъ столъ.—«Ты знаешь мое положеніе»,—сказалъ онъ,—«Я никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не трогаю этихъ денегъ. Потому что нельзя сѣсть играть въ карты по большой, не имѣя 10 червонцевъ въ карманѣ, и я, если трону ихъ, то клянусь святымъ Георгіемъ, что они всѣ разлетятся, какъ дымъ, и одинъ Богъ знаетъ, когда я опять наживу столько, чтобы снова начать играть. Кромѣ этихъ денегъ, у меня положительно не гроша!

— У меня тоже!—сказалъ фонъ Баумзеръ, уныло похлопавъ по своему карману.

— Ничего, дружище! Посмотримъ-ка, что у насъ въ общей казнѣ!

И онъ устремилъ глаза на небольшую кожаную сумку, висѣвшую на мѣдномъ гвоздѣ на противоположной стѣнѣ. Въ хорошее время оба пріятеля имѣли обыкновеніе опускать въ эту сумку мелочь, изъ которой собирались небольшія деньжонки на черный день.

— Не много, боюсь!—сказалъ нѣмецъ, кивнувъ головой.

— Все-таки намъ надо чѣмъ нибудь подкрѣпиться въ такой трудный денекъ, какъ этотъ. Предположимъ, что мы съ тобой пошлемъ за бутылочкой пѣнистаго, а?...

— Не хватитъ денегъ!—возразилъ фонъ Баумзеръ.

— Ну, такъ возьмемъ чего нибудь подешевле, ну, хоть Бордо... Бордо тоже недурное вино, хорошее и подкрѣпляющее средство... Что ты скажешь, если роспить бутылочку добраго Бордо? И уплатить за нее изъ «общей казны», а?

— Не хватитъ денегъ!—все-таки же угрюмо и ворчливо пробормоталъ нѣмецъ.

— Ну, такъ остановимся на «кларетѣ» на этотъ разъ,—вздохнулъ маіоръ.—Быть можетъ, это даже и лучше въ такую погоду! Такъ пошлемъ Сусанну за бутылочкой «кларета»! да?

Фонъ Баумзеръ всталъ, снялъ со стѣны сумку и высыпалъ ея содержимое на столъ. Изъ сумки выкатилась одна монетка въ три пенни и одна въ одинъ пенни.—«Это все!»—сказалъ онъ.—Не хватитъ и на кларетъ!

— Но за то хватитъ на пиво! — весело воскликнулъ маіоръ, весь сіяя отъ удовольствія.—Теперь какъ разъ самое время на кварту пива въ четыре пенни. Я помню, старикъ Гильдеръ, когда онъ былъ нашимъ начальникомъ въ Индіи, имѣлъ обыкновеніе говорить, что человѣкъ, который не умѣетъ находитъ наслажденіе въ кружкѣ пива и глиняной трубкѣ, или оселъ или дуракъ! Онъ и самъ садился за артельнымъ столомъ и курилъ свою глиняную трубку. Драппэръ, который тогда командовалъ дивизіей, говорилъ ему, что это не по солдатски. «Это не по солдатски!—воскликнулъ онъ,—проклятье! Да вы сами не знаете, что по солдатски и что нѣтъ!«—Бѣднягу чуть не предали за это военному суду; онъ получилъ выговоръ по полку и былъ убитъ скоро.

Фонъ Баумзеръ позвонилъ, и на его звонокъ появилась въ дверяхъ тощая, грязно одѣтая дѣвушка въ туфляхъ; получивъ приказаніе и все содержимое «общей казны» двухъ пріятелей, она скрылась и затѣмъ вскорѣ вернулась съ парой пѣнящихся пивныхъ кружекъ.

Маіоръ нѣкоторое время молча сидѣлъ надъ своей кружкой, покуривая папиросу и, повидимому, размышляя на какую-то невеселую тему, такъ какъ лицо его казалось озабочено, а брови были сердито нахмурены. Наконецъ, разразился своимъ обычнымъ возгласомъ:

— Клянусь Св. Георгіемъ, Баумзеръ! Я не могу выносить этого молодого Гирдльстона. Мнѣ придется продернуть его! Это понимаешь, такой холодный, безсердечный, разсчетливый парень, что...—остальная часть начатой фразы потонула въ пивной кружкѣ маіора.

— А для чего вы съ нимъ свели знакомство, въ такомъ случаѣ?

— Да какъ тебѣ сказать,—сознался старый служака—мнѣ думалось, что если онъ хочетъ проигрывать деньги въ

карты, или другимъ какимъ либо дьявольскимъ способомъ расходовать ихъ, то почему бы Тобіо Клеттербеку не руководить имъ вмѣсто кого нибудь другого!—Все равно и я сумѣлъ бы приглядѣть за его деньгами...—Но понимаешь, онъ хитрѣе цѣлой стаи обезьянъ. Онъ играетъ только въ безобидныя игры, никогда не пропускаетъ случая выиграть... и я, право, начинаю теперь думать, что поплатился своимъ карманомъ, познакомившись съ нимъ. Ну, а что касается права, то я увѣренъ, что онъ меня переупрямитъ въ чемъ бы то ни было! И обойдетъ! Да!

— Да что же онъ изъ себя представляетъ?

— Нѣтъ, ты спроси лучше, чего онъ изъ себя не представляетъ!—И вотъ, что я тебѣ скажу: когда онъ пріятенъ и любезенъ, то неестественъ и не искрененъ, а когда онъ естественъ и искрененъ, то непріятенъ и нелюбезенъ! Я, конечно, не святой, видѣлъ всякія дѣла въ своей жизни и надѣюсь еще всякія увидѣть прежде, чѣмъ умру, но все же есть вещи, которыхъ я никогда не сдѣлаю! Если я живу картами, такъ это все на чистоту! Я никогда не играю иначе, какъ въ коммерческія игры, въ такія, гдѣ все дѣло зависитъ отъ своего умѣнья или искусства, и разсчитываю, что мое умѣнье или искусство вывезетъ меня! И оно вывозитъ, если взять въ общемъ за весь годъ. Теперь скажемъ хотя бы про бильярдъ:—я, быть можетъ, не всегда играю въ открытую, но это моя тактика! Я не хочу, чтобы присутствующіе знали до точности, сколько у меня пуэнъ и въ какомъ положеніи моя игра. Вотъ и все! Я вовсе не люблю читать людямъ нравоученія, но этого парня я не люблю!—Не нравится онъ мнѣ! И его красивое смуглое лицо мнѣ тоже не по душѣ. Я провелъ большую часть жизни въ изученіи человѣческихъ физіономій и, могу сказать, научился читать по нимъ не дурно, такъ что никогда не ошибался въ своихъ заключеніяхъ!

Баумзеръ ничего не сказалъ на это, и оба продолжали нѣкоторое время молча курить, прихлебывая понемногу изъ своихъ кружекъ.

— Кромѣ того, и въ общественномъ отношеніи это для меня не хорошо,—продолжалъ маіоръ.—Этотъ человѣкъ не можетъ оставаться спокойнымъ; проклятый инстинктъ торгаша всюду проявляется въ немъ; я убѣжденъ, что если онъ попадетъ на небо, то и тамъ сейчасъ же откроетъ агентство

для вѣнковъ блаженства. Говорилъ я тебѣ, что мнѣ сказалъ досточтимый сэръ Джэкъ Гиббсъ тамъ у меня въ клубѣ? Нѣтъ? Онъ мнѣ такъ прямо и сказалъ: «Бекъ, я ничего противъ васъ не имѣю, вы все-таки человѣкъ порядочнаго круга, что бы тамъ ни говорили, но если вы опять представите мнѣ такого субъекта какъ этотъ, то я и васъ, и его отбрею, какъ надо быть!» Вотъ что онъ мнѣ сказалъ. Да!—А, вѣдь, я и представилъ-то ихъ другъ другу для того только, чтобы расположить этого молодого человѣка къ себѣ; потому что, находясь въ настоящее время въ трудныхъ обстоятельствахъ, какъ ты знаешь, я полагалъ, что мнѣ можно будетъ сдѣлать у него маленькій заемъ.

— Какъ вы назвали этого молодого человѣка?—спросилъ фонъ Баумзеръ.

— Гирдльстонъ.

— Его отецъ «Кауфманъ»?

— Кой къ чорту «Кауфманъ»! — досадливо воскилнулъ маіоръ—Ты хочешь сказать, купецъ—негоціантъ?

— Ну, да! И онъ ведетъ дѣла съ Африкой, да?

— Онъ самый!

Фонъ Баумзеръ вытащилъ изъ кармана объемистую записную книжку и долго проводилъ пальцемъ по цѣлому ряду именъ, вписанныхъ въ нее. — «Ахъ, вотъ оно, оно самое»!—воскликнулъ онъ, наконецъ, съ торжествующимъ видомъ закрывъ свою записную книжку и водворяя ее обратно въ свой карманъ. «Гирдльстонъ и К°, торговля съ Африкой, Фенчерчъ Стритъ, Сити».

— Ну, да! Это онъ и есть!

— И вы говорите, что они богаты?

— Да, очень богаты!....

— Очень богаты! Хо! хо!... Очень богаты!—засмѣялся нѣмецъ.—Я ихъ знаю, и, конечно, не дружески, но знаю ихъ дѣла!...

— Куда ты мѣтишь? Высказывай прямо! Чего таиться-то?

— Я вамъ говорю,—сказалъ нѣмецъ, сдѣлавшись вдругъ необычайно торжественнымъ,—что не далѣе, какъ черезъ три—четыре мѣсяца, а самое большое черезъ годъ, фирмы Гирдльстонъ и К° не будетъ существовать. Они прогорѣли! Они безсильны и несостоятельны! Они, какъ перо, летящее по вѣтру! и онъ сдѣлалъ видъ, что сдуваетъ перо.

— Ты бредишь, Баумзеръ!—возбужденно воскликнулъ маіоръ,—ихъ фирма выше всякаго подозрѣнія; ихъ дѣло считается однимъ изъ самыхъ солидныхъ предпріятій въ Сити!

— Все это можетъ быть! Не спорю!—отозвался нѣмецъ,—но что я знаю,—то знаю! И что говорю,—то говорю!

— А какъ ты это знаешь? Неужели ты хочешь мнѣ сказать, что ты объ этомъ лучше освѣдомленъ, чѣмъ люди на биржѣ, которые имѣютъ съ ними дѣла?

— Я знаю, что знаю,—и говорю, что знаю!—упорно повторилъ фонъ Баумзеръ.

— И ты не хочешь мнѣ сказать, откуда ты это слышалъ объ Гирдльстонахъ?...

— Это все равно, ни къ чему было бы вамъ! Довольно съ васъ того, что то, что я говорю, вѣрно! Довольно съ васъ и того, что есть люди, которые обязаны докладывать другимъ о всемъ, что они знаютъ, о чемъ бы то ни было!

— Нельзя сказать, чтобы ты выражался черезчуръ ясно, на этотъ разъ!—пробурчалъ маіоръ.—Ты, навѣрно, намекаешь на то, что разныя тайныя общества извѣщаютъ другъ друга о всемъ, что имъ удастся узнать, и имѣютъ свои тайные источники для черпанія различныхъ свѣдѣній.—Такъ что ли?

— Можетъ быть и такъ, а можетъ быть и не такъ!—все тѣмъ же тономъ оракула произнесъ фонъ Баумзеръ.—Я только думалъ, что на всякій случай дамъ вамъ, моему другу Клеттербеку, прямое указаніе!...

— Спасибо тебѣ, дружище!—сердечно воскликнулъ маіоръ.—Если дѣла этой фирмы плохи, то или этотъ молодчикъ не знаетъ объ этомъ, или же онъ великолѣпнѣйшій актеръ, какой когда либо существовалъ, клянусь св. Георгіемъ!... Вѣдь, это звонокъ къ чаю! Побѣжимъ скорѣе прежде, чѣмъ тамъ успѣютъ расхватать весь хлѣбъ и масло!

Мистриссъ Робинсъ имѣла обычай за весьма скромную плату поставлять своимъ жильцамъ вечерній чай съ булками съ масломъ. Но и булокъ, и масла отпускалось весьма небольшое количество, такъ что тѣ, кто приходилъ позже другихъ, должны были уже довольствоваться пустымъ чаемъ. Зная это, наши сыны богема, понимали, что тутъ зѣвать нельзя, и поспѣшили оборвать свой разговоръ о Гирдльстонѣ, чтобы поспѣшно сбѣжать внизъ по лѣстницѣ въ общую столовую хозяйки

XI. Старшій и младшій.

Хотя въ коммерческихъ кругахъ еще никто до сихъ поръ не слыхалъ ни малѣйшаго намека о томъ, тѣмъ не менѣе то, что сообщилъ фонъ Баумзеръ своему другу объ участи, грозящей фирмѣ Гирдльстонъ, имѣло нѣкоторыя основанія. За послѣднее время дѣла съ Африкой шли довольно плохо, и если проницательный взглядъ маіора не различалъ въ лицѣ и манерѣ молодого Гирдльстона ни малѣйшихъ признаковъ, свидѣтельствующихъ объ упадкѣ дѣлъ фирмы, то это объяснялось тѣмъ, что младшему представителю фирмы Гирдльстонъ и К°—ничего объ этомъ и не было извѣстно. Насколько онъ зналъ, положеніе дѣлъ фирмы было не менѣе блестящимъ, чѣмъ при кончинѣ покойнаго Джона Харстона; но на самомъ дѣлѣ это было вовсе не такъ. Однако, страшная тайна нависшей надъ фирмой бѣды—была глубоко схоронена въ груди старшаго главы фирмы, который хоронилъ ее ревниво отъ всѣхъ, нося ее за пазухой, какъ юный спартанецъ грызшую его грудь лисицу, безъ жалобъ, безъ стона, безъ вздоха. Очутившись лицомъ къ лицу съ разореніемъ, старый Гирдльстонъ боролся съ нимъ отчаянно, но хладнокровно, упорно и мужественно, не упуская ни одного благопріятнаго случая, не ослабѣвая, не поддаваясь и не падая духомъ ни на минуту. Онъ главнымъ образомъ изощрялся и изощрялся съ успѣхомъ въ томъ, что всѣми зависящими отъ него средствами мѣшалъ распространенію какихъ либо слуховъ о критическомъ положеніи фирмы. Онъ прекрасно зналъ, что если бы это стало извѣстно хоть кому нибудь въ Сити, ничто не могло бы спасти его; подобно тому, какъ раненаго буйвола добиваетъ до смерти свое же стадо, такъ и разъ пошатнувшагося дѣльца добиваютъ его собратья. Въ данный моментъ, хотя фонъ Баумзеръ и, быть можетъ, еще кто изъ подобныхъ ему «измаильтянъ», и имѣли нѣкоторое подозрѣніе о настоящемъ положеніи дѣлъ фирмы, изъ имъ однимъ извѣстныхъ источниковъ, имя Гирдльстонъ еще считалось во всемъ торговомъ и дѣловомъ мірѣ, какъ синонимъ торговой честности и благонадежности. И если въ дѣлахъ фирмы замѣчалось какое либо измѣненіе, то развѣ только въ сторону улучшенія, большого оживленія дѣловыхъ сношеній въ улицѣ Фенчерчъ и большого роскошества въ частной резиденціи представителя фирмы въ

Экkесстонъ-Скверѣ. Только одинъ, какъ всегда, мрачный и молчаливый старшій глава фирмы зналъ, какъ тонка была та позлащенная поверхность, которая такъ заманчиво блистала снаружи.

Множество различныхъ причинъ привело къ этому роковому повороту въ дѣлахъ фирмы. Цѣлый рядъ неудачъ обрушился на нее за послѣдніе годы; однѣ изъ нихъ были извѣстны всѣмъ, другія неизвѣстны никому, кромѣ старика Гирдльстона. Но первыя изъ нихъ принимались съ такимъ великолѣпнымъ стоицизмомъ и равнодушіемъ, что скорѣе даже способствовали величію, чѣмъ умаленію славной репутаціи фирмы, послѣднія же, несравненно болѣе тяжкія для стараго дѣльца, ложились всей своею тяжестью на него, но онъ геройски сносилъ ихъ.

Цѣлые караваны прекраснѣйшихъ судовъ изъ Ливерпуля и Гамбурга отправлялись теперь къ западному берегу Африки, и эта конкуренція понизила барыши торговли до послѣдней крайности. Тамъ, гдѣ Гирдльстоны раньше пользовались настоящей манополіей, теперь было много соперниковъ, да и негры африканскаго побережья становились все смышленнѣе и сообразительнѣе и превосходно постигли теперь искусство торговли, такъ что о прежнихъ барышахъ теперь нечего было и думать. Прошло то время, когда замковые ружья или набивные англійскіе ситцы можно было по вѣсу вымѣнивать на слоновую кость и золотоносный песокъ.

Одновременно съ этими общими причинами упадка торговли, еще и другія несчастія обрушились на фирму Гирдльстонъ. Признавъ, что старыя суда фирмы были слишкомъ тихоходны и неповоротливы, чтобы соперничать съ новыми усовершенствованными и быстроходными судами конкурирующихъ фирмъ, Гирдльстонъ и К° пріобрѣли также два первоклассныхъ парохода: «Провидѣніе», превосходное винтовое судно въ 1500 тоннъ и «Вечернюю Звѣзду», нѣсколько меньшихъ размѣровъ. За первый изъ нихъ было уплачено фирмой 22,000 фунтовъ, а за другое 17,000 фунтовъ. Но старый Гирдльстонъ, всегда любившій грошовую экономію во всемъ, рѣшилъ не страховать свои новыя суда, полагая не безъ нѣкотораго основанія, что если его старыя, едва держащіяся суда, которыя онъ постоянно страховалъ въ громадную цифру, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, имѣя ввиду хорошую страховую премію въ случаѣ несчастья, каждый разъ возвращались невредимы,

то, конечно, совершенно новые и вполнѣ исправные пароходы должны были также благополучно вернуться; они казались ему столь сильными и мощными, что для нихъ не страшны никакія бури и непогоды, никакіе коварные рифы и мели. Случилось, однако, по какой-то фатальной случайности, что когда «Вечеiiяя Звѣзда» входила въ каналъ (Па-де-Калэ) въ густой туманъ, благополучно совершивъ свое второе плаваніе, она врѣзалась носомъ въ только что вышедшее изъ Ливерпуля въ это утро, «Провидѣніе», отправлявшееся въ третье плаваніе къ берегамъ Африки. «Провидѣніе», переломленное на двое, пошло ко дну въ теченіе пяти минутъ вмѣстѣ съ капитаномъ и экипажемъ, тогда какъ «Вечерняя звѣзда» получила столь серьезныя аваріи носа, что ей пришлось идти въ Фальмутъ, едва держась надъ водой. За одинъ этотъ день фирма Гирдльстонъ и К° понесла убытковъ болѣе, чѣмъ на 35,000 фунтовъ.

Кромѣ того, еще цѣлый рядъ другихъ неудачъ заставилъ пошатнуться дѣла фирмы, даже помимо торговли съ Африкой. Дѣло въ томъ, что старшій глава фирмы пустился въ денежныя спекуляціи безъ вѣдома своего сына,—и результаты этихъ спекуляцій оказались печальными. Акціи крупныхъ оловянныхъ рудниковъ, въ которыя старикъ Гирдльстонъ вложилъ большія деньги и которыя до того времени давали очень хорошую прибыль, вдругъ пали до нуля, такъ какъ рудникъ пересталъ доставлять металлъ. Никакая фирма не могла вынести такой совокупности несчастій, и фирма Гирдльстонъ пошатнулась.

До сихъ поръ Джонъ Гирдльстонъ не сказалъ объ этомъ еще ни слова своему сыну. Когда поступали требованія, онъ старался удовлетворять ихъ, какъ только могъ, и откладывалъ все дальше и дальше тотъ роковой моментъ, когда придется, наконецъ, дать отчетъ въ истинномъ положеніи дѣлъ. Онъ надѣялся вопреки всему, что какой нибудь счастливый случай или прибытіе необычайно богатаго груза снова поставитъ на ноги, и со дня на день ждалъ извѣстій объ одномъ изъ своихъ пароходовъ, возлагая на его грузъ большія надежды. И вотъ, наконецъ, получилъ телеграмму, носившую штемпель Мадеры. Эта телеграмма была отъ его агента, Хозе-Альвесгерасъ, который извѣщалъ, что это послѣднее плаваніе, на которое такъ разсчитывалъ старикъ Гирдльстонъ, было совершенно неудачно, что грузъ парохода могъ едва покрыть расходы плаванія,

и что ничего утѣшительнаго онъ ему на этотъ разъ сообщить не можетъ. Прочитавъ это извѣстіе, старикъ безсильно поникъ головой,—и громкій стонъ вырвался изъ его груди: и эта спасительная доска, за которую онъ держался, надѣясь все еще удержаться надъ поверхностью, перевернулась подъ нимъ и пошла ко дну.

Кромѣ телеграммы, были еще три письма. Онъ пробѣжалъ ихъ, но и въ нихъ не было ничего утѣшительнаго. Одно изъ нихъ было отъ директора одного банка, извѣщавшаго его о томъ, что его текущій счетъ нѣсколько превышенъ, другое было отъ страхового агентства Ллойдъ, напоминавшее ему о томъ, что если въ теченіи извѣстнаго срока,—всего нѣсколькихъ дней,—не будетъ уплачено по страховымъ полисамъ двухъ его судовъ, то срокъ страховки ихъ истечетъ, и агентство сниметъ съ себя дальнѣйшую отвѣтственность за нихъ. Наконецъ, третье письмо тоже было не лучше.

Тучи собирались все гуще и гуще надъ головой злополучнаго представителя фирмы, который такъ геройски несъ свое несчастье. Теперь онъ сидѣлъ одинъ въ своемъ маленькомъ частномъ кабинетѣ конторы, свѣсивъ голову на грудь и сдвинувъ свои густыя сѣдыя брови надъ живыми и строгими сѣрыми глазами. Онъ сознавалъ, что теперь пришло время сообщить сыну о настоящемъ положеніи дѣлъ фирмы, какъ это ни было тяжело для него: при его содѣйствіи, можетъ быть, удастся осуществить одинъ планъ, съ которымъ уже давно носился старикъ и на который онъ смотрѣлъ, какъ на послѣдній якорь спасенія.

Старому коммерсанту было не легко сознаться сыну, котораго онъ давно уже сдѣлалъ компаніономъ своей фирмы, что онъ спекулировалъ на капиталы фирмы безъ его вѣдома, и что большая часть этихъ капиталовъ безвозвратно пропала. Правда, эта спекуляція во многихъ отношеніяхъ обѣщала громадные барыши, а потому Джонъ Гирдльстонъ вынулъ капиталы изъ другихъ, болѣе солидныхъ и надежныхъ, но менѣе прибыльныхъ предпріятій и вложилъ ихъ въ это, обѣщавшее несравненно большую прибыль. Сдѣлалъ онъ это, вполнѣ сознавая рискъ и зная, что сынъ его—человѣкъ слишкомъ практическаго склада ума и слишкомъ осторожный по своей натурѣ, чтобы пуститься въ подобную коммерческую игру, и потому онъ никогда не совѣтовался съ нимъ по этому поводу, а также не вносилъ отчетовъ объ утраченныхъ въ этомъ пред-

пріятіи суммахъ въ отчетныя книги фирмы. Такимъ образомъ Эзра находился въ полномъ невѣденіи той опасности, которая грозила фирмѣ, и старикъ сознавалъ, что для того, чтобы заручиться его энергичнымъ содѣйствіемъ въ томъ ходѣ, который онъ теперь задумалъ, необходимо было обрисовать ему въ полномъ размѣрѣ критическое положеніе фирмы.

Едва только старикъ Гирдльстонъ успѣлъ придти къ этому заключенію, какъ услышалъ тяжелые, рѣзкіе и рѣшительные шаги сына въ конторѣ и грубый, самоувѣренный тонъ его голоса, говорившаго что то клеркамъ. Минуту спустя дверь частнаго кабинета главы фирмы распахнулась, молодой человѣкъ вошелъ и, бросивъ свою шляпу и пальто на одно изъ креселъ, съ видимымъ раздраженіемъ кинулся въ кресло.

— Добрый день!—произнесъ онъ, отрывисто кивнувъ головой отцу въ знакъ привѣтствія.

— Добрый день, Эзра,—отвѣтилъ спокойно и мягко старикъ.

— Что съ тобою, отецъ?—спросилъ молодой человѣкъ,—ты самъ на себя не похожъ, да и все это послѣднее время перестал ъ походить на себя. Боленъ ты, что-ли?

— Все дѣловыя заботы, дѣловыя заботы...—усталымъ голосомъ отозвался Джонъ Гирдльстонъ.

— Это этотъ проклятый воздухъ здѣсь!—раздражительно воскликнулъ Эзра.—Я даже и по себѣ это чувствую. Я положительно не могу понять, отчего ты не пріобрѣтешь маленькаго загороднаго домика и клочка земли, чтобы можно было приглашать человѣка поохотиться, поиграть на хорошемъ бильярдѣ, и вообще пользоваться пріятными загородными развлеченіями. Для обоихъ насъ было бы прекрасно проводить тамъ свободные дни отъ субботы до понедѣльника, чтобы позволить себѣ роскошь подышать свѣжимъ воздухомъ. Сотни людей, не имѣющихъ и половины нашихъ достатковъ, имѣютъ нѣчто подобное. Зачѣмъ имѣть приличный баллансъ у банкировъ и жить хуже другихъ?

— На это есть только одно возраженіе,—сказалъ старикъ съ несвойственной улыбкой,—а именно, что я не имѣю приличнаго балланса!

— Ну, не дурной во всякомъ случаѣ, не дурной!—замѣтилъ его сынъ, многозначительно похлопывая по длинной тонкой книгѣ, въ которой велась вся отчетность денежныхъ дѣлъ фирмы.

— Но дѣло въ томъ, что цифры здѣсь не совсѣмъ-то вѣрны, Эзра,—сказалъ старикъ еще болѣе упавшимъ голосомъ.— У насъ далеко не такъ много, какъ здѣсь значится!

— Что?-?—прямо-таки зарычалъ Эзра.

— Шшъ! Бога ради, не дай себя услышать тамъ, въ конторѣ! У насъ далеко не такъ много, какъ ты думаешь... У насъ осталось очень мало, можно сказать, почти ничего на текущемъ счету. Все ушло!

Эзра вскочилъ на ноги и съ минуту стоялъ, неподвижно уставившись въ упоръ на отца. Выраженіе сомнѣнія и недовѣрія, отразившееся сперва на его лицѣ, мало по малу сбѣжало при видѣ строгаго и серьезнаго выраженія въ лицѣ отца и уступило мѣсто выраженію столь сильной, бѣшеной злобы, что всѣ черты его исказились подъ вліяніемъ этого сквернаго чувства.

— Ахъ, ты глупецъ!—задыхаясь воскликнулъ онъ, кидаясь къ отцу съ занесенною надъ нимъ книгой, точно готовый ударить ею старика.—Теперь я знаю! Ты пустился въ спекуляціи, разорилъ насъ, проклятый оселъ! Говори, что ты сдѣлалъ съ нашимъ богатствомъ?! Говори!—шипѣлъ онъ сквозь зубы, схвативъ отца за воротникъ и тряся его, какъ провинившуюся собаку, не помня себя отъ бѣшенства.

— Руки прочь!—воскликнулъ старикъ, вырываясь изъ рукъ сына.—Я поступалъ, какъ считалъ за лучшее. Какъ ты смѣешь говорить такъ со мной?

— Ты поступалъ, какъ считалъ за лучшее!—шипѣлъ Эзра, швыряя книгу съ шумомъ на столъ.—Что ты думалъ, когда сталъ спекулировать деньгами фирмы безъ моего вѣдома?! Мнѣ ты всегда говорилъ, что мнѣ извѣстно все, что дѣлается! Развѣ я сотни разъ не предупреждалъ тебя о томъ, что это опасная игра? Тебѣ нельзя довѣрять денегъ!

— Помни, Эзра, — сказалъ старикъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ достоинства, снова садясь въ свое кресло, съ котораго онъ всталъ, чтобы вырваться изъ рукъ сына.—Помни, что если я и потерялъ эти деньги, то я ихъ и нажилъ! Фирма наша была крупнѣйшимъ предпріятіемъ прежде, чѣмъ ты родился! И если даже дѣло дойдетъ до крайняго разоренія, то тебѣ придется начать съ того же, съ чего началъ и я. Но мы еще не совсѣмъ раззорены; полнаго краха еще вполнѣ можно избѣжать!

— Только подумать объ этомъ! Только подумать о томъ, что я говорилъ о нашихъ доходахъ всѣмъ этимъ людямъ!—воскликнулъ Эзра, кидаясь на диванъ и закрывая лицо руками.—Что они скажутъ, этотъ Клеттербекъ и другіе члены клуба?—затѣмъ, послѣ нѣкотораго молчанія, и сжавъ кулаки, воскликнулъ:—Но мы должны все это вернуть, отецъ! Должны! Какими-бы то ни было средствами, какими бы то ни было путями, прямыми или кривыми... И ты долженъ вернуть деньги потому что ты ихъ потерялъ! Что мы можемъ сдѣлать, сколько времени намъ потребуется на это? Извѣстно объ этомъ въ Сити? О, о... да я не рѣшусь теперь показаться на биржу!— и онъ долго еще продолжалъ такъ безумствовать, потерявъ голову при мысли объ ожидающемъ его будущемъ.

— Будь же разсудителенъ и спокоенъ, Эзра!—проговорилъ старикъ почти умоляющимъ голосомъ.—У насъ осталось еще не мало шансовъ, если только мы съумѣемъ надлежащимъ образомъ использовать ихъ. Нѣтъ пользы въ томъ, чтобы плакаться надъ тѣмъ, что сдѣлано. Я откровенно и охотно сознаюсь, что былъ не правъ, спекулируя этими деньгами безъ твоего вѣдома; но я дѣлалъ это изъ добрыхъ побужденій и имѣлъ на то основательныя причины. А теперь намъ слѣдуетъ соединить наши усилія, чтобы, на сколько возможно, вернуть убытки; на это есть нѣсколько способовъ, и ты можешь мнѣ быть полезнымъ своимъ свѣтлымъ, здравымъ сужденіемъ и своимъ практическимъ смысломъ.

— Жаль, что ты не подумалъ объ этомъ раньше!—глухо замѣтилъ Эзра.

— Я достаточно наказанъ за это!—кротко произнесъ старикъ.—Теперь, обсуждая, какъ намъ выйти изъ этого тяжелаго положенія, мы должны не забывать, какимъ громаднымъ подспорьемъ для насъ можетъ явиться нашъ громадный кредитъ, которымъ мы до сихъ поръ никогда не пользовались.

— Но что будетъ стоить этотъ кредитъ, когда наше подлинное положеніе дѣлъ станетъ извѣстно!

— Но о немъ не можетъ стать извѣстно, потому что никто не можетъ даже подозрѣвать его. А если бы даже кто и замѣтилъ наше затруднительное положеніе, то всегда припишетъ его временному дефициту отъ всеобщаго упадка торговли, а не заподозритъ печальной истины. Только прошу тебя, самъ ты не выдай какъ нибудь этой важной тайны!

Эзра пробормоталъ какое-то проклятіе по адресу отца. Краска залила на мгновеніе исхудалыя щеки старика Гирдльстона, и глаза его гнѣвно сверкнули.

— Будь осмотрителенъ въ своихъ выраженіяхъ, Эзра, и не забывай, что и моему снисхожденію есть границы! Я извиняю тебѣ многое, принимая въ соображеніе твои чувства въ данный моментъ, при видѣ этой неожиданной катастрофы, въ которой я себя чувствую виноватымъ, но и этому есть предѣлъ!

Молодой человѣкъ пожалъ плечами и сталъ барабанить каблукомъ по ковру.

— У меня назрѣло нѣсколько плановъ,—продолжалъ уже дѣловымъ тономъ старикъ.—Если мы съумѣемъ собрать достаточно денегъ, чтобы удовлетворить въ настоящее время нашихъ кредиторовъ и такимъ образомъ перебить наши неудачи послѣдняго времени, то я надѣюсь, что все измѣнится и пойдетъ хорошо. Но прежде всего я желалъ бы услышать отъ тебя отвѣтъ на одинъ вопросъ: что ты думаешь о дочери Джона Харстона?

— Что-жъ, она не дурна!—коротко отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Она прекрасная дѣвушка, Эзра, превосходная дѣвушка, можно сказать, и при томъ богатая дѣвушка, хотя ея деньги въ моихъ глазахъ мало значатъ въ сравненіи съ тѣмъ, что она сама представляетъ изъ себя.

Молодой Гирдльстонъ фыркнулъ.

— Ну, конечно!—сказалъ онъ досадливо.—Такъ что же изъ этого и изъ всей ея добродѣтели?

— А вотъ что, Эзра: во всемъ свѣтѣ нѣтъ дѣвушки, которую я бы охотно назвалъ своею невѣсткой. Вѣдь, если-бы ты захотѣлъ, то могъ бы обойти ее; право, ты могъ бы это сдѣлать!

— Аа... такъ вотъ твоя мысль!—замѣтилъ Эзра съ непріятной усмѣшкой,—понимаю!

— Да, это одинъ исходъ изъ нашего положенія. У нея 40 тысячъ фунтовъ, которыхъ было бы болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы спасти фирму, а ты одновременно съ этимъ пріобрѣлъ бы примѣрную жену!

Да, есть сотни дѣвушекъ кругомъ, изъ которыхъ могутъ выйти прелестныя жены,—замѣтилъ Эзра.—Но для меня прошу не строить до поры до времени никакихъ матримоніальныхъ проэктовъ!

— Но, вѣдь, это же абсолютно необходимо въ данномъ случаѣ!—возразилъ старикъ.

— Прекрасная необходимость,—грубо замѣтилъ Эрза.—Я долженъ связать себя на цѣлую жизнь, чтобы вы могли воспользоваться ея деньгами для поправленія своихъ безумствъ. Это я, дѣйствительно, называю равномѣрнымъ раздѣленіемъ труда!

— Это дѣло на столько же твое, на сколько и мое!—строго замѣтилъ старикъ,—и въ твоихъ интересахъ вложить эти деньги въ это дѣло, потому что если оно погибнетъ, то ты будешь также разоренъ, какъ и я! А какъ ты думаешь, пошла бы она за тебя, если ты этого захотѣлъ? Если-бы ты постарался снискать ея расположеніе?

Эзра погладилъ при этомъ свои густые черные усы не безъ извѣстнаго самодовольства и мелькомъ взглянулъ въ зеркало, отразившее его сильную, красивую фигуру и смѣлое, энергичное, почти дерзкое лицо съ красивыми, правильными чертами и пріятнымъ смуглымъ оттѣнкомъ кожи.

— Если ужъ мы будемъ непремѣнно принуждены прибѣгнуть къ этому,—сказалъ онъ,—то я полагаю, что могу поручиться за успѣхъ. Дѣвушка эта не дурна собой. Но ты говоришь, что у тебя нѣсколько плановъ. Посмотримъ-ка остальные! Въ крайнемъ случаѣ я всегда могу согласиться и на это, но, конечно, при условіи, что деньги останутся въ полномъ моемъ распоряженіи!

— Ну, конечно, конечно!—поспѣшилъ согласиться отецъ.— Какъ ты говоришь: «если другого исхода не будетъ, то мы всегда успѣемъ вернуться къ этому»,—теперь я намѣренъ собрать какъ можно больше денегъ, пользуясь нашимъ кредитомъ, и вложить эти деньги въ такое дѣло, которое-бы дало разомъ большіе и немедленные барыши!

— И какъ ты думаешь это сдѣлать?—недовѣрчиво спросилъ сынъ.

— Я намѣренъ,—сказалъ съ нѣкоторой торжественностью Джонъ Гирдльстонъ, вставая и облокачиваясь локтемъ на каминъ,—намѣренъ устроить алмазную монополію!

XII. Алмазное дѣло.

Джонъ Гирдльстонъ высказалъ свое намѣреніе съ такой торжественностью и важностью, что, очевидно, разсчитывалъ произвести этимъ сильное впечатлѣніе на сына. И это ему, дѣй-

ствительно, удалось, такъ какъ молодой человѣкъ смотрѣлъ на него, выпучивъ глаза и разинувъ ротъ отъ удивленія.

— Алмазную монополію!—повторилъ онъ,—да какъ же ты это сдѣлаешь?

— Ты, конечно, знаешь, что значитъ монополизировать дѣло въ своихъ рукахъ!—сталъ объяснять старикъ.—Если ты скупишь весь хлопокъ, скажемъ, или весь сахаръ, такъ чтобы весь наличный хлопокъ или сахаръ сосредоточился въ твоихъ рукахъ, то можешь потомъ пустить его по той цѣнѣ, по какой хочешь. А я намѣренъ это сдѣлать съ алмазами!

— Я прекрасно знаю, что значитъ монополія,—сказалъ Эзра раздражительно.—Но скажи мнѣ, ради Бога, какимъ образомъ ты думаешь скупить всѣ алмазы? На это понадобились бы капиталы всѣхъ Ротшильдовъ, взятые вмѣстѣ!

— Ну, не такъ уже много, какъ ты думаешь, милый другъ. Алмазовъ на рынкѣ не такъ ужъ много въ данное время. Цѣны на нихъ регулируются количествомъ, полученнымъ съ Южно-Африканскихъ алмазныхъ копей. Эта мысль пришла мнѣ уже давно, и я всесторонне взвѣшивалъ и обсуждалъ ее. Я, конечно, не сталъ бы пытаться скупить всѣ алмазы, имѣющіеся на рынкѣ, но даже небольшого количества ихъ было бы достаточно, чтобы возстановить благосостояніе нашей фирмы!

— Не понимаю! Если ты будешь имѣть въ своихъ рукахъ лишь незначительную часть всѣхъ алмазовъ, то скажи, пожалуйста, какими судьбами можешь установить цѣну на нихъ? Ты волей-неволей долженъ будешь спустить свою цѣну съ той, по какой остальные купцы станутъ продавать ихъ!

— Ха! ха! ха! Прекрасно! Прекрасно!—разсмѣялся старый коммерсантъ, добродушно покачивая головой.—Очень хорошо! Но ты, какъ вижу, не предугадываешь мой планъ; ты еще не уловилъ его! Ну, такъ позволь мнѣ разъяснить тебѣ...

Эзра откинулся на диванѣ и съ покорнымъ видомъ приготовился слушать; старикъ же Гирдльстонъ, продолжая стоять у камина, сталъ говорить медленно, вразумительно, какъ обыкновенно высказываютъ мысли, основательно взвѣшенныя и обдуманныя.

— Видишь ли, Эзра,—началъ онъ,—такъ какъ алмазы являются весьма дорогимъ предметомъ роскоши, то ихъ никогда не бываетъ одновременно слишкомъ много на міровомъ рынкѣ,— и пустяка иногда бываетъ довольно для того, чтобы уронить ихъ

въ цѣнѣ. Точно такого же пустяка бываетъ достаточно для того, чтобы взвинтить цѣны на нихъ!

Эзра Гирдльстонъ на этотъ разъ слушалъ внимательно.

— Будучи молодымъ человѣкомъ, я дѣлалъ дѣла съ алмазами самъ; конечно, это было очень давно, но я не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ частомъ колебаніи цѣнъ ихъ на рынкѣ. Между прочимъ, есть одно обстоятельство, которое неизмѣнно сильно и разомъ понижаетъ цѣну этихъ камней. Это—открыті гдѣ бы то ни было на земномъ шарѣ новыхъ алмазныхъ копей. Съ того момента, какъ слухъ о такихъ новыхъ пріискахъ разнесется, цѣна на алмазы удивительно падаетъ. Такъ, открытіе новыхъ алмазныхъ копей въ Центральной Индіи не такъ давно имѣло весьма замѣтное вліяніе на цѣнность алмазовъ, которые съ того времени такъ и не поднимались болѣе до своей прежней стоимости. Ты слушаешь?

Эзра на этотъ разъ дѣйствительно слушалъ съ замѣтнымъ интересомъ и молча утвердительно кивнулъ головой.

— Ну, допустимъ теперь, что слухъ объ открытіи новыхъ копей разнесется; цѣны падутъ, а мы, пользуясь этимъ пониженіемъ цѣнъ, пріобрѣтемъ возможно большее количество алмазовъ, вложивъ въ нихъ значительный капиталъ. Но если эти слухи о новыхъ копяхъ вдругъ окажутся ложными, то можешь представить, какъ быстро возрастетъ цѣна на алмазы,—и тогда мы можемъ продать пріобрѣтенные нами камни за двойную или даже тройную цѣну противъ той, за какую мы пріобрѣли! Понимаешь эти послѣдствія однихъ пустыхъ слуховъ?

— Да, но я долженъ сознаться, что въ твоей обольстительной картинѣ слишкомъ много «предположимъ» и «допустимъ»,—замѣтилъ Эзра. Какъ ты можешь знать, какіе слухи могутъ вдругъ распространиться и затѣмъ окажутся черезъ извѣстное время лишенными основанія?

— Какъ я могу знать?—Ха, ха!.. да очень просто, другъ мой.—Если мы сами будемъ распускать эти слухи, то, конечно будемъ знать о нихъ и будемъ также хорошо знать, что эти слухи ни на чемъ не основаны... Какъ видишь, Эзра, въ моей старой башкѣ еще есть мозги!

Теперь Эзра смотрѣлъ на отца съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ ужасомъ.

— Проклятье!—воскликнулъ онъ,—да, вѣдь, это не честно! Я даже не увѣренъ въ томъ, что это не подсудно!..

— Не честно! Что ты говоришь, мой милый? Да это про

сто коммерческая хитрость, и больше ничего! Ты говоришь, что это, быть можетъ, даже подсудно. Но кто же можетъ это доказать?.. Я еще не разработалъ этого плана во всѣхъ его подробностяхъ, а хотѣлъ только заручиться твоимъ содѣйствіемъ! Вѣдь, это только общій обликъ моего плана; понимаешь, только одна схема! Мы отправимъ какого-нибудь довѣреннаго человѣка въ отдаленную часть свѣта, въ Чимборазо или сѣверный Уралъ, допустимъ, все равно, куда, лишь бы это было далеко. Прибывъ на мѣсто, нашъ агентъ пуститъ слухъ, что онъ напалъ на алмазныя копи; для большей очевидности можно даже зарыть въ данномъ мѣстѣ нѣсколько хорошихъ алмазовъ, которые онъ можетъ извлечь для пущей правдоподобности и представить, какъ образцы. Конечно, мѣстная печать примется трубить во всю объ этой находкѣ. Нашъ агентъ можетъ даже поднести одинъ изъ менѣе цѣнныхъ камней главному редактору самой популярной изъ мѣстныхъ газетъ. Понятно, слухи о новыхъ алмазныхъ копяхъ дойдутъ и до Лондона,—съ ссылками на мѣстныя извѣстія и мѣстную прессу, а изъ Лондона дойдутъ и до Капланда, и тогда я готовъ поручиться, что послѣдствіемъ этихъ слуховъ будетъ немедленное и сильное пониженіе въ цѣнѣ этихъ камней. Мы должны имѣть второго агента въ Южной Африкѣ, на Капскихъ алмазныхъ копяхъ, который бы скупилъ, сколько возможно, на сколько позволитъ намъ капиталъ, все количество камней, какое онъ успѣетъ пріобрѣсти во время всеобщей паники. А затѣмъ, когда окажется, что эти новыя копи ничего не даютъ, что слухъ о богатствѣ ихъ оказался неосновательнымъ, цѣна на алмазы, конечно, снова возрастетъ,—и тогда мы наживемъ хорошія деньги на томъ, что успѣли закупить во время паники. Вотъ мой планъ! Это также вѣрно, какъ и легко исполнимо.

— Да, все это звучитъ очень хорошо,—задумчиво согласился сынъ,—но я, тѣмъ не менѣе, не столь увѣренъ, что это дѣло такъ хорошо выгоритъ, какъ ты предполагаешь.

— Оно должно выгорѣть! На сколько можно судить по человѣческимъ соображеніямъ и разсчетамъ, я здѣсь не вижу никакой возможной ошибки! Кромѣ того, не упускай изъ виду, что мы на этотъ разъ будемъ спекулировать чужими деньгами. Намъ самимъ нечего терять,—т. е. положительно нечего!

— Ну, этого-то я, конечно, не забуду!—гнѣвно отозвался Эзра, снова вспомнивъ про свое раззореніе.

— Я разсчитываю, что мы можемъ собрать отъ 40 до 50 тысячъ фунтовъ безъ особенныхъ хлопотъ! Ты, вѣдь, знаешь,

что мое имя не хуже любого крупнаго имени на Биржѣ. Въ теченіе болѣе сорока лѣтъ оно стояло выше всякаго сомнѣнія или подозрѣнія, и если мы рѣшимъ осуществить нашъ планъ безъ промедленія и распорядимся этими деньгами разумно,—все еще можетъ исправиться.

— У насъ выбора нѣтъ!—мрачно сказалъ молодой Гирдльстонъ.—Мы должны попытать счастье на какомъ нибудь смѣломъ ударѣ. Но намѣтилъ ты кого нибудь, подходящаго для отвѣтственной роли нашихъ агентовъ въ этомъ дѣлѣ? Тебѣ нужно имѣть человѣка съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ для распространенія подобныхъ слуховъ; они не должны и не могутъ исходить отъ какого нибудь безызвѣстнаго мелкаго человѣчка.

Старикъ отрицательно покачалъ головой.

— Я еще ни на комъ не остановился, да и откуда мнѣ взять на такое дѣло человѣка съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ?—добавилъ онъ.

— Ничего не можетъ быть легче!—возразилъ Эзра съ циничной усмѣшкой.—Я наберу тебѣ хоть дюжину безденежныхъ субъектовъ у насъ въ клубѣ, которые были бы Богъ вѣсть какъ рады заработать сотню другую фунтовъ какимъ бы то ни было способомъ, не справляясь о степени благовидности этого способа... могу тебя увѣрить! Всѣ ихъ красивыя росказни о чести и порядочности и т. п., все это очень прекрасно, но совсѣмъ не предназначается ими для повседневной жизни и практическаго примѣненія. Конечно, намъ придется заплатить ему за услугу!..

— Заплатить имъ, ты хочешь сказать!—поправилъ его отецъ.

— Нѣтъ,—намъ будетъ нуженъ только одинъ человѣкъ!

— Ну, а кто же будетъ скупать алмазы тамъ, на алмазныхъ копяхъ въ Южной Африкѣ?

— Не думаешь-же ты, отецъ,—грубо и рѣзко сказалъ Эзра,—сдѣлать такую глупость, какъ довѣрить кому нибудь наши деньги!—Да я бы самому епископу Кэнтерберійскому не довѣрилъ заглазно 40 или 50 тысячъ фунтовъ моихъ денегъ! Нѣтъ! Я самъ поѣду туда! Если только могу довѣрить тебѣ одному дѣла здѣсь!—добавилъ онъ дерзко и пренебрежительно.

— Это не порядочно съ твоей стороны, Эзра,—сказалъ старикъ въ отвѣтъ на его послѣднія слова,—не порядочно и не прилично! Но дѣло теперь не въ этомъ—мысль ѣхать туда са-

мому безусловно прекрасная мысль,—и я бы самъ предложилъ тебѣ поступить такъ, если бы не трудности и неудобства этого путешествія!

— Нѣтъ смысла дѣлать вещи на половину!—возразилъ Эзра,—что же касается второго агента, то у меня есть какъ разъ подходящій человѣкъ; это маіоръ Тобіа Клеттербекъ. Это умный, смышленный человѣкъ и всегда въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Еще на прошлой недѣлѣ онъ просилъ у меня взаймы десять фунтовъ. Такое порученіе было бы для него чистой благодатью, а его общественное положеніе и умѣнье держать себя было бы для насъ значительной помощью въ этомъ дѣлѣ. Я готовъ поручиться, что онъ обѣими руками ухватится за это предложеніе!

— Ну, такъ поговори съ нимъ, позондируй почву! Я радъ, Эзра, что мы, наконецъ, объяснились съ тобой, потому что тотъ фактъ, что я спекулировалъ безъ твоего вѣдома и показывалъ тебѣ неточный отчетъ,—меня страшно тяготитъ и положительно лишаетъ меня силъ, увѣряю тебя! Я чувствую громадное облегченіе съ того момента, какъ я сказалъ тебѣ все. Голосъ старика звучалъ совершенно сердечно

— Оставимъ это!—холодно и рѣзко оборвалъ Эзра.—Я долженъ мириться съ тѣмъ, что есть, потому что не имѣю возможности исправить промаха.—Дѣло сдѣлано, измѣнить его нельзя,—но я считаю, что ты самовольно растратилъ деньги фирмы и привелъ ее на край гибели!

— Вѣрь мнѣ: я хотѣлъ только лучшаго! Я поступалъ, какъ считалъ за лучшее! Для меня доброе имя нашей фирмы—всего дороже. Я всю жизнь потратилъ на созданіе этой фирмы и этого добраго имени, и если бы насталъ день, когда бы все это погибло, то полагаю, что я бы не пережилъ его. А потому нѣтъ ничего, чего бы я не сдѣлалъ для спасенія фирмы!

— Я вижу, что съ насъ опять требуютъ страховку,—сказалъ Эзра, взглядъ котораго упалъ на письмо страхового агентства, лежащее на столѣ.—Какъ это случается, что ни одно изъ нашихъ старыхъ судовъ не гибнетъ?

— Шшъ! Шшъ!—умоляюще воскликнулъ старикъ Гирдльстонъ.—Говори шепотомъ, когда говоришь о такихъ вещахъ!

— Я положительно не понимаю,—настойчиво продолжалъ молодой человѣкъ,—вы постоянно, изъ года въ годъ, страхуете ваши суда въ громадную сумму; хотя бы этотъ «Леопардъ»; вѣдь, онъ застрахованъ вдвое дороже того, что стоилъ новый?

«Черный орелъ»—тоже самое, и у насъ никогда не случается съ ними никакого несчастія, тогда какъ два новыхъ, незастрахованныхъ парохода топятъ другъ друга!

— Пусть такъ, но что же я могу тутъ сдѣлать?—возразилъ старикъ.—Они всѣ едва держатся. Я уже сколько лѣтъ не производилъ имъ никакого ремонта; рано или поздно они должны развалиться; но больше этого я сдѣлать ничего не могу!

— Ну, а я такъ съумѣлъ бы заставить ихъ пойти ко дну, когда захочу!—пробормоталъ Эзра съ глухимъ проклятіемъ.—

— Почему ты не заставишь стараго Миггса просверлить въ нихъ дыру или поднести свѣчу къ пороховому боченку! Чортъ побери, подобныя вещи дѣлаются ежедневно, и никто объ этомъ даже не справляется! А что пользы изъ того, что вы съ ними церемонитесь?

— Нѣтъ, нѣтъ, Эзра!—воскликнулъ старикъ.—Нѣтъ, только не это! Только не это! Предоставимъ случаю сдѣлать свое дѣло.—Это одно, дать же приказаніе взорвать или потопить судно—это уже другое! Кромѣ того, это поставитъ насъ въ полную зависимость отъ Миггса. Мы будемъ всецѣло въ его рукахъ. Это слишкомъ опасно!

— Какъ вамъ угодно! Но вы завели насъ въ эти дебри и вы же должны насъ и вывести! Въ крайнемъ случаѣ я скажу вамъ, что сдѣлаю: я женюсь на Кэтъ Харстонъ, отряхну съ себя пыль вашей фирмы и представлю вамъ управляться съ вашими кредиторами, а самъ удалюсь отъ дѣлъ съ 40 тысячами жениннаго приданаго,—вотъ и все!—съ этими словами младшій представитель фирмы взялъ свою шляпу и пальто, и рѣшительнымъ шагомъ вышелъ изъ комнаты.

По его уходѣ Джонъ Гирдльстонъ провелъ болѣе часа въ тяжкомъ раздумьѣ. Онъ обсуждалъ подробности того, что предлагалъ своему сыну въ общихъ чертахъ. Вдругъ взглядъ его упалъ на лежащія передъ нимъ письма, и ему пришло въ голову, что прежде всего слѣдуетъ позаботиться объ удовлетвореніи этихъ требованій. Въ настоящее время для него было особенно важно оказаться исправнымъ во всѣхъ своихъ платежахъ. Какъ мы уже видѣли, старикъ Гирдльстонъ былъ человѣкъ весьма находчивый. Онъ позвонилъ и пригласилъ къ себѣ своего старшаго клерка.

— Добрый день, Джонъ!—сказалъ онъ привѣтливо, какъ только тотъ показался въ дверяхъ кабинета.

— Добрый день, мистеръ Гирдльстонъ, добрый день,

сэръ,—отвѣтилъ маленькій тщедушный Джонъ Гильрей, потирая свои худыя желтыя руки въ знакъ удовольствія.

— Я слышалъ, Джонъ,—продолжалъ глава фирмы,—что вы недавно получили наслѣдство; вѣрно это?

— Да, сэръ, тысячу пятьсотъ фунтовъ, сэръ! За вычетомъ слѣдуемаго казеннаго вычета и казенныхъ издержекъ, тысячу четыреста двадцать восемь фунтовъ, шесть шиллинговъ и четыре пенса, сэръ! Я получилъ ихъ по завѣщанію покойнаго брата моей жены. Это очень хорошенькое наслѣдство, сэръ, очень кругленькая сумма!..

Джонъ Гирдльстонъ снисходительно улыбнулся, словно желая выразить этимъ, что такая сумма являлась въ его глазахъ совершенно ничтожной, затѣмъ небрежно спросилъ.—«Ну, такъ что же вы сдѣлали съ этими деньгами, Джонъ?

— Я положилъ ихъ въ банкъ, сэръ... Въ Соединенный Столичный банкъ, сэръ!

— Вотъ какъ, и они даютъ вамъ, если не ошибаюсь, три съ половиною процента! да?

— Ровно три, сэръ!

— Три! Но, милый Джонъ, это очень мало, это чрезвычайно ничтожный процентъ! Я весьма радъ, что спросилъ васъ объ этомъ: я только что собирался перехватить 1400 фунтовъ для срочнаго платежа, и предлагаю за нихъ 5%. Такъ вотъ, если хотите, Джонъ,—такъ какъ вы старый служащій фирмы, то я готовъ отдать вамъ преимущество въ данномъ случаѣ и взять деньги у васъ; болѣе 1400 фунтовъ я у васъ не возьму. Но за эту сумму буду давать вамъ по пяти процентовъ, какъ сказалъ.

Джонъ Гильрей почувствовалъ себя глубоко тронутымъ такимъ заботливымъ вниманіемъ своего патрона.

— Право, вы слишкомъ добры и великодушны, сэръ,—проговорилъ онъ.—Я не знаю даже, какъ васъ благодарить!

— Стоитъ ли говорить объ этомъ, Джонъ?—величественно успокоилъ его глава фирмы,—наша фирма всегда готова поддержать интересы своихъ служащихъ въ предѣлахъ возможнаго. Ваша чековая книжка при васъ? Такъ впишите въ нее 1400 фунтовъ, не болѣе, Джонъ: больше я взять у васъ не могу, но что сказалъ, сдѣлаю съ удовольствіемъ!

Гильрей досталъ свою чековую книжку, подписалъ и вручилъ чекъ своему принципалу, отъ котораго получилъ въ замѣнъ надлежащую росписку, и затѣмъ удалился въ контору. Здѣсь онъ порадовалъ своихъ подчиненныхъ умилительнымъ

разсказомъ о великодушномъ поступкѣ своего принципала и затѣмъ погрузился съ удвоеннымъ усердіемъ въ свои цифры и счета.

А Джонъ Гирдльстонъ досталъ изъ ящика стола нѣсколько оффиціальныхъ голубыхъ бланковъ и своимъ неровнымъ нервнымъ почеркомъ, съ бѣшеной поспѣшностью и небрежностью нацарапалъ на нихъ, со множествомъ вычерковъ и чернильныхъ брызгъ, слѣдующія строки: «Сэръ, (писалъ онъ къ управляющему банкомъ) прилагаю при семъ 1400 фунтовъ, истребованныхъ моей конторой изъ текущаго счета моего у васъ; въ самомъ непродолжительномъ времени разсчитываю сдѣлать крупный вкладъ, а пока, вы, конечно, удовлетворите всякія требованія, которыя могутъ поступить къ вамъ на мое имя.—

Джонъ Гирдльстонъ.

Въ страховое агенство Ллойдъ онъ писалъ: «Сэръ, при семъ прилагаю вамъ чекъ на сумму 341 фунтъ, 7 шиллинговъ и 6 пэнсовъ, представляющую собою сумму страховки, слѣдуемую вамъ за мои пароходы «Леопардъ», «Черный Орелъ» и «Аѳинская Дѣва». Мнѣ слѣдовало доставить вамъ этотъ чекъ раньше, но за массою болѣе важныхъ дѣлъ, отвлекающихъ мое вниманіе, такіе пустяки иногда забываются».

Запечатавъ эти посланія и снабдивъ конверты надлежащими адресами, старый Гирдльстонъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе на душѣ и снова предался невинному развлеченію обсуждать мысленно, какимъ образомъ лучше устроиться съ задуманною аферою.

XIII. Свѣтъ и тѣни.

Частная резиденція Джона Гирдльстона въ Экклестонъ-Скверѣ представляла собою большой внушительнаго вида домъ, массивной и солидной постройки, въ той части города, которую высшій фешенебельный свѣтъ обошелъ, но гдѣ осѣла солидная состоятельная часть населенія Лондона. На видъ это большое зданіе казалось мрачнымъ и непривѣтливымъ, но внутри это было чудо роскоши, такъ какъ старый коммерсантъ зналъ толкъ въ хорошихъ вещахъ и, при всей своей аскетической наружности, по вкусамъ своимъ былъ утонченный сибаритъ. Дѣйствительно, жилище его отличалось чисто восточной роскошью: громадныя высокія комнаты были заставлены самой художественной мебелью, рѣдкими произведеніями искусства, старинными вещами необычайной цѣнности и красоты, издѣліями

изъ чернаго дерева, слоновой кости и металловъ, дорогими мѣхами, цѣнными гобеленами и множествомъ самыхъ разнообразныхъ рѣдкостей и драгоцѣнностей, вывезенныхъ его агентами со всѣхъ частей свѣта и поднесенными въ даръ ему, какъ знатоку и цѣнителю, съ одной стороны, и какъ патрону, съ другой.

По смерти друга своего, Джона Харстона, старикъ Гирдльстонъ сдержалъ свое слово.—Онъ взялъ дочь его къ себѣ, переселилъ ее въ свой домъ, сдѣлалъ ее полной госпожей, предоставляя ей въ стѣнахъ этого дома полную свободу, всѣ возможныя удобства и роскошь, не обременяя ее ничѣмъ, даже хозяйственными заботами, которыя издавно лежали на старой мрачной и дѣловой экономкѣ Гирдльстона. Дѣвушкѣ же предоставлялось только жить въ свое удовольствіе и наслаждаться всѣмъ тѣмъ, что во всякое время было къ ея услугамъ.

Однако, чувствовать себя счастливой и довольной въ этомъ домѣ и въ этой обстановкѣ было не такъ легко. Царившая здѣсь атмосфера совсѣмъ не располагала къ жизнерадостности: единственнымъ обществомъ Кэтъ были вѣчно мрачный и озабоченный и безстрастный старикъ Гирдльстонъ и его вульгарный, при случаѣ даже рѣзкій и грубый сынъ. Въ первое время послѣ своей страшной утраты молодая дѣвушка болѣзненно ощущала перемѣну въ своей обстановкѣ, но потомъ мало по малу начала свыкаться съ нею, смиряться, если можно такъ сказать. Ея опекунъ и его сынъ почти всецѣло предоставляли ее самой себѣ; старикъ былъ слишкомъ поглощенъ своими торговыми операціями и денежными дѣлами, такъ что не имѣлъ времени справляться о ея занятіяхъ и времяпрепровожденіи, а Эзра, встававшій поздно и возвращавшійся нерѣдко подъ-утро, появлялся только къ завтраку, и тогда она съ ужасомъ и отвращеніемъ выслушивала спортивные отчеты и циничныя замѣчанія относительно людей и обычаевъ.

Тѣмъ не менѣе Джонъ Гирдльстонъ не переставалъ думать о Кэтъ и слѣдить за ней съ истинно родительской бдительностью и былъ не особенно обрадованъ, узнавъ по возвращеніи Димсдалей изъ Эдинбурга въ Лондонъ, что его опекаемая имѣла случай сблизиться со своимъ кузеномъ, молодымъ Томомъ Димсдаль. Онъ встрѣтилъ ее холодно и запретилъ ей посѣщать Филлиморъ-Гарденсъ, пригородную резиденцію Димсдалей, въ теченіе нѣкотораго времени. При случаѣ онъ говорилъ о Томѣ въ самыхъ неблагопріятныхъ выраженіяхъ, увѣ-

ряя Кэтъ, что онъ получилъ свѣдѣнія, рисующія его душевную сторону въ самомъ плохомъ свѣтѣ, что «онъ предается всякаго рода унизительнымъ увлеченіямъ» и при этомъ, онъ добавлялъ, что его настойчивое желаніе, чтобы Кэтъ избѣгала общества этого молодого человѣка. Узнавъ, что молодой Димсдаль также находится теперь въ Лондонѣ, старикъ Гирдльстонъ принялъ даже такую, не совсѣмъ похвальную мѣру предосторожности, какъ поручить одному довѣренному слугѣ слѣдить за молодой дѣвушкой шагъ за шагомъ, куда бы она ни пошла, и что бы ни дѣлала.

Но однажды случилось такъ, что Кэтъ нашла-таки возможность уйти изъ дому какъ разъ въ то время, когда довѣренный слуга былъ отосланъ куда то самимъ Гирдльстономъ по дѣлу. Кэтъ какъ разъ въ это время понадобилось купить какую-то книгу и какое-то кружево къ новому платью. При этомъ случилось такъ, что въ то время какъ она степенно шла вдоль по улицѣ Варвикъ, взглядъ ея случайно упалъ на высокую фигуру стройнаго широкоплечаго молодого человѣка, который шелъ ей на встрѣчу, помахивая тросточкой, какъ это обыкновенно дѣлаютъ молодые бездѣльники, безъ опредѣленной цѣли мотающіеся по люднымъ улицамъ города. При видѣ этого молодого человѣка Кэтъ моментально забыла и про книгу, и про кружево, а высокій молодой человѣкъ пересталъ размахивать тросточкой и направился прямо къ ней большими поспѣшными шагами, съ весело улыбающимся лицомъ и смѣющимися глазами.

— Ахъ, кузенъ Томъ, кто могъ подумать, что я встрѣчу васъ здѣсь?—воскликнула молодая дѣвушка послѣ того, какъ они обмѣнялись обычнымъ рукопожатіемъ.—Какой удивительный случий!

Вѣроятно, этотъ случай показался бы дѣвушкѣ менѣе удивительнымъ, если бы она знала, что Томъ проводилъ шесть часовъ въ сутки за послѣднія двѣ недѣли, на стражѣ выходовъ изъ Экклестонъ-Сквера.

— Да, чрезвычайно удивительный и пріятный!—произнесъ молодой притворщикъ.—Какъ видите, я еще до сихъ поръ не пристроился ни къ какому дѣлу, а потому разгуливаю по улицамъ Лондона отъ бездѣлья, и на этотъ разъ счастливая случайность привела меня какъ разъ въ эту сторону.

— Ну, какъ поживаетъ докторъ Димсдаль?—спросила участливо Кэтъ.—А мистриссъ Димсдэль?.. Пожалуйста, передайте

имъ мой душевный привѣтъ, скажите, что я ихъ обоихъ очень люблю...

— Хорошо, но почему-же вы до сихъ поръ не были у насъ?—съ упрекомъ спросилъ Томъ.

— Мистеръ Гирдльстонъ полагаетъ, что я слишкомъ много развлекалась за послѣднее время, и теперь слѣдуетъ посидѣть дома! Боюсь, что мнѣ еще не скоро можно будетъ вырваться въ Кенсингстонъ!

Томъ въ полъ голоса отправилъ ея опекуна ко всѣмъ чертямъ и затѣмъ снова обратился къ ней съ вопросомъ:

— А вы въ какую сторону идете?

— Я шла въ улицу Викторіи обмѣнять мою книгу, затѣмъ въ Фордъ-Стритъ—подыскать кружево.

— Какъ странно!—воскликнулъ молодой человѣкъ,—и я иду какъ разъ въ эту сторону!—и это было дѣйствительно странно, такъ какъ онъ шелъ въ совершенно противоположномъ направленіи, когда встрѣтился съ Кэтъ. Но ни тотъ, ни другая не желали комментировать этого факта, и потому пошли дальше вмѣстѣ.—Послѣ нѣкотораго молчанія Томъ спросилъ:

— А вы еще не забыли время въ Эдинбургѣ?

— Ахъ, нѣтъ!—воскликнула съ воодушевленіемъ дѣвушка.—Я не забуду никогда этого хорошаго времени,—пока буду жива!

— И я тоже!—сказалъ Томъ съ чувствомъ.—Помните тотъ день, когда мы съ вами были на Пентландѣ?

— Да, а катанье у Артуръ-Ситъ?

— А тотъ разъ, когда мы всѣ отправились осматривать часовню, помните?

— Ну, какъ же! А Эдинбургскій замокъ, его оружейный залъ и королевскія драгоцѣнности! Ахъ, какъ это было великолѣпно! Какъ интересно! Но вы, вѣроятно, видѣли все это уже много разъ раньше! Вы не могли такъ восхищаться всѣмъ этимъ, какъ мы, которые видѣли это въ первый разъ!

— О, да я видѣлъ все это и раньше,—сказалъ серьезно Томъ, дивясь въ душѣ, почему онъ, который съ такой легкостью могъ всегда сказать что-нибудь лестное всякой другой дѣвушкѣ, теперь не находилъ для этого словъ,—но видите-ли, Кетъ, разница для меня заключалась въ томъ, что тогда васъ не было со мной—и... и все для меня было тогда иначе...

— Ахъ! — сказала Кэтъ уклончиво, — какая прекрасная погода,—а я полагала сегодня утромъ, что будетъ дождь!

Но Тома не такъ легко было выбить изъ колеи метеорологическими замѣчаніями.

— Быть можетъ, когда-нибудь вашъ опекунъ опять разрѣшитъ папѣ взять васъ къ намъ на маленькія каникулы!—сказалъ онъ съ нѣкоторой надеждой.

— Я боюсь, что нѣтъ!—возразила Кэтъ.

— А почему нѣтъ?

— Потому, что онъ, казалось, былъ такъ не въ духѣ, такъ сердитъ, когда я вернулась изъ Эдинбурга послѣдній разъ...

— А почему же онъ былъ сердитъ и не въ духѣ?—спросилъ Томъ.

— Потому...—она чуть было не сказала потому, что она ближе познакомилась съ нимъ, но во время одумалась и сказала,—потому, что онъ раздраженъ и разстроенъ!

— Но это, право, ужасно, что вамъ приходится считаться со всѣми этими капризами и настроеніями!—произнесъ молодой человѣкъ, сердито размахивая своей палкой взадъ и впередъ.

— Но, вѣдь, надъ каждымъ человѣкомъ стоитъ кто-нибудь, съ кѣмъ приходится считаться, а еслибъ этого не было, то мы никогда не умѣли-бы различить хорошаго отъ дурного!

— Но, вѣдь, онъ не добръ къ вамъ!

— О, нѣтъ! Это вы напрасно!—сказала Кэтъ рѣшительно.—Онъ очень хорошъ ко мнѣ. Онъ, быть можетъ, немного суровъ и мраченъ иногда, но я знаю, что онъ желаетъ мнѣ добра, и я была бы очень глупой дѣвочкой, если бы сердилась на него за это. Кромѣ того, онъ такой религіозный и хорошій человѣкъ, что весьма естественно, что даже то, что намъ кажется маленькой виной, то является въ его глазахъ уже серьезнымъ грѣхомъ!

— Аа, такъ онъ религіозенъ и добръ!—замѣтилъ недовѣрчиво Томъ: дѣло въ томъ, что его отецъ имѣлъ свой особый взглядъ на характеръ Джона Гирдльстона, а сынъ естественнымъ образомъ перенялъ отъ него этотъ взглядъ.

— Да, безъ сомнѣнія!—сказала Кэтъ, глядя широко раскрытыми удивленными глазами на Тома,— развѣ вы не знаете, что онъ—главный попечитель нѣскольких религіозныхъ общинъ и въ воскресные дни ходитъ три раза въ

день на молитву, жертвуетъ на всѣ добрыя и благотворительныя дѣла; онъ—другъ извѣстнаго филантропа мистера Джефферсона Эдвардса; кромѣ того, какъ онъ былъ добръ ко мнѣ все это время: онъ заступилъ мнѣ мѣсто отца и постоянно заботится о мнѣ!..

— Хмъ!—промолвилъ нѣсколько недовѣрчиво Томъ и затѣмъ съ нѣкоторой болью въ сердцѣ добавилъ,—а Эзра Гирдльстонъ нравится вамъ?

— Ахъ, нѣтъ! Нисколько!—воскликнула дѣвушка съ полною искренностью.—Нѣтъ, онъ мнѣ совсѣмъ не нравится. онъ—жестокій, грубый человѣкъ, и у него скверное, недоброе сердце.

— Вы говорите, жестокій! Жестокій по отношенію къ вамъ? Да?

— Нѣтъ, не ко мнѣ. Я избѣгаю его, сколько могу, и не рѣдко мы цѣлыми недѣлями не обмѣниваемся съ нимъ ни словомъ.—Знаете, что онъ сдѣлалъ недавно? Я просто содрогаюсь даже теперь, когда вспоминаю объ этомъ. Я услыхала, что въ саду жалобно мяучитъ кошка, и пошла посмотрѣть, что тамъ такое. Выйдя въ садъ, я увидѣла Эзру Гирдльстона, который высунулся изъ окна съ ружьемъ въ рукахъ, знаете, съ однимъ изъ этихъ ружей, которыя стрѣляютъ сжатымъ воздухомъ и не производятъ никакого шума при выстрѣлѣ,—а тамъ въ кустахъ посрединѣ сада, увидѣла кошку, которую онъ привязалъ къ кусту и упражнялся въ стрѣльбѣ по ней, вѣроятно, довольно продолжительное время, такъ какъ бѣдное животное было положительно изрѣшечено пулями. Такъ какъ эта несчастная кошка еще была жива, то я отвязала ее и унесла въ комнаты: на ней не было мѣста живого!..

— Негодяй! Этакое животное!—съ отвращеніемъ воскликнулъ юноша.—Что же вы сдѣлали?

— Я принесла ее къ себѣ, уложила, обмыла кровь, но она вскорѣ подохла, не переставая жалобно стонать!

— А что онъ сказалъ, когда вы отвязали кошку?

— Онъ вскинулъ ружье, какъ будто собираясь пристрѣлить и меня. А когда я затѣмъ проходила мимо него, то сказалъ мнѣ, что научитъ меня не соваться не въ свое дѣло. Но я не обратила на это вниманія, такъ какъ кошка была уже у меня въ рукахъ, и прошла мимо, даже не отвѣтивъ ему ничего.

— И онъ посмѣлъ сказать вамъ это!—гнѣвно воскликнулъ Томъ, и яркая краска негодованія залила мгновенно его лицо. Я-бы хотѣлъ увидѣть его теперь! Я-бы научилъ его приличному обращенію, или...

— О, васъ навѣрное переѣдутъ, кузенъ Томъ, если вы будете продолжать въ томъ же духѣ!—прервала его Кэтъ.

Дѣйствительно, молодой человѣкъ настолько увлекся своимъ негодованіемъ на молодого Гидрльстона, что шагалъ черезъ улицу напрямикъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на опасность попасть подъ колеса экипажей.

— Не возбуждайтесь такъ сильно, кузенъ Томъ, тутъ положительно не на что сердиться! И дѣвушка успокоительно положила свою маленькую обтянутую перчаткой ручку на его руку.

— Неужели не на что?—возмутился онъ.—Нечего сказать, прекрасное положеніе, если вамъ приходится сносить всякія оскорбленія отъ такого грубаго, неотесаннаго дурака, какъ Эзра Гирдльстонъ!

Теперь они дошли благополучно до средины улицы, которую имъ приходилось пересѣкать, и остановились на защищенномъ отъ ѣзды мѣстечкѣ подъ прикрытіемъ большого уличнаго фонаря на массивномъ гранитномъ основаніи. Безконечная вереница омнибусовъ, желтыхъ, красныхъ и коричневыхъ, экипажей съ нарядными женщинами и дѣловыми лицами, спѣшившими во всѣ концы города, сплошною стѣной преградила имъ путь. Только полисмэнъ, стоящій къ нимъ спиной, и размахивавшій обѣими руками, словно живой семафоръ, былъ единственнымъ живымъ существомъ подлѣ нихъ. Среди всего этого шума и суетни большого города они были здѣсь такъ одиноки, какъ среди пустыни.

— Вамъ необходимо имѣть защитника!—сказалъ Томъ съ удивительной рѣшительностью.

— О, кузенъ Томъ, будьте благоразумны, я вполнѣ могу защищать себя сама!

— Вы должны имѣть кого-нибудь, кто имѣлъ бы право охранять васъ,—продолжалъ молодой человѣкъ уже сильно хриплымъ и глухимъ голосомъ, такъ какъ что-то перехватило ему горло и душило его.

— Вы можете пройти теперь, сэръ!—пробасилъ громо-

гласно полисмэнъ, такъ какъ въ вереницѣ несущихся мимо экипажей получился мгновенный перерывъ.

— Не идите! Подождите еще минуту! — сказалъ Томъ, отчаяннымъ движеніемъ удерживая подлѣ себя молодую дѣвушку, схвативъ за рукавъ ея жакетки.—Здѣсь мы одни и можемъ поговорить немного. Какъ вы думаете, Кэтъ, какъ вамъ кажется... могли бы полюбить меня хоть немного, если бы постарались? Я такъ люблю васъ, Кэтъ, что не могу ни надѣяться, ни утѣшать себя надеждой, что моя любовь не совсѣмъ напрасна!..

— Дорога совсѣмъ свободна, сэръ!—снова прокричалъ констэбль въ самое ухо Тома.

— Не слушайте его!—умоляюще воскликнулъ Томъ, еще разъ удерживая свою спутницу у фонаря.—Съ того времени, какъ я увидѣлъ васъ въ Эдинбургѣ, я живу какъ во снѣ. Что бы я ни дѣлалъ, гдѣ бы ни былъ, вы всегда стоите у меня передъ глазами. Вашъ милый голосъ постоянно звучитъ у меня въ ушахъ. Мнѣ кажется, что никогда еще ни одна дѣвушка не была любима такъ нѣжно и такъ глубоко, какъ вы любимы мною, Кэтъ...—Но мнѣ такъ трудно сказать вамъ, передать вамъ все то, что у меня на сердцѣ и въ душѣ. Бога ради, дайте мнѣ хоть маленькую искру надежды, Кэтъ, которую я могъ бы унести съ собой въ своемъ сердцѣ... Ну, скажите мнѣ, что я вамъ не непріятенъ, не противенъ, Кэтъ!

— Вы знаете, кузенъ Томъ, что этого нѣтъ!—сказала дѣвушка, невольно опустивъ глаза. Онъ такъ искусно priперъ ее къ гранитному постаменту фонаря, что она положительно не могла двинуться ни вправо, ни влѣво.

— Такъ я нравлюсь вамъ, кузина?—спросилъ онъ дрогнувшимъ, тревожнымъ голосомъ,—и въ его честныхъ, серьезныхъ глазахъ вспыхнуло пламя любви.

— Ну, конечно, нравитесь!—отвѣтила она.

— А какъ вы думаете, Кэтъ, могли бы вы меня полюбить?—продолжалъ онъ настойчиво.—Я не говорю: «теперь, сейчасъ, сразу въ одну минуту», нѣтъ, я знаю, что этого не заслуживаю, не стою, но со временемъ?—какъ вы думаете... не могли-бы научиться любить меня?..

— Можетъ-быть, да!—прошептала она, отворачивая отъ него свое лицо. Она прошептала это чуть слышно, но въ ушахъ Тома эти слова прозвучали громче грохота экипажей и оживленнаго гомона шумной улицы.

— Теперь можете проходить, сэръ!—оглушительно прокричалъ семафоръ-полисмэнъ,—и на этотъ разъ, не смотря на свое въ высшей степени возбужденное состояніе, Томъ, наконецъ созналъ, что перекрестокъ двухъ моднѣйшихъ улицъ Лондона все таки не вполнѣ подходящее мѣсто для любовныхъ проявленій, и послѣдовалъ приглашенію блюстителя порядка. Взявъ свою спутницу подъ руку, онъ рѣшительно зашагалъ впередъ, пробираясь между экипажами и омнибусами, крѣпко сжимая въ своей рукѣ руку молодой дѣвушки, которая отвѣтила ему такимъ же крѣпкимъ рукопожатіемъ. И, о чудо!— Какою свѣтлой, солнечной и сіяющей показалась обоимъ имъ эта длинная улица, замкнутая между двумя рядами кирпичныхъ зданій, потому что оба они смотрѣли теперь впередъ въ свое будущее, которое представлялось имъ безконечно длинной дорогой свѣтлаго счастья и радостей любви. Изъ всѣхъ даровъ Провидѣнія, безъ сомнѣнія, наше незнаніе того, что насъ ожидаетъ въ будущемъ, можетъ быть названо самымъ лучшимъ и самымъ необходимымъ для человѣка даромъ! Такъ счастливы были они и такъ легко было у нихъ теперь на сердцѣ, что только очутившись снова въ улицѣ Варвикъ, они вернулись къ дѣйствительности и сознали, что есть еще кое-какія обыденныя дѣла, съ которыми приходится считаться въ этой жизни.

— Конечно, мнѣ можно будетъ сказать о нашей помолвкѣ моимъ старикамъ, дорогая, не правда-ли?—спросилъ Томъ.

— Воображаю, что скажетъ на это ваша мама?—отвѣтила Кэтъ, весело смѣясь.—Она будетъ ужасно удивлена!

— Ну, а какъ же съ Гирдльстономъ?—спросилъ Томъ.

Мысль объ опекунѣ совершенно не приходила дѣвушкѣ въ голову вплоть до этой минуты, и теперь личико Кэтъ приняло вдругъ такое выраженіе огорченія и разочарованія, что Томъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Не пугайтесь, дорогая моя,—сказалъ онъ.—Если хотите, я сейчасъ-же пойду и поборю льва въ его пещерѣ: это, пожалуй, самое лучшее время!

— Нѣтъ! Нѣтъ! Томъ, дорогой, нѣтъ!—воскликнула она.— Ты не долженъ этого дѣлать!—она не могла сказать, какъ настоятельно старикъ предупреждалъ ее держаться подальше отъ него, и сознавала, что ни въ коемъ случаѣ нельзя допустить Тома говорить со старикомъ.—Мы должны нѣко-

торое время скрывать нашу помолвку отъ мистера Гирдльстона, Томъ!—проговорила она рѣшительно.

— Скрывать? Зачѣмъ?—изумился юноша.

— Видишь-ли, онъ такъ часто предостерегалъ меня противъ такихъ вещей, что я, право, не знаю, что онъ сдѣлаетъ, если узнаетъ объ этомъ, а онъ непремѣнно сдѣлаетъ что-нибудь такое, послѣ чего мнѣ будетъ очень тяжело оставаться въ его домѣ. Мнѣ теперь скоро будетъ двадцать лѣтъ, значитъ, черезъ годъ я буду совершеннолѣтняя и совсѣмъ самостоятельная. Вѣдь это вовсе не такъ долго!

— Ну, я этого не скажу!—неувѣренно сказалъ Томъ.— Но, конечно, разъ ты этого желаешь и разъ это нужно для твоего спокойствія,—то говорить не о чемъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется весьма тягостно скрывать нашу помолвку только для того, чтобы умиротворить этого стараго медвѣдя!

— Вѣдь, это только на время, Томъ; ты можешь сказать объ этомъ тамъ у себя дома, даже непремѣнно скажи имъ. А теперь до свиданья, дорогой! Иди, а то они увидятъ тебя изъ оконъ, если ты пойдешь еще дальше.

— Прощай, дорогая Кетъ!

Они пожали другъ другу руки и разстались. Онъ поспѣшилъ домой съ радостной вѣстью къ своимъ старикамъ въ Филлиморъ Гарденсъ, Кэтъ вернулась въ свою клѣтку съ легкимъ сердцемъ, переполненнымъ молодымъ счастьемъ. Прохожіе оборачивались на это хорошенькое сіяющее личико подъ свѣтлою шляпкой, а Эзра Гирдльстонъ, глядѣвшій на нее изъ окна гостиной, размышлялъ о томъ, что въ случаѣ, если алмазная комбинація не удастся,—послѣдовать совѣту отца будетъ не такимъ великимъ несчастьемъ, чтобы отъ него слишкомъ усердно открещиваться.

XIV. Легкое недоразумѣніе.

Плачевное финансовое положеніе фирмы являлось для Эзры Гирдльстона страшнымъ ударомъ. Такому самомнящему, заносчивому человѣку, съ бурной, несдержанной натурой, раззореніе и бѣдность были совершенно невыносимы; онъ никакъ не могъ примириться съ этимъ. Онъ привыкъ попирать ногами всѣ мелкія неудачи и препятствія, встрѣчавшіяся на его пути, но теперь передъ нимъ воздвигалась стѣна, которую трудно было опрокинуть, и онъ бѣсился и неистов-

ствовалъ, особенно его бѣсило еще то, что случилось это не по его винѣ. Всю свою жизнь онъ разсчитывалъ, что когда отецъ умретъ, то у него останется состояніе въ нѣсколько милліоновъ, и тогда онъ выступитъ впередъ и займетъ подобающее ему мѣсто не только въ коммерческихъ кругахъ, но и въ обществѣ. И вдругъ получасовая бесѣда съ отцомъ разомъ разрушила всѣ эти мечты и поставила его лицомъ къ лицу съ раззореньемъ, чуть не съ нищетой. Онъ утратилъ свой сонъ, сталъ нервенъ и возбужденъ; глаза у него ввалились, и разъ или два его видѣли совершенно пьянымъ, среди бѣлаго дня, въ дѣловое время.

Но онъ былъ человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, и никакая бѣда не могла окончательно пришибить его. Хотя неожиданный ударъ и выбилъ его на время изъ колеи, — онъ все же не упускалъ изъ виду ни малѣйшаго шанса поправить бѣду, ни малѣйшаго удобнаго случая для осуществленія того плана, который они съ отцомъ придумали для спасенія фирмы. Онъ ясно сознавалъ, что только смѣлый, рѣшительный шагъ могъ спасти ихъ отъ позора раззоренія, и потому отдался теперь тѣломъ и душой этому алмазному дѣлу, вырабатывая всѣ его детали съ такимъ удивительнымъ мастерствомъ и точностью, что казалось, будто этотъ планъ не только возможенъ и осуществимъ, но и вполнѣ безопасенъ, и что нѣтъ сомнѣнія, что онъ можетъ и долженъ удасться.

Между прочимъ, онъ уже началъ именовать себя торговцемъ алмазами. Въ числѣ многочисленныхъ знакомыхъ молодого Гирдльстона случайно находился и одинъ изъ компаніоновъ фирмы «Фуперъ и Штольцъ», дѣлавшей самыя крупныя дѣла по ввозу въ Европу драгоцѣнныхъ камней. Благодаря его любезности Эзра Гирдльстонъ научился практически распознавать достоинства и недостатки камней, ихъ относительную цѣнность и совершенно неуловимые для глазъ не посвященнаго въ тайны этого дѣла недостатки, обезцѣнивающіе данные камни. Благодаря этому знакомству и тѣмъ свѣдѣніямъ, какія молодому Гирдльстону удалось почерпнуть, онъ съ каждымъ днемъ дѣлалъ все большіе успѣхи, и по прошествіи нѣсколькихъ недѣль былъ лучшимъ знатокомъ алмазовъ и драгоцѣнныхъ камней вообще, чѣмъ многіе изъ старыхъ дѣльцовъ и спеціалистовъ этого дѣла, уже десятки лѣтъ ведущіе торговлю алмазами.

Оба Гирдльстона, и отецъ, и сынъ, сознавали, что успѣхъ

ихъ плана въ сильной степени долженъ зависѣть отъ выбора агентовъ, и оба полагали, что въ маiорѣ Клеттербекѣ они нашли именно такого человѣка, какой имъ былъ нуженъ. Юный коммерсантъ давно уже почуялъ, что общественное положенiе маiора, въ соединенiи съ его несомнѣнной безденежностью и легкостью его морали, о которой онъ судилъ по образу его жизни, дѣлали изъ этого человѣка весьма цѣннаго агента для деликатныхъ операцiй. Что же касается личныхъ вкусовъ и склонностей стараго служаки, то Эзра Гирдльстонъ хвалился, что знаетъ ихъ какъ свои пять пальцевъ и что въ данномъ случаѣ все будетъ зависѣть только отъ цифры вознагражденiя. Безъ сомнѣнiя, заплатить ему придется прилично, но съ присущимъ ему коммерческимъ чутьемъ, Эзра сознавалъ, что и товаръ былъ высшаго качества, и былъ готовъ уплатить высшую цѣну за лучшiй сортъ.

Въ одно прекрасное апрѣльское утро маiоръ прохаживался по улицѣ Сенъ-Джемсъ въ щегольскомъ сюртукѣ и свѣжихъ перчаткахъ, въ безупречной, лоснящейся шляпѣ и лаковыхъ ботинкахъ, новѣйшаго фасона, когда молодой Гирдльстонъ, поджидавшiй его нѣкоторое время у окна клубной гостиной, выбѣжалъ на улицу и перехватилъ его на полъ-пути къ клубному крыльцу.

— Какъ вы поживаете, дорогой маiоръ?—воскликнулъ онъ, подходя къ нему съ протянутой рукой и выраженiемъ благосклонности въ той мѣрѣ, какая только была ему доступна.

— Какъ видите!—отозвался маiоръ съ присущей ему важностью. Онъ рѣшилъ въ своемъ умѣ, что съ этимъ молодымъ купчикомъ ничего не подѣлаешь, но все еще не рѣшался окончательно порвать съ человѣкомъ, кошелекъ котораго былъ такъ туго набитъ червонцами и который при этомъ еще имѣлъ пристрастiе ко всякаго рода спорту и игрѣ.

— Я уже нѣсколько дней все хочу поговорить съ вами, маiоръ,—продолжалъ Эзра,—гдѣ бы васъ повидать?

— Нигдѣ лучше, какъ здѣсь,—отвѣтилъ бывшiй военный, окинувъ подозрительнымъ взглядомъ своего собесѣдника.

— Но я желалъ бы поговорить съ вами спокойно о дѣлѣ,—настаивалъ молодой Гирдльстонъ,—такъ какъ это дѣло нѣсколько сложное и можетъ потребовать довольно продолжительныхъ переговоровъ, а, главное, это дѣло частное, совершенно частное!

— Хмъ!—проговорилъ маiоръ съ недоброй усмѣшкой,—вы

бы, навѣрное, подумали, что я хочу занять у васъ денегъ, если бы я обратился къ вамъ съ подобнымъ вступленіемъ. Ну, хорошо, зайдемъ въ билльярдъ Вантса, я дамъ вамъ 200 очковъ впередъ изъ партіи въ 500, такъ что это почти что вручить вамъ деньги впередъ за эту партію; а тѣмъ временемъ вы и разскажете мнѣ свое дѣло, во время игры!

— Нѣтъ, маіоръ, это меня не устраиваетъ! Вѣдь, я же говорю вамъ, что дѣло это очень серьезное и весьма важное какъ для меня, такъ и для васъ. Лучше пройдемте со мной въ кафе Нельсона, въ 4 часа дня. Я знаю хозяина; онъ отведетъ намъ отдѣльную комнату, гдѣ намъ никто не помѣшаетъ!

— Я бы предложилъ вамъ заѣхать ко мнѣ, въ мой маленькій уголокъ, но это нѣсколько далеко... Хорошо, пусть будетъ по вашему, значитъ, у Нельсона въ 4 часа. Прекрасно! Точность—это вѣжливость королей и великихъ міра сего! Будемъ же точны и мы! Такъ говорилъ мой покойный пріятель Виллоуби... Вы не знавали Виллоуби? Это былъ удивительно точный человѣкъ. Разъ ему привелось быть секундантомъ у одного офицера 47-го полка. Такъ можете себѣ представить, онъ со своимъ довѣреннымъ явился минута въ минуту на мѣсто поединка; но противниковъ еще не было. Тогда Виллоуби сталъ настаивать, чтобы его довѣритель уѣхалъ обратно. «Надо учить ихъ точности!»—говорилъ онъ.—«Такъ нельзя»—сказалъ оскорбленный.—«Такъ должно!»—нашелъ м-ръ Виллоуби.—«Ни въ какомъ случаѣ я не уѣду!»—заявилъ его довѣритель и не трогался съ мѣста. Тогда между нимъ и Виллоуби произошелъ обмѣнъ рѣзкихъ словъ, перешедшій въ ссору; докторъ по ихъ настоянію развелъ ихъ на 15 шаговъ другъ отъ друга, и его довѣритель прострѣлилъ Виллоуби ногу. Такимъ образомъ онъ даже пострадалъ за свое пристрастіе къ точности. Итакъ въ 4 часа! Прекрасно!—Маіоръ любезно кивнулъ головой и продолжалъ свою безцѣльную, повидимому, прогулку, франтовато помахивая тросточкой. Однако, не смотря на свое сочувствіе къ точности и аккуратности, маіоръ постарался прибыть въ условленное мѣсто нѣсколько позже назначеннаго времени. Онъ отлично понялъ, что отъ него ожидали какой-то услуги, и потому считалъ нужнымъ дать понять молодому Гирдльстону, что вовсе не такъ спѣшитъ угодить ему. Такимъ образомъ, когда, наконецъ, маіоръ Клеттербекъ явился въ кафе Нельсона, Эзра Гирдльстонъ уже болѣе 25 минутъ ожидалъ его тамъ, покуривая сигару и просматривая

газеты и журналы. Комната, куда они вошли, представляла собою весьма невзрачное помѣщеніе, съ единственнымъ большимъ мягкимъ кресломъ и полудюжиной деревянныхъ маленькихъ стульевъ, чинно разставленныхъ вдоль стѣнъ. Посрединѣ стоялъ большой столъ, а надъ каминомъ висѣло дешевое зеркало въ плохонькой рамѣ. Маіоръ поспѣшилъ занять кресло и, удобно развалясь въ немъ, принялся раскуривать сигару, которую онъ вынулъ изъ своего портсигара. Эзра взялъ одинъ изъ деревянныхъ стульевъ, присѣлъ къ столу и принялся крутить свои темные усы, что онъ обыкновенно дѣлалъ, собираясь съ мыслями.

— Что вы будете пить?—спросилъ онъ любезно.

— Что подадутъ!—отвѣтилъ маіоръ.

— Принесите графинъ коньяку и зельтерской, — сказалъ Эзра вошедшему слугѣ,—а затѣмъ заприте за собою дверь и не мѣшайте намъ!

Когда требуемое было принесено и поставлено на столъ, молодой Гирдльстонъ наполнилъ стаканы и разомъ опорожнилъ свой, послѣ чего наполнилъ его снова и поставилъ передъ собой. Маіоръ же поставилъ свой стаканъ, не дотронувшись до него, на край камина и продолжалъ раскуривать свою сигару.

— Теперь я скажу, по какому дѣлу мнѣ хотѣлось поговорить съ вами, маіоръ,—сказалъ Эзра, предварительно отворивъ дверь и убѣдившись, что ихъ никто не подслушиваетъ.— Мнѣ необходимо быть осторожнымъ потому, что то, что я намѣренъ сообщить вамъ, касается интересовъ фирмы. Я не желалъ-бы, чтобы кто-либо, кромѣ васъ, зналъ объ этомъ!

— Что же это такое, милѣйшій?—освѣдомился маіоръ какъ бы изъ простого приличія, продолжая пыхтѣть сигарой и глядя въ закопченный, почти черный отъ табачнаго дыма потолокъ.

— Вы понимаете, что въ коммерческихъ дѣлахъ иногда малѣйшая нескромность, какой нибудь пустяшный слухъ влекутъ за собой тысячные убытки?

Маіоръ утвердительно кивнулъ головой.

— Мы задумали довольно трудное и рискованное дѣло,— продолжалъ Эзра, наклоняясь въ сторону маіора и понизивъ голосъ почти до шепота.—Это дѣло потребуетъ большой ловкости, умѣнья, такта и будетъ, конечно, не безвыгодно, если провести его умѣло. Понимаете?

Собесѣдникъ снова молча кивнулъ головой.

— Намъ нуженъ для этого дѣла агентъ, который будетъ играть весьма важную роль въ данномъ случаѣ. Этотъ агентъ долженъ быть человѣкъ способный, умный, сообразительный и вмѣстѣ съ тѣмъ такой, на котораго мы могли бы вполнѣ положиться. Понятно, что мы не разсчитываемъ найти въ человѣкѣ всѣ эти необходимыя намъ качества, не оплативъ ихъ по заслугамъ.

Маіоръ выразительно промычалъ что-то въ знакъ одобренія и продолжалъ пускать кольца дыма въ потолокъ.

— Мой отецъ,—продолжалъ Эзра,—думалъ воспользоваться услугами одного изъ нашихъ людей, такъ какъ мы имѣемъ множество весьма способныхъ и пригодныхъ для нашего дѣла людей, но я вмѣшался и сказалъ, что у меня есть добрый пріятель, маіоръ Тобіа Клеттербекъ, который вполнѣ подходитъ для этой роли. При этомъ я упомянулъ, что въ жилахъ вашихъ течетъ кровь королей Силезіи. Не такъ ли?

— Кой чортъ! Съ чего вы взяли? Не Силезіи, а Милезіи!

— Ахъ да, Милезіи... Ну, это все равно!..,,,

— Помилуйте, какъ же можно!—возмутился маіоръ.

— Я хочу сказать, что для моего отца это было все равно такъ какъ онъ не понялъ бы разницы. Словомъ, я сказалъ вашемъ высокомъ происхожденіи и что вы—много повидавшій путешественникъ и бывшій военный,—человѣкъ положитель ный и, вполнѣ заслуживающій всякаго довѣрія!

— Ээ?..—воскликнулъ маіоръ.—Прекрасно, продолжайте!

— Я высказалъ ему все это и доказалъ, что та сумма де негъ, которую онъ намѣренъ затратить, будетъ лучше израсходована, если попадетъ въ руки такого человѣка, какъ вы, чѣмъ если она пойдетъ такому, который не имѣетъ никакихъ иныхъ заслугъ, кромѣ чисто дѣловыхъ! Я сказалъ ему, что если предоставить все дѣло всецѣло въ ваши руки, то мы можемъ вполнѣ положиться, что оно будетъ оборудовано, какъ слѣдуетъ, въ то же время мы будемъ имѣть удовлетвореніе знать, что крупная сумма, предназначенная нами за эту услугу, достанется достойному человѣку

— Какъ разъ въ точку попали!—пробормоталъ маіоръ.

— Такъ что вы согласны—предоставить себя въ наше распоряженіе?—спросилъ Эзра, выжидательно глядя на него,—конечно, при условіи, что будете прилично вознаграждены за это?

— Не такъ поспѣшно, молодой человѣкъ, не такъ поспѣш

но!—остановилъ его маіоръ, вынимая сигару изо рта,—позвольте раньше узнать, чего собственно вы отъ меня ожидаете,—какой услуги, тогда я скажу, на что могу согласиться и на что не могу. Я помню, Джимми Бакстеръ, въ Тексасѣ... Славный былъ, знаете, парень...

— Къ дьяволамъ вашего Джимми Бакстера, повѣсить его!—нетерпѣливо воскликнулъ Эзра.

— Это уже сдѣлано,—спокойно замѣтилъ маіоръ,—его повѣсили судомъ Линча за конокрадство въ 6-мъ пѣхотномъ полку. Однако, продолжайте, обѣщаю вамъ не прерывать васъ до тѣхъ поръ, пока вы не кончите! Мнѣ любопытно знать, что еще скажете вы!...

Ободренный этимъ обѣщаніемъ, молодой Гирдльстонъ продолжалъ развивать передъ маіоромъ планъ, на которомъ теперь основывались всѣ надежды Торговаго Дома «Гирдльстонъ и К°»,—но при этомъ, конечно, не однимъ словомъ не упомянулъ о грозящемъ раззореніи или о причинахъ, побудившихъ его прибѣгнуть къ подобной спекуляціи. Напротивъ, онъ все время рисовалъ дѣла фирмы блестящими, а эту затѣю скорѣе, какъ планъ, задуманный столько же для удовольствія и забавы, сколько и для выгоды и наживы. Впрочемъ, онъ всетаки упомянулъ, что хотя для фирмы эта сумма спекуляціи является сравнительно ничтожной, но въ глазахъ другихъ людей она представляется весьма солидной. Что же касается моральной стороны этого плана, то объ этомъ Эзра совершенно умалчивалъ, предполагая, что всякія коментаріи по этому поводу совершенно излишни, когда имѣешь дѣло съ такимъ человѣкомъ, какъ его собесѣдникъ.

— Ну, а теперь маіоръ,—сказалъ онъ въ заключеніе,—предположивъ, что вы предоставите намъ свое имя и свои способности въ интересахъ нашей спекуляціи, я могу сказать, что наша фирма намѣрена щедро заплатить вамъ за услуги. Само собою разумѣется, что проѣздъ на пароходѣ до Петербурга и по желѣзнымъ дорогамъ до Урала, если предположенное мѣсто находки алмазныхъ копей будетъ въ этихъ горахъ,—все это будетъ за счетъ фирмы.—А я слышалъ, на этихъ пароходахъ ведется крупная игра, такъ что, при вашемъ искусствѣ, путешествіе будетъ не только пріятнымъ, но и прибыльнымъ для васъ. По нашимъ разсчетамъ, вы пробудете въ Россіи никакъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ; за это время вы получите отъ насъ 250 фунтовъ, которые могутъ возрасти до 500

фунтовъ въ случаѣ успѣха предпріятія,—понятно, подъ этимъ мы подразумѣваемъ полный успѣхъ, т. е. полное оправданіе надеждъ фирмы, на что, вѣроятно, въ правѣ разсчитывать, зная вашъ умъ и способности!

Если бы при этомъ разговорѣ присутствовалъ еще кто-нибудь третій, и этотъ третій былъ человѣкъ наблюдательный, то онъ, навѣрное, бы замѣтилъ нѣкоторыя странныя проявленія въ маіорѣ въ то время, какъ онъ неподвижно и безмолвно слушалъ длинную рѣчь молодого коммерсанта. Во время вступленія маіоръ могъ бы быть признанъ образцомъ приличной сдержанности, но по мѣрѣ того, какъ передъ нимъ постепенно раскрывался планъ спекуляціи, старый служака принялся пыхтѣть особенно усиленно до тѣхъ поръ, пока густое сѣрое облако не окутало всего его лица; время отъ времени онъ проводилъ рукой по лицу, что было у него признакомъ сильнаго волненія, затѣмъ сталъ безпокойно ерзать на своемъ креслѣ, что было истолковано Эзрой Гирдльстономъ, какъ несомнѣнное доказательство того, что онъ, Эзра, не ошибся въ своихъ предположеніяхъ относительно стараго ветерана.

Когда Эзра кончилъ, маіоръ всталъ и, обернувшись лицомъ къ камину, въ которомъ не было огня, широко разставивъ ноги и выпятивъ грудь, началъ, раскачиваясь взадъ и впередъ:

— Прежде всего, позвольте мнѣ убѣдиться, что я хорошо васъ понялъ,—началъ онъ.—Вы желаете, чтобы я поѣхалъ въ Россію?

— Именно такъ!—подтвердилъ Эзра, потирая руки отъ удовольствія.

— Затѣмъ вы имѣете любезность дать мнѣ понять, что въ дорогѣ я могу обыграть своихъ спутниковъ—пассажировъ?

— Т. е., если вы этого пожелаете!

— Совершенно вѣрно, если я этого пожелаю. Затѣмъ, я долженъ проѣхать черезъ всю страну вплоть до какихъ-то горъ...

— До Урала...

— И тамъ я долженъ сдѣлать видъ, что открылъ какія то алмазныя копи, и придать вѣсъ своему вымыслу, или, вѣрнѣе, вашему вымыслу, тѣмъ, что я человѣкъ изъ хорошей семьи, что меня знаютъ въ лучшихъ кругахъ Лондона, а также и тѣмъ, что для пущаго правдоподобія я предъявлю нѣсколько необдѣланныхъ, самородныхъ камней, которые вы мнѣ дадите съ собой, и которые я долженъ буду привезти съ собой изъ Англіи? Не такъ ли?

— Совершенно вѣрно, маіоръ!—подтвердилъ одобрительно Эзра.

— Затѣмъ я долженъ телеграфировать или сообщить письменно эту ложь въ Англію и въ то же время добиться, чтобы она была напечатана въ нѣсколькихъ мѣстныхъ изданіяхъ тамъ, въ Россіи?

— Вы употребили очень некрасивое слово, маіоръ,—замѣтилъ Эзра.—Это «сообщеніе», могли бы вы сказать,—а сообщенія, какъ извѣстно, бываютъ и точныя, и неточныя, и правдивыя, и ложныя, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно.

— И вотъ этимъ «сообщеніемъ», какъ вы говорите,—продолжалъ маіоръ,—по вашимъ разсчетамъ алмазный рынокъ будетъ настолько терроризованъ, что вашъ отецъ и вы будете имѣть возможность скупить и затѣмъ распродать извѣстное количество алмазовъ съ большой выгодой для васъ, причемъ вы, такъ сказать, оберете другихъ людей? Да?

— У васъ чрезвычайно непріятная манера выражаться,—сказалъ Эзра съ напускнымъ смѣхомъ,—но въ сущности самую мысль вы вѣрно уловили.

— Я въ сущности имѣю совершенно другую мысль,—вдругъ зарычалъ маіоръ, побагровѣвъ отъ бѣшенства.—Я имѣю мысль сказать вамъ, что будь я на двадцать лѣтъ моложе, я бы попробовалъ, можете-ли вы вылетѣть вотъ въ это окно, мистеръ Гирдльстонъ! Я бы проучилъ васъ, какъ осмѣливаться предлагать подобныя вещи человѣку родовитому, съ благородной кровью въ своихъ жилахъ!—Я бы проучилъ тебя, подлецъ!

Эзра былъ до того пораженъ этимъ оборотомъ, какой приняло дѣло, что откинулся назадъ на спинку стула и, хотя по наружности казался спокойнымъ, но въ глазахъ его забѣгалъ недобрый огонекъ, и лицо, изъ красиваго смуглаго стало землисто-желтымъ.

— Такъ вы не согласны сдѣлать этого?—спросилъ онъ задыхаясь.

— Сдѣлать это! Да за кого вы меня принимаете, сударь? Неужели вы думаете, что человѣкъ, носившій двадцать лѣтъ красный мундиръ Британской арміи, станетъ марать свои руки такими дѣлами?! Я не сдѣлалъ бы этого, говорю вамъ, за всѣ деньги, какія когда либо были вычеканены на семъ свѣтѣ! Я-то знаю васъ, Гирдльстонъ, но клянусь Богомъ, вы не знали меня!

Молодой негоціантъ сидѣлъ молча и неподвижно на своемъ стулѣ все съ тѣмъ же мертвенно блѣднымъ, застывшимъ лицомъ

и злобнымъ, дикимъ выраженіемъ въ глазахъ. Маіоръ Тобіа Клеттербекъ стоялъ въ концѣ стола, наклонившись впередъ и упершись на столъ обѣими руками; глаза его, казалось, готовы были выскочить изъ лба, а сѣдая аккуратно подстриженная бородка тряслась отъ негодованія.

— Какое право имѣли вы явиться ко мнѣ съ подобнымъ предложеніемъ?—продолжалъ онъ.—Я не выдаю себя за святаго, видитъ Богъ, но клянусь Св. Георгіемъ, все таки умѣю кое какую нравственность, имѣю, слава Богу, извѣстные принципы и правила въ жизни и намѣренъ всегда придерживаться ихъ! Однимъ изъ такихъ правилъ въ моей жизни было никогда не знаться съ негодяями и подлецами, а потому съ этой минуты, молодой человѣкъ, наши дороги расходятся. Я не особенно разборчивъ, но вы должны вести свою линію гдѣ-нибудь подальше, какъ говорилъ мой другъ Чарли Монтайсъ, служившій въ Индѣйской кавалеріи!..

Пока маіоръ облегчалъ свое сердце этой грозною рѣчью, Эзра сидѣлъ неподвижно, продолжая слѣдить за нимъ все тѣмъ же злобнымъ, коварнымъ взглядомъ. Его прямыя жестокія губы побѣлѣли отъ сдерживаемаго бѣшенства, а жилы на лбу и вискахъ надулись. Молодой коммерсантъ былъ извѣстный силачъ-борецъ и могъ-бы поспорить въ борьбѣ съ любымъ профессіональнымъ борцомъ въ Лондонѣ. Отставной военный оказался бы младенцемъ передъ нимъ, не смотря на свой ростъ и представительную фигуру. И въ тотъ моментъ, когда послѣдній взялся за шляпу и готовился выйти изъ комнаты, Эзра всталъ, однимъ прыжкомъ очутился подлѣ двери и заперъ снутри. «Это стоитъ пять фунтовъ судебнаго штрафа!»—пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ, выпрямивъ свои сильныя мускулистыя руки съ пальцами, унизанными драгоцѣнными камнями, и подступая съ пригнутой къ груди головою и горящими, какъ уголья, глазами, сверкавшими изъ подъ темныхъ сдвинутыхъ бровей, къ озадаченному маіору. Во всей позѣ и фигурѣ молодого коммерсанта было нѣчто поразительно напоминавшее громаднаго хищника или разъяреннаго буйвола, готовящагося къ нападенію. Въ немъ было что-то жестокое, кровожадное, словно онъ наслаждался безпомощностью своей жертвы, давая ей время понять и сознать весь ужасъ своего положенія и тогда только наброситься на нее.

Если таково было желаніе и намѣреніе Эзры, то онъ далеко не произвелъ желаннаго эффекта на стараго вояку. Въ ту

самую минуту, какъ маіоръ угадалъ намѣреніе Эзры, онъ выпрямился во весь свой ростъ и, гордо поднявъ голову, какъ на парадѣ, спокойно опустилъ руку подъ фалды своего сюртука и вынулъ оттуда маленькое блестящее орудіе, которое, не говоря ни слова, поднялъ на уровень головы молодого коммерсанта.

— Револьверъ!—глухимъ шепотомъ воскликнулъ Эзра, подавшись назадъ.

— Да, успокойтесь, другъ, — почти ласково сказалъ маіоръ,—я взялъ привычку постоянно носить его съ собой, когда былъ въ Колорадо, и съ тѣхъ поръ никогда не бросалъ ее. Никогда нельзя знать, когда эта игрушка можетъ понадобиться и сослужить вамъ службу!—Говоря это, онъ продолжалъ держать дуло своего револьвера на уровнѣ головы молодого человѣкъ какъ разъ противъ переносья, между глазъ, слѣдя за каждымъ малѣйшимъ его движеніемъ и направляя оружіе твердой привычной рукой. Эзра былъ не трусъ, но тѣмъ не менѣе пересталъ наступать и стоялъ въ нерѣшительности.

— Ну, такъ отворите-же дверь!—крикнулъ ему маіоръ рѣзкимъ командирскимъ голосомъ, не допускающимъ возраженій.

Молодой человѣкъ взглянулъ на угрожающее лицо своего противника, затѣмъ на черное кольцо направленнаго имъ на него дула и молча отодвинулъ засовъ.

— А теперь отворите дверь! Да торопитесь, не то мнѣ придется продырявить вамъ башку! Вы будете не первый да, вѣроятно, и не послѣдній человѣкъ, котораго мнѣ пришлось застрѣлить!

Эзра поспѣшилъ отворить дверь.

— Ну, а теперь идите передъ мной, прямо къ выходу и на улицу!—властно приказалъ маіоръ.

Слуги ресторана Нельсона были весьма поражены тѣмъ, что эти два посѣтителя вышли изъ помѣщенія съ такими серьезными, почти торжественными лицами.

— C'est la froideur Anglaise!—замѣтилъ молодой Альфонсъ Лефрэнъ своему соотечественнику, такому-же изгнаннику, какъ онъ, наблюдая такія странныя пріятельскія отношенія между этими господами только что бесѣдовавшими и пившими мѣстѣ,—въ то время, какъ тѣ проходили между рядами столиковъ общей залы, направляясь къ выходу. Но ни наблюдательные французы, ни удивленные слуги не замѣтили, что солидный господинъ, такъ важно выступавшій позади

молодого, еще держалъ въ рукѣ, засунутой за бортъ сюртука, коричневую рукоятку револьвера.

У крыльца стоялъ извощичій экипажъ, и маіоръ Клеттербекъ сѣлъ въ него.

— Послушайте, Гирдльстонъ,—сказалъ въ то время, какъ послѣдній нерѣшительнымъ взглядомъ окидывалъ улицу.— Пусть это послужитъ для васъ урокомъ! Никогда не нападайте на человѣка, когда вы не увѣрены, что онъ безоруженъ, иначе васъ могутъ прострѣлить!

Эзра продолжалъ мрачно глядѣть передъ собой и какъ будто не обращалъ вниманія на замѣчаніе маіора.

— Во-вторыхъ,—продолжалъ послѣдній,—вы никогда не должны быть увѣрены въ томъ, что каждый человѣкъ, съ которымъ васъ сталкиваетъ судьба, такой-же негодяй, какъ вы сами!

Молодой человѣкъ бросилъ на него злобный взглядъ и повернулся, чтобы уйти, но маіоръ, сидѣвшій уже въ кэбѣ, протянулъ руку и задержалъ его.

— А въ третьихъ,—сказалъ онъ,—вотъ вамъ еще урокъ: никогда не бойтесь револьвера, когда не увѣрены, что въ немъ есть зарядъ. Въ моемъ его не было!... Пошелъ, извощикъ!..—съ этими прощальными словами благородный маіоръ укатилъ вдаль по улицѣ Пикаддили съ твердымъ намѣреніемъ никогда больше не выходить изъ дома безъ нѣсколькихъ патроновъ № 4 центральнаго боя, въ карманѣ.

XV. Новый участникъ фирмы Гирдльстонъ.

Въ Филлиморъ Гарденѣ всѣ радовались помолвкѣ Тома, такъ какъ оба старика сердечно полюбили Кэтъ «нашу Кэтъ», какъ они съ гордостью всегда ее называли. Прямодушный маленькій докторъ сначала возмущался противъ мысли скрывать помолвку отъ Гирдльстона, но по нѣкоторомъ размышленіи пришелъ къ убѣжденію, что этимъ заявленіемъ о намѣреніяхъ молодыхъ людей ничего не выиграешь, а жизнь Кэтъ въ теченіи всего времени, которое она принуждена будетъ пробыть подъ кровомъ своего опекуна, будетъ легче и пріятнѣе, если старикъ Гирдльстонъ ничего не будетъ подозрѣвать о помолвкѣ. Между тѣмъ влюбленные почти не видѣли другъ друга, и Томъ утѣшался только мыслью, что каждый прожитый день приближалъ его къ завѣтной цѣли, къ тому желанному дню, когда онъ будетъ въ правѣ открыто потребовать своей награды за тер-

пѣніе. И онъ былъ счастливъ и доволенъ, какъ ни одинъ человѣкъ въ Лондонѣ. Мать его была въ восхищнеіи отъ его добраго и счастливаго расположенія духа; она была счастлива его счастьемъ, но старикъ-чудакъ отецъ былъ далеко не такъ доволенъ.—«Чортъ бы его побралъ, этого мальчугана! — говорилъ онъ самъ себѣ.—«Онъ, какъ видно, входитъ во вкусъ жизни бездѣльника.—Влюбленъ, точно дѣломъ занятъ!.. Нѣтъ, надо его заставить избрать себѣ тотъ или другой родъ занятій; такъ или иначе онъ непремѣнно долженъ работать!..

Однажды послѣ завтрака докторъ позвалъ сына въ свою библіотеку и, раскуривая свою длинную трубку съ чернымъ чубукомъ, что онъ аккуратно дѣлалъ три раза въ сутки, послѣ заввтрака, обѣда и ужина, нѣкоторое время курилъ молча, внимательно вглядываясь въ лицо сына.

— Какъ хочешь, мой другъ, а ты долженъ начать что нибудь дѣлать, чтобы не дожить до бѣды!—проговорилъ онъ, наконецъ, строго и отрывисто.

— Да я, папа, готовъ!—отозвался Томъ.—Я только не знаю, къ чему въ сущности пригоденъ!

Прежде всего скажи мнѣ, что ты думаешь объ этомъ?—спросилъ докторъ Димсдаль такъ же отрывисто, вручивъ сыну письмо, только что полученное имъ по утру.

Томъ развернулъ письмо и прочелъ слѣдующее:

Милостивый Государь!

До моего слуха дошло черезъ сына моего Эзру, что вашъ молодой человѣкъ бросилъ медицину, и что вы по настоящее время еще не рѣшили, какую дорогу для него избрать. Я давно уже имѣлъ намѣреніе найти подходящаго молодого человѣка, который бы пожелалъ войти въ дѣло и снять съ моихъ старыхъ плечъ тяжелую ношу заботъ и труда. Эзра настаиваетъ на томъ, чтобы я предложилъ вашему сыну вступить къ намъ въ качествѣ третьяго компаніона фирмы. Если онъ вообще расположенъ къ торговому дѣлу, то мы съ своей стороны рады будемъ помочь ему, руководствуя его начинаніями. Конечно, ему пришлось бы пріобрѣсти извѣстный пай въ нашемъ дѣлѣ, приблизительно около семи тысячъ фунтовъ, съ которыхъ онъ сталъ бы получать пять процентовъ. Давая наростать процентамъ и получая свою долю прибылей, онъ можетъ со временемъ пріобрѣсти значительную долю въ дѣлѣ. При условіи, что онъ пожелаетъ вступить въ наше дѣло на выше приведенныхъ условіяхъ, мы не имѣли бы ничего противъ

того, чтобы его имя стояло на ряду съ нашимъ во главѣ фирмы. Еслибы эта мысль показалась вамъ подходящей, я былъ бы радъ переговорить съ вами о всемъ остальномъ, а также выяснить вамъ тѣ выгоды, какія фирма можетъ предложить вашему сыну, если онъ вступитъ пайщикомъ въ дѣло. Радъ буду видѣть васъ въ любой день между 10-ю утра и 4-мя дня, въ моей конторѣ въ Фенчерсъ-Стритѣ.

Свидѣтельствую свое почтеніе вашему семейству и надѣюсь, что Богъ благословитъ васъ всѣхъ добрымъ здравіемъ; остаюсь искренно преданный вамъ Джонъ Гирдльстонъ.

— Ну, что ты скажешь на это?—спросилъ докторъ, когда сынъ дочиталъ письмо до конца.

— Право, не знаю,—отвѣчалъ Томъ.—Я бы желалъ, чтобы ты далъ мнѣ немного времени обдумать это предложеніе!

— Конечно, 7 тысячъ фунтовъ это хорошенькая, кругленькая цифра,—это болѣе половины той суммы, которую я положилъ на тебя, мой мальчикъ. Но, съ другой стороны, я слышалъ отъ людей хорошо освѣдомленныхъ, что въ цѣломъ Лондонѣ нѣтъ болѣе надежнаго дѣла и лучшей торговой фирмы, какъ фирма Гирдльстона и К°. Лучшаго времени намъ не выбрать, Томъ!—Бери-ка свою шляпу да и покатимъ сейчасъ же вмѣстѣ въ Фенчерчъ-Стритъ, да посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Томъ не сталъ возражать, и спустя четверть часа отецъ и сынъ катили изъ Кенсингтона въ Сити, а такъ какъ это конецъ не близкій, то, молодой человѣкъ имѣлъ достаточно времени обсудить сдѣланное ему предложеніе. Онъ хотѣлъ приняться за дѣло; бездѣйствіе тяготило его; и въ сущности это дѣло было не хуже всякаго другого. Правда, поскольку онъ видѣлъ обоихъ Гирдльстоновъ, они не нравились ему, но, съ другой стороны, ставъ однимъ изъ компаніоновъ фирмы, онъ, быть можетъ, будетъ имѣть случай чаще встрѣчаться съ любимой дѣвушкой. Послѣднее соображеніе рѣшило вопросъ, такъ что еще за долго до того момента когда ихъ кэбъ остановился у длиннаго тѣснаго корридора, ведущаго въ контору фирмы Гирдльстона, Томъ уже окончательно порѣшилъ, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ.

Ихъ ввели установленнымъ порядкомъ въ маленькій частный кабинетъ главы фирмы, украшенный разрѣзами судовъ, чертежами, картами и снимками плавающихъ судовъ по стѣнамъ и знаменитой акварелью, изображающей погибшее суд-

но «Белинду» надъ каминомъ. Старшій глава фирмы встрѣтилъ ихъ съ чрезвычайной любезностью, но и подобающимъ представителю столь крупной фирмы чувствомъ достоинства. Онъ разложилъ передъ ними громадныя отчетныя книги, книги балланса, дѣлопроизводства и отчетности, и сталъ объяснять длинные ряды цифръ; изъ нихъ явствовало, что доходы фирмы возростаютъ съ каждымъ мѣсяцемъ, и основной капиталъ увеличивается. Затѣмъ онъ трогательно заговорилъ о своемъ преклонномъ возрастѣ и о спокойной тихой жизни, въ тиши уединенія, о которой онъ мечталъ для себя послѣ столькихъ лѣтъ труда и заботъ.

— Но съ вами, мой юный другъ,—обратился онъ къ Тому, дружески потрепавъ его по плечу,—и съ моимъ сыномъ Эзрой,—съ такими двумя дружными работниками, дѣло перейдетъ въ надежныя молодыя руки изъ моихъ старыхъ и дряхлыхъ. Они внесутъ въ него свои молодыя силы и энергію, а въ случаѣ надобности будутъ прибѣгать къ моему старому опыту за совѣтомъ. Я предполагаю черезъ годъ или же такъ, когда новыя дѣла нѣсколько поналадятся и Вашъ молодой человѣкъ будетъ въ курсѣ дѣла, мечтаю проѣхать въ Палестину. Это можетъ показаться слабостью съ моей стороны, но я всю жизнь мечталъ увидѣть своими глазами тѣ святыя мѣста, которыя представлялись намъ только въ воображеніи. Вашъ сынъ начнетъ свою карьеру при благопріятныхъ условіяхъ и съ приличнымъ доходомъ, который онъ, вѣроятно, удвоитъ не далѣе, какъ лѣтъ черезъ пять. Вѣдь, деньги, которыя онъ вложитъ въ дѣло, въ сущности вносятся для того, чтобы внушить ему личный интересъ въ преуспѣваніи дѣлъ фирмы, съ которой онъ будетъ связанъ матеріальнымъ интересомъ»!..—Дальше рѣчь шла все въ такомъ же духѣ; и когда Томъ и его отецъ покидали контору Гирдльстона, въ ихъ ушахъ все еще звенѣли заманчивыя слова стараго дѣльца о выгодномъ помѣщеніи капитала, о громадныхъ барышахъ и блестящихъ дѣлахъ фирмы, о превосходномъ балансѣ, и т. п., и въ душѣ оба они рѣшили создать это блестящее будущее, одинъ для своего сына, другой— для себя.

Согласно этому рѣшенію, дня два спустя у нотаріуса Джонса Моргана и К° было большое оживленіе: клерки шуршали бумагами и документами, присутствующіе подписывались по десятку разъ и тутъ, и тамъ, пили много дешеваго хереса,—и въ результатѣ всего этого фирма Гирдльстонъ и К° обогатилась на

7000 фунтовъ, а Томасъ Димсдаль оказался признаннымъ и узаконеннымъ участникомъ одного изъ крупнѣйшихъ торговыхъ предпріятій, со всѣми присвоенными представителямъ фирмы правами и привиллегіями.

— Хорошій рабочій денекъ, Томъ!—сказалъ старый маленькій докторъ, когда они выходили изъ конторы нотаріуса.— Теперь ты сдѣлалъ безповоротный шагъ въ своей жизни, мой мальчикъ, жизнь вся передъ тобой!—Ты состоишь участникомъ и компаніономъ первоклассной торговой фирмы, и тебѣ предоставлены всѣ шансы стать крупнымъ дѣловымъ человѣкомъ и проложить себѣ дорогу въ жизни. Трудись и преуспѣвай!

— Если я ничего не достигну, отецъ, то это будетъ не по моей винѣ!—сказалъ рѣшительно Томъ,—я буду стараться и работать изо всѣхъ силъ—и вложу въ свое дѣло всю свою душу! Могу тебя увѣрить!

— Хорошій рабочій денекъ, Эзра!—сказалъ также и старый коммерсантъ, вернувшись вмѣстѣ съ сыномъ въ свою контору въ Фенчерчъ-Стритѣ.—Вотъ наша фирма опять запаслась оборотнымъ капиталомъ. Это весьма поможетъ намъ,—и онъ перекинулъ сыну черезъ столъ узкую полоску зеленой бумаги.

— Да, это временно поможетъ намъ,—согласился Эзра, мрачно глядя на цифры,—это была весьма счастливая мысль, которую я подалъ вамъ—закинуть удочку въ ихъ сторону. Но, вѣдь, это только капля въ морѣ. И если эта алмазная затѣя не осуществится,—то ничто не спасетъ насъ.

— Но она должна осуществиться!—рѣшительно заявилъ старикъ. Ему удалось заручиться содѣйствіемъ агента, который, казалось, былъ больше пригоденъ для предназначенной ему роли, нежели несговорчивый маіоръ. Этотъ уважаемый господинъ уже отбылъ въ Россію, которая должна была стать центромъ его горно-промышленныхъ операцій.

— Будемъ надѣяться!—сказалъ Эзра.—Мы какъ будто не упустили изъ виду никакой предосторожности. Лангворси долженъ быть уже въ Тобольскѣ теперь. Я видѣлъ, что онъ имѣлъ при себѣ мѣшокъ самородковъ такихъ внушительныхъ размѣровъ, что это должно въ значительной степени облегчить ему задачу.

— У насъ и для тебя деньги готовы! Я могу разсчитывать на сумму свыше 30.000 фунтовъ.—Нашъ кредитъ на этотъ разъ пригодился намъ. Я могъ бы получить и гораздо больше, но не

хотѣлъ дѣлать этого, чтобы не возбудить толковъ и не потревожить злые языки!

— Я думаю вскорѣ и самъ отправиться съ почтовымъ пароходомъ «Cyprian»,—сказалъ Эзра,—я буду на мѣстѣ черезъ мѣсяцъ или немного позже. Весьма возможно, что Лангворси еще будетъ молчать нѣкоторое время, но я могу выжидать моментъ также хорошо тамъ, какъ здѣсь. Это дастъ мнѣ время оглядѣться; кромѣ того, если ожидаемыя вѣсти прибудутъ туда одновременно со мной, то это можетъ возбудить нѣкоторыя подозрѣнія. Теперь же никто не подозрѣваетъ о нашей хитрости!

— Никто, кромѣ твоего друга Клеттербека! — замѣтилъ старикъ.

Мрачная тѣнь легла на мгновеніе на красивое смуглое лицо Эзры и его жестокія тонкія губы какъ будто еще болѣе сузились, не предвѣщая ничего добраго старому служакѣ, въ случаѣ, если бы ему когда-либо пришлось попасться въ руки Эзры Гирдльстона.

XVI. Первый шагъ.

То былъ торжественный день для бывшаго эдинбургскаго студента, когда онъ впервые вошелъ въ контору фирмы торговли съ Африкой и при этомъ почувствовалъ, что онъ одна изъ правящихъ этимъ дѣловымъ муравейникомъ силъ. Умъ молодого Тома Димсдаля былъ чисто практическій, и хотя изученіе коммерческихъ наукъ казалось ему далеко не заманчивымъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ способенъ отдаться всѣмъ своимъ существомъ извѣстному дѣлу, въ которое онъ вѣрилъ и которымъ интересовался. Опытные на этотъ счетъ клерки сразу увидѣли, что этотъ молодой человѣкъ съ открытымъ загорѣлымъ лицомъ и атлетической фигурой совсѣмъ не собирался быть здѣсь сонпымъ и празднымъ работникомъ или надзирателемъ,—и это сразу внушило имъ и старому Гильрею должное уваженіе къ молодому человѣку.

Этотъ маленькій тщедушный Гильрей въ первое время ощущалъ извѣстную горечь и обиду по отношенію къ этому вновь прибывшему члену конторы, насколько подобныя чувства вообще были въ натурѣ этого скромнаго, кроткаго труженика. До сего времени онъ являлся царемъ конторы въ отсутствіи Гирдльстоновъ, но теперь была воздвигнута новая конторка выше его конторки и поставлена въ болѣе центральномъ мѣстѣ залы,—для удобства этого новичка, вторгшагося въ его цар-

ство. Послѣ тридцати лѣтъ службы, Гильрею казалось чрезвычайно обидной подобная узурпація его правъ; но въ этомъ новичкѣ было столько простосердечной доброты, и онъ былъ всякій разъ такъ искренно признателенъ за каждое сдѣланное ему указаніе и помощь въ его новыхъ обязанностяхъ, что это милое отношеніе его къ старику вскорѣ обезоружило послѣдняго и даже расположило въ его пользу.

Одинъ маленькій инцидентъ еще болѣе способствовалъ развитію этого добраго чувства въ душѣ старика. Случилось это вскорѣ послѣ появленія Тома Димсдаля въ конторѣ фирмы; нѣкоторые изъ клерковъ еще не вполнѣ усвоили себѣ, какого сорта господинъ былъ этотъ молодой человѣкъ, и, воспользовавшись отсутствіемъ Гирдльстона, вздумали устроить нѣчто вродѣ демонстраціи противъ завѣдующаго конторой, т. е. старшаго клерка—Гильрея. Одинъ изъ клерковъ, рослый, широкостый шотландецъ, по имени Макъ-Колистеръ, послѣ двухъ трехъ менѣе значительныхъ проявленій своего остроумія, завершилъ свои подвиги тѣмъ, что уронилъ тяжелую линейку на поднятую доску конторки старика, такъ что та сорвалась и ударила его по головѣ въ то время, когда онъ сидѣлъ, склонившись надъ работой. Томъ, слѣдившій съ недобрымъ выраженіемъ за всей этой продѣлкой, соскочилъ съ своей табуретки и однимъ прыжкомъ очутился на другомъ концѣ комнаты передъ обидчикомъ. Макъ-Колистеръ намѣревался было отдѣлать ся безстыдствомъ и дерзостью, но Томъ сдѣлалъ такое выразительное движеніе плечомъ, и глаза его горѣли такимъ негодованіемъ на виновника этой злой шутки, что тотъ счелъ за лучшее идти на компромиссъ.

— Я не хотѣлъ причинить ему зла!—пробормоталъ онъ.

— Не троньте его, сэръ!—воскликнулъ перепугавшійся завѣдующій,—Богъ съ нимъ!..

— Просите у него прощенія, сейчасъ-же!—строго приказалъ Томъ сквозь зубы, съ трудомъ сдерживая свой гнѣвъ. Макъ-Колистеръ поспѣшилъ пробормотать какія-то извиненія, тѣмъ дѣло и кончилось. Но этотъ маленькій инцидентъ показалъ персоналу конторы ихъ новаго сотрудника въ совершенно иномъ свѣтѣ. Что о подобномъ поступкѣ было бы донесено главѣ фирмы, считалось вполнѣ естественнымъ, но что этотъ младшій представитель взялся самъ расправиться своей собственной властью и своими кулаками тутъ же на мѣстѣ, это было нѣчто совершенно новое. Съ этого дня Томъ пріобрѣлъ

сильный вѣсъ и значеніе въ конторѣ, а маленькій тщедушный Гильрей сдѣлался его преданнымъ слугой.

Дружба со старшимъ клеркомъ оказалась для него чрезвычайно цѣнной, такъ какъ благодаря указаніямъ, терпѣливымъ толкованіямъ и наставленіямъ того Томъ, новичекъ въ конторскомъ дѣлѣ, вскорѣ усвоилъ себѣ всю суть дѣла и ознакомился съ нимъ со всѣхъ сторонъ, чего при иныхъ условіяхъ онъ могъ бы достичь не иначе, какъ путемъ долгаго опыта и продолжительнаго навыка.

Однажды Гирдльстонъ пригласилъ его въ свой кабинетъ и поздравилъ съ быстрыми успѣхами по части ознакомленія съ дѣломъ.

— Милый мой Димсдаль, я весьма радъ, даже болѣе того, прямо счастливъ слышать, что вы такъ близко принимаете къ сердцу дѣла фирмы и считаете ея интересы вашими!—Это такъ и есть, конечно. И если по началу дѣло, возложенное на васъ, можетъ показаться вамъ слишкомъ ничтожнымъ и ниже вашихъ способностей, то вы должны понять, что это объясняется только нашимъ желаніемъ дать вамъ ознакомиться съ дѣломъ во всѣхъ его подробностяхъ, начиная съ самаго его основанія.

— И я ничего лучшаго не желаю!—сказалъ Томъ.

— Кромѣ скучной повседневной конторской работы и надзора за клерками, я бы желалъ, чтобы вы также основательно ознакомились во всѣхъ подробностяхъ съ нагрузкой и разгрузкой судовъ, а также съ уборкой въ кладовыя товаровъ, свезенныхъ на берегъ.—Все это чрезвычайно важно знать. Когда какое нибудь изъ нашихъ судовъ придетъ, я желалъ бы, чтобы вы отправились въ доки и надзирали лично за всѣмъ, что и какъ тамъ дѣлается!

Томъ выразилъ свое согласіе почтительнымъ поклономъ, внутренно радуясь этимъ новымъ возложеннымъ на него обязанностямъ, которыя обѣщали быть интересными.

— Когда вы станете старше,—продолжалъ старикъ Гирдльстонъ, — то убѣдитесь, какъ необычайно важно практически ознакомиться со всѣмъ тѣмъ, что должны дѣлать и исполнять ваши подчиненные. Меня этому научилъ опытъ всей моей жизни. Если вы въ чемъ либо будете сомнѣваться или чего нибудь не поймете, спросите у Эзры; онъ вамъ поможетъ и указаніемъ, и совѣтомъ. Это—молодой человѣкъ, котораго вы можете поставить себѣ въ примѣръ, такъ какъ онъ обладаетъ громад-

ными дѣловыми способностями. Когда онъ уѣдетъ въ Африку, то вы можете обращаться всегда и во всякое время ко мнѣ, если представится для васъ какое-нибудь затрудненіе, или что нибудь покажется вамъ непонятнымъ!

Джонъ Гирдльстонъ казался такимъ добрымъ, милымъ и доброжелательнымъ во время этого и другихъ подобныхъ разговоровъ, что Томъ начиналъ уже думать, что его отецъ нѣсколько строго и не совсѣмъ справедливо судилъ о старомъ коммерсантѣ. Не разъ молодой человѣкъ уходилъ отъ него подъ такимъ сильнымъ впечатлѣніемъ его доброты, что былъ близокъ къ тому, чтобы раскрыть ему тайну свей помолвки съ Кэтъ, но каждый разъ передъ молодымъ человѣкомъ вставало испуганное личико прелестной дѣвушки, молившей его не дѣлать этого,—и онъ чувствовалъ, что безъ ея согласія не вправѣ этого дѣлать.

Но если старый Гирдльстонъ, по мѣрѣ болѣе близкаго ознакомленія съ нимъ, начиналъ казаться лучше, чѣмъ казался ему раньше, то молодой Гирдльстонъ, напротивъ того, сильно проигрывалъ при болѣе близкомъ знакомствѣ. Томъ относился теперь къ нему съ еще меньшимъ доброжелательствомъ, чѣмъ прежде, и чувство это, повидимому, было взаимно, такъ что молодые люди рѣдко разговаривали между собой. Эзра забралъ теперь въ свои руки всѣ денежныя дѣла фирмы и не выпускалъ ихъ изъ рукъ, никого не допуская до нихъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ понялъ, что ихъ новый компаніонъ далеко не такъ простъ и не такъ глупъ, какъ онъ полагалъ. Такимъ образомъ Томъ не имѣлъ возможности удостовѣриться, въ какомъ состояніи находились дѣла фирмы; онъ чистосердечно вѣрилъ, вмѣстѣ съ Гильреемъ, что каждый расходъ покрывался обильнымъ доходомъ. Какъ удивились бы оба, если бы узнали, что всѣ эти текущіе расходы покрывались всецѣло изъ ихъ личныхъ капиталовъ, вплоть до того момента, когда задуманная комбинація возстановитъ расшатанные и почти не отсутствующіе финансы фирмы.

Въ одномъ отношеніи Томъ Димсдаль являлся въ лучшемъ положеніи, будучи связанъ дѣлами съ фирмой, такъ какъ не будь этого, трудно было бы сказать, какимъ образомъ онъ могъ бы пробиться сквозь непроницаемую преграду, отдѣлявшую его отъ Кэтъ. Присмотръ за ней въ послѣднее время былъ еще болѣе усиленъ, и всѣ приглашенія мистриссъ Димсдаль и другихъ друзей ея покойнаго отца упорно отклонялись

старикомъ Гирдльстономъ съ краткимъ поясненіемъ, что хрупкое здоровье дѣвушки не позволяетъ ему рисковать, подвергая ее возможнымъ простудамъ, при поѣздкѣ, и излишнимъ утомленіемъ отъ свѣтской жизни. Въ сущности, Кэтъ была плѣнницей въ стѣнахъ мрачнаго дома въ Экклестонъ-Скверѣ; даже во время прогулокъ ее безотлучно сопровождалъ тюремщикъ, въ видѣ выѣздного лакея. Каковы бы ни были причины, побуждавшія Джона Гирдльстона дѣйствовать такимъ образомъ, онъ, очевидно, пришелъ къ заключенію, что для него было дѣломъ первѣйшей важности держать дѣвушку въ заперти и не допускать ее до общенія съ кѣмъ бы то ни было изъ постороннихъ.

Но, благодаря своему новому положенію, Томъ, въ качествѣ одного изъ представителей фирмы, имѣлъ возможность находить доступъ въ этотъ замкнутый кругъ, вопреки всѣмъ запретамъ стараго опекуна. Если подымался какой нибудь важный вопросъ въ конторѣ въ отсутствіи стараго главы фирмы, то весьма естественно было, что м-ръ Димсдаль вызывался съѣздить къ нему на квартиру въ Экклепстонъ-Скверъ, чтобы получить разрѣшеніе вопроса или сообщить о немъ.. И если случалось, что старика Гирдльстона не было дома, то, естественно, онъ поджидалъ его. Также естественно, что миссъ Харсстонъ пользовалась при этомъ случаемъ побесѣдовать съ другомъ своего дѣтства. Это были такія драгоцѣнныя минуты, тѣмъ болѣе драгоцѣнныя, что рѣдкія! Онѣ озаряли яркимъ свѣтомъ скучные монотонные дни далеко невеселой жизни Кэтъ и наполняли душу и сердце Тома новымъ избыткомъ радости и счастья и свѣтлыхъ надеждъ. А между тѣмъ уже близко было то время, когда воспоминаніе объ этихъ дняхъ должно было свѣтиться яркими точками среди темныхъ тучъ безпросвѣтнаго существованія.

Между тѣмъ наступило время, когда долженъ былъ рѣшиться роковой вопросъ, будетъ ли фирма Гирдльстонъ и Ко спасена смѣлымъ, безумнымъ ударомъ отъ гибели, или же должна будетъ постыдно погибнуть, несмотря ни на что. Одинъ неразборчивый агентъ, по имени Лангворси, какъ уже было сказано раньше, отправился въ Россію, снабженный всѣми полномочіями и средствами. Господинъ этотъ находился нѣкоторое время на службѣ у одной Одесской хлѣбной фирмы и потому владѣлъ нѣсколько русскимъ языкомъ, что было, конечно, весьма важно въ данномъ случаѣ. Подъ видомъ англи-

чанина съ научными наклонностями этотъ господинъ долженъ былъ поселиться гдѣ-нибудь въ глухомъ углу въ горахъ Урала и заниматься тамъ нѣкоторое время раскопками, сначала безуспѣшными, а затѣмъ какъ бы случайно наткнуться на алмазы. Предварительно ему слѣдовало нѣсколько сблизиться съ мѣстнымъ населеніемъ, заручиться общимъ довѣріемъ и затѣмъ, на глазахъ кого-нибудь изъ мѣстныхъ гражданъ или поселянъ, сдѣлать свою счастливую находку. Затѣмъ свезти образцы самородковъ въ Тобольскъ *), какъ ближайшій крупный административный центръ, заявить тамъ о своихъ изслѣдованіяхъ и предположеніяхъ, ссылаясь на очевидцевъ и свидѣтелей его счастливой находки. Гирдльстоны прекрасно знали, что уже этого одного будетъ болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы, если о томъ сообщатъ по телеграфу въ Лондонъ, разомъ понизить цѣны на чуткомъ алмазномъ рынкѣ. Прежде, чѣмъ успѣютъ собрать какія-нибудь серьезныя свѣдѣнія о вновь открытыхъ алмазныхъ копяхъ, Лангворси исчезнетъ безслѣдно, и никто не сумѣетъ выслѣдить эту маленькую спекуляцію.

И чѣмъ скорѣе люди убѣдятся въ томъ, что это былъ пустой слухъ, тѣмъ лучше для спекуляторовъ. Повидимому, не было никакихъ шансовъ на то, что вся эта маленькая комедія можетъ какъ-нибудь разоблачиться. Тѣмъ временемъ Эзра Гирдльстонъ уже запасся билетомъ на переѣздъ въ Южную Африку съ почтовымъ пароходомъ «Cyprian». Наканунѣ отправленія этого парохода Эзра до глубокой ночи просидѣлъ съ отцомъ въ библіотекѣ большого дома въ Экклестонѣ-Скверѣ, въ сотый разъ обсуждая всѣ подробности задуманнаго дѣла.

Старикъ былъ очень блѣденъ и нервно возбужденъ въ этотъ вечеръ. Единственной его слабостью была его безмѣрная любовь къ сыну. Онъ никогда еще не разставался съ нимъ на болѣе или менѣе продолжительное время, и теперь эта разлука была для него очень тяжела. Что же касается Эзры, то онъ былъ весьма возбужденъ, лицо его горѣло румянцемъ оживленія, глаза блестѣли при мысли о новизнѣ сценъ и обстановки, ожидающихъ его, и той смѣлой спекуляціи, которую они готовились провести. Онъ то ходилъ, то шумно бросался въ глубокое тяжелое кресло, вытянувъ впередъ свои большія мускулистыя ноги.

*) Авторъ, очевидно, плохо освѣдомленъ въ географіи Россіи, если считаетъ ближайшимъ къ Уралу административнымъ центромъ Тобольскъ. Ред.

— Теперь я знаю толкъ въ камняхъ не хуже любого спеціалиста въ Лондонѣ,—самодовольно заявилъ онъ.—Я на дняхъ оцѣнцвалъ цѣлый мѣшокъ самородковъ у Ванъ-Гельмерса. А ты знаешь, онъ всѣми считается за большого знатока,—и онъ сказалъ, что ни одинъ экспертъ не сумѣлъ-бы лучше оцѣнить каждый отдѣльный камень, чѣмъ это сдѣлалъ я. Всѣ мельчайшіе дефекты въ камняхъ я знаю, а также лучшія качества и достоинства. Я не ошибся ни на одинъ фунтъ противъ цѣнъ на рынкѣ любого изъ этихъ камней.

— Надо тебѣ отдать справедливость, ты обладаешь необыкновенными способностями и рѣдкой сообразительностью,—согласился отецъ.—Эти знанія тебѣ очень пригодятся тамъ. Но береги себя! Будь остороженъ, если не для себя, то хотя бы только ради меня. Тамъ, знаешь, не мало дурныхъ людей, которымъ все ни по чемъ и тебѣ слѣдуетъ обращаться съ ними ласково и мягко. Я знаю твой горячій нравъ, но помни мудрыя слова: «Человѣкъ, владѣющій собой,—лучше человѣка, берущаго города!

— Не бойся за меня, отецъ,—говорилъ Эзра съ мрачной, недоброй улыбкой, указывая на небольшую кожаную сумочку, лежавшую вмѣстѣ съ остальными вещами.—Я, какъ видишь, принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности, по примѣру нашего добраго друга маіора Клеттербека, и припасъ шесть отвѣтовъ для каждаго, кто вздумаетъ разговаривать со мной. Если бы у меня это было и тогда при себѣ, то онъ не такъ-то легко справился бы со мной!

— Нѣтъ, Эзра, нѣтъ,—сказалъ его отецъ въ сильномъ волненіи,—обѣщай мнѣ быть осторожнымъ и избѣгать всякихъ столкновеній и кровопролитія. Это противно великому завѣту, Новому Завѣту, данному намъ Богомъ.

— Я не буду впутываться ни въ какія исторіи, если только можно будетъ избѣжать этого!—сказалъ Эзра.—Это не входитъ въ разсчеты моей игры.

— Но если ты будешь увѣренъ, что нѣтъ другого исхода, что твой противникъ неизбѣжно готовъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, то рекомендую застрѣлить его на мѣстѣ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ выхватить свое оружіе. Я слышалъ это отъ людей, побывавшихъ въ тѣхъ краяхъ, что въ подобныхъ случаяхъ все зависитъ отъ перваго выстрѣла. Я страшно безпокоюсь о тебѣ и не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не увижу тебя снова здѣсь!

— Да у него стоятъ слезы на глазахъ!—воскликнулъ про

себя Эзра, необычайно удивленный такимъ страннымъ для него явленіемъ.

— Когда же ты ѣдешь?—спросилъ отецъ.

— Мой поѣздъ отходитъ черезъ часъ или около того. Около трехъ я буду въ Сусэмптонѣ; пароходъ выходитъ въ море въ 6 утра, т. е. съ утреннимъ приливомъ!

— Береги свое здоровье!—продолжалъ старикъ умоляюще-наставительнымъ тономъ,—не промачивай ногъ, и носи прямо на тѣлѣ фланелевое бѣлье. Это необходимо при тамошнемъ климатѣ. Не забывай также своихъ религіозныхъ обязанностей. Это всегда производитъ хорошее впечатлѣніе на тѣхъ людей, съ кѣмъ приходится имѣть дѣло.

Эзра, точно укушенный, вскочилъ со своего мѣста и принялся шагать крупными шагами взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я желалъ-бы, чтобы вы бросили это отвратительное ханжество, по крайней мѣрѣ хоть тогда, когда мы одни!—воскликнулъ онъ раздражительно.

— Я вижу, дорогой мой,—возразилъ на это старикъ, глядя съ кроткимъ недоумѣніемъ на сына,—что ты въ данномъ случаѣ очень заблуждаешься. Ты воображаешь, повидимому, что мы предпринимаемъ нѣчто предосудительное. Это не такъ. То, что мы съ тобой дѣлаемъ, не болѣе какъ маленькая коммерческая хитрость, та же военная хитрость. Это всѣми признанная аксіома въ торговомъ мірѣ, что одни стараются понижать цѣнность того, что вы хотите скупить и затѣмъ повышать ихъ, чтобы перепродать купленное съ возможно большей прибылью.

— Во всякомъ случаѣ это очень походитъ на нѣчто подсудное!—возразилъ рѣзко Эзра.—Ну, да что говорить! Лучше вотъ что: не дѣлайте никакихъ спекуляцій въ моемъ отсутствіи, слышите? Что бы ни случилось, все должно быть направлено къ тому, чтобы выбраться изъ этой ямы, въ которую вы насъ посадили,—а не къ тому, чтобы залѣзать въ нее еще глубже.

— Я не израсходую здѣсь ни одного лишняго гроша, обѣщаю тебѣ!—сказалъ старикъ съ чувствомъ виновности.

— Ну, хорошо! А теперь прощай!—сказалъ молодой человѣкъ, вставая и протягивая отцу руку.—Смотри, не спускай глазъ съ Димсдаля, а, главное, не довѣряйся ему!

— Прощай, мой мальчикъ, прощай... Храни тебя Богъ!

Старикъ былъ искренно и глубоко разстроенъ, и голосъ его дрожалъ. Съ минуту онъ стоялъ неподвижно, но когда тяжелая дверь захлопнулась за его сыномъ, онъ кинулся къ окну, рас-

пахнулъ его и жадно сталъ глядѣть внизъ на улицу вслѣдъ исчезающему вдали экипажу, увозившему его сына. Вся его поза выражала такую скорбь, такую надломленность, что Кэтъ, случайно вошедшая въ этотъ моментъ въ комнату, вдругъ почувствовала къ нему такую нѣжность, какой она никогда не испытывала по отношенію къ этому человѣку. Приблизившись къ нему, она ласково положила свою крошечную теплую ручку на его холодѣвшую старческую руку и сказала:

— Онъ скоро вернется, дорогой мистеръ Гирдльстонъ,— вы не должны безпокоиться объ немъ.

Въ этотъ моментъ въ своемъ простомъ бѣломъ платьѣ, съ съ одной красной бархаткой въ волосахъ и вокругъ шеи, Кэтъ казалась воплощеніемъ женственной прелести и миловидности, и суровыя, мрачныя черты стараго коммерсанта на мгновеніе смягчились и просвѣтлѣли, когда онъ взглянулъ на ея милое, свѣженькое личико; онъ даже протянулъ впередъ руку, какъ бы желая приласкать ее, но, очевидно, какая-то нехорошая мысль мелькнула въ его мозгу, такъ какъ выраженіе глазъ его вдругъ стало мрачно, и онъ отвернулся отъ Кэтъ, не проронивъ ни слова. Не разъ въ эту ночь молодая дѣвушка просыпалась и видѣла передъ собой это страшное спазматическое искаженіе знакомаго старческаго лица, въ которомъ было одновременно и нѣчто горькое, и даже близкое къ отвращенію въ тотъ моментъ, когда она почти любовно глядѣла на него.

XVII. Страна алмазовъ.

Огорченный отецъ не долго мучился неизвѣстностью, вскорѣ до него дошли вѣсти объ его сынѣ. 1-го іюня громадный почтовый пароходъ «Cyprian» снялся съ якоря въ Суэмптонѣ и вышелъ въ Па-де-Калэ. 5-го числа того же мѣсяца о его прибытіи извѣщалось съ Мадеры, откуда онъ получилъ телеграммы отъ своего агента, а также и отъ самаго Эзры.

Затѣмъ послѣдовалъ долгій промежутокъ времени, такъ какъ тогда еще не было телеграфнаго сообщенія съ Капомъ, но 8-го августа Эзра извѣщалъ отца о своемъ благополучномъ прибытіи въ южную Африку. Затѣмъ онъ снова написалъ изъ Веллингтона, который являлся тогда конечнымъ желѣзнодорожнымъ пунктомъ, и, наконецъ, пришло длинное и подробное письмо изъ Кимберлея, столицы пріисковыхъ участковъ. Въ этомъ письмѣ молодой человѣкъ описывалъ путешествіе на ло-

шадяхъ, въ глубь страны, и всѣ свои приключенія этого долгаго пути.

«Это мѣстечко разрослось, писалъ онъ про Кимберлей,—въ довольно большой городъ, хотя всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ это былъ не болѣе, какъ простой лагерь европейцевъ. Теперь здѣсь есть и церкви, и банки, и клубъ. На улицахъ множество щегольски одѣтыхъ людей, но, главное, большинство угрюмаго вида парни—землекопы, въ цвѣтныхъ рубахахъ и широкополыхъ поярковыхъ шляпахъ, на видъ весьма грубые, а, въ сущности, въ общемъ довольно смирные. Чернокожихъ, конечно, вездѣ много, всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная съ черныхъ, какъ сапоги, негровъ, и кончая землисто-желтыми субъектами мѣстнаго происхожденія. Нѣкоторые изъ этихъ негровъ имѣютъ большія деньги и чувствуютъ себя совершенно независимыми людьми. Вы были бы удивлены ихъ наглостью, сомнѣніемъ и нахальствомъ. Я вчера нечаянно толкнулъ одного изъ нихъ въ корридорѣ гостинницы, такъ онъ предерзко крикнулъ мнѣ: «Какой чертъ! Чего вы ходите не глядя или у васъ глаза на затылкѣ, что вы натыкаетесь на людей!» Вмѣсто отвѣта, я свалилъ его съ ногъ, но онъ крикнулъ, что подастъ на меня въ судъ. Я не могу повѣрить, что судъ будетъ столь низокъ, чтобы встать на сторону чернокожаго противъ бѣлаго...

Хотя Кимберлей столица участковъ, тѣмъ не менѣе раскопки производятся главнымъ образомъ не здѣсь, а вдоль рѣки Ваалъ, гдѣ раскинулись на пятьдесятъ или шестьдесятъ миль небольшіе лагеря. Камни скупаются главнымъ образомъ привилегированными агентами тотчасъ же, какъ только ихъ достаютъ изъ земли, и оплачиваются тутъ-же чеками на Кимберлейскій банкъ. Въ виду этого я перевелъ наши деньги въ здѣшній главный банкъ. Завтра я отправляюсь на Гебронъ, Клипдрифтъ и другія мѣста раскопокъ, чтобы самому прослѣдить, какъ это все дѣлается, и сойтись съ землекопами, чтобы они знали меня. Какъ только суда дойдутъ слуха и цѣны спадутъ, я поспѣшу скупить все, что можно. Смотри, не спускай глазъ съ этого парня Димсдаля и не дай ему догадаться о томъ, что у насъ происходитъ!»

Недѣли двѣ спустя отъ Эзры получилось еще письмо; оно встрѣтилось на пути своемъ черезъ океанъ съ другимъ почтовымъ пароходомъ, шедшимъ ему на встрѣчу и несшимъ на югъ Африки сенсаціонное извѣстіе о томъ, что новыя бога-

тыя алмазныя копи открыты недавно однимъ англичаниномъ-геологомъ въ глухой части Урала.

— Въ настоящее время,—писалъ Эзра,—я совершаю объѣздъ лагерей, гдѣ производятся раскопки. Я объѣхалъ уже Гебронъ, Клипдрифтъ, Пніель, Кавудсъ-Хопъ, Вальдексъ-Плантъ, Нейкиркъ-съ Хоопъ, Вантеррушъ и Блюжакэтъ, а завтра отправлюсь дальше, въ сторону Дельпартсъ-Хоопъ и Ларкинсъ-Флатъ. Меня всюду любезно и хорошо принимаютъ, куда бы я ни явился. Косятся на меня только торговцы камнями, которые въ большинствѣ случаевъ нѣмецкіе евреи. Они слышали, что я лондонскій капиталистъ и опасаются, чтобы я не взвинтилъ имъ цѣны. Мало они меня знаютъ! Я всюду на своемъ пути покупалъ камни, но все не особенно цѣнные, такъ какъ намъ слѣдуетъ поддержать наши ресурсы!

«Самая процедура добыванія камней чрезвычайно простая: люди роютъ родъ колодцевъ въ рыхломъ пескѣ, вдаль береговъ рѣки; въ этихъ ямахъ или колодцахъ встрѣчаются алмазы. Всю черную работу дѣлаютъ чернокожіе или «бойсы», какъ ихъ называютъ, а за ними присматриваютъ мастера, или «баасы». «Бойсы» т. е. «мальчики» получаютъ опредѣленное жалованіе, независимо отъ того, производительна или непроизводительна ихъ работа. Въ Гебронѣ я стоялъ у одного изъ ходовъ или канавъ, въ которой работали люди, когда бѣлый, стоявшій надъ ямой, вдругъ вскрикнулъ и, глубоко запустивъ руку въ песокъ, схватилъ небольшую твердую глыбу, которую онъ только-что перевернулъ, и извлекъ изъ нея небольшой грязнаго вида комочекъ. Какъ только онъ вскрикнулъ, всѣ работавшіе на сосѣднихъ и даже дальнихъ участкахъ люди сбѣжались къ счастливцу и обступили его со всѣхъ сторонъ; вскорѣ образовалась цѣлая толпа.

— Прекрасный камень!—сказалъ тотъ бѣлый, который первый увидѣлъ его.

— Никакъ не меньше 50 каратовъ!—воскликнулъ другой, взвѣсивъ камень на ладони.

У меня были съ собой мои вѣсы, я предложилъ имъ взвѣсить камень. Онъ вѣсилъ 64½ карата. Тогда они промыли его и стали разсматривать. Долго шептались, смѣялись, оспаривали другъ друга и, наконецъ, нашедшій этотъ камень подошелъ ко мнѣ и сказалъ:—«Вы торгуете камнями, мистеръ Гирдльстонъ?

— Иногда, между прочимъ,—сказалъ я,—но я не особенно

ревностный скупщикъ камней и пріѣхалъ сюда скорѣе ради удовольствія, чѣмъ за дѣломъ!

— Да, но во всякомъ случаѣ вамъ долго придется ждать прежде, чѣмъ вы увидите лучшій камень, чѣмъ вотъ этотъ!— сказалъ нашедшій.—Сколько вы предложите за него?

Я посмотрѣлъ на камень и сказалъ:—онъ не хорошъ по цвѣту.

— Это совершенно чисто бѣлый камень!—сказалъ онъ еще двое или трое изъ его пріятелей поддержали его.

— Господа,—сказалъ я,—этотъ камень не бѣлый; онъ имѣетъ двѣ тѣни желтизны; онъ стоитъ очень не много, почти ничего!

— Вотъ какъ! Что изъ того, даже если онъ желтый? Желтые камни еще болѣе цѣнны!—произнесъ рослый парень съ густой черной бородой.—Желтый камень не хуже бѣлаго, это всякій знаетъ!

— Да,—сказалъ я,—чисто желтый камень не хуже бѣлаго, но этотъ не желтый и не бѣлый. Это просто обезцвѣченный камень и вы это знаете также хорошо, какъ я.

— Такъ вы ничего не предложите за него?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Я бы далъ за него семьдесятъ фунтовъ!—сказалъ я,—но ни пенни больше!

Кругомъ поднялся вой, и крики.

— Да онъ стоитъ по меньшей мѣрѣ пятьсотъ фунтовъ!— крикнулъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Ну, такъ и оставьте его у себя,—проговорилъ я спокойно,—постарайтесь продать его за эту сумму!—съ этими словами я отошелъ. А вечеромъ того же дня мнѣ былъ присланъ этотъ камень въ обмѣнѣ на мой чекъ въ 70 фунтовъ; два дня спустя я перепродалъ его за 100 фунтовъ. Какъ видишь, отецъ, наука старика Ванъ-Гельмерса пошла мнѣ въ прокъ. Я разсказалъ тебѣ этотъ маленькій случай нарочно, чтобы показать, что хотя я и новичекъ въ этомъ дѣлѣ, но провести меня не легко.

«Долгое время ничего еще не появлялось здѣсь въ газетахъ объ Россіи, но я готовъ, когда бы ни пришли благопріятныя вѣсти. Что бы ты сталъ дѣлать, если-бы въ этомъ дѣлѣ оказалась какая-нибудь загвоздка, и оно не выгорѣло? Порвалъ-ли бы ты со всѣми и бѣжалъ—или остался-бы вѣренъ своему флагу и сталъ выплачивать по шиллингу за фунтъ? Чѣмъ больше

я думаю объ этомъ, тѣмъ больше проклинаю твое безразсудство, поставившее насъ въ такое положеніе. Прощай!

— Да, онъ правъ, это было безразсудство!—промолвилъ старикъ опустивъ голову на руку.—Конечно, это не хорошо съ его стороны, что онъ пишетъ мнѣ такъ даже оттуда, издалека, но онъ всегда былъ нѣсколько рѣзкій и прямой. —«Если бы дѣло не выгорѣло»,—пишетъ онъ,—продолжалъ разсуждать старикъ,—значитъ, онъ сомнѣвается, иначе онъ не сталъ бы и высказывать подобнаго предположенія, да!... Одинъ Богъ вѣдаетъ, чтобы я сдѣлалъ въ такомъ случаѣ... Есть, конечно, еще и другіе пути да... другіе и... Онъ провелъ рукой по глазамъ, словно желая отогнать какое-то тяжелое видѣніе, и такое странное, неуловимое выраженіе, такая мертвенная блѣдность появились на его мрачномъ, суровомъ лицѣ, что въ немъ съ трудомъ можно было узнать высокочтимаго старосту Троицкой капеллы и уважаемаго дѣльца изъ Фенчерчъ-Стрита. Нѣкоторое время онъ оставался погруженнымъ въ мысли, затѣмъ всталъ, прошелся и позвонилъ въ гонгъ, стоявшій у него на столѣ. Почти въ тотъ же моментъ на порогѣ появился Гильрей. Быстро и беззвучно очутился онъ подлѣ стола, точно выросъ изъ подъ земли.

— Аа, Гильрей!—проговорилъ старый Гирдльстонъ,—скажите, мистеръ Димсдаль въ конторѣ?

— Да, сэръ!

— Прекрасно! Онъ, кажется, чрезвычайно регуляренъ и усидчивъ въ работѣ и прекрасно усвоилъ себѣ конторское дѣло!

— Да, сэръ!

— И, кажется, очень внимательно относится къ дѣлу и къ интересамъ фирмы?

— Да, сэръ, необычайно быстро все усваиваетъ,—сказалъ старшій клеркъ,—необычайно способный молодой человѣкъ и какъ по конторскому дѣлу, такъ и судовому! Онъ, кажется, съ утра и до ночи только объ этомъ и думаетъ!

— Прекрасно,—проговорилъ старикъ, играя разновѣсомъ своихъ маленькихъ вѣсовъ для писемъ и пакетовъ.—Прилежаніе, вниманіе и интересъ къ дѣлу въ молодыхъ людяхъ обѣщаетъ довольство и спокойствіе въ старости. Скажите, Гильрей... «А ѳ и н с к а я Д ѣ в а» разгружается?

— Да, мистеръ Димсдаль ѣздилъ туда сегодня утромъ и лично присутствовалъ при разгрузкѣ. Онъ говоритъ, что разгружаютъ ее проворно, но что онъ хочетъ обратить ваше вни-

маніе на состояніе судна, мистеръ Гирдльстонъ; онъ говоритъ, что даже въ докахъ оно даетъ течь и что нѣкоторые изъ людей экипажа говорятъ, что они не останутся на этомъ суднѣ при такихъ условіяхъ!

— Тсъ, тсъ!—брезгливо сказалъ старикъ Гирдльстонъ, сердито хмуря свои брови.—На что же тогда у насъ правительственные инспектора? Нѣтъ никакого смысла платить имъ содержаніе, если мы сами обязаны досматривать свои суда и исполнять обязанности этихъ господъ-надсмотрщиковъ. Конечно, если они станутъ настаивать на починкѣ, то все необходимое мы сдѣлаемъ!..

— Предварительные досмотрщики были тамъ какъ разъ въ одно время съ мистеромъ Димсдаль,—сказалъ Гирлей недоговаривая.

— Ну, и что же?

— Онъ говоритъ, что инспектора или надсмотрщики спустились внизъ, въ каюту, и пили шампанское съ капитаномъ Спэндоромъ, а затѣмъ заявили, что они всѣмъ весьма довольны и состояніемъ судна, и всѣмъ остальнымъ; послѣ чего удалились.

— Вотъ видите!—сказалъ торжествующе глава фирмы.—Эти господа, конечно, съ перваго же взгляда могутъ опредѣлить, въ какомъ видѣ судно, и если бы оно дѣйствительно было въ плохомъ состояніи, то они непремѣнно обратили бы на это вниманіе. А потому не будемъ больше говорить объ этихъ досадныхъ пустякахъ. Вы должны сказать объ этомъ нѣсколько словъ мистеру Димсдаль, но отъ себя, а не отъ моего имени, понимаете? Скажите ему, чтобы онъ былъ болѣе осмотрительнымъ и не сразу скакалъ обѣими ногами въ яму, излишнее усердіе тоже не приводитъ къ добру. Такъ не забудьте сказать, Гильрей!..

— Нѣтъ, сэръ, я скажу!

— И подайте мнѣ книгу № 33!

Гильрей приподнялся на цыпочки, протянулъ руку и досталъ съ верхней полки конторскую книгу № 33, которую почтительно положилъ на столъ передъ своимъ принципаломъ. Затѣмъ, видя, что онъ долѣе не нуженъ, неслышно удалился.

Конторская книга № 33 была закрыта висячимъ замочкомъ, ключъ отъ котораго хранился въ боковомъ жилетномъ карманѣ старшаго главы фирмы. Это была особо-важная и особо-цѣнная книга, такъ сказать, частная, интимная книга балансовъ ста-

рика Гирдльстона. Только изъ нея можно было увидѣть настоящее положеніе денежныхъ дѣлъ фирмы; всѣ же остальныя конторскія книги велись только для видимости, для постороннихъ глазъ. Безъ этой книги онъ не могъ бы такъ долго отводить глаза сыну, пока, наконецъ, горькая необходимость не вынудила его открыть передъ нимъ карты. Джонъ Гирдльстонъ сталъ медленно и печально переворачивать страницу за страницей. Здѣсь онъ видѣлъ отчетъ о суммахъ, вложенныхъ въ дѣло золотыхъ пріисковъ озера Танганайки,—которое должно было дать ему по 33 процента, но продержавшись всего 1½ мѣсяца, погибло и распалось. Здѣсь также были записаны и деньги, выданныя Дюреру-Халленинъ и К°, подъ залогъ самыхъ прочныхъ обезпеченій, которыя, однако, оказались простымъ пуфомъ, по провѣркѣ. Далѣе слѣдовали дѣла фирмы съ Левантинской керосиновой компаніей, кассиръ которой сбѣжалъ съ громадными капиталами, совершенно разоривъ компанію, въ которой была вложена и значительная часть капиталовъ Гирдльстона. Тутъ же числились и суммы, потраченныя на «Вечернюю Звѣзду» и «Провидѣніе». Все это было далеко не весело; послѣднія страницы были чуть ли не самыя неутѣшительныя. Здѣсь былъ составленъ вкратцѣ полный отчетъ о настоящемъ положеніи дѣлъ фирмы въ данный моментъ. Пробѣжавъ и эти цифры, старикъ глубоко вздохнулъ.

«Въ сущности не такъ еще плохо,—промолвилъ онъ про себя,—дебетъ—76,825 фунтовъ,—кредитъ 50,825, вся сумма дебета должна быть покрыта не позже, какъ черезъ девять мѣсяцевъ!.. Это, конечно, не легко, но... и не невозможно... Гибель одного изъ нашихъ пароходовъ могла бы дать мнѣ 12,000 фунтовъ чистой прибыли!—прошепталъ онъ чуть слышно одними губами. Затѣмъ онъ откинулся назадъ, на спинку кресла, и сталъ смотрѣть въ потолокъ съ нѣсколько повеселѣвшимъ выраженіемъ лица. Въ худшемъ случаѣ это меньше 30,000 фунтовъ, а объ этой суммѣ большинство фирмъ не стало бы даже и безпокоиться.—Дѣло въ томъ, что я такъ привыкъ къ крупному балансу въ другой рубрикѣ, то мнѣ прямо кажется страшной даже самая незначительная цифра съ лѣвой стороны. Многое, очень многое можетъ случиться и поправить все дѣло! Но, конечно, не нужно забывать, что на этотъ разъ я такъ глубоко зачерпнулъ въ своемъ кредитѣ, что не могу уже болѣе разсчитывать занять ни одного шиллинга, не возбудивъ подозрѣнія. Какъ ни говори, вся наша надежда на спасеніе теперь

въ этомъ алмазномъ дѣлѣ. Эзра не можетъ потерпѣть неудачи! Кто можетъ помѣшать ему въ этомъ?

— Маіоръ Тобіа Клеттербекъ!—прокричалъ тоненькій надтреснутый голосокъ Гильрея, словно въ отвѣтъ на послѣднія слова старика.—Исправный маленькій человѣчекъ напрасно стучалъ въ дверь комнаты и разъ, и два, и три, Гирдльстонъ, занятый своими мыслями, не слышалъ стука. Теперь старшій клеркъ пріотворилъ дверь и возгласилъ имя посѣтителя, который тотчасъ же перешагнулъ порогъ кабинета съ величавой увѣренностью, присущей ему.

XVIII. Маіоръ Тобіа Клеттербекъ и его требованіе.

Джонъ Гирдльстонъ часто слыхалъ отъ своего сына о маіорѣ Клеттербекѣ въ тѣ дни, когда они еще были пріятелями, и старикъ вѣчно приписывалъ ему нѣкоторые изъ наиболѣе замѣтныхъ пороковъ своего сына, какъ результатъ близости его съ маіоромъ. Онъ слышалъ также отъ Эзры сбивчивый отчетъ о непріятномъ происшествіи въ ресторанѣ Нельсона и вслѣдствіе всего этого, весьма понятно, чувства его къ этому посѣтителю были не изъ дружелюбныхъ, и потому онъ отвѣтилъ на поклонъ вошедшаго холодно и сдержанно. Но маіора этотъ ледяной пріемъ ничуть не смутилъ; съ сіяющимъ лицомъ и протянутой рукой онъ подошелъ къ главѣ фирмы, которому ничего болѣе не оставалось, какъ только пожать ее, хотя изъ простого приличія, что онъ и сдѣлалъ, хотя и весьма не охотно и не спѣша.

— Ну, какъ вы поживаете?—спросилъ маіоръ, потирая руки, и отступилъ на шагъ или два назадъ, разсматривая стараго коммерсанта и всѣ его части, словно намѣреваясь пріобрѣсти его за хорошую цѣну.—Я много разъ слышалъ о васъ. Для меня истинное удовольствіе видѣть васъ! Какъ же вы себя чувствуете?—съ этими словами онъ снова схватилъ руку неподвижно стоявшаго и смотрѣвшаго на него старика и съ чувствомъ потрясъ ее.

— Провидѣніе наградило меня, благодареніе Богу, хорошимъ здоровьемъ!—сдержанно и холодно отвѣчалъ Гирдльстонъ и немного погодя добавилъ.—Могу я предложить вамъ стулъ?

Эти два стоявшіе другъ противъ друга человѣка представляли собою страшный контрастъ: одинъ изъ нихъ, высокій,

худощавый, съ серьезнымъ, блѣднымъ, безстрастнымъ лицомъ, полный чувства достоинства и невозмутимаго спокойствія, другой—шумливый, важничающій, съ выдающеюся, выпяченной по военному грудью и краснымъ подвижнымъ, почти смѣющимся лицомъ. У нихъ было только то общаго, что оба смотрѣли другъ на друга смѣлымъ, тревожнымъ, выжидающимъ взглядомъ, и каждый изъ нихъ былъ насторожѣ другъ передъ другомъ.

— Я слышалъ о васъ отъ моего сына,—сказалъ Гирдльстонъ,—указывая своему посѣтителю на стулъ.—Вы, кажется, если не ошибаюсь, встрѣчались съ нимъ за картами, бильярдомъ и тому подобными играми, которыхъ я совершенно не одобряю, но къ которымъ сынъ мой до нѣкоторой степени пристрастенъ!

— Вы сами не играете?—сказалъ маіоръ соболѣзнующимъ тономъ.—Но начать никогда не поздно, и повѣрьте, многіе люди весьма скрасили свою старость игрою въ бильярдъ и вистъ. Если вы расположены начать, я готовъ дать вамъ 75 очковъ впередъ изъ каждой партіи въ сто, для начала!

— Благодарю, сухо отвѣтилъ Гирдльстонъ,—я не имѣю ни малѣйшаго расположенія къ играмъ.—Но позвольте узнать, вы именно только съ этимъ предложеніемъ пришли ко мнѣ?

Старый служака громко разсмѣялся и смѣялся такъ долго и раскатисто, что привелъ, наконецъ, въ недоумѣніе всѣхъ служащихъ въ конторѣ, куда явственно доносился его смѣхъ.—Неужели вы думаете, что я сталъ бы пять верстъ киселя мѣсить ради этого? Нѣтъ, сэръ! Я хотѣлъ поговорить съ вами о вашемъ сынѣ!

— О моемъ сынѣ?

— Да, о вашемъ сынѣ! Это ловкій молодой человѣкъ, очень ловкій и видный молодой человѣкъ и проворный, насколько въ настоящее время только умѣютъ быть ловки и проворны эти молодые люди. Иногда онъ бываетъ нѣсколько грубъ, но это, кажется, духъ вѣка. Не правда ли, сэръ? Мой другъ Теффлстонъ, голубой гусаръ, говоритъ, что деликатность и воспитанность вышли изъ моды, вмѣстѣ съ мушкетами и дрянными париками. Это удивительно сатирическій умъ, этотъ Теффлстонъ, долженъ вамъ сказать;—да! Вы его не знали?

— Нѣтъ, сэръ, не имѣю этого удовольствія!—почти сердито отвѣтилъ Гирдльстонъ.—Да не имѣю и желанія съ нимъ знакомиться.—Я попросилъ бы васъ перейти къ дѣлу, такъ какъ время у меня дорого...

Маіоръ взглянулъ на него съ любезной улыбкой.

— Повидимому, это проворство у васъ въ семьѣ,—сказалъ онъ,—я наблюдалъ такую-же поспѣшность, чтобы не сказать рѣзкость, и въ вашемъ сынѣ. Какъ я уже говорилъ раньше, онъ славный и видный молодой человѣкъ, но за то онъ просто-таки возмутительно безразсудно горячъ и чрезвычайно нескроменъ; Вамъ непремѣнно слѣдуетъ поговорить съ нимъ объ этомъ!

— Что вы хотите этимъ сказать, сэръ?—спросилъ старый коммерсантъ, весь блѣдный отъ бѣшенства.—Зачѣмъ вы явились сюда—оскорблять его въ отсутствіи?

— Отсутствіи? Это какъ разъ счастливое обстоятельство, до котораго я хотѣлъ добраться. Такъ онъ уже уѣхалъ въ Африку, на алмазные пріиски! Ахъ, какое, право, удивительное предпріятіе, весьма удивительное, и притомъ оно мастерски проведено! Сколько рѣшимости, энергіи, но и сколько безразсудства и поспѣшности, могу прибавить.—Да, сэръ,—положительно непростительной безразсудности и непозволительной поспѣшности!

Старикъ Гирдльстонъ взялъ въ руки свою тяжелую чернаго дерева линейку и сталъ нервно играть ею. Въ немъ проснулось непреодолимое желаніе зашвырнуть этой линейкой прямо въ голову своего непрошеннаго собесѣдника.

— Что бы вы теперь сказали,—продолжалъ отставной военный, перекидывая ногу за ногу и обсуждая вопросъ въ конфиденціальномъ пониженномъ тонѣ,—что бы вы сказали, если бы къ вамъ явился молодой человѣкъ и, основываясь на предположеніи, что вы подлый и безчестный негодяй, обратился-бы къ вамъ съ просьбой помочь ему—или, вѣрнѣе, содѣйствовать ему въ очень темномъ и неблаговидномъ планѣ? Развѣ это вы не назвали-бы по меньшей мѣрѣ нескромностью съ его стороны?

Старикъ сидѣлъ молча и неподвижно, но лицо его становилось все блѣднѣе и блѣднѣе.

— И если, въ довершеніе всего, онъ разсказалъ бы вамъ всѣ подробности своего проекта, не дожидаясь даже, чтобы вы высказали ему свое сочувствіе этому плану,—то развѣ вы не назвали-бы это даже болѣе, чѣмъ нескромнымъ и болѣе, чѣмъ опромѣтчивымъ и безразсуднымъ? Вашъ собственный здравый смыслъ,—дорогой сэръ, долженъ подсказать вамъ, что это положительно преступное безразсудство и поспѣшность! Клянусь вамъ!

— Ну-съ, сэръ?—сказалъ старикъ глухимъ, нѣсколько сиплымъ голосомъ.

— Ну-съ,—продолжалъ маіоръ,—я не сомнѣваюсь въ томъ, что вашъ сынъ сообщилъ вамъ о томъ любопытномъ и интересномъ разговорѣ, который мы имѣли съ нимъ въ кафе Нельсона нѣсколько времени тому назадъ онъ былъ такъ добръ, что обѣщалъ мнѣ, если я соглашусь поѣхать въ Россію и увѣрить людей въ томъ, что я открылъ тамъ гдѣ-то въ въ глуши фиктивныя алмазныя копи, щедро вознаградитъ меня за эту услугу. Это вынудило меня дать ему понять или, вѣрнѣе, напомнить ему, что извѣстные принципы, которыхъ придерживались всегда члены той семьи, къ которой я имѣю честь принадлежать,—при этомъ маіоръ ударилъ себя въ грудь,—мѣшаютъ мнѣ принять его выгодное положеніе. И тогда, мнѣ весьма непріятно говорить вамъ это, вашъ молодой человѣкъ потерялъ всякое самообладаніе, и мы обмѣнялись съ нимъ нѣсколькими, не совсѣмъ пріятными словами, въ результатѣ которыхъ разстались такъ поспѣшно, да, такъ поспѣшно, что я не имѣлъ даже времени хорошенько разъяснить его, какую непростительную нескромность и необдуманность онъ совершилъ!

Старый коммерсантъ все еще продолжалъ сидѣть совершенно неподвижно, похлопывая слегка по столу своей тяжелой линейкой.

— Понятно, что ознакомившись съ проектомъ вашего плана,—продолжалъ маіоръ,—мое любопытство было настолько возбуждено, что я не могъ удержаться, чтобы не слѣдить за дальнѣйшимъ его развитіемъ и успѣхомъ! Я видѣлъ того господина, который отправился въ Россію, мистера Лангворси, если не ошибаюсь... Кстати, я знавалъ одного добраго малаго съ этой фамиліей, онъ служилъ во флотѣ—и имѣлъ привычку пить голую, чистую водку съ Каеннскимъ перцемъ передъ завтракомъ, по утру! Знали вы... впрочемъ, конечно, нѣтъ! Вы не могли знать его... Впрочемъ, о чемъ собственно я говорилъ?

Гирдльстонъ мрачно смотрѣлъ на своего собесѣдника, а тотъ спокойно вдохнулъ въ себя понюшку табаку изъ черепаховой табакерки, которую вертѣлъ въ рукахъ, и осторожно стяхнувъ попавшія на его платье крошки табака.

— Ахъ, да,—продолжалъ онъ,—такъ я сказалъ вамъ, что видѣлъ этого Лангворси отъѣзжающимъ въ Россію, а затѣмъ видѣлъ и вашего сына отъѣзжающимъ въ Африку. Это чрезвычайно интересный молодой человѣкъ, вашъ сынъ, и я убѣжденъ, что онъ далеко пойдетъ въ жизни, что его и теперь ожидаетъ удача. Онъ всегда и вездѣ выдвинется впередъ, гдѣ бы ни былъ.

но только до тѣхъ поръ, пока будетъ избѣгать такихъ маленькихъ прорухъ, какъ та, о которой мы сейчасъ говоримъ. Одновременно съ этимъ я слышалъ, что фирма Гирдльстонъ и К° собрала сумму въ 35000 фунтовъ чистыми деньгами, которыя, какъ я полагаю, также отправились въ Африку, вмѣстѣ съ сыномъ. Это громадная сумма денегъ, чтобы пускать ее въ такую игру; быть можетъ, это было-бы еще довольно безопасно, еслибы только вы одинъ знали объ этомъ, но когда знаютъ объ этомъ и другіе...

— Другіе?

— Ну, да, конечно! Я, напримѣръ!—сказалъ маіоръ.—Я же знаю объ этомъ, и, что всего хуже, не состою въ договорѣ съ вами. Я безусловно могу сейчасъ, отсюда же пойти къ нѣсколькимъ торговцамъ алмазами здѣсь въ городѣ, и намекнуть имъ о предстоящемъ пониженіи цѣнъ; это, конечно, удивило бы ихъ до нѣкоторой степени!

— Пожалуйста, маіоръ Клеттербекъ,—воскликнулъ старый коммерсантъ,—голосомъ дрожащимъ отъ волненія,—въ вашихъ рукахъ весьма важная коммерческая тайна.—Къ чему вамъ шнырять по кустамъ и подходить окольными путями? Скажите прямо, какая цѣль вашего сегодняшняго посѣщенія. Скажите прямо, чего вы хотите?

— Ну, такъ вотъ,—сказалъ маіоръ, улыбаясь еще любезнѣе прежняго,—значитъ, прямо къ дѣлу! Да, въ такого рода дѣлахъ вы, гг. коммерсанты, опередили насъ. Вы бьете прямо въ точку!.. Да, когда я смотрю на васъ, то невольно вспоминаю вашего сына. Тѣ же умные глаза, то же веселое выраженіе и таже «чортъ меня побери!» манера... тотъ же сухой, можно сказать, постный юморъ...

— Отвѣтьте мнѣ на мой вопросъ!—сурово прервалъ его Гирдльстонъ.

— И таже поспѣшность, — невозмутимо продолжалъ маіоръ,—та же горячность темперамента.—Простите, дорогой сэръ, я забылъ, о чемъ именно вы изволили меня спрашивать!

— Я спрашивалъ, чего вы собственно хотите!

— Ахъ, да, конечно. Чего я собственно хочу.?—задумчиво повторилъ старый служака.—Нѣкоторые сказали-бы больше,—другіе меньше. Нѣкоторые потребовали-бы, пожалуй, половину барышей, но это значитъ хватить черезъ край. Ну, а что вы скажите о 1.000 фунтовъ, хэ? Я полагаю, что мы съ вами можемъ остановиться на тысячѣ фунтовъ!

— Вы хотите 1.000 фунтовъ?

— Я всю жизнь хотѣлъ ихъ, а теперь же разница въ томъ, что я ихъ получу!

— А за что?

— Понятно, за молчаніе, за нейтральность! Мы всѣ впутаны въ это дѣло, и справедливость требуетъ равномѣрнаго раздѣленія труда. Вы создаете планъ,—вашъ сынъ его осуществляетъ, а я держу языкъ за зубами. Вы наживете на этомъ дѣлѣ десятки тысячъ, а я наживу свою скромную маленькую тысячу. Такимъ образомъ всякій получетъ, пропорціально своимъ трудамъ и заслугамъ!

— А допустимъ, что я бы отказалъ вамъ въ этой тысячѣ!

— Вы этого не сдѣлаете, вы не можете этого сдѣлать!— произнесъ маіоръ сладкимъ, ласковымъ голосомъ.—Я, конечно, мало знаю васъ, сэръ, но слишкомъ высокаго о васъ мнѣнія, чтобы допустить, что вы можете сдѣлать нѣчто столь неразумное. Вѣдь если вы откажете лишь въ этой тысячѣ фунтовъ, то вся ваша спекуляція полетитъ ъ чорту. Другого исхода нѣтъ. Повѣрьте, мнѣ было бы очень непріятно сдуть, какъ мыльный пузырь, вашу блестящую комбинацію, но вы знаете, что старая пословица гласитъ: «будь прежде всего милосердъ къ самому себѣ, и потому мнѣ остается продать мой секретъ тому, кто за него больше заплатитъ! Это кажется вполнѣ справедливо.

Гирдльстонъ снова призадумался и, помолчавъ съ минуту, сказалъ:—Ну, допустимъ, что мы бы согласились купить ваше молчаніе. Какую же гарантію вы представите намъ въ томъ, что не явитесь снова черезъ нѣкоторое время, чтобы вымогать опять деньги, или въ томъ, что не выдадите нашъ секретъ и послѣ того, какъ мы заплатимъ вамъ за молчаніе?

— Гарантіей вамъ будетъ честь стараго солдата и джентльмена! — отвѣтилъ маіоръ, выпячивая грудь, по которой онъ похлопалъ двумя пальцами правой руки.

Легкая насмѣшливая улыбка скользнула по блѣдному лицу Гирдльстона, который, однако, не сдѣлалъ никакого замѣчанія по этому поводу, а помолчавъ немного, сказалъ:—Мы въ вашей власти и, не имѣя иного исхода, принуждены согласиться на ваше требованіе! И такъ, вы сказали, что желаете получить 500 фунтовъ.

— Тысячу фунтовъ!—весело поправилъ его маіоръ.

— Это большія деньги!—задумчиво замѣтилъ старый коммерсантъ.

— Чертовски большія!—согласился старый вояка.

— Ну, хорошо!—Вы получите эти деньги. Я дамъ вамъ знать!—сказалъ Гирдльстонъ и всталъ, какъ бы желая дать этимъ понять, что свиданіе окончено.

Маіоръ не сказалъ ни слова, но только осклабилъ свои бѣлые зубы и постучалъ серебряной ручкой своей трости по чековой книжкѣ Гирдльстона.

— Что? Сейчасъ?

— Да, сейчасъ!

Они посмотрѣли другъ на друга съ минуту, затѣмъ Гирдльстонъ снова присѣлъ къ столу и написалъ чекъ на 1000 фунтовъ, который ткнулъ своему незванному посѣтителю. Тотъ тщательно провѣрилъ его и, доставъ изъ бокового грудного кармана сюртука засаленный старенькій бумажникъ, вложилъ въ него этотъ цѣнный ласкутокъ бумаги, снова съ особенной тщательностью убралъ свой бумажникъ въ самую глубь кармана. Затѣмъ онъ медленно и не торопясь, съ какой-то особой методичностью взялъ свою шляпу и совершенно свѣженькія лайковыя перчатки и, весело кивнувъ головой своему собесѣднику, вышелъ въ контору. Здѣсь онъ пожалъ руку Тому Димсдаль, котораго онъ зналъ уже нѣсколько мѣсяцевъ и сдѣлавъ ему три послѣдовательныхъ предложенія: во 1-хъ, поставить немедленно неограниченное число бутылокъ шампанскаго, во 2-хъ дать ему пятьсотъ очковъ впередъ въ любую игру и, наконецъ, поставить 10 фунтовъ за «Амелію» на слѣдующихъ скачкахъ, а когда всѣ эти три предложенія были отклонены съ благодарностью, маіоръ, наконецъ, вышелъ изъ конторы, предварительно любезно раскланявшись на всѣ стороны и оставивъ за собой атмосферу полу-улыбокъ, непомѣрно высокихъ воротничковъ и щегольскихъ гетръ въ памяти клерковъ.

Какъ бы ни посмотрѣлъ безпристрастный судья на тотъ способъ, какимъ маіоръ Тобіа Клеттербекъ такъ успѣшно выманилъ тысячу фунтовъ отъ фирмы Гирдльстонъ и К°, несомнѣнно, что этотъ уважаемый джентльменъ совсѣмъ не чувствовалъ при этомъ ни малѣйшаго смущенія, и совѣсть его не упрекала рѣшительно ни въ чемъ. Напротивъ, все его существо казалось преисполнено самой безграничной веселости и восхищенія. Дважды на протяженіи какихъ нибудь ста шаговъ ему приходилось останавливаться съ тѣмъ, чтобы перевести духъ и не задохнуться отъ потрясавшаго его до глубины души искренняго смѣха. Разъ онъ даже запустилъ руку въ глубокій грудной

карманъ своего сюртука и, продѣлавъ цѣлый рядъ самыхъ удивительныхъ тѣлодвиженій, извлекъ, наконецъ, тотъ-же засаленный старенькій бумажникъ, а изъ него только что полученный чекъ, и любовно просмотрѣлъ и провѣрилъ его еще разъ. Затѣмъ онъ подозвалъ проѣзжавшій мимо наемный экипажъ и, вскочивъ въ него, скомандовалъ: «Въ столичный государственный банкъ!» при этомъ подумалъ, что такъ какъ дѣла фирмы шатки, то всего лучше получить деньги сейчасъ же безо всякаго промедленія.

Въ банкѣ угрюмаго вида кассиръ принялъ отъ него чекъ, долгое время подозрительно разглядывалъ и разсматривалъ, и хотя это продолжалось всего нѣсколько минутъ, тѣмъ не менѣе они показались маіору чуть не часами.

— Какъ вы желаете получить?—спросилъ кассиръ печальнымъ, удрученнымъ голосомъ.—Естественно, что въ концѣ концовъ человѣкъ дѣлается циникомъ, когда онъ цѣлые дни проводитъ въ пересчитываніи несмѣтныхъ суммъ, въ то время, какъ у него дома жена и дѣти не знаютъ, какъ свести концы съ концами.

— Сто фунтовъ золотомъ, а остальные банковыми билетами!—съ важностью сказалъ маіоръ и облегченно вздохнулъ.

Кассиръ тщательно пересчиталъ и затѣмъ передалъ ему толстую пачку новенькихъ шуршащихъ билетовъ и маленькую колонку блестящихъ золотыхъ червонцевъ. Маіоръ запряталъ первыя въ свой бумажникъ, а золото всыпалъ въ карманы брюкъ и затѣмъ вышелъ съ особенной торжественностью и важностью и приказалъ дожидавшемуся его возницѣ везти себя на площадь Кеннеди.

Фонъ Баумзеръ сидѣлъ на походномъ стулѣ маіора, покуривая свою трубку съ фарфоровой головкой и мечтательно глядя на тонкія голубоватыя струйки дыма. За послѣднее время пріятели переживали тяжелые дни, что явно доказывалъ пришибленный и унылый видъ флегматичнаго и неунывающаго нѣмца. Друзья его въ Германіи прекратили ему высылку субсидій, а контора Эккермана, въ которой онъ служилъ, увѣдомила, что на нѣкоторое время не нуждается болѣе въ его услугамъ. Въ виду этого онъ провелъ цѣлый день въ просматриваніи длиннаго ряда объявленій, начинающихся со слова «требуется» въ Daily Telegraph, а его испачканные чернилами пальцы свидѣтельствовали о томъ усердіи, съ ка-

кимъ онъ отвѣчалъ на каждое сколько-нибудь относящееся къ нему требованіе.

Цѣлая груда адресованныхъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ конвертовъ лежала передъ нимъ на столѣ, и только неудовлетворительное состояніе его финансовъ мѣшало ему увеличить еще болѣе число своихъ предложеній услугъ. При появленіи маіора, онъ поднялъ глаза и издалъ привычный гортанный звукъ, выражавшій привѣтствіе.

— Убирайся вонъ отсюда! — отрывисто проговорилъ маіоръ,—убирайся въ спальную!

— Potz Tausend! Да что это такое?!—воскликнулъ удивленный, недоумѣвающій тевтонъ.

— Да убирайся же, говорятъ тебѣ; мнѣ эта комната нужна теперь одному!

Фонъ Баумзеръ пожалъ плечами и уплелся подобно добродушному ручному медвѣдю, затворивъ за собою дверь.

Когда товарищъ его скрылся за дверью, маіоръ принялся выкладывать на столъ всѣ свои ассигнаціи одна на другую равномѣрной лѣсенкой, а въ центрѣ ея разложилъ 10 маленькихъ грудокъ, состоящихъ каждая по 10 новенькихъ золотыхъ. Окончивъ это сооруженіе, онъ склонилъ голову на сторону и сталъ любоваться съ гордостью и удовлетвореніемъ на свое искусное зданіе. Но вскорѣ одинокое наслажденіе перестало удовлетворять его, и старый служака позвалъ своего вѣрнаго товарища. Рослый нѣмецъ былъ до того озадаченъ необычайнымъ зрѣлищемъ и видомъ такого громаднаго богатства, что на нѣкоторое время совершенно лишился языка, и только глядѣлъ, выпучивъ глаза и разинувъ ротъ, на столъ. Наконецъ, онъ протянулъ впередъ руку, потеръ одну изъ пяти фунтовыхъ ассигнацій между пальцами, желая убѣдиться на ощупь, что онъ не грезитъ, а видитъ воочію. Убѣдившись, наконецъ, онъ принялся кружиться вокругъ стола, не спуская глазъ съ плѣнительной груды золота и новенькихъ ассигнацій. Mein Gott!—восклицалъ онъ.— Gnädiger Vater! Ach du Himmel! Was für ein Schatz! Donnerwetter!—и т. п. выраженія удивленія и восторга то и дѣло слетали съ его губъ.

Когда маіоръ достаточно насладился радостнымъ волненіемъ своего друга, сказывавшимся въ каждой чертѣ его лица и въ каждомъ его движеніи, онъ собралъ со стола ассигнаціи и заперъ ихъ въ свой столъ, вмѣстѣ съ поло-

виной золота, остальные же 50 фунтовъ запряталъ въ свои карманы.

— Ну, пойдемъ!—сказалъ онъ отрывисто своему пріятелю.

— Пойдемъ, куда? Что вы хотите дѣлать?

— Пойдемъ, говорятъ тебѣ,—гнѣвно зарычалъ маіоръ.— Чего еще тутъ спрашивать?! Надѣвай шляпу и идемъ!

Маіоръ оставилъ своего возницу ждать у подъѣзда, и, спустившись съ лѣстницы, пріятели сѣли въ экипажъ; маіоръ скомандовалъ: «Въ ресторанъ Верди!»

Когда они вошли въ этотъ аристократическій, дорогой ресторанъ, маіоръ Клеттербекъ заказалъ самый изысканный обѣдъ на двѣ персоны и приказалъ, чтобы ровно черезъ два часа все было готово, и чтобы ему не смѣли подавать какой-нибудь бурды, противнаго, мѣшанаго вина,—нѣтъ, вино должно быть настоящее, чистое, безъ всякой примѣси.

«Не безпокойтесь, мы сумѣемъ отличить хорошее вино,— проговорилъ онъ въ заключеніе и съ необыкновенной важностью вышелъ изъ ресторана, оставивъ метръ-д'отеля въ глубокомъ недоумѣніи и изумленіи.

Отсюда друзья поѣхали прямо въ одинъ изъ лучшихъ магазиновъ готоваго платья. «Я не буду входить сюда»,— сказалъ маіоръ, суя въ руку фонъ Баумзера 10 золотыхъ, а ты войди и прикажи себѣ дать лучшую пару платья, какая только у нихъ найдется!

— Gott im Himmel! — воскликнулъ пораженный фонъ Баумзеръ. Не можете же вы ждать здѣсь на улицѣ? Войдите вмѣстѣ со мной!

— Нѣтъ, я лучше подожду тебя здѣсь, а то они еще подумаютъ, что я плачу за твое платье! Это не ловко!

— Ну, пусть будетъ такъ!—согласился покладистый нѣмецъ и скрылся въ дверяхъ магазина.

Когда онъ спустя 20 минутъ вышелъ оттуда, никто не узналъ бы его въ изящномъ господинѣ въ прекрасно сшитомъ платьѣ, элегантнаго покроя и щеголеватаго вида. Отсюда они отправились послѣдовательно сперва къ сапожнику, затѣмъ къ шляпочнику, наконецъ, къ перчаточнику и парикмахеру,—и къ концу прогулки отъ прежняго фонъ Баумзера, повидимому, не осталось ничего, кромѣ его густой бороды и удивленныхъ, восхищенныхъ глазъ.

Преобразившись такимъ образомъ, наши пріятели направили свои шаги въ сторону ресторана Verdi, гдѣ отдали

полную честь приготовленному для нихъ обѣду, а удовлетворивъ вполнѣ, даже съ излишкомъ, свой аппетитъ, бывшій военный пріобрѣлъ всеобщія симпатіи служащихъ ресторана, проявляя свои щедроты всякому, кто только попадался ему подъ руку. Что же касается дальнѣйшихъ подвиговъ и приключеній этихъ двухъ представителей интеллигентной богемы, то всего лучше не входить въ ихъ подробности,—скажемъ только, что подъ утро достопочтенная мистриссъ Робинсъ была разбужена чьимъ-то зычнымъ голосомъ, доносившимся до нея съ улицы и грозно требовавшимъ отвѣта на вопросъ: «Was ist das Deutsche Vaterland?» (Что такое нѣмецкій фатерландъ?). Этотъ какъ бы негодующій и грозный вопросъ былъ обращенъ къ одинокому, безмолвно и неподвижно стоящему фонарному столбу на площади Кеннеди, противъ оконъ жилища достопочтенной мистриссъ Робинсъ. Накинувъ на себя теплый платокъ и спустившись внизъ, эта почтенная особа убѣдилась, что нарушителемъ ея покоя былъ щегольски одѣтый господинъ, который, по ближайшемъ осмотрѣ, оказался, къ превеликому ея удивленію, никто иной, какъ обыкновенно столь скромный и тихій квартирантъ ея, половинный жилецъ задней комнаты 4-го этажа. Что же касается маіора, то онъ спокойно вернулся около полудня такимъ же строго приличнымъ и корректнымъ, какъ въ любой день, когда онъ выходилъ на улицу, только съ карманами, облегченными на всю сумму 50 фунтовъ, имѣвшуюся при немъ вчера, когда онъ выходилъ изъ дома. Но онъ не считалъ даже удобнымъ упоминать объ этой, нѣсколько крупной для него растратѣ и вообще обходилъ всѣ воспоминанія этого дня полнѣйшимъ и сдержаннымъ молчаніемъ.

XIX. Вѣсти съ Урала.

Маіоръ Тобіа Клеттербекъ вполнѣ правильно разсчитывалъ, что чѣмъ дольше онъ удержитъ въ своихъ рукахъ свой козырь, тѣмъ большую взятку ему удастся получить, а, главное, съ тѣмъ большею ловкостью, такъ какъ препятствіе, возникающее въ послѣдній моментъ, всегда является наиболѣе ужаснымъ. На этотъ разъ оказалось, что онъ сдѣлалъ свой ходъ какъ разъ въ самый послѣдній моментъ, когда имѣлъ еще кое-какое значеніе, такъ какъ два дня спустя послѣ его свиданія съ главою фирмы Гирдльстонъ и К°

распространился слухъ объ открытіи новыхъ алмазныхъ копей въ горахъ Урала. Первое извѣстіе объ этомъ было получено «Центральнымъ Освѣдомительнымъ Агентствомъ», въ видѣ слѣдующей телеграммы.

Москва, 22-го августа. — Сообщаютъ изъ Тобольска, что въ отрогахъ Уральскихъ горъ найдены чрезвычайно значительныя алмазныя копи, не особенно далеко отъ вышеупомянутаго города. Утверждаютъ, что честь этого открытія принадлежитъ одному англійскому геологу, который предъявилъ властямъ г. Тобольска значительное количество великолѣпныхъ самородковъ, въ подтвержденіе своего открытія. Камни эти были подвергнуты экспертизѣ въ Тобольскѣ и признаны свѣдущими людьми за экземпляры, равные, если не превосходящіе по своей цѣнности алмазы другихъ, въ томъ числѣ и южно-африканскихъ, копей. Образуется уже компанія для разработки этихъ новыхъ копей».

Нѣсколько дней спустя появилась и телеграмма Агентства Рейтеръ, дававшая болѣе подробный отчетъ.

— «Что касается алмазныхъ копей близъ Тобольска,— говорилось въ ней,—то есть полное вѣроятіе думать, что это чрезвычайно богатыя копи, быть можетъ, даже—богатѣйшія изъ всѣхъ до сего времени существующихъ. Относительно же достовѣрности ихъ теперь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ извѣстно, что открылъ ихъ англійскій джентльменъ, человѣкъ весьма состоятельный, высокообразованный и вполнѣ порядочный, заслуживающій всякаго довѣрія. Разсказы его подтверждаются и показаніями мѣстныхъ жителей, изъ которыхъ многіе были очевидцами его счастливой находки. Правительство намѣрено забрать въ свои руки копи и выгодно эксплоатировать ихъ принудительнымъ трудомъ политическихъ ссыльныхъ или каторжанъ. Это новое открытіе, повидимому, чрезвычайно подниметъ благосостояніе страны, и есть слухъ, что русское правительство собирается высказать особую свою признательность тому энергичному ученому и путешественнику, которому оно обязано этимъ важнымъ открытіемъ».

Недѣлю или дней десять спустя послѣ полученія въ Лондонѣ этихъ телеграммъ получились письма изъ Россіи, отъ корреспондентовъ различныхъ газетъ и журналовъ, гдѣ заключались новыя подробности объ этомъ вопросѣ чрезвычайной

важности для большинства финансовыхъ людей. «Times» посвятилъ этому вопросу цѣлую статью.

«Повидимому»,—писала эта крупная газета,—эти алмазныя копи являются очень важнымъ увеличенiемъ минеральныхъ богатствъ Россiйской Имперiи. Серебряные рудники Сибири и нефтяныя богатства Кавказа блѣднѣютъ передъ богатствомъ новыхъ алмазныхъ копей въ горахъ Урала. Сколько тысячелѣтiй этотъ кристализованный уголь лежалъ безъ вниманiя среди ущелiй этихъ горъ, ожидая руки человѣка, который бы разыскалъ и нашелъ ихъ! Это счастье, счастье указать русскому народу на нетронутыя имъ богатства его суровой родины, выпало на долю одного нашего соотечественника. Это чисто романическая исторiя! Какъ видно, мистеръ Лангворси, весьма состоятельный англичанинъ, изъ хорошей, родовитой семьи, во время своего путешествiя по Россiи, продолжалъ свою экскурсiю вплоть до Урала, этой прекрасной цѣпи горъ, служащей естественною границей между Европой и Азiей. Будучи страстнымъ любителемъ охоты, онъ случайно забрелъ въ поискахъ дичи въ одну изъ горныхъ долинъ, и здѣсь его вниманiе было привлечено крупнымъ гравiемъ, взрытымъ на весьма значительномъ протяженiи вдоль теченiя пересохшей горной рѣчки. Видъ этого взрытаго песка и общiй характеръ мѣстности почему-то живо напомнили ему алмазныя копи Южной Африки, которыя онъ посѣтилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Впечатлѣнiе было на столько сильно, что онъ тутъ же отложилъ въ сторону свое ружье и принялся руками разрывать рыхлый песокъ. Вскорѣ его труды увѣнчались успѣхомъ: ему посчастливилось найти нѣсколько камней, которые онъ принесъ съ собою домой и которые, послѣ того, какъ онъ очистилъ и промылъ, оказались алмазами чистѣйшей воды. Восхищенный и пораженный своею находкой, онъ на другой день вернулся на это мѣсто съ лопатой, и ему снова удалось найти нѣсколько прекраснѣйшихъ камней, при чемъ онъ убѣдился, что залежи ихъ тянутся на значительное протяженiе по обѣ стороны изсохшаго потока. Убѣдившись въ этомъ, нашъ уважаемый соотечественникъ отправился въ Тобольскъ, гдѣ предъявилъ найденные имъ камни нѣсколькимъ богатѣйшимъ мѣстнымъ купцамъ и предложилъ имъ образовать компанiю для разработки этихъ копей. Предложенiе его имѣло такой успѣхъ, что уже въ настоящее время

всѣ паи компаніи раскуплены и стоятъ много выше своей первоначальной стоимости; нашъ корреспондентъ сообщаетъ, что произошелъ положительный наплывъ капиталистовъ, желавшихъ вложить свои деньги въ столь прибыльное дѣло. Ожидается, что не далѣе, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ участки будутъ разбиты, всѣ планы утверждены, и это крупное предпріятіе будетъ въ полномъ ходу!

Daily Telegraph разсматривалъ этотъ вопросъ съ исторической точки зрѣнія.

«Долгое время для знатоковъ старой древности и для геологовъ являлось неразрѣшимою загадкой»,—писалось въ этомъ почтенномъ органѣ,—откуда происходили тѣ драгоцѣнные алмазы, которые царь Соломонъ привезъ съ собой съ запада, а также не мало различныхъ предположеній высказывалось и о тѣхъ великолѣпныхъ алмазахъ, которые находятся у индѣйскихъ магараджей и во дворцахъ Дэли и Бенареса. Мы, англичане, особенно можемъ считать себя заинтересованными въ этомъ вопросѣ, такъ какъ великолѣпнѣйшій и крупнѣйшій въ мірѣ, изъ нынѣ извѣстныхъ намъ алмазовъ, находится въ Англійской Коронѣ. Мистеръ Лангворси пролилъ свѣтъ на этотъ интересный вопросъ: согласно его изысканіямъ, всѣ эти неизвѣстнаго происхожденія сокровища были извлечены изъ нѣдръ дикихъ ущелій и долинъ среди горъ, воздвигнутыхъ Провидѣніемъ на грани древней, восточной цивилизаціи и новой, западной. И мнѣніе мистера Лангворси основано не на одной теоріи: онъ подтверждаетъ свои предположенія десятками великолѣпнѣйшихъ камней, найденныхъ имъ въ этихъ пустынныхъ и дикихъ горныхъ долинахъ Уральскаго хребта.

Этотъ англійскій туристъ, словно добрый геній, спустился къ этимъ сонливымъ русскимъ людямъ и указалъ имъ на тѣ несмѣтныя богатства, которыя столько вѣковъ лежали у ихъ ногъ, и съ присущей нашей націи энергіей указалъ имъ одновременно, какимъ образомъ извлечь изъ этого открытія громадную доходную статью. Если копи эти окажутся столь богатыми, какъ есть основаніе предполагать, то весьма возможно, что наши потомки станутъ носить отшлифованные алмазы въ своихъ монокляхъ и дивиться тому, что въ наше время люди были настолько наивными, что почитали кристаллизованный уголь за наилучшій и цѣннѣйшій продуктъ природы».

Заурядный англійскій отецъ семейства, читая эти строки въ своей утренней газетѣ, вѣроятно, не долго задумывался надъ этой статьей, но среди дѣловыхъ людей въ Сити, значеніе ея было сразу оцѣнено по достоинству: она не только породила величайшій ужасъ среди всѣхъ лицъ, сколько-нибудь прикосновенныхъ къ алмазному дѣлу, но даже имѣла свое воздѣйствіе и на всѣ остальныя отрасли южно-африканской торговли. На биржѣ только объ этомъ и говорили, строя безчисленныя предположенія относительно того, какое впечатлѣніе произведутъ эти вѣсти въ алмазныхъ копяхъ Африки. Фуггеръ, лондонскій алмазный король, стоялъ и обсуждалъ этотъ вопросъ, когда къ нему подошелъ, вѣрнѣе, подбѣжалъ маленькій человѣчекъ, чрезвычайно взволнованный, можно даже сказать, напуганный; онъ скупалъ алмазы и какъ разъ въ послѣдніе дни пріобрѣлъ ихъ на значительную сумму, въ разсчетѣ на повышеніе ихъ въ цѣнѣ.

— Мистеръ Фуггеръ! — воскликнулъ онъ, — вы именно тотъ человѣкъ, кого мнѣ нужно! Боже мой, что съ нами будетъ! Что будетъ съ алмазнымъ дѣломъ, когда ихъ можно будетъ подбирать, какъ ракушки на морскомъ берегу!

— Надо выждать, когда намъ станутъ извѣстны ближайшія подробности!—проговорилъ флегматически крупный финансистъ, состояніе котораго было на столько велико, что сенсаціонное извѣстіе не особенно задѣвало его.

— Вы говорите, подробности! Да все это сплошь одни подробности!—воскликнулъ жидокъ.—Всѣ газеты полны ими. Я бы отъ души желалъ, чтобы этотъ Лангворси сломалъ себѣ шею въ этихъ Уральскихъ горахъ прежде, чѣмъ добраться до этихъ алмазовъ! И какое ему было дѣло пойти рыться въ этомъ пескѣ и шарить по всѣмъ этимъ мѣстамъ! Ни одинъ путный человѣкъ никогда не подумалъ бы отправиться въ Уральскія горы!!

— Да, вѣдь, это вамъ не повредитъ!—замѣтилъ Фуггеръ,—вамъ просто-на-просто придется теперь дешевле платить за камни и соотвѣтственно продавать дешевле послѣ шлифовки; въ общемъ это почти не составитъ никакой разницы!

— Въ самомъ дѣлѣ! О, Іегова, да какъ же это возможно, когда у меня сейчасъ свыше ста камней на рукахъ? Что мнѣ дѣлать съ ними?

— Аа, да, это штука не важная, конечно! На этомъ вамъ придется потерять кое-что!

— Не купите-ли вы ихъ у меня, мистеръ Фуггеръ?—заискивающе спросилъ еврей.—Можетъ быть, вся эта исторія еще окажется вымысломъ! Лопни мои глаза! Я платилъ за нихъ три тысячи фунтовъ, а уступлю вамъ за двѣ! Сдѣлаемъ это маленькое дѣльце, мистеръ Фуггеръ, ладно!?

— Нѣтъ, благодарю васъ, я больше не покупаю!—рѣшительно заявилъ мистеръ Фуггеръ.—Что же касается того, что все это можетъ оказаться басней, то я долженъ вамъ сказать, что вчера телеграфировалъ въ Роттердамъ, и они выслали оттуда вѣрнаго человѣка въ Россію; но, вѣроятно, пройдетъ нѣсколько недѣль прежде, чѣмъ мы услышимъ что нибудь о немъ!

— А вотъ и мистеръ Гирдльстонъ, великій мистеръ Гирдльстонъ!—воскликнулъ Гольдсмитъ, замѣтивъ въ толпѣ уважаемаго всѣми каммерсанта изъ Фенчерчъ—Стрита.—Ахъ, мистеръ Гирдльстонъ, я пріобрѣлъ алмазовъ на три тысячи фунтовъ, но отдамъ вамъ за двѣ тысячи;—мы сейчасъ же можемъ взять ихъ!

— Не приставайте ко мнѣ, пожалуйста!—проговорилъ Гирдльстонъ, отстраняя маленькаго еврейчика своей длинной костлявой рукой.—Можете вы удѣлить мнѣ минутку разговора, Фуггеръ?—обратился онъ къ алмазному королю.

— Безъ сомнѣнія!—отозвался тотъ.—Гирдльстона всѣ знали, и онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и большимъ почетомъ среди биржевиковъ.

— Что вы скажете объ этомъ сообщеніи?—обратился онъ къ Фуггеру конфиденціальнымъ тономъ.—Какъ вамъ кажется, можетъ это повліять на пониженіе цѣнъ въ Южной Африкѣ?

— Повліять на цѣны въ Африкѣ! Да помилуйте, дорогой сэръ, вѣдь, если это извѣстіе окажется справедливымъ,—такъ оно грозитъ совершенно раззорить африканскія алмазныя копи.—Одно это извѣстіе можетъ понизить цѣны на 50%!

— Неужели такъ сильно!—удивился старикъ Гирдльстонъ.—Меня это, видите ли, безпокоитъ изъ-за моего сына, который теперь тамъ. Это была его фантазія—непремѣнно поѣхать туда.—Ну, я и отпустилъ его, а теперь и опасаюсь, какъ бы онъ тамъ не попался, какъ бы его не обошли...

— Скорѣе онъ другихъ обойдетъ!—довольно рѣзко возразилъ Фуггеръ:—онъ встрѣчался съ Эзрой Гирдльстономъ не

разъ, и въ дѣловыхъ вопросахъ этотъ молодой человѣкъ всякій разъ непріятно поражалъ его своей удивительной проницательностью и сообразительностью.

— Бѣдный мальчикъ,—продолжалъ его отецъ, какъ будто не слыша замѣчанія своего собесѣдника,—онъ еще такъ молодъ и неопытенъ. Надѣюсь, съ нимъ не случится ничего непріятнаго!—онъ печально покачалъ головой и тихонько побрелъ домой, но сердце его было преисполнено радостью: теперь старикъ былъ вполнѣ увѣренъ, что это сообщеніе повліяетъ на цѣны въ Африкѣ, какъ онъ и ожидалъ, и фирма Гирдльстонъ и К° наживетъ, благодаря этому, крупные барыши отъ этой спекуляціи.

XX. Мистеръ О'Флахерти находитъ кое-что въ газетахъ.

Эзра Гирдльстонъ поселился въ двухъ большихъ комнатахъ въ Центральной Гостинницѣ въ Кимберлеѣ и успѣлъ уже пріобрѣсти извѣстную репутацію въ городѣ любезностью обращенія и роскошными пирами, которыми онъ угощалъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ въ городѣ. Личныя же его физическія качества, сила и красота пріобрѣли ему, если не сердца, то во всякомъ случаѣ уваженіе, какое обыкновенно внушаютъ они людямъ низшихъ классовъ. Красивый молодой лондонскій коммерсантъ привлекалъ къ себѣ вообще расположеніе и вниманіе въ такой мѣрѣ, что возбуждалъ зависть цѣлаго племени пожилыхъ евревъ, которые до того пользовались, можно сказать, монополіей торговли. Ему же удалось пріобрѣсти популярность и извѣстность, и его имя знали во всѣхъ участкахъ, гдѣ производились раскопки, начиная съ Вальдекъ-Пуэнта до Кавудсъ-Хона. Избравъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ Кимберлей, Эзра постоянно совершалъ поѣздки по всѣмъ участкамъ раскопокъ и все время мысленно удивлялся, почему до сего времени не доходило ни малѣйшихъ слуховъ объ ожидаемомъ имъ изъ Англіи извѣстіи.

Въ одинъ изъ свѣтлыхъ солнечныхъ дней онъ только что возвратился изъ далекой поѣздки и послѣ обѣда отправился бродить по улицамъ съ сигарой во рту. Это было 23-е октября. Эзра уже болѣе 10 недѣль находился въ Африкѣ; онъ сталъ здѣсь отпускать бороду, но во всемъ остальномъ остался тѣмъ же, какимъ мы его видѣли въ Лондонѣ, развѣ только загаръ отъ южнаго солнца наложилъ на его смуглое лицо еще боль-

шій отпечатокъ цвѣтущаго здоровья и мужественной красоты. Видимо, жизнь на пріискахъ шла ему въ пользу.

Въ то время, какъ онъ проходилъ по улицѣ Стокдаль, мимо него прошелъ человѣкъ, ведшій подъ узцы двухъ лошадей замученныхъ, въ пыли, за нимъ шелъ другой человѣкъ съ другою парой такихъ же замученныхъ лошадей, а позади—еще третій, съ третьей парой лошадей. Ихъ проваживали, чтобы потомъ отвести въ конюшню.

— Халло!—крикнулъ Эзра.—Что это значитъ? Откуда эти лошади?

— Только что прибыла почта!—отвѣтилъ одинъ изъ людей.

— Почта изъ Каптоуна?

— Да.

Эзра ускорилъ шагъ и, дойдя до конца улицы Стокдаль, свернулъ въ Главную Улицу, которая, какъ уже видно изъ самого названія, была главная, а потому и самая лучшая и самая модная улица города. Онъ вышелъ на нее у самой редакціи «Vaal River Advertiser» и «Diamand Field Gazette». У дверей уже стояла толпа. Это «Vaal River Advertiser» была скверная, неумѣло веденная газета, печатавшаяся на плохой бумагѣ, но продавалась здѣсь по 6 пенсовъ (24 коп.) за №-ръ, а за объявленіе брала отъ 7 шилл. до 1 фунта (отъ 3 до 9 рубл). Въ данное время издателемъ ея былъ нѣкій мистеръ Гекторъ О'Флахерти, раньше бывшій дантистомъ, затѣмъ клеркомъ, потомъ—бакалейнымъ торговцемъ и живописцемъ вывѣсокъ; потерпѣвъ неудачу во всѣхъ этихъ профессіяхъ, онъ рѣшилъ приняться за изданіе газеты, считая это занятіе за самое легкое и наиболѣе выгодное. Дѣйствительно, въ томъ видѣ, какъ это дѣлалось мистеромъ О'Флахерти, изданіе и редактированіе газеты было самымъ простымъ дѣломъ. Получивъ въ понедѣльникъ съ почтою нѣсколько №№-овъ Лондонскихъ газетъ за два истекшихъ мѣсяца, онъ проводилъ весь вторникъ въ вырѣзываніи изъ нихъ всего, что казалось болѣе или подходящимъ. Въ среду шла непечатная ругань: это хозяинъ подбодрялъ трехъ несчастныхъ негровъ, составлявшихъ наборъ и печатавшихъ газету, а въ четвергъ появлялся на свѣтъ новый № Vaal River Advertiser'а и Diamand Field Gazette'ы; остальные три дня недѣли посвящились пьянству. Но къ понедѣльнику г. редакторъ былъ снова въ полной исправности и, кромѣ содовой воды и лимонада, не пилъ ничего.

Очень рѣдко случалось, чтобы «Advertiser» возбуждалъ въ

комъ нибудь особенный интересъ, а тѣмъ болѣе такой, чтобы у дверей редакціи собиралась толпа. Сердце Эзры забилось шибче при видѣ этого стеченія людей, но онъ собрался съ духомъ, какъ скакунъ, подходящій къ столбу. Бросивъ свою сигару, онъ вмѣшался въ толпу и присоединился къ небольшой группѣ лицъ, толпившейся около редакціи.

— Что это за событіе?—шутливо освѣдомился онъ.

— Новости получены съ этой почтой, важныя новости!—сказалъ кто-то изъ стоявшихъ ближе къ нему.

— Какія же,—спросилъ онъ,—можно узнать?

— Да развѣ вы еще не знаете?

— Кто говоритъ про новости, про важныя извѣстія?

— Драйверъ!

— Да гдѣ же онъ?

— Не знаю!

— Кто же знаетъ объ этомъ?

— О'Флахтери, навѣрное, знаетъ!

И вотъ всѣ разомъ стали вызывать О'Флахерти. Гнѣвнаго вида господинъ, съ краснымъ, пятнистымъ лицомъ и всколоченными волосами появился въ дверяхъ редакціи.

— Ну, кой чортъ вамъ здѣсь нужно?—зарычалъ онъ, потрясая гусинымъ перомъ надъ головой. Чего вы отъ меня хотите? Развѣ нѣтъ у васъ другого дѣла, какъ толпиться у входа въ почтенную редакцію?!

— Какія новости?—закричало нѣсколько голосовъ.

— Такъ вамъ новости?—зарычалъ снова О'Флахерти, еще болѣе свирѣпѣя.—А развѣ вы не можете сообразить, что уплативъ по 6 пенсовъ, каждый изъ васъ можетъ получить нашу газету... Вѣдь это такая газета, которая могла бы заткнуть за поясъ всѣ эти лондонскіе «Telergraph» и «Chronicles», если-бы только она выходила въ Лондонѣ. А вы, вмѣсто того, чтобы оказывать поддержку мѣстному таланту, проводите время въ томъ, что стоите у его дверей на улицѣ и хотите выжать изъ него новость даромъ!

— Слушай ты, парень,—закричалъ грубаго вида диггеръ въ первыхъ рядахъ толпы,—если хочешь сохранить волосы на своей головѣ, то не будь непомѣрно щедръ на обидныя слова, не то смотри... Мы слышали, что сегодня есть важныя новости, и хотимъ знать ихъ, но вовсе не думаемъ получить ихъ даромъ. Если каждый изъ насъ уплатитъ тебѣ по 6 пен-

совъ за твою новость, то все равно ты безъ убытка можешь сообщить намъ ее!

О'Флахерти съ минуту раздумывалъ, затѣмъ проговорилъ:

— Это стоитъ дороже—по шиллингу съ человѣка (по 48 коп.), такъ какъ вся новость полетитъ къ чорту, если я ради васъ выпущу ее раньше срока; изъ-за этого и газета моя не пойдетъ въ обращеніе. Понимаете?

— Ладно! Мы за этимъ не постоимъ!—сказалъ диггеръ,— не такъ ли, братцы?

По толпѣ пронесся гомонъ согласія, и широкополая шляпа стала обходить присутствующихъ,—и каждый кидалъ въ нее свой шиллингъ. Шляпа вернулась къ О'Флахерти, до половины наполненная серебряными монетами; никогда еще «Advertiser» не имѣлъ такого распространенія, такъ какъ, пока шли эти переговоры, толпа все увеличивалась и возросла до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

— Благодарю васъ, джентльмены!—вѣжливо произнесъ издатель, принимая шляпу и все ея содержимое.

— Ну, а новости-то?—заорала съ нетерпѣніемъ толпа.

— Но я еще не открывалъ и пакета съ почты! Вотъ при васъ вскрою и прочитаю вамъ новость, которую вы хотите знать. Эй, ты, Билли! Ахъ, ты, дьявольское отродье, гдѣ пакетъ-то съ почты?

Тотъ, къ кому обращались эти любезныя слова, ловкій и проворный маленькій кафръ, выбѣжалъ изъ конторы съ тяжелымъ пакетомъ, обернутымъ въ грубый коричневый холстъ,— и О'Флахерти принялся его вертѣть да разглядывать со всѣхъ сторонъ, вызывая этимъ промедленіемъ громкую ругань и проклятія.

— Вотъ «Standart», а вотъ—«Times»,—говорилъ онъ, передавая кафру одну за другой газеты. — Вѣдь, вотъ никто изъ васъ не знаетъ, сколько расхода требуетъ такая большая газета и сколько приходится утруждать свой мозгъ, а прибыли никакой въ концѣ концовъ!—Если бы вы были настоящіе люди, то каждый изъ васъ печаталъ бы у меня по объявленію, хотя даже безъ всякой надобности, только для поддержанія литературы. А вотъ и «Cape-Argus», здѣсь, навѣрное, и есть та новость, которую вы хотите узнать»!

Затѣмъ онъ медленно и глубокомысленно насадилъ себѣ на носъ уродливыя очки, развернулъ газету, откашлялся, чтобы прочистить голосъ, и съ торжественностью, присущей очень

многимъ людямъ, когда они принимаются читать вслухъ, началъ:

— Оспа въ Виллингтонѣ!... Это, конечно, не то, не правда-ли!... Германія и Ватиканъ... Таможенныя дѣла въ Портъ-Елизаветѣ... Вторженіе русскихъ въ Центральную Азію... и Ага!... Не это ли... Открытіе новыхъ алмазныхъ копей?

— Это, это и есть!—заревѣла толпа.—Читайте объ этомъ! Мы хотимъ знать!—Голоса этихъ людей звучали теперь тревожно, и лица стали озабочены; всѣ они точно впились глазами въ чтеца, стоявшаго на верхней ступенькѣ крыльца.

— Алмазныя копи открыты въ Россіи, читалъ О'Флахерти,—которыя, какъ конфиденціально сообщаютъ, превосходятъ своимъ богатствомъ всѣ существовавшія донынѣ. Предполагаютъ, что это открытіе, если оно подтвердится, будетъ имѣть самое пагубное вліяніе на алмазное дѣло въ Африкѣ!—Это выдержка изъ Лондонскихъ новостей въ Argus'ѣ—пояснилъ О'Флахерти.

Цѣлый рядъ восклицаній и комментарій послышался изъ взволнованной толпы.—Не сказано-ли тамъ еще чего-нибудь объ этомъ?—закричали снова нѣсколько голосовъ.

— Вотъ позднѣйшая газета!—сказалъ маленькій кафръ, усердно просматривавшій числа на заголовкѣ разныхъ газетъ.

О'Флахерти раскрылъ поданный ему номеръ и невольно свистнулъ отъ недоумѣнія.

— Ну, джентльмены, здѣсь вполнѣ достаточно, чтобы удовлетворить ваше любопытство!—произнесъ онъ. Все это проставлено крупнымъ шрифтомъ и занимаетъ чуть не весь листъ этой газеты! Я могу прочесть вамъ только то, что стоитъ въ заголовкѣ, такъ какъ намъ пора приниматься за работу, чтобы выпустить отдѣльные оттиски спеціально этой статьи—въ нихъ вы найдете всѣ подробности. Они появятся черезъ нѣсколько часовъ... Посмотрите только, сколько это надѣлало шума! При этомъ уважаемый издатель Advertiser'а показалъ толпѣ длинный рядъ строкъ, набранныхъ крупнымъ шрифтомъ:

РУССКІЯ АЛМАЗНЫЯ КОПИ.
НЕОБЫЧАЙНОЕ ОТКРЫТІЕ, СДѢЛАННОЕ АНГЛИЧАНИНОМЪ.
ГРОЗЯЩЕЕ ГИБЕЛЬЮ АЛМАЗНЫМЪ КОПЯМЪ КАПА.
ГРОМАДНОЕ ПАДЕНІЕ ЦѢНЪ.
МНѢНІЕ ЛОНДОНСКОЙ ПРЕССЫ.
ПОЛНЫЯ ПОДРОБНОСТИ.

— Ну, что вы скажете на это!?—возгласилъ въ заключеніе О'Флахерти съ такимъ видомъ, словно онъ изобрѣлъ эту новость.—А теперь мнѣ пора приниматься за работу, и вскорѣ вы всѣ узнаете всѣ интересныя для васъ подробности черезъ посредство моей газеты. Вы должны были бы благодарить небо за то, что среди васъ есть человѣкъ, который можетъ сообщить вамъ самыя послѣднія новости! Добрый вечеръ, господа!—съ этими словами О'Флахерти повернулся и исчезъ за дверями своей конторы, вмѣстѣ со шляпой, до половины наполненной шиллингами.

Толпа разбилась на мелкія взволнованныя и оживленно жеспикулировавшія группы, которыя стали расходиться въ разныя стороны. Эзра Гирдльстонъ подождалъ, пока всѣ разошлись, и затѣмъ рѣшительнымъ шагомъ вошелъ въ контору редакціи «Advertiser'a».

— Ну, что еще?—сердито спросилъ О'Флахерти, такъ какъ это былъ хронически раздраженный человѣкъ.

— Есть у васъ дубликатъ этого номера газеты?—спросилъ Эзра, не обращая вниманія на его тонъ.

— Допустимъ, что есть! Что жъ изъ того?

— За сколько вы согласитесь продать его?

— А сколько вы дадите?

— Полъ золотого!

— Нѣтъ, цѣлый!

— Согласенъ!—сказалъ Эзра и вышелъ изъ редакціи со всѣми подробностями великаго событія въ карманѣ. Вернувшись въ свою гостинницу, онъ внимательно прочелъ все, что касалось интересовавшаго его вопроса и, повидимому, остался доволенъ, такъ какъ долго смѣялся подавленнымъ, внутреннимъ смѣхомъ. Дочитавъ газету, онъ сложилъ ее, положилъ въ карманъ и, приказавъ осѣдлать лошадь, отправился въ сосѣдній городокъ Дютуатспэнъ съ цѣлью разнести тамъ эту вѣсть.

Чтобы скакать туда, на ночь глядя, у Эзры Гирдльстона было двѣ причины: одна изъ нихъ была желаніе увидѣть своими собственными глазами дѣйствіе, производимое этой вѣстью на практиковъ дѣла,—другая же—жажда насладиться той радостью, какую испытываетъ всякій дурной человѣкъ, сообщая дурныя вѣсти. Было основаніе думать, что въ городкѣ ужъ знали кое что объ этомъ, но никто не могъ знать подробностей. Никто лучше Эзры Гирдльстона не зналъ, что это извѣстіе повлечетъ

за собою настоящее раззореніе и гибель многихъ мелкихъ капиталистовъ, что оно сокрушитъ тысячи свѣтлыхъ надеждъ и станетъ предвѣстникомъ бѣдности, быть можетъ, нищеты для многихъ изъ тѣхъ людей, съ которыми онъ теперь водилъ дружбу. Несмотря на это, сердце его билось радостнымъ чувствомъ торжества, также какъ и сердце его отца тамъ, въ Лондонѣ. И пришпоривая коня среди ночной темноты въ дикой равнинѣ, онъ едва могъ удержаться, чтобы не кричать и не выть отъ радости.

Путь отъ Кимберлея до Дютуагспэна былъ довольно трудный; луна взошла, и потому молодой Гирдльстонъ не сбивался съ дороги, и продолжалъ свою ночную скачку.

Когда онъ достигъ вершины низкаго холма, черезъ который пролегала дорога,—то увидѣлъ огоньки городка, мигавшіе внизу въ долинѣ. Было уже 10 часовъ вечера, когда онъ въѣхалъ въ главныя ворота города и легкой рысью поскакалъ по главной улицѣ. Съ перваго же взгляда онъ убѣдился, что вѣсти дошли сюда, какъ онъ и ожидалъ, раньше него. Передъ Грикуаландъ-Салономъ собралась большая толпа минеровъ (владѣльцевъ отдѣльныхъ участковъ), и всѣ говорили возбужденно, съ взволнованными лицами и порывистыми движеніями. Свѣтъ факеловъ освѣщалъ мощныя фигуры, яркія рубахи и мрачныя, бородатыя лица. Казалось, все мѣстное населеніе собралось сюда, чтобы обсудить положеніе; по всему было видно, что они относились къ нему серьезно; всѣ были не на шутку встревожены.

Въ тотъ моментъ, когда молодой человѣкъ соскочилъ съ коня и вмѣшался въ толпу, его разомъ окружили со всѣхъ сторонъ; отовсюду посыпались разспросы.

— Вы сейчасъ изъ Кимберлея? Скажите, что въ этомъ слухѣ правды?—Мы хотѣли бы знать правду, мистеръ Гирдльстонъ!

— Дѣло плохо, друзья!—отозвался онъ, окинувъ взглядомъ десятки встревоженныхъ лицъ.—Я только что прочелъ подробный отчетъ обо всемъ этомъ въ «Cape-Argus». Они наткнулись тамъ, въ Россіи, на богатыя копи. Повидимому, это не подлежитъ никакому сомнѣнію!...

— Какъ вы полагаете, неужели это такъ сильно понизитъ цѣны здѣсь, у насъ?

— Боюсь, что сильно понизитъ, по крайней мѣрѣ такъ говорятъ. У меня самого въ настоящее время набралось порядоч-

ное количество камней, и я радъ былъ бы отдѣлаться отъ нихъ, за какую угодно цѣну. Боюсь, что самая разработка вашихъ участковъ едва ли будетъ теперь окупаться!

— Но въ такомъ случаѣ и цѣны на участки тоже понизятся!

— Ну, конечно!

— Эй, мистеръ, что это вы тутъ говорите?—закричалъ маленькій всклокоченный человѣкъ, растеряннаго вида, съ блуждающими, испуганными глазами, теребя Гирдльстона за рукавъ, чтобы привлечь его вниманіе.—Вы сказали, что цѣны на участки понизятся? Почему?—Что изъ того, что тамъ, гдѣ-то въ Россіи, случилось? Неужели у насъ здѣсь все вдругъ должно пойти прахомъ! Гдѣ же тутъ смыслъ, товарищи? И онъ оглядывался кругомъ, словно ища поддержки и смѣясь нервнымъ, дѣланнымъ смѣхомъ.

— А вы попробуйте! — проговорилъ холодно и пренебрежительно Эзра.—Если вамъ дадутъ одну треть того, что вы дали за свой участокъ, такъ вы можете считать себя счастливымъ! Вѣдь, не думаете же вы, въ самомъ дѣлѣ, что мы здѣсь добываемъ алмазы для домашняго потребленія. Они нужны здѣсь для экспорта въ Европу! Ну, а если въ Европѣ все будетъ забито русскими алмазами, то куда мы будемъ сбывать наши, гдѣ найдемъ себѣ рынокъ?

— Вотъ то-то и есть! — крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Если хотите послушать моего совѣта,—продолжалъ Эзра, то поспѣшите продать все, что имѣете, какъ бы дешево ни было, такъ какъ можетъ придти время, когда за нихъ ничего не дадутъ.

— Нѣтъ, вы только посмотрите!—воскликнулъ маленькій человѣкъ, проводя рукой по глазамъ и оставляя поперекъ лица широкую грязную полосу отъ своихъ пальцевъ,—меня прозвали «несчастливцемъ» и несчастливцемъ я, вѣрно, останусь до конца своихъ дней! Я и Самми Вокеръ вложили все до послѣдняго гроша въ этотъ участокъ, трудовые гроши 9-лѣтъ неустаннаго труда.—И вотъ являетесь вы и читаете намъ, ни мало не волнуясь, что все это пошло прахомъ и намъ остается только проститься не только съ барышами, но и съ нашими трудовыми грошами!

— Что подѣлаешь?! Не вы одинъ пострадаете; вмѣстѣ съ вами пострадаютъ и другіе!—проговорилъ кто-то въ толпѣ.

— Я полагаю, что всѣхъ насъ это ударитъ по карману, и не на шутку!—замѣтилъ другой.

— Да,—но я то ужъ усталъ страдать!—сказалъ маленькій человѣкъ надломленнымъ голосомъ.—Вѣдь, это уже не въ первый разъ и не второй. Счастье всякій разъ оставляетъ меня въ дуракахъ. Да!... Право, я усталъ...

— Полно, пойдемъ, выпьемъ водки!—произнесъ какой-то грубый, но сочувственный голосъ въ толпѣ,—и кто-то потащилъ несчастливца въ гостепріимно раскрытую дверь Грикуаландъ-Салона.

Но въ эту ночь даже спиртные напитки утратили свою могущественную силу, и все населеніе маленькаго городка казалось убитымъ и пришибленнымъ. И не только населеніе этого городка, но и всѣхъ остальныхъ поселковъ «минеровъ» или «диггеровъ», куда только проникала страшная вѣсть, разносившаяся съ изумительной быстротой изъ поселка въ поселокъ. Въ одиннадцать часовъ объ этомъ знали въ Клиндрифтѣ; въ четверть второго въ Гербонѣ, въ три утра уже всѣ были на ногахъ въ Блюжакэтъ, куда прискакалъ вѣстникъ на взмыленномъ конѣ и всполошилъ всѣхъ жителей отъ мала до велика. А за часъ до разсвѣта въ Дельпортсъ-Хоонѣ собрался комитетъ диггеровъ и сталъ обсуждать настоящее положеніе дѣлъ. Такимъ образомъ въ эту ночь, вдоль всей Waal-River (рѣки Вааль) люди были охвачены горемъ и отчаяніемъ, тогда какъ на разстояніи пяти тысячъ миль отъ нихъ пожилой господинъ, въ умѣ котораго созрѣлъ этотъ адскій планъ, спокойно спалъ въ своей удобной и мягкой постели, нимало не смущаясь тѣмъ горемъ и отчаяніемъ, котораго онъ былъ единственной причиной.

Впрочемъ, быть можетъ, и онъ спалъ бы менѣе спокойно, если бы увидѣлъ то зрѣлище, какое представилось на слѣдующее утро глазамъ его сына.

Эзра почевалъ эту ночь въ хижинѣ одного изъ гостепріимныхъ минеровъ въ Дютуатспенѣ; проснувшись по утру, онъ сталъ одѣваться не торопясь, какъ вдругъ его хозяинъ, вышедшій подышать утреннимъ воздухомъ, просунулъ голову въ окно его комнаты.

— Выходите скорѣй, мистеръ Гирдльстонъ! Посмотрите, что здѣсь дѣлается!—крикнулъ онъ,—одинъ изъ ребятъ видно мертвецки пьянъ, и они волокутъ его!

Эзра натянулъ на себя пиджакъ и выбѣжалъ на улицу. Маленькая группа минеровъ медленно двигалась по главной ули-

цѣ. Эзра и его хозяинъ уже готовили въ умѣ мѣткія и забавныя замѣчанія, подходящія къ случаю, какъ вдругъ ихъ вниманіе было привлечено кровавымъ слѣдомъ, который оставляло за собой это маленькое шествіе. Шутки замерли у нихъ на устахъ, и оба побѣжали впередъ, чтобы разспросить, что случилось.

— Это Джимъ Стювартъ,—сказали несшіе человѣка,—тотъ, кого прозвали «несчастливцемъ».

— Что съ нимъ такое?

— Онъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ. И какъ вы думаете, гдѣ мы его нашли? Какъ разъ посреди его участка; пальцы у него были глубоко зарыты въ песокъ. Онъ былъ уже мертвъ, совсѣмъ мертвъ, когда мы его нашли.

— Несуразный онъ, видно, былъ парень, что такъ сразу и поддался бѣдѣ!—замѣтилъ пріятель Эзры.

— Да,—замѣтилъ крупье Солона,—если бы онъ дождался слѣдующей таліи, то, вѣроятно, имѣлъ бы всѣхъ козырей на рукахъ. Онъ всегда былъ такой кроткій и податливый, этотъ Джимъ;—еще вчера вечеромъ онъ говорилъ мнѣ, что это былъ послѣдній шансъ—увидѣть когда нибудь жену и дѣтокъ тамъ въ Англіи. И чистенько же онъ всадилъ себѣ пулю въ високъ: дырочка совсѣмъ маленькая, аккуратненькая... Желаете посмотрѣть, мистеръ Гирдльстонъ?—и онъ собрался отдернуть платокъ, которымъ было накрыто лицо мертвеца.

Но Эзра въ ужасѣ откинулся назадъ.

— Мистеру Гирдльстону кажется дурно!—проговорилъ кто-то.

— Да,—сказалъ Эзра, блѣдный какъ саванъ.—Это страшно подѣйствовало на меня.—Я бы выпилъ рюмку водки!—и онъ направился въ домъ, внутренно размышляя, какое бы впечатлѣніе произвело это зрѣлище на его отца.

«Я полагаю, что онъ назвалъ бы это долей нашей коммерческой хитрости!»—съ горечью подумалъ Эзра.—Но конечно, взялся за гужъ,—не говори, что недюжъ, а потому мы не должны сворачивать съ своего пути даже и изъ за человѣкоубійства!—Размышляя такимъ образомъ, онъ подкрѣпилъ себя стаканчикомъ водки и сталъ готовиться продолжать начатое дѣло.

XXI. Неожиданный ударъ.

Кризисъ въ алмазныхъ копяхъ Южной Африки превзошелъ даже по своимъ размѣрамъ всѣ ожиданія тѣхъ, кто его задумалъ Ничего подобнаго никогда не было видано здѣсь. Стоимость ал-

мазовъ все падала и падала, понижаясь до того, что тѣ стали продаваться по такой цѣнѣ, которая раньше казалась бы совершенно невозможной; и цѣна на пріисковые участки также упала до смѣшного. Конторы торгующихъ алмазами въ Кимберлеѣ осаждались день и ночь желавшими продать свои камни или свои участки, лишь бы спасти отъ полнаго разоренія хоть кое-какія крохи. Однако, нѣкоторые, болѣе упорные и настойчивые, сохраняли свои камни и продолжали разрабатывать свои участки, все еще надѣясь, что слухъ окажется ложнымъ, и цѣны станутъ со временемъ опять понемногу повышаться. Но, по мѣрѣ того, какъ каждая новая почта изъ Капа приносила лишь подтвержденіе рокового извѣстія, число этихъ упорныхъ работниковъ убывало, вмѣстѣ съ тѣмъ убывала и ихъ увѣренность на лучшее будущее, а между тѣмъ рабочимъ приходилось платить каждую недѣлю. Теперь и сами торговцы уже начинали поддаваться всеобщей паникѣ, и даже самыя заманчивыя предложенія съ трудомъ заставляли ихъ разставаться со своими деньгами. Всюду было горе, нищета и полный застой въ дѣлахъ.

Между тѣмъ Эзра Гирдльстонъ не дремалъ, спѣша воспользоваться созданнымъ имъ и его отцомъ положеніемъ вещей. Но при этомъ онъ былъ слишкомъ уменъ и хитеръ, чтобы дѣлать это замѣтнымъ образомъ и привлечь на себя всеобщее вниманіе. Нѣтъ! Во время своихъ странствованій изъ поселка въ поселокъ онъ случайно сталкивался не разъ съ однимъ опустившимся человѣкомъ, по имени Фаринтошъ, который нѣкогда былъ приходскимъ священникомъ и докторомъ привъ въ Тринити-колледжѣ въ Дублинѣ; это былъ человѣкъ съ легкимъ кошелькомъ и еще больше легкой совѣстью. Дня два спустя послѣ того, какъ пришла роковая вѣсть, Эзра пригласилъ къ себѣ его и провелъ съ нимъ въ бесѣдѣ на верандѣ отеля добрые полтора часа, обсуждая настоящее положеніе вещей.

— Но какъ вы думаете, Фаринтошъ, вѣдь, это можетъ быть и ложная тревога? Не правда ли?

Тотъ утвердительно кивалъ головой: онъ не любилъ лишнихъ словъ.

— А если такъ, то превосходно было бы тѣмъ. кто имѣетъ возможность, скупить камни теперь!

Фаринтошъ снова кивнулъ головой.

— Правда, дѣло кажется совершенно вѣрнымъ,—тѣмъ не менѣе вспомните, сколько вѣрныхъ извѣстій оказывалось въ

концѣ концовъ не вѣрными, это дало мнѣ мысль устроить маленькую спекуляцію. Если я на ней потеряю, это не особенно огорчитъ меня;—за то въ случаѣ успѣха я могу и выиграть. Собственно я пріѣхалъ сюда скорѣе изъ любознательности и желанія отдохнуть отъ дѣлъ, но разъ уже это такъ случилось, такъ почему не попробовать?

— Да, конечно!—согласился Фаринтошъ.

— Видите-ли,—продолжалъ Эзра,—у меня составилась здѣсь репутація человѣка съ большимъ достаткомъ и хорошо освѣдомленнаго относительно того, въ какую сторону дуетъ вѣтеръ. И если бы люди увидѣли, что я скупаю камни, то другіе тотчасъ-же послѣдовали моему примѣру,—и камни опять поднялись бы въ цѣнѣ. И потому я думаю обдѣлать это дѣло черезъ ваше посредство, понимаете? Вы можете выхлопотать привиллегію и потихоньку—по маленьку скупать камни. Покупайте ихъ по возможно низкой цѣнѣ и давайте адресъ на этотъ отель. Когда они доставятъ сюда камни, имъ будетъ уплочено за нихъ по вашему чеку, что будетъ гораздо лучше и безопаснѣе, чѣмъ если бы вы возили деньги съ собой!

На это бывшій священникъ что-то пробормоталъ, изъ чего можно было понять, что онъ вовсе не считалъ это за лучшее, но ничего не отвѣтилъ.

— Вы можете взять себѣ на подмогу еще одного или двухъ человѣкъ,—продолжалъ Эзра,—я уплачу за нихъ. Понятно, если вы будете предлагать за камни больше, чѣмъ я желалъ бы дать за нихъ, то остальное покрывайте изъ собственнаго кармана, это уже не мое дѣло. Но если вы умѣло поведете дѣло, то въ накладѣ не останетесь: я буду удѣлять вамъ извѣстный процентъ; кромѣ того, вы будете получать еженедѣльно приличное вознагражденіе за свои труды!

— Какую сумму желали-бы вы вложить въ это?—спросилъ Фаринтошъ.

— Въ этомъ отношеніи я не скупъ; я люблю дѣлать прилично все, что дѣлаю; я полагаю, что могу положить на это дѣло тысячъ до 30 фунтовъ.

Фаринтошъ былъ до того пораженъ громадностью этой суммы, что невольно откинулся назадъ въ своемъ креслѣ, совершенно недоумѣвая.

— Но, сэръ,—проговорилъ онъ, наконецъ,—вѣдь, за эти деньги въ настоящее время можно скупить всѣ до послѣдняго камни въ этой странѣ!

Эзра разсмѣялся.

— Ну, будемъ скупать, сколько сможемъ,—сказалъ онъ.— Вы, конечно, можете пріобрѣтать и участки, точно также, какъ и камни.

— Такъ что вы мнѣ даете carte-blanche до этой суммы включительно?

— Да, безъ сомнѣнія!

— Прекрасно, я сегодня же начну дѣлать дѣло!—сказалъ Фаринтошъ и взялся за свою широкополую шляпу, очень близко напоминавшую священническія шляпы своихъ прежнихъ сотоварищей, которую онъ продолжалъ носить по старой привычкѣ даже теперь.

Этотъ Фаринтошъ былъ человѣкъ умный и вскорѣ подыскалъ себѣ двухъ вполнѣ подходящихъ и способныхъ помощниковъ. Одинъ былъ морякъ, по имени Бертъ, другой—Вилльямсъ, бѣжавшій съ родины за поддѣльные векселя.

Эти трое молодцовъ работали днемъ и ночью, скупая камни у наиболѣе нуждающихся минеровъ, которые настолько нуждались въ деньгахъ, что готовы были отдавать свои камни совсѣмъ за безцѣнокъ,—и день за днемъ сокровищница Эзры наполнялась все большимъ количествомъ камней, тогда какъ самъ Эзра, повидимому, ничего не предпринималъ, а только по цѣлымъ днямъ курилъ сигары и попивалъ коньякъ съ водой на верандѣ Центральной гостинницы.

Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, онъ становился нѣсколько неспокоенъ относительно того, сколько времени будетъ длиться этотъ обманъ и скоро ли сюда дойдутъ слухи, что эти уральскія копи—мифъ и, хотя, онъ разсчитывалъ во всякомъ случаѣ остаться незаподозрѣннымъ, все же ему хотѣлось уже пуститься въ обратный путь, такъ какъ онъ сознавалъ, что въ томъ случаѣ, если бы истина раскрылась, никому не было бы пощады отъ разсвирѣпѣвшихъ диггеровъ и минеровъ. Въ виду этого онъ предложилъ Фаринтошу поспѣшить съ закупкой камней, и въ какую-нибудь недѣлю этотъ энергичный человѣкъ со своими двумя пособниками сумѣлъ скупить такое громадное количество камней, что изъ 30 тысячъ фунтовъ, ассигнованныхъ на ихъ покупку, оставалась уже совсѣмъ незначительная сумма.

Безъ сомнѣнія, Эзра Гирдльстонъ проявилъ свое умѣніе цѣнить людей по ихъ достоинству, избравъ себѣ въ помощники въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ бывшаго священника, въ которомъ сразу угадалъ умнаго, ловкаго и смышленаго человѣка.

Однако, и такой предусмотрительный человѣкъ здѣсь ошибся въ разсчетѣ: для Фаринтоша было совершенно ясно, что дѣло, задуманное молодымъ Гирдльстономъ, было не совсѣмъ чистое; конечно, онъ допускалъ, что человѣкъ состоятельный и даже богатый способенъ рискнуть какой-нибудь тысячей или двумя фунтовъ на подобную спекуляцію, но даже самъ Ротшильдъ не вложилъ бы въ такое дѣло такую уйму денегъ, не имѣя вѣскаго основанія, что эти деньги принесутъ ему хорошій барышъ. Придя къ этому заключенію, и сопоставивъ въ своемъ умѣ замѣчательное совпаденіе времени появленія сенсаціоннаго извѣщенія изъ Россіи со временемъ случайнаго пребыванія въ этихъ мѣстахъ младшаго представителя фирмы Гирдльстонъ, сообразительный Фаринтошъ весьма близко подошелъ къ истинѣ въ своихъ предположеніяхъ и, дѣлая свое дѣло, въ то же время сталъ строить весьма нежелательныя для молодого Гирдльстона комбинаціи, которыя, наконецъ, вылились у него въ весьма опредѣленную схему, которою онъ рѣшилъ подѣлиться со своими двумя пособниками.

Съ этою цѣлью онъ и его два товарища собрались въ отдѣльномъ кабинетѣ одной третье-разрядной гостинницы. Это была низкая, грязная горница, съ закопченнымъ потолкомъ и густо заплеваннымъ поломъ, съ массивнымъ стариннымъ столомъ по срединѣ. У стола теперь собралась небольшая, но теплая компанія тайныхъ агентовъ Гирдльстона. Фаринтошъ казался нѣсколько задумчивъ, но увѣренъ и самодоволенъ, а двое остальныхъ были молчаливы и смотрѣли на него какъ-то вопросительно, словно ожидая услышать что нибудь интересное. Такъ какъ созвалъ ихъ сюда Фаринтошъ, то они не безъ основанія полагали, что онъ имѣетъ сообщить имъ нѣчто, а пока усердно прикладывались ко стоящей на столѣ бутылкѣ голландскаго джина, выжидая, когда бывшій священникъ заговоритъ.

— Ну, такъ вотъ!—началъ Фаринтошъ, глядя прямо въ глаза своимъ собесѣдникамъ.—Наша пѣсенка, такъ сказать, спѣта; въ насъ больше не нуждаются. Дня черезъ два—три Гирдльстонъ уѣдетъ въ Англію, а у насъ останется только одно воспоминаніе о тѣхъ алмазахъ, которые мы скупали для его милости!

Бертъ и Вилльямсъ сочувственно промычали въ отвѣтъ. Они хорошо зарабатывали благодаря Гирдльстону, а то теперь

на пріискахъ не было почти никакой работы, и близкій конецъ ихъ заработковъ, конечно, не улыбался имъ.

— Да-съ, онъ уѣдетъ,—продолжалъ Фаринтошъ,—и увезетъ съ собой алмазовъ на 30,000 фунтовъ по самой низкой, по невѣроятно низкой оцѣнкѣ, по нормальной же на сумму втрое, даже вчетверо, большую! И все это богатство создали для него мы; такіе бѣдняки, какъ мы, Бертъ, сгребаемъ для богачей своими руками несмѣтныя богатства, а затѣмъ насъ отбрасываютъ въ сторону, какъ ненужную вещь, подобно тому, какъ вы отбрасываете въ дальній уголъ кирку, окончивъ дневную работу. И когда онъ станетъ распродавать тамъ, въ Лондонѣ, и наживать груду денегъ на каждомъ отдѣльномъ камнѣ, то не вспомнитъ о томъ, что тѣ три человѣка, которые помогли ему создать это громадное богатство, дохнутъ съ голода въ этомъ забытомъ углу!

— Развѣ онъ не дастъ намъ чего нибудь на память передъ отъѣздомъ?—сказалъ Бертъ, бывшій морякъ, дикаго вида, волосатый мужчина, съ кирпичнаго цвѣта лицомъ и густыми нависшими бровями.—Неужели онъ ничего не дастъ намъ на память?

— Дастъ онъ вамъ!—съ злой усмѣшкой отозвался Фаринтошъ.—Онъ и такъ говоритъ, что слишкомъ щедро платилъ вамъ за вашу работу!

— Въ самомъ дѣлѣ!—воскликнулъ бывшій морякъ, покраснѣвъ еще гуще и съ силой ударивъ кулакомъ по столу.—Такъ-то онъ говоритъ послѣ нашихъ трудовъ! Ну, еще посмотримъ! Я люблю дѣлать дѣло честно и начистоту: ты мнѣ, а я тебѣ! А этотъ, какъ только дѣло сдѣлано, плюетъ на тѣхъ, кто помогалъ ему! Справедливо ли это?

Вмѣсто отвѣта Фаринтошъ, понизивъ голосъ и наклонясь надъ столомъ, такъ что голова его находилась теперь близко къ головамъ его собесѣдниковъ, сказалъ:

— Никто не знаетъ, что онъ имѣетъ у себя эти камни. Онъ слишкомъ ловокъ и хитеръ, чтобы дать это кому нибудь замѣтить; знаемъ объ этомъ только мы трое...

— А гдѣ они у него хранятся?—спросилъ Вилльямсъ.

— Въ безопасномъ ящикѣ, въ комнатѣ!

— А гдѣ ключъ?

— На его цѣпочкѣ отъ часовъ!

— Нельзя получить оттискъ замка?

— У меня уже есть!

— Тогда я могу сдѣлать ключъ!—торжествующе воскликнулъ Вилльямсъ.

— Это уже сдѣлано!—замѣтилъ Фаринтошъ, вынимая изъ кармана маленькій своеобразнаго вида ключикъ,—этимъ мы откроемъ ящикъ. Слѣпокъ я сдѣлалъ въ то время, какъ разговаривалъ съ нимъ; онъ ничего не подозрѣвалъ даже объ этомъ!

Бывшій морякъ громко и сипло расхохотался.

— Ну, а какъ мы доберемся до ящика? Хорошо бы было отобрать у него камешки, всѣ до чиста! Это будетъ ему наука, что если онъ не по чести поступаетъ, то пусть научится этому, когда имѣетъ дѣло съ такими людьми, какъ мы. Я люблю дѣйствовать на чистоту, напрямикъ. И видитъ Богъ, я научу его!— И онъ снова ударилъ кулакомъ по столу, чтобы придать больше выразительности своимъ словамъ.

— Это не такъ-то легко,—задумчиво проговорилъ Фаринтошъ.—Когда онъ уходитъ, то всегда запираетъ свои комнаты на замокъ, а въ окно влѣзть къ нему никакъ нельзя. Намъ представляется только одна возможность проникнуть къ нему, о которой я уже думалъ. Дѣло въ томъ, что его комнаты расположены нѣсколько въ сторонѣ отъ остальныхъ комнатъ гостиницы; къ нимъ ведетъ галлерея шаговъ въ 10—15,—и вотъ я полагаю, что если мы втроемъ придемъ къ нему какъ нибудь вечеромъ, чтобы пожелать пріятнаго, счастливаго пути передъ отъѣздомъ, и если бы въ это время случилось что нибудь такое, что бы его ошеломило на нѣсколько минутъ, то мы могли бы уйти тихо и спокойно съ камнями и успѣть удалиться прежде даже, чѣмъ онъ успѣетъ поднять тревогу.

— А что же такое можетъ такъ ошеломить его?—спросилъ Вилльямсъ, хилаго, болѣзненнаго вида юноша,—и его блѣдное лицо приняло зеленоватый оттѣнокъ; у него была натура жалкаго, мелкаго преступника.

— Какъ ты думаешь, Бертъ, что бы могло ошеломить его?— спросилъ Фаринтошъ съ многозначительнымъ видомъ своего собесѣдника.

Въ отвѣтъ на это Бертъ коротко и сипло разсмѣялся себѣ въ бороду.

— Это вы можете предоставить мнѣ, товарищъ!—сказалъ онъ.

Вилльямсъ переводилъ недоумѣвающій, испуганный взглядъ

съ одного на другого изъ своихъ собесѣдниковъ, и лицо его стало еще болѣе мертвеннымъ.

— Нѣтъ, въ этомъ я вамъ не товарищъ,—пробормоталъ онъ побѣлѣвшими губами.—Это дѣло пахнетъ висѣлицей; вы его убьете; это вѣрно!

— А, ты не съ нами?!—зарычалъ бывшій морякъ.—Ахъ, ты дохлятина! Неужели ты думаешь, что мы позволимъ тебѣ испортить такое богатое дѣло, какого намъ въ цѣлой жизни больше не дождаться! Нѣтъ, братъ, шалишь!

— Вы можете это сдѣлать и безъ меня!—произнесъ Вилльямсъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Да, для того, чтобы какъ только предложили награду за поимку, ты подоспѣлъ бы со своимъ доносомъ?! Нѣтъ, дружище, мы тебя не выпустимъ! А если ты не хочешь быть съ нами заодно, то я позабочусь, чтобы ты не проговорился!

— Подумайте только о всѣхъ этихъ алмазахъ; вѣдь, это—несмѣтное богатство!—замѣтилъ Фаринтошъ.

— Да подумай и о своей собственной шкурѣ! — добавилъ Бертъ.

— Вѣдь, вы могли-бы вернуться въ Англію богатымъ человѣкомъ, если только поможете намъ!

— А если нѣтъ, то онъ никогда туда не вернется, за это я ручаюсь!—прибавилъ Бертъ.

Такимъ образомъ, подъ двойнымъ воздѣйствіемъ, съ одной стороны, угрозъ Берта, съ другой—заманчивыхъ перспективъ, раскрываемыхъ передъ нимъ Фаринтошемъ, Вилльямсъ сталъ какъ будто податливѣе. Онъ сдѣлалъ нѣсколько большихъ глотковъ изъ своего стакана и снова наполнилъ его до краевъ.

— Я не то, что боюсь,—проговорилъ онъ,—вы и не воображайте, что я боюсь! Вѣдь, вы не слишкомъ сильно пристукнете его, мистеръ Бертъ, не правда-ли?

— Ровно столько, сколько нужно, чтобы онъ свалился!—отвѣтилъ бывшій морякъ.—Это не первый человѣкъ, кого я укладывалъ на обѣ лопатки, да и не послѣдній тоже! Но до сихъ поръ я еще не имѣлъ случая наложить руки на 30,000 фунтовъ!..

— Ну, а хозяинъ гостинницы,—а прислуга?!

— Это все уладится! — замѣтилъ Фаринтошъ. — Предоставьте ужъ мнѣ! Если мы подымемся къ нему совершенно открыто у всѣхъ на глазахъ, то кто заподозритъ насъ?! Лошадей мы оставимъ въ Вудлей-Стритѣ и прежде, чѣмъ они

тамъ успѣютъ очнуться, уже будемъ далеко. Когда же приниматься? Ну, скажемъ, завтра вечеромъ!

— Не больно ли ужъ скоро? — воскликнулъ Вилльямсъ дрожащимъ голосомъ.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—сказалъ Бертъ,—а ты у меня смотри! Если я только замѣчу, что ты вздумалъ на попятный, то влѣплю тебѣ вдвое больше, чѣмъ собираюсь влѣпить ему. Слышишь?—при этомъ морякъ схватилъ блѣднолицаго юношу за руку съ такой силой, что тотъ даже вскрикнулъ отъ боли.

— Да я съ вами и тѣломъ, и душой!—воскликнулъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ будьте здѣсь завтра вечеромъ въ 8 часовъ,—проговорилъ Фаринтошъ.—Къ 9 часамъ мы сумѣемъ покончить съ этимъ дѣломъ, и вся ночь будетъ въ нашемъ распоряженіи для бѣгства. Лошади будутъ наготовѣ, и меня очень удивитъ, если мы не опередимъ ихъ на столько, что имъ никогда не угнаться за нами!

Уговорившись такимъ образомъ о всѣхъ подробностяхъ своего плана, три джентльмена покинули гостинницу и разошлись въ разныя стороны. Фаринтошъ направился въ Центральную гостинницу, чтобы сдѣлать Эзрѣ свой обычный вечерній докладъ, а двое другихъ отправились въ лагерь минеровъ, гдѣ они въ послѣднее время оперировали.

Вышеописанное свиданіе происходило во вторникъ, въ первыхъ числахъ ноября. Въ субботу же Эзра Гирдльстонъ рѣшилъ окончательно покинуть «страну алмазовъ» и направиться къ роднымъ берегамъ. Его тянуло къ веселой лондонской жизни, а монотонная жизнь здѣсь успѣла до сыта надоѣсть ему. Тѣмъ болѣе, задача его была выполнена, и для него было несомнѣнно лучше быть подальше въ то время, когда диггеры, наконецъ, узнаютъ объ обманѣ. Ввиду всего этого онъ сталъ укладывать свои чемоданы и вообще готовиться къ отъѣзду.

Онъ былъ занятъ именно этимъ и въ среду вечеромъ, когда кто-то постучалъ къ нему въ дверь; вслѣдъ затѣмъ вошелъ Фаринтошъ, а съ нимъ Бертъ и Вилльямсъ. Эзра взглянулъ на нихъ и отвѣтилъ короткимъ поклономъ на ихъ привѣтствіе. Ихъ посѣщеніе ничуть не удивило его, такъ какъ они и раньше не разъ приходили всѣ троемъ.

— Мы заглянули къ вамъ, мистеръ Гирдльстонъ, чтобы

узнать, не будетъ-ли какихъ распоряженій! — сказалъ Фаринтошъ.

— Я уже говорилъ, что никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій не будетъ!—коротко и рѣзко обрѣзалъ Эзра.—Я уѣзжаю въ субботу. Я ошибся, спекулируя на эти камни: цѣны все падаютъ и падаютъ....

— Мнѣ очень пріятно слышать это, — продолжалъ Фаринтошъ сочувственно,—все же возможно, что это перемѣнится, и алмазы снова взыграютъ!

— Будемъ надѣяться,—отозвался Гирдльстонъ,—хотя и не похоже на то!

— Но, вѣдь, вы остались довольны нами, хозяинъ?—вмѣшался въ разговоръ Бертъ, протискиваясь впередъ поближе къ Гирдльстону, — мы свою работу хорошо справляли,—не такъ ли?

— Я ничего и не говорю!—холодно отрѣзалъ Эзра

— А если такъ, то вы, навѣрное, не уѣдете, не оставивъ намъ чего-нибудь на память о васъ! Вѣдь, мы такъ крѣпко стояли за васъ все время и ни разу не передавались на другую сторону!

— Вамъ было хорошо заплачено за услуги! — отвѣчалъ, угрюмо хмуря брови, молодой коммерсатъ.—И теперь вы не выколотите отъ меня ни гроша больше! Такъ и знайте!

— Такъ вы ничего не дадите намъ?—злобно крикнулъ бывшій морякъ.

— Нѣтъ, не дамъ! Да еще вотъ, что скажу; какъ вы ни рослы, Бертъ, но если посмѣете еще возвысить голосъ въ моемъ присутствіи, то я дамъ вамъ такую здоровенную затрещину, какой вы еще не видали во всей своей жизни!

При этомъ Эзра выпрямился во весь свой ростъ и такъ посмотрѣлъ на Берта, что не оставалось сомнѣнія, что онъ готовъ сдержать свое обѣщаніе.

— Не будемъ ссориться на прощанье,—сказалъ примирительно Фаринтошъ. — Вѣдь мы не денегъ ожидаемъ отъ васъ! Все, что мы хотимъ получить,—это по стаканчику рома, чтобы выпить за вашъ успѣхъ!

— А, если только это!—протянулъ молодой коммерсантъ, введенный въ заблужденіе словами бывшаго священника, и обернулся, чтобы взять со столика, стоявшаго за его спиной, бутылку ямайскаго рома. Но тутъ быстрѣе молніи Бертъ под-

скочилъ къ нему и нанесъ кастетомъ ударъ въ затылокъ, отъ котораго Эзра только глухо вскрикнулъ и, какъ подкошенный, упалъ лицомъ внизъ, держа въ рукахъ бутылку съ ромомъ, который полился на полъ, смѣшиваясь съ кровью, струившейся изъ широкой раны на головѣ.

— Очень аккуратно и ловко сдѣлано, мистеръ Бертъ,— тономъ знатока одобрилъ бывшій священникъ и въ ту же минуту былъ уже у безопаснаго ящика.

— Ловко! Ловко!—дрожащимъ голосомъ прибавилъ и Вилльямсъ и, подойдя къ безчувственному Гирдльстону, оттолкнулъ его въ сторону.—Видите, я не боюсь, вовсе не боюсь, мистеръ Бертъ!

— Заткни свою глотку,—пробурчалъ бывшій морякъ.— Смотри, ромъ-то течетъ!—И, взявъ изъ руки Эзры бутылку, онъ хлѣбнулъ изъ нея, затѣмъ отставилъ ее въ сторону и, доставъ изъ кармана большой черный парусиновый мѣшокъ, сказалъ: «Вотъ и мѣшокъ, батюшка! Видите, мы не много пошумѣли, никто насъ не слыхалъ!

— Вотъ и камни,—сказалъ Фаринтошъ,—держите мѣшокъ; я буду ссыпать ихъ.... А вотъ и золото, и билеты... Что-же, и они могутъ на первое время пригодиться... Такъ, теперь завяжите мѣшокъ хорошенько. И если кто-нибудь встрѣтится намъ на лѣстницѣ или въ Гамерсѣ,—оставайтесь спокойны! Вилльямсъ, загасите лампу, такъ что, если кто заглянетъ сюда, подумаетъ, что онъ ушелъ или спитъ. Идемте!

Всѣ трое спокойно вышли изъ комнаты, притворивъ за собою дверь, и безъ всякихъ приключеній покинули гостинницу.

Когда надъ пустыней взошла луна, то она освѣтила среди изсохшаго бурьяна и безпредѣльнаго безлюднаго пространства фигуры трехъ всадниковъ, несшихся во весь опоръ по дорогѣ къ Каптоуну, словно самая жизнь ихъ зависѣла отъ быстроты бѣга коней. Та же луна заливала своимъ спокойнымъ, ровнымъ свѣтомъ и крыши домовъ Кимберлея и кидала свои косые лучи въ одно изъ оконъ Центральной Гостинницы, заливая серебристымъ свѣтомъ коверъ и лежащую на немъ темную, безформенную массу, въ которой только при ближайшемъ осмотрѣ можно было узнать мощную фигуру человѣка, грузно упавшаго лицомъ внизъ и оставшагося неподвижно въ томъ же положеніи.

XXII. Грабители и ограбленный.

Быть можетъ въ интересахъ большаго числа людей было бы лучше, если бы ударъ, нанесенный бывшимъ морякомъ младшему главѣ фирмы Гирдльстонъ и К°, пресѣкъ на всегда жизнь молодого коммерсанта. Но Эзра былъ одаренъ чрезвычайной живучестью, благодаря которой онъ не только оправился отъ удара Берта, но и оправился очень скоро. Сначала комнату огласилъ глухой стонъ, затѣмъ распростертая на коврѣ человѣческая фигура сдѣлала слабое движенie, немного погодя она снова шевельнулась и застонала громче, потомъ послышалось глухое проклятie, и Эзра Гирдльстонъ, приподнявшись на локтѣ, осмотрѣлся кругомъ дикимъ, недоумѣвающимъ взглядомъ, зажимая въ то же время свободной рукой свою рану, изъ которой все еще сочились тонкiя струйки алой крови. Взглядъ его скользнулъ по столу, стульямъ, по стѣнамъ комнаты, пока, наконецъ, не остановился на сохранномъ ящикѣ. При свѣтѣ луны онъ ясно могъ различить, что ящикъ былъ открытъ. Еще минута, и все происшедшее стало ясно. Онъ съ усилiемъ поднялся на ноги, хватаясь за мебель, добрался до двери, ведущей въ галлерею, и хриплымъ отъ бѣшенства и отчаянiя голосомъ закричалъ, какъ раненный звѣрь.

При всѣхъ его недостаткахъ, Эзрѣ нельзя было отказать въ мужествѣ и быстротѣ. Въ одинъ моментъ онъ успѣлъ все сообразить, взвѣсить и уяснить, что во что бы то ни стало ему слѣдуетъ дѣйствовать сейчасъ-же, безъ малѣйшаго промедленiя. Эти камни должны быть возвращены, не то ему грозитъ позорное и безповоротное разоренie. Между тѣмъ на его крикъ моментально сбѣжались и хозяинъ гостинницы и всѣ слуги, бѣлые и черные, и въ недоумѣнiи уставились на Эзру и безпорядокъ, царившiй въ комнатѣ.

— На меня было сдѣлано покушенie: я ограбленъ на очень большую сумму,—проговорилъ онъ, держась за каминъ, такъ какъ силы еще не вернулись къ нему, и онъ съ трудомъ держался на ногахъ.—Нечего охать и кричать, а дѣлайте, что я скажу... Прежде всего зажгите лампу!

Лампа была зажжена, и шопотъ ужаса пробѣжалъ по кучкѣ собравшихся людей при видѣ громаднаго кроваваго пятна на коврѣ.

— Воры были здѣсь въ 9 часовъ,—быстро и сжато заговорилъ Эзра,—ихъ зовутъ Фаринтошъ, Бертъ и Вилльямсъ; такъ какъ они немного побесѣдовали со мной, то, вѣроятно, вышли отсюда не ранѣе, какъ четверть десятаго, т. е. съ закатомъ солнца. Теперь половина одиннадцатаго, такъ что они еще не могутъ быть очень далеко. Вы, Джинсонъ и Ванъ-Мюллеръ, выйдете на улицу и разузнаете, не видалъ ли кто троихъ мужчинъ съ мѣшкомъ или узломъ, выходившихъ отсюда, и не можетъ ли кто сказать, куда они направились! А вы, Джонъ, бѣгите какъ можно скорѣе къ инспектору полиціи Энсли, скажите ему, что совершенъ грабежъ и попытка на убійство, и что я требую человѣкъ шесть изъ его лучшихъ конныхъ стражниковъ. Но имѣйте въ виду, что я прошу лучшихъ коней, а не лучшихъ людей, и если они проявятъ проворство, то въ накладѣ не останутся. Такъ и скажите! Гдѣ же мой слуга Пэтъ? Пэтъ, собака, живо осѣдлать мою лошадь и привести ее сюда къ крыльцу!

По мѣрѣ того, какъ Эзра отдавалъ свои приказанія, тѣ, къ кому они относились, бѣжали со всѣхъ ногъ исполнять ихъ. Самъ же онъ туго обвязалъ полотенцемъ свою раненную голову и привелъ въ порядокъ свое платье.

— Неужели вы думаете ѣхать за ними, серъ?—замѣтилъ хозяинъ гостинницы.—Вы совершенно не въ состояніи вынести этой скачки!

— Все равно, я поѣду!—рѣшительно заявилъ Эзра.—Даже если бы меня пришлось привязать къ сѣдлу. Пришлито мнѣ, пожалуйста, крѣпкаго коньяку—и налейте также въ мои дорожныя фляги; возможно, что я ослабѣю во время пути: я потерялъ много крови!...

Тѣмъ временемъ у дверей гостинницы собралась громадная толпа людей, привлеченныхъ извѣстіемъ о грабежѣ и покушеніи на жизнь мистера Гирдльстона; тутъ были и диггеры, и торговцы, и кладовщики, и безчисленное множество кафровъ. Мистеръ О'Флахерти уже готовилъ наборъ сенсаціоннаго извѣстія, которое должно было появиться въ «Vaal-River Advertiser'ѣ» со всевозможными поясненіями. Самъ великій человѣкъ, только что начавшій приходить въ себя послѣ жестокаго приступа дѣйствія винныхъ паровъ, обмотавъ голову полотенцемъ, лично строчилъ по этому поводу передовицу, обильно уснащенную громкими фразами въ родѣ «неприкосновенность собственности», «нарушеніе священнѣйшихъ правъ», «попраніе вели-

чія закона» и т. п., которыми мистеръ О'Флахерти такъ усердно злоупотреблялъ во всѣхъ своихъ статьяхъ, что, наконецъ, признавалъ ихъ своею неотъемлемою собственностью и обвинялъ въ плагіатѣ всѣ тѣ лондонскія изданія, въ которыхъ случайно встрѣчались такія выраженія.

Взволнованный шопотъ пробѣжалъ въ толпѣ, когда на крыльцѣ отеля появился Эзра, блѣднѣе своей бѣлой сорочки, съ обвязанной головой и залитомъ кровью воротникѣ. Въ тотъ моментъ, когда онъ сѣлъ на лошадь, одинъ изъ его посланныхъ подбѣжалъ къ нему и сказалъ:

— Они бѣжали по дорогѣ въ Каптоунъ. Человѣкъ десять видѣли ихъ. Лошади у нихъ были не важныя; я узналъ, у кого они ихъ взяли; вы, навѣрное, еще нагоните ихъ!

На лицѣ Эзры появилась улыбка, не сулившая ничего добраго его врагамъ «Пусть будетъ проклята эта полицейская стража! Она, кажется, никогда не соберется!

— Вотъ и они!—сказалъ хозяинъ гостинницы.—И дѣйствительно, 6 человѣкъ конныхъ полицейскихъ, бряцая оружіемъ и стуча подковами своихъ коней, въ стройномъ порядкѣ разсѣкали толпу и выстроились передъ крыльцомъ Центральной Гостинницы.

— Нельзя терять ни минуты, сержантъ; они опередили насъ на 1½ часа,—проговорилъ Эзра.—Но лошади у нихъ не важныя, ѣдемъ!... По дорогѣ къ Каптоуну... Сто фунтовъ, если мы настигнемъ ихъ!

— По трое въ рядъ! Полъ-оборота на право, рысью маршъ!—скомандовалъ сержантъ.

Толпа разступилась, и маленькій отрядъ, съ Эзрой во главѣ помчался по улицамъ Кимберлея, выбивая искры изъ камней мостовой и осыпая градомъ гравія испуганныхъ прохожихъ.

Первое время отрядъ скакалъ молча. Луна свѣтила довольно ярко, и они могли видѣть далеко впереди себя бѣлую полосу дороги, нѣсколько извивавшуюся мѣстами на безпредѣльномъ пространствѣ южно-африканской степи. Тамъ и сямъ на далекомъ разстояніи виднѣлся низкій кустарникъ или тощія заросли бурьяна; изрѣдка встрѣчались небольшія стада тощихъ, длинноногихъ овецъ, которыя въ безумномъ страхѣ неслись по степи, при приближеніи всадниковъ, и ихъ жалобное блеянье было единственными звуками, нарушавшими безмолвіе степи, да еще по временамъ крикъ дикой совы.

На своемъ кровномъ скакунѣ Эзра все время несся пе-

много впереди остальныхъ, но сержантъ, у котораго лошадь была лучше, чѣмъ у рядовыхъ, поровнялся съ нимъ.—«Прошу извинить, сэръ», — сказалъ онъ, держа руку подъ козырекъ.—Но не полагаете ли вы, что мы ѣдемъ слишкомъ усиленнымъ аллюромъ, лошади долго не выдержатъ его!

— Пока мы не настигли ихъ, я не хочу думать о вашихъ лошадяхъ! Я готовъ поставить по дюжинѣ лошадей за каждую вашу клячу, лишь бы не дать разбойникамъ уйти!

Эзра говорилъ твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ и сидѣлъ въ сѣдлѣ крѣпко, несмотря на смертельную блѣдность и боль въ головѣ, въ которой малѣйшіе толчки отдавались подобно ударамъ молота. Но бѣшенство, кипѣвшее въ его сердцѣ, заглушало боль и давало силы; онъ кусалъ свои длинные усы и всаживалъ острыя шпоры въ бока своего скакуна съ такой злобой, что кровь сочилась по бокамъ того. Цѣлое богатство, а, главное, вся его репутація стояли на картѣ, не говоря уже о сладости мести, которая также всецѣло зависѣла отъ результатовъ этой бѣшеной скачки.

Теперь сержантъ и Эзра скакали бокъ о бокъ, голова въ голову, тогда какъ ихъ маленькій отрядъ слѣдовалъ немного позади.

— Въ двухъ миляхъ отсюда Камбрикъ,—проговорилъ сержантъ.—Мы тамъ узнаемъ что-нибудь о нихъ!

— Вѣдь они не могутъ свернуть съ большой дороги?—спросилъ Эзра.

— Нѣтъ, серъ, едва ли. Вѣдь, стороной они не могли бы ѣхать такъ быстро; дорога очень тяжелая, да и не безопасная; они каждую минуту могутъ провалиться или въ яму или въ болото, откуда и не выбраться!

— А пока они будутъ на этой дорогѣ, мы непремѣнно настигнемъ ихъ!—воскликнулъ Эзра,—потому что, если бы эта дорога вела отсюда прямо въ адъ, то я послѣдовалъ-бы за ними и туда!

— И мы не отстали бы отъ васъ, сэръ!—воскликнулъ серсантъ, невольно заражаясь энтузіазмомъ молодого коммерсанта.—Идя такимъ аллюромъ, если только лошади выдержатъ, мы нагонимъ ихъ еще до разсвѣта. Вонъ ужъ и огни!

Въ это время они только что обскакали большой поворотъ дороги и очутились передъ невзрачнымъ строеніемъ, черезъ открытую дверь котораго падала полоса желтаго свѣта; и въ

ней виднѣлся угрюмый голландецъ, съ руками, засунутыми въ карманы брюкъ, и съ трубкой въ зубахъ.

— Добрый вечеръ!—крикнулъ ему сержантъ, когда его команда поравнялась съ нимъ и осадила передъ корчмой своихъ измученныхъ, запыхавшихся лошадей.—Не проѣзжалъ-ли здѣсь кто-нибудь до насъ?

— Много тысячъ человѣкъ проѣзжало здѣсь, по этой самой дорогѣ раньше васъ!—проговорилъ голландецъ, вынимая трубку изо рта и смѣясь своей остротѣ.

— Я спрашиваю про сегодняшній вечеръ!—сердито крикнулъ сержантъ.

— Сегодняшій вечеръ проѣхали здѣсь, съ часъ тому назадъ, трое молодцовъ, по дорогѣ въ Портъ-Елизаветы, и гнали они своихъ лошадей такъ, словно хотѣли загнать на смерть!

— Этого съ насъ довольно!—крикнулъ Эзра, и они снова помчались по широкой, бѣлой, какъ холстъ, дорогѣ, миновавъ въ два часа утра Блюватерсъ-Дрифтъ и прискакавъ въ половинѣ третьяго на ферму Ванъ-Хайдена. Въ три часа рѣка Моддеръ была оставлена ими далеко позади, а въ четыре часа они неслись уже вдоль главной улицы небольшого городка Якобштадта, на замученныхъ и взмыленныхъ лошадяхъ, запыленные и усталые.

По улицѣ проѣзжалъ полицейскій патруль.

— Проѣзжалъ здѣсь кто-нибудь?—крикнулъ имъ на ходу сержантъ.

— Три всадника, съ четверть часа тому назадъ!

— И они проѣхали дальше?

— Да, все прямо, не останавливаясь,—хотя лошади ихъ были совершенно загнаны...

— Впередъ! впередъ!—крикнулъ Эзра возбужденно.

— Но четыре изъ нашихъ лошадей окончательно выбились изъ силъ; онѣ не могутъ слѣдовать дальше, сэръ!—заявилъ сержантъ.

— Такъ бросимъ ихъ здѣсь и впередъ, безъ нихъ!

— Патруль могъ-бы присоединиться къ намъ!—замѣтилъ сержантъ.

— Да, но я долженъ раньше доложить объ этомъ своему начальнику, сэръ!—заявилъ старшій патрульный.

— Сядьте на его лошадь, сержантъ, она у него сѣрая, а онъ и на вашей съѣздитъ доложить своему начальству,—проговорилъ Эзра,—по крайней мѣрѣ хоть вы да я настиг-

немъ ихъ. Впередъ! Карьеромъ!—И они понеслись дальше тѣмъ бѣшенымъ аллюромъ, который, какъ кошмаръ, будилъ мирныхъ гражданъ маленькаго Якобштадта оглушительнымъ топотомъ копытъ и звуковъ подковъ о камни мостовой; всѣ только недоумѣвали, слыша такую бѣшеную скачку.

Очутившись снова на дорогѣ, ведущей въ Портъ Елизаветы, преслѣдуемые и преслѣдователи вступили какъ бы въ состязаніе между собой: одни во что бы то ни стало хотѣли уйти, другіе хотѣли настигнуть ихъ, не щадя ничего для достиженія своей цѣли и не останавливаясь ни передъ какимъ препятствіемъ.

Послѣдніе прекрасно знали, что не будь ночи и почти совершеннаго мрака, грабители были бы уже у нихъ ввиду,—и эта мысль придавала имъ бодрости. Такъ какъ теперь подъ сержантомъ была свѣжая лошадь, то онъ нѣсколько опередилъ сѣраго скакуна Эзры, а за нимъ, старались не отставать, поспѣшалъ сѣрый. Окровавленное полотенце развязалось и билось по вѣтру на затылкѣ Гидрльстона, какъ крылья раненой птицы.

Эзра сидѣлъ прямо съ плотно сжатыми губами, въ которыхъ виднѣлась непреклонная рѣшимость; въ правой рукѣ онъ держалъ взведенный револьверъ и, казалось, готовъ былъ выстрѣлить, какъ только увидитъ передъ собой того или другого врага. На разстояніи какихъ-нибудь сотни шаговъ позади Эзры и сержанта скакали двое оставшихся еще въ строю полицейскихъ, усердно работая хлыстомъ и шпорами, чтобы понудить своихъ измученныхъ коней продолжать погоню. Но вотъ вдали, на краю горизонта, появилась, словно ползя по землѣ, узкая полоска блѣдно-алаго разсвѣта, и сѣрая дымка заволокла собою весь окрестный пейзажъ; вдругъ сержантъ разомъ осадилъ свою лошадь.

— Кто-то спѣшитъ къ намъ на встрѣчу!—крикнулъ онъ.—Эзра и солдаты на мгновеніе придержали своихъ запыхавшихся животныхъ. Въ сѣромъ полумракѣ тумана смутно вырисовывалась фигура одинокаго всадника; въ первую минуту они подумали, что то былъ одинъ изъ трехъ бѣглецовъ, но когда онъ приблизился, то Эзра убѣдился, что это совершенно незнакомый ему человѣкъ. Его платье было покрыто пылью, а космачая лошаденка была вся въ мылѣ; несомнѣнно, онъ ѣхалъ издалека и порядкомъ заморилъ своего коня.

— Видѣли вы трехъ конныхъ?—крикнулъ ему Эзра, какъ только они поровнялись съ нимъ.

— Да, я сейчасъ говорилъ съ ними; они всего въ какой нибудь полу-милѣ впереди васъ!—отвѣтилъ путникъ.

— Впередъ! Впередъ!—крикнулъ Эзра.

— Я везу вѣсти изъ Бирсфонтеня! — прибавилъ незнакомецъ.

— Впередъ!—нетерпѣливо крикнулъ еще разъ Эзра, понукая своего коня и не слушая словъ незнакомца,—и опять погоня помчалась дальше, во весь опоръ, сколько только хватало силъ у коней. Вдругъ до слуха ихъ донесся отдаленный звукъ конскаго топота.

— Это они!—прошепталъ Эзра сиплымъ, свистящимъ голосомъ; а позади солдаты издали радостное восклицаніе, давая понять, что и они поняли этотъ звукъ.

Мѣсто было дикое, пустынное; кругомъ разстилалась голая равнина; кругомъ не было даже чахлаго куста или бурыхъ зарослей, только крупныя глыбы гранита торчали грозно изъ бурой почвы, словно сама природа высыпала здѣсь эту пригоршню острыхъ камней на зло людямъ и животнымъ, вмѣсто тѣнистаго пріюта или хлѣбородныхъ полей.

Въ тотъ моментъ, когда Эзра и сержантъ выѣхали изъ-за угла поворота дороги, они увидѣли немного впереди себя трехъ бѣглецовъ, окутанныхъ цѣлымъ облакомъ пыли, и почти въ тотъ же самый моментъ услышали позади себя крикъ и звукъ тяжелаго паденія; то лошадь передняго стражника упала отъ истощенія и перекатилась вмѣстѣ съ своимъ всадникомъ.

— Посмотримъ, не раненъ-ли человѣкъ?—сказалъ сержантъ.

— Впередъ! Впередъ!—почти застоналъ въ бѣшенствѣ Эзра, потерявшій теперь, при видѣ своихъ грабителей, всякое самообладаніе.—Ни шагу назадъ!

— Но, вѣдь, онъ можетъ-быть убился! — замѣтилъ сержантъ, выхватывая свой револьверъ и сжимая его въ рукѣ.— Держите свое оружіе наготовѣ, сэръ, еще нѣсколько минутъ,—и мы нагонимъ ихъ! Они, вѣроятно, будутъ отстрѣливаться!

Дѣйствительно, они нагнали воровъ, раньше даже, чѣмъ думали. Фаринтошъ, видя, что ему не уйти и замѣтивъ, что число преслѣдующихъ въ данный мометъ сократилось до двухъ,—

рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости. Дорога снова дѣлала крутой поворотъ; достигнувъ этого поворота, бѣглецы спѣшились и притаились за камнями, и въ тотъ моментъ, когда Эзра на своемъ сѣромъ и сержантъ на гнѣдомъ мчались во весь опоръ, изъ-за поворота дороги раздалась безпорядочная стрѣльба,—и сѣрый со стономъ упалъ на колѣна, смертельно раненый въ голову. Эзра проворно соскочилъ на землю и, какъ разъяренный звѣрь, устремился къ засадѣ; сержантъ, котораго пуля царапнула по щекѣ, бросился вслѣдъ за нимъ. Бертъ и Фаринтошъ отступали шагъ за шагомъ, съ честью отстаивая свою позицію. Бертъ стрѣлялъ въ сержанта и легко ранилъ его въ шею, Фаринтошъ также выстрѣлилъ, но далъ промахъ и былъ убитъ Эзрой. Бертъ, видя, что его товарищъ палъ, перескочилъ черезъ него и, миновавъ нападающихъ, съ проворствомъ бѣлки вскочилъ на лошадь сержанта и, не взирая на пущенныя ему вслѣдъ пули, ускакалъ въ сторону пустыни и вскорѣ скрылся изъ виду. Что же касается Виллъямса, то онъ съ самаго начала схватки лежалъ, уткнувшись лицомъ въ землю, не подавая признаковъ жизни, и жалобно молилъ о пощадѣ.

— Ускакалъ! Его не догонишь теперь!—злобно сказалъ Эзра, глядя въ слѣдъ бывшему моряку.

— Здорово же онъ саданулъ меня, — проговорилъ сержантъ, утирая кровь съ лица и шеи; обѣ раны его были скорѣе болѣзненны, чѣмъ опасны.

— Ничего, другъ мой, вы въ накладѣ не останетесь!.... Ну, ты, змѣя! Вставай! Сейчасъ-же!—крикнулъ Эзра, обращаясь къ Вилльямсу, который все еще корчился въ самыхъ невѣроятныхъ положеніяхъ у ногъ Гирдлъстона.

— Клянусь вамъ, мистеръ Гирдльстонъ, это не я вамъ нанесъ ударъ!—лепеталъ онъ, цѣпляясь своими длинными костлявыми пальцами за сапогъ Эзры, — это былъ мистеръ Бертъ. Я и не ограбилъ васъ; это сдѣлалъ мистеръ Фаринтошъ. Я не хотѣлъ даже идти съ ними, видитъ Богъ, отказывался, но я зналъ, что онъ былъ раньше священникомъ, и думалъ, что онъ не сдѣлаетъ ничего дурного. Я удивляюсь,—мистеръ Фаринтошъ, и очень радъ, что мистеръ Гирдльстонъ застрѣлилъ васъ!...

Фаринтошъ такъ и остался въ сидячемъ положеніи, благодаря тому, что опирался спиной о большую гранитную глыбу. Онъ рукой зажималъ свою смертельную рану въ гру-

ди; дыханіе со свистомъ вырывалось у него изъ груди, а изъ рта вылетали кровавыя брызги. Стеклянные глаза умирающаго остановились на лицѣ Эзры, и странная усмѣшка блуждала на его тонкихъ, блѣдныхъ губахъ.

— Подойдите сюда... мистеръ Гирдльстонъ,—прохрипѣлъ онъ. Эзра ступилъ два шага и приблизился къ нему; лицо его было жестко и неумолимо.

— Вы прикончили меня!—слабо сказалъ Фаринтошъ. Это странный конецъ для человѣка, бывшаго первымъ на своемъ факультетѣ, награжденнаго высшими наградами бакалавра, но все это теперь ни къ чему. И кто бы подумалъ тогда, что мнѣ придется умереть здѣсь пристрѣленнымъ, какъ собака, среди степи. Впрочемъ, не все ли равно, какъ умрешь?... Если бы я не сошелъ съ прямого пути, то быть можетъ умеръ бы нѣсколькими годами позже, среди пуховиковъ, какъ прелатъ Сентъ-Патрикскаго Аббатства, но что изъ того? Я за то пожилъ всласть!—и глаза умирающаго засвѣтились на мгновеніе радостнымъ и веселымъ блескомъ при воспоминаніи о былой разгульной жизни.—Если бы мнѣ теперь можно было начать жизнь сначала,—продолжалъ онъ,—то я прожилъ бы ее такъ же. Я не раскаиваюсь, сэръ! Правда, у моего смертнаго одра никто не хнычетъ и не причитаетъ, и мнѣ не открываютъ кратчайшаго пути въ небеса, но я объ этомъ не плачу!... Впрочемъ, все это не то, что я хотѣлъ сказать вамъ, сэръ. У меня клокочетъ въ горлѣ, но, вѣдь, вы слышите и понимаете, что я вамъ говорю.... Вы повстрѣчали человѣка, ѣхавшаго въ Якобштадтъ?

Эзра молча, утвердительно кивнулъ головой.

— Вы не говорили съ нимъ? Слишкомъ ужъ были озабочены нагнать вашего глубоко-преданнаго... хе?.. Желаете получить обратно камни? Они въ мѣшкѣ, тутъ подлѣ меня... но только вамъ не будетъ отъ нихъ большой прибыли... Ваша маленькая спекуляція на этотъ разъ не удастся... Вы, видно, не знаете, какую вѣсть везъ этотъ человѣкъ!...

Какое то необъяснимое предчувствіе нависшаго надъ нимъ несчастья охватило душу Эзры; онъ опять молча покачалъ отрицательно головой.

— А вѣсть та была...—продолжалъ Фаринтошъ, плотнѣе налегая на свою руку,—что новыя алмазныя копи открыты въ Джагерсфаунтэнѣ въ Оранжевой республикѣ, такъ что будь тамъ, въ Россіи, алмазныя горы или одинъ песокъ... все

равно, алмазы въ цѣнѣ не подымутся... Ха! ха! ха!... Не подымутся... слышите? Посмотрите только на его лицо: оно блѣднѣе моего!... ха! ха! ха!—вмѣстѣ съ этимъ смѣхомъ изъ рта бывшаго священника хлынулъ громадный потокъ крови, оросивъ все вокругъ и не давъ ему произвести ни одного слова болѣе; затѣмъ онъ покачнулся, и свалился на сторону, испустивъ послѣднее дыханіе.

XXIII. Мгновенное рѣшеніе.

Въ теченіе тѣхъ мѣсяцевъ, которые Эзра Гирдльстонъ провелъ въ Африкѣ, дѣла фирмы въ Фенчерчъ-Стритѣ шли превосходно. Побережная торговля шла успѣшнѣе обыкновеннаго, и трое изъ судовъ этой торговой фирмы вернулись одно за другимъ благополучно, съ превосходнымъ грузомъ. Въ числѣ ихъ былъ опять и «Черный Орелъ», который, къ немалому удивленію капитана Гамильтона Миггса и къ превеликой досадѣ его судовладѣльца, и на этотъ разъ еще выдержалъ въ каналѣ Па-де-Калэ сильную бурю, но все-таки вернулся цѣлъ и невредимъ. Это благопріятное стеченіе обстоятельствъ, въ связи съ дѣловитостью и несомнѣнными коммерческими способностями стараго главы фирмы и неутомимой дѣятельностью и работоспособностью молодого Димсдаля, на столько придали видъ процвѣтанія дѣламъ фирмы, что даже самъ старикъ Гирдльстонъ началъ надѣяться, что если ему удастся устранить только непосредственную опасность, то дѣла фирмы снова поправятся. Онъ съ радостью читалъ письма сына изъ Африки, гдѣ послѣдній разсказывалъ ему о своихъ удачахъ, и станъ стараго коммерсанта выпрямлялся; походка его становилась болѣе твердой и увѣренной, по мѣрѣ того, какъ въ немъ крѣпло сознаніе, что фирма снова вернется на прежній путь процвѣтанія.

Поэтому нетрудно себѣ представить, какимъ тяжкимъ ударомъ явились для старика слухи о новыхъ алмазныхъ копяхъ въ Оранжевой республикѣ; кромѣ того, онъ въ тотъ же день получилъ еще письмо отъ сына, въ которомъ тотъ писалъ объ ограбленіи, погонѣ, смерти Фаринтоша и о новыхъ алмазныхъ копяхъ.

«Сомнѣваться въ справедливости послѣдняго извѣстія не было никакой возможности»,—писалъ Эзра,—такъ какъ, когда

мы заѣхали на ближайшую ферму, чтобы подкрѣпить свои силы и сдѣлать перевязку сержанту, то тамъ всѣ только и говорили объ этомъ. Былъ тамъ какой-то парень, только что прибывшій изъ республики, который зналъ всѣ подробности этого дѣла, и я изъ его словъ понялъ, что это извѣстіе не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію».

«Полицейскіе стражники вернулись въ Якобштадтъ съ Вилльямсомъ, а я обѣщалъ вернуться за ними слѣдомъ, но когда обдумалъ хорошенько свое обѣщаніе, то оно показалось мнѣ не разумнымъ и даже не безопаснымъ.

«Тотъ фактъ, что въ моихъ рукахъ находилось такое громадное количество алмазовъ, заставилъ бы всѣхъ говорить объ этомъ; кромѣ того, сержантъ слышалъ предсмертныя слова Фаринтоша, такъ что возможно, что весь округъ набросился бы на меня. А такъ какъ всѣ алмазы и всѣ деньги были у меня при себѣ, то я написалъ хозяину гостинницы, чтобы онъ выслалъ мнѣ мои вещи въ Каптоунъ съ первой почтой, по полученіи которыхъ я обязался уплатить ему сполна по его счету. Затѣмъ я тутъ же купилъ лошадь и поѣхалъ прямо на югъ. Я сяду на первый пароходъ, отправляющійся въ Англію и, вѣроятно, прибуду въ Лондонъ вскорѣ по полученіи тобой этого письма.

«Что же касается нашей спекуляціи, то она, конечно, пошла къ чорту! Даже когда окажется, что русскія копи пуфъ, и тогда камни не подымутся въ цѣнѣ, изъ-за этихъ новыхъ алмазныхъ копей. Возможно, что намъ удастся немного нажить на этихъ камняхъ, ибо я ихъ скупилъ за безцѣнокъ, но эта уже не будетъ та львиная доля наживы, о какой мы мечтали, и это не возстановитъ блеска нашей фирмы, которую ты вовлекъ въ разореніе. Единственное, о чемъ я сожалѣю, уѣзжая изъ Африки, это то, что этотъ негодяй Вилльямсъ останется безнаказаннымъ, за неимѣніемъ обвинителя. Рана моя почти зажила, и я чувствую себя вполнѣ хорошо!»

Это письмо сильно огорчило старика, можно сказать, даже пришибло его, а спустя недѣлю послѣ его полученія и самъ Эзра, мрачный и утомленный съ дороги, вошелъ въ святилище въ улицѣ Фенчерчъ и подтвердилъ отцу на словахъ все, что тотъ уже зналъ изъ его письма. Старикъ былъ слишкомъ закаленный человѣкъ, чтобы даже самыя плохія

вѣсти могли разомъ подкосить его, тѣмъ не менѣе онъ обѣими руками судорожно ухватился за ручки своего кресла, и холодный потъ выступилъ на его блѣдномъ лбу.

— Но камни у тебя всѣ въ цѣлости?—пробормоталъ онъ наконецъ, просто для того, чтобы сказать что-нибудь.

— Да, они въ моемъ сундукѣ дома,—отвѣчалъ Эзра мрачно и угрюмо, стоя у камина и облокотясь на его бѣлую мраморную доску. Только одному Богу извѣстно, что они стоятъ теперь! Мы должны быть счастливы, если намъ удастся вернуть при продажѣ то, что они намъ стоили, плюсъ мои расходы и расходы Лангворси. А проломленная голова будетъ единственнымъ барышомъ, который я вынесу изъ этой вашей блестящей затѣи!—добавилъ Эзра по адресу отца.

— Кто же могъ предвидѣть это?—жалобно замѣтилъ старикъ; онъ могъ-бы при этомъ, съ своей стороны, упомянуть о 1000 фунтовой преміи маіора Клеттербека, но счелъ за лучшее умолчать.

— Каждый дуракъ могъ предвидѣть возможность подобнаго случая!—рѣзко заявилъ Эзра.

— Такимъ образомъ пониженіе цѣнъ теперь должно стать постояннымъ?—спросилъ старикъ.

— Оно продолжится, вѣроятно, нѣсколько лѣтъ, — отвѣтилъ Эзра,—такъ какъ Драгерфоунтэнскіе пески очень богаты алмазами и тянутся на громадномъ протяженіи!

— А мы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ должны вернуть и капиталъ, и проценты. Значитъ, мы разорены!—проговорилъ надломленнымъ голосомъ старый коммерсантъ, и голова его опустилась на грудь,—когда настанетъ этотъ день, то фирма, которая въ теченіе столькихъ лѣтъ была безупречной во всѣхъ отношеніяхъ, слыла образцомъ добросовѣстности и чуть ли не лучшимъ предпріятіемъ въ Сити, будетъ объявлена «банкротомъ»—хуже того;—будетъ доказано, что послѣднее время она поддерживалась такими средствами, которыя считаются предумышленно обманными. Видитъ Богъ, сынъ мой, что если бы существовала возможность какою-бы то ни было цѣной избѣжать этого, я готовъ былъ бы на все, на все рѣшительно! Я уже старый человѣкъ и остатокъ своихъ дней я счелъ бы легкой цѣной за увѣренность въ томъ, что дѣло, которое я создалъ, не погибнетъ окончательно и безвозвратно!

— Ваша жизнь, къ сожалѣнію, не можетъ повліять на положеніе дѣлъ ни въ томъ, ни въ иномъ смыслѣ, такъ какъ она не достаточно высоко для этого застрахована!—холодно сказалъ Эзра, хотя и былъ нѣсколько тронутъ глубокимъ горемъ отца.—Быть можетъ, есть еще какой нибудь выходъ изъ этого дремучаго лѣса, если хорошенько поискать!—уже болѣе весело добавилъ онъ.

— Это дѣло такое цвѣтущее, такое благодарное само по себѣ; вотъ что меня всего больше сокрушаетъ. Если бы еще оно само собой зачахло, съ этимъ было бы легче примириться, а то, вѣдь, оно принесено въ жертву постороннимъ спекуляціямъ, ничего общаго съ этимъ дѣломъ не имѣвшимъ, моимъ злополучнымъ, злосчастнымъ спекуляціямъ! Вотъ это-то и убиваетъ меня!—Онъ нажалъ кнопку гонга, и въ дверяхъ появился Гирлей. Вотъ послушай, Эзра! Скажите, Гирлей, какой у насъ былъ приходъ въ послѣднемъ мѣсяцѣ?

— Пятнадцать тысячъ фунтовъ, сэръ, — сказалъ старшій клэркъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ буекъ на волнахъ, отъ горделиваго чувства за успѣшный ходъ дѣлъ фирмы, которой онъ служилъ столько лѣтъ.

— А расходъ?

— Девять тысячъ триста фунтовъ! Ужасно вы загорѣли, мистеръ Эзра, удивительно загорѣли и поздоровѣли... да-съ! Надѣюсь, что вы пріятно провели время въ Африкѣ, сэръ; я думаю, они очень дивились на васъ, эти Готтентоты и Буры! — съ этимъ глубоко-научнымъ замѣчаніемъ маленькій клеркъ, почтительно откланиваясь, скрылся за дверью, не удостоившись или быть можетъ не дождавшись никакого отвѣта, и вернулся сіяющій и счастливый къ своему забрызганному чернилами письменному столу.

— Видишь,—обратился старикъ къ сыну, когда дверь щелкнула за Гирлеемъ,—свыше пяти тысячъ чистаго дохода въ теченіе одного мѣсяца.—Развѣ не ужасно подумать, что такое дѣло должно погибнуть. Вѣдь, оно могло бы быть источникомъ громаднаго богатства для тебя въ будущемъ!

— Клянусь небомъ! Это дѣло нужно спасти!—воскликнулъ Эзра съ задумчивымъ, нахмуреннымъ лицомъ и руками, засунутыми глубоко въ карманы брюкъ.—Вѣдь, есть еще въ запасѣ деньги этой дѣвочки. Развѣ намъ нельзя временно воспользоваться ими?

— Нѣтъ, это невозможно! — со вздохомъ возразилъ

отецъ.—Эти деньги такъ обставлены завѣщанiемъ покойнаго, что даже сама она не можетъ располагать ими ранѣе своего совершеннолѣтiя. Нѣтъ другой возможности подойти къ этимъ деньгамъ, какъ только путемъ женитьбы на ней!

— Въ такомъ случаѣ нужно взять эти деньги хотя бы этимъ единственнымъ путемъ! Я женюсь на ней!

— Въ самомъ дѣлѣ? Ты хочешь?

— Я это сдѣлаю! Вотъ тебѣ моя рука порукой!

— Въ такомъ случаѣ мы спасены!—воскликнулъ старикъ, вскинувъ къ потолку свои тонкiя дрожащiя руки.—Еще фирма Гирдльстонъ и Сынъ поборется за свое существованiе и, быть можетъ, выйдетъ побѣдительницей изъ трудной борьбы! Да, я вѣрю, что она выйдетъ съ честью изъ боя!

— Да, но не забудьте, что Гирдльстонъ становится только номинальнымъ компанiономъ. Я сдѣлаю это только ради себя, а не ради васъ; имѣйте это ввиду!—заявилъ съ полною откровенностью Эзра и, надвинувъ шляпу низко на лобъ, вышелъ изъ конторы и направился въ Экклестонъ-Скверъ.

XXIV. Опасное обѣщанiе.

Во время отсутствiя Эзры Гирдльстона въ Африкѣ жизнь Кэтъ въ домѣ ея опекуна стала, если возможно, еще однообразнѣе и монотоннѣе. Самый домъ стараго коммерсанта былъ суровъ и мраченъ, и каждая отдѣльная комната въ немъ, не смотря на роскошь и великолѣпiе, сохраняла тотъ же мрачный, суровый и непривѣтливый видъ. Также и всѣ слуги въ этомъ домѣ имѣли какой-то пуританскiй видъ и характеръ, за исключенiемъ только одной личной горничной Кэтъ, грубой, рѣзкой, темноглазой и краснощекой особы, говорившей громко и смѣявшейся еще громче и ревѣвшей, какъ бѣлуга, на весь домъ, когда Эзра уѣзжалъ въ Африку. Особа эта была далеко непрiятна Кэтъ и еще болѣе непрiятна старику Гирдльстону, но онъ продолжалъ держать ее въ своемъ домѣ изъ уваженiя къ настойчивому желанiю сына и ради того, чтобы въ это столь тяжелое для него время не вызвать взрыва, который могъ бы разрушить всѣ его планы.

Въ теченiе всего этого времени единственной компанiей бѣдной Кэтъ былъ вѣчно озабоченный и серьезный старый коммерсантъ, и разговоръ между ними обыкновенно ограни-

чивался общепринятыми распросами о здоровьѣ и погодѣ, во время утренняго завтрака, а, по возвращеніи Гирдльстона изъ Сити, послѣдній обыкновенно бывалъ такъ утомленъ и озабоченъ, что торопливо и молча съѣдалъ свой обѣдъ, уткнувшись въ тарелку и не глядя даже на молодую дѣвушку, затѣмъ уходилъ въ библіотеку, гдѣ читалъ различныя финансовыя статьи въ десяткѣ различныхъ газетъ и пробѣгалъ биржевые отчеты вплоть до самаго отхода ко сну. Иногда эти статьи и отчеты читала ему вслѣдъ Кэтъ; и такъ велико было однообразіе ея безрадостной жизни, что она незамѣтно для самой себя начинала интересоваться повышеніемъ или пониженіемъ тѣхъ или иныхъ акцій. Послѣ чтенія газетъ и биржевыхъ отчетовъ колоколъ сзывалъ въ библіотеку всѣхъ слугъ дома, и старикъ Гирдльстонъ читалъ вслухъ полагающуюся на этотъ день главу изъ Священнаго Писанія, потомъ произносилъ вечернюю молитву, а въ особо торжественныхъ случаяхъ краткую, но строгую и грозную проповѣдь, приводя одинъ грозный текстъ за другимъ до тѣхъ поръ, пока его напуганная аудиторія не приходила въ состояніе полной пришибленности и унынія. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ румянецъ начиналъ уже сбѣгать со щечекъ юной Кэтъ, и ея бѣдное маленькое сердечко становилось все печальнѣе и печальнѣе.

У нея было только ежедневное утѣшеніе, которое поддерживало нѣкоторую бодрость. Какъ ни строго слѣдилъ за нею опекунъ, какъ ни старался окончательно отрѣзать ее отъ внѣшняго міра и всякаго общенія съ нимъ, все же онъ не могъ помѣшать проникнуть въ ея тюрьму этому единственному лучу свѣта и радости. Имѣя свои виды на будущее, онъ поставилъ дѣвушку въ такія рамки, что, какъ ему казалось, никакое сердечное чувство не могло проникнуть къ ней, не могло закрасться въ ея сердце. Посѣтители и посѣщенія строго воспрещались. Ни подъ какимъ видомъ не разрѣшалось ей выходить изъ дома одной. Но несметря на всѣ эти мѣры предосторожности, любовь знаетъ тысячу уловокъ, которыя торжествуютъ надъ всякими предлогами, преодолѣвая всякія препятствія.

Экклестонъ-Скверъ, конечно, не лежалъ на пути между Кенсингтономъ и Сити, тѣмъ не менѣе утромъ и вечеромъ, съ пунктуальностью часового механизма, какъ только на городскихъ часахъ била ½ десятаго и ¾ шестого, Томъ Димс-

даль мѣрно шагалъ по старозавѣтному скверу и проходилъ мимо угрюмаго сѣраго дома, угрюмость котораго сглаживалась для него тѣмъ, что онъ сливался съ самой блестящей мечтою его жизни. Всего только одно мгновеніе, одинъ единственный взглядъ на блѣдное хорошенькое личико въ одномъ изъ оконъ верхняго этажа, одно, едва замѣтное привѣтствіе маленькой бѣленькой ручки,—и онъ шелъ дальше къ своимъ дѣламъ или домой къ роднымъ со свѣжимъ запасомъ силъ и бодрости, съ новымъ приливомъ жизнерадостныхъ чувствъ. При случаѣ, какъ мы уже знаемъ, ему удавалось даже проникать въ самую берлогу людоѣда, гдѣ томилась его возлюбленная маленькая фея. Но этому старикъ Гирдльстонъ вскорѣ положилъ конецъ, приказавъ строго-настрого, чтобы никакія дѣловыя бумаги и переписка не препровождались къ нему на частную квартиру ни подъ какимъ видомъ. Но влюбленные вскорѣ изобрѣли иной способъ переступать воздвигнутую между ними преграду.

Центръ Сквера былъ занятъ прямоугольнымъ садикомъ, обнесеннымъ высокой желѣзной рѣшеткой, придававшей ему большое сходство съ тюремнымъ дворомъ. Садъ этотъ состоялъ изъ нѣсколькихъ группъ запыленныхъ кустовъ и десятка большихъ старыхъ деревьевъ, понурившихъ головы, словно оплакивая свою судьбу, вырастившую ихъ въ этомъ мрачномъ сыромъ углу ни себѣ, ни другимъ не на радость.

Между этими деревьями и кустами было разставлено нѣсколько скамеекъ, предоставленныхъ въ распоряженіе жителей Экклестонъ-Сквера. Этотъ клочекъ жалкой, чахлой растительности носилъ громкое названіе Экклестонскаго сада; и это было единственное мѣсто въ цѣломъ Лондонѣ, куда дозволялось уходить Кэтъ безъ сопровожденія приставленнаго къ ней лакея; поэтому садъ сталъ ея излюбленнѣйшимъ мѣстомъ пребыванія, гдѣ она просиживала цѣлые часы съ книгой или работой, давая полную волю своимъ мечтамъ.

Однажды Томъ Димсдаль по дорогѣ въ Сити, ранѣе обыкновеннаго проходя скверомъ, не увидѣлъ по обыкновенію своего милаго видѣнія въ окнѣ. Оглядываясь кругомъ и какъ бы ища объясненія этого страннаго отсутствія, онъ вдругъ увидѣлъ за рѣшеткой сада кокетливую бѣлую шляпку, мелькавшую между листвой, и при болѣе внимательномъ осмотрѣ замѣтилъ пару прекрасныхъ знакомыхъ глазъ, свѣтившихся веселой шаловливой улыбкой изъ-подъ бѣлой шляпки и устремленныхъ

прямо на него. Калитка сада была открыта, и въ одинъ моментъ юноша очутился въ саду. Не трудно себѣ представить, что на этотъ разъ онъ нѣсколько запоздалъ въ это утро въ контору, да и въ послѣдующіе за этимъ дни такъ же, такъ что клерки начали уже поговаривать, что ихъ молодой хозяинъ какъ будто утрачиваетъ свое прежнее рвеніе и интересъ къ дѣлу.

Томъ не разъ просилъ Кэтъ позволить ему сообщить старому Гирдльстону объ ихъ помолвкѣ, но дѣвушка была неумолима. Дѣло въ томъ, что она лучше знала характеръ своего опекуна, чѣмъ онъ, и памятуя постоянныя предупрежденія старика противъ Тома и сѣтованіе на суетность и преступность всякихъ сердечныхъ чувствъ и увлеченій, она предвидѣла его недовольство и опасалась послѣдствій этого недовольства. Черезъ годъ или около того, она будетъ совершеннолѣтней и сама себѣ госпожа, а теперь она еще вся въ его власти, и потому для чего ей было подвергать себя неизбѣжнымъ рѣзкостямъ, обиднымъ замѣчаніямъ и колкостямъ, а быть можетъ и того хуже? Если бы она сознавала въ сердцѣ, что ея опекунъ былъ для нея, дѣйствительно, вторымъ отцомъ, то, конечно, сочла бы своей обязанностью прежде всего подѣлиться съ нимъ своимъ первымъ чувствомъ, но такъ какъ этого не было, то она не считала себя обязанной быть съ нимъ откровенной въ этомъ дѣлѣ и рѣшила, что до поры до времени онъ ничего не узнаетъ ни объ ея любви, ни о помолвкѣ.

Однажды свиданіе молодыхъ людей нѣсколько затянулось и закончилось тѣмъ, что Кэтъ вернулась домой, а Томъ остался сидѣть на садовой скамейкѣ, погруженный въ свои мечты, какъ это вообще свойственно людямъ въ его положеніи. Вдругъ неожиданное появленіе темной фигуры прервало его мечтательное настроеніе; поднявъ глаза, онъ увидѣлъ передъ собой старика Гирдльстона, остановившагося въ двухъ шагахъ отъ него и смотрѣвшаго на него далеко не добрымъ и не ласковымъ взглядомъ. Онъ пошелъ совершить свою утреннюю прогулку по саду и былъ свидѣтелемъ свиданія молодыхъ людей, которые, всецѣло поглощенные другъ другомъ, не подозрѣвали даже присутствія ихъ ревниваго аргуса.

— Вы намѣрены отправиться въ контору?—спросилъ старикъ сурово, едва отвѣтивъ кивкомъ на поклонъ растерявшагося Тома,—если такъ, то мы можемъ отправиться туда вмѣстѣ!

Томъ поднялся со скамейки и молча послѣдовалъ за старикомъ. Единственнымъ его опасеніемъ была мысль, какъ бы

гнѣвъ старика не обрушился на молодую дѣвушку, и это онъ рѣшилъ отвратить всѣми зависящими отъ него средствами. Они шли молча другъ подлѣ друга до самого мѣста. Но, дойдя до Фенчерчъ Стрита, Гирдльстонъ пригласилъ своего юнаго компаніона зайти въ его личный кабинетъ.

— Ну-съ, сэръ,—сказалъ онъ, заперевъ за собою дверь, когда они очутились въ кабинетѣ,—мнѣ кажется, я имѣю нѣкоторое право спросить васъ, что должна означать та сцена, которой я былъ невольнымъ свидѣтелемъ сегодня утромъ?

— Это значило только то, что мы съ миссъ Харстонъ помолвлены и уже давно, мистеръ Гирдльстонъ!—отвѣчалъ Томъ твердо и въ то же время мягко и деликатно.

— Аа... въ самомъ дѣлѣ?—холодно отозвался старикъ, усаживаясь за свой письменный столъ и перебирая кучу лежащихъ передъ нимъ писемъ.

— По моей просьбѣ наша помолвка оставалась втайнѣ, такъ какъ я имѣлъ основаніе думать, что вы противъ раннихъ браковъ, и боялся, что не одобрите нашей помолвки!—Надо думать, что эта первая единственная ложь молодого Димсдаля могла найти себѣ оправданіе даже въ небесахъ, а не только на землѣ, тѣмъ болѣе, что побудительною причиною ея были самыя великодушныя и благородныя намѣренія.

Во все время ихъ продолжительнаго и безмолвнаго пути до конторы старикъ обсуждалъ программу своего дальнѣйшаго поведенія и пришелъ къ убѣжденію, что легче для него будетъ отклонить этотъ потокъ молодой любви, чѣмъ остановить его . Онъ не вполнѣ сознавалъ силу привязанности, соединявшей два юныхъ сердца, и полагалъ, что своей разсудительностью и терпѣніемъ съумѣетъ пріостановить дальнѣйшее развитіе этихъ чувствъ и совершенно разрушить эту помолвку.

— Васъ, конечно, не удивитъ мое недоумѣніе,—сказалъ онъ настолько мягко, насколько это было возмжно для него,—но такая вещь никогда не приходила мнѣ въ голову. Мнѣ думается, что вы поступили бы лучше, если бы оказали мнѣ больше довѣрія и обратились сперва ко мнѣ!

— Я думалъ просить извиненія въ томъ, что поступилъ не такъ, какъ вы говорите, но повторяю, мнѣ казалось, что у меня были извѣстныя причины на то...

— Да... пожалуй... Что касается васъ,—сказалъ Гирдльстонъ почти любезно,—то я считаю васъ работящимъ молодымъ человѣкомъ, съ хорошими принципами. Ваше поведеніе съ

тѣхъ поръ, какъ вы вошли въ качествѣ компаніона въ нашу фирму, было во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненнымъ, въ этомъ я долженъ сознаться.

Томъ молча поклонился, выражая этимъ свою признательность, а старикъ продолжалъ:

— Что же касается молодой дѣвушки, порученной моему попеченію, то я не могъ бы желать для нея лучшаго мужа. Но, принимая въ соображеніе вопросъ такой чрезвычайной важности, я долженъ считаться прежде всего съ желаніями моего покойнаго друга мистера Джона Харстона, отца молодой дѣвушки, съ которой, какъ вы говорите, вы помолвлены. Онъ возложилъ на меня обязанности, и эти обязанности должны быть исполнены буквально!

— Конечно, я вполнѣ это понимаю,—согласился Томъ, внутренно дивясь, какъ это онъ могъ хоть одну минуту дурно думать объ этомъ справедливомъ и добромъ человѣкѣ.

— Итакъ, не знаю, извѣстно ли вамъ, что однимъ изъ желаній мистера Харстона было, чтобы никогда ни мысль, ни рѣчь о сватовствѣ не могла быть допущена до его дочери ранѣе, чѣмъ она достигнетъ полнаго совершеннолѣтія, подъ которымъ онъ разумѣлъ возрастъ двадцати одного года!

— Да, но онъ не могъ предвидѣть разныхъ обстоятельствъ,— замѣтилъ Томъ,—Я увѣренъ, что одинъ годъ или около того не можетъ составить разницы и не можетъ измѣнить ни ея, ни моихъ чувствъ.

— Моя обязанность выполнить въ точности, даже буквально желанія завѣщателя. Но я конечно, не говорю, — продолжалъ Гирдльстонъ,—что могутъ быть обстоятельства, которыя принудятъ меня сократить это время искуса. Если дальнѣйшее мое знакомство съ вами подтвердитъ то высокое мнѣніе о васъ, которое у меня успѣло составиться на вашъ счетъ въ отношеніи вашихъ коммерческихъ способностей, и если я найду, что миссъ Харстонъ рѣшила этотъ вопросъ безповоротно, то это, конечно, повліяетъ на мое рѣшеніе.

— А что же будемъ мы дѣлать въ это время?—спросилъ младшій компаніонъ фирмы.

— Въ это время ни вы, ни кто изъ вашихъ не должны ни видаться, ни писать миссъ Харстонъ, ни стараться говорить съ ней, и вообще поддерживать съ ней какія-либо сношенія. Если я увижу, что вы или она нарушили это условіе, то буду принужденъ, согласно послѣднему желанію покойнаго Харстона от-

править его дочь куда нибудь заграницу, гдѣ она будетъ совершенно внѣ всякаго вашего вліянія! Это я рѣшилъ безповоротно!

— И сколько времени должно оно продолжаться?

— Это будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ васъ самихъ. Если вы окажетесь человѣкомъ способнымъ держать свое слово, даже и въ этомъ дѣлѣ, то я могу быть склоненъ разрѣшить вамъ ухаживанія, а до того времени вы должны мнѣ дать слово, что оставите миссъ Харстонъ совершенно въ покоѣ и не сдѣлаете ни малѣйшей попытки ни видѣться съ ней, ни говорить съ ней, ни писать ей лично или черезъ чье-либо посредство. Это послѣднее условіе чрезвычайно важно. Если вы не можете мнѣ обѣщать этого, то я буду обязанъ удалить миссъ Харстонъ совершенно изъ Англіи, что, конечно, было бы тяжело для нея и неудобно для меня!

— Но я во всякомъ случаѣ долженъ увѣдомить ее объ этихъ условіяхъ. Я долженъ сообщить ей, что вы обнадеживаете насъ ускореніемъ срока нашего искуса на этихъ условіяхъ!

— Было-бы жестоко съ моей стороны не разрѣшить вамъ этого,—сказалъ Гирдльстонъ,—поэтому вы можете послать ей одно письмо, но знайте, что отвѣта на него вы не получите.

— Благодарю васъ и за это, сэръ!—искренно воскликнулъ Томъ,—теперь у меня хотя будетъ надежда, чѣмъ жить и ради чего жить! Эта разлука только укрѣпитъ наши сердца во взаимной любви. А время, что оно можетъ сдѣлать, когда люди любятъ другъ друга!

— Совершенно вѣрно!—проговорилъ Джонъ Гирдльстонъ со странной улыбкой,—но не забудьте, что вамъ не слѣдуетъ болѣе гулять или даже проходить черезъ скверъ!

— Это весьма тяжело, сэръ, весьма тяжело... Но я все таки обѣщаю вамъ и это, и что бы я только не могъ обѣщать, лишь бы ускорить моментъ нашего соединенія!

— Итакъ, рѣшено. А теперь я былъ бы вамъ очень признателенъ, если бы вы отправились въ доки и присмотрѣли за нагрузкой судовъ!

— Отлично, сэръ, я сейчасъ-же туда отправлюсь и благодарю васъ за вашу доброту!—сказалъ Томъ, и, откланявшись, вышелъ изъ кабинета. Но выйдя оттуда, онъ не могъ себѣ дать отчета, быть ему довольнымъ или недовольнымъ этимъ разговоромъ и его результатами. Впрочемъ, въ общемъ онъ скорѣе былъ доволенъ, такъ какъ въ худшемъ случаѣ

пришлось бы ждать годъ или около того, тогда какъ теперь была еще нѣкоторая надежда получить согласіе опекуна и раньше этого срока. Но, съ другой стороны, онъ обязался временно совершенно отказаться отъ Кетъ. Это было, конечно, страшно тяжело, но, думалъ онъ, это только усугубитъ радость нашего предстоящаго свиданія.

Все утро прошло у него въ наблюденіи за нагрузкой и укладкой въ обширное помѣщеніе трюма «Аѳинской дѣвы» желѣзныхъ болтовъ и плитъ, а когда настало время завтрака, даже самая мысль о пищѣ не приходила ему въ голову. Забравшись въ заднюю комнату ближайшей харчевни, онъ потребовалъ бумагу, перо и чернила и принялся за письмо къ своей возлюбленной. Никогда еще столько любви, столько утѣшеній, столько совѣтовъ и мольбы, столько надеждъ не умѣщались на пространствѣ одного листа почтовой бумаги. Дописавъ письмо, Томъ перечелъ его и нашелъ, что оно являлось лишь слабымъ выраженіемъ его чувствъ въ настоящее время. Но когда же влюбленный оставался доволенъ выраженіемъ своихъ чувствъ, изложенныхъ на бумагѣ?

Опустивъ въ почтовый ящикъ свое сердечное изліяніе, въ которомъ онъ особенно обстоятельно изложилъ и разъяснилъ тѣ условія, какими его связалъ опекунъ, Томъ почувствовалъ какъ бы нѣкоторое успокоеніе и съ болѣе легкимъ сердцемъ вернулся въ доки—наблюдать за нагрузкой. Едва ли бы онъ былъ такъ доволенъ и спокоенъ, если бы могъ видѣть, какъ Джонъ Гирдльстонъ, принявъ его письмо изъ рукъ лакея и прочитавъ его въ тишинѣ своей спальной отъ начала до конца, съ сардонической усмѣшкой на тонкихъ старческихъ губахъ, разорвалъ его на мелкіе куски и бросилъ на горящіе уголья своего огромнаго камина.

А на слѣдующее утро Кетъ напрасно смотрѣла въ обычное время изъ окна своей комнаты; напрасно ждала, грустила и скорбѣла сердцемъ: стройная знакомая фигура молодого человѣка не появлялась на улицѣ, и ничья дружеская рука не послала ей въ это утро обычнаго утренняго привѣтствія

XXV. Перемѣна фронта.

Все это произошло недѣли за двѣ до возвращенія Эзры изъ Африки и въ должномъ порядкѣ было сообщено ему отцомъ.

— Это, конечно, не должно смущать тебя,—говорилъ старикъ.—Я всегда съумѣю держать ихъ вдали другъ отъ друга, а когда онъ будетъ отсутствующимъ, а ты присутствующимъ, да къ тому-же, если она не будетъ даже знать причины его отсутствія, то въ концѣ концовъ она почувствуетъ себя забытой, оскорбленной въ своихъ лучшихъ чувствахъ и предпочтетъ тебя.

— Я совершенно не понимаю, какъ ты могъ допустить, чтобы дѣло зашло такъ далеко!—недовольнымъ тономъ замѣтилъ сынъ.—И съ чего только этотъ парень вздумалъ соваться въ наши дѣла. Эта дѣвушка—наша! Она была довѣрена твоему попеченію, и ты, кажется, благополучно проворонилъ ее...

— Не бозпокойся! Я сумѣю ихъ разлучить, и если только ты со своей стороны примешься за дѣло...

— Я сказалъ, что сдѣлаю, и я сдѣлаю! — перебилъ Эзра. И событія вскорѣ показали, что онъ умѣлъ держать свое слово.

До его поѣздки въ Америку, отношенія Гирдльстона сына и дочери покойнаго Харстона не были особенно дружелюбными. Но Кетъ по природѣ своей была настолько любящая и не злопамятная, что не могла питать долго враждебныхъ чувствъ къ кому-бы то ни было. Когда Эзра вернулся, то она сердечно привѣтствовала его, а по прошествіи нѣсколькихъ дней замѣтила, что въ немъ произошла замѣтная перемѣна къ лучшему. Прежде, бывало, проходили недѣли, пока онъ хоть разъ обратится къ ней съ какимъ-либо вопросомъ или замѣчаніемъ, а теперь онъ иногда просиживалъ дома цѣлые вечера, разсказывая ей о впечатлѣніяхъ своего путешествія, и дѣйствительно сумѣлъ заинтересовать ее своими разсказами о людяхъ, нравахъ и обычаяхъ этой любопытной, малоизвѣстной страны. Дѣвушка съ своей стороны всячески старалась поощрять его въ томъ, что она чистосердечно считала въ немъ поворотомъ къ лучшему, и дать ему понять, что она оцѣниваетъ по достоинству перемѣну въ его обращеніи и манерѣ держать себя. Но въ то же время она замѣчала иногда, дивясь сама тому,—что случайный взглядъ или грубый взрывъ или жестокое сужденіе показывали, что по существу своему Эзра остался тотъ-же, какимъ и былъ раньше, и что онъ только дѣлаетъ надъ собой страшное усиліе, чтобы казаться инымъ.

По мѣрѣ того, какъ дни проходили за днями, а отъ Тома не было ни слова, ни знака, страхъ и недоумѣніе овладѣли душой бѣдной Кетъ. Она ничего не знала о переговорахъ, происходившихъ въ Фенчерчь-Стритѣ; у нея не было ни малѣйшаго намека, отчего вдругъ совершенно исчезъ съ ея горизонта юный Димсдаль. Неужели Томъ могъ сообщить ея опекуну объ ихъ помолвкѣ? Неужели тотъ такъ на отрѣзъ отказалъ ему, что онъ устрашившись разстался окончательно съ ихъ завѣтной мечтой?—Нѣтъ, и то, и другое было одинаково невозможно! Но почему-же онъ пересталъ проходить черезъ скверъ? Она знала, что онъ не боленъ, такъ какъ отецъ и сынъ Гирдльстоны постоянно упоминали о немъ, говоря о своихъ дѣлахъ; она слышала, что онъ былъ тамъ. Но въ такомъ случаѣ, что сталось съ нимъ? И ея бѣдное сердце надрывалось отъ тысячей мучительныхъ мыслей, отъ самыхъ противорѣчивыхъ опасеній и предположеній.

Тѣмъ временемъ Эзра давалъ все новыя и новыя доказательства своего вниманія къ ней. Однжды она въ разговорѣ упомянула, что любитъ чайныя розы, и на другой день по утру, придя къ завтраку, она нашла у себя на тарелкѣ превосходную чайную розу; съ того времени каждое утро свѣжая чайная роза лежала у ея прибора. Это милое вниманіе, которое, какъ она отлично знала, могло исходить только отъ Эзры, удивило и вмѣстѣ тронуло ее своею деликатностью, которой она всего менѣе ожидала отъ него.

Въ другой разъ она высказала желаніе прочесть сочиненія Теккерея, а ихъ не было въ домашней библіотеки Джона Гирдльстона. Вернувшись вечеромъ въ свою комнату, она съ удивленіемъ увидѣла на своемъ столикѣ изящно переплетенные томики полнаго собранія сочиненій упомянутаго ею автора. Въ первый моментъ у нея мелькнула безумная мысль, что это былъ подарокъ ея милаго Тома, что онъ вздумалъ воспользоваться этимъ средствомъ, чтобы подтвердить, что она по прежнему дорога ему. Но вскорѣ она должна была убѣдиться, что книги могли явиться только отъ того же Эзры, и она не могла не удивиться этому новому доказательству его предупредительности и желанія быть ей пріятнымъ.

Однажды опекунъ подозвалъ ее къ себѣ послѣ обѣда и сказалъ: «Вы, вѣроятно, скучаете, милая Кетъ, и я распорядился взять для васъ ложу въ оперу на сегодняшній вечеръ. Самъ я не люблю никакихъ зрѣлищъ, но я уже оза-

ботился, чтобы было кому васъ сопровождать! Полагаю, что это развлеченіе будетъ вамъ пріятно!

Но у бѣдной Кетъ было слишкомъ тяжело на сердцѣ, чтобы радоваться развлеченіямъ; тѣмъ не менѣе она постаралась казаться довольной и обрадованной, чтобы ее не сочли неблагодарной.

— Моя добрая пріятельница мистриссъ Вилькинсонъ заѣдетъ за вами, Кетъ; Эзра также поѣдетъ съ вами, такъ какъ онъ очень любитъ музыку!

При послѣднихъ словахъ Кетъ не могла удержаться отъ улыбки, вспомнивъ, какъ искусно Эзра скрывалъ свое пристрастіе и любовь къ музыкѣ въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ, какъ она знала его.

Къ назначенному часу Кетъ была готова, и мистриссъ Вилькинсонъ, корректная пожилая дама изъ хорошей дворянской семьи, всегда патронировавшая Кетъ въ тѣхъ, впрочемъ, крайне рѣдкихъ случаяхъ, когда дѣвушка куда нибудь выѣзжала, не заставила себя ждать; всѣ трое отправились въ оперу.

Въ этотъ вечеръ давали «Фауста»; весь блестящій antourage, туалеты дамъ и масса свѣта и блеска зрительной залы,—все это поражало и ослѣпляло Кетъ, которая до того еще ни разу не была ни въ одномъ театрѣ. Она сидѣла, какъ заколдованная, глаза ея блестѣли, щечки горѣли румянцемъ возбужденія, вслѣдствіе чего она въ этотъ вечеръ казалась удивительно красивой. Такъ казалась она и Эзрѣ Гирдльстону, который, сидя въ глубинѣ ложи, не могъ оторвать отъ нея глазъ, слѣдя за постоянной игрой выраженія на ея неподвижномъ и прекрасномъ молодомъ лицѣ.

— Право, на ней стоитъ жениться, съ деньгами или безъ денегъ, она сама по себѣ стоитъ денегъ,—думалъ онъ въ этотъ вечеръ, искренно любуясь ею и удваивая свое вниманіе.

Но въ антрактѣ случилось нѣчто, доставившее бы большое удовольствіе старому коммерсанту, если-бы онъ могъ видѣть и слышать. Кетъ изъ своей ложи съ дѣтскимъ любопытствомъ разглядывала ряды избранной публики партера, представлявшей собою цѣлое море головъ, какъ вдругъ вздрогнула, и лицо ея на мгновеніе замѣтно поблѣднѣло.

— Скажите, это не мистеръ Димсдаль вонъ тамъ?—обратилась она къ Эзрѣ.

— Гдѣ?—спросилъ Эзра, вытягивая шею въ указанномъ направленіи.—Ахъ, да, вижу! Это онъ во второмъ ряду!

— Вы не знаете, кто эта молодая особа, съ которой онъ говоритъ?—спросила Кетъ.

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣчалъ Эзра.—За послѣднее время я часто вижу его съ ней, но кто она, не имѣю понятія.

Послѣднее замѣчаніе было завѣдомою ложью, но Эзра рѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ въ свою пользу.

— Она очень интересна и красива,—добавилъ онъ,—не правда-ли?—при этомъ онъ не спускалъ глазъ съ своей собесѣдницы.

— Въ самомъ дѣлѣ?—отозвалась Кетъ почти равнодушно и обратилась съ какимъ-то пустяшнымъ замѣчаніемъ къ мистриссъ Вилькинсонъ. Тѣмъ не менѣе у нея стало особенно тяжело на сердцѣ, и остальная часть спектакля уже не доставила ей прежняго удовольствія. Что же касается Эзры, то не смотря на всю его любовь къ музыкѣ, онъ мирно дремалъ въ темномъ уголку ложи въ продолженіи всего послѣдняго акта. И никто не былъ особенно огорченъ, когда Фаустъ за свои преступленія былъ отправленъ въ преисподнюю, а Маргарита за свое покаяніе была вознесена на парѣ деревянныхъ облаковъ. Вернувшись домой, Эзра разсказалъ отцу о вышеупомянутомъ инцидентѣ во время антракта, и старикъ потиралъ руки отъ удовольствія, слушая его.

— Весьма счастливый случай!—воскликнулъ онъ радостно,—упирая на это, можно вызвать въ дѣвушкѣ серьезную перемѣну чувствъ по отношенію къ этому мальчугану. А кто была эта дѣвушка съ нимъ? Ты знаешь?

— Вѣроятно, какая-нибудь бѣдная родственница, которую онъ изрѣдка вывозитъ въ свѣтъ!

— Мы должны разузнать ея имя, происхожденіе, степень родства, словомъ, все! Это будетъ капитальная штука!—воскликнулъ Джонъ Гирдльстонъ, послѣ чего оба уважаемые представителя фирмы разошлись по своимъ спальнамъ, весьма довольные этимъ новымъ козыремъ въ ихъ игрѣ.

Въ теченіе тѣхъ долгихъ недѣль, въ продолженіи которыхъ бѣдный Томъ Димсдаль напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы, согласно данному обѣщанію, избѣгать и Экклестонъ сквэръ, и все, что могло напомнить Кетъ объ его существованіи,—Эзра не упускалъ ни малѣйшаго случая, чтобы за-

красться къ ней въ душу и заслужить ея расположеніе и любовь. Единственнымъ утѣшеніемъ для Тома было то послѣднее, полное самой искренней, страстной и самой нѣжной любви письмо, которое онъ отправилъ ей на прощаніе, гдѣ онъ разъяснилъ ей причину ихъ временной разлуки и убѣждалъ ждать такъ же терпѣливо, какъ и онъ, дня своего окончательнаго соединенія. Если бы только онъ зналъ, какая участь постигла его письмо, то едва ли-бы былъ въ состояніи продолжать свои занятія въ конторѣ съ прежнимъ рвеніемъ и усердіемъ и ждать съ такою покорностью санкціи мистера Гирдльстона для своей помолвки.

По мѣрѣ того, какъ проходили дни за днями, а объ миломъ Томѣ попрежнему не было ни слуха, ни духа, личико Кетъ становилось все печальнѣе и блѣднѣе, а на душѣ у нея становилось все тоскливѣе и тяжелѣе. Что Томъ былъ вполнѣ здоровъ, не было сомнѣнія; вѣдь, она же своими глазами видѣла его тогда въ театрѣ. Чѣмъ же объяснялось его поведеніе? Неужели онъ сказалъ мистеру Гирдльстону объ ихъ помолвкѣ, и послѣдній сумѣлъ отговорить его отъ намѣренія жениться на ней?! Но это было такъ не похоже на Тома! Съ другой стороны, если Гирдльстонъ узналъ объ ихъ помолвкѣ, то, навѣрное, сталъ бы упрекать ее за своевольный шагъ, сталъ бы относиться къ ней еще строже и суровѣе, а наоборотъ, въ послѣднее время онъ сдѣлался скорѣе добрѣе и мягче, чѣмъ прежде. Но, вѣдь, могло быть и то, что встрѣтивъ эту дѣвушку, съ которой она видѣла его въ оперѣ, Томъ вдругъ увлекся ею, и его прежняя любовь къ Кетъ уступила мѣсто этой новой любви, этому новому увлеченію! Но когда она при этомъ припомнила честное и прямодушное выраженіе его безхитростныхъ сѣрыхъ глазъ, тѣхъ глазъ, которыми онъ такъ любовно смотрѣлъ на нее даже въ день ихъ послѣдней встрѣчи въ Экклестоновскомъ саду, ей казалось невозможнымъ, невѣроятнымъ подобное предположеніе, и тѣмъ не менѣе она не находила никакого другого объясненія его поведенію. И чѣмъ больше она объ этомъ думала, тѣмъ болѣе непонятнымъ становилось оно для нея, а блѣдное личико ея становилось все блѣднѣе и блѣднѣе.

Но вотъ ея сомнѣнія и опасенія начали мало по малу принимать болѣе осязаемую форму. Гирдльстоны, отецъ и сынъ, въ ея присутствіи, за столомъ обыкновенно бесѣдовали о

своихъ конторскихъ и биржевыхъ дѣлахъ, о своихъ служащихъ, ихъ дѣятельности, и не рѣдко упоминали между прочимъ и имя Тома.

— Да, теперь отъ него не много увидишь работы,— сказалъ однажды старикъ съ недоброй улыбкой,—оно, конечно, когда молодой человѣкъ влюбленъ, то гдѣ ужъ ему интересоваться счетными книгами и конторскими дѣлами?!...

— Нда... но она, дѣйствительнно, очень хорошенькая, эта дѣвушка. Я вполнѣ понимаю, что онъ могъ ею увлечься,—замѣтилъ Эзра весело и безпечно.—Знаешь, я съ самаго начала думалъ, что изъ этого что-нибудь выйдетъ... мы его видѣли съ ней тогда въ оперѣ. Помните, Кетъ?

И въ такомъ духѣ они продолжали болтать между собой почти ежедневно, а для бѣдной Кетъ каждое ихъ слово было равносильно удару ножа въ сердце, но она старалась скрыть это, и временами оскорбленное чувство самолюбія и обиды брало даже верхъ надъ ея горемъ

Однажды она застала старика Гирдльстона одного и на этотъ разъ не выдержала:

— Это, дѣйствительно, правда, что мистеръ Димсдаль помолвленъ и собирается жениться?—спросила она, порывисто дыша и дѣлая нечеловѣческія усилія, чтобы казаться спокойной.

— Думаю, что да, милая Кетъ,—отвѣтилъ ея опекунъ съ обычной сдержанностью, такъ говорятъ. Когда молодая особа вступаетъ въ переписку съ молодымъ человѣкомъ, то это обыкновенно является признакомъ чего-нибудь подобнаго!

— Аа... такъ они переписываются?

— Да, они переписываются!—это я знаю потому, что она адресуетъ ему свои письма на контору... Не могу сказать, чтобы мнѣ это нравилось. Это походитъ на то, какъ будто онъ это дѣлаетъ тайкомъ отъ своихъ родителей!

Все это отъ начала до конца была сплошная ложь, но Гирдльстонъ зашелъ теперь слишкомъ далеко, чтобы останавливаться передъ такими пустяками

— А кто эта молодая особа?—спросила Кетъ со спокойнымъ, почти равнодушнымъ лицомъ, но дрогнувшимъ голосомъ.

— Это, кажется, его кузина, миссъ Оссари, если не ошибаюсь! Если это такъ, то я, пожалуй, даже доволенъ,

потому что это знакъ, что онъ рѣшилъ остепениться. Знаете, милая Кеть, одно время я даже побаивался, что онъ влюбится въ васъ и увлечетъ васъ. А это было бы для меня тяжелой отвѣтственностью. У него дѣйствительно есть что-то завлекательное, располагающее къ нему!

— Вамъ нечего опасаться этой отвѣтственности,—отвѣтила Кеть съ горячью.—Думаю, что могу противустоять завлекательнымъ манерамъ и располагающей наружности мистера Димсдаля, и могу оцѣнить ихъ по достоинству! — съ этими словами она вышла изъ комнаты, высоко поднявъ голову, а вернувшись къ себѣ, упала лицомъ на подушки и плакала такъ, что казалось, сердце должно было въ ней надорваться.

Джонъ Гирдльстонъ не преминулъ передать объ этомъ разговорѣ своему сыну на возвратномъ пути изъ конторы домой.

— Надо зорко слѣдить за ней,—говорилъ онъ,—а не то этотъ глупецъ потеряетъ терпѣніе и, пожалуй, разрушитъ всѣ наши планы!

— Ну, это не такъ легко,—сказалъ мрачно Эзра.—Я подвигаюсь постепенно, но двигаюсь не быстро, долженъ сознаться. Эта горка круче, чѣмъ я думалъ!

— А, вѣдь, у тебя, можно сказать, была опасная репутація среди женщинъ,—съ чѣмъ-то похожимъ на злобный смѣхъ замѣтилъ старикъ,—я не разъ горевалъ изъ-за твоей распущенности и легкомыслія въ этомъ отношеніи! Ты, кажется, имѣлъ дѣло съ безчисленнымъ множествомъ женщинъ, и я думалъ, что тебѣ этотъ опытъ могъ бы пойти въ прокъ!

— Ты забываешь, отецъ, что есть женщины и женщины, — отвѣтилъ досадливо Эзра, — такая дѣвушка, какъ эта, требуетъ такой-же осмотрительности, какъ щекотливая лошадь.

— Но разъ ты запряжешь ее, то ручаюсь, что она будетъ достаточна смирна и послушна!

— Ты ручаешься!—грубо засмѣялся сынъ.— На что мнѣ это глупое ручательство! Дѣло въ томъ, что сейчасъ сила на ея сторонѣ; мысли ея все еще заняты имъ...

— Она съ горечью говорила о немъ сегодня...

— Да, говоритъ-то она о немъ съ горечью, а тѣмъ не менѣе думаетъ о немъ... Если бы мнѣ только удалось доказать, что онъ бросилъ ее, пренебрегъ ею, то я, пожалуй,

изловилъ бы ее на эту удочку. Она вышла бы за меня замужъ изъ мести къ нему, если не изъ за любви ко мнѣ...

— Да, да, конечно... Подожди немного... Это можно устроить... предоставь это мнѣ!..

Весь этотъ день старикъ размышлялъ объ этомъ, такъ какъ съ каждой недѣлей надобность въ деньгахъ становилась все настоятельнѣе, а получить эти деньги можно было не иначе, какъ черезъ посредство брака Эзры съ дочерью покойнаго Харстона. Иначе говоря, полученіе денегъ стояло въ прямой зависимости отъ успѣха сватовства Эзры. Понятно, почему глава фирмы Гирдльстонъ такъ усиленно взвѣшивалъ и обдумывалъ мельчайшіе шансы, которые могли склонить вѣсы расположенія Кетъ въ ту или другую сторону, и былъ поглощенъ этимъ вопросомъ настолько, что даже колебанія цѣнъ на масла и слоновую кость менѣе интересовали его, чѣмъ послѣдній вопросъ.

На другой день, едва только сѣли за столъ, какъ лакей подалъ старику Гирдльстону наѣсколько писемъ и доложилъ, что они только что доставлены изъ конторы. Дежурный клеркъ говорилъ, что они получились послѣ ухода мистера Гирдльстона, и что онъ не осмѣлился вскрыть ихъ.

— Ну, конечно,—ворчливо пробормоталъ Гирдльстонъ, досадливо отодвигая свою тарелку супа.—Вѣдь, они всѣ знаютъ, что я не терплю заниматься дѣлами внѣ конторы и не въ свое время!—Съ этими словами онъ не глядя сталъ срывать конверты съ нѣсколькихъ писемъ. — «Ну, что у нихъ тамъ?... «Деньги высылаемъ переводомъ... Каски», ну, прекрасно... «Записка отъ Руддера и Сакса... Ну, на это можно отвѣтить и завтра: это не спѣшно... «Счетъ таможенныхъ сборовъ въ Сіера-Леона»... отлично, просмотрю послѣ... «А это что такое?... «Мой обожаемый Томъ!... Отъ кого это?... Ваша навсегда... Мэри Оссари... Да, вѣдь, это письмо молодому Димсдалю! Ха! Ха! Ха!... придется извиниться передъ нимъ, что распечаталъ его письмо... Ужасно не ловко... но чтожъ, въ сущности онъ самъ виноватъ: такую корреспонденцію не слѣдуетъ направлять въ дѣловую контору: вѣдь всѣ письма, идущія на контору, я считаю дѣловыми!...

Кэтъ во все время не проронила ни слова, но лицо ея побѣлѣло, какъ полотно. Она почти ничего не ѣла за обѣдомъ и воспользовалась первой возможностью, чтобы уйти въ свою комнату.

— Ты это превосходно продѣлалъ, батька!—одобрительно воскликнулъ Эзра, когда дѣвушка скрылась.—Стрѣла попала прямо въ цѣль, я это видѣлъ по ней!

— Да, полагаю, это задѣло ее за живое; это оскорбило ея женскую гордость. У людей не должно бы быть гордости; насъ все предостерегаетъ противъ этого, а ея гордость теперь не позволитъ ей даже думать объ этомъ человѣкѣ!

— А кто написалъ тебѣ это письмо?

— Я самъ... Я считаю, что въ подобномъ случаѣ всякая военная хитрость допустима. Вѣдь, на карту поставлены такіе громадные интересы, что поневолѣ приходится прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Я совершенно согласенъ со стариками іезуитами, что «цѣль оправдываетъ средства!»

— Великолѣпно, батька! Великолѣпно!—воскликнулъ Эзра, грызя свою зубочистку.—Я люблю, когда ты разсуждаешь, положительно, это меня освѣжаетъ, эти разсужденія!

— Я дѣйствую согласно тому, какъ того требуютъ обстоятельства!—проговорилъ старикъ, на что Эзра откинулся на спинку своего кресла и искренно расхохотался.

На другой день утромъ старикъ Гирдльстонъ пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ Тома, чтобы поговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ въ послѣдніе дни сталъ замѣчать въ немъ нѣкоторые признаки нетерпѣнія и началъ опасаться какого-нибудь неожиданнаго взрыва, неожиданнаго нарушенія даннаго обѣщанія, что могло бы разрушить всѣ ихъ планы и испортить все дѣло.

— Садитесь, я хочу поговорить съ вами объ интересующемъ васъ дѣлѣ!—началъ любезно, почти ласково старый коммерсантъ, когда къ нему явился по утру его юный компаніонъ, чтобы посовѣтоваться относительно дневныхъ занятій.

Томъ присѣлъ на стулъ съ сильно бьющимся сердцемъ.

— Я долженъ вамъ сказать, мистеръ Димсдаль, что вполнѣ оцѣнилъ ваше достойное и благородное поведеніе! Вы, какъ честный человѣкъ, сдержали свое обѣщаніе по отношенію къ миссъ Харстонъ и сдержали его такъ, какъ лучше требовать нельзя!

— Понятно, что сдержалъ данное слово,—отвѣчалъ радостно Томъ,—но надѣюсь, что теперь вы вскорѣ найдете возможнымъ снять съ меня этотъ страшный запретъ. Повѣрьте, это было для меня страшно тяжелый искусъ!

— Я настаивалъ на немъ, ибо мнѣ, казалось, что того

требуетъ мой долгъ. На этотъ счетъ у каждаго свои взгляды. Мнѣ кажется, что я обязанъ въ память своего усопшаго друга сдѣлать все, чтобы помѣшать его дочери, которую онъ поручилъ мнѣ, совершить ошибочный выборъ. Вотъ почему я и говорю вамъ, что если вы и далѣе съумѣете выказать себя человѣкомъ, заслуживающимъ довѣріе, то я буду расположенъ благосклоннѣе взглянуть на ваше преждевременное сватовство. Но какъ ни было примѣрно во всѣхъ отношеніяхъ ваше поведеніе съ того самаго момента, какъ вы вступили въ фирму, все же если не ошибаюсь, вы были нѣсколько необузданны въ бытность вашу студентомъ въ Эдинбургѣ!

— Я во всей своей жизни не сдѣлалъ ничего такого, чего бы я долженъ былъ стыдиться!—гордо отвѣчалъ Томъ.

— Вѣроятно, нѣтъ! Охотно вѣрю,—произнесъ старикъ, съ трудомъ подавляя саркастическую усмѣшку,—но тутъ вопросъ въ томъ, не дѣлали вы чего нибудь такого, чего бы стыдился вашъ отецъ!

— Конечно, нѣтъ!—горячо воскликнулъ Томъ.—Конечно, я не былъ молочно-кисельнымъ маменькинымъ сынкомъ или какимъ нибудь псалмопѣвцемъ, но я никогда не дѣлалъ ничего такого, чего-бы постыдился передъ моимъ отцомъ или матерью, ничего такого, что-бы могло положить хоть малѣйшую тѣнь на мою репутацію!—Это я могу смѣло сказать!

— Не говорите такъ пренебрежительно о псалмопѣвцахъ!—Это дѣло доброе, и если бы вы занимались чтеніемъ и пѣніемъ псалмовъ въ воскресные и праздничные дни, то не были-бы отъ этого хуже, чѣмъ вы есть! Впрочемъ, что я хотѣлъ вамъ сказать?! Да, мое окончательное согласіе на вашъ бракъ всецѣло зависитъ отъ вашего поведенія, и прежде всего я настаиваю, чтобы вы воздерживались напоминать о себѣ молодой дѣвушкѣ еще въ теченіе нѣкотораго времени!

— Вѣдь, я-же уже обѣщалъ вамъ это, какъ ни мучительно, какъ ни трудно мнѣ это было, и, конечно, не нарушу даннаго обѣщанія! Я утѣшаюсь тѣмъ, что еслибы мы были разлучены въ теченіе 20 лѣтъ, то все-таки остались бы вѣрны другъ другу!

— Это весьма утѣшительно! — замѣтилъ мрачно старый коммерсантъ.

— Тѣмъ не менѣе это страшно тяжело. И если бы я могъ хоть написать ей нѣсколько строкъ...

— Ни единаго слова,—прервалъ его строго и неумолимо

Гирдльстонъ.—Только потому, что я довѣряю вамъ, я и оставилъ ее въ Лондонѣ, а если бы я только допустилъ мысль, что вы нарушите наше условіе, то сейчасъ увезъ бы ее изъ Англіи!

— Я ничего не сдѣлаю безъ вашего разрѣшенія!—сказалъ Томъ, берясь за шляпу, чтобы уйти, но, уже взявшись за ручку двери и откланявшись, вдругъ остановился и добавилъ.—Но предупреждаю, что въ случаѣ, если найду это нужнымъ, предваривъ васъ объ этомъ, я сниму съ себя всякаго рода обязательства по отношенію къ вамъ въ данномъ вопросѣ!

— Вы не сдѣлаете подобнаго безумія! — воскликнулъ старикъ.

— Я оставляю за собою право сдѣлать это, когда только найду нужнымъ! — повторилъ настойчиво Томъ и отправился съ тяжелымъ сердцемъ по своимъ дѣламъ.

— Ну, теперь для тебя дорога расчищена!—проговорилъ старикъ торжествующимъ тономъ своему сыну,—тебѣ нѣтъ надобности опасаться ничьего вмѣшательства, да и дѣвушка какъ разъ въ такомъ настроеніи, что легче всего завладѣть ею. Могу похвастать, что провелъ все это дѣло съ надлежащимъ тактомъ и умѣньемъ, а теперь ты помни, что все стоитъ на этой ставкѣ, иди и выиграй ее, выиграй во что бы то ни стало!

— И я выиграю,—спокойно и самоувѣренно, даже нѣсколько хвастливо отвѣтилъ Эзра.—Думаю, что теперь всѣ шансы на моей сторонѣ!

При этомъ успокоительномъ увѣреніи, старикъ разсмѣялся и одобрительно похлопалъ сына по плечу.

XXVI. Зондированіе почвы.

Не смотря на временное удовлетвореніе и обычную стойкость Джона Гирдльстона, можно было почти съ увѣренностью сказать, что въ цѣломъ Лондонѣ не было, быть можетъ, болѣе удрученнаго и несчастнаго человѣка, чѣмъ онъ. Долгая, упорная борьба съ надвигающимся несчастьемъ расшатала его желѣзное здоровье и унесла его силы какъ физическія, такъ и духовныя. На биржѣ невольно замѣчали, какъ сильно онъ постарѣлъ за послѣднее время, а моралисты распространялись о томъ, какъ безсильно богатство по отношенію къ надвигающейся старости. Даже самъ онъ, взглянувъ на себя въ зеркало, былъ пораженъ происшедшей въ немъ перемѣной— «Ничего!»—говорилъ онъ

самъ себѣ сотни разъ на днѣ,—«все же имъ не сломить меня, что бы они тамъ ни дѣлали!» И это была единственная мысль, поддерживавшая его въ трудной борьбѣ. Сохраненіе торговаго кредита и коммерческой репутаціи стало единственной цѣлью его жизни, ради которой онъ готовъ былъ пожертвовать рѣшительно всѣмъ. Его хитро придуманная спекуляція съ алмазами не удалась, но это была просто несчастная случайность, которую нельзя было ни предвидѣть, ни предотвратить.

Для осуществленія этого проекта потребовались, однако, деньги, которыя ему пришлось занять, а теперь нужно было возвратить. Это удалось сдѣлать посредствомъ продажи привезенныхъ Эзрой изъ Африки камней и отчасти благодаря удачнымъ операціямъ фирмы. Но первоначальный дефицитъ оставался еще не покрытымъ, и Джонъ Гирдльстонъ зналъ, что хотя можно съ мѣсяца на мѣсяцъ отсрочивать платежи по векселямъ, но все таки, въ концѣ концовъ, придется разсчитаться по нимъ, и это время могло быть недалеко; а тогда либо придется удовлетворить кредиторовъ, либо признать себя несостоятельнымъ въ глазахъ торговаго міра. Если сватовство Эзры увѣнчается успѣхомъ и 40 тыс. фунтовъ Кэтъ Харстонъ поступятъ въ ихъ распоряженіе, то фирма отдѣлается отъ тяжелыхъ долговъ и опять станетъ работать по прежнему. Но допустимъ, что Кэтъ откажетъ Эзрѣ, что тогда будетъ? Завѣщаніе было составлено такимъ образомъ, что до этихъ денегъ никто не могъ коснуться ни подъ какимъ видомъ!

Всего удивительнѣе было, однако, то, что въ эту эпоху своей жизни Джонъ Гирдльстонъ искренно признавалъ свой образъ дѣйствій справедливымъ, и когда, вечеромъ или утромъ, опускался на колѣни, вмѣстѣ со всѣми своими домашними, горячо молясь за успѣхъ фирмы, ни малѣйшій упрекъ совѣсти не смущалъ его души. Когда, по воскресеньямъ, его сѣдая голова въ первыхъ рядахъ церковныхъ скамей склонялась въ набожной молитвѣ, въ ней никогда не пробуждалась мысль о несоотвѣтствіи между его религіозными убѣжденіями и его дѣйствіями. Въ теченіе 50 лѣтъ онъ внушалъ себѣ, что онъ человѣкъ справедливый, добросовѣстный, и теперь убѣжденіе въ этомъ такъ крѣпко укоренилось въ его душѣ, что ничто не могло поколебать его. Эзра былъ безусловно не правъ, приписывая это завѣдомому притворству со стороны старика. Нѣтъ, въ основаніи поступковъ стараго коммерсанта лежала слѣпая сила воли и самообманъ и онъ былъ бы глубоко возмущенъ и удивленъ, если бы его об-

винили въ притворствѣ, или назвали его благочестіе ханжествомъ, которымъ онъ прикрывался, какъ щитомъ. Для него фирма Гирдльстонъ была какъ бы воплощеніемъ религіи въ коммерческомъ мірѣ и, какъ таковая, должна была быть спасена всѣми возможными средствами.

Его сыну такое состояніе ума и души было совершенно не понятно, и онъ просто приписывалъ своему отцу удивительнѣйшую способность притворства и умѣнье прекрасно прикрываться при случаѣ своимъ благочестіемъ. Самъ Эзра унаслѣдовалъ отъ отца упорную настойчивость и коммерческія способности, а по натурѣ своей былъ неразборчивъ на средства и не выносилъ никакихъ препятствій на своемъ пути. Онъ вполнѣ сознавалъ, что въ данный моментъ все будущее фирмы зависѣло отъ успѣха его сватовства; съ другой стороны, онъ зналъ, какимъ прибыльнымъ дѣломъ могло быть ихъ дѣло, при условіи, если удастся снова поставить его на ноги и очистить отъ долговъ.

Онъ уже рѣшилъ, въ случаѣ успѣха, совершенно отстранить отъ дѣлъ старика-отца и взять бразды правленія фирмы въ свои руки. Его практическій умъ уже указывалъ ему десятки способовъ, какъ извлекать громадные барыши и увеличить доходность ихъ дѣла; но прежде всего ему нужно было овладѣть 40,000 фунтовъ приданнаго Кэтъ, чего онъ и добивался въ настоящее время всѣми средствами. А когда двое такихъ людей, какъ эти, работаютъ для одной общей цѣли, то трудно, чтобы ихъ взаимныя усилія не увѣнчались успѣхомъ.

Ошибочно было бы предполагать, что Эзра былъ хоть сколько нибудь влюбленъ въ это время. Нѣтъ; онъ признавалъ за дѣвушкой ея кроткій и милый нравъ и привлекательную наружность, но все это были не тѣ качества, которыя особенно прельщали его воображеніе, такъ какъ онъ привыкъ къ женщинамъ совершенно иного рода.

— Она не имѣетъ ничего захватывающаго, увлекательнаго, задорнаго,—говорилъ онъ отцу,—это не то, что Полли Лукасъ или Манни Вокеръ!..

— Боже упаси!—восклицалъ отецъ.—Да отъ тѣхъ и за дверями-то не знаешь какъ уберечься, а что бы было, если бы такія женщины переступили порогъ нашего дома!

— Да, но зато за ними ухаживать гораздо лучше!—сказалъ Эзра.—Когда дѣвушка сразу отзывается на ухаживаніе и время

отъ времени ободряетъ васъ, то дѣло подвигается гораздо быстрѣе!

— А ты не умѣешь писать стихи?

— Не особенно-то умѣю!—угрюмо отозвался Эзра.

— Жаль! Мнѣ кажется, что это очень нравится дѣвушкамъ. Быть можетъ, ты найдешь кого нибудь, кто бы писалъ тебѣ стихи, а ты только проставляй подъ ними свое имя... Кромѣ того, ты могъ бы выучить нѣкоторые изъ этихъ стиховъ наизустъ и при случаѣ декламировать ей.

— Да... это можно! Я собираюсь купить ошейникъ ея проклятой собаченкѣ! Вчера, пока я говорилъ съ ней, она все время не переставала заниматься ею, такъ что, вѣроятно, не слышала и половины того, что я ей говорилъ. У меня, понимаешь, такъ и сжимались пальцы, чтобы схватить собаченку и вышвырнуть за окно!

— Не забудься какъ нибудь, Эзра, ради Бога, не забудься!—воскликнулъ старикъ.—Одинъ какой нибудь шагъ—и все пропало!

— Не бойся!—съ увѣренностью сказалъ Эзра и отправился покупать ошейникъ. Зайдя въ магазинъ, онъ купилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и арапникъ, который, однако, заперъ въ свой столъ, чтобы воспользоваться имъ, когда представится къ тому удобный случай.

Все это время Кэтъ совершенно безразлично относилась къ ухаживаніямъ Эзры Гирдльстона. Она столько времени жила съ нимъ подъ одной кровлей и въ теченіе столькихъ лѣтъ встрѣчала въ немъ такое полное отсутствіе предупредительности и вниманія къ себѣ, что мысль о немъ, какъ о возможномъ женихѣ или поклонникѣ, никогда не приходила ей въ голову. Происшедшую въ немъ перемѣну она всецѣло приписывала тому, что онъ повидалъ свѣтъ, повидалъ другихъ людей, и не рѣдко удивлялась въ душѣ, какимъ образомъ въ столь короткое время онъ могъ такъ сильно измѣниться къ лучшему. Въ этомъ скучномъ домѣ всякій сколько нибудь привѣтливый товарищъ являлся желаннымъ, и потому она охотно бесѣдовала съ нимъ, высказывая взглядомъ, и улыбкой свою благодарность за вниманіе къ ней которое она принимала за безкорыстное проявленіе его дружелюбныхъ чувствъ.

Но спустя нѣкоторое время ухаживанія Эзры стали настолько замѣтны, что она не могла не догадаться объ ихъ значеніи. Онъ уже сталъ запускать свои обычныя занятія, чтобы цѣлые

дни не отходить отъ ея юбки, отпускалъ ей довольно дубоватыя любезности и всячески старался дать ей понять свои чувства къ ней. Какъ только Кэтъ уяснила себѣ этотъ удивительный фактъ, она сразу перемѣнила свое обращенiе, стала сдержанной и рѣшила избѣгать оставаться съ нимъ наединѣ. Но Эзра, ни мало не смущаясь, только удваивалъ свои ухаживанiя и однажды даже хотѣлъ поцѣловать ея руку, чего она, однако, успѣла избѣжать, успѣвъ во время незамѣтно отдернуть ее. Видя, что на него ничто не дѣйствуетъ, Кэтъ заперлась въ своей комнатѣ и почти не выходила изъ нея, кромѣ тѣхъ часовъ, когда она была увѣрена, что Эзры не было дома. Она рѣшила не допускать никакихъ недоразумѣнiй относительно своихъ чувствъ къ сыну своего опекуна и только ждала случая высказаться прямо.

Джонъ Гирдльстонъ слѣдилъ за молодыми людьми съ величайшимъ вниманiемъ и интересомъ, и когда Кэтъ стала запираться въ своей комнатѣ, счелъ долгомъ лично вмѣшаться.

— Вамъ бы слѣдовало почаще выходить изъ дома, милая Кэтъ, и дышать свѣжимъ воздухомъ!—замѣтилъ онъ, оставшись однажды утромъ послѣ завтрака наединѣ съ молодой дѣвушкой,—иначе румянецъ сбѣжитъ съ вашихъ щекъ!

— А мнѣ, право, это все равно, сбѣжитъ у меня румянецъ съ лица или нѣтъ!—тихо отвѣтила Кэтъ.

— Вамъ можетъ быть, но зато другимъ это не все равно,—продолжалъ старикъ,—я думаю, это прямо скосило бы съ ногъ Эзру, если бы вы вдругъ заболѣли!

Кэтъ ярко вспыхнула при этомъ оборотѣ разговора и сказала сдержанно и серьезно:

— Я положительно не вижу, на какомъ основанiи вашему сыну заботиться о моемъ румянцѣ или моемъ цвѣтѣ лица!

— Да неужели вы не видите, что онъ любитъ даже ту землю, по которой ступаетъ ваши нога?! онъ осунулся и похудѣлъ за это время, не видя васъ; ему уже кажется, что онъ оскорбилъ васъ чѣмъ нибудь!

— Ради Бога!—воскликнула Кэтъ,—уговорите его думать о комъ нибудь другомъ, только не о мнѣ!—Это будетъ только тяжело для обоихъ насъ, и для него, и для меня, такъ какъ ни къ чему привести не можетъ!

— А почему нѣтъ?

— Ахъ, не будемъ говорить объ этомъ!—страстно воскликнула дѣвушка.—Самая мысль объ этомъ ужасна! Не за чѣмъ и говорить объ этомъ!

— Но почему-же, дорогое дитя? Вы, право, слишкомъ поспѣшны въ своихъ заключеніяхъ. Конечно, Эзра имѣетъ свои недостатки, но кто ихъ не имѣетъ? Онъ былъ нѣсколько разнузданъ въ молодости, но теперь уже остепенился и становится прекраснымъ дѣловымъ человѣкомъ. Увѣряю васъ, что, несмотря на его молодость, на биржѣ мало чье имя произносится съ такимъ уваженіемъ, какъ его, и наши дѣла въ Африкѣ онъ тоже велъ блистательно. Онъ уже и сейчасъ богатый человѣкъ, а со временемъ будетъ еще богаче. Я положительно не вижу никакой причины этому отказу; а что касается его наружности, то онъ не хуже любого молодого человѣка въ Лондонѣ!

— Я желаю, чтобы вы и не говорили, и не думали больше объ этомъ!—произнесла Кэтъ,—это вопросъ совершенно рѣшительный: я ни за кого не выйду замужъ и всего меньше за него!

— Вы еще передумаете, Кэтъ; въ этомъ я увѣренъ,—сказалъ опекунъ, ласково гладя ея каштановые волосы своей сухой, костлявой рукой.—Съ тѣхъ поръ какъ покойный отецъ довѣрилъ васъ мнѣ, я охранялъ и берегъ васъ, какъ только могъ, и много безсонныхъ ночей провелъ, думая о вашемъ будущемъ, стараясь устроить его такъ, чтобы вы были счастливы. А потому не захочу дать вамъ дурного совѣта и не стану понуждать на такой шагъ, который могъ-бы не дать вамъ счастья. Скажите, можете вы на что нибудь пожаловаться въ моихъ отношеніяхъ къ вамъ?

— Вы всегда были справедливы!—отвѣчала Кэтъ.

— И такъ-то вы отплачиваете мнѣ! Вы хотите разбить сердце моего сына, а черезъ него и мое.—Это мой единственный ребенокъ, и если съ нимъ что-нибудь случится, то, говорю вамъ, я не переживу этого. Въ вашей власти допустить и не допустить до этого и въ вашей власти сдѣлать мою старость счастливой сознаніемъ, что мой мальчикъ соединилъ свою судьбу съ хорошей и достойной женщиной и достигъ того, къ чему онъ стремился всѣми силами своей души!

— Но я не могу! Не могу! Не будемъ говорить больше объ этомъ!

— Подумайте еще объ этомъ,—сказалъ старикъ.—Обсудите этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и не забывайте, что любовь честнаго человѣка не слѣдуетъ отвергать сгоряча. Я, конечно, очень озабоченъ этимъ, такъ какъ мое будущее счастье такъ же, какъ и его, будетъ зависѣть отъ вашего рѣшенія!

Въ результатѣ Джонъ Гирдльстонъ остался доволенъ этимъ объясненіемъ. Ему показалось, что дѣвушка съ меньшей рѣшимостью повторила свой отказъ въ концѣ разговора и что его слова произвели на нее извѣстное дѣйствіе, которое усилится при размышленіи.

— Дай ей немножко одуматься,—совѣтовалъ онъ сыну,—полагаю, что она одумается и перемѣнитъ свое рѣшеніе!...

— О, если бы получить деньги, не беря ее въ придачу! Это было бы гораздо лучше для меня!—воскликнулъ Эзра.

— И для нея также!—прибавилъ мрачно Джонъ Гирдльстонъ.

XXVII. Мистриссъ Скелли.

Однажды маіоръ Тобіа Клеттербекъ сидѣлъ у окна въ своей маленькой комнаткѣ, курилъ папиросу и прихлебывалъ изъ стакана дешевое вино, какъ это любилъ дѣлать во время своего сравнительнаго благополучія. Во время этого пріятнаго времяпрепровожденія онъ случайно взглянулъ по направленію противоположной стороны улицы и замѣтилъ въ окнѣ, приходившемся противъ его собственнаго окна, бахромку темныхъ волосъ и подъ ней—пару еще болѣе темныхъ глазъ, наблюдающихъ за нимъ изъ-за края занавѣски. Это видѣніе въ окнѣ заинтересовало маіора, и онъ всталъ, чтобы лучше разглядѣть, но, увы!—прежде, чѣмъ онъ успѣлъ навести на него свой лорнетъ, оно уже исчезло. Онъ долго и упорно не спускалъ глазъ съ окна и выкурилъ по меньшей мѣрѣ шесть папиросъ, не говоря о томъ, что допилъ весь остатокъ вина въ бутылкѣ. Но, хотя ему и казалось, что въ глубинѣ комнаты кто-то движется, и мелькаетъ чье-то свѣтлое платье,—тѣмъ не менѣе ничего болѣе опредѣленнаго различить не могъ.

На слѣдующій день маіоръ снова помѣстился у своего окна и былъ вознагражденъ за свою смѣтливость появленіемъ двухъ весьма опасныхъ глазъ, которые были вооружены биноклемъ и украшали собой отнюдь не лишенное пріятности лицо. Особа, обладавшая этими прелестями, упорно и долго смотрѣла внизъ на улицу, словно ожидая кого-то, затѣмъ вверхъ по улицѣ и, наконецъ, какъ бы случайно, взглянула и черезъ улицу, гдѣ, къ своему удивленію, увидѣла полнаго, среднихъ лѣтъ господина съ ярко-краснымъ лицомъ, смотрѣвшаго на нее съ выраженіемъ нескрываемаго восхищенія. Она была такъ смущена этимъ, что тотчасъ же скрылась за занавѣской, и маіоръ

опасался, что уже больше не увидитъ ее. Къ счастью, однако, стало очевидно, что смущеніе этой дамы было не столь велико, такъ какъ черезъ какихъ нибудь пять минутъ она снова вернулась къ окну, гдѣ глаза ея снова встрѣтились съ сіяющимъ и веселымъ лицомъ маіора, который стоялъ теперь во внушительной и живописной позѣ, нѣсколько терявшей вслѣдствіе того, что на немъ былъ пунцовый халатъ. На этотъ разъ глаза ея остановились нѣсколько дольше на нашемъ героѣ, и нѣчто похожее на улыбку мелькнуло на ея лицѣ. Въ отвѣтъ на это маіоръ улыбнулся и поклонился самымъ изящнымъ образомъ; она тоже улыбнулась, показавъ при этомъ рядъ ровныхъ бѣленькихъ зубковъ. Что бы вслѣдъ за этимъ сдѣлалъ доблестный вояка, трудно сказать, такъ какъ дама скрылась и на этотъ разъ уже окончательно. Тѣмъ не менѣе маіоръ былъ очень доволенъ и долго смѣялся тихимъ самодовольнымъ, добродушнымъ смѣхомъ, выряжаясь въ свой щегольскій сюртукъ, дѣвственно-свѣжій воротничекъ и безупречныя лаковыя ботинки, чтобы отправиться въ клубъ.

Въ свое время это былъ лихой человѣкъ и такъ же усердно служилъ Венерѣ, какъ Марсу во время своей въ высшей степени разнообразной служебной карьеры. Весь день воспоминаніе объ этомъ маленькомъ случаѣ преслѣдовало его; и до того онъ былъ увлеченъ имъ, что впервые проигралъ свою партію, сдѣлавъ непростительную ошибку. Вернувшись домой, онъ обо всемъ разсказалъ фонъ Баумзеру.

— И знаешь, она чертовски хорошенькая женщина,—говорилъ онъ,—клянусь св. Георгіемъ, кто бы она ни была, это самая хорошенькая женщина, какую я видалъ за многіе годы!

— Она вдова!—проговорилъ фонъ Баумзеръ.

— Что?

— Да, вдова инженера!—также равнодушно повторилъ нѣмецъ.

— Что ты знаешь о ней? Какъ ее зовутъ? Откуда она?

— Я слышалъ отъ прислуги, что въ тѣхъ комнатахъ напротивъ живетъ вдова; она квартируетъ у мистриссъ Моррисонъ и эти окна—ея комнаты. Что же касается ея имени, то я позабылъ его!

— Знаешь, у нея глаза, которые тебя такъ и пронизываютъ и фигура, какъ у Юноны!...

— Ей сорокъ лѣтъ, какъ одинъ день!—замѣтилъ фонъ Баумзеръ.

—Ну, такъ что-же изъ того, другъ мой?! Женщина, когда ей сорокъ лѣтъ,—въ полномъ соку; если бы ты видѣлъ ее сегодня въ окнѣ, она бы штурмомъ взяла тебя! Понимаешь, она держится вотъ такъ и смотритъ такъ! И когда увидѣла меня, то потупилась, затѣмъ покраснѣла, потомъ еще разъ выглянула изъ-за занавѣски и еще, и еще... Чортъ побери!

— Прекрасно!..—одобрилъ нѣмецъ.

— Эхъ, другъ мой, двадцать лѣтъ назадъ, когда у меня грудь была сорока дюймовъ въ обхватѣ, а талія въ тридцать, на меня стоило посмотрѣть дважды! Да!.. Когда человѣкъ старѣетъ и остается одинокъ, тогда только начинаетъ понимать, какъ глупъ онъ былъ, что не воспользовался своимъ временемъ, пока еще было не поздно.

— Mein Gott!—воскликнулъ фонъ Баумзеръ.—Вѣдь не хотите-же вы сказать, что не прочь бы жениться, если бы представился случай?!

— Право, не знаю!—задумчиво отвѣтилъ маіоръ.

— Женщинамъ нельзя вѣрить, нельзя положиться!—проговорилъ печально нѣмецъ.—Я тоже зналъ одну женщину у себя на родинѣ; она была дочь содержателя гостинницы; мы были помолвлены и обѣщали другъ другу пожениться. Былъ у меня пріятель Карлъ Хагельштейнъ, прекраснѣйшій, какъ говорится, человѣкъ, красивый изъ себя парень; я часто отправлялъ его съ подарками, цвѣтами и разными маленькими знаками вниманія къ своей возлюбленной, имѣя причины не являться къ ней самъ. Онъ былъ много красивѣе меня; мои волосы рыжи. И что же? Вскорѣ она полюбила его вмѣсто меня; онъ тоже полюбилъ ее; за день до нашей свадьбы она отправилась пароходомъ по Рейну во Франкфуртъ, онъ поѣхалъ туда же сухимъ путемъ, по желѣзной дорогѣ, и тамъ они встрѣтились и обвѣнчались.

— А что ты сдѣлалъ?—спросилъ, видимо, заинтересованный маіоръ.

— Ахъ, это было хуже всего! я послѣдовалъ за ними, съ однимъ своимъ пріятелемъ, и когда мы ихъ накрыли, не сказалъ ей не слова, но его вызвалъ изъ гостинницы и сказалъ ему, что онъ долженъ со мной драться. И это была большая ошибка съ моей стороны!—глубокомысленно замѣтилъ фонъ Баумзеръ.—Мнѣ слѣдовало нанести ему оскорбленіе и этимъ заставить его вызвать меня; тогда выборъ оружія былъ бы предоставленъ мнѣ,—а тутъ вышло такъ, что

онъ выбралъ эспадроны, а я не умѣю даже въ рукахъ держать ихъ; онъ же былъ лучшій фехтовальщикъ во всемъ университетѣ. На утро мы дрались, и онъ прежде, чѣмъ я успѣлъ одуматься, пронзилъ мнѣ лѣвое легкое. Послѣ того я пролежалъ два мѣсяца въ постели, и по сіе время въ дурную погоду рана моя ноетъ... Это называется «удовлетвореніе».— добавилъ фонъ Баумзеръ, — мнѣ же это всегда казалось самымъ полнымъ отсутствіемъ «удовлетворенія», какое только можно было придумать.

— Теперь я понимаю, почему ты боишься женщинъ,— сказалъ смѣясь маіоръ.—Но могу тебя увѣрить, что между ними есть очень много хорошихъ; все дѣло въ томъ, чтобы тебѣ посчастливилось встрѣтиться съ ними. Знаешь молодого Димсдаля?—Да, ты не знаешь, а я встрѣтилъ его недавно въ клубѣ! Такъ вотъ онъ снюхался съ дѣвушкой, съ пріемной дочерью этого старика Гирдльстона; я разъ видѣлъ ихъ вмѣстѣ. Положительно парочка голубковъ, и, право, стоитъ только взглянуть на нее, чтобы замѣтить ея золотое сердце; я готовъ побиться объ закладъ, что та, черезъ дорогу, тоже не уступитъ ей!

— Эта женщина не выходитъ у васъ изъ головы!—съ улыбкой замѣтилъ фонъ Баумзеръ.—Вы, навѣрное, будете видѣть ее во снѣ... Я помню въ Германіи одну женщину... и на эту тему пріятели продолжали бесѣдовать до поздней ночи, а когда маіоръ, наконецъ, сталъ ложиться, его послѣдняя мысль передъ отходомъ ко сну принадлежала дамѣ въ окнѣ и возможности узнать о ней еще что-нибудь.

Впрочемъ, это оказалось гораздо легче, чѣмъ онъ думалъ, такъ какъ на слѣдующее утро, подвергнувъ допросу маленькую служанку, отъ которой и его пріятель получилъ свѣдѣнія, маіору удалось узнать все, что ему хотѣлось. Изъ этого источника онъ узналъ, что эта особа была вдова, звали ее мистриссъ Скелли, что ея покойный мужъ былъ инженеръ, и что она жила уже нѣкоторое время у мистриссъ Моррисонъ, содержавшей также меблированныя комнаты, подобно госпожѣ Роббинсъ и конкурировавшей съ ней.

Вооружившись всѣми этими свѣдѣніями, маіоръ нѣкоторое время раздумывалъ, какъ бы ему проникнуть къ его плѣнительной сосѣдкѣ, не прибѣгая къ какой-нибудь военной хитрости. Но такого пути онъ не находилъ и рѣшилъ при-

бѣгнуть къ послѣдней. «Смѣлость города беретъ!»—рѣшилъ онъ и съ этими словами всталъ со своего мѣста, сбросилъ свой алый халатъ и преобразился въ безупречнаго франта, какимъ всегда являлся въ обществѣ. Никогда еще онъ не занимался собой такъ тщательно, какъ въ это утро. Лицо его было чисто выбрито; порѣдѣвшіе уже волосы тщательно расчесаны; весь онъ былъ съ ногъ до головы безупреченъ по внѣшности. — «Клянусь Св. Георгіемъ!» — воскликнулъ онъ, оглядывая себя въ дешевое хозяйское зеркало,—я смотрѣлъ бы не старше Баумзера, если бы у меня было побольше волосъ на головѣ! Это все каски да кивера,—будь они прокляты!—виноваты, что я потерялъ волосы раньше времени!

Когда туалетъ его былъ законченъ парой свѣтлыхъ перчатокъ и чернаго дерева тросточкой съ серебрянымъ набалдашникомъ, маіоръ торжественно вышелъ изъ дому съ высоко поднятымъ челомъ, но тревожно трепещущимъ сердцемъ, такъ какъ какой же мужчина можетъ чувствовать себя совершенно спокойнымъ, дѣлая первый шагъ къ сближенію съ женщиной, которая серьезно нравится ему?

Впрочемъ, каковы бы ни были истинныя чувства маіора, онъ умѣлъ скрыть ихъ довольно искусно, когда позвонилъ въ меблированныя комнаты мистриссъ Моррисонъ и спросилъ, дома ли мистриссъ Скелли.

— Да, сэръ, онѣ дома,—испуганно отвѣчала прислужница, пораженная воинственною, внушительною наружностью маіора и его щегольскимъ костюмомъ.

— Будьте любезны передать ей, что я желалъ бы видѣть ее,—сказалъ маіоръ безъ малѣйшаго смущенія,—я не задержу ее. Вотъ моя карточка: маіоръ Тобіа Клеттербекъ, бывшій офицеръ 119-го легкаго пѣхотнаго полка!

Служанка скрылась съ карточкой и вскорѣ вернулась съ предложеніемъ подняться наверхъ. Отставной военный поднялся по лѣстницѣ твердой, увѣренной поступью человѣка, принявшаго рѣшеніе довести начатое до конца.

Въ то время, какъ онъ подымался, ему показалось, что до его слуха донесся отдаленный женскій смѣхъ. Но этотъ смѣхъ не могъ исходить отъ той особы, къ которой теперь шелъ, такъ какъ его провели въ довольно просторную, хорошо и прилично обставленную комнату, гдѣ эта особа сидѣла въ обществѣ другой, молодой особы, занимавшейся вязаньемъ.

Остановившись на порогѣ, маіоръ раскланялся и съ подобающимъ апломбомъ, увѣренно произнесъ:

— Я надѣюсь, вы извините мою навязчивость, сударыня,—но я узналъ, что здѣсь живетъ нѣкая мистриссъ Скелли, и это побудило меня.....

— Дѣйствительно, моя фамилія Скелли, сэръ,—проговорила дама, темные глаза которой побудили маіора на этотъ отважный подвигъ.

— Въ такомъ случаѣ, madame,—продолжалъ маіоръ, еще разъ кланяясь,—позвольте мнѣ спросить васъ, не приходитесь ли вы родственницей генералу-маіору Скелли, служившему въ саперахъ въ Индіи?

— Прошу садиться, маіоръ... маіоръ Клеттербекъ,—сказала мистриссъ Скелли, справившись съ лежащей передъ ней карточкой.—Такъ вы говорите о генералъ маіорѣ Скелли?! Боже мой, право, не знаю... знаю только, что одинъ изъ родственниковъ моего покойнаго мужа дѣйствительно служилъ въ войскахъ, но мы ничего не слышали о немъ. Неужели онъ дослужился до генералъ-маіора? Кто бы это могъ подумать?

— Такой смѣлый, отважный солдатъ!—воскликнулъ маіоръ, увлекаясь своимъ собственнымъ краснорѣчіемъ,—какихъ мало; онъ врубался въ самую чащу непріятеля и открывалъ себѣ дорогу мечемъ сквозь вражескіе ряды или несся, какъ ураганъ, черезъ снѣжные перевалы Гималаевъ!

— Скажите пожалуйста!—воскликнула молодая особа съ вязаньемъ въ рукахъ.

— Сколько разъ,—продолжалъ маіоръ,—онъ и я послѣ жестокой битвы ложились вмѣстѣ на пропитанной вражеской кровью землѣ и накрывались однимъ военнымъ плащемъ.

— Представьте себѣ!—воскликнули хоромъ обѣ дамы—и лучшаго, болѣе подходящаго восклицанія не могли бы придумать.

— А когда, наконецъ, онъ умеръ,—продолжалъ маіоръ растроганно,—раскроенный на двое страшнымъ ударомъ сабли, въ схваткѣ съ горцами, то обратился ко мнѣ.....

— Послѣ того, какъ былъ разрубленъ пополамъ?—прервала его болѣе юная изъ слушательницъ.

— Онъ обратился ко мнѣ,—повторилъ не смущаясь, маіоръ и, вложивъ въ свою руку мечъ, сказалъ при послѣднемъ

своемъ издыханіи.—«Тоби,—такъ онъ всегда называлъ меня,—Тоби, у меня есть въ Англіи... вашъ супругъ былъ, кажется, его братомъ, если не ошибаюсь, вы такъ изволили сказать?

— Нѣтъ,—то былъ дядя моего покойнаго мужа!

— Совершенно вѣрно! Такъ онъ сказалъ: «у меня есть въ Англіи племянникъ, который очень дорогъ моему сердцу. Онъ женатъ на прелестной, очаровательной женщинѣ, отыщи, Тоби эту молодую чету и охраняй ихъ въ жизни»!

Это были его послѣднія слова; въ слѣдующій моментъ душа его вылетѣла изъ тѣла... Теперь, услышавъ ваше имя, случайно упомянутое при мнѣ, я не могъ найти себѣ покоя до тѣхъ поръ, пока не зашелъ сюда и не убѣдился, что вы именно та особа, о которой онъ мнѣ говорилъ.

Весь этотъ удивительный разговоръ не только изумилъ интересную вдову, что было бы весьма естественно, такъ какъ она прекрасно поняла, что все въ немъ отъ начала до конца чистѣйшій вымыселъ, но задѣлъ ее за самое сокровенное чувство: отецъ ея покойнаго мужа былъ человѣкъ низкаго происхожденія,—и наличность въ ихъ семьѣ генералъ-маіора, хотя бы и не существующаго, такъ какъ его уже не было въ живыхъ, все же была великимъ благополучіемъ: прекрасная вдовушка всегда страдала до извѣстной степени маніей величія, которую, однако, до сего времени не находила причинъ удовлетворить. Вотъ почему разсказъ маіора былъ встрѣченъ ею съ благосклонной улыбкой, которая ободрила его, окрыливъ его фантазію къ дальнѣйшему полету за предѣлы вѣроятнаго.

— Могу васъ увѣрить,—продолжалъ онъ,—мы съ покойнымъ Скелли жили душа въ душу, какъ родные братья, а онъ былъ человѣкъ, знакомствомъ съ которымъ могъ бы гордиться каждый. Нашъ главнокомандующій сказалъ мнѣ однажды: «Клеттербекъ, я, право, не знаю, что бы мы стали дѣлать, если бы намъ предстояла европейская война. Я не имѣю ни одного человѣка, на котораго могъ бы положиться въ подобномъ случаѣ!» — «А Скелли?» — говорю я. — «Вы, правы,—отвѣчалъ онъ,—да, Скелли былъ бы вполнѣ подходящій человѣкъ!» Онъ былъ страшно пораженъ, когда это случилось! — «Это страшный ударъ для Британской арміи!»—сказалъ главнокомандующій, склонившись надъ нимъ,

въ то время, какъ онъ лежалъ съ простр́ѣленной головой, съ пулей, застрявшей у него въ мозгу... да-съ!...

— Но вы говорили, маіоръ, что онъ былъ разрубленъ пополамъ?

— Дѣйствительно, такъ оно и было! Онъ былъ разрубленъ пополамъ и прострѣленъ пулей и... Ахъ, еслибы онъ могъ предвидѣть, что я встрѣчусь съ вами: онъ умеръ бы спокойно!

— Странно, что онъ никогда не напоминалъ намъ о своемъ существованіи, пока живъ!—замѣтила вдова.

— Все это гордость, madame! Онъ былъ страшно гордъ! До тѣхъ поръ, пока я не достигну вершины славы, Тоби,—говаривалъ онъ мнѣ,—я никогда не напомню о себѣ брату!...

— Племяннику!—вставила вдова.

— Да, именно—племяннику. «Я никогда не напомню о себѣ своему племяннику!» Онъ повторилъ мнѣ эти слова какъ разъ за нѣсколько дней до того, какъ роковая бомба разорвала его.

— Бомба! Вы, кажется, говорили о пулѣ!

— Нѣтъ, сударыня, онъ былъ разорванъ на части бомбой... непріятельской бомбой!—рѣшительно заявилъ маіоръ.

— Боже мой!—воскликнула мистриссъ Скелли съ нѣсколько растеряннымъ выраженіемъ лица,—какъ это все ужасно! Мы должны быть вамъ очень благодарны за всѣ эти подробности, очень благодарны, маіоръ Боттельтоннъ...

— Клеттербекъ!—поправилъ ее маіоръ.

— Извините, маіоръ Клеттербекъ, какъ мило, что вы посѣтили насъ подружески и сообщили намъ эти интересныя подробности. Весьма естественно, что когда умираетъ кто-нибудь изъ нашихъ родственниковъ, то хотя бы мы почти и не знали ничего о немъ, все же интересно имѣть ясное представленіе о томъ, какъ все это случилось. Представь себѣ, Клара,—продолжала вдова, обращаясь къ своей болѣе юной собесѣдницѣ и въ то же время вынимая платокъ изъ ридикюля и поднося его къ глазамъ,—представь себѣ этого несчастнаго генералъ-маіора, который былъ разрубленъ пополамъ, затѣмъ прострѣленъ пулей въ голову и разорванъ бомбой на части тамъ, въ далекой Индіи, и потомъ говорилъ какъ разъ за нѣсколько минутъ до смерти о моемъ бѣдномъ Джэкѣ и обо мнѣ... Нѣтъ, право, я не знаю, какъ намъ благодарить маіора Боттельназъ.

— Клеттербекъ, madame!—съ возмущеніемъ въ голосѣ воскликнулъ обиженный маіоръ.

— Простите, пожалуйста! — снова извинилась дама.— Право, я должна отблагодарить его, Клара, и за все, что онъ сообщилъ намъ, и за его любезное посѣщеніе!

— Не трудитесь благодарить меня, дорогая мистриссъ Скелли,—проговорилъ маіоръ, откланиваясь и дѣлая отрицательный жестъ рукой,—я уже достаточно вознагражденъ тѣмъ, что имѣлъ честь и удовольствіе познакомиться съ вами и увидѣть вблизи то, чѣмъ уже давно любовался издали.

— Ахъ, тетя! Ты только послушай, что онъ говоритъ!— воскликнула Клара, и обѣ женщины мило разсмѣялись.

— Я при этомъ не забываю и васъ, миссъ... миссъ...

— Миссъ Тиммсъ,—подсказала мистриссъ Скелли,—дочь моего брата.

— Не забываю и васъ, миссъ Тиммсъ,—продолжалъ маіоръ съ изысканнымъ поклономъ въ сторону молодой дѣвушки,— для одинокаго человѣка, какъ я, одинъ видъ прекрасной женщины—точно медовая роса для увядшаго растенія. Я чувствую, что ваше присутствіе оживило меня, придало мнѣ бодрости и силы!—при этомъ маіоръ особенно выразительно выпятилъ свою грудь и придалъ своему апоплексическому лицу, выступавшему изъ непомѣрно тугого и высокаго воротничка, выраженіе умиленной нѣжности.

— Главная цѣль моего посѣщенія, — продолжалъ военный послѣ нѣкотораго молчанія,—была въ томъ, чтобы узнать, не могу ли я быть вамъ въ чемъ нибудь полезенъ. Послѣ вашей печальной утраты, о которой я уже слышалъ, весьма возможно, что даже такой почти чужой для васъ человѣкъ, какъ я, можетъ оказать нѣкоторыя услуги въ устройствѣ вашихъ семейныхъ и денежныхъ дѣлъ!

— Это, право, чрезвычайно мило съ вашей стороны, маіоръ, сказала вдова,—со смерти покойнаго Джека всѣ дѣла мои страшно запутаны, такъ что я сама едва могу въ нихъ разобраться въ настоящее время и потому, если это васъ не особенно обезпокоитъ, позволю себѣ обратиться къ вамъ за совѣтомъ, какъ только въ томъ представится надобность, когда я съумѣю уяснить себѣ настоящее положеніе настолько, чтобы посовѣтоваться съ вами о дальнѣйшемъ. Вѣдь, всѣ эти повѣренные только заботятся о своихъ интересахъ и выгодахъ, а вовсе не о нашихъ!

— Совершенно вѣрно!—сочувственно подтвердилъ маіоръ.

— Вотъ хотя бы эти 1,500 фунтовъ страховки бѣднаго Джека; вѣдь, они все еще не получены мной!

— Тысяча пятьсотъ фунтовъ! Да, вѣдь, это 75 фунтовъ годового дохода, считая по 5%!

— Я могла получить и большій процентъ,—весело замѣтила вдова,—такъ какъ отдала двѣ тысячи подъ 7%? Не такъ ли, Клара?

— И вполнѣ надежное помѣщеніе денегъ!—при этомъ замѣтила дѣвушка.

— Чорта съ два, если такъ!—подумалъ маіоръ.

— Итакъ, если я буду предпринимать что либо, то обращусь къ вамъ за помощью и совѣтомъ, маіоръ Тангельбобсъ. Вѣдь, мы, женщины, вовсе не умѣемъ управляться съ дѣлами!

— Буду съ нетерпѣніемъ ожидать этого момента,—любезно сказалъ маіоръ, вставая и берясь за шляпу. Онъ былъ очень доволенъ своей маленькой хитростью и тѣмъ, что ему удалось сломить ледъ отчужденности.

— Клянусь св. Георгіемъ!—сказалъ онъ вечеромъ фонъ Баумзеру,—она не только красива, но и богата! Счастливъ тотъ, кто приберетъ ее къ своимъ рукамъ!

— Я готовъ побиться объ закладъ, что вы посватаетесь къ ней!—сказалъ съ улыбкой фонъ Баумзеръ.

— А я готовъ побиться объ закладъ, что она откажетъ мнѣ, если я посватаюсь,—печально произнесъ маіоръ, но, несмотря на то, легъ спать въ несравненно лучшемъ расположеніи духа, чѣмъ наканунѣ.

XXVIII. Опять среди богемы.

За послѣднее время судьба была благосклонна къ нашимъ двумъ представителямъ богемы. Съ того самаго времени, какъ маіоръ посѣтилъ контору фирмы Гирдльстонъ, онъ и его неразрывный другъ имѣли возможность жить съ давно уже непривычною для нихъ роскошью. Кромѣ того, его дядюшка, герцогъ, также соблаговолилъ вспомнить о своемъ скромномъ родственникѣ и позаботился о небольшомъ обезпеченіи, что въ совокупности съ другими рессурсами, обезпечивало относительное благополучіе маіора даже въ будущемъ. Фонъ Баумзеръ имѣлъ свою долю во всемъ, и къ тому же снова устроился клеркомъ и иностраннымъ корреспондентомъ въ конторѣ Эк-

керманъ и К°, такъ что и его личныя обстоятельства замѣтно улучшились. Они даже поговаривали не разъ о переселеніи въ лучшее помѣщеніе, но постепенно увеличивающаяся близость маіора съ его прекрасной темноокой сосѣдкой мѣшала переселенію; помимо того, имъ не хотѣлось разставаться съ ихъ четвертымъ этажемъ и подвергать себя безпокойству передвиженія своего имущества.

Имущество это составляло гордость маіора Клеттербека. Какъ ни мало и невзрачно было ихъ святилище, тѣмъ не менѣе это былъ настоящій музей любопытныхъ предметовъ, вывезенныхъ со всѣхъ концовъ свѣта; цѣнности они были невысокой, но съ каждымъ изъ нихъ было связано какое нибудь дорогое воспоминаніе для ихъ владѣльца.

Это были все сплошь трофеи его странствованій по бѣлу свѣту. Начиная со шкуры бизона и тигра, разостланныхъ на полу, и кончая гигантской Суматрской летягой, висѣвшей на проволокѣ головой внизъ съ потолка, здѣсь не было ни одного предмета, который не былъ бы связанъ съ цѣлой исторіей. Въ одномъ углу комнаты стоялъ афганскій мечъ, въ другомъ—нѣсколько африканскихъ копьевъ; тамъ рѣзьбой украшенное индѣйское весло и Каффрскій ассегай, тутъ американскій лукъ съ небольшимъ колчаномъ отравленныхъ стрѣлъ. Тамъ красовался великолѣпный кальянъ со всѣми принадлежностями въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ поднесенъ маіору однимъ изъ магометанскихъ вождей, съ которымъ онъ водилъ дружбу, а тамъ дальше высокое Мексиканское сѣдло, на которомъ онъ проѣхалъ черезъ всю землю Ацтековъ. И на стѣнахъ не было ни пяди пустого пространства, не занятаго ножами, ятаганами, малайскими уборами, китайскими трубками для куренія опіума, и др. подобными предметами, обыкновенно привозимыми изъ дальнихъ путешествій. У камина висѣлъ потемнѣвшій палашъ самого маіора въ закопченныхъ темныхъ ножнахъ, еще болѣе темныхъ, быть можетъ, потому, что при случаѣ онъ служилъ за кочергу, когда послѣдней почему либо не было въ комнатѣ.

— Это не то, что было бы цѣнно, нѣтъ,—говаривалъ маіоръ, глядя на свои сокровища,—но здѣсь нѣтъ ни одной вещицы, которая не напоминала бы мнѣ цѣлой исторіи. Вотъ видишь голову медвѣдя надъ дверью? Это—тибетскій медвѣдь; онъ не многимъ больше добраго Ньюфаундлена, но свирѣпѣе самаго страшнаго Гризли. Это тотъ самый, что задралъ Чарли Траве-

ра изъ 49-го драгунскаго полка. Конечно, его пѣсенка была бы спѣта, если бы я не подоспѣлъ во время со своей двухстволкой. «Берегитесь, дружище!—крикнулъ я.—Нагнись, я стрѣляю!» Онъ спряталъ голову подъ брюхо медвѣдю, а я угодилъ тому какъ разъ между глазъ! Видишь, и сейчасъ еще виденъ слѣдъ пули на кости!—Маіоръ смолкъ, и оба друга продолжали курить, въ раздумьи; фонъ-Баумзеръ только что вернулся изъ Сити. Смеркалось, и все какъ нельзя болѣе располагало къ куренью и раздумью.

— Mein Gott! — заговорилъ фонъ Баумзеръ, — какая интересная жизнь была у васъ! Сколько времени я живу съ вами, сколько всякихъ исторій вы уже разсказали мнѣ, и все у васъ находятся еще новыя и новыя; кажется, нѣтъ имъ конца...

— Да, у меня странно сложилась жизнь,—замѣтилъ маіоръ, вытянувъ свои длинныя ноги и глядя въ потолокъ.— Я никогда не думалъ остаться на мели подъ старость, и если бы не бросилъ службу, то имѣлъ бы хорошую пенсію. Но я разомъ выбралъ свои деньги и отправился въ Монако,— сорвать банкъ, а вмѣсто того банкъ сорвалъ у меня все, что я имѣлъ; все же я увѣренъ, что моя система была правильная, и я бы непремѣнно выигралъ, если бы у меня было больше капитала!

— Такъ говорятъ очень многіе!—пробормоталъ фонъ Баумзеръ, какъ будто сомнѣваясь.

— Нѣтъ, что хочешь, но я въ это вѣрю,—продолжалъ маіоръ.—Вѣдь мнѣ всегда везло счастье въ игрѣ, особенно въ картахъ. Я, конечно, всегда разсчитывалъ только на свое умѣнье, но счастье мнѣ само собой улыбалось. Я, какъ теперь помню; насъ засталъ штиль, мертвый штиль, понимаешь, въ теченіи цѣлыхъ двухъ недѣль въ Бискайскомъ заливѣ. Мы находились на маленькомъ транспортѣ, ни взадъ, ни впередъ! Ну, шкиперъ и я отъ скуки стали играть; сначала ставки были самыя разумныя, просто пустяшныя, для одной забавы; я началъ выигрывать. Шкиперъ сталъ горячиться и удваивать ставки, желая разомъ вернуть проигранное, и прежде, чѣмъ мы дождались конца штиля, я обыгралъ его, что называется, дочиста. «Видите-ли, Клеттербекъ,—сказалъ онъ мнѣ, наконецъ, весь побѣлѣвъ до самыхъ губъ.—Это судно, на которомъ мы находимся, болѣе чѣмъ на половину мое. Я—главный его владѣлецъ и вотъ теперь я ставлю свою половину судна

противъ всего, что я проигралъ вамъ. Согласны?—«Идетъ!— отвѣчалъ я.—И что же? Онъ проигралъ... Я сѣлъ на это судно бѣднымъ офицеромъ, а прибылъ въ портъ богатымъ человѣкомъ, да еще на своемъ собственномъ суднѣ. Да-съ! Что ты скажешь на это?

— Wunderbar!—воскликнулъ нѣмецъ.—Ну, а капитанъ, т. е. шкиперъ?

— Ну, запьянствовалъ, дошелъ до delirium tremens и у Финистера, на обратномъ пути, выбросился за бортъ... Страшное дѣло игра,—когда проигрываешь!—замѣтилъ маіоръ задумавшись.

— Ach Gott! Ach Gott!—пробормоталъ сокрушенно фонъ Баумзеръ, а затѣмъ, немного помолчавъ, прибавилъ, а вотъ эти два ножа, висящіе на стѣнѣ, одинъ длинный, прямой, другой изогнутый? У нихъ тоже своя исторія?

— Да,—сказалъ маіоръ задумчиво и печально,—да, и странныя, страшная исторія... Я былъ ея очевидцемъ! Случилось это во время войны съ афганцами. Я сопровождалъ транспортъ припасовъ черезъ перевалы, когда на насъ напали Африди, эти горцы—разбойники. У меня было 50 человѣкъ команды 27-го полка туземной пѣхоты и одинъ сержантъ. Между Африди былъ гигантскаго роста дѣтина, ихъ предводитель. Онъ стоялъ между скалъ съ этимъ самымъ длиннымъ ножемъ въ рукѣ и, размахивая имъ, кричалъ всякія ругательства. Сержантъ мой былъ удалой маленькій парень; кровь закипѣла въ немъ. И вотъ, отбросивъ въ сторону свое ружье, онъ выхватилъ изъ за пояса этотъ кривой ножъ и кинулся на великана-горца. Обѣ стороны прекратили стрѣльбу, чтобы слѣдить за ихъ единоборствомъ. Въ то время, какъ сержантъ подкрадывался къ горцу, карабкаясь по камнямъ, великанъ наскочилъ на него и мнѣ казалось, что онъ пронизалъ его своимъ длиннымъ клинкомъ насквозь. Однако, маленькому сержанту удалось вывернуться, проскочить у него между ногъ и въ тоже время нанести ему страшный ударъ снизу; онъ разомъ раскроилъ его на двое съ такой силой, что въ первый моментъ того подкинуло вверхъ на воздухъ, а затѣмъ на землю упала кровавая масса, очень похожая на тѣ туши, какія висятъ въ лавкахъ мясниковъ. Внутренности выѣхали, а животъ отъ низа до самой гортани былъ разворочень на обѣ стороны. Это страшное зрѣлище отбило у горцевъ всякую охоту сражаться, и они бросились бѣжать во всѣ стороны, какъ застигнутые

врасплохъ зайцы. Я взялъ ножъ изъ руки убитаго, а этотъ другой купилъ у сержанта за нѣсколько рупій на память объ этомъ случаѣ. Это не Богъ вѣсть какая исторія, но признаюсь, видѣть это было не безынтересно.

— Плохая дисциплина, очень скверная дисциплина,—замѣтилъ Баумзеръ,—какъ это можно выйти изъ фронта, нарушить ряды и схватиться за ножъ солдату, да еще сержанту? Мой старый унтеръ-офицеръ Кратцеръ пришелъ-бы въ бѣшенство отъ подобнаго поступка!

Фонъ Баумзеръ отслужилъ свой срокъ въ рядахъ прусской арміи и по сіе время не могъ забыть военной муштровки.

— Ваши, словно аршинъ проглотившіе «пиккельхаубены» не много бы сдѣлали на афганскихъ перевалахъ,—проговорилъ маіоръ,—тамъ каждый человѣкъ долженъ умѣть постоять за себя! Вы можете залечь или оставаться на ногахъ или подвигаться ползкомъ къ непріятелю, словомъ, дѣлать, что вамъ вздумается, только не бѣжать съ поля сраженія и не показывать непріятелю тыла. Это, батенька, вѣдь, не то, что на парадѣ гдѣ нибудь на плацу въ Берлинѣ. Въ такой войнѣ, какъ эта, всякая дисциплина полетитъ къ чорту!

— Нѣтъ, что вы ни говорите, а дисциплина прекрасная вещь,—продолжалъ защищаться ф.-Баумзеръ.—Я отлично помню, какъ во время войны въ Австріей, мы подвели мину и поставили надъ ней часового, чтобы охранять доступъ къ ней. Когда фитиль былъ зажженъ, забыли снять часового. Онъ прекрасно зналъ, что когда взорветъ мину, взорветъ и его на воздухъ, но такъ какъ онъ не былъ снятъ установленнымъ порядкомъ, то оставался на своемъ посту, пока не погибъ отъ взрыва, и если бы не каска да ружье, найденныя послѣ на этомъ мѣстѣ, никто бы не подумалъ, что здѣсь стоялъ человѣкъ. Вотъ это былъ настоящій солдатъ! Еслибы онъ остался живъ, то былъ достоинъ быть поставленнымъ во главѣ всего войска!

— Нѣтъ, онъ былъ бы достоинъ быть помѣщеннымъ въ домѣ умалишенныхъ, если бы остался живъ,—замѣтилъ маіоръ Клеттербекъ.—Эй, это еще что?!

Послѣднее восклицаніе относилось къ появленію мѣстной служанки, принесшей на подносѣ миніатюрный розовый конвертикъ, адресованный изящнымъ женскимъ почеркомъ на имя маіора Тобіа Клеттербека.

— Аа!...—воскликнулъ фонъ Баумзеръ, смѣясь въ свою

рыжую бороду.—Это письмо отъ женщины; вы, что называется, хитрая штука... да, очень хитрая штука!

— Это письмо столько же относится къ тебѣ, какъ и ко мнѣ!—Смотри сюда! «Мистриссъ Лавинія Скелли шлетъ свой привѣтъ маіору Тобіа Клеттербеку и его другу, мистеру Сигизмунду фонъ Баумзеру, и надѣется, что они не откажутся доставить ей удовольствіе—составить ей компанію во вторникъ вечеромъ, въ 8 часовъ, когда у нея соберется еще нѣсколько добрыхъ друзей». И, навѣрное, вечеръ будетъ съ танцами,—прибавилъ маіоръ,—я видѣлъ, какъ сегодня поутру привезли туда арфу, столы, скамьи, ящики съ виномъ и напитками.

— И вы пойдете на это приглашеніе?

— Конечно, пойду, и ты тоже. Намъ всего лучше сейчасъ же дать ей отвѣтъ!

Сказано—сдѣлано, и надлежащимъ порядкомъ былъ посланъ самый любезный отвѣтъ на любезное приглашеніе сосѣдки.

Никогда еще въ комнатѣ двухъ холостяковъ въ четвертомъ этажѣ меблированныхъ комнатъ мистриссъ Роббинсъ не было столько чистки и суеты, какъ въ тотъ вечеръ, когда оба эти господина собирались на танцовальный вечеръ вдовушки.

Маіоръ безпрерывно продолжалъ свои ухаживанія за прекрасной сосѣдкой съ того самаго дня, какъ впервые посѣтилъ ее; но все это сопровождалось не малыми трудностями и порою даже разочарованіями. При каждой случайной встрѣчѣ съ молодой вдовушкой маіоръ влюблялся въ нее все сильнѣе и сильнѣе, но до сихъ поръ еще не имѣлъ случая убѣдиться во взаимности своихъ чувствъ. Это приглашеніе давало ему какъ бы случай убѣдиться въ томъ, что онъ такъ страстно желалъ знать, и теперь, стоя передъ своимъ туалетнымъ зеркаломъ, онъ давалъ себѣ внутренно много обѣщаній, но при этомъ весьма тщательно завязывалъ галстукъ и оправлялъ свои рѣдѣющіе волосы.

Фонъ Баумзеръ, вырядившійся для этого торжественнаго случая въ старомодный фракъ, лоснящійся по швамъ, сидѣлъ на краю постели и съ завистью и восхищеніемъ смотрѣлъ на безупречный костюмъ своего друга.

— Онъ сидитъ на васъ превосходно,—сказалъ онъ, разумѣя щегольской фракъ маіора.

— Да, этотъ фракъ отъ Пууля!—небрежно замѣтилъ маіоръ.

— Что же касается меня,—сказалъ фонъ Баумзеръ, то я еще ни разу не надѣвалъ своего съ тѣхъ поръ, какъ я въ Англіи. Какъ вамъ извѣстно, я терпѣть не могу ни вечеровъ, ни обѣдовъ, но я охотно иду съ вами, такъ какъ ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы обидѣть «liebchen *)» моего пріятеля. И разъ я иду на вечеръ, то иду, какъ подобаетъ джентльмену!— и онъ съ самодовольствомъ оглядѣлъ свой поношенный фракъ.

— Но, милѣйшій,—воскликнулъ маіоръ, окончившій теперь свой туалетъ,—вѣдь, твой галстухъ очутился у тебя подъ лѣвымъ ухомъ!—правда это очень оригинально и живописно, но тѣмъ не менѣе онъ не на мѣстѣ!

— Видите-ли, его будетъ совсѣмъ не видно, если я не сдвину его на бокъ: моя длинная борода совершенно закрываетъ его,—сказалъ, точно оправдываясь, Баумзеръ. Но если вы думаете, что лучше его спрятать, я такъ и сдѣлаю. Ну, а каковы мои рубашечныя пуговки? У васъ онѣ золотыя, ну, а у меня перламутровыя!

— И перламутровыя хороши!—сказалъ маіоръ, выглядывая изъ за опущенной шторы въ окно. Чортъ возьми, сколько тамъ кебовъ у ихъ подъѣзда... и всѣ комнаты освѣщены! Мнѣ кажется, что я слышу, какъ тамъ настраиваютъ инструменты. Быть можетъ, намъ пора идти туда!

— Пора, такъ пора! Worwärts!—скомандовалъ фонъ Баумзеръ рѣшительнымъ тономъ, и оба вышли изъ дома; маіоръ шелъ съ твердой рѣшимостью узнать во что бы то ни стало свою участь и непремѣнно сегодня же.

XXIX. Большой вечеръ у Моррисонъ.

Никогда еще во всей исторіи меблированныхъ комнатъ Моррисонъ не было подобнаго фестиваля, ни подобныхъ приготовленій къ торжеству. Сама хозяйка приняла въ нихъ живѣйшее участіе; а такъ какъ всѣ квартиранты получили приглашеніе и для себя, и для своихъ друзей, то и они содѣйствовали всѣми средствами успѣху затѣяннаго празднества. Большая гостиная была очищена отъ большей части мебели, полы вычищены и натерты, какъ зеркало. Залу искусно превратили въ столовую, а пріемную—въ карточную; цѣлый рядъ другихъ небольшихъ комнатъ былъ открытъ для гостей въ ка-

*) Возлюбленную.

чествѣ маленькихъ гостиныхъ, куда бы они, при желаніи, могли удалиться на отдыхъ.

Бросивъ послѣдній взглядъ, хозяйка и ея жильцы рѣшили, что все имѣло самый прекрасный видъ и могло составить прекрасную репутацію меблированнымъ комнатамъ.

Гости въ этотъ вечеръ были столь же разнообразны и разнородны, какъ и вина. Безпредѣльное гостепріимство мистриссъ Скелли раскрыло двери не только всѣмъ ея друзьямъ и знакомымъ, но такъ же друзьямъ и знакомымъ всѣхъ остальныхъ жильцовъ меблированныхъ комнатъ мистриссъ Моррисонъ, такъ что чуть не съ утра комнаты стали наполняться гостями, и къ 9 часамъ вечера для танцующихъ почти не оставалось больше мѣста. Фаэтоны, кэбы и др. экипажи подъѣзжали одинъ за другимъ къ подъѣзду дома, выгружая своихъ пассажировъ. Лѣстница сверху до низа была устлана коврами, какъ на королевскихъ пріемахъ. Мистриссъ Скелли, одѣтая со вкусомъ въ черное атласное платье съ кружевомъ, стояла въ дверяхъ гостиной и принимала весьма вѣжливо и мило вновь прибывающихъ гостей. Она казалась чрезвычайно привлекательна и мила въ этой роли хозяйки, такъ по крайней мѣрѣ думалъ маіоръ, подходя къ ней и пожимая ея маленькую ручку.

— Позвольте вамъ представить моего друга Herr фонъ Баумзеръ!—сказалъ онъ.

Мистриссъ Скелли обратившись къ Баумзеру съ такой очаровательной улыбкой пожала ему руку, что сразу расположила его въ свою пользу.

— Программы танцевъ вы найдете тамъ на столѣ, господа,—проговорила она,—кажется, начнутъ съ полонеза! Нѣтъ, нѣтъ... Благодарю, маіоръ, но я не буду танцовать, а то здѣсь некому будетъ принять гостей,—отклонила она съ любезной улыбкой приглашеніе маіора и поспѣшила навстрѣчу вновь прибывшей группѣ дамъ и мужчинъ.

Маіоръ и Баумзеръ отправились отыскивать себѣ дамъ для перваго танца. Въ танцахъ здѣсь наблюдалось превеликое разнообразіе: одни носились позади, какъ спущенные съ веревочки волчки, другіе, вставъ подъ центральную люстру, упорно и долго кружились на мѣстѣ, какъ двѣ мухи, насаженныя на одну булавку, третьи плавно двигались въ старомодномъ трехтемпномъ вальсѣ, мило присядая на каждомъ оборотѣ. Маіоръ танцовалъ, какъ вообще танцуютъ старые военные, прокладывая себѣ дорогу въ толпѣ съ удивительной ловкостью и

умѣньемъ и охраняя свою даму отъ всякихъ толчковъ и непріятныхъ случайностей, а Баумзеръ, захвативъ подъ правую руку какую то пожилую особу, вращалъ ее плавно и медленно, вытянувъ далеко впередъ правую руку. Словомъ, веселье было въ полномъ разгарѣ, и каждый веселился по своему, не справляясь съ остальными.

Вальсъ слѣдовалъ за полькой, полька за вальсомъ, а за ними мазурка и т. д., пока слабѣйшіе танцоры не дошли до полнаго изнеможенія, а легкія злополучныхъ музыкантовъ едва выдерживали это жесточайшее испытаніе.

Кругомъ танцовальной залы, для отрады гостей была еще и карточная комната, смотрѣвшая весьма привлекательно со своими зелеными столами и равномѣрно разставленными стульями, съ раскрытыми новыми картами и зажженными свѣчами; сюда послѣ танцевъ удалилась мистриссъ Скелли съ маіоромъ и еще нѣкоторые другіе изъ болѣе пожилыхъ приглашенныхъ. Маіоръ и любезная хозяйка играли противъ капитана Ливингстонъ-Текъ и другого пожилого господина; въ результатѣ и капитанъ, и его партнеръ встали изъ-за карточнаго стола печальнѣе и блѣднѣе, чѣмъ сѣли за него, особенно, первый, мечтавшій, садясь за игру, пополнить свой отощавшій кошелекъ и никакъ не ожидавшій наткнуться на такого мастера своего дѣла, какъ маіоръ. Затѣмъ маіоръ игралъ противъ прекрасной вдовушки и другой дамы и на этотъ разъ съумѣлъ такъ ловко проиграть и такъ мило и любезно расплатиться со своими побѣдительницами, что совершенно очаровалъ партнершу вдовушки, которая почему-то осталась этимъ, видимо, раздосадована.

По окончаніи игры всѣ прослѣдовали въ столовую, куда уже собрались танцующіе. За ужиномъ было много всякихъ разговоръ, но маіоръ, все время съ самаго начала вечера стремившійся расположить къ себѣ вдову, старался теперь всѣми средствами усилить то выгодное впечатлѣніе, которое онъ успѣлъ произвести на нее. Прежде всего онъ черезъ весь столъ обратился къ капитану Ливингстонъ-Теку съ вопросомъ, не знавалъ ли онъ генерала-маіора Скелли, и на его отрицательный отвѣтъ въ бѣглыхъ чертахъ описалъ геройскій подвигъ этого блестящаго представителя британской арміи, послѣ чего оказалъ честь разставленнымъ передъ нимъ бутылкамъ и перешелъ на различныя спортивныя воспоминанія, а отъ нихъ на военныя воспоминанія, затѣмъ на путевыя впе-

чатлѣнія и воспоминанія объ Африкѣ, Индіи, Афганистанѣ и Гималаяхъ, словомъ о всемъ; говорилъ онъ интересно и занимательно, вызывая удивленіе и восхищеніе своихъ слушателей. А когда кончился ужинъ, и послѣднее блюдо было уничтожено, послѣдняя рюмка допита, танцующіе вернулись въ залъ, гдѣ уже снова гремѣла музыка, играющіе же возвратились къ карточнымъ столамъ; маіоръ съ еще большимъ усердіемъ сталъ ухаживать за хозяйкой.

— Боюсь, что вамъ здѣсь слишкомъ жарко, маіоръ!—сказала она.

— Да, здѣсь довольно жарко,—согласился тотъ.

— Здѣсь есть комната, гдѣ будетъ нѣсколько свѣжѣе,—сказала вдовушка,—и гдѣ вы можете выкурить папиросочку; я и предназначала ее для курительной комнаты!

— Благодарю, но я пойду туда только при условіи, что и вы пойдете!

— Нѣтъ, нѣтъ, маіоръ,я не могу! Вы не должны забывать, что на мнѣ лежатъ обязанности хозяйки!

— Но, вѣдь, теперь рѣшительно некого занимать; они всѣ занялись сами собой и въ вашемъ содѣйствіи не нуждаются, право, вы ужъ слишкомъ забываете о себѣ!..

— Но, право же, маіоръ, это не ловко!..

— Да вы посмотрите только, какъ вы устали и замучены; вамъ непремѣнно надо отдохнуть хоть нѣсколько минутъ!—И онъ отворилъ передъ нею дверь, приглашая войти, чтобы вслѣдъ за ней послѣдовать и самому. Тогда вдова молча уступила ему и вошла. То была уютная маленькая комната съ нѣсколькими стульями, разставленными тамъ и сямъ, и небольшимъ диванчикомъ, обтянутымъ свѣтлымъ кретономъ. Мистриссъ Скелли помѣстилась въ одномъ концѣ этого дивана, а маіоръ присѣлъ на самомъ краю противоположнаго конца. Онъ былъ на этотъ разъ еще болѣе красенъ, чѣмъ обыкновенно, и такъ старательно пятилъ грудь, что начиналъ походить на стараго индюка въ моментъ раздраженія, если бы не мягкое, ласковое выраженіе глазъ, противорѣчившее этому представленію.

— Закурите папироску, маіоръ,—пригласила вдова.

— Но дымъ обезпокоитъ васъ!

— Нѣтъ, нѣтъ... Я даже люблю его!..

Маіоръ досталъ изъ своего плоскаго серебрянаго портсигара длинную папиросу, а его собесѣдница свернула въ трубочку

лежавшую на столѣ програмку и зажгла ее о ближайшій газовый рожокъ, чтобы дать ему закурить.

— Существу, столь же одинокому, какъ я,—проговорила она съ милой меланхолической улыбкой,—такъ пріятно чувствовать, что подлѣ васъ есть друзья и что имъ можно услужить хотя-бы въ пустякахъ!

— Вы сказали «одинокому»,—сказалъ маіоръ, слегка придвигаясь ближе.—Я могъ бы многое сказать на эту тему. Если бы я завтра отдалъ Богу душу, то ни одно человѣческое существо не вздохнуло бы объ этомъ, кромѣ развѣ только моего фонъ Баумзера!

— Ахъ, не говорите такъ!—воскликнула мистриссъ Скеллп съ волненіемъ.

— Но это фактъ! Правда, я не разъ шелъ противъ своей судьбы, но въ послѣдніе годы мнѣ хотѣлось чего нибудь болѣе похожаго на счастье, чего нибудь болѣе веселаго, чѣмъ это тоскливое одиночество. Эти мысли впервые пришли въ голову, когда я однажды сидѣлъ тамъ, у окна, и съ тѣхъ поръ, что я ни дѣлалъ, не могъ изгнать ихъ изъ своей головы. Тѣмъ не менѣе я вполнѣ сознаю, насколько я былъ поспѣшенъ въ томъ, что такъ легко дозволилъ себѣ увлечься этими заманчивыми мечтами; вѣдь, если онѣ обманутъ меня, если надсмѣются надо мной, то мое одиночество станетъ для меня несравненно болѣе тяжкимъ, чѣмъ было до сихъ поръ!

Маіоръ смолкъ и прокашлялся; вдовушка хранила молчаніе, склонивъ головку и не отрывая глазъ отъ пестраго рисунка ковра.

— А эти мечты,—продолжалъ маіоръ, понизивъ голосъ и склоняясь впередъ,—эти мечты мои,—продолжалъ онъ, почтительно взявъ маленькую ручку вдовы въ свою пухлую большую руку,—заключаются въ надеждѣ, что вы пожалѣете меня.

— Ахъ, дорогой другъ мой!—воскликнулъ фонъ Баумзеръ, просовывая свою кудлатую голову въ дверь и простодушно улыбаясь своей дѣтски-наивной улыбкой.

— Пошелъ къ чорту!—крикнулъ на него взбѣшенный маіоръ, вскочивъ съ дивана, но голова фонъ Баумзера уже скрылась съ быстротой пріема фокусника, и маіоръ снова обратился къ вдовѣ уже нѣсколько инымъ тономъ:—Извините, Бога ради, что я говорилъ съ такимъ жаромъ, но я противъ воли далъ волю своимъ чувствамъ. Я не могъ совладать съ ними. Я прямой старый солдатъ и привыкъ говорить прямо, а потому спра-

шиваю васъ, хотите быть моей, Лавинія? Правда, я ничего не могу предложить вамъ взамѣнъ того сокровища, котораго жду отъ васъ, но преданное любящее сердце бьется въ моей груди, и это сердце ваше! И вашимъ оно будетъ всегда. Скажите, согласны вы украсить остатокъ моихъ дней тѣмъ счастьемъ, какое только можете дать мнѣ, ставъ моей женой? И онъ попытался обхватить рукой ея талью, но вдова вскочила съ дивана и встала выпрямясь и глядя ему прямо въ лицо съ полу-смѣющимся, полу-торжествующимъ видомъ.

— Послушайте, маіоръ,—сказала она,—я также откровенная и чистосердечная женщина, какъ говорилъ мой покойный Томъ, который тоже былъ человѣкъ чистосердечный.—Такъ вотъ, скажите прямо, чего вы ищите,—меня или моихъ денегъ?

Маіоръ былъ до того пораженъ этимъ прямымъ вопросомъ, что въ первый моментъ положительно не находилъ словъ на отвѣтъ. Но, будучи человѣкомъ находчивымъ и привычнымъ ко всякого рода неожиданнымъ случайностямъ, весьма скоро оправился.

— Ну, конечно, васъ!.. Если бы у васъ не было гроша мѣднаго, я сказалъ бы то же самое!

— Берегитесь, маіоръ... Будьте осторожны!—продолжала вдова, грозя ему пальчикомъ.—Вы, вѣроятно, слышали, что лопнулъ банкъ въ Агрѣ, всѣ мои гроши лежали въ этомъ банкѣ!

Но это былъ, такъ сказать, уже второй ударъ для маіора, не являвшійся уже столь большой неожиданностью, а потому онъ на этотъ разъ почти совсѣмъ не смутился. Напротивъ, онъ съ большей, чѣмъ когда-либо торжественностью и достоинствомъ выпятилъ свою грудь и произнесъ:

— Вы, Лавинія, были откровенны со мной, и я не останусь у васъ въ долгу! Когда я впервые увидѣлъ васъ и далъ волю своимъ мечтамъ, то былъ въ очень стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, и какъ ни былъ прельщенъ вами лично, признаюсь, ваши деньги являлись для меня такъ-же извѣстной приманкой, какъ и вы сами. Я находился въ такихъ условіяхъ, что не смѣлъ даже думать о женщинѣ, у которой не было достаточно своихъ денегъ, чтобы содержать самого себя. Но съ тѣхъ поръ матерьяльныя условія мои поправились,—какимъ образомъ, это теперь разсказывать не къ чему, довольно того, что у меня теперь есть маленькій фондъ въ банкѣ, и кое-какія надежды увеличить его. Теперь, когда вы говорите, что ваши

деньги пропали, я могу сказать вамъ, что у меня ихъ хватитъ на насъ двоихъ. И такъ, скажите только слово,—и дѣло будетъ рѣшено!

— Какъ? Даже и безъ денегъ?

— Къ чорту деньги!—воскликнулъ маіоръ Клеттербекъ и снова протянулъ руку, чтобы обнять вдову за талію, и на этотъ разъ ему удалось. Что было дальше, это уже не наше дѣло...

— Какъ не стыдно клясться!—воскликнула, наконецъ, вдовушка,—право, я должна прочесть вамъ наставленіе, разъ къ тому представляется случай!

— Клянусь вашими бѣдовыми глазками,—вы мнѣ будете читать столько наставленій, сколько только пожелаете!

— Вы должны быть хорошимъ, Тоби, если хотите быть моимъ мужемъ. Вы не должны играть больше на бильярдѣ на деньги!

— Не играть на бильярдѣ! Почему-же? Вѣдь, это даетъ мнѣ отъ трехъ до четырехъ фунтовъ въ недѣлю!

— Это все равно. Я говорю, чтобы не было больше ни бильярда, ни картъ, ни скачекъ, ни пари. Мой Тоби долженъ быть очень примѣрнымъ и вести себя, какъ подобаетъ благородному служакѣ, отставному военному, человѣку съ дѣйствительными заслугами.

— Да что вы только придумали?—воскликнулъ маіоръ,—право же, если я брошу и бильярдъ, и карты, то не знаю, какъ буду существовать и на что жить, а, главное, на что будетъ существовать жена этого благороднаго служаки, бывшаго военнаго съ истинными заслугами!

— Ну, это мы какъ нибудь устроимъ, дорогой мой!—произнесла вдова, лукаво заглядывая въ лицо.—Я сказала, что всѣ мои деньги были въ банкѣ Агры, и это правда, но не сказала, что успѣла вынуть ихъ до послѣдняго пенни, прежде чѣмъ этотъ банкъ лопнулъ. Конечно, это было слишкомъ жестоко съ моей стороны, дорогой Тоби, подвергать васъ такому искусу, но я не могла противустоять соблазну провѣрить ваши чувства. А теперь я говорю: у моего Тоби будетъ достаточно денегъ и безъ игры и безъ пари; онъ остепенится и будетъ разсказывать свои занимательные разсказы и воспоминанія и дѣлать, что ему вздумается, ни о чемъ не заботясь!

— Благослови васъ Господь!—воскликнулъ маіоръ, и у этого стараго «сына Богемы» въ тотъ моментъ, какъ онъ скло-

нился надъ вдовушкой и поцѣловалъ ее, невольно навернулись слезы при мысли, что, наконецъ-то, онъ нашелъ тихую пристань послѣ своей бурной и тревожной жизни.

— Итакъ, цѣлыхъ три мѣсяца ни картъ, ни бильярда, ни пари!—рѣшительно произнесла красивая вдовушка, продѣвая свою руку подъ его руку.—Ни, ни, ни! Помните это! Я уѣду въ Хампширъ—погостить къ моей кузинѣ; вы все это время не увидите меня, но можете писать и если, по моемъ возвращеніи, вы сможете дать честное слово, что бросили всѣ свои дурныя привычки, тогда...

— Что тогда?

— Подождите до тѣхъ поръ и сами увидите!—сказала она, весело смѣясь.—Но, право, я не могу дольше оставаться здѣсь ни одной минуты. Что скажутъ мои гости? Мнѣ надо идти туда, Тоби, право, надо! И она ускользнула изъ комнаты, тогда какъ маіоръ остался стоять на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она оставила его, сознавая въ душѣ, что онъ сталъ лучшимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ съ тѣхъ самыхъ поръ, когда еще молодымъ юношей въ послѣдній разъ цѣловалъ свою мать въ Портсмутѣ, на молѣ, когда громадный транспортъ увозилъ его, еще совсѣмъ юнаго, изъ Англіи въ Индію.

Все на свѣтѣ кончается,—и танцовальный вечеръ мистриссъ Скелли тоже не могъ быть исключеніемъ изъ этого правила. Но уже занимался день, когда послѣдніе гости покинули залу, и послѣдній фаетонъ отъѣхалъ отъ подъѣзда. Только маіоръ задержался еще немного, чтобы проститься послѣднимъ съ гостепріимной хозяйкой, затѣмъ нагналъ своего друга, которому пришлось ждать у входныхъ дверей ключа.

— Вотъ что, маіоръ,—сказалъ фонъ Баумзеръ, когда они вошли въ свою комнату,—развѣ это хорошо, что вы прусскаго дворянина и вдругъ послали къ чорту? Вы очень обидѣли меня этимъ, право, я былъ крайне удивленъ, что вы позволили себѣ это!

— Дорогой другъ мой,—произнесъ старый служака, беря его за руку и дружески потрясая ее,—вѣдь мнѣ, я ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ-бы обидѣть тебя, но если ты когда-нибудь будешь свататься къ женщинамъ, а я въ этотъ моментъ суну свой носъ въ ту комнату, заранѣе разрѣшаю тебѣ наградить меня самымъ сильнѣйшимъ нѣмецкимъ ругательствомъ, какое только сорвется у тебя съ языка въ этотъ моментъ!

— Такъ вы посватались къ ней?!—воскликнулъ добродушный нѣмецъ, совершенно забывъ про свою обиду.

— Да.

— И она дала вамъ свое согласіе?

— Да!

— О, это великолѣпно!—воскликнулъ фонъ Баумзеръ, хлопая въ ладоши.—Прежде «hoch!» за Frau Скелли, и еще разъ «h o c h!» за Frau Клеттербекъ! Право, мы должны выпить за это счастливое событіе!

— Мы и сдѣлаемъ это, дорогой мой, но теперь пора спать! Она хорошая женщина и прекрасно играетъ въ вистъ. Какъ она превосходно отыграла своихъ козырей и провела всю масть сегодня вечеромъ; право, какъ нельзя лучше!—съ этой лестной аттестаціей своей будущей супругѣ, маіоръ пожелалъ своему другу спокойной ночи и удалился въ свою спальню.

XXX. Въ кабачкѣ «Пѣтушка и Бѣлой Буквицы».

Обязанности Тома Димсдаля были далеко не изъ легкихъ. На немъ не только лежалъ надзоръ за клерками и просмотръ ихъ отчетовъ, но и всѣ дѣла съ оптовыми торговцами, надзоръ за нагрузкой и разгрузкой судовъ фирмы, для чего приходилось иногда проводить чуть не цѣлый день въ докахъ. Впрочемъ, этотъ родъ дѣятельности былъ ему пріятенъ, такъ какъ давалъ возможность проводить нѣсколько времени внѣ стѣнъ конторы и дышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ, если только можно назвать морскимъ воздухомъ тотъ, которымъ приходится дышать въ Вульвичѣ. Но здѣсь было много суеты, оживленія и постоянное движеніе судовъ малыхъ и большихъ, входящихъ и выходящихъ почти ежечасно.

Такъ интересна была эта водная «большая дорога» для практическаго и дѣятельнаго ума Тома, что онъ часто по долгу простаивалъ на верхней верфи уже послѣ того, какъ дѣло его было окончено, и въ раздумьи курилъ свою трубку. Это было тихое мѣсто, гдѣ когда-то тоже кипѣла жизнь, но теперь было оставлено безъ вниманія благодаря новымъ пристанямъ, болѣе удобнымъ и просторнымъ. Повсюду валялись громадные якоря, длинныя и тяжелыя желѣзныя цѣпи и другія судовыя принадлежности, которыя могутъ показаться непрывычному глазу скелетами невѣдомыхъ морскихъ чудовищъ, выброшенными сюда моремъ.

*

Кому принадлежатъ всѣ эти предметы? Для кого представляютъ они собою интересъ? На что могутъ быть пригодны?—спрашивалъ себя Томъ, и ему иногда начинало казаться, что законные владѣльцы ихъ и ихъ наслѣдники давно умерли, оставивъ эти угрюмыя воспоминанія тому, кто пожелаетъ ихъ убрать отсюда.

Съ этого мѣста была видна большая часть теченія рѣки, и сидя здѣсь, и слѣдя за движеніемъ судовъ, Томъ давалъ волю своей фантазіи и мысленно уносился вслѣдъ за ними въ океанъ и въ тѣ чудесныя далекія страны, изъ которыхъ одни суда вернулись, а другія уходили. Въ числѣ этихъ судовъ было и судно, намъ уже знакомое, которое входило теперь въ Альбертовскіе доки; судно грознаго капитана Гамильтона Миггса, которое упорно продолжало держаться на водѣ, къ превеликому изумленію и своего лихого капитана, и всѣхъ, кому только была извѣстна дряхлость его. Въ сотый разъ, оно, казалось, готово было пойти ко дну или расползтись по всѣмъ швамъ, и въ сотый разъ какое нибудь чудо, перемѣна вѣтра или неустанная работа экипажа, выкачивавшаго изъ него воду, не покладая рукъ, спасало его отъ гибели. Капитанъ «Чернаго Орла» былъ настолько пораженъ этимъ чудомъ, повторявшимся разъ за разъ, что, наконецъ, совершенно убѣдился въ своей суевѣрной душѣ въ томъ, что это судно никогда не пойдетъ ко дну, и на этомъ основаніи всецѣло посвятилъ себя и тѣломъ, и душой своему старому и излюбленному занятію—допиваться до бѣлой горячки до delirium tremens и излеченію этого недуга для новаго опьяненія.

«Черный Орелъ» опять пришелъ съ богатымъ грузомъ, а капитанъ Миггсъ былъ соотвѣтственно гордъ и доволенъ. Этотъ старый пьяница и морской волкъ вдругъ полюбилъ Тома Димсдаля за его добродушное, честное, открытое лицо и, увидѣвъ его на пристани, привѣтствовалъ его съ сердечнымъ радушіемъ и свойственной ему экспансивностью.

— Разрази меня громъ!—воскликнулъ онъ,—если вы не смотрите краше розы, мистеръ Димсдаль. Сразу видно, что вы не стояли на стоянкѣ у Фернандо-По и не вдыхали въ себя болотныя испаренія Габона!

— Вы сами, капитанъ, тоже хорошо выглядите,—сказалъ Томъ,—чему я весьма радъ, право!

— Ничего себѣ,—Богъ трѣхамъ терпитъ! Такъ, иногда подагра даетъ себя знать, но и только!...

— Мы, полагаемъ, можемъ приступить къ выгрузкѣ товаровъ?—Прикажете сейчасъ открыть люки и приняться за дѣло?

— Это не мое дѣло,—отвѣчалъ капитанъ Миггсъ рѣшительнымъ тономъ,—на то есть Санди. Санди Макъ Ферсонъ, сдавайте грузъ! Слушайте, да пошевеливайте свои громоздкія шотландскія кости, сударь! А что касается меня, то съ меня довольно того, что я дотащилъ этотъ старый остовъ изъ Африки сюда, и считаю себя въ правѣ не работать еще и въ докахъ!

Макъ-Ферсонъ былъ старшій помощникъ, высокій, желтобородый шотландецъ.—«Я позабочусь»—отвѣтилъ онъ коротко. Можете съѣхать на берегъ или куда вамъ угодно, все будетъ сдѣлано и безъ васъ!

— Я ѣду къ «Пѣтуху и Бѣлой Буквицѣ»,—сказалъ капитанъ,—и вотъ что, мистеръ Димсдаль,—когда вы умаетесь, загляните-ка туда, разопьемъ со мной стаканчикъ! Правда, я только простой морякъ, но пусть буду проклятъ, если у меня сердце не въ надлежащемъ мѣстѣ! Вы то же, Макъ-Ферсонъ, заходите туда и покажите мистеру Димсдалю дорогу; знаете «Пѣтухъ и Бѣлая Буквица», на углу 6-ой улицы! Я буду ждать!

Получивъ согласіе обоихъ, капитанъ Миггсъ зашагалъ по трапу по направленію къ берегу, куда его непреодолимо тянуло съ самаго момента прибытія судна.

Весь день Томъ стоялъ на мостикѣ «Чернаго Орла» и записывалъ грузъ по мѣрѣ того, какъ его кранами выгружали изъ трюма, въ то время какъ Макъ-Ферсонъ и его помошники, грузчики, матросы и чернокожіе съ Африканскаго побережья работали въ потѣ лица въ глубинѣ чернаго, какъ яма, трюма. Машина скрипѣла и стучала, а тяжелая желѣзная цѣпь съ лязгомъ и шумомъ спускалась въ трюмъ.

— Эй, поторапливайтесь, вы тамъ!—кричалъ старшій помощникъ.

— Есть, сэръ!—отзывались изъ трюма.

— Молодцы, ребята... Вотъ такъ!—одобрялъ ихъ Макъ-Ферсонъ.—Все благополучно?—Ну, подымай!—раздавалась его команда.

И тяжелая цѣпь крана съ лязгомъ и шумомъ навертывалась на валъ; надъ трюмомъ, точно изъ глубины темной бездны, появлялись тяжелые кули, тюки и громадные слоновые

клыки. Тому казалось, въ то время, какъ онъ стоялъ со своей записной книжкой въ рукахъ надъ этимъ чернымъ трюмомъ, что часть этого отравленнаго лихорадочными испаренiями воздуха низменныхъ береговъ Африки завезена сюда: до того тяжелъ и отвратителенъ былъ воздухъ, исходившiй изъ трюма. Большiе майскiе жуки и тараканы ползали по клади; то тутъ, то тамъ пробѣгала крыса, такая, какихъ можно видѣть только на судахъ, вернувшихся изъ тропиковъ. Разъ даже, въ тотъ моментъ, когда стали выгружать пару громадныхъ слоновыхъ клыковъ, вдругъ раздался изъ глубины трюма крикъ ужаса,—и длинная золотисто-желтая змѣя выползла изъ полой части клыка и извиваясь упала куда-то во мракъ. Это далеко не рѣдкiй случай; эти ядовитые гады зимуютъ въ полой части слоновыхъ клыковъ и пробуждаются отъ своей спячки при соприкосновенiи съ холоднымъ воздухомъ Англiи.

Весь день Томъ стоялъ среди грязи, вони, пыли, толкотни и безконечной грубой ругани, записывая товары и наблюдая за надлежащимъ размѣщенiемъ ихъ въ магазинахъ или отправкой ихъ въ таможню. Въ часъ дня былъ сдѣланъ часовой перерывъ; то было время обѣда для рабочихъ, а затѣмъ работа снова кипѣла вплоть до шести часовъ, когда всѣ рабочiе шабашили и расходились по домамъ или по трактирамъ, смотря по своимъ вкусамъ, привычкамъ и склонностямъ. Томъ и старшiй помощникъ, изуставшiе отъ работы, стали собираться послѣдовать приглашенiю капитана Миггса въ его штабъ-квартиру; Макферсонъ скрылся на нѣкоторое время въ каюту и вскорѣ снова появился на верху съ чисто вымытымъ, сiяющимъ лицомъ и надлежащимъ образомъ прибранными волосами.

— Я только что произвелъ свои «возлiянiя» или «обливанiя», если хотите,—сказалъ онъ, произнося послѣднiя слова съ особенной напыщенностью; какъ большинство шотландцевъ, онъ имѣлъ большое пристрастiе къ вычурнымъ и многосложнымъ словамъ, и эта нацiональная особенность доходила въ немъ до крайнихъ предѣловъ: излюбленныя словечки онъ часто примѣнялъ безъ всякой надобности, полагая, что они придаютъ особую красоту его рѣчи.

— Вѣдь, капитанъ былъ далеко не въ благоденственномъ состоянiи во время этого плаванiя; онъ постоянно жаловался на свои тѣлесныя немощи и недомоганiя!

— Вѣроятно, страдалъ ипохондріей!—замѣтилъ Томъ.

Услыхавъ это слово, помощникъ капитана устремилъ восхищенный взглядъ на своего собесѣдника: такого длиннаго и необычайнаго слова ему еще ни разу не приходилось слышать.

— Клянусь честью!—воскликнулъ онъ.—Это лучшее слово, какое я слышалъ съ тѣхъ поръ, какъ Джимми Макъ-Ти съ «Короско» въ послѣднее плаваніе сказалъ мнѣ слово «благоденственное». Не будете ли вы столь добры повторить мнѣ это ваше чудесное слово еще разъ?

— «Ипохондрія»,—сказалъ, смѣясь отъ души, Томъ.

— Ипо-хон-дрі-я...—медленно и раздѣльно повторилъ Макъ-Ферсонъ.—Не думаю, что Макъ-То знаетъ это слово, не то онъ непремѣнно сообщилъ бы мнѣ. Конечно, я воспользуюсь имъ, сэръ, и очень благодаренъ вамъ за то, что вы упомянули его при мнѣ!

— Пожалуйста, не стоитъ говорить объ этомъ; если вамъ угодно, я могу доставить вамъ, сколько хотите, подобныхъ терминовъ, если вы любитель и лекціонеръ этого рода словъ. Но что такое было съ капитаномъ?

— Да все это выпиваніе, сэръ,—сказалъ помощникъ серьезно и сокрушенно... Я и самъ не прочь выпить свою маленькую порцію и дѣлаю это даже съ удовольствіемъ, но это не то, что запереться въ каютѣ и тянуть ромъ, не переставая съ 4-хъ склянокъ по утру до 8 склянокъ вечера, затѣмъ начать ругаться и божиться, такъ что просто страхъ. Это просто нѣчто «пандемоническое», прямо страшно становится.

— И это часто случается съ нимъ?—спросилъ Томъ.

— Часто-ли?—Да онъ почти никогда въ другомъ состояніи и не бываетъ. Но онъ—безусловно превосходный морякъ и до какого бы безумія ни допился, все-таки сохраняетъ извѣстное сознаніе. Онъ является для меня настоящей двухсмысленностью, сэръ, такъ какъ если бы я или кто другой выпилъ третью часть того, что пьетъ онъ, то лишился бы сознанія и лежалъ замертво!

— Онъ долженъ быть чрезвычайно опасенъ въ такое время!—замѣтилъ Томъ.

— Да, безъ сомнѣнія. Послѣдній разъ онъ выпустилъ всѣ шесть зарядовъ своего револьвера вдоль палубы и чуть было не пробуравилъ судоваго плотника. А въ другой разъ набросился на кока и гнался за нимъ съ ганшпукомъ въ рукѣ вплоть до снасти и вверхъ по снастямъ до рей; если бы кокъ

не догадался спуститься по бакштангѣ мачты, то, навѣрное. былъ бы смаранъ съ лица земли.

Томъ не могъ удержаться отъ смѣха, услыхавъ послѣднее фигуральное выраженіе шотландца.

— Да,—продолжалъ послѣдній,—иногда онъ становится опаснымъ для насъ, да и для васъ также. Это я, конечно, говорю между нами, съ глаза на глазъ и безъ всякаго умысла, мистеръ Димсдаль. Но только вы должны знать, что когда на него находитъ хмель, то онъ распускаетъ про фирму такія вещи, что просто слушать неловко: и про непомѣрно высокую страховку, и про негодныя суда, и много тому подобныхъ вещей, которыя, конечно, можно сказать, когда находишься въ своей, отчужденной отъ постороннихъ лицъ компаніи джентльменовъ, какъ сейчасъ, напримѣръ, но которыя звучатъ весьма скверно, когда обращены къ невѣжественнымъ барабаннымъ перепонкамъ простыхъ матросовъ.

— Да, это весьма скандалезно,—сказалъ Томъ въ задумчивости,—что онъ распространяетъ подобные слухи о той фирмѣ, которой служитъ. Правда, наши суда стары, и нѣкоторыя изъ нихъ, по моему мнѣнію, едва-ли благонадежны, но все это еще далеко не то, что обвиненіе, какъ вы намекаете, въ томъ, что мистеръ Гирдльстонъ желаетъ, чтобы они пошли ко дну.

— Ну, мы не станемъ говорить объ этомъ,—сказалъ осторожный шотландецъ.—Мистеръ Гирдльстонъ знаетъ, съ какой стороны его хлѣбъ масломъ намазанъ, т. е. на какой сторонѣ его выгоды, и, конечно, можетъ желать, чтобы они пошли ко дну, и можетъ желать, чтобы они держались на водѣ,—это его дѣло, и не намъ объ этомъ судить. Что касается капитана, то мы еще сегодня услышимъ его рѣчи на этотъ счетъ; это можно сказать почти навѣрное, такъ какъ, лишь только онъ прихлебнетъ вина, какъ начинаетъ говорить о дѣлахъ фирмы. Это какъ пить дать! Но вотъ мы, сэръ, и пришли! Это угловое зданіе, съ опущенными красными сторами въ окнахъ!

Во время этого разговора наши двое собесѣдниковъ бодро шагали по узкимъ грязнымъ улицамъ, ведущимъ отъ берега рѣки къ окраинамъ Степней.

Было уже совершенно темно, когда они достигли широкой людной улицы со множествомъ магазиновъ и лавокъ по обѣимъ сторонамъ и яркими газовыми рожками передъ входомъ и окнами. Большая часть этихъ лавокъ и магазиновъ торго-

вали привозными заморскими товарами; многочисленные промасленные и вощеные или клеенчатые плащи и одежды, болтавшіеся у дверей, медленно покачивались отъ дуновенія вѣтра, при слабомъ, невѣрномъ свѣтѣ густыхъ сумерокъ и тусклыхъ уличныхъ фонарей; на каждомъ углу и перекресткѣ свѣтилась огнями большая гостинница или ресторанъ, конечно, не перворазрядный, съ ярко освѣщенными 5 окнами и цѣлой толпой неряшливо одѣтыхъ женщинъ и мужчинъ въ вязаныхъ курткахъ или фуфайкахъ, продиравшихся локтями сквозь толпу въ дверяхъ. Предъ величайшимъ и блистательнѣйшимъ по виду изъ этихъ учрежденій спутникъ мистера Димсдаля остановился.

— Войдемъ сюда,—сказалъ Макъ-Ферсонъ, повидимому, бывавшій здѣсь не разъ.

Отворивъ дверь, онъ вошелъ въ переполненную людьми комнату, гдѣ испаренія сивушнаго масла и дешевой водки сливались съ испареніями человѣческихъ тѣлъ, что для Тома показалось болѣе отвратительнымъ, чѣмъ мозглыя испаренія просаленныхъ трюмовъ.

— Капитанъ Миггсъ здѣсь?—спросилъ Макъ-Ферсонъ краснощекую полную особу въ бѣломъ фартукѣ, стоявшую за прилавкомъ.

— Да, сэръ!—онъ въ своей комнатѣ и ожидаетъ васъ; тамъ съ нимъ какой-то джентельменъ, но только они просили проводить васъ къ нимъ,—вотъ сюда, сэръ!

Они стали проталкиваться сквозь толпу къ двери, находившейся за прилавкомъ, когда вниманіе Тома было привлечено разговоромъ весьма жалкаго вида человѣка съ пожилымъ субъектомъ, стоявшимъ рядомъ съ нимъ у конторки продавца.

— Послушайтесь моего совѣта,—говорилъ онъ,—держитесь пива. Водка здѣсь—чистая отрава, и, право, стыдно и грѣшно продавать такое зелье христіанамъ. Вотъ посмотрите, посмотрите на мой рукавъ! Видите?—и онъ показалъ обшлагъ своего поношеннаго сюртука, который въ одномъ мѣстѣ былъ какъ бы прожженъ кислотой или чѣмъ либо въ этомъ родѣ.— Даю вамъ слово, это произошло оттого, что я раза два вытеръ этимъ рукавомъ губы, выпивъ здѣшней водки. Послѣ того я убѣдился, что ихъ водка чистый купоросъ. Если бумажная ткань не можетъ ее выдержать, то какъ же можетъ выдержать ее тонкая нѣжная ткань человѣческаго желудка, хотѣлъ-бы я знать!

— Хотѣлъ-бы я знать,—подумалъ про себя Томъ,—что если одинъ изъ этихъ бѣднягъ, вернувшись домой, рѣжетъ свою жену, то кого изъ двухъ слѣдуетъ повѣсить, этого бѣднягу или того краснощекаго, самодовольнаго негодяя, тамъ, за прилавкомъ, который ради нѣсколькихъ мѣдныхъ грошей прибыли поитъ его ядомъ, доводящимъ до безумія?

Томъ еще размышлялъ по поводу этого вопроса, когда они очутились въ комнатѣ капитана Миггса.

Этотъ уважаемый господинъ сидѣлъ, удобно развалясь въ качалкѣ передъ каминомъ, заложивъ вытянутыя ноги на высокую рѣшетку камина; подъ рукой у него на маленькомъ столикѣ стоялъ громадный стаканъ рома, разбавленнаго водой. Противъ него, въ такой же качалкѣ и съ подобнымъ же стаканомъ въ рукѣ, сидѣлъ нашъ старый знакомый фонъ Баумзеръ. Въ качествѣ мелкаго клерка лондонской конторы Гамбургской фирмы, фонъ Баумзеру иногда случалось имѣть сношенія съ фирмой Гирдльстонъ, и такимъ образомъ онъ сошелся и съ капитаномъ Миггсомъ.

— Входите, други, входите,—весело крикнулъ капитанъ, какъ только отворилась дверь, и Томъ со старшимъ помощникомъ показались на порогѣ.—Садитесь, мистеръ Димсдаль, а вы, Санди, развѣ сами не можете найти себѣ мѣста безъ особаго приглашенія? Ужъ пора бы вамъ знать, гдѣ стать на якорь. Это мой пріятель, мистеръ фонъ Баумзеръ, изъ конторы Эккермана!

— А это мистеръ Димсдаль, если не ошибаюсь,—сказалъ нѣмецъ, пожимая руку Тому.—Я слышалъ ваше имя отъ моего закадычнаго друга, маіора Клеттербека, сэръ!

— Ахъ, отъ стараго маіора!—отозвался Томъ,—я его прекрасно помню, какъ же!

— Онъ еще не такъ старъ,—проговорилъ фонъ Баумзеръ нѣсколько обиженнымъ тономъ,—онъ влюбился въ прекрасную и очень милую, очаровательную женщину, и черезъ три мѣсяца будетъ ихъ свадьба. Позвольте мнѣ сказать вамъ, сэръ, мнѣ, который столько времени жилъ съ нимъ, что я еще не встрѣчалъ въ своей жизни человѣка, котораго-бы я могъ уважать больше, чѣмъ маіора, какъ бы тамъ ни подшучивали и что бы ни говорили о немъ въ разныхъ клубахъ и другихъ подобныхъ собраніяхъ!

— Наливайте себѣ, господа,—прервалъ его Миггсъ, подвигая вновь пришедшимъ бутылку съ ромомъ,—намъ надо вы-

пить,—видитъ Богъ, дня два тому назадъ мы едва ли надѣялись, что будемъ сидѣть здѣсь и позѣвывать!

— Да, это было свыше нашего дара прорицанія,—сказалъ старшій помощникъ, хлебнувъ изъ своего стакана.

— Вотъ именно! Скверная это была штука, мистеръ Димсдаль... Да-съ, наша старая скорлупа набрала столько воды, что мы едва могли держаться надъ поверхностью волны, можно сказать, сшибались головами, и мы потеряли все, что только могли потерять!

— Но на этотъ разъ, полагаю, будетъ произведена основательная починка судна!—замѣтилъ Димсдаль

Капитанъ и его помощники весело разсмѣялись.

— Вы думаете? Нѣтъ, это дѣло не подходяще. Не правда ли, Санди?—проговорилъ Миггсъ, покачавъ головой.—Мы не могли бы настолько уменьшить свое содержаніе!

— Уменьшить содержаніе?! Неужели вы хотите этимъ сказать, что вы получаете вознагражденіе пропорціонально степени негодности судна?

— Нѣтъ нужды скрывать это отъ васъ,—произнесъ Миггсъ,—здѣсь никого постороннихъ нѣтъ, все свои люди. Да-съ именно, такъ и обстоитъ дѣло. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я говорилъ по этому поводу съ мистеромъ Гирдльстономъ; я сказалъ ему: «поставьте новую обшивку, новыя снасти, произведите необходимыя починки: наша старая скорлупа никуда не годится».—«Прекрасно,—говоритъ онъ,—но это будетъ означать пропорціональную сбавку съ вашего содержанія и съ содержанія вашего помощника!» Я высказался тогда напрямикъ, но онъ стоялъ на своемъ; тогда мы съ Санди подумали, подумали и согласились, что лучше получать намъ 15 фунтовъ за нашъ рискъ, чѣмъ 12 за относительную благонадежность.

— Это позорно!—воскликнулъ возмущенный Томъ.—Я бы никогда этому не повѣрилъ.

— Да Господь съ Вами: это дѣлается чуть не каждый день и будетъ дѣлаться до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать страховыя общества и страховыя преміи,—проговорилъ спокойно Миггсъ, пустивъ голубоватую струйку дыма въ потолокъ. — Такимъ путемъ очень не трудно заработать нѣсколько тысячъ фунтовъ въ годъ до тѣхъ, пока можно скупать старыя негодныя суда и находить такихъ страховыхъ агентовъ, которые за извѣстное поощреніе соглашаются страховать ихъ вдвое выше ихъ настоящей стоимости. Вотъ хоть

бы Д'Арси Камбель, командиръ «Серебрянаго Города». Какія важныя дѣла онъ дѣлалъ! Вотъ былъ лихой парень! Его спеціальность была «столкновенія», и какъ онъ мастерски ихъ продѣлывалъ! Во всемъ Ливерпулѣ не было ни одного шкипера *), который умѣлъ бы такъ естественно пускать ко дну суда, какъ онъ. Ловкій былъ человѣкъ, настоящій мастеръ своего дѣла!

— Пускать ко дну?—удивленно переспросилъ Томъ.

— Ну, да, онъ отправлялся плавать по Каналу, когда стоялъ густой туманъ, и шелъ прямо подъ носъ какому-нибудь судну, идя на свѣтъ огней. А если туманъ былъ слишкомъ силенъ, такъ что огней не было видно, то шелъ прямо на свистки, и не тутъ,—такъ тамъ его пускали ко дну со всѣми снерами. Славная штука: въ газетахъ полу-аршинные столбцы похвалъ его геройскому поведенію, а иногда даже цѣлая передовица о непредвидѣнныхъ несчастныхъ случайностяхъ. Разъ даже была сдѣлана подписка въ пользу пострадавшихъ и ихъ семей... Ха, ха, ха!

Миггсъ хохоталъ до тѣхъ поръ, пока не захлебнулся.

— Ну, и что случилось съ этой «Британской Звѣздой»?— спросилъ фонъ-Баумзеръ.

— Да онъ еще гдѣ-то существуетъ; онъ теперь служитъ на пассажирскихъ пароходахъ!

— Potztausend!—воскликнулъ нѣмецъ.—Я ни за что не хотѣлъ бы быть пассажиромъ на его пароходѣ!

— Пойти ко дну есть много способовъ, сэръ,—сказалъ старшій помощникъ, снова наполняя свой стаканъ и передавая бутылку капитану. — Такъ, напримѣръ, можно негодное судно нагрузить не годнымъ зерномъ, ссыпавъ его прямо въ трюмъ безъ переборокъ; тогда, если у васъ попадетъ хоть немного воды въ трюмъ, что при такомъ суднѣ неизбѣжно, зерно станетъ разбухать до тѣхъ поръ, пока не разорветъ обшивки, и вы самымъ естественнымъ порядкомъ должны будете затонуть. Затѣмъ существуетъ еще воспламененіе угольныхъ газовъ на пароходахъ. Это тоже вѣрное средство, такъ какъ этого никто отрицать не можетъ. Бываютъ также случаи съ винтами; я знавалъ примѣры, когда суда выходили съ доковъ съ перепиленнымъ до половины аккуратно кругомъ винтовымъ стержнемъ; словомъ, нѣтъ конца всякимъ такимъ пріемамъ!

*) Шкиперами называются капитаны коммерческихъ судовъ.

— Но я положительно не могу повѣрить, чтобы мистеръ Гирдльстонъ потворствовалъ подобнымъ штукамъ!

— Нѣтъ, онъ собственно придерживается выжидательной линіи!—проговорилъ капитанъ.—Онъ не топитъ предумышленно свои суда, но не желаетъ и помѣшать этому и продолжаетъ страховать ихъ много выше настоящей стоимости, полагаясь на Провидѣніе. Уже ему не разъ такъ посчастливилось, хотя бы въ послѣднее время... Вотъ хоть бы «Белинда» у мыса Пальмасъ! Вѣдь она дала ему чистыхъ 5,000 барыша, ни гроша меньше. А «Сократъ»?! Ну, это была печальная исторія; о немъ такъ и не слыхали ничего; ни о комъ изъ экипажа,—онъ затонулъ гдѣ-то въ открытомъ морѣ,—и слѣда не осталось!

— И весь экипажъ утонулъ!—воскликнулъ Томъ въ ужасѣ.—Но какъ же вы то сами о себѣ не заботитесь, если то, что говорите, правда?

— Намъ платятъ за этотъ рискъ,—сказали оба моряка разомъ, пожимая плечами.

— Но, вѣдь, существуютъ же правительственные инспектора, ревизоры?!

— Ха! ха! Да, вѣдь, вы, кажется, видѣли, какъ они справляютъ свое дѣло.

Томъ былъ положительно внѣ себя отъ всего слышаннаго; онъ слушалъ и недоумѣвалъ. Если Гирдльстонъ былъ способенъ на все это, то на что не былъ способенъ и въ другомъ? Можно ли было полагаться на его слово при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ? И что это была за фирма, которая выставляла на видъ такую показную сторону и съ которой онъ связалъ свою судьбу! Всѣ эти мысли съ быстротою молніи пронеслись у него въ головѣ, когда онъ слушалъ болтовню стараго лихого моряка. Но еще большій ударъ ждалъ его впереди.

Фонъ Баумзеръ, все время только прислушивавшійся къ разговору съ веселой усмѣшкой на добродушномъ лицѣ, теперь вмѣшался въ него въ свою очередь.—«И я скажу кое что про вашу фирму, чего вы, вѣроятно, не знаете,—началъ онъ, обращаясь къ Тому,—слышали вы, напр., что мистеръ Эзра Гирдльстонъ женится?

— Женится?

— Да; я объ этомъ слышалъ сегодня утромъ у насъ въ конторѣ! Объ этомъ много говорятъ въ Сити.

— А на комъ?—спросилъ Миггсъ такъ, чтобы только сказать что нибудь, но, видимо, ни мало не интересуясь этимъ вопросомъ.

— Я позабылъ ея имя,—проговорилъ Баумзеръ,—но эта та дѣвушка, которую маіоръ встрѣчалъ, та самая, которая живетъ въ ихъ семьѣ и, какъ говорятъ, находится подъ опекой у старика.

— Нѣтъ! Нѣтъ, это не можетъ быть!—воскликнулъ Томъ, вскочивъ со своего мѣста и поблѣдѣвъ, какъ полотно.—Нѣтъ, это не миссъ Харстонъ! не можетъ быть, чтобы вы хотѣли сказать, что онъ женится на миссъ Харстонъ!

— Да, именно миссъ Харстонъ! Теперь я припомнилъ ея имя, именно о ней и говорили!

— Это ложь! Безсовѣстная ложь!—воскликнулъ Томъ съ горячностью.

— Можетъ быть, я, вѣдь, говорю только то, что слышалъ и слышалъ не разъ отъ людей, вполнѣ достовѣрныхъ!

— А если это правда,—то тутъ кроется подлость!—воскликнулъ Томъ съ разгорѣвшимися глазами,—самое низкое предательство, какое когда-либо существовало на землѣ! Я поѣду, повидаю его сегодня же и, видитъ Богъ, узнаю правду!— Онъ, какъ сумасшедшій, сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, пробѣжалъ черезъ трактиръ и, вскочивъ въ стоявшую у дверей пролетку, крикнулъ возницѣ: «пошелъ въ Лондонъ, Экклестонъ скверъ № 60; мнѣ страшно къ спѣху!» Возница проворно вскочилъ на козлы, подобралъ возжи и покатилъ такъ быстро, какъ только могла бѣжать его лошадь.

Это внезапное бѣгство вызвало, какъ и можно себѣ вообразить, большое изумленіе въ «Пѣтухѣ и Бѣлой Буквицѣ»

— Какой порывистый молодой человѣкъ!—замѣтилъ Макферсонъ.—Онъ сорвался и понесся, точно клипперъ въ ураганъ!

— Я замѣтилъ,—сказалъ фонъ Баумзеръ,—что онъ забылъ свою шляпу, и теперь мнѣ вспоминается, что я слышалъ его имя, въ связи съ именемъ этой самой молодой дѣвушки!

— Такъ онъ, значитъ, приревновалъ!—сказалъ Миггсъ, съ освѣдомленнымъ видомъ кивая головой.—Я и самъ испыталъ нѣчто подобное еще до него. Я тоже налетѣлъ тогда на Билли Барлоу съ «Летучаго Облачка» изъ-за этой же самой ревности, ровно годъ тому назадъ, подъ самое Рождество, но я все-таки

не вижу, чтобы это было основаніемъ уѣхать отсюда, не сказавъ намъ даже «съ Вашего позволенія», или «Если позволите» или хоть просто «спокойной ноги, господа». Это, что называется, не корректно... что ни говори.

— Это, такъ сказать, трансцедентально!—заявилъ старшій помощникъ, чрезвычайно довольный тѣмъ, что употребилъ такое длинное и малопонятное слово.

— Ахъ, друзья,—проговорилъ добродушный и мягкосердый нѣмецъ,—когда человѣкъ влюбленъ, ему можно и должно многое извинить. Я вполнѣ увѣренъ, что онъ не хотѣлъ обидѣть никого изъ насъ!

Однако, несмотря на это оправданіе, капитанъ Миггсъ продолжалъ быть весьма не въ духѣ и только послѣ обильнаго поглощенія рома гостямъ удалось, наконецъ, вернуть ему доброе расположеніе духа.

Тѣмъ временемъ виновникъ всего этого мчался во мракѣ ночи съ твердымъ намѣреніемъ въ душѣ выяснить этотъ вопросъ еще до наступленія утра въ томъ или иномъ смыслѣ, но съ такой полной ясностью, чтобы не оставалось болѣе мѣста сомнѣнію.

XXXI. Кризисъ въ Экклестонъ-Скверѣ.

Одобряющія слова отца придали бодрости Эзрѣ Гирдльстону, и онъ снова возобновилъ свои ухаживанія съ удвоенной энергіей и настойчивостью. Никогда еще не одинъ мужчина не отдавалъ такъ всего своего времени на покореніе женскаго сердца; съ утра до ночи въ душѣ его не было другой мысли, другой заботы, какъ только предугадать и удовлетворить каждое малѣйшее желаніе дѣвушки, съ такой деликатностью, которая положительно удивляла Кэтъ. Лучшіе плоды и самые рѣдкіе цвѣты поминутно появлялись на столикѣ въ ея комнатѣ. Всѣ новѣйшія изданія, беллетристическія и музыкальныя, тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ появлялись на ея письменномъ столикѣ или на пюпитрѣ ея инструмента. Ничего изъ того, что могло придумать вниманіе и желаніе доставить удовольствіе, не оставалось безъ осуществленія какъ отцомъ, такъ и сыномъ.

Но не взирая на все это баловство и ухаживанія, несмотря на мольбы и уговоры своего опекуна, Кэтъ твердо и непоколебимо стояла на своемъ. Пусть даже Томъ въ настоящее время и былъ въ самомъ дѣлѣ не вѣренъ ей, она останется вѣрна памяти того прежняго Тома, котораго она такъ

любила и который самъ такъ любилъ ее. Его идеала никто не могъ отнять у нея; никакой другой мужчина не могъ занять въ ея сердцѣ его мѣста.

Что Томъ по какой-то необъяснимой и непонятной для нея причинѣ вдругъ измѣнилъ ей, забылъ ее, это, казалось, было внѣ всякаго сомнѣнія. Ея чистая, безхитростная душа не могла даже представить себѣ той хитросплетенной сѣти интригъ и обмана, которою опутывали и ее, и его. Ея отшельническая жизнь сдѣлала ее весьма чуждою жизни и пріемовъ, какими иногда пользуются для своихъ цѣлей люди, и потому возможность умышленнаго и обдуманнаго обмана никогда даже не приходила ей въ голову. Съ того дня, какъ она слышала въ чтеніи своего опекуна обрывки изъ письма, адресованнаго на имя Тома, она ни одной минуты не сомнѣвалась въ томъ, что подобнаго рода письма чуть ли не ежедневно получались любимымъ ею человѣкомъ тамъ, въ конторѣ. И какъ могла она сомнѣваться въ этомъ, когда самый фактъ того, что онъ вдругъ пересталъ появляться въ Эккельстонъ-Скверѣ, подтверждалъ это?! Тѣмъ не менѣе причина его измѣны была не ясна для нея; временами она принималась обвинять самое себя, какъ это не рѣдко дѣлаютъ женщины въ подобныхъ случаяхъ.—«Я не интересна была для него;—я не обладаю ни однимъ изъ тѣхъ заманчивыхъ качествъ, которыя очаровываютъ и привязываютъ къ себѣ мужчинъ, и какими обладаютъ героини тѣхъ романовъ, которые мнѣ приходилось читать! А все таки... все таки!..—и въ результатѣ она все-таки смутно чувствовала, что это все не то; совсѣмъ не то.

Она старалась, насколько возможно, избѣгать Эзру и проводила въ своей комнатѣ большую часть дня, когда онъ бывалъ дома. Но тотъ, по совѣту отца, прекратилъ свои настойчивыя и навязчивыя ухаживанія и продолжалъ только безмолвно угождать ей и дѣлать все для нея пріятное. Это нѣсколько успокоило Кэтъ; мало по малу она вернулась къ своимъ прежнимъ привычкамъ и перестала умышленно избѣгать встрѣчъ съ нимъ. Въ душѣ своей она искренно сожалѣла бѣднаго Эзру, который отъ напряженности своего состоянія дѣйствительно замѣтно осунулся и поблѣднѣлъ. «Бѣдняга,—думала она, наблюдая за нимъ,—онъ, безъ сомнѣнія, любитъ меня. Ахъ, Томъ, Томъ, еслибы ты былъ такъ же вѣренъ, какъ бы счастливы мы могли быть съ тобою»!—Иногда ей даже хотѣлось утѣшить Эзру ласковымъ словомъ или взглядомъ, а онъ при-

нималъ это, конечно, за поощреніе къ возобновленію своихъ ухаживаній. И, пожалуй, онъ былъ отчасти правъ, такъ какъ тамъ, гдѣ отсутствуетъ любовь,—жалость и сочувствіе часто являются прекрасными замѣстителями ея.

Однажды утромъ, послѣ завтрака, старикъ Гирдльстонъ позвалъ сына въ библіотеку, сказавъ, что имѣетъ сообщить ему нѣчто важное.

— Я получилъ напоминаніе объ уплатѣ дивидентовъ,— сказалъ онъ,—у насъ нѣтъ больше времени впереди. Надо привести дѣло къ концу и теперь же, иначе будетъ поздно!

— Не слѣдуетъ срывать плода прежде, чѣмъ онъ не созрѣлъ!—недовольнымъ тономъ пробормоталъ сквозь зубы сынъ.

— Ну, такъ ты можешь попробовать, созрѣлъ ли онъ или нѣтъ; если нѣтъ, можно будетъ попробовать еще разъ немного погодя. Думаю, что теперь представляется какъ разъ удобный случай; она теперь одна въ столовой; со стола уже убрали, такъ что никто не можетъ помѣшать вамъ. Иди, сынъ мой, и пусть Небо пошлетъ тебѣ удачу!

— Хорошо, ты подожди меня здѣсь; я дамъ тебѣ знать, какъ обстоятъ дѣла!

Молодой человѣкъ застегнулъ до верху свой сюртукъ, поправилъ галстукъ и вернулся въ столовую съ выраженіемъ мрачной рѣшимости на смугломъ красивомъ лицѣ.

Кэтъ сидѣла на плетеномъ стулѣ въ амбразурѣ окна и поправляла цвѣты въ вазѣ.

Лучи утренняго солнца падали прямо на ея склоненную головку, придавая прозрачность ея блѣдному личику и зажигая золотистыя искорки въ густыхъ прядяхъ ея прекрасныхъ каштановыхъ волосъ. На ней было свѣтлое розовое платье, увеличивавшее еще болѣе юную прелесть и грацію ея изящной и гибкой фигуры.

Когда Эзра вошелъ, она подняла голову и, взглянувъ на него, испугалась, сразу понявъ цѣль его прихода.

— Вы опоздаете въ Фенчерсъ-Стритъ,—сказала она съ напускной улыбкой,—уже почти 11 часовъ!

— Я не поѣду сегодня въ контору,—отвѣтилъ онъ серьезно,—я пришелъ сюда, Кэтъ, чтобы узнать отъ васъ свою судьбу. Вы отлично знаете и должны были знать объ этомъ давно, что я люблю васъ. Если вы согласны пойти за меня замужъ, то сдѣлаете меня счастливымъ человѣкомъ, а я сдѣ-

лаю васъ счастливой женщиной. Правда, я не особенно красноречивъ на подобныя темы, но то, что я говорю, то и думаю. Что вы отвѣтите мнѣ на это?—и онъ оперся своей широкой полной рукой на спинку стула, нервно забарабанивъ по ней пальцами.

Кэтъ, низко склонившая было свою голову надъ цвѣтами, теперь подняла ее и взглянула ему въ лицо честнымъ, открытымъ взглядомъ, полнымъ жалости и сочувствія.

— Выкиньте эту мысль изъ головы, Эзра,—сказала она тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ,—повѣрьте, я всегда буду благодарна вамъ за ту доброту, съ какой вы относились ко мнѣ въ послѣднее время. Я буду для васъ искренно любящей и нѣжной сестрой, если хотите, но никогда не могу быть для васъ ничѣмъ инымъ!

— А почему нѣтъ?—спросилъ Эзра, все еще опираясь на стулъ и склонившись надъ нимъ, при чемъ злобныя искры начинали уже загораться въ его темныхъ глазахъ.—Почему вы не можете никогда стать моей женой?

— Почему? Потому, что не могу; вы не должны больше думать объ этомъ! Право, мнѣ очень жаль огорчать васъ, но что же я могу сдѣлать?

— Такъ вы не можете полюбить меня?—хриплымъ голосомъ воскликнулъ молодой человѣкъ.—А между тѣмъ другія женщины готовы были бы отдать полъ жизни за то, чтобы я принадлежалъ имъ! Знаете вы это?

— Такъ, Бога ради, идите къ этимъ другимъ женщинамъ!—произнесла Кэтъ полу-серьезно, полу-смѣясь.

Этой полу-улыбки было достаточно, чтобы окончательно взбѣсить Эзру.

— Такъ вы не хотите меня! Вы отвергаете меня!—съ бѣшенствомъ крикнулъ онъ.—Я, какъ видно, не такъ хорошъ и пригожъ, какъ тотъ парень, не такъ ли? Вы еще не выкинули его изъ головы, хотя онъ и увильнулъ отъ васъ съ другой дѣвушкой!

— Какъ вы смѣете такъ говорить со мной!—воскликнула Кэтъ, вскочивъ на ноги въ порывѣ справедливаго и гордаго негодованія.

— Эта правда, и вы ее знаете!—продолжалъ Эзра со злобной усмѣшкой.—Неужели у васъ не хватаетъ гордости на то, чтобы не отвернуться отъ него и не виснуть на шеѣ у человѣ-

ка, которому вы не нужны, у человѣка съ сладколживымъ языкомъ змѣи и трусливымъ сердцемъ зайца!

— Если бы онъ былъ здѣсь, вы не посмѣли бы сказать этого!—гнѣвно воскликнула Кэтъ.

— Неужели?—съ свирѣпой насмѣшкой возразилъ Эзра.

— Нѣтъ, не посмѣли бы! И знайте, я не вѣрю, чтобы онъ когда либо измѣнилъ мнѣ. Вы и отецъ задались мыслью заставить меня повѣрить этому, чтобы разлучить насъ. Но онъ тутъ ни въ чемъ не повиненъ!

Одному только Богу извѣстно, какимъ образомъ вдругъ эта мысль пришла въ голову Кэтъ съ такой поразительной и несомнѣнной ясностью. Быть можетъ, обезображенное гнѣвомъ лицо Эзры вдругъ дало понять, на что могутъ быть способны подобныя натуры для достиженія цѣли,—и когда она увидѣла. какъ его мрачное, свирѣпое лицо при ея словахъ стало разомъ еще вдвое мрачнѣе и свирѣпѣе, сердце ея вдругъ наполнилось громадной желанной радостью, которая дала ей почувствовать, что эта странная, новая, неизвѣстно откуда родившаяся мысль была истиной!

— И вы не можете отрицать этого!—крикнула она теперь уже торжествующимъ голосомъ, съ ярко загорѣвшимися глазами и протянутыми впередъ, словно для молитвы, руками.—Вы знаете, что это правда! Я увижу его и услышу изъ его собственныхъ устъ то, что онъ скажетъ мнѣ! Онъ любитъ меня,—и я люблю его, да! Люблю и не переставала любить его, несмотря ни на что!

— О, да,—вы любите! Но мы еще увидимъ, много ли радости ему принесетъ ваша любовь! Мы еще посмотримъ, кто изъ насъ двухъ восторжествуетъ въ концѣ концовъ! Еще посмотримъ.

Эзра остановился, будучи не въ состояніи произнести ни слова больше: бѣшенство душило его. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ по направленію къ Кэтъ, глаза его горѣли какимъ-то дьявольскимъ огнемъ, такъ что смотрѣть въ нихъ становилось страшно. Но, сдѣлавъ угрожающій жестъ рукою, онъ разомъ повернулся на каблукахъ и крупными шагами вышелъ изъ комнаты. Въ тотъ моментъ, когда онъ выходилъ, маленькій той-терьеръ Кэтъ, Фло, бѣжалъ ему на встрѣчу, и вся злобная жестокость его грубой натуры сказалась въ немъ при видѣ собачки. Онъ занесъ надъ крошечнымъ песикомъ свой тяжелый сапогъ и отшвырнулъ неповинное ни въ чемъ животное

на другой конецъ комнаты подъ диванъ, откуда собачка выползла, жалобно воя и волоча за собой правую заднюю лапку.

— Грубое животное!—воскликнула Кэтъ, подымая свою маленькую любимицу и плача надъ ней слезами негодованія и обиды.—Ты пострадала за меня, моя крошечка!—приговаривала она,—вѣдь этотъ ударъ въ сущности предназначался мнѣ! Но утѣшься: насъ ждутъ еще лучшіе дни впереди; теперь я знаю, что онъ не забылъ меня, Фло! Знаю, да!

Взбѣшенный и пристыженный Эзра вернулся въ библіотеку, гдѣ ждалъ его отецъ, и въ краткихъ рѣзкихъ выраженіяхъ передалъ ему результатъ своего сватовства. Но, что происходило затѣмъ между отцомъ и сыномъ, такъ и осталось никому неизвѣстно. Прислуга, имѣвшая нѣкоторое подозрѣніе о томъ, что въ домѣ происходило что-то необычайное, говорила, что въ началѣ разговора между отцомъ и сыномъ до ихъ слуха доносился густой басъ сына и звенящій, металлическій голосъ отца, что они на что-то жаловались другъ другу, въ чемъ-то упрекали другъ друга; затѣмъ вдругъ тонъ ихъ разговора понизился до едва слышнаго шепота, такъ что могло казаться, что въ комнатѣ воцарилось полнѣйшее молчаніе, и этотъ разговоръ, ведшійся шепотомъ, продолжался чуть не цѣлый часъ, послѣ чего молодой Гирдльстонъ отправился въ Сити, и съ этихъ поръ всѣ стали замѣчать какую-то перемѣну и въ отцѣ, и сынѣ. Перемѣна эта была неуловимая, но оставляла свой несомнѣнный отпечатокъ на томъ и на другомъ. Не то, чтобы сѣдая голова и волчье лицо старика стали еще сѣдѣе и еще хищнѣе или жесткое, самонадѣянное выраженіе въ лицѣ молодого стало еще болѣе жесткимъ и дерзкимъ, нѣтъ, но надъ ними словно нависло какое-то темное облако которое постепенно сгущалось въ что-то мрачное и зловѣщее. Это было облако, омрачающее чело людей, носящихся съ тайной, сокровенною мыслью, въ большинствѣ случаевъ не доброй.

Все это время, пока въ библіотекѣ шелъ разговоръ между отцомъ и сыномъ, Кэтъ оставалась въ столовой, занимаясь своей маленькой собачкой и ея пострадавшей лапкой и погруженная въ глубокое раздумье. Теперь она была такъ-же убѣждена въ томъ, что Томъ Димсдаль ей былъ вѣренъ, какъ если бы слышала это признаніе изъ его устъ, но все же во всемъ этомъ было много непонятнаго, много такого, въ чемъ

она не могла дать себѣ яснаго отчета. Смутное сознаніе подлости и обмана, опутывавшихъ ее въ этомъ домѣ, подавляло и тяготило ее. Что могли придумать эти двое людей для того, чтобы отдалить Тома отъ нея на столь долгое время? Быть можетъ, и онъ поддался какому-нибудь обману, какому-нибудь роковому заблужденію? Во всякомъ случаѣ все случившееся было съ одобренія ея опекуна,—и въ первый разъ настоящая оцѣнка характера и образа дѣйствій старика Гирдльстона представилась ея глазамъ, и она вдругъ поняла, что этотъ богобоязненный, сладкоязычный и всегда невозмутимо-спокойный старикъ являлся болѣе опаснымъ даже, чѣмъ его грубый и жестокосердый сынъ. Она невольно содрогнулась, когда, поднявъ глаза, увидѣла его передъ собой. Видъ его былъ далеко не обнадеживающій. Руки его были заложены за спину и крѣпко сжаты; голова наклонена впередъ; взглядъ, устремленный на нее, не обѣщалъ ничего добраго.

— Прекрасно поступили,—сказалъ онъ съ ядовитой усмѣшкой на лицѣ,—прекрасно! Это, можно сказать, доброе начало для миссъ Харстонъ. Вы хорошо отплатили другу вашего покойнаго отца за его попеченіе и заботы о васъ.

— Мое единственное желаніе—это возможно скорѣе покинуть вашъ домъ,—проговорила Кэтъ, и злобный огонекъ засвѣтился въ ея глубокихъ синихъ глазахъ.—Вы жестокій, дурной и лицемѣрный человѣкъ. Вы все время обманывали меня по отношенію къ мистеру Димсдалю, я прочла это въ глазахъ вашего сына и теперь читаю то же самое на вашемъ лицѣ. Какъ могли вы это сдѣлать? Какъ могли вы быть на столько жестоки и безсердечны?

Джонъ Гирдльстонъ былъ положительно сбитъ съ толку этимъ взрывомъ женскаго негодованія и гнѣва въ этой всегда кроткой и покорной дѣвушкѣ.

— Видитъ Богъ,—произнесъ онъ,—каковы бы ни были мои прегрѣшенія, но въ небреженіи по отношенію къ вамъ я не грѣшенъ. Правда, я не безупреченъ,—но даже самый праведный человѣкъ погрѣшаетъ. И если я старался отклонить васъ отъ этой безразсудной любви, то только въ вашихъ же интересахъ!

— Вы лгали для того, чтобы оторвать меня отъ единственнаго человѣка въ мірѣ, который любилъ меня искренно. Вы и вашъ ненавистный сынъ составили противъ насъ заговоръ для того, чтобы разрушить и погубить мое счастье и разбить мое

сердце! Что вы ему сказали, чтобы разлучить насъ другъ отъ друга? Но я увижу его и узнаю всю правду изъ его устъ!

Лицо Кэтъ была необычайно спокойно и рѣшительно; она прямо смотрѣла въ сердитое лицо своего опекуна.

— Молчать!—крикнулъ старикъ сиплымъ, задыхающимся отъ гнѣва голосомъ.—Вы забываете свое положеніе въ этомъ домѣ! Вы слишкомъ злоупотребляете моей добротой. Что касается вашей дѣвичьей фантазіи, то можете выкинуть ее совсѣмъ изъ головы. Пока я все еще вашъ опекунъ и я былъ-бы преступно слабъ, если бы позволилъ вамъ когда нибудь видѣться съ этимъ человѣкомъ. Сегодня же вы уѣдете со мной въ Хампширъ!

— Въ Хампширъ?

— Да, я пріобрѣлъ тамъ маленькую усадебку, гдѣ мы намѣрены провести нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ!—Вы получите возможность уѣхать оттуда, когда откажетесь отъ своихъ дѣвичьихъ бредней и примиритесь съ мыслью о полномъ забвеніи этой романической исторіи, но не раньше!...

— Въ такомъ случаѣ я никогда не получу этой возможности уѣхать!—сказала Кэтъ со вздохомъ.

— Это будетъ всецѣло зависѣть отъ васъ. Тамъ вы по крайней мѣрѣ будете ограждены отъ навязчивости нежелательныхъ людей. Когда вы достигнете совершеннолѣтія, тогда, конечно, будете вольны поступать согласно вашей фантазіи, но до того времени мои обязанности требуютъ и самый законъ дозволяетъ, чтобы я всѣми зависящими отъ меня средствами ограждалъ васъ отъ взбалмошныхъ затѣй. Мы выѣдемъ изъ Ватерлоо ровно въ 4 часа!—съ этими словами Гирдльстонъ направился къ двери, но выходя оглянулся назадъ.— Богъ да проститъ вамъ то, что вы сдѣлали сегодня!—сказалъ, поднявъ кверху свои худыя блѣдныя руки.

Бѣдная Кэтъ, оставшись одна, была очень поражена этимъ новымъ несчастьемъ. Она знала, что выполнить эту новую жестокую угрозу было въ власти ея опекуна и что противъ его рѣшенія она ничего не могла сдѣлать. У нея не было ни одного друга въ цѣломъ мірѣ, къ кому-бы она могла обратиться за совѣтомъ или помощью. Явилась было мысль бѣжать къ Димсдалямъ въ Кенсингтонъ и молить ихъ о помощи, но мысль о Томѣ помѣшала ей сдѣлать это. Въ сердцѣ она всецѣло оправдала его, но тѣмъ не менѣе было еще много такого, что нуждалось въ объясненіи прежде, чѣмъ они могли стать другъ для друга тѣмъ, чѣмъ были раньше. Конечно, она могла написать мист-

риссъ Димсдаль, но ея опекунъ не сказалъ ей, въ какую мѣстность Хампшира они должны отправиться; въ концѣ концовъ она пришла къ заключенію, что всего лучше будетъ подождать и написать уже прямо оттуда. А пока она печально направилась въ свою комнату и начала укладывать свои вещи, съ помощью краснощекой дѣвушки, ея личной камеристки Ребекки. Въ половинѣ четвертаго экипажъ подкатилъ къ подъѣзду, и изъ него вышелъ старикъ Гирдльстонъ. Чемоданы и сундуки были нагружены наверхъ кареты, а молодая особа получила вѣжливое приглашеніе сѣсть въ экипажъ. Старикъ помѣстился подлѣ нея; кучеръ тронулъ вожжами, и экипажъ понесся по улицамъ города.

Въ тотъ моментъ, когда они выѣзжали изъ Экклестонъ-Сквера, Кэтъ оглянулась на большое мрачное зданіе подъ №-омъ 60, гдѣ провела послѣдніе печальные годы своей жизни. Если бы она знала, что ожидало ее въ будущемъ, то, вѣроятно, всѣми силами души просила бы остаться въ этомъ угрюмомъ и мрачномъ домѣ.

Немного погодя по Экклестонъ Скверу пронесся другой экипажъ, въ которомъ сидѣлъ блѣдный, растеряннаго вида молодой человѣкъ, поминутно выглядывавшій въ окно кареты, чтобы видѣть, далеко ли еще осталось до его мѣста назначенія. Еще далеко не доѣзжая дома № 60, онъ уже отворилъ дверцу и стоялъ на подножкѣ. Въ тотъ моментъ, когда экипажъ остановился у подъѣзда, онъ поспѣшно соскочилъ и громко позвонилъ въ тяжелый, бронзовый колокольчикъ у тяжелой дубовой двери.

— Дома мистеръ Гирдльстонъ?—спросилъ онъ, когда въ дверяхъ появилась Ребекка.

— Нѣтъ, сэръ!

— А миссъ Харстонъ дома?

— Нѣтъ, сэръ!—Они только что уѣхали вмѣстѣ съ Мистеромъ Гирдльстонъ!

— Уѣхали?

— Да, сэръ, за городъ, въ усадьбу, а также и мистеръ Эзра

— А когда они вернутся?—растерянно освѣдомился посѣтитель.

— Они вовсе не вернутся!

— Нѣтъ, это невозможно!—воскликнулъ Томъ. — Скажите мнѣ ихъ адресъ!

— Они не оставили адреса. Очень сожалѣю, что не могу помочь вамъ. Спокойной ночи, сэръ! И Ребекка захлопнула

дверь, лукаво смѣясь надъ разстроеннымъ видомъ молодого человѣка. Ей хорошо была извѣстна причина его разстройства и вся подкладка сегодняшняго происшествія, и такъ какъ она въ въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ безумно ревновала свою молодую госпожу къ Эзрѣ, то теперь была весьма рада, видя, что съ нею приключилось большое горе и что не все у нея идетъ, какъ по маслу.

Когда дверь захлопнулась, Томъ Димсдаль простоялъ еще нѣкоторое время на ступенькахъ крыльца, безцѣльно и безсмысленно глядя въ темноту ночи. Онъ былъ положительно ошеломленъ—какую еще новую подлость затѣяли эти Гирдльстоны? Неужели это явилось подтвержденіемъ того, что онъ слышалъ отъ нѣмца, или же это было опроверженіемъ его словъ? Холодный потъ выступилъ у него на лбу при мысли о возможности чего нибудь подобнаго. «Я долженъ разыскать ее!»—воскликнулъ онъ голосомъ, полнымъ отчаянія и ломая руки, и, повернувшись, пошелъ прочь отъ этого проклятаго дома, полнаго тайныхъ интригъ, обмана и коварства.

XXXII. Разговоръ въ библіотекѣ въ Экклестонъ-Скверѣ.

Ребекка, свѣжая, краснощекая служанка, камеристка Кэтъ Харстонъ, все еще стояла за массивной, великолѣпной дверью вестибюля и съ улыбкой на лицѣ прислушивалась къ удаляющимся шагамъ Тома Димсдаля, когда другіе, болѣе рѣзкіе и тяжелые шаги, доносившіеся изъ противоположнаго направленія, коснулись ея слуха. Улыбка разомъ сбѣжала съ ея лица,—и оно приняло своеобразное выраженіе, въ которомъ трудно было опредѣлить, какое изъ двухъ чувствъ брало верхъ, страхъ или радость. Она провела руками по лицу и пригладила свои густые лоснящіеся волосы проворнымъ, нервнымъ жестомъ, глядя въ тоже время на свой бѣлый, какъ снѣгъ, передникъ и яркую ленточку на шеѣ. Какого бы рода ни были ея намѣренія, но у нея не было времени поправить свой нарядъ, такъ какъ почти въ тотъ же моментъ ключъ повернулся въ замкѣ и въ вестибюль вошелъ Эзра. Увидавъ смуглое очертаніе ея фигуры, такъ какъ газъ былъ завернутъ, и въ вестибюлѣ царилъ полумракъ, онъ издалъ невольно хриплый крикъ удивленія и испуга и отшатнулся назадъ къ двери.

— Не пугайтесь, мистеръ Эзра,—сказала она полу-шепотомъ,—это я.

— Чортъ бы васъ побралъ!—съ бѣшенствомъ крикнулъ Эзра.—Чего вы здѣсь стоите въ потьмахъ, словно привидѣніе? Вы меня положительно напугали!

— Я не имѣла намѣренія этого сдѣлать! Я только что ходила на звонокъ. Но, право, вы не разъ до этого времени входили въ вестибюль и заставали меня здѣсь, не придавая этому большого значенія, даже не обращали на это никакого вниманія!

— Эхъ, дѣвушка,—сказалъ Эзра,—да развѣ ты не видишь, что нервы у меня разстроены до послѣдней степени?! Мнѣ весь день было не по себѣ. Смотри, какъ дрожатъ и трясутся мои руки!

— Боже упаси!—воскликнула дѣвушка дрожащимъ отъ волненіемъ голосомъ, открывая и зажигая газъ.—Я никогда не думала, что увижу васъ въ такомъ видѣ, вѣдь, вы блѣдны, какъ бумага!

— Ну, довольно!—остановилъ онъ довольно грубо,—теперь скажи, гдѣ остальные?

Дженъ ушла со двора. Поваръ, Виллььямъ и мальчикъ внизу, въ людской.

— Хорошо,—иди со мной въ библіотеку!—Они подумаютъ, что ты наверху въ спальныхъ прибираешься. Я хочу поговорить съ тобой спокойно, безъ помѣхи. Зажги лампу для чтенія. Ну, что, уѣхали они?

— Да, уѣхали!—отвѣтила Ребекка, стоя подлѣ кушетки, на которой раскинулся Эзра.—Вашъ отецъ пріѣхалъ немного послѣ трехъ и увезъ ее съ собой!

— Она не надѣлала шуму? Не было съ нею возни?

— Шума? Возни? А почему-бы быть съ нею markdownвознѣ? Развѣ, по чести и совѣсти сказать, не достаточно было съ нею возни все это время? Всѣ съ нею возились и няньчились, какъ съ куринымъ яйцомъ! Ахъ, Эзра, прежде, чѣмъ она встала между насъ, вы иногда бывали добры ко мнѣ, и я могла сносить отъ васъ рѣзкія слова и грубые окрики шесть дней въ недѣлю, лишь бы въ седьмой услышать доброе слово отъ Васъ. Но теперь развѣ вы обращаете на меня хоть малѣйшее вниманіе? Точно и нѣтъ меня совсѣмъ!—И она стала всхлипывать, утирая себѣ глаза маленькимъ полинявшимъ платочкомъ.

— Брось это, матушка, брось сейчасъ-же! — досадливо крикнулъ Эзра.—Я желаю получить нѣкоторыя свѣдѣнія, и

вовсе не желаю слышать твоего хныканья. Что она, казалась спокойной и поѣхала съ полной готовностью?

— Про послѣднее я ничего сказать не могу, только казалась она довольно спокойной!—проговорила Ребекка, подавляя невольное всхлипыванiе.

— Дай мнѣ немного коньяку вонъ изъ той бутылки, что уже откупорена! Я все еще не могу оправиться отъ своего испуга. Не слышала ты, не говорилъ отецъ чего нибудь относительно того, куда они ѣдутъ?

— Я слышала только, какъ онъ сказалъ кучеру: «поѣзжай на Ватерлоосскiй вокзалъ».

— И ничего болѣе?

— Нѣтъ, ничего!

— Ну, такъ если онъ ничего не сказалъ, такъ я тебѣ скажу. Они уѣхали въ Хампширъ, дѣвушка, вотъ куда! Мѣстечко это называется Бэдсворсъ; это хорошенькiй маленькiй уголокъ вблизи моря, и я хочу, чтобы и ты ѣхала, и не далѣе, какъ завтра!

— Вы хотите, чтобы я тоже туда поѣхала?

— Ну, да! Имъ нужно тамъ имѣть человѣка ловкаго, проворнаго и смышленаго, кто бы могъ вести хозяйство и смотрѣть за домомъ. Тамъ, конечно, есть какая-то старуха, если не ошибаюсь, но она стара и ни къ чему не пригодна. А я увѣренъ, что ты весьма скоро приберешь все къ своимъ рукамъ. Мой отецъ намѣренъ пробыть тамъ нѣкоторое время вмѣстѣ съ миссъ Харстонъ!

— Ну, а какъ же вы?—спросила дѣвушка, и нѣчто похожее на подозрѣнiе мелькнуло въ глубинѣ ея темныхъ глазъ.

— Не безпокойся о мнѣ!—Я останусь здѣсь и буду заниматься дѣлами. Надо же кому нибудь быть на мѣстѣ;—и думаю, что поваръ, Дженъ и Вилльямъ втроемъ сумѣютъ позаботиться о мнѣ одномъ!

— И я совсѣмъ не буду видѣть васъ!—воскликнула дѣвушка, и голосъ ея дрогнулъ противъ воли.

— Нѣтъ, почему-же?! Я буду прiѣзжать туда каждую недѣлю и оставаться съ субботы и до понедѣльника, а быть можетъ, даже и чаще. Если дѣла пойдутъ хорошо, я могу даже прiѣхать и пробыть тамъ у васъ нѣкоторое время. Но главнымъ образомъ это будетъ зависѣть отъ тебя!

Ребекка вздрогнула и съ недоумѣнiемъ посмотрѣла на него.

— Какъ это можетъ зависѣть отъ меня?—спросила она, наконецъ, съ нескрываемымъ любопытствомъ.

— Видишь-ли,—продолжалъ Эзра,—это будетъ зависѣть отъ того, будешь ли ты хорошей дѣвушкой и станешь ли исполнять то, что тебѣ скажутъ. Я увѣренъ, что ты сдѣлаешь все, чтобы угодить мнѣ, не правда ли?

— Вы знаете, что я сдѣлаю все, что вы захотите, мистеръ Эзра. И когда вамъ бываетъ что нибудь нужно отъ меня, то вы объ этомъ вспоминаете; но когда я не нужна вамъ, то у васъ никогда не находится для меня ни ласковаго взгляда, ни добраго слова! Если бы я была собака, то и тогда вы не могли бы хуже относиться ко мнѣ, чѣмъ вы это дѣлаете! Но я готова выносить и вашу грубость, готова стерпѣть и даже простить вамъ, простить отъ всего сердца ударъ, который вы нанесли мнѣ, но не могу сносить этой муки, видя, какъ вы ухаживаете за другой женщиной, какъ вы всѣми силами, всѣми средствами добиваетесь ея любви! Это такъ убивало меня, какъ ножами рѣзало мнѣ душу! Этого я положительно не могла сносить!

— Ничего, дѣвушка, погоди!—сказалъ Эзра успокаивающимъ тономъ,—теперь все это кончено, и рѣчи объ этомъ больше не будетъ. А вотъ посмотри, что я принесъ тебѣ!—И онъ досталъ изъ кармана небольшой серебряный якорекъ, украшенный шотландскими алмазами.

Глаза Ребекки засвѣтились при взглядѣ на эту вещицу; взявъ ее изъ рукъ Эзры, она поднесла ее къ своимъ губамъ и страстно поцѣловала.

— Благослови Господь эту вещицу и васъ также!—сказала она дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ.—Я слышала, люди говорятъ, что якорь—эмблема надежды, и таковой онъ будетъ для меня. Ахъ, Эзра, вы можете объѣхать всѣ земли, встрѣтить много женщинъ, такихъ что пляшутъ и поютъ и дѣлаютъ разныя вещи, какихъ я не умѣю, но вы никогда и нигдѣ не найдете другой, которая любила бы васъ такъ горячо и такъ искренно, какъ я!

— Я это знаю, красотка, знаю и вѣрю,—проговорилъ Эзра, гладя своей широкой, пухлой рукой ея темные волосы,—такъ какъ теперь она опустилась на коверъ подлѣ его кушетки и смотрѣла ему въ глаза съ чисто собачьей привязанностью.—Правда, до этого дня я еще не встрѣчалъ другой такой любящей женщины. И вотъ потому-то я и хочу, чтобы ты ѣхала

туда въ Бедсворсъ; мнѣ нужно, чтобы тамъ былъ человѣкъ, которому я могъ бы вѣрить и на котораго могъ бы вполнѣ положиться!

— А что я должна дѣлать тамъ въ Бедсворсѣ?—спросила Ребекка.

— Ты должна быть постоянной спутницей миссъ Харстонъ. Она будетъ тамъ очень одинока и будетъ нуждаться въ обществѣ и услугахъ другой женщины, которая бы за ней ухаживала и присматривала!

— Да будь она проклята!—воскликнула Ребекка со свойственною ея характеру страстностью.

— Будь она проклята!—повторила она, вскочивъ на ноги и гнѣвно сверкая глазами.—Вы все только думаете о ней! Ей надо то-то и это; она будетъ имѣть надобность въ томъ-то и въ этомъ. И все передъ ней, словно грязь передъ алмазомъ. Всюду и вездѣ только она, только она одна свѣтится и сіяетъ, а всѣ остальные—соръ, мусоръ, придорожная грязь у нея подъ ногами! Нѣтъ, я не стану больше прислуживать ей, вотъ вамъ и весь мой сказъ!—Можете убить меня, если хотите, но служить ей я не хочу!

— Ребекка,—сказалъ Эзра, медленно произнося слова и не спуская съ нея испытующаго взгляда,—развѣ ты такъ сильно ненавидишь Кэтъ Харстонъ?

— Отъ глубины души!—воскликнула она.

— Ну, такъ если ты ее ненавидишь, то я ненавижу ее въ тысячу разъ больше, чѣмъ ты. Понимаешь? Ты думала, что я любилъ ее? Теперь все это прошло; можешь на этотъ счетъ быть вполнѣ спокойна!

— Такъ почему-же вы хотите, чтобы за ней былъ такой уходъ? Чтобы она не чувствовала себя одинокой, чтобы ей было хорошо и привольно? Почему?—спросила она недовѣрчиво.

— Это не то! Я хочу, чтобы подлѣ нея былъ кто нибудь, кто питалъ бы къ ней тѣ же чувства, что и я,—и если бы она никогда больше не вернулась изъ Бедсворса, я бы не вздохнулъ по ней.

— Что вы смотрите на меня такъ странно?—спросила Ребекка, невольно отступая назадъ передъ его упорнымъ, недобрымъ взглядомъ.

— Ничего,—ты только поѣзжай туда!—Тамъ со временемъ многое поймешь изъ того, что тебѣ теперь кажется

страннымъ. А пока, если ты сдѣлаешь то, о чемъ я тебя попрошу, то окажешь мнѣ этимъ большое одолженіе. Итакъ, поѣдешь?

— Да, поѣду!

— Ну, вотъ такъ, ты славная дѣвушка. Поцѣлуй меня! Въ тебѣ надлежащій духъ,—въ этомъ я не ошибся! Я дамъ тебѣ знать, когда завтра отходитъ поѣздъ, и напишу отцу, чтобы онъ ждалъ тебя. Ну, а теперь убирайся, а то тѣ, тамъ внизу, въ людской, начнутъ болтать! Иди съ Богомъ! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, мистеръ Эзра, — сказала дѣвушка, уже держась за ручку двери.—Вы сегодня оживили мою душу, утѣшили мое сердце, и я буду жить надеждой, всегда буду жить надеждой!

— Хотѣлъ бы я знать, на какого чорта надѣется эта дѣвка,—пробормоталъ про себя молодой коммерсантъ, когда за камеристкой закрылась дверь. Пожалуй, она мечтаетъ выйти замужъ за меня! Какъ бы не такъ!... А, вѣдь, она должна быть очень пылкая, страстная!... Да, такая дѣвушка можетъ оказаться тамъ неоцѣненной находкой, въ этомъ Бедсворсѣ; изъ нея вышелъ бы превосходный шпіонъ!

Послѣ того онъ пролежалъ еще нѣсколько времени на кушеткѣ, насупивъ брови и плотно сжавъ губы, обдумывая возможныя случайности ближайшаго будущаго.

Въ то время, когда въ библіотекѣ дома въ Экклестонъ-Скверѣ происходилъ выше приведенный разговоръ, Томъ Димсдаль все еще плелся домой съ невыразимой тяжестью въ головѣ и страшнымъ предчувствіемъ горя и несчастья, нависшаго надъ нимъ. Тщетно онъ старался утѣшить себя, что этотъ отъѣздъ Кэтъ только временный и что слухъ о помолвкѣ ея съ Эзрой слишкомъ нелѣпъ, чтобы ему можно было повѣрить; тѣмъ не менѣе чувство страха и ужаса щемило его душу. Какъ ни невѣроятна была мысль о томъ, что Кэтъ могла измѣнить ему, все же было весьма странно, что въ этотъ самый день, когда этотъ слухъ достигъ его ушей, она вдругъ исчезаетъ изъ Лондона. Ахъ, какъ горько сожалѣлъ онъ теперь о томъ, что позволилъ Джону Гирдльстону уговорить себя прекратить всякія сношенія съ нею! Теперь онъ началъ понимать, что его одурачили, и что всѣ эти сомнительныя обѣщанія относительно будущаго согласія на ихъ бракъ были только приманкой, предлагаемой ему, чтобы умиротворить его. Чѣмъ

могъ онъ теперь исправить свою ошибку? Ему оставалось только дождаться слѣдующаго утра и посмотрѣть, явится ли старшій глава фирмы въ обычное время въ контору. Если онъ явится, то молодой человѣкъ рѣшилъ потребовать у него объясненія во что бы то ни стало. Томъ былъ до того пришибленъ и убитъ всѣмъ случившимся, что, добравшись наконецъ до Филлиморъ-Гардена, всего охотнѣе прошмыгнулъ бы въ свою комнату и заперся тамъ, но встрѣтилъ на лѣстницѣ своего добродушнаго, ворчливаго отца, энергично запротестовавшаго противъ этого желанія сына. «Ни, ни, милѣйшій,—сказалъ онъ,—пожалуйста внизъ въ гостиную выкурить со мной трубочку: твоя мать весь вечеръ ждала тебя и очень безпокоилась!»

— Весьма сожалѣю, что опоздалъ, мамаша,—проговорилъ Томъ, подходя къ матери и цѣлуя ее, по обыкновенію,—я весь день пробылъ въ докахъ и былъ страшно занятъ и разстроенъ!

Мистриссъ Димсдаль, сидѣвшая въ своемъ креслѣ у камина, съ вязаньемъ въ рукахъ, при первыхъ же звукахъ его голоса, съ безпокойствомъ подняла на него глаза, предчувствуя бѣду своимъ материнскимъ сердцемъ.

— Что такое случилось, мой дорогой мальчикъ?—спросила она.—Ты не похожъ на себя! Что съ тобой случилось? Ты, конечно, не захочешь ничего утаить отъ своей старой матери!

— Да, сынъ мой, ты не будешь столь неблагоразуменъ, чтобы скрывать что нибудь отъ насъ стариковъ,—вмѣшался и докторъ.—Если у тебя есть что-нибудь на душѣ, выкладывай разомъ! Ничего не бываетъ такого, чего нельзя было бы поправить; за это я ручаюсь!

Побуждаемый такимъ образомъ Томъ разсказалъ имъ все, что самъ узналъ отъ фонъ Баумзера, сообщилъ и про свое посѣщеніе Экклестонъ-Сквера, и про свой уговоръ съ старикомъ Гирдльстонъ.—«Я едва могу сообразить все, что произошло,—сказалъ онъ въ заключеніе,—у меня голова идетъ кругомъ; я положительно не въ состояніи разобраться во всемъ этомъ!»

Старики внимательно слушали его все время, и, когда онъ кончилъ, оба нѣкоторое время хранили молчаніе. Первая прервала его мистриссъ Димсдаль.

— Я все время говорила, что вамъ не слѣдовало прекращать переписки по требованію мистера Гирдльстона!

— Теперь это нетрудно сказать,—замѣтилъ Томъ,—но тогда казалось, будто у насъ не было выбора!

— Къ чему плакать надъ разлитымъ молокомъ,—замѣтилъ толстенькій докторъ, ставшій вдругъ чрезвычайно серьезнымъ и озабоченнымъ.—Намъ слѣдуетъ снова приняться за дѣло и снова возстановить все въ томъ видѣ, какъ оно должно быть. Несомнѣнно, что эта Кэтъ Харстонъ никогда не совершила и не могла совершить ни какого безчестнаго или дурного поступка. И если она сказала, что будетъ ждать тебя, дорогой мой мальчуганъ, то можешь быть вполнѣ увѣренъ, что она и сдѣлаетъ это. Если ты въ ней усомнился хоть на мгновеніе, то тебѣ должно быть чертовски стыдно за себя!

— Хорошо ты это сказалъ, отецъ!—воскликнулъ Томъ съ сіяющимъ лицомъ.—Таково и мое собственное сознаніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ во всемъ этомъ столько непостижимаго!... Такъ, напр., почему они вдругъ покинули Лондонъ и куда они могли уѣхать?

— Вѣроятно, этотъ старый негодяй Гирдльстонъ подумалъ, что твое терпѣніе скоро истощится, и вздумалъ опередить тебя, увезя дѣвушку куда-нибудь въ глухую деревню!

— Ну, и если онъ такъ сдѣлалъ, что же могу я сдѣлать теперь?

— Ничего! Онъ имѣлъ полное право на это!

— Но подумай, отецъ, позволить ему запрятать ее въ какую-нибудь деревушку, въ маленькомъ коттэджѣ, съ этимъ скотиной Эзрой, который будетъ приставать къ ней! Одна мысль объ этомъ доводитъ меня до безумія.

— Ты долженъ вѣрить ей, сынъ мой,—сказалъ старикъ,—а мы тѣмъ временемъ постараемся сдѣлать все, что возможно, чтобы разузнать, гдѣ она находится. И если она несчастна или нуждается въ друзьяхъ, то можешь быть увѣренъ, что она напишетъ объ этомъ твоей матери!

— Да, эта надежда, конечно, все еще есть,—воскликнулъ Томъ, уже нѣсколько повеселѣвъ.—Быть можетъ мнѣ завтра удастся узнать что-нибудь въ конторѣ!

— Но смотри, не сдѣлай промаха, поссорившись со старикомъ Гирдльстономъ!—Вѣдь, въ сущности онъ въ своемъ правѣ поступать такъ, какъ онъ поступилъ!

— Быть можетъ, онъ съ легальной точки зрѣнія, дѣйствительно, правъ,—возмущеннымъ тономъ воскликнулъ Томъ,—

но, съ другой стороны, старикъ заключилъ со мной извѣстный договоръ, который онъ нарушилъ!

— Ничего!—произнесъ старенькій докторъ.—Не дай имъ перевѣса надъ собой тѣмъ, что станешь выходить изъ себя и горячиться, а они будутъ разсуждать спокойно и обдуманно; при такихъ условіяхъ ты всегда останешься въ накладѣ!

Послѣ того докторъ еще нѣкоторое время распространялся по поводу этого дѣла, и его слова, а также слова старушки матери Тома немного успокоили сердце ихъ сына. Но когда они разошлись по своимъ комнатамъ, докторъ Димсдаль сдѣлался очень задумчивъ и озабоченъ.—«Мнѣ это совсѣмъ не нравится»,—пробормоталъ онъ, качая головой,—такъ таки прямо не нравится!—Мнѣ не нравится, что эта бѣдная дѣвушка остается въ полной власти этихъ двухъ господъ! Дай-то Богъ, чтобъ изъ этого не вышло ничего дурного. Что ты скажешь, Матильда?

— Да,—протянула мистриссъ Димсдаль и съ искренней мольбой повторила за мужемъ,—дай-то Богъ!...

XXXIII. Путешествіе въ аббатство.

Были уже сумерки на дворѣ, когда Джонъ Гирдльстонъ и опекаемая имъ дѣвушка прибыли на вокзалъ линіи Ватерлоо. Старикъ приказалъ отправить багажъ, но сдѣлалъ это такъ, чтобы Кэтъ не могла слышать названія станціи, куда его нужно было отправить. Поспѣшно протащивъ дѣвушку черезъ толпу пассажировъ и втолкнувъ ее въ купе перваго класса, Гирдльстонъ проворно вскочилъ слѣдомъ за ней, и какъ разъ въ этотъ моментъ поѣздъ тронулся.

Они были одни. Кэтъ забралась въ самый дальній уголъ купе и уткнулась лицомъ въ подушки, закутавшись своимъ плэдомъ, такъ какъ здѣсь было страшно холодно. Старикъ Гирдльстонъ вытащилъ изъ кармана записную книжку и, при свѣтѣ желѣзнодорожнаго фонаря надъ своей головой, сталъ выводить столбцы цифръ. Онъ сидѣлъ прямо и, казалось, былъ настолько поглощенъ своимъ дѣломъ, какъ будто находился въ своемъ рабочемъ кабинетѣ въ Фенчерчъ-Стритѣ. Онъ ни разу не взглянулъ на свою путницу.

Такъ какъ она сидѣла какъ разъ противъ него, то не могла не видѣть передъ собой его жесткаго, рѣзко очерченнаго лица, съ рѣзкими тонкими линіями лба, носа и подбо-

родка. Эти глубоко сидящіе глаза, впалыя щеки и тонкія, гладко сжатыя губы были ей давно знакомы; какъ же могло случиться, что только сегодня въ первый разъ она увидѣла, что въ нихъ есть что-то страшное?! И ею вдругъ овладѣло такое чувство отвращенія и вмѣстѣ ужаса къ этому человѣку, что она готова была закричать отъ страха; она даже сжала обѣими руками горло, чтобы подавить готовый вырваться у нея крикъ.

Это движеніе было замѣчено опекуномъ, взглянувшимъ на нее поверхъ своей записной книжки, и его проницательный, холодный взглядъ словно обдалъ ее могильнымъ холодомъ.

— Ну, не упадите еще въ истерику,—крикнулъ онъ,—вы и такъ доставили намъ достаточно хлопотъ!

— Ахъ, почему вы такъ грубы, такъ безсердечны?—воскликнула, протянувъ къ нему руки съ мольбой, дѣвушка, и крупныя слезы покатились у нея изъ глазъ.—Что я сдѣлала такого ужаснаго? Я не могла полюбить вашего сына, такъ какъ люблю другого; въ этомъ все мое преступленіе! Право, мнѣ очень жаль, что я огорчила васъ; вы раньше иногда бывали добры ко мнѣ, какъ родной отецъ!...

— И мило вы отплатили мнѣ за это!—съ ядовитой усмѣшкой отозвался онъ.—«Чти отца твоего» сказано въ писаніи. А какъ вы чтите меня? Тѣмъ, что нарушали каждое мое предписаніе, которое я когда-либо давалъ вамъ. Конечно, я самъ виноватъ въ томъ, что позволилъ вамъ совершить эту зловредную поѣздку въ Шотландію, во время которой вы столкнулись съ этимъ молодымъ авантюристомъ, благодаря содѣйствію этого стараго дурака, его отца!

При послѣднихъ словахъ старика дѣвушка быстро отерла свои слезы, и гнѣвные огоньки засвѣтились въ его глазахъ, а щеки вспыхнули румянцемъ негодованія.

— Вы можете говорить все, что вамъ угодно о мнѣ, если это вамъ нравится,—проговорила она ѣдко,—вѣроятно, это одна изъ вашихъ привиллегій въ качествѣ моего опекуна, но вы не имѣете права говорить дурно о моихъ друзьяхъ. «И всякій, кто скажетъ брату своему «рака», т. е. глупый, пустой человѣкъ»... помните, это, вѣдь, тоже сказано въ Священномъ Писаніи!..

На мгновеніе старикъ былъ озадаченъ этимъ неожидан-

нымъ отпоромъ, затѣмъ, снявъ свою широкую шляпу, отвѣсилъ поклонъ своей собесѣдницѣ.

— «Изъ устъ младенцевъ и грудныхъ...» — воскликнулъ онъ.—Вы правы, миссъ Харстонъ! Я говорилъ съ излишней горячностью; это мое усердіе о вашемъ благѣ заставило меня забыться!

— То самое усердіе, которое заставило васъ говорить столько завѣдомой лжи о мистерѣ Димсдалѣ,—отвѣчала Кэтъ, становясь болѣе смѣлой, когда вспомнила о несправедливостяхъ, причиненныхъ ей.

— Вы становитесь дерзки! — произнесъ Гирдльстонъ и снова погрузился въ свои цыфры.

Кэтъ снова забралась въ свой уголъ. Между тѣмъ поѣздъ съ шумомъ и стукомъ несся дольше среди мглы окружающей ночи. Черезъ запотѣвшія окна вагона ровно ничего не было видно, кромѣ мигавшихъ тамъ и сямъ станціонныхъ огней или одинокихъ огоньковъ разбросанныхъ хижинъ. Для бѣдной Кэтъ все это казалось чѣмъ то фантастическимъ, призрачнымъ и столь же мрачнымъ, какъ и ея собственная мысль.

Куда ее увозили? На долго ли? Что будетъ дѣлать она тамъ? Всего этого она абсолютно не знала, а если бы спросила, то ей не сказали бы правды; это она знала навѣрное. Какія причины побудили ихъ къ такому поспѣшному и внезапному бѣгству изъ Лондона? Вѣдь, опекунъ могъ оградить ее отъ сближенія съ Димсдалемъ множествомъ иныхъ способовъ. Неужели онъ намѣревался примѣнить къ ней какую-нибудь новую систему давленія или запугиванія, путемъ которой надѣялся понудить ее принять предложеніе Эзры?! И она стискивала свои хорошенькіе бѣленькіе зубки, думая объ этомъ, и внутренно давала себѣ обѣтъ, что ничто на свѣтѣ не заставитъ ее уступить въ этомъ отношеніи. Въ перспективѣ у нея оставалась только одна свѣтлая точка, именно, достигнувъ мѣста назначенія, сейчасъ же написать мистриссъ Димсдаль, сообщить ей о своемъ мѣстопребываніи и попросить чистосердечно разъяснить ей ихъ взаимное и столь продолжительное молчаніе. Какъ бы это было хорошо, если бы она это сдѣлала сразу еще тогда. Это все только глупая гордость удерживала ее такъ долго отъ этого шага!

Между тѣмъ поѣздъ остановился на одной изъ большихъ узловыхъ станцій, Гюильдфордъ; отправился далѣе и послѣ

вторичнаго, безконечно долгаго перегона достигъ, наконецъ, другой большой станціи, Петерсфильда.

— Теперь мы приближаемся къ мѣсту назначенія!—проговорилъ Гирдльстонъ, закрывая свою записную книжку и пряча ее въ карманъ.

Это оказалась совсѣмъ маленькая станція, освѣщенная однимъ фонаремъ, на которой они оказались единственными высадившимися пассажирами. Поѣздъ тронулся дальше, по направленію къ Портсмуту, оставивъ ихъ съ чемоданами и поклажей на темной, узкой платформѣ.

На дворѣ стояла безпросвѣтная, черная ночь. Рѣзкій вѣтеръ приносилъ дыханіе сырого воздуха; быть можетъ, это было вслѣдствіе дождя, лившаго цѣлыми потоками, или же вѣтромъ съ моря, которое здѣсь было недалеко. Кэтъ совершенно закостенѣла отъ холода, и даже ея тощій и выносливый путникъ потопывалъ ногами, чтобы согрѣться, и содрогался, оглядываясь кругомъ.

— Я телеграфировалъ, чтобы намъ выслали экипажъ!—обратился онъ къ сторожу,—развѣ здѣсь нѣтъ его?

— Есть, сэръ, если вы изволите быть мистеромъ Гирдльстономъ изъ Лондона! Здѣсь дожидается посланецъ изъ «Бѣгущаго быка»... Эй, Картеръ, вотъ тотъ господинъ, котораго ты дожидаешься!

При этомъ окрикѣ въ освѣщенномъ пространствѣ платформы появился грубаго вида парень и, дотронувшись до своей шляпы, заявилъ, что онъ и есть тотъ самый возница, котораго спрашивали. Вдвоемъ со станціоннымъ сторожемъ они принялись переносить вещи въ экипажъ; это была небольшая телѣжка съ очень высокимъ сидѣньемъ впереди для кучера.

— Куда ѣхать, сэръ?—спросилъ возница, когда путешественники усѣлись въ экипажъ.

— Въ Хамптоновское аббатство! Знаешь?

— Это больше, чѣмъ въ двухъ миляхъ отсюда,—проворчалъ недовольнымъ тономъ возница,—у самой желѣзнодорожной линіи. Тамъ не жило никого въ послѣдніе два—три года!

— Насъ тамъ ждутъ; и все уже приготовлено,—сказалъ Гирдльстонъ.—Поѣзжайте какъ можно скорѣе: мы страшно зазябли!

Возница принялся щелкать бичемъ, и лошадь побѣжала крупной рысью внизъ по темной, совершенно не освѣщенной проселочной дорогѣ.

*

Осмотрѣвшись кругомъ, Кэтъ увидѣла, что они проѣзжали черезъ большое село или деревню, состоявшую изъ широкой главной улицы и нѣсколькихъ переулковъ по обѣимъ ея сторонамъ. По одну сторону большой дороги стояла церковь, по другую гостинница, харчевня и постоялый дворъ.

Дверь въ гостинницу стояла раскрытой настежъ,—и свѣтъ, падавшій черезъ окна, завѣшанныя красными сторами, казалось, издавалъ тепло и веселье. Звонъ стакановъ и звуки голосовъ, доносившихся изнутри, какъ будто говорили о весельи и радости, и у бѣдной Кэтъ стало еще болѣе тоскливо на душѣ. Гирдльстонъ тоже взглянулъ въ ту сторону, но съ совершенно инымъ чувствомъ.

— И здѣсь эти отвратительные притоны, какъ въ городѣ! Эти отравители разсѣяны повсюду, по всему лицу земли! И каждый изъ нихъ есть средоточіе и разсадникъ болѣзней и нищеты!

— Прошу извинить, сэръ,—замѣтилъ угрюмый возница, обернувшись на своихъ козлахъ.—Это и есть «Бѣгущій Быкъ», гдѣ я нахожусь въ услуженіи; здѣсь вовсе не отравляютъ людей; это по истинѣ приличное и почтенное заведеніе, сэръ!

— Всякій спиртной напитокъ есть ядъ, а каждое заведеніе, гдѣ торгуютъ имъ,—грѣховное заведеніе!—строго сказалъ Гирдльстонъ.

— Вы только не скажите этого моему хозяину; онъ такой рослый, здоровый человѣкъ, а рука у него, что твой бараній окорокъ; да и нрава онъ крутого, такъ ужъ вы держитесь!... Эй, ты, пошевеливайся!

Послѣднія слова относились къ лошади, которая, спускаясь по крутому косогору, оступилась. Теперь они выѣхали изъ деревни; по обѣ стороны дороги тянулись высокіе заборы, бросавшіе странную тѣнь на окружающее. Слабый свѣтъ фонарей экипажа пронизывалъ мглу двумя блѣдными струйками желтоватаго свѣта. Возница распустилъ возжи, и лошадь сама по своему усмотрѣнія выбирала дорогу. Когда они свернули съ проселка на широкую, большую дорогу, у Кэтъ невольно вырвался возгласъ радости.

— Вонъ тамъ море!—воскликнула она весело. Въ этотъ моментъ луна вышла изъ-за тучъ и заиграла серебрянымъ свѣтомъ на движущейся и искрящейся широкой водной поверхности моря.

— Да, это море,—сказала возница,—а тѣ огоньки вонъ

тамъ,—Ліи-Клакстонъ, селенія, гдѣ живутъ рыбаки; а вонъ тамъ,—и онъ указалъ кнутовищемъ своего бича на длинную темную тѣнь на водѣ—Ойливойтъ.

— Что это такое?

— Это островъ Уайтъ!—сказалъ Гирдльстонъ.

Возница сердито оглянулся на старика.

— Ну, конечно, если лондонскіе господа больше нашего знаютъ, хотя мы и родились и выросли здѣсь, то что намъ за польза учить васъ или стараться объяснять вамъ?—послѣ этого саркастическаго замѣчанія возница замкнулся самъ въ себѣ и до конца путешествія не проронилъ болѣе ни одного слова.

Проѣхавъ еще съ четверть часа по изрытой глубокими колеями дорогѣ, они остановились передъ высокой каменной оградой, тянувшейся на протяженіи около 200 ярдовъ.

Стѣна эта имѣла полуразрушенный видъ, насколько можно было о томъ судить при блѣдномъ свѣтѣ луны; она прерывалась только въ одномъ мѣстѣ чугунной старинной рѣшеткой, ограниченной съ обѣихъ сторонъ высокими каменными колонами, украшенными старинными геральдическими фигурами, сильно пострадавшими отъ дождей и непогоды. Эта чугунная рѣшетка представляла собою ворота, выѣхавъ въ которыя, экипажъ покатился по широкой, причудливо извивавшейся аллеѣ, окаймленной старыми деревьями, столь густыми, что казалось, будто ѣдешь вдоль длиннаго темнаго туннеля. Аллея выходила на открытую поляну, посреди которой поднималось большое, неправильной формы старинное и мрачное зданіе, за ново-выбѣленное; это и было Аббатство.

Все кругомъ тонуло во мракѣ, точно также какъ и весь нижній этажъ зданія; только въ окна верхняго этажа ударяла луна, и маленькія тусклыя стекла, отражая ее, отсвѣчивали какимъ-то слабымъ, мертвеннымъ отблескомъ. Общее впечатлѣніе получалось такое мрачное и унылое, что Кэтъ невольно содрогнулась, и сердце въ ней болѣзненно сжалось. Экипажъ остановился передъ входомъ, и старикъ Гирдльстонъ помогъ ей сойти на крыльцо. Свѣта нигдѣ не было видно, но когда кучеръ сталъ снимать чемоданы и багажъ, дверь отворилась, и маленькаго роста старушка появилась на порогѣ со свѣчей въ рукахъ.

— Это мистеръ Гирдльстонъ?—крикнула она, бережливо заслоняя рукой свѣчку отъ вѣтра и пристально вглядываясь въ темноту.

— Ну, конечно, я! — раздражительно отозвался коммерсантъ.—Вѣдь, я же телеграфировалъ вамъ о своемъ пріѣздѣ!

— Да, да!—отвѣтила она, ковыляя впередъ со свѣчей.—А это та молодая особа? Пожалуйте, пожалуйте сюда, милая! У насъ здѣсь еще не очень приглядно, но скоро мы все устроимъ, какъ быть должно!

Она пошла впередъ черезъ просторныя сѣни въ большую гостиную, которая въ былыя времена была, вѣроятно, застольной аббатства, гдѣ собирались длинныя вереницы чернорясыхъ монаховъ. Эта комната была гола и неуютна и въ ней было какъ-то жутко и зябко, несмотря на то, что въ заднемъ углу громаднаго камина трещала и шипѣла небольшая охапка дровъ, очевидно, недавно разгорѣвшихся. На огнѣ была поставлена сковородка, а длинный столъ посреди комнаты былъ накрытъ какъ бы для ужина попросту. Свѣча, которую держала въ рукѣ старуха и которую она теперь поставила на столъ, являлась единственнымъ освѣщеніемъ этой громадной комнаты, если не считать колеблющагося пламени камина, озарявшаго фантастическимъ свѣтомъ то ту, то другую часть комнаты и порождавшаго странныя, причудливыя тѣни въ дальныхъ углахъ и между дубовыми стропилами потолка.

— Подойдите поближе къ окну, милая!—проговорила старуха,—скиньте пальто и погрѣйтесь!—и она сама протянула свои морщинистыя руки къ огню. Взглянувъ на нее, Кэтъ замѣтила, что у нея были сильно заостренныя черты лица съ мутнымъ, лукавымъ выраженіемъ, съ отвисшей нижней губой, позволяющей видѣть рядъ желтыхъ зубовъ,съ заостреннымъ подбородкомъ, заканчивавшимся длиннымъ пучкомъ сѣдыхъ волосъ, выроставшихъ изъ бородавки, на концѣ подбородка.

Съ улицы донесся стукъ колесъ и скрипъ гравія: это экипажъ отъѣзжалъ отъ крыльца. Кэтъ прислушивалась къ этому шуму, и когда онъ замолкъ, ей показалось, что послѣднее звено, связывавшее ее съ внѣшнимъ міромъ, порвалось,—и слезы хлынули у нея изъ глазъ.

— Что съ вами такое?—спросила старуха, глядя на нее съ недоумѣніемъ.—О чемъ это вы плачете?

— Ахъ, я такъ ужасно несчастна и одинока!—воскликнула дѣвушка.—И что я только сдѣлала, чтобы мнѣ быть такой несчастной! Зачѣмъ и за что меня привезли въ это ужасное мѣсто?

— Что же въ этомъ мѣстѣ ужаснаго?—спросила ея стран-

ная собесѣдница.—Я не вижу въ немъ ничего дурного. А вотъ и мистеръ Гирдльстонъ сюда идетъ. Онъ не жалуется на это мѣсто, я въ этомъ увѣрена.

Старый коммерсантъ былъ далеко не въ хорошемъ расположенiи духа: онъ имѣлъ довольно продолжительное препирательство съ возницей относительно платы за провозъ и прозябъ до костей, стоя на крыльцѣ.

— Опять слезы!—грубо проговорилъ онъ, входя въ комнату.—Мнѣ кажется, скорѣе мнѣ слѣдовало плакать: меня вынудили ко всѣмъ этимъ хлопотамъ, безпокойству и нарушенiю всѣхъ моихъ привычекъ ваше непослушанiе и слабоумiе!

Кэтъ ничего не отвѣтила на это, продолжая сидѣть на простомъ деревянномъ стулѣ домашней работы, закрывъ лицо руками.

Смутный безотчетный страхъ наполнялъ ея душу. Что дѣлалъ теперь Томъ? Какъ бы онъ поспѣшилъ къ ней на помощь, если бы только зналъ, въ какомъ странномъ положенiи она находится. И она рѣшила на слѣдующiй же день рано утромъ написать письмо мистриссъ Димсдаль, чтобы сообщить ей о всемъ случившемся. Эта мысль подбодрила ее, такъ что она сѣла къ столу по приглашенiю старухи и могла даже немного покушать, такъ какъ продолжительное путешествiе и свѣжiй воздухъ придали ей аппетита; да и Гирдльстонъ, вообще чрезвычайно разборчивый на пищу, на этотъ разъ ѣлъ съ большимъ удовольствiемъ простую и немудреную стряпню старухи.

Послѣ ужина—старая бабка, которую Гирдльстонъ называлъ Жерроксъ, проводила Кэтъ на верхъ въ ея комнату. Если обстановка столовой была чисто спартанской, то обстановка этой комнаты была еще въ большей степени упрощенной. Здѣсь не было ничего, кромѣ узкой желѣзной кровати, сильно заржавленной, и высокаго деревяннаго ящика, на которомъ находились самыя элементарныя туалетныя принадлежности. Не смотря, однако, на эту скудность обстановки, Кэтъ никогда еще не переступила порога своей роскошной спальной дома съ такою радостью и чувствомъ облегченiя, какъ въ этотъ вечеръ. Эта маленькая, лишенная всякихъ ковровъ комната представлялась ей раемъ тишины и спокойствiя, гдѣ она будетъ оставлена одна хоть въ теченiе этой ночи и будетъ вольна предаваться своимъ мыслямъ и думамъ. Ложась въ постель, она долго слышала голосъ Гирдльстона и рѣзкiй, сви-

стящій голосъ старухи, которые полу-шепотомъ вели длинную, оживленную, бесѣду. И хотя они были слишкомъ далеко, чтобы Кэтъ могла уловить самыя слова, тѣмъ не менѣе что-то говорило ей, что разговоръ касался ея, и то-же предчувствіе говорило ей, что эта бесѣда не обѣщала ей ничего хорошаго.

XXXIV. Человѣкъ съ походнымъ столомъ.

Когда она встала на другое утро, то не сразу могла дать себѣ отчетъ въ томъ, гдѣ она находится. Эти голыя, свѣже выбѣленныя стѣны, эта узкая койка, на которой она лежала, эта пустота и холодъ маленькой комнаты,—все это вмѣстѣ взятое вызвало въ ея памяти представленіе о больницѣ, и одну минуту у нея явилась мысль, что съ нею случилось какое-нибудь несчастье, и ее помѣстили въ больницу. Но вскорѣ она вернулась къ дѣйствительности, припомнила все случившееся наканунѣ, и снова жуткое чувство какого-то безотчетнаго страха овладѣло ею.

Крошечное окошечко ея комнаты было завѣшено грязной кисейной занавѣской. Она встала, отдернула ее и выглянула въ окно. Изъ того, что она видѣла вчера ночью, она надѣялась, что эта тюрьма, въ которую ее заперли, будетъ по крайней мѣрѣ возмѣщать ея одиночество и уныніе красотами природы. Но то, что представилось теперь ея глазамъ, сразу разочаровало ее: та аллея, которая вела къ дому, лежала по ту сторону зданія, а изъ ея окна была видна только скучная болотистая низина и илистая часть берега, уходящаго въ море. Во время сильныхъ приливовъ море покрывало эту громадную низину, и болото исчезло подъ водой, но въ настоящее время оно лежало во всей своей неприглядной наготѣ, во всемъ своемъ удручающемъ тоскливомъ уныніи. Только на самомъ краю горизонта узкая кайма бѣлой пѣны отмѣчала линію, ограничивающую собою безбрежный океанъ, исчезавшій за горизонтомъ. На разстояніи 1½ или 2-хъ миль къ востоку, Кэтъ могла различить смутныя очертанія домовъ и голубоватый дымокъ, подымавшійся къ небесамъ. Это, какъ она угадала, было рыбацкое селеніе Ліи Клакстонъ, на которое вчера указывалъ возница. И она вдругъ почувствовала, глядя на эту маленькую деревушку и на этотъ лѣсъ мачтъ противъ нее, что она не совсѣмъ одинока на свѣтѣ, и что даже въ этомъ

заброшенномъ углу были честныя сердца, къ которымъ, въ случаѣ крайней нужды, она могла бы обратиться. Она все еще стояла у окна, когда къ ней постучали въ дверь, и голосъ вчерашней старухи освѣдомился, проснулась ли она. «Завтракъ готовъ,—сказала она,—и господинъ удивляется, почему вы все еще не сошли внизъ!»

Послѣ этого приглашенія Кэтъ поспѣшила окончить свой туалетъ и спустилась по старой витой лѣстницѣ въ ту комнату, гдѣ они ужинали наканунѣ. Безъ сомнѣнія, Гирдльстонъ имѣлъ каменное сердце, если даже при видѣ этого милаго женскаго личика оно не смягчилось ни на іоту. Лицо его было жестко; глаза смотрѣли злобно и сердито.

— Вы запоздали,—холодно замѣтилъ,—нужно помнить, что вы теперь не въ Экклестонъ-Скверѣ... «Лѣнивый рабъ пусть терпитъ голодъ»,—говоритъ пророкъ,—вы находитесь здѣсь для того, чтобы стать болѣе дисциплинированной, и станете ею!

— Весьма сожалѣю, что запоздала,—сказала Кэтъ,—вѣроятно, меня утомило вчерашнее путешествіе!

Сегодня эта громадная комната смотрѣла еще оолъе пустынной и неуютной, чѣмъ вчера вечеромъ. На столѣ стояло блюдо съ холодной бараниной и яйцами. Джонъ Гирдльстонъ положилъ этого кушанья на тарелку и сунулъ тарелку Кэтъ. Она сѣла на одинъ изъ грубыхъ домодѣльныхъ деревянныхъ стульевъ и молча принялась ѣсть, внутренно спрашивая себя, чѣмъ все это кончится. Послѣ завтрака Гирдльстонъ приказалъ старухѣ удалиться и, ставъ передъ каминомъ, широко разставивъ свои длинныя ноги и заложивъ руки за спину, изложилъ Кэтъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ свои дальнѣйшія намѣренія.

— Я давно уже рѣшилъ,—сказалъ онъ,—что въ томъ случаѣ, если вы пойдете противъ моихъ желаній и станете упорствовать въ своей ребячьей привязанности къ этому долговязому повѣсѣ, я увезу васъ въ какое-нибудь уединенное, отрѣзанное отъ свѣта мѣсто, гдѣ вы должны будете обдумать свое поведеніе и принять болѣе благоразумное рѣшеніе на будущее время. Это мѣсто вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ цѣлямъ, и такъ какъ моя бывшая служанка мистриссъ Жероксъ, случайно жила по сосѣдству, то я предупредилъ ее, что во всякое время могу пріѣхать и разсчитываю найти все въ полной готовности. Ваше рѣзкое и безсердечное поведеніе

ускорило ходъ событій, и мы прибыли сюда раньше, чѣмъ она успѣла окончить необходимыя приготовленія. Въ ближайшемъ будущемъ мы устроимся здѣсь нѣсколько лучше, чѣмъ сейчасъ; вы останетесь здѣсь, сударыня, до тѣхъ поръ, пока не проявите раскаянія и готовности исправить то зло, которое вы нанесли!..

— Если вы разумѣете подъ этимъ, что я останусь здѣсь, пока не соглашусь выйти замужъ за вашего сына, то я вамъ заранѣе говорю, что останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока не умру!—мужественно сказала Кэтъ.

— Это предоставляется вамъ. Но не забудьте, что, какъ я уже сказалъ вамъ, вы будете подвергнуты здѣсь строжайшей дисциплинѣ, и, быть можетъ, жизнь не покажется вамъ такимъ душистымъ цвѣточнымъ ложемъ, какъ въ Экклестонъ-Скверѣ.

— Могу я получить свою горничную? Я положительно не могу оставаться здѣсь, не имѣя никого подлѣ себя, кромѣ этой старой женщины!

— Ребекка прибудетъ сюда! Я получилъ только что телеграмму отъ Эзры о томъ, что онъ присылаетъ ее сюда и самъ будетъ проводить здѣсь дня два въ недѣлю.

— Эзра пріѣдетъ сюда!—почти съ ужасомъ воскликнула молодая дѣвушка. Ея главнымъ утѣшеніемъ во всей этой непріятной и тяжелой перемѣнѣ въ образѣ жизни была надежда, что здѣсь она будетъ по крайней мѣрѣ избавлена отъ присутствія этого ненавистнаго поклонника!

— А почему-же нѣтъ?—сердито спросилъ старикъ.—Или вы такъ озлоблены противъ этого бѣднаго юноши, что хотѣли бы даже совершенно лишить его общества его родного отца?!

Появленіе старухи, явившейся прибирать со стола, прервало дальнѣйшій разговоръ Гирдльстона съ молодой дѣвушкой. Но послѣднее извѣстіе нанесло ей страшный ударъ и въ то же время вызвало сильное удивленіе. Что нужно было этому открыто-живущему, дѣловому человѣку здѣсь, въ этой глуши? Она хорошо знала Эзру и была увѣрена, что онъ далеко не такой человѣкъ, который сталъ бы измѣнять свои вкусы и привычки или лишать себя привычнаго комфорта и подвергать извѣстнымъ неудобствамъ и безпокойству безъ какой нибудь опредѣленной цѣли. И потому она поняла, что его пріѣздъ есть новая петля въ той сѣти, которою ее старались опутать.

Когда опекунъ вышелъ изъ комнаты, Кэтъ спросила ми-

стриссъ Жерроксъ, чтобы та дала ей листъ бумаги и конвертъ. Но та покачала отрицательно головой и подобрала свою отвисшую губу ядовитой усмѣшкой.

— Мистеръ Гирдльстонъ предвидѣлъ, что вы будете просить бумагу и перо,—сказала она,—и распорядился, чтобы въ этомъ домѣ не было ни бумаги, ни перьевъ, ни чернилъ!

— Какъ нѣтъ! — воскликнула Кэтъ. — Милая мистриссъ Жерроксъ, вотъ здѣсь немного денегъ; я съ радостью предложу ихъ вамъ, если вы достанете мнѣ хоть одинъ листокъ даже старой, грязной бумаги, перо и чернилъ! Прошу васъ, сжальтесь надо мной!

Мистиссъ Жерроксъ съ видимой жадностью посмотрѣла на серебряныя монеты въ рукѣ дѣвушки, но минуту спустя отвѣтила, отрицательно покачавъ головой,—не могу, не смѣю этого сдѣлать: это будетъ стоить мнѣ мѣста!

— Ну, въ такомъ случаѣ, сама дойду до Бэдсворса,—гнѣвно проговорила Кэтъ.—Я не сомнѣваюсь, что тамъ въ почтовой конторѣ мнѣ позволятъ присѣсть и написать письмо!

На это старуха глухо разсмѣялась и смѣялась до тѣхъ поръ, пока раскашлялась. Въ это время въ дверяхъ появился Гирдльстонъ.

— Что тутъ такое?—спросилъ онъ сердито, переводя свой взглядъ съ Кэтъ на старуху. Самъ онъ лично былъ заклятый врагъ всякаго веселья и питалъ отвращенiе къ смѣху и въ другихъ.—Почему вы смѣетесь, мистриссъ Жерроксъ?

— Я смѣялась изъ за нея,—произнесла старуха, указывая дрожащей рукой на молодую дѣвушку,—она просила у меня бумаги, пера и чернила и говорила, что пойдетъ въ Бэдсворскую почтовую контору, чтобы тамъ написать письмо!

— Вы должны понять разъ на всегда,—проговорилъ Гирдльстонъ, грозно обернувшись къ дѣвушкѣ,—что вы здѣсь совершенно отрѣзаны отъ остального мiра, и я не допущу, не оставлю никакой лазейки, которой вы могли бы воспользоваться, чтобы поддержать ваши сношенiя съ нежелательными людьми. Поэтому я отдалъ распоряженiе, чтобы вы не могли получить ни чернилъ, ни бумаги!

Бѣдная Кэтъ почувствовала, что у нея отняли послѣднюю надежду, и сердце ея болѣзненно сжалось, но она сохранила наружное спокойствiе, не желая дать замѣтить жестокому старику, какъ страшно ее поразили его слова. У нея въ головѣ созрѣлъ отчаянный планъ, который скорѣе долженъ былъ

удасться, если только ей посчастливится хоть на короткое время избавиться отъ присмотра опекуна.

Все утро она провела на верху въ своей комнатѣ. Въ ея распоряженіе была предоставлена громадная старинная библія, изъ которой были предусмотрительно вырѣзаны всѣ бѣлые листы. Она стала читать библію, хотя мысли ея постоянно уносились далеко отъ этихъ священныхъ строкъ. Около часа дня она услышала стукъ колесъ у крыльца; то была телѣга, на которой привезли кое-какую необходимую мебель: шкафы, комоды, ковры, нѣсколько мягкихъ стульевъ изъ Бедсворса. Всѣ эти вещи извозчикъ сталъ вносить наверхъ подъ присмотромъ Гирдльстона, дававшаго необходимыя указанія, куда что ставить. Старуха была въ это время наверху, и Кэтъ подумала, что болѣе удобнаго случая ей не дождаться. Поэтому, надѣвъ свою шляпку, она спустилась внизъ въ аллею, подбирая тамъ и сямъ нѣсколько вялыхъ листьевъ съ лужайки, и незамѣтно стала удаляться отъ дома. Вскорѣ она достигла конца аллеи и, проворно оглянувшись кругомъ, тронулась дальше то бѣгомъ, то тихонько пробираясь между деревьями.

Какъ радостно забилось ея сердце, когда большое бѣлое зданіе аббатства, успѣвшее уже стать ненавистнымъ для нея, почти скрылось изъ виду за деревьями! Ей смутно помнилась дорога, по которй она пріѣхала наканунѣ. Чугунныя рѣшетчатыя ворота были раскрыты настежь; до нихъ оставалось всего нѣсколько десятковъ шаговъ; она пошлетъ письмо и телеграмму мистеру Димсдалю и объяснитъ ему свое положеніе; добросердечный маленькій докторъ, со свойственной ему энергіей, навѣрное позаботится, чтобы съ ней не случилось ничего непріятнаго. Тогда она не побоится и худшаго, что можетъ для нея придумать опекунъ. Вотъ и выходъ; рѣшетчатыя чугунныя ворота раскрыты; съ крикомъ радости дѣвушка ускорила свой шагъ и черезъ секунду была бы уже на большой дорогѣ, какъ вдругъ грубый голосъ крикнулъ изъ кустовъ у самыхъ воротъ.

— Ну, куда еще? Такъ я васъ и пустилъ!

Дрожа всѣмъ тѣломъ, дѣвушка невольно остановилась. Тамъ, подъ деревьями, въ кустахъ стоялъ походный складной стулъ, и на немъ сидѣлъ страшнаго вида человѣкъ въ темномъ, долгополомъ кафтанѣ съ черной закоптѣвшей глиняной трубкой во рту. Его мѣдно-красное, видавшее всякую не-

погоду лицо было все изрыто оспой; одинъ глазъ былъ покрытъ бѣльмомъ. Онъ всталъ и загородилъ ей дорогу.

— Чтобъ мнѣ подохнуть, если это не она!—проговорилъ онъ тихонько, смѣривъ ее съ головы до ногъ своимъ единственнымъ глазомъ.

— Добрый человѣкъ,—сказала дѣвушка дрожащимъ голосомъ, такъ какъ видъ этого человѣка отнюдь не внушалъ ей довѣрія.—Я желаю пройти въ Бедсворсъ. Вотъ вамъ шиллингъ! Пожалуйста не задерживайте меня!

Неприглядный субъектъ протянулъ къ ней свою корявую руку и взялъ монету, которую подбросилъ въ воздухѣ и, снова поймавъ па ладонь, затѣмъ опустилъ на самое дно кармана брюкъ.

— Тутъ нѣтъ прохода, миссъ!—сказалъ онъ.—Я далъ слово хозяину и не могу отступиться отъ него!

— Вы не имѣете права задерживать меня!—сердито крикнула Кэтъ.—Я имѣю друзей въ Лондонѣ, которые сумѣютъ наказать васъ за это!

— Да она начинаетъ вспыхивать, чортъ побери!—воскликнулъ одноглазый.—Право!

— Я все равно пройду!—произнесла дѣвушка, дѣлая отчаянное движеніе по направленію къ воротамъ, но страшный сторожъ, обхвативъ ее вокругъ пояса, съ такой силой отшвырнулъ назадъ, что она навѣрно упала бы, если бы не была задержана стволомъ стараго дерева, о который ударилась такъ сильно, что на мгновеніе у нея вышибло духъ, и она ощутила боль во всемъ тѣлѣ.

— Она взбунтовалась! Ну, такъ и есть! Чтобъ меня громъ разразилъ на этомъ мѣстѣ, если она не надѣлаетъ здѣсь шума!—съ этими словами онъ взялъ свой складной стулъ и поставилъ какъ разъ посрединѣ воротъ, послѣ чего сѣлъ на него, не спуская своего одинокаго глаза съ дѣвушки.—Вотъ видите, миссъ, у насъ такъ не дѣлается... А если бы вы ушли отсюда, то для васъ же было бы хуже: тогда бы васъ засадили въ настоящій домъ для сумасшедшихъ!

— Въ домъ для умалишенныхъ!—воскликнула Кэтъ.—Да развѣ вы думаете, что я помѣшанная?

— Я ничего объ этомъ не думаю!—какое мнѣ дѣло думать объ этомъ,—я это знаю!

Это былъ новый лучъ свѣта для Кэтъ, но она была до

того поражена этимъ, что въ первую минуту не могла даже сообразить весь ужасъ своего положенія.

— Кто вы такой и какъ можете такъ обращаться со мной?—спросила она, наконецъ.

— А вотъ, мы теперь подходимъ къ дѣлу!—сказалъ старикъ довольнымъ, успокоеннымъ тономъ.—Это похоже на разъ умный вопросъ. Вы хотите знать, кто я?—Такъ вотъ, зовутъ меня Стэвенсъ, Билль Стэвенсъ изъ Клакстона. Я служилъ раньше во флотѣ и получаю теперь пенсію; кромѣ того я, служилъ въ убѣжищѣ для умалишенныхъ; былъ старшимъ сторожемъ въ буйномъ отдѣленіи въ Портсмутѣ, въ продолженіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ. А за послѣднее время я находился безъ дѣла, и вотъ пріѣхалъ мистеръ Гирдльстонъ и говоритъ мнѣ: —«Вы—Вилліамъ Стэвенсъ?—«Я, говорю.—«Вы служили при домѣ умалишенныхъ и знаете обхожденіе съ помѣшанными?»—спрашиваетъ онъ.—«Служилъ, говорю, и знаю!»—«Такъ вы какъ разъ тотъ человѣкъ, кого мнѣ нужно!—говоритъ онъ.—«Вы будете получать по 1 фунту стерлинговъ въ недѣлю и ровно ничего не дѣлать»,—говоритъ онъ.—«Это какъ разъ для меня подходяще», говорю я.—«Вамъ придется только сидѣть въ воротахъ и не допустить паціентку уйти, если она будетъ пытаться сдѣлать это. Вотъ и все, что онъ мнѣ сказалъ. И послѣ того вы пріѣхали сюда изъ убѣжища умалишенныхъ, а я изъ своего домишка въ Клакстонѣ,—и вотъ теперь мы будемъ жить здѣсь въ мирѣ и согласіи. Такъ вотъ вы теперь сами видите, миссъ,—что не за чѣмъ вамъ вырываться отсюда: и здѣсь вы никогда не уйдете!

— Но если бы вы дали мнѣ пройти, онъ могъ бы подумать, что я выбѣжала прежде, чѣмъ вы успѣли меня задержать! Тогда онъ бы ничего особеннаго сказать не могъ, а я дала бы вамъ гораздо больше денегъ, чѣмъ тѣ, что вы потеряли бы черезъ это!

— Нѣтъ, нѣтъ, барышня,—сказалъ сторожъ, энергично качая головой,—я всегда вѣренъ своему слову, такъ и знайте. Я еще ни разу не давалъ себя подкупить, не дамъ и впредь, если вы не выложите мнѣ деньги впередъ, звонкой монетой, а не обѣщаніями: на нихъ не проживешь на старости, и не отложишь ихъ на черный день!

— Но у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ другихъ денегъ, кромѣ этихъ нѣсколькихъ шиллинговъ,—сказала Кэтъ.

— Ну, такъ давайте ихъ сюда,—сказалъ циклопъ, и онъ

опустилъ ихъ на дно кармана, какъ и старуха,—вотъ и прекрасно, мисси! А я ничего не скажу объ этомъ мистеру Гирдльстону, а то онъ изъ себя выйдетъ, если узнаетъ. Но я умѣю держать свое слово, мисси, будьте спокойны! Это вамъ каждый скажетъ про Виллььяма Стэвенсона... Боже! Да! вѣдь, это моя жена идетъ сюда съ обѣдомъ! Уходите скорѣе, уходите! Если она увидитъ, что я разговариваю съ вами, то вцѣпится вамъ въ волоса, какъ пить дать! Она такая ревнивая, что просто бѣда! Если она только замѣтитъ, что какая-нибудь женщина обращаетъ на меня особое вниманіе, то это, какъ ядъ, разжигаетъ ее, она такъ прямо и набрасывается на нее. Отъ нея, я думаю, даже сами вѣдьмы въ бѣгство обратяться! Уходите скорѣе, говорю вамъ!

Опасаясь пріобрѣсти еще новаго врага, бѣдная Кэтъ медленно повернулась и пошла обратно по аллеѣ, но обернувшись, увидѣла тощую женщину съ заостренными, рѣзкими чертами, съ жестянымъ кувшиномъ въ рукѣ, идущею къ воротамъ. Печально шла Кэтъ по аллеѣ, убитая и пришибленная своей неудачей, но все же не совершенно еще лишенная всякой надежды. Пройдя немного, она свернула вправо въ кусты и пробралась по нимъ до ограды. Это была высокая каменная стѣна, верхъ которой былъ усыпанъ густымъ слоемъ битаго стекла. Пробираясь сквозь кусты терновника, Кэтъ шла вдоль стѣны въ надеждѣ найти гдѣ-нибудь проломъ или калитку, но ничего подобнаго не было, только въ той части стѣны, которая выходила прямо на желѣзнодорожное полотно, была небольшая дубовая дверь, крѣпко запертая желѣзными запорами и тяжелымъ надежнымъ замкомъ. Тогда дѣвушкой овладѣло страшное сознаніе, что, не умѣя летать, она была обречена на полную невозможность не только уйти отсюда, но даже дать знать своимъ друзьямъ о томъ, гдѣ она находится и что грозитъ ей.

Когда она, наконецъ, вернулась въ домъ, усталая, растрепанная и исцарапанная кустами и терніями, Гирдльстонъ, стоя въ дверяхъ, встрѣтилъ ее саркастической, злой улыбкой.

— Ну, какъ же вамъ понравился этотъ садъ и эта воздушная ограда, и милый, привѣтливый стражъ у воротъ? Какъ вы остались всѣмъ этимъ довольны?—спросилъ онъ.

Кэтъ хотѣла коротко и холодно отвѣтить ему, но не смогла. Губы ея дрожали; глаза наполнились слезами, съ крикомъ горя и отчаянія, который могъ бы тронуть и звѣря,

она взбѣжала на верхъ въ свою комнату, кинулась на кровать и рыдала такъ, какъ не многимъ женщинамъ приходилось рыдать въ ея годы.

XXXV. Разговоръ на полянѣ.

Въ тотъ же вечеръ прiѣхала изъ Лондона Ребекка. Ея присутствiе являлось своего рода облегченiемъ для Кэтъ; хотя она никогда не любила этой приставленной къ ней опекуномъ дѣвушки, но уже одно то, что она могла видѣть подлѣ себя существо одного съ нею возраста, давало ей какое то ощущенiе сравнительной безопасности. Комнату ея тоже привели теперь въ лучшiй видъ, и Ребекку помѣстили рядомъ, такъ что, постучавъ въ перегородку, она во всякое время могла позвать ее къ себѣ. Это было для нея великимъ утѣшенiемъ, такъ какъ ночью въ этомъ старомъ домѣ всюду скрипѣло, трещало, всюду скреблись мыши и бѣгали крысы, такъ что полное одиночество становилось совершенно невыносимымъ.

Помимо всѣхъ этихъ звуковъ было еще нѣчто такое въ этомъ старомъ зданiи, что создало ему недобрую репутацiю. Даже самый внѣшнiй видъ стараго аббатства внушалъ жуткое чувство: его высокiя бѣлыя стѣны были мѣстами покрыты пятнами сырости, лишаями и грибками, а мѣстами отъ самой крыши и до фундамента шли длинныя зеленоватыя полосы плѣсени отъ постоянно стекавшей здѣсь съ крыши воды, блестѣвшей подобно слезамъ на зеленой полосѣ; мѣстами растрескавшаяся и осыпающаяся штукатурка оставляла глубокiя трещины, точно черныя раны. Внутри было тоже не лучше; какимъ-то могильнымъ запахомъ и холодомъ вѣяло отъ стѣнъ, половъ и сводовъ низкихъ корридоровъ и узкихъ каменныхъ лѣстницъ. И полы, и обшитые деревомъ потолки были источены червями и жучками. Вѣтеръ проникалъ во всѣ щели и уныло завывалъ въ трубахъ и въ длинныхъ корридорахъ, а комнаты смотрѣли голыми, неуютными и пустынными.

Вскорѣ Кэтъ узнала, что, кромѣ этихъ смутныхъ ужасовъ, въ старомъ домѣ было еще и нѣчто болѣе опредѣленное, вызывающее всеобщiй страхъ окружныхъ жителей, съ чѣмъ опекунъ постарался познакомить ее со всевозможными подробностями.

Въ стародавнія времена это богатство было мѣстопребываніемъ монаховъ доминиканцевъ, которые съ теченіемъ времени мало по малу отступили отъ строгости своихъ уставовъ и утратили прежнюю святость жизни. Сохраняя личину благочестія передъ окрестнымъ населеніемъ, они втайнѣ обратили свою священную обитель въ притонъ разврата и всякаго рода преступленій. И вотъ, во время этого полнаго упадка нравовъ и благочестія, охватившаго всю братію, отъ аббата и до послѣдняго монастырскаго служки, явился благочестивый юноша изъ одной окрестной деревни и сталъ проситься, чтобы его приняли въ число избранной братіи аббатства. Его прельщала, говорилъ онъ, святость жизни и далеко разнесшаяся слава о строгомъ уставѣ и подвижничествѣ монаховъ. Онъ былъ принятъ въ число братіи, но долгое время интимный образъ жизни монаховъ аббатства тщательно скрывали отъ него, а затѣмъ мало по малу стали допускать и его до участія въ своихъ оргіяхъ, рѣшивъ, что онъ успѣлъ уже достаточно приглядѣться ко всему. Они посвятили его во всѣ тайны обмановъ и лицемѣрія, но охваченный ужасомъ и негодованіемъ, при видѣ того, что ему пришлось узнать, юноша однажды съ высоты амвона принялся обличать ихъ. Онъ собирался покинуть аббатство въ ту же ночь и хотѣлъ разсказать всѣмъ людямъ о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ и что ему самому пришлось испытать въ стѣнахъ этой святой обители. Встревоженные монахи собрали Совѣтъ и рѣшили схватить его, бросить въ погребъ и запереть его тамъ навсегда. Этотъ погребъ впослѣдствіи долго славился необычайной величиной, озлобленностью и плотоядностью своихъ крысъ; такихъ крысъ, какъ въ немъ, нигдѣ не было, они нападали даже днемъ на людей, приходившихъ за чѣмъ-нибудь въ этотъ подвалъ. И вотъ преданіе гласитъ, что вплоть до разсвѣта оттуда доносились крики и вопли несчастнаго узника, отчаянно боровшагося противъ своихъ безчисленныхъ и неумолимыхъ враговъ; говорятъ, что съ тѣхъ поръ эти стоны и крики часто слышатся по ночамъ въ длинныхъ корридорахъ аббатства.

Говорятъ также,—разсказывалъ Гирдльстонъ,—что по временамъ этотъ замученный молодой монахъ и теперь еще бродитъ по дому; вотъ почему никто никогда не рѣшался долго прожить въ немъ.—Впрочемъ, такая странно-настроенная мо-

лодая особа, какъ вы, которая не можетъ даже повиноваться своему опекуну, конечно, не будетъ бояться подобныхъ дѣтскихъ вымысловъ!—иронически закончилъ старикъ свой разсказъ.

— Я не боюсь привидѣній и не вѣрю въ призраковъ,—сказала Кэтъ,—и потому не думаю, что испугаюсь, если увижу что либо подобное!

Тѣмъ не менѣе эта ужасная исторія засѣла у нея въ памяти и прибавила еще новые ужасы ко всѣмъ тѣмъ, какими былъ населенъ этотъ ужасный мрачный домъ.

Комната мистера Гирдльстона находилась непосредственно надъ ея комнатой и, блуждая однажды отъ нечего дѣлать по дому, она случайно увидѣла сквозь оставленную открытой дверь ея, что она была обставлена съ несравненно большей роскошью и изысканностью, чѣмъ ея помѣщеніе, такъ же, какъ и смежная съ нею комната, очевидно, предназначенная для Эзры на время его пріѣздовъ сюда.

Комфортабельная обстановка этихъ двухъ комнатъ свидѣтельствовала, что ея переселеніе въ это аббатство было отнюдь не внезапнымъ, неожиданнымъ рѣшеніемъ со стороны Гирдльстона, а заранѣе обдуманнымъ планомъ, осуществленіе котораго только, быть можетъ, нѣсколько ускорилъ ея отказъ Эзрѣ. Какая же была цѣль всей этой ужасной махинаціи, и къ чему должна она была привести въ концѣ концовъ? Этотъ вопросъ стоялъ передъ ней и днемъ, и ночью, и съ каждымъ часомъ отвѣтъ на него, казалось, становился страннѣе и ужаснѣе.

Дѣло въ томъ, что у нея все время не доставало одного звена въ хитросплетенной цѣпи этихъ коварныхъ замысловъ отца и сына Гирдльстоновъ. А это звено были ея деньги. Ей никогда и въ голову не приходило, что ея состояніе могло быть необходимо ея мучителямъ. Она такъ привыкла слышать, какъ Эзра и его отецъ небрежно толковали о милліонахъ, въ ея присутствіи, что считала свой маленькій капиталъ совершенной ничтожностью и не могла себѣ представить, какъ необходимъ онъ могъ быть въ моментъ рокового кризиса фирмы. Даже самая мысль о возможности подобнаго кризиса никогда не приходила ей въ голову, такъ какъ даже отъ покойнаго отца она постоянно слышала о блестящихъ дѣлахъ фирмы, объ ея прочности и матеріальной благонадежности. Что теперь эта фирма была въ самомъ безвыходномъ

положенія и что ея деньги были абсолютно необходимы для ея спасенія,—все это было нѣчто такое, о чемъ она никогда не могла даже подумать. А между тѣмъ необходимость въ ея деньгахъ становилась каждый день настойчивѣе. Тамъ, въ Лондонѣ, Эзра дѣлалъ все, что только могли сдѣлать непобѣдимая энергія и чрезвычайныя коммерческія способности, чтобы отдалить срокъ полнаго разоренія хоть еще на нѣкоторое время. Когда приходили сроки платежа, онъ съ удивительнымъ, неподражаемымъ умѣньемъ и ловкостью откладывалъ ихъ, такъ что никто не испытывалъ ни малѣйшаго сомнѣнія или подозрѣнія въ правдивости его предлоговъ. Но съ каждымъ днемъ эта игра становилась все тяжелѣе и опаснѣе; онъ чувствовалъ, что подпираетъ зданіе, до основанія изъѣденное червями, и что вотъ—вотъ оно должно разрушиться у него надъ головой. Когда онъ въ субботу пріѣхалъ въ аббатство, его осунувшееся и вытянутое лицо достаточно ясно говорило о томъ, сколько тревоги и душевныхъ мученій онъ перенесъ за это время.

Кэтъ уже удалилась въ свою комнату, когда онъ пріѣхалъ, но слышала топотъ лошади у подъѣзда и звукъ колесъ на пескѣ; она знала, что это пріѣхалъ Эзра, даже раньше, чѣмъ услышала его густой басъ въ столовой. Выглянувъ въ окно, немного позже, она увидѣла его ходившаго взадъ и впередъ объ руку съ отцомъ по освѣщенной луною полянкѣ. Ночь была страшно холодная, и она невольно удивилась, о чемъ такомъ особо важномъ и секретномъ они совѣщались, что не могли переговорить дома, въ теплой комнатѣ у камина. Болѣе часа они бродили такъ взадъ и впередъ, словно тѣни, и только по прошествіи этого времени Кэтъ услышала, какъ внизу хлопнула входная дверь; вслѣдъ за тѣмъ тяжелые шаги отца и сына послышались на лѣстницѣ, прошли мимо ея дверей и прослѣдовали дальше наверхъ, въ ихъ комнаты.

То было знаменательное совѣщаніе двухъ Гирдльстоновъ, при которомъ она присутствовала въ этотъ вечеръ, хотя и не слышала изъ него ни слова.

Въ этомъ разговорѣ Эзра выяснилъ отцу, до какой степени невозможно было далѣе поддерживать фикцію благосостоянія фирмы, и какъ неизбѣжно разореніе въ самомъ непродолжительномъ времени, если только не подоспѣетъ немедленная помощь.

— Я не думаю, чтобы кто нибудь подозрѣвалъ истину,— говорилъ онъ,—Мортимеръ и Джонсонъ очень настойчиво требовали отъ меня возврата своихъ денегъ, но мнѣ удалось отговорить ихъ. Я вынулъ изъ кармана свою чековую книжку и сказалъ: «Вотъ видите-ли, господа, если вы непремѣнно требуете, я сейчасъ-же напишу вамъ чекъ на всю сумму, но если я это сдѣлаю, то это будетъ послѣднее дѣло, какое мы имѣемъ съ вами; такая крупная торговая фирма, какъ наша, не можетъ допустить, чтобы ее такъ стѣсняли въ дѣлахъ!»—и они сразу какъ-то притихли, и не стали больше говорить объ этомъ. Но скажу: это была страшная минута; вѣдь, прими они мое предложеніе,—все это убійство вышло бы наружу!— мрачно-шутливо закончилъ онъ.

При словѣ убійство старикъ невольно вздрогнулъ и сталъ нервно потирать руки, точно вдругъ почувствовалъ ознобъ.

— Какъ тебѣ, кажется, Эзра, развѣ это не глупое суевѣріе, что кровь вопіетъ о мщеніи и убійство всегда выходитъ наружу?—спросилъ старикъ, ухватившись за руку сына.—Я отлично помню, что уголовный сыщикъ Пиль Кингтонъ, бывшій членомъ нашей общины и прихожаниномъ той церкви, гдѣ я былъ ктиторомъ, разсказывалъ мнѣ, что почти ежедневно люди отправляютъ другихъ людей на тотъ свѣтъ, и что изъ десяти случаевъ не болѣе одного раскрывается и обнаруживается. Такъ видишь, десять шансовъ противъ одного, Эзра; кромѣ того, всѣ убійства, которыя раскрываются,—по большей части самыя вульгарныя преступленія. А если бы такое убійство было задумано людьми умными и предусмотрительными, то осталось бы очень мало шансовъ на то, чтобы оно могло быть раскрыто.... А какая холодная ночь!

— Да,—отвѣчалъ Эзра,—очень холодная, но все же всего лучше говорить о такихъ вещахъ подъ открытымъ небомъ... Ну, а какъ у васъ обстоитъ дѣло съ тѣхъ поръ, какъ вы здѣсь?

— Да очень хорошо. Она была непокорна въ первый день и хотѣла уйти, хотѣла добраться до Бедсворса, но теперь, кажется, отказалась отъ этой мысли. Этотъ Стэвенсъ, привратникъ, весьма уважаемый и подходящій для насъ человѣкъ и можетъ намъ пригодиться!

— Какія же мѣры ты принялъ?—спросилъ Эзра отца, чиркнувъ спичку и закуривъ сигару.

— Я позаботился о томъ, чтобы всѣ здѣсь въ округѣ знали, что она больная, какъ въ Бедсворсѣ, такъ и въ Клакстонѣ.

Всѣ уже слышали про бѣдную больную барышню въ аббатствѣ, что умственныя способности ея не въ порядкѣ, вслѣдствіе чего ее и держатъ здѣсь, вдали отъ всѣхъ людей. Такимъ образомъ, когда это случится...

— Бога ради молчи!—воскликнулъ молодой человѣкъ, содрогнувшись.—Это страшное дѣло; объ этомъ положительно невыносимо думать!.

— Да, это печальное дѣло; но другого исхода нѣтъ...

— Но какъ ты думаешь сдѣлать это?—спросилъ Эзра хриплымъ, подавленнымъ шепотомъ.—Надѣюсь, безъ насилія?

— Можетъ быть придется прибѣгнуть и къ нему, хотя у меня есть другіе планы въ головѣ, которые можно сперва испробовать. Мнѣ кажется, что я вижу одно средство, одинъ исходъ изъ этого положенія, который бы чрезвычайно упростилъ дѣло!

— Если нѣтъ другой перспективы, то у меня есть человѣкъ, пригодный для такого дѣла.

— Аа... кто такой?

— Это одинъ дѣтина, который можетъ нанести по истинѣ страшный ударъ, о чемъ я могу засвидѣтельствовать по личному опыту. Его зовутъ Бертъ. Это тотъ самый человѣкъ, который раскроилъ мнѣ голову въ Африкѣ. Я встрѣтилъ его на дняхъ въ Лондонѣ и сразу остановилъ его. Это полуголодный бѣднякъ, готовый на какое угодно дѣло; онъ какъ разъ ищетъ, не наклюнется-ли гдѣ такое дѣльце. Я теперь держу его въ рукахъ и могу заставить взяться за любое дѣло. Мнѣ кажется, что подобный случай доставитъ ему положительно удовольствіе, потому что онъ больше походитъ на дикое животное, чѣмъ на человѣка.

— Это весьма печально, да, если человѣкъ сворачиваетъ съ пути истины,—что тогда отличаетъ его отъ звѣря?—глубокомысленно и со вздохомъ проговорилъ старикъ.—А какъ мнѣ найти его?

— Телеграфируй мнѣ. Пиши просто: «Пришли доктора!» Этого будетъ достаточно; я уже буду знать, а на телеграфѣ это будетъ имѣть самый естественный видъ. Я уже позабочусь, чтобы онъ отправился съ ближайшимъ поѣздомъ; но всего лучше было бы, чтобы ты встрѣтилъ его на станціи; вѣдь, онъ, по всей вѣроятности, будетъ пьянъ, какъ стелька, этотъ бродяга...

— Привези его самъ сюда!—сказалъ старикъ.—Ты и самъ долженъ быть здѣсь!

— Право, вы могли бы обойтись и безъ меня!

— Нѣтъ! Мы должны и стоять, и пасть вмѣстѣ!—сказалъ отецъ.

— А у меня большая охота отказаться отъ этого дѣла!—проговорилъ Эзра, вдругъ останавливаясь.—Мнѣ оно положительно претитъ, понимаешь-ли!

— Что? отказаться теперь? Теперь идти на попятный!—чуть не плача воскликнулъ старикъ.—Нѣтъ, это было бы слишкомъ малодушно! Все намъ благопріятствуетъ, единственно, что намъ еще нужно, это твердая рѣшимость и крѣпкая воля! Ахъ, сынъ мой, сынъ мой!—Съ одной стороны, тебя ждетъ разореніе, позоръ, чуть не нищета, и гнѣвъ твоего стараго друга отца,—съ другой—успѣхъ, богатство, слава, словомъ все, что можетъ скрасить жизнь человѣка! Ты также хорошо знаешь, какъ и я, что ея деньги перетянутъ чашу вѣсовъ на нашу сторону, и тогда все снова будетъ хорошо. Все твое будущее благополучіе зависитъ отъ ея смерти. Мы сдѣлали для нея все, что могли сдѣлать, но она насмѣялась надъ твоей любовью, такъ теперь пришелъ часъ показать ей свою ненависть!

— Все это правда!—согласился Эзра.—Мнѣ нѣтъ никакого основанія жалѣть ее!—Я взялся за плугъ и дойду до конца!.. Кажется, и я заразился твоей проклятой привычкой приводить изреченія изъ Писанія!..

— Ты славный и мужественный юноша, я всегда это зналъ,—воскликнулъ отецъ,—стыдно было бы отступать теперь!

— Ребекка можетъ тебѣ быть полезна,—проговорилъ молодой человѣкъ,—ты вполнѣ можешь положиться на нее!

— Ты хорошо сдѣлалъ, что прислалъ ее сюда. Много тамъ въ Лондонѣ спрашивали меня?

— Да, но я всѣмъ отвѣчалъ, какъ было условлено, что ты внезапно заболѣлъ... нервное переутомленіе... доктора рекомендовали полнѣйшій покой и совершенное отсутствіе всякихъ дѣловыхъ заботъ. Единственный человѣкъ, заподозрившій здѣсь что-то, это молодой Димсдаль!

— Аа!—воскликнулъ старикъ, внутренно смѣясь.—Ну, конечно, онъ долженъ быть удивленъ нашимъ исчезновеніемъ!

— Онъ положительно походилъ на помѣшаннаго; онъ требовалъ отъ меня, чтобы я ему сказалъ, гдѣ вы находитесь, а когда я ему отвѣтилъ, какъ мнѣ было сказано, то сталъ кричать, что онъ имѣетъ право знать и узнаетъ. Вся его кровь вскипѣла въ немъ, и у насъ чуть было не разыгралась хоро-

шенькая сцена въ присутствіи клерковъ. Теперь онъ слѣдитъ за мной шагъ за шагомъ, каждый вечеръ провожаетъ до Экклестонъ-Сквера, притомъ бродитъ вокругъ дома до полъ-ночи, подстерегая, не выйду ли я изъ дома, чтобы прослѣдить меня.

— Неужели онъ такъ слѣдитъ за тобой?

— Да, даже сегодня онъ слѣдовалъ за мною на вокзалѣ и, хотя былъ укутанъ шарфомъ и въ длинномъ ульстерѣ, я все-таки узналъ его. Я взялъ билетъ въ Кальчестеръ, и онъ взялъ туда билетъ тоже; я обождалъ, когда онъ отошелъ отъ кассы, и взялъ другой билетъ сюда! Я увѣренъ, что теперь онъ въ Кальчестерѣ! Славно я его провелъ!

— Помни, дорогой мой, что это—наша послѣдняя попытка спасти фирму и честь нашего имени,—проговорилъ старый коммерсантъ.—Если намъ это удастся, все наше будущее спасено!

— Мы дѣлали попытку съ алмазами, дѣлали попытку съ женитьбой, третій разъ—рѣшительный!—сказалъ Эзра, бросая свою сигару и слѣдуя за отцемъ въ домъ.

XXXVI. Случай въ корридорѣ.

Эзра едва поздоровался съ Кэтъ, когда она на слѣдующее утро спустилась къ завтраку. Ему, очевидно, было не по себѣ, и когда Кэтъ смотрѣла на него, онъ отворачивался въ сторону, хотя искоса и посматривалъ на нее почти каждую минуту. Отецъ болталъ съ нимъ о дѣлахъ въ Сити, но Эзра отвѣчалъ отрывисто, рѣзко и по большей части односложно. Спалъ онъ въ эту ночь тревожно и поминутно просыпался, такъ какъ разговоръ предыдущаго вечера сильно разстроилъ его нервы и воображеніе.

Кэтъ ушла изъ столовой, какъ только могла скорѣе, и, надѣвъ шляпу, ушла на продолжительную прогулку частью для моціона, частью въ надеждѣ на какой нибудь выходъ. Одноглазый привратникъ былъ на своемъ посту и разразился отвратительнымъ громкимъ смѣхомъ, при видѣ ея. Чтобы избѣжать его, она опять пробралась черезъ кусты и еще разъ обошла всю ограду но и теперь, какъ тогда, въ оградѣ нигдѣ не оказалось ни одного доступнаго мѣста, черезъ которое можно было бы уйти, кромѣ деревянной двери, засунутой желѣзными болтами и запертой тяжелыми висячими замками.

Было, однако, одно мѣсто, оставлявшее ей маленькую искорку надежды. Въ углу у стѣны стоялъ маленькій сарайчикъ съ

покатой крышей, очевидно, построенный здѣсь для уборки садовыхъ принадлежностей въ ту пору, когда здѣсь садъ еще прибирался и содержался въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ теперь. Этотъ сарайчикъ не примыкалъ ни къ той, ни къ другой стѣнѣ, а стоялъ на разстояніи какихъ нибудь 8 или 10 шаговъ отъ нихъ. Подлѣ него стояла большая запрокинутая бочка, въ которой прежде, вѣроятно, держали воду для поливки цвѣтовъ и овощей. Кэтъ ухитрилась взобраться на эту бочку, а съ бочки уже безъ труда перебралась на крышу сарайчика. Осторожно добралась она до самаго верха крыши и, стоя на этой высшей точкѣ, могла видѣть, что было за стѣной, большую проѣзжую дорогу и рельсы желѣзнодорожной линіи, проходившей по ту сторону стѣны. Правда, между ней и стѣной была пропасть въ 10 шаговъ ширины, но если ей нельзя было перебраться оттуда на дорогу, то во всякомъ случаѣ была возможность окликнуть кого нибудь изъ прохожихъ и попросить отнести письмо на почту въ Бедсворсъ, или хоть принести ей листъ бумаги и карандашъ.—И новый лучъ надежды запалъ въ ея душу.

То мѣсто, на которомъ она теперь стояла, было далеко не надежное, такъ какъ доски, изъ которыхъ былъ сколоченъ навѣсъ, давно прогнили и трещали у нея подъ ногами. Но на что бы она не отважилась теперь, лишь бы увидѣть хоть одно дружеское человѣческое лицо?!

Въ то время, какъ она стояла на крышѣ, по дорогѣ шли двое деревенскихъ подростковъ; когда они поравнялись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ изъ-за стѣны виднѣлись голова и плечи Кэтъ, одинъ изъ нихъ, насвистывавшій что-то, обратился къ другому, грызшему сырую брюкву.

— Гей, Билль, пусть меня разорветъ, если это не та сумасшедшая дѣвушка тамъ на сарайчикѣ за стѣной!

— Она и есть!—отозвался товарищъ.

— Слушай, Билль, дай мнѣ твою брюкву; я запущу въ нее!

— Нѣтъ, Джимми, я и самъ запущу, смотри!

При этихъ словахъ обгрызанная брюква пролетѣла на разстояніи ладони отъ лица Кэтъ.

— Вотъ ты и промахнулся!—крикнулъ Джимми,—смотри живѣе, нѣтъ ли гдѣ камня?

Но прежде, чѣмъ ребята успѣли исполнить свое намѣреніе, Кэтъ поспѣшно слѣзла съ крыши, глубоко оскорбленная безсердечнымъ поведеніемъ ребятъ.

— Нѣтъ для меня нигдѣ надежды, — вздохнула бѣдная дѣвушка,—каждый готовъ занести на меня руку! Есть у меня только одинъ другъ и тотъ далеко и ничего не знаетъ о мнѣ!—и Кэтъ вернулась домой болѣе, чѣмъ когда либо, пришибленная и обезкураженная и заперлась въ своей комнатѣ.

Спустя немного въ ея дверь постучался опекунъ.

— Я надѣюсь, вы прочли сегодняшнее богослуженіе и молитвы? Это слѣдуетъ дѣлать всегда, когда нельзя пойти въ церковь!

— А почему мнѣ нельзя пойти въ церковь?—спросила она.

— Ахъ, моя молодая лэди,—сказалъ старикъ, съ саркастической улыбкой,—вы пожинаете теперь плоды посѣяннаго вами; вы испытываете горечь плодовъ непослушанія, а потому говорю вамъ: раскайтесь, пока не поздно!

— Я не сдѣлала ничего дурного, не совершила никакого проступка,—отвѣчала Кэтъ, глядя на него горящимъ, негодующимъ взглядомъ.—Это вы должны раскаяться, вы, который прибѣгаете къ лицемѣрію; вамъ придется дать отвѣтъ Богу за ваши хорошія слова и мерзкіе поступки. Вѣдь, есть же высшая справедливость, которая будетъ судить васъ и которая взыщетъ съ васъ за нарушеніе вашего обѣщанія, даннаго умирающему другу, за ваше жестокое обращеніе съ той, которая была поручена вашему попеченію!

Она говорила смѣло и рѣшительно; щеки ея горѣли, а въ словахъ было столько увѣренности и столько энергіи, что непреклонный старый коммерсантъ какъ-то смолкъ и притихъ передъ ней.

— Это мы предоставимъ будущему,—наконецъ, произнесъ онъ,—но я пришелъ къ вамъ съ добрымъ намѣреніемъ, а вы встрѣтили меня обидными словами. Я слышалъ, что здѣсь въ домѣ есть тараканы и т. п.; такъ вотъ нѣсколько капель этой жидкости; если ею покропить по угламъ комнаты, то она совершенно уничтожитъ ихъ. Будьте, однако, осторожны, такъ какъ это сильный, хотя и безболѣзненный, ядъ для человѣка!—Съ этими словами онъ вручилъ ей пузырекъ съ какой-то темною жидкостью, снабженный большимъ краснымъ ярлыкомъ, съ круглой надписью «я д ъ». Кэтъ взяла эту склянку и, не сказавъ ни слова, поставила ее на каминъ. Гирдльстонъ окинулъ ее быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ и удалился. Онъ былъ положительно пораженъ перемѣной, происшедшей въ ней за нѣсколько послѣднихъ дней. Щеки ея были блѣд-

ны и замѣтно ввалились, только на скулахъ виднѣлось по одному яркому пятну лихорадочнаго румянца; глаза горѣли неестественнымъ блескомъ, и совершенно новое, странное выраженіе появилось въ ея лицѣ. Гирдльстону показалось, что его ложь относительно ея могла очень легко превратиться въ правду, что разсудокъ ея легко могъ помутиться навсегда. Но въ ней было больше живучести, чѣмъ онъ думалъ, такъ какъ въ то самое время, когда онъ уже смотрѣлъ на нее, какъ на существо надломленное, она создала въ головѣ своей новый планъ для своего спасенія, для осуществленія котораго необходимы были и смѣлость, и энергія, и рѣшимость.

Въ продолженіе послѣднихъ дней она старалась сблизиться и сойтись съ Реббекой, но послѣдняя питала непреодолимую ненависть къ ней съ того самаго момента, когда Эзра почтилъ ее своимъ вниманіемъ. Даже обязанности свои она исполняла съ плохо скрытою злобой и тайною радостью при видѣ несчастья, обрушившагося на голову ея невольной соперницы.

Потерпѣвъ неудачу здѣсь, Кэтъ вспомнила, что Стевенсъ сторожилъ ворота только днемъ, ночью же уходилъ къ себѣ. Кромѣ того, она еще въ тотъ разъ обратила вниманіе, что чугунныя ворота были настолько плохи и стары, что черезъ нихъ можно бы было пробраться. А если ей удастся только уйти изъ дома ночью, то ничто не помѣшаетъ дойти до Бедсворса, а оттуда отправиться въ Портсмутъ и тамъ найти добрыхъ людей, которые бы извѣстили ея друзей въ Лондонѣ объ ея положеніи.

Выходная дверь, ведущая на крыльцо, всегда запиралась на ночь; но у притолки былъ вбитъ гвоздь, на которомъ она надѣялась найти ключъ. Кромѣ того, былъ еще другой выходъ, съ задней стороны дома, гдѣ также можно было попытать счастье въ случаѣ, если бы первая дверь оказалась слишкомъ крѣпко запертой. Если только ей удастся уйти, никого не разбудивъ, то планъ бѣгства долженъ бы удасться. Во всякомъ случаѣ, если бы даже ей ничего не удалось, все же положеніе ея не могло отъ того ухудшиться.

Эзра уѣхалъ обратно въ Лондонъ, такъ что теперь оставалось обойти только трехъ враговъ: старика Гирдльстона, Ребекку и мистриссъ Жерроксъ. Изъ нихъ Гирдльстонъ спалъ этажемъ выше ея, а мистриссъ Жерроксъ, которая могла быть чрезвычайно опасна, была, по счастію, настолько глуха, что

ее трудно было разбудить. Вся задача сводилась такимъ образомъ къ тому, чтобы незамѣченной пройти мимо комнаты Ребекки, но такъ какъ та обыкновенно спала очень крѣпкимъ сномъ, то и это казалось не столь невозможнымъ.

Все послѣполуденное время Кэтъ просидѣла у окна своей комнаты, мысленно подготовляясь къ предстоящему бѣгству. Она чувствовала себя слабой и разстроенной, потрясенной до глубины души всѣмъ случившимся за послѣднее время и въ сущности мало пригодной для того, что требовало и рѣшимости, и мужества, и присутствія духа. Ея мысли много разъ останавливались на воспоминаніяхъ объ ея отцѣ и покойной матери, которой она никогда не знала, но миніатюра которой находилась у нея и принадлежала къ числу самыхъ дорогихъ ея сокровищъ. Мысль о нихъ облегчила ее, а, главное, уничтожила то давящее и мучительное чувство одиночества, которое было ей всего болѣе невыносимо въ эти тяжелыя минуты ея жизни.

На дворѣ стоялъ холодный ясный день; приливъ былъ большой, такъ какъ вѣтеръ дулъ съ моря, а потому вся низменность была теперь затоплена водой, и вода билась уже о каменную ограду аббатства. Воздухъ былъ до того прозраченъ, что она могла даже различать дома и строенія на восточной конечности острова Уайта. Когда она распахнула свое окно и выглянула изъ него, то могла видѣть широкій заливъ гавани Лангстона, а еще дальше—лечебный курортъ Хайлингъ.

А тамъ, вдали, виднѣлись военныя суда, англійскія и иностранныя; между ними и берегомъ бѣгали временами шлюпки, словно усталыя морскія чайки, спѣшившія отдохнуть у берега. Слѣдить за движеніемъ этихъ судовъ, грозныхъ и таинственныхъ, и этихъ маленькихъ шлюпокъ было почти единственнымъ развлеченіемъ бѣдной Кэтъ въ часы ея затворничества.

Въ роковой вечеръ Ребекка почему-то легла спать ранѣе обыкновеннаго. Кэтъ послѣ ужина ушла въ свою комнату и, покончивъ послѣднія приготовленія къ бѣгству и запрятавъ въ карманы все, что у нея было драгоцѣннаго, могущаго замѣнить ей деньги, прилегла на постель, вся дрожа при мысли о томъ, что ее ожидаетъ въ эту ночь. Внизу, въ столовой, она слышала твердые, мѣрные шаги своего опекуна, расхаживавшаго взадъ и впередъ, затѣмъ, спустя нѣсколько времени, щелкнулъ ржавый замокъ входной двери, и, нако-

нецъ, подъ его тяжелыми шагами заскрипѣли ступеньки лѣстницы. Она слышала, какъ онъ прошелъ мимо ея дверей на верхъ, въ свою комнату. Мистриссъ Жерроксъ также легла спать, и все въ домѣ стихло.

Но Кэтъ знала, что надо дать пройти еще нѣсколькимъ часамъ прежде, чѣмъ отважиться на задуманное дѣло. Она вспомнила, какъ читала въ какой-то книгѣ, что сонъ у людей бываетъ особенно крѣпкимъ около двухъ часовъ по полуночи, и избрала именно это время для своей попытки. Она надѣла свое самое темное и самое прочное платье, самые крѣпкіе башмаки, а чтобы не нашумѣть ими, обвязала ихъ суконными тряпками, словомъ, приняла всѣ предосторожности, какія только могли придти ей на умъ. Пора было приступить къ дѣйствію.

Она встала и выглянула въ окно. Приливъ отхлынулъ, и луна сверкала на гребняхъ морскихъ волнъ тамъ вдали. Съ моря ползъ туманъ и по мѣрѣ того, какъ она смотрѣла, все больше и больше заволакивалъ собою окрестность. На дворѣ было сильно холодно. Она почувствовала ознобъ, и зубы у нея стали стучать. Закрывъ окно, она снова легла въ постель, укуталась въ одѣяла и изнеможенная вскорѣ забылась тревожнымъ сномъ.

Такъ она проспала нѣсколько часовъ, а когда пробудилась, было уже болѣе двухъ часовъ. Теперь нечего было медлить. Собравшись съ духомъ и захвативъ маленькій узелокъ, въ которомъ заключались ея наиболѣе цѣнныя вещи, она крадучись, словно тѣнь, прошмыгнула мимо полуотворенной двери комнаты Ребекки и стала осторожно спускаться по лѣстницѣ. Но лѣстница была деревянная, и старыя, разсохшіяся и расшатанныя ступени ея сильно скрипѣли; теперь же среди ночной тишины этотъ скрипъ казался положительно страшнымъ; каждый разъ она содрогалась всѣмъ тѣломъ, и сердце замирало у нея въ груди. Нѣсколько разъ она останавливалась и прислушивалась, но все кругомъ было тихо. Наконецъ, добравшись до гостиной, она съ облегченіемъ вздохнула: ничто нигдѣ не шевельнулось. Теперь она ощупью добралась до дверей, ведущихъ на улицу, и нащупала замокъ; ключа въ немъ не оказалось. Она нащупала гвоздь, но и тамъ его не было. Очевидно, ея предусмотрительный тюремщикъ уносилъ съ собой ключъ въ свою комнату. Неужели онъ дѣлалъ тоже самое и по отношенію къ задней двери? Во всякомъ случаѣ было возможно, что про ту дверь онъ забылъ.

Она повернула обратно, неслышно проскользнула мимо комнаты мистриссъ Жерроксъ, которая мирно спала, громко похрапывая, и продолжала свой путь по направленію къ задней двери.

Вдоль всего нижняго этажа изъ конца въ конецъ шелъ длинный корридоръ; въ одной изъ стѣнъ его былъ продѣланъ рядъ большихъ оконъ съ еще большими промежутками. Въ концѣ корридора и находилась та дверь, которую она имѣла въ виду. Луна прорвалась сквозь облака и туманъ и свѣтила теперь прямо въ окна корридора, бросая рядъ серебряныхъ свѣтлыхъ пятенъ на полъ и одну изъ стѣнъ, тогда какъ все остальное тонуло во мракѣ. Эти чередующіяся полосы свѣта и чернаго мрака производили жуткое впечатлѣніе. Кэтъ остановилась въ самомъ началѣ корридора, держась одной рукой за одну изъ его стѣнъ, и вдругъ глаза ея непомѣрно расширились: ей показалось, что что-то движется въ томъ концѣ, постепенно приближаясь къ ней. Она видѣла, какъ эта, сначала безформенная темная масса стала медленно придвигаться къ ней; вотъ она миновала полосу свѣта и потонула во мракѣ, вотъ опять вышла на свѣтъ и опять пропала во тьмѣ. Теперь таинственная фигура достигала уже середины корридора... Окаменѣвъ отъ ужаса, Кэтъ только неподвижно стояла на мѣстѣ. А темная фигура подходила все ближе и ближе. Теперь она появилась въ послѣдней полосѣ свѣта какъ разъ передъ Кэтъ; еще минута,—и она будетъ стоять подлѣ нея. Она впилась въ нее глазами: это былъ доминиканскій монахъ! Она прекрасно различала его тощую фигуру и темную рясу: луна своимъ холоднымъ, мертвенно-блѣднымъ свѣтомъ освѣщала его съ ногъ до головы. Бѣдная дѣвушка вскинула руки и съ громкимъ, пронзительнымъ, душу раздирающимъ крикомъ ужаса и страха безъ чувствъ рухнула на полъ; крикъ же ея въ тишинѣ ночи зловѣще пронесся по цѣлому дому.

XXXVII. Погоня и драка.

Положительно невозможно описать то ужасное состояніе, въ какомъ прожилъ всѣ эти недѣли бѣдный Томъ Димсдаль. Онъ тщетно старался всѣми средствами напасть на слѣдъ своей невѣсты и ея опекуна. Безцѣльно бродя по Лондону, онъ наводилъ справки во всѣхъ участкахъ; все было тщетно. Въ конторѣ тоже никому не было извѣстно мѣсто пребыванія стар-

шаго главы фирмы. На всѣ его распросы Эзра неизмѣнно отвѣчалъ, что доктора предписали его отцу безусловный покой, полное отреченіе отъ дѣлъ и свѣжій деревенскій воздухъ вдали отъ городской сутолоки и шума. Каждую ночь Томъ выслѣживалъ Эзру въ надеждѣ какъ-нибудь черезъ него напасть на слѣдъ своей невѣсты, но все напрасно. По субботамъ онъ слѣдовалъ за нимъ на станцію желѣзной дороги, но и здѣсь тому удалось ускользнуть отъ него, какъ онъ самъ разсказывалъ отцу.

Старикъ Димсдаль началъ уже серьезно опасаться за здоровье своего мальчика: онъ почти ничего не ѣлъ; сонъ его былъ тревожный. Родители старались внушить ему сдержанность и терпѣніе, но это плохо удавалось имъ.

— Этотъ негодяй Эзра знаетъ, гдѣ они!—восклицалъ Томъ, сердито шагая изъ конца въ конецъ комнаты.—Я вырву у него эту тайну, хотя бы мнѣ пришлось вырвать ее у него вмѣстѣ съ сердцемъ!

— Сдержанность, милый мой, сдержанность и хладнокровіе прежде всего!—сказалъ однажды старикъ въ моментъ одного изъ подобныхъ взрывовъ Тома.—Насиліемъ тутъ ровно ничего не выиграешь. Въ сущности законъ и право на ихъ сторонѣ въ настоящее время, и ты окажешься передъ закономъ неправъ, особенно, если предпримешь что-нибудь необдуманное и сгоряча. Вѣдь, она могла бы написать намъ, если бы ей было плохо.

— Ахъ, конечно, она могла бы сдѣлать это, но, вѣроятно, забыла о насъ. Но какъ могла она забыть послѣ всего, что было между нами?!...

— Будемъ надѣяться на лучшее!—говорилъ докторъ успокоительнымъ тономъ. Тѣмъ не менѣе и самъ онъ былъ сильно озадаченъ и озабоченъ. Онъ столько видѣлъ разнаго рода людей во время своей практики, что сталъ прекраснымъ знатокомъ людскихъ качествъ и недостатковъ. И все говорило ему, что Кэтъ Харстонъ была дѣвушка искренняя, прямая, съ твердыми и хорошими принципами, а не пустая вертушка и кокетка. На нее не было похоже, чтобы она могла уѣхать изъ Лондона и не послать своимъ друзьямъ хоть пары строкъ съ извѣщеніемъ, куда, на какой срокъ и почему она ѣдетъ. Онъ былъ увѣренъ, что для ея молчанія была какая-нибудь основательная причина, а такихъ причинъ могло быть только двѣ: или она была больна настолько, что не могла держать пера въ рукѣ, или утратила свою свободу и была лишена возможности

писать своимъ друзьямъ. И послѣднее предположенiе казалось доктору болѣе вѣроятнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе опаснымъ изъ двухъ.

Если бы ему хоть что-нибудь было извѣстно о шаткости положенiя дѣлъ фирмы Гирдльстонъ и о той нуждѣ въ деньгахъ, въ какой они находились въ данное время, то онъ сразу бы нашелъ ключъ къ разгадкѣ. Но онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленiя объ этомъ, и все же питалъ самое глубокое недовѣрiе къ обоимъ Гирдльстонамъ. Онъ зналъ и не разъ сожалѣлъ, что Джонъ Харстонъ включилъ въ свое завѣщанiе такой пунктъ, согласно которому все состоянiе его дочери, въ случаѣ ея преждевременной смерти, переходило къ ея опекуну. Сорокъ тысячъ фунтовъ все-таки была сумма, на столько приличная, что могла прельстить даже и богатаго человѣка, и увлечь его на неправый путь.

Была суббота, третья суббота съ того времени, какъ старикъ Гирдльстонъ и Кэтъ покинули Лондонъ. На этотъ разъ Томъ Димсдаль рѣшилъ, что куда бы Эзра ни поѣхалъ, онъ не выпуститъ его изъ виду, а послѣдуетъ за нимъ хоть на край свѣта. Обѣ предыдущiя субботы Эзра сумѣлъ ускользнуть отъ него, и находился оба раза въ отсутствiи вплоть до утра понедѣльника. Для Тома было ясно, что это время проведено Эзрой въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстечкѣ въ обществѣ Кэтъ и ея опекуна,—и эта мысль была для него страшно мучительна. На этотъ разъ онъ не уйдетъ отъ него, этотъ счастливецъ Эзра, по крайней мѣрѣ, не уйдетъ безъ того, чтобы не обнаружить мѣстопребыванiя любимой имъ дѣвушки!—рѣшилъ въ умѣ несчастный юноша.

Оба они оставались въ конторѣ до 2-хъ часовъ дня, затѣмъ Эзра надѣлъ шляпу и пальто, плотно застегнувъ его до самаго верху, такъ какъ погода была очень холодная. Томъ тотчасъ же схватилъ съ вѣшалки свой плащъ и послѣдовалъ за Эзрой такъ быстро, что не успѣла за тѣмъ захлопнуться дверь, какъ въ нее проскользнулъ Томъ. Эзра оглянулся и зарычалъ, какъ разсерженный песъ. За послѣднее время всякая показная вѣжливость между молодыми людьми давно уже исчезла, и при встрѣчѣ они обмѣнивались взглядами, полными злобы и ненависти. По улицѣ проѣзжалъ извозчикъ. Эзра вскочилъ въ него, пробормотавъ нѣсколько непонятныхъ словъ, но тутъ же у подъѣзда стоялъ другой наемный экипажъ, только что высадившiй своихъ сѣдоковъ и не успѣв-

шій еще отъѣхать. Томъ вскочилъ въ него и крикнулъ: «Дѣлай, что хочешь, только не отставай ни на минуту отъ этой красной пролетки!»

Возница, оказавшійся не изъ рѣчистыхъ, только кивнулъ головой и сталъ нахлестывать лошадь.

Лошадь случайно оказалась быстрѣе или свѣжѣе и потому вскорѣ нагнала красную пролетку, держась отъ нея всего въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія. Поколесивъ по улицамъ Лондона безъ всякой видимой надобности, красная пролетка стала кружить по лабиринту узкихъ, грязныхъ улицъ самаго отвратительнаго квартала города, близъ пристаней на Темзѣ и въ концѣ концовъ остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ подозрительнаго вида трактира. Эзра выскочилъ изъ своей пролетки и вошелъ въ трактиръ. Томъ, остановившись въ двухъ шагахъ, не спускалъ глазъ съ дверей трактира. Одну минуту у него мелькнула безумная мысль, ужъ не здѣсь ли скрывается Кэтъ и ея опекунъ, но затѣмъ онъ понялъ невѣроятность подобнаго предположенія.

Ему пришлось ждать недолго: спустя нѣсколько минутъ молодой Гирдльстонъ вышелъ изъ трактира въ сопровожденіи какого-то рослаго субъекта съ косматой рыжей бородой, очень плохо одѣтаго и смотрѣвшаго еще болѣе подозрительно благодаря своей очевидной склонности къ вину. Эзра подсадилъ его въ пролетку, и оба вмѣстѣ покатили дальше. Томъ положительно недоумѣвалъ.

Что могло быть общаго между этимъ оборванцемъ и Эзрой? Кто былъ этотъ подозрительный субъектъ и какова была его роль въ этомъ дѣлѣ?

Экипажъ Тома Димсдаля ни на минуту не отставалъ отъ красной пролетки, словно собака, бѣгущая по слѣду звѣря. Наконецъ, они свернули къ вокзалу линіи Ватерлоо. Здѣсь странные пріятели высадились; Томъ, сунувъ въ руку возницѣ золотой, выскочилъ изъ экипажа и чуть не бѣгомъ побѣжалъ за Эзрой и его спутникомъ. Въ тотъ моментъ, когда онъ вбѣжалъ въ вокзалъ, Эзра и рыжебородый дѣтина столкнулись съ нимъ лицомъ къ лицу. Кругомъ кишѣла толпа отъѣзжающихъ и провожающихъ: такъ какъ была суббота, то были даже спеціальные загородные или дачные поѣзда. Томъ страшно боялся потерять изъ виду пріятелей и потому, энергично работая локтями, проложилъ себѣ дорогу и очутился какъ разъ у нихъ за спиной. Они въ этотъ моментъ подходили

къ кассѣ; Эзра оглянулся и увидѣлъ за собой своего соперника. Изъ устъ его вырвалось злобное проклятіе и, обернувшись, онъ шепнулъ что-то на ухо своему пьяному спутнику. Тотъ обернулся въ свою очередь и съ глухимъ рычаніемъ, словно дикій звѣрь, кинулся на молодого Димсдаля, схвативъ его за горло.

Но схватить человѣка за горло это одно, а удержать его въ рукахъ—совершенно другое дѣло, особенно, если имѣешь дѣло съ интернаціональнымъ футболистомъ. Для Тома накинувшійся на него рыжебородый негодяй былъ въ сущности не болѣе, чѣмъ однимъ изъ сотенъ форвардовъ, напиравшихъ на него въ былое время, а потому съ легкостью привычнаго борца онъ обхватилъ своего противника сильной, мускулистой рукой и отшвырнулъ его съ такой легкостью, ловкостью и силой, что ноги того описали въ воздухѣ полукругъ, а самъ онъ всей своей тяжестью шлепнулся на каменныя плиты пола съ такимъ шумомъ, что у него разомъ вышибло духъ.

Въ Томѣ вскипѣла кровь привычнаго борца; сѣрые глаза его блестѣли радостью, встрѣтившись со взглядомъ Эзры. Всѣ увѣщанія отца и просьбы матери были забыты въ эту минуту, когда онъ увидѣлъ себя лицомъ къ лицу со своимъ соперникомъ и врагомъ. Надо отдать справедливость, что и Эзра не спасовалъ, а кинулся впередъ, чтобы встрѣтить его ударъ. Это была превосходная пара борцовъ, такъ какъ оба были опытные боксеры, исключительные по силѣ. Эзра былъ, быть можетъ, даже сильнѣе, за то Томъ находился въ лучшихъ условіяхъ. Съ минуту сыпались и отражались удары съ такой быстротой, что трудно было понять, что происходило здѣсь. Но вотъ подоспѣли желѣзнодорожные служители и силою розняли борцевъ. У Тома оказался красный шрамъ на лбу отъ полученнаго удара, а Эзра сплевывалъ, вмѣстѣ съ кровью, обломки переднихъ зубовъ, стараясь унять обильно лившуюся кровь.

— Гдѣ онъ? Гдѣ?—кричалъ Томъ, вырываясь изъ рукъ схватившаго его за воротъ пузатаго полисмена, считавшаго своимъ священнымъ долгомъ помѣшать дальнѣйшей схваткѣ.— Вѣдь, онъ уйдетъ, отъ меня! Я чувствую, что уйдетъ!..

— Ничѣмъ не могу вамъ помочь!—проговорилъ флегматически блюститель порядка.—Такой джентльменъ, какъ

вы, долженъ бы стыдиться подобнаго поведенія! Стойте смирно?!—прикрикнулъ полисменъ на вырывавшагося отъ него Тома.

— Да, вѣдь, они уѣдутъ, уйдутъ у меня изъ-подъ рукъ!—въ отчаяніи восклицалъ Томъ, и дѣйствительно, Эзра со своимъ рыжебородымъ спутникомъ, который былъ никто иной, какъ знакомый намъ по Африкѣ Бертъ, скрылись уже изъ виду.

Опасенія Тома оказались вполнѣ основательными: когда ему, наконецъ, удалось вырваться изъ рукъ полисмена, то уже не было и слѣда его враговъ. Съ десятокъ зѣвакъ, толкавшихся на платформѣ, давали самыя различныя указанія. Томъ бѣгалъ съ одной платформы на другую, опрашивая всѣхъ и каждаго, но никакого толка добиться не могъ. Онъ готовъ былъ рвать на себѣ волосы, при мысли о томъ, какъ онъ допустилъ ихъ ускользнуть и въ этотъ разъ; прошло болѣе часа прежде, чѣмъ онъ окончательно отказался отъ розысковъ; нужно, значитъ, было дожидаться еще недѣли, пока еще вновь представится возможность разрѣшить тайну.

Наконецъ, онъ повернулся и удрученный пошелъ съ вокзала домой, внутренно обсуждая все случившееся и проклиная свою горячность и свое легкомысліе. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для него было то, что онъ порядкомъ-таки всыпалъ Эзрѣ; онъ взглянулъ на свой кулакъ и увидѣлъ, что на немъ кожа была мѣстами сорвана до крови. Онъ презрительно усмѣхнулся и спряталъ свою пораненную руку въ карманъ пальто.

Вдругъ, поднявъ глаза, юноша замѣтилъ какого-то рослаго господина съ очень краснымъ лицомъ, спѣшившаго къ нему на встрѣчу, повидимому, въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Нельзя было сказать, шелъ или бѣжалъ этотъ господинъ; всего вѣроятнѣе онъ дѣлалъ короткіе, неровные скачки, которые благодаря тому, что господинъ былъ человѣкъ довольно тучный, несомнѣнно свидѣтельствовали о томъ, что они были вызваны чрезвычайной поспѣшностью и волненіемъ. Лицо его обливалось потомъ до такой степени, что даже тугонакрахмаленный воротничекъ размякъ. Тому показалось, что это красное, озабоченное и встревоженное лицо какъ будто знакомо ему. Этотъ блестящій цилиндръ, эти безукоризненныя лаковыя ботинки и длинный изящнаго покроя сюртукъ могли принадлежать только молодцеватому маіору Тобіа Клет-

тербеку. Когда бывшій военный,—это оказался, дѣйствительно, онъ,—приблизился къ Тому, то еще болѣе ускорилъ свой шагъ, такъ что, очутившись съ нимъ лицомъ къ лицу, могъ только пыхтѣть и вручить ему объемистыхъ размѣровъ письмо.

— Прочтите!—съ усиліемъ выговорилъ онъ, задыхаясь.

Томъ раскрылъ письмо и пробѣжалъ глазами его содержаніе, при чемъ его лицо поблѣднѣло на столько же, насколько лицо маіора было красно. Дочитавъ его до конца, онъ, не сказавъ ни слова, побѣжалъ обратно въ ту сторону, откуда шелъ, а маіоръ старался по мѣрѣ возможности поспѣвать за нимъ.

XXXVIII. Гирдльстонъ посылаетъ за докторомъ.

Когда Кэтъ пришла въ себя послѣ глубокаго обморока, случившагося съ ней вслѣдствіе страннаго видѣнія въ корридорѣ и помѣшавшаго ея бѣгству, она увидѣла себя на постели въ своей маленькой комнаткѣ. По свѣту, падавшему изъ окна, она могла судить, что былъ день. Въ головѣ у нея сильно стучало, а во всемъ тѣлѣ она ощущала такую слабость, что едва могла приподняться на постели. Очнувшись, она увидѣла Ребекку, сидѣвшую у камина. Услыхавъ, что Кэтъ пошевелилась, та оглянулась.

— Боже сохрани!—воскликнула она,—порядкомъ же вы напугали насъ! Ужъ мы боялись, что вы никогда не придете въ сознаніе: вѣдь, вы лежали безъ чувствъ съ половины ночи, а теперь скоро полдень!

Кэтъ нѣкоторое время лежала молча, припоминая все случившееся.

— Ахъ, Ребекка,—проговорила, наконецъ, она слабымъ голосомъ, вся содрогаясь при воспоминаніи пережитаго ужаса.—Я видѣла нѣчто ужасное. Или я съ ума схожу, или я видѣла призракъ!

— А мы всѣ думали, что вы и сами-то призракъ!—отвѣтила Ребекка какъ бы съ упрекомъ.—Какъ вы закричали, а затѣмъ мы видимъ, какъ вы лежите на самой дорогѣ въ корридорѣ блѣднѣе мертвой, такъ только посмотрѣть на васъ тогда,—можно было посѣдѣть отъ страха. Мистеръ Гирдльстонъ поднялъ васъ и отнесъ въ комнату. Право, вы поразили его въ самое сердце, этого добраго господина, тѣмъ, что хотѣли уйти, какъ онъ это сразу понялъ!

— Ахъ, этотъ ужасный домъ; онъ положительно убиваетъ меня! — застонала Кэтъ. — Я не могу здѣсь жить, я, навѣрное, умру!.. Что мнѣ дѣлать? Что дѣлать, Ребекка?

Румяная служанка подошла къ постели своей барышни и, присѣвъ на край кровати, спросила.

— Что же такое было? Что вы такое видѣли въ коридорѣ?

— Я видѣла... Ахъ, Ребекка, это слишкомъ ужасно... Я видѣла того бѣднаго монаха, который здѣсь былъ убитъ въ погребѣ, знаешь? И это не было мое воображеніе; я видѣла его такъ, какъ теперь вижу тебя: высокій, худой, въ темной рясѣ и капюшонѣ, надвинутомъ на лицо!

— Боже насъ упаси! — воскликнула Ребекка, нервно оглядываясь черезъ плечо.—Одного этого достаточно, чтобы лишиться разсудка!

— О, я молю Бога, чтобы мнѣ никогда больше не видѣть этого... О, Ребекка, если въ тебѣ есть сердце женщины, помоги мнѣ уйти отсюда! Они рѣшили, что я не выйду отсюда живой. Я прочла это въ глазахъ опекуна; я знаю, что онъ хочетъ моей смерти... Пожалѣй хоть ты меня, скажи, что мнѣ сдѣлать!.. Помоги мнѣ уйти отсюда!..

— Право, я удивляюсь вамъ, миссъ,—съ достоинствомъ произнесла служанка. — Вѣдь, мистеръ Гирдльстонъ и мистеръ Эзра такъ добры къ вамъ, что для вашего спокойствія и здоровья предоставляютъ вамъ дачу, окружая васъ всякими удобствами, а вы ничего лучшаго не придумали, какъ ходить по ночамъ и разсказывать людямъ, что васъ хотятъ убить. Удивляюсь, право!... А вотъ и мистеръ Гирдльстонъ зоветъ меня; онъ будетъ пораженъ, бѣдный господинъ, узнавъ, какъ вы говорите про него!—и лицо Ребекки приняло выраженіе возмущенной добродѣтели; она вышла изъ комнаты, при чемъ въ темныхъ глазахъ ея свѣтилась жестокость и удовлетворенное чувство мести.

Оставшись одна, Кэтъ стала одѣваться, какъ могла. Нервы ея были до такой степени потрясены, что при малѣйшемъ шорохѣ она вздрагивала; когда она, наконецъ, взглянула на себя въ зеркало, то едва могла узнать себя. Она едва она успѣла окончить свой туалетъ, какъ къ ней вошелъ ея опекунъ.

— Такъ вамъ лучше?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я совсѣмъ больна!—сказала кротко Кэтъ.

— Не удивительно, послѣ того, какъ вы полъ ночи бродили по корридору неизвѣстно для чего, затѣмъ напугали цѣлый домъ своимъ крикомъ! Ребекка сейчасъ сказала мнѣ, что вы воображаете, будто видѣли привидѣніе или призракъ... Вы плачете?.. Развѣ вы такъ несчастны?

— Ахъ, я ужасно несчастна, ужасно несчастна!—отозвалась Кэтъ, закрывъ лицо руками.

— Ахъ, да!—проговорилъ медленно, почти мягко Гирдльстонъ,—мы только въ иной, лучшей жизни найдемъ полное успокоеніе и удовлетвореніе. Только за могилой мы встрѣтимъ покой и блаженство!—продолжалъ онъ все тѣмъ же мягкимъ, почти ласковымъ тономъ, — мнѣ часто казалось, что если бы не многостороннія обязанности и дѣла, и не столько людей, зависящихъ отъ меня, которымъ я еще нуженъ, то я съ охотой бы сократилъ срокъ своей жизни, чтобы достигнуть вѣчнаго покоя. Нѣкоторые формалисты утверждаютъ, что отнять у себя жизнь грѣшно. Но что касается меня, то я никогда этого не думалъ. Я считаю, что изъ всѣхъ вещей, принадлежащихъ человѣку, ничто не принадлежитъ ему такъ всецѣло, какъ его жизнь, а потому онъ имѣетъ право добровольно, по своему усмотрѣнію, прекратить ее, когда только вздумается.

Послѣ этихъ словъ онъ взялъ съ камина склянку съ отравой для таракановъ, какъ онъ говорилъ, и нѣкоторое время въ раздумьи смотрѣлъ на нее.

— Не странно-ли? — продолжалъ онъ, — подумать, что въ этой маленькой склянкѣ заключается исцѣленіе отъ всякихъ земныхъ горей и страданій. Одинъ глотокъ,—и тѣло спадетъ съ человѣка, какъ ветхая одежда, а душа вознесется туда, гдѣ нѣтъ ни горя, ни печали, ни воздыханія... а вѣчная свобода и красота!.. Одинъ глотокъ и... оставьте! Что вы сдѣлали?

Кэтъ выхватила изъ его рукъ склянку и со всей силы швырнула ее о дальнюю стѣну комнаты; тонкій пузырекъ разбился въ дребезги, а ядовитая жидкость обрызгала полъ и стѣну. Но силы дѣвушки были до того истощены, что и отъ этого напряженія она не могла удержаться на ногахъ и упала на край постели; старикъ же Гирдльстонъ, мрачный и угрожающій, всталъ надъ ней, нервно сжимая и разжимая свои длинные костлявые пальцы, которые, казалось, такъ и хотѣли вцѣпиться ей въ горло.

— Я не хочу помочь вамъ въ этомъ!—произнесла Кэтъ тихимъ, но твердымъ и увѣреннымъ голосомъ.—Вы хотѣли бы убить и мою душу, но это вамъ не удастся!

Въ этотъ моментъ маска спала съ лица старика Гирдльстона: ни одинъ голодный волкъ не могъ бы смотрѣть на намѣченную имъ жертву болѣе злыми и свирѣпыми глазами, чѣмъ этотъ старикъ.

— Безумная!—прошипѣлъ онъ.

— Я не боюсь смерти!—проговорила дѣвушка, глядя ему прямо въ лицо смѣлымъ, увѣреннымъ взглядомъ.

Смутившійся на мгновеніе Гирдльстонъ успѣлъ уже оправиться и овладѣть собой.

— Теперь для меня ясно,—сказалъ онъ холодно и почти спокойно,—что вашъ разсудокъ не въ порядкѣ. Что означаютъ всѣ эти глупые разговоры о смерти? Никто не сдѣлаетъ вамъ ни малѣйшаго вреда, кромѣ вашихъ собственныхъ безразсудныхъ поступковъ!—Съ этими словами онъ рѣзко повернулся и вышелъ изъ комнаты твердымъ, увѣреннымъ шагомъ человѣка, принявшаго безповоротное рѣшеніе. Со спокойнымъ, суровымъ лицомъ поднялся онъ въ свою комнату и, поискавъ въ своемъ письменномъ столѣ, досталъ изъ него телеграфный бланкъ. Заполнивъ его, онъ спустился внизъ, взялъ свою шляпу, надѣлъ ее и длинное теплое пальто и вышелъ изъ дому.

У воротъ сидѣлъ его вѣрный стражъ на своемъ походномъ стулѣ, суровый и угрюмый, по обыкновенію.

— Она очень плоха, Стевенсъ, — сказалъ Гирдльстонъ останавливаясь и указывая головой въ сторону дома.—Какъ видно, дѣло подходитъ къ концу! Я боюсь, что она недолго проживетъ. Если васъ кто-нибудь спроситъ о ней, то можете сказать, что она безнадежна. Я сейчасъ иду отправить телеграмму въ Лондонъ доктору, чтобы она могла пользоваться совѣтомъ лучшихъ свѣтилъ!

Стевенсъ коснулся въ отвѣтъ своей затасканной грязной шапки, въ знакъ почтенія, и проговорилъ:

— Она была здѣсь въ тотъ разъ и вела себя неподобающе! «Пустите меня пройти»,—говоритъ—«я дамъ вамъ десять золотыхъ!» Это ея слова, сэръ!—«Даже за сто золотыхъ,—говорю я,—«за сто тысячъ Вилльямъ Стевенсъ не сдѣлаетъ того, чего не долженъ сдѣлать!

— Очень благородно! Очень благородно, Стевенсъ!—похвалилъ его Гирдльстонъ.—Каждый человѣкъ по своему поло-

женію долженъ исполнять принятыя имъ на себя обязанности, и, согласно тому, какъ онъ выполнялъ ихъ, такъ и его будетъ судить Богъ. А я позабочусь о томъ, чтобы вы не остались въ накладѣ за вашу стойкость!

— Благодарю васъ, сударь!

— Она въ бреду и буйствуетъ, но можетъ еще бродить, несмотря на свою слабость. Возможно, что она опять будетъ пытаться уйти, такъ будьте на стражѣ, Стевенсъ. Прощайте!

— Прощайте, сэръ!

И когда Гирдльстонъ удалился, Стевенсъ еще долго стоялъ, смотря ему въ слѣдъ и какъ бы соображая что-то, затѣмъ сѣлъ на свой складной походный стулъ и, раскуривъ трубку, снова предался размышленіямъ.

— Я ничего не могу понять изъ всего этого,—бормоталъ онъ, почесывая въ затылкѣ.—Все это кажется мнѣ очень страннымъ... Этотъ старикъ сейчасъ говоритъ мнѣ—«она очень плоха», а затѣмъ, спустя минуту, говоритъ: «быть можетъ, она придетъ сюда и будетъ пытаться уйти». Я видѣлъ умирающихъ всякаго рода и сорта, но никогда еще не видалъ, чтобы человѣкъ умирая расхаживалъ, да еще пытался бѣжать, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ, кто умираетъ естественной смертью... Странно это, очень странно. И затѣмъ вотъ онъ пошелъ отправлять телеграмму доктору въ Лондонъ, а у насъ здѣсь докторовъ, сколько хочешь: и докторъ Корбеттъ въ Клакстонѣ, и докторъ Хеттонъ въ Бедсворсѣ,—они скорѣе бы поспѣли къ больной, если въ нихъ есть надобность. Нѣтъ, что хочешь, я ничего не могу понять! Эй, да лопни мои глаза!—продолжалъ онъ вдругъ, вынувъ трубку изо рта съ непритворнымъ удивленіемъ. Да вотъ, никакъ и сама умирающая! Ну, такъ и есть!

Дѣйствительно, Кэтъ, узнавъ, что ея опекунъ ушелъ, вышла изъ дома со смутной надеждой въ послѣдній разъ попытаться спасти свою жизнь и свободу. Движимая мужествомъ отчаянія, она прямо пошла къ рѣшетчатымъ воротамъ, единственному выходу изъ этой каменной ограды.

— Добрый день, мисси, — крикнулъ Стевенсъ, когда она подошла къ нему.—Вы не очень то румяны нынче, но и не такъ ужъ плохи, какъ сейчасъ говорилъ вашъ опекунъ. Вамъ какъ будто вовсе не такъ трудно двигаться и ходить!

— Да нѣтъ, со мной ровно ничего нѣтъ особеннаго; я только измучилась въ этой тюрьмѣ!—проговорила дѣвушка совер-

шенно спокойно и серьезно.—Увѣряю васъ, я совсѣмъ здорова, и разумъ мой такъ же здоровъ, какъ и вашъ!

— Это и всѣ они говорятъ! — съ усмѣшкой проговорилъ бывшій сторожъ изъ дома умалишенныхъ.

— Но это правда! Я не могу дольше оставаться въ этомъ домѣ, положительно не могу, мистеръ Стевенсъ! — Въ немъ являются привидѣнія; кромѣ того, мой опекунъ хочетъ убить меня; что онъ рѣшилъ это сдѣлать, я прочла въ его глазахъ; еще сегодня утромъ онъ почти пытался это сдѣлать. Но умереть въ мои годы, не оставивъ даже слова тѣмъ, кого я люблю, не объяснивъ имъ ничего,—это еще болѣе отравляетъ мнѣ мысль о смерти!

— Да, вѣдь, это же возмутительно!—воскликнулъ одноглазый стражъ.—Убить васъ! Что же онъ хочетъ сдѣлать для этого?

— То знаетъ Богъ; онъ ненавидитъ меня всѣми силами души; а я никогда не преступала его воли, кромѣ только одного случая въ жизни, и въ этомъ не могу ему повиноваться, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ онъ не имѣетъ права распоряжаться мной!

— Совершенно вѣрно!—согласился Стевенсъ, подмигивая своимъ единственнымъ глазомъ.—Я и самъ испыталъ это чувство, будь я проклятъ, если я этого не испыталъ... «Твой на всегда и твой на вѣки!...» какъ говорится въ пѣснѣ.

— Почему вы не хотите пустить меня?—молила Кэтъ,— быть можетъ, у васъ могли тоже быть дочери. Что бы вы сдѣлали, если бы съ ними обращались такъ, какъ со мной? Если бы у меня были деньги, я дала бы вамъ, но у меня нѣтъ ихъ! Пустите меня, и Богъ наградитъ васъ за это доброе дѣло! Быть можетъ, когда вы будете умирать, Онъ проститъ вамъ за это все зло, какое вы сдѣлали въ вашей жизни!

— Боже правый! Какъ она говоритъ!.. Какъ книга!—воскликнулъ Стевенсъ, обращаясь самъ къ себѣ.

— И въ этой земной жизни вы не останетесь въ накладѣ,— продолжала дѣвушка,—смотрите, вотъ мои часы и цѣпочка; я отдамъ ихъ вамъ, если вы дадите мнѣ уйти!

— Дайте посмотрѣть!... Это просто женевскіе часики... не важные,—замѣтилъ онъ съ видомъ знатока.—Что можно дать за нихъ?

— И я обѣщаю вамъ 50 фунтовъ, какъ только вернусь къ своимъ друзьямъ! Пустите меня, добрѣйшій мистеръ Стевенсъ:

вѣдь мой опекунъ можетъ сейчасъ вернуться... Пустите, прошу васъ!

— Видите-ли, миссъ,—торжественно произнесъ Стевенсъ,—обязанность есть обязанность, а служба—служба,—и будь каждый волосокъ вашъ унизанъ алмазами; предложите вы мнѣ обрить наголо вашу голову, я и тогда не согласился бы пропустить васъ въ эти ворота. Что касается вашихъ часовъ, то пусть, если на то пошло, и вы желаете написать пару строкъ вашимъ друзьямъ,—я согласенъ отнести ваше письмо на почту, въ обмѣнъ за эти ваши часики и цѣпочку, хотя это всего только женевскіе часики, и не Богъ вѣсть, какая въ нихъ корысть.

— Ахъ вы добрѣйшій человѣкъ!—воскликнула обрадованная Кэтъ.—У меня есть карандашъ въ карманѣ.—Но какъ быть? У меня нѣтъ ни клочка бумаги!—и она стала жадно оглядываться кругомъ; вдругъ въ кучѣ мусора ей бросился въ глаза лоскутокъ грязной оберточной бумаги. Она радостно схватила его и набросала на немъ мелкимъ, едва разборчивымъ почеркомъ нѣсколько строкъ, изложивъ въ нихъ свое положеніе и моля о помощи.—Адресъ я напишу на оборотѣ,—сказала Кэтъ, а вы, когда придете на почту, купите конвертъ и попросите кого-нибудь переписать этотъ адресъ на конвертъ.

— Я условился только отправить письмо за эти женевскіе часики,—проговорилъ привратникъ,—а не покупать конвертъ, да переписывать адресъ. Хорошенькій это у васъ карандашикъ, вѣрно серебряный или золотой? Ну, если вы и его отдадите въ придачу, такъ я ужъ, такъ и быть, устрою ваше дѣло!...

Кэтъ молча вручила ему и карандашикъ. Наконецъ-то слабый лучъ надежды мелькнулъ ей въ окружающей безпросвѣтной мглѣ. Стевенсъ опустилъ и часы, и карандашикъ въ свой карманъ и взялъ изъ рукъ лоскутокъ бумаги. Въ этотъ моментъ Кэтъ черезъ его плечо увидѣла, что по направленію къ оградѣ аббатства ѣхалъ маленькій шарабанчикъ, запряженный караковымъ пони, въ немъ сидѣла полная румяная дама и маленькій грумъ. Все вмѣстѣ имѣло такой добродушный видъ, что для бѣдной Кэтъ, не видѣвшей за послѣднее время ничего, кромѣ враждебныхъ и злорадныхъ лицъ, видъ этой толстой дамы и ея маленькаго грума произвелъ отрадное, умиротворяющее впечатлѣніе.

— Кто-то ѣдетъ!—крикнулъ Стевенсъ.—Уходите отсюда, живо! Такъ приказалъ хозяинъ!

— Ахъ, позвольте мнѣ остаться, дайте сказать одно слово этой барынѣ!

Но Стевенсъ, схвативъ свою громадную дубину, размахнулся ею, словно собираясь ударить Кэтъ, и свирѣпо крикнулъ: «Уходите прочь!»

Она невольно откинулась назадъ, чтобы избѣжать удара; вдругъ счастливая мысль мелькнула у нея въ головѣ, и Кэтъ бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ, насколько только позволяли ей силы. Едва только она скрылась изъ виду, какъ Стевенсъ досталъ изъ кармана довѣренный ему лоскутокъ бумаги и, старательно изорвавъ его на мельчайшіе кусочки, бросилъ.

XXXIX. Лучъ свѣта.

Кэтъ Харстонъ бѣжала, какъ только могла, черезъ кусты, спотыкаясь и задыхаясь отъ поспѣшности и волненія и не обращая вниманія на ссадины и царапины отъ задѣвавшихъ ее кустовъ. Добѣжавъ до сарайчика, она проворно, какъ кошка взобралась на самый верхъ его крыши. Отсюда можно было видѣть на большомъ протяженіи и пыльную проѣзжую дорогу, и уходившую вдаль линію желѣзнодорожнаго полотна, но маленькаго шарабанчика, запряженнаго пони, нигдѣ не было видно.

Впрочемъ, она и не ожидала еще увидѣть его, такъ какъ бѣжала кратчайшимъ путемъ, а экипажу приходилось описать довольно большой крюкъ; къ тому же маленькая лошадка бѣжала мелкой рысцой. Но дорога, по которой катился маленькій экипажъ, сходилась подъ прямымъ угломъ съ той дорогой, которая пролегала мимо того мѣста стѣны, гдѣ находился сарайчикъ. Полная дама могла проѣхать и прямо, но могла также свернуть и сюда. Сердце Кэтъ замирало отъ неизвѣстности, когда она впивалась глазами въ перекрестокъ дорогъ. Но вотъ до ея слуха донесся скрипъ колесъ на пескѣ,—и маленькій экипажикъ выѣхалъ изъ-за угла. Доѣхавъ до перекрестка, дама, державшая вожжи, какъ будто остановилась въ нерѣшимости, какъ ей ѣхать дальше, но затѣмъ тряхнула вожжами и поѣхала прямо, не свернувъ на дорогу, пролегавшую мимо стѣны. При видѣ этого Кэтъ отчаянно вскрикнула: послѣдній лучъ надежды угасъ въ ея душѣ.

Къ счастью, маленькій грумъ былъ въ томъ счастливомъ возрастѣ, когда нашъ слухъ острѣе и впечатлительность сильнѣе, чѣмъ у взрослыхъ людей. Онъ услыхалъ отчаянный крикъ

и, оглянувшись назадъ, увидѣлъ сквозь деревья рощицы блѣдную дѣвушку, смотрѣвшую поверхъ стѣны, идущей вдоль дороги, которую они только-что пересѣкли; онъ сказалъ объ этомъ своей госпожѣ.

— Не лучше ли намъ, барыня, вернуться?—сказалъ онъ.

— А, можетъ быть, намъ именно и не слѣдуетъ этого дѣлать, Джонъ, — возразила полная дама. — Вѣдь люди могутъ смотрѣть черезъ свои заборы, а намъ нельзя же вмѣшиваться въ это!

— Правда, но она какъ будто окликала насъ!

— Нѣтъ, Джонъ! Развѣ, можетъ быть, тамъ идетъ частная дорога, и она кричала намъ, что мы не должны ѣхать по ней!

— Нѣтъ, она вскрикнула, точно звала на помощь,—сказалъ Джонъ увѣренно,—точно ей грозила опасность!

— Если такъ, то повернемъ назадъ!—проговорила полная дама и повернула пони.

Такимъ образомъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Кэтъ уже начала спускаться съ тяжелымъ сердцемъ со своего обсерваціоннаго пункта, она вдругъ увидала караковаго пони, возвращающагося обратно къ перекрестку дорогъ и сворачивающаго на дорогу мимо ограды. Лицо дѣвушки при этомъ такъ страшно поблѣднѣло и приняло такое выраженіе необъяснимаго облегченія, что полная дама, смотрѣвшая на нее изъ экипажа, сразу поняла, что что-то необычайное заставило эту дѣвушку окликнуть ее.

— Что такое, моя дорогая? — спросила она, задержавъ лошадь въ тотъ моментъ, когда поравнялась съ Кэтъ; доброе сердце ея было уже тронуто скорбнымъ и молящимъ выраженіемъ дѣвушки.

— Ахъ, сударыня, кто бы вы ни были!—проговорила Кэтъ тихимъ, торопливымъ полушепотомъ,—я вѣрю, что самъ Богъ послалъ васъ сюда! Я заперта здѣсь, въ этой оградѣ; меня лишили свободы и скрываютъ отъ людей; если ко мнѣ не подоспѣетъ во время помощь, меня умертвятъ!..

— Умертвятъ! — воскликнула полная дама. — Боже мой! Неужели это правда?!

— Это истинная правда!—сказала Кэтъ, стараясь говорить спокойно и толково.—Мой опекунъ заперъ меня въ этихъ стѣнахъ вотъ уже нѣсколько недѣль, и я слышала отъ него же, что онъ рѣшилъ не выпускать меня живой отсюда. Бога ради, не думайте, что я помѣшанная: онъ умышленно распространяетъ о

мнѣ этотъ слухъ, чтобы оправдать свои насилія надо мной. Я также здорова и тѣломъ, и душой, какъ вы сами, хотя, видитъ Богъ, мнѣ пришлось пережить столько за послѣднее время, что можно было и въ самомъ дѣлѣ помѣшаться!

Послѣднія слова Кэтъ произнесла какъ бы въ отвѣтъ на тревожное и недовѣрчивое выраженіе, появившееся на лицѣ ея собесѣдницы. И на этотъ разъ ея слова подѣйствовали убѣдительно на незнакомку.

— Можете смѣло сказать мнѣ все, дорогая моя, и все, чѣмъ могу помочь вамъ, я охотно сдѣлаю для васъ, а чего я сама не смогу сдѣлать, то сдѣлаютъ мои друзья въ Лондонѣ. Меня зовутъ мистриссъ Лавинія Скелли... Не плачьте, дорогая, а скорѣе разскажите мнѣ все; посмотримъ, чѣмъ можно помочь горю!

Ободренная этими ласковыми словами Кэтъ поспѣшно отерла свои слезы и, наклонясь впередъ, чтобы лучше было слышно, въ краткихъ словахъ сообщила, что произошло съ нею. Она описала настойчивое требованіе опекуна о выходѣ замужъ за его сына, свой отказъ и внезапный отъѣздъ изъ Лондона; ихъ жизнь въ этомъ аббатствѣ, полное разобщеніе со всѣми людьми, строжайшій надзоръ надъ нею, невозможность призвать кого-либо на помощь и тѣ причины, которыя породили въ ней увѣренность, что онъ рѣшилъ покуситься на ея жизнь. Въ заключеніе она разсказала и сцену нынѣшняго утра, когда ея опекунъ старался склонить ее къ самоубійству. Единственно, о чемъ она совершенно умолчала,—это о приключеніи съ привидѣніемъ этой ночи, такъ какъ чувствовала, что эта странная исторія могла бы возбудить недовѣріе въ мистриссъ Скелли къ ея тяжелой повѣсти.

Закончивъ свой разсказъ, она стала умолять свою собесѣдницу дать знать ея друзьямъ въ Лондонѣ, что съ нею сталось и гдѣ она находится. Мистриссъ Скелли слушала ее то съ глубочайшимъ сочувствіемъ, то съ нескрываемымъ негодованіемъ. Когда Кэтъ замолчала, она съ минуту сидѣла молча, погруженная въ свои думы, нервно и злобно размахивая своимъ бичемъ, при чемъ ея до того времени добродушное лицо вдругъ приняло такое неумолимое выраженіе, что молодая дѣвушка стала даже опасаться, не вызвала ли она чѣмъ нибудь ея гнѣвъ. Но когда мистриссъ Скелли подняла глаза и взглянула на Кэтъ, то лицо ея такъ привѣтливо улыбалось, что бѣдная дѣвушка вполнѣ обнадежилась.

— Намъ слѣдуетъ дѣйствовать, не теряя ни минуты времени,—произнесла она,—такъ какъ мы не знаемъ, что они затѣяли! Какъ вы называли вашихъ друзей?

— Докторъ Димсдаль, Филлиморъ Гарденсъ, Кэнсингтонъ!

— У него, кажется, есть взрослый сынъ, если не ошибаюсь?—сказала мистриссъ Скелли.

— Да!—сказала Кэтъ слегка покраснѣвъ..

— Аа...—воскликнула молодая дама, добродушно улыбаясь.—Вотъ въ чемъ дѣло!... Я слышала объ этомъ молодомъ человѣкѣ, слышала также и объ Гирдльстонахъ; это крупная фирма въ Сити; она ведетъ торговлю съ Африкой. Какъ видите, я кое-что знаю уже о васъ!

— Такъ вы знаете Тома!—воскликнула удивленно Кэтъ.

— О, не будемъ разговаривать о Томѣ,—проговорила добродушно дама, а то мы ни до чего серьезнаго не договоримся; а теперь дѣло прежде всего: первымъ долгомъ я сію минуту ѣду въ Бедсворсъ и пошлю телеграмму въ Лондонъ.

— Да благословитъ васъ Богъ за это! — проговорила Кэтъ.

— Но я отправлю ее не въ Филоморъ Гарденсъ, такъ какъ молодые люди въ такихъ обстоятельствахъ по горячности своей дѣлаютъ часто непростительные промахи, а въ данномъ случаѣ требуется большая обдуманность и осторожность. Я знаю одного господина въ Лондонѣ, который какъ разъ такого сорта человѣкъ, какой намъ нуженъ и который, какъ я знаю, проявитъ полную готовность помочь въ бѣдѣ женщинѣ. Это отставной офицеръ, маіоръ Клеттербекъ!

— Ахъ, я знаю его, слышала о немъ,—сказала Кэтъ,—и теперь припоминаю, что слышала ваше имя, въ связи съ его именемъ!

Теперь была очередь за мистриссъ Скелли покраснѣть.

— Не будемъ говорить объ этомъ,—проговорила она,—въ настоящій моментъ важно то, что на маіора можно вполнѣ положиться, и что по первому моему слову онъ будетъ здѣсь. Я сообщу ему важнѣйшіе факты и положеніе дѣла, а онъ передастъ, что найдетъ нужнымъ, мистеру Димсдаль. До свиданья, милая! Мужайтесь и не падайте духомъ, знайте, что у васъ теперь есть друзья, которые о васъ думаютъ и постараются спасти васъ безъ промедленія. Прощайте!—сказала она, и сдѣлавъ рукою знакъ привѣтствія, тронула пони, который крупной рысью побѣжалъ по направленію къ Бедсворсу.

XL. Маіоръ получилъ письмо.

Въ четыре часа по полудни Гирдльстонъ вошелъ въ почтово-телеграфную контору мѣстечка Бедсворсъ и отправилъ сыну краткую депешу слѣдующаго содержанія: «Случай безнадежный. Пріѣзжай завтра съ докторомъ». По полученіи этого увѣдомленія, онъ зналъ, что, по условію, сынъ тотчасъ же поспѣшитъ пріѣхать въ сопровожденіи наемнаго убійцы, о которомъ онъ говорилъ при послѣднемъ свиданіи. Теперь ужъ ничего болѣе не оставалось, какъ только вызвать смерть дѣвушки; всѣ остальныя средства были испробованы, и откладывать дальше было невозможно. Крахъ могъ случиться раньше, чѣмъ они получатъ законное право располагать деньгами, и тогда всѣ сожалѣнія будутъ напрасны.

Ему думалось, что въ этомъ дѣлѣ онъ почти ничѣмъ не рисковалъ. Дѣвушка не имѣла сношеній рѣшительно ни съ кѣмъ. Даже люди, непосредственно жившіе съ ней, не могли быть опасны: мистриссъ Жерроксъ была убѣждена въ ея безуміи, Ребекка Тайлфорсъ была вполнѣ надежна и предана, а Стевенсъ не зналъ рѣшительно ничего. Окрестные же поселяне знали, что здѣсь живетъ больная, и потому никому не могло показаться подозрительнымъ, что это больная умерла. Гирдльстонъ не смѣлъ принимать мѣстнаго врача, но его изобрѣтательный умъ нашелъ другое средство обойти это затрудненіе, такое, благодаря которому ни врачи, ни слѣдователь не могли бы никакимъ образомъ доискаться истины. Если все обойдется благополучно, т. е. такъ, какъ онъ намѣтилъ, то трудно было допустить возможность открытія преступленія. Будь еще онъ несостоятельнымъ человѣкомъ, могло бы, пожалуй, явиться какое нибудь подозрѣніе, но съ его репутаціей богача никому и въ голову не могло придти, чтобы имъ руководили корыстныя цѣли.

Отправивъ телеграмму и принявъ такимъ образомъ окончательное рѣшеніе, Джонъ Гирдльстонъ почувствовалъ себя болѣе спокойнымъ. Онъ положительно гордился своей энергіей и рѣшительностью. И въ то время, какъ онъ медленно и важно шествовалъ по главной улицѣ деревни, сердце его было переполненно чувствомъ самоуваженія при мысли о той долгой и упорной борьбѣ, которую онъ съ честью поддерживалъ противъ надвигавшагося на него разоренія и

несчастья. Онъ перебиралъ въ своей памяти всѣ спекуляціи, дѣловыя комбинаціи, хитрости и уловки, къ какимъ въ послѣднее время прибѣгала фирма,—и несмотря на грозившую со всѣхъ сторонъ опасность и на всѣ трудности, фирма Гирдльстонъ до сихъ поръ все еще высоко несла голову и стояла въ ряду самыхъ лучшихъ и самыхъ прочныхъ предпріятій и должна была въ концѣ концовъ выйти съ честью изъ боя. Онъ съ гордостью помышлялъ о томъ, что въ цѣломъ Лондонѣ не было другого человѣка, кто бы съ такимъ упорствомъ, съ такой настойчивостью, съ такой отчаянной рѣшимостью отстаивалъ проигранное почти дѣло, въ теченіе цѣлыхъ двѣнадцати долгихъ мѣсяцевъ.

— Если когда нибудь кто нибудь вздумалъ бы занести все это въ книгу, то я полагаю, немногіе повѣрили-бы, что все это было правда. Нѣтъ, я могъ сдѣлать это не своей силой, а помощью Божіей!

Этотъ человѣкъ не сознавалъ даже, что онъ кощунствуетъ. Онъ былъ также искренно убѣжденъ въ этомъ, какъ тѣ фанатики вѣры, которые въ исторіи народовъ сжигали, грабили, разоряли и уничтожали людей, совершая всевозможныя преступленія во имя Бога мира и милосердія, и ставили себѣ это въ заслугу.

Когда онъ уже былъ на полъ-пути къ аббатству, ему попался на встрѣчу быстро мчавшійся шарабанчикъ, запряженный маленькимъ пони, несшимся во весь духъ по направленію къ Бедсворсу. Лошадкой правила красивая, полная дама среднихъ лѣтъ, подлѣ которой сидѣлъ маленькій грумъ. Старый коммерсантъ встрѣтился съ ними вдоль опушки лѣса и посторонился, сколько могъ, но полная дама смотрѣла на него такъ злобно и такъ гнѣвно и рѣзко передернула возжи, что круто повернувшійся экипажъ чуть не переѣхалъ своими задними колесами пальцы ногъ пѣшехода. Онъ спасся только тѣмъ, что спрыгнулъ въ придорожную канаву, но когда взглянулъ себѣ на ноги, то увидѣлъ, что его свѣтло-сѣрыя брюки были сплошь забрызганы грязью. Но что еще болѣе удивило его, такъ это громкій смѣхъ незнакомки и грума, которымъ они встрѣтили это приключеніе. Гирдльстонъ вышелъ изъ канавы и продолжалъ свой путь къ аббатству, внутренно удивляясь врожденной злобности и жестокости невоспитанныхъ людей.

Добрѣйшая мистриссъ Скелли и не подозрѣвала даже

той серьезной опасности, какая грозила бѣдной Кэтъ. Если бы она видѣла только что отправленную Гирдльстономъ сыну телеграмму, то весьма возможно, что съумѣла бы прочесть между строкъ и, дѣйствуя съ большей таинственностью, могла бы успѣть предотвратить страшное преступленіе. Но теперь, при всемъ ея сочувствіи къ бѣдной дѣвушкѣ, уважаемая женщина приписала большую долю печальной повѣсти Кэтъ разстроенному воображенію и преувеличеннымъ страхамъ. Ей казалось совершенно невозможнымъ, чтобы въ наши дни могли совершаться подобныя вещи въ просвѣщенной Англіи. Что такого рода вещи бываютъ гдѣ-то, съ этимъ мы готовы согласиться, но намъ трудно повѣрить, что они могутъ случиться тутъ, подлѣ насъ, почти на нашихъ глазахъ. Потому мистриссъ Скелли ни придала особаго значенія опасеніямъ Кэтъ относительно опасности, грозящей ея жизни, но она считала страшной и возмутительной несправедливостью, что бѣдную дѣвушку заперли въ стѣнахъ этого аббатства, лишили возможности видѣться съ друзьями, даже возможности писать имъ и отрѣзали отъ всего живого міра, никого не допуская къ ней. Только эти соображенія, а ничто иное побудили привлекательную вдову придти на помощь бѣдной дѣвушкѣ и извѣстить о ней ея друзей. Ея первое намѣреніе было отправить въ Лондонъ телеграмму, но на пути въ Бедсворсъ она сообразила, какъ трудно ей будетъ изложить все, что нужно, въ телеграммѣ. Письмо же,—размышляла она,—если его отправить сейчасъ же, получится маіоромъ въ субботу утромъ съ первою почтой, т. е. нѣсколькими часами позже телеграммы. А какую разницу могли составить для Кэтъ въ ея положеніи еще нѣсколько часовъ больше или меньше, если у нея уже была надежда на освобожденіе! Ввиду всего этого она рѣшила лучше написать письмо маіору и изложить ему всѣ обстоятельства дѣла, а затѣмъ предоставить ему дѣйствовать, какъ знаетъ.

Мистриссъ Скелли на почтѣ всѣ хорошо знали, а потому тотчасъ-же предоставили все, что требуется для письма. Она расположилась тутъ же у столика и, четверть часа спустя, нижеслѣдующее письмо было написано, запечатано и опущено въ ящикъ.

«Дорогой Тоби!

Боюсь, что твой искусъ кажется тебѣ слишкомъ долгимъ. Бѣдняжка! Что-то ты дѣлаешь? Ни билльярда, ни картъ, ни

игры на бѣгахъ? Какъ только коротаете день? Курите, полагаю папиросу за папиросой, да поглядываете въ окно и жалуетесь на свое горе доброму фонъ Баумзеру?! Можетъ быть, даже жалѣете о томъ, что познакомились съ жиличкой второго этажа г-жи Моррисонъ! Бѣдный Тоби! А какъ вы думаете, кого я здѣсь повстрѣчала, дорогой мой?—Миссъ Харстонъ, ту, что находится на попеченіи у старика Гирдльстона, о которой вы мнѣ говорили, и, помнится, восхищались ей. Вы бы не узнали ее теперь: до того она худа, блѣдна и слаба. Но все-же личико ея такое милое и прелестное, что дѣлаетъ честь вашему вкусу. Да и какъ могло быть иначе послѣ того, какъ вы доказали его, остановивъ на мнѣ свой выборъ?! Опекунъ привезъ ее сюда и заперъ въ страшномъ уединенномъ ото всѣхъ, запущенномъ старомъ аббатствѣ, за высокой каменной оградой. Ей не съ кѣмъ поговорить, не позволяютъ даже писать; къ ней никого не допускаютъ и держатъ въ полнымъ затворничествѣ. Она страшно разстроена тѣмъ, что никто изъ ея друзей не знаетъ, гдѣ она находится, и боится, что они могутъ подумать, что она добровольно отказалась отъ нихъ. Понятно, своими друзьями она главнымъ образомъ считаетъ молодого Димсдаля, о которомъ вы говорили мнѣ. Бѣдняжка страшно пришиблена и разстроена; она говорила мнѣ, черезъ стѣну парка, что опасается, какъ бы ея опекунъ не покусился на ея жизнь. Я едва могу повѣрить этому; во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что живется ей очень плохо; вѣдь, достаточно запереть такъ человѣка, чтобы свести его съ ума. Мы должны непремѣнно вырвать ее оттуда такъ или иначе! Но я полагаю, что ея опекунъ въ своемъ правѣ увезти ее, куда угодно, и вмѣшательство полиціи въ данномъ случаѣ ни къ чему не приведетъ. Обдумайте, дорогой, что тутъ можно сдѣлать, и если найдете нужнымъ, извѣстите объ этомъ молодого Димсдаля. Онъ, конечно, захочетъ пріѣхать сюда, чтобы видѣть ее, и если мой Тоби также пріѣдетъ съ нимъ, то я не буду этимъ огорчена!

Я хотѣла телеграфировать, но въ депешѣ не съумѣла бы высказать всего того, что нужно. Бѣдная дѣвочка въ ужасномъ положеніи и, право, мы не должны щадить ни силъ, ни энергіи, чтобы спасти ее. Мнѣ было ужасно тяжело слышать, съ какой она несомнѣнной увѣренностью говорила, что

ея опекунъ хочетъ лишить ее жизни, хотя и не указала мнѣ причинъ, заставляющихъ ее предполагать это...

«Мы видѣли отвратительнаго одноглазаго человѣка у рѣшетчатыхъ чугунныхъ воротъ аббатства, который былъ, повидимому, на стражѣ и имѣлъ приказаніе никого не допускать даже близко къ оградѣ. А на пути сюда въ Бедсворсъ встрѣтили и самаго мистера Гирдльстона и загнали его въ грязную канаву. Конечно, это было очень не хорошо и неприлично, и я отсюда вижу, какъ мой Тоби усмѣхается!

До свиданья, мой милый мальчикъ! Будь столь добръ, сколько ты только можешь быть! Я знаю, что ты въ послѣднее время немного отвыкъ отъ геройскихъ подвиговъ, но необходимость рождаетъ героевъ, а старая привычка творитъ чудеса!

Ваша Лавинія Скелли.

Случайно въ то утро, когда получилось это письмо, фонъ Баумзеръ не отправился въ свою контору въ Сити. Маіоръ только что окончилъ свой туалетъ и расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ съ папиросой въ зубахъ. Въ рукахъ у него была «United Service Gazette» и онъ многорѣчиво распространялся о фаворитизмѣ въ кавалеріи и объ упадкѣ службы въ арміи, какъ это обыкновенно дѣлаютъ военные.

— Нѣтъ, ты только посмотри на этого господина,— горячился онъ, хлопая по газетѣ,—они произвели его въ генералъ-лейтенанты! Да слыханное ли это дѣло?! Такого шалопая, глупѣйшую тупицу во всемъ полку! Человѣкъ совсѣмъ не видалъ службы и не нюхалъ пороха, а они выдвигаютъ его впередъ! Этакъ не мудрено, что Англійская армія пойдетъ къ чорту. Да, сэръ,—прямо таки—къ чорту!

— Это должно быть весьма непріятная перспектива для чорта!—проговорилъ фонъ Баумзеръ, наливая себѣ чашку кофе.

Маіоръ продолжалъ сердито ходить взадъ и впередъ.

— Вотъ почему мы никогда не можемъ вести удовлетворительно войны съ европейскимъ непріятелемъ,—продолжалъ онъ.—Нашъ успѣхъ всегда половинный и ни къ чему не приводитъ. Между тѣмъ у насъ превосходнѣйшій сырой матеріалъ и величайшая индивидуальная способность биться, а также отвага, какой нѣтъ ни въ одной арміи въ мірѣ!

— Конечно, не считая арміи его Величества Кайзера Вильгельма!—вставилъ фонъ Баумзеръ со ртомъ, наби-

тымъ булкой.—Вотъ прислуга съ письмомъ! Будемъ надѣяться, что это мои деньги изъ Франкфурта!

— Готовъ побиться о закладъ, что это письмо ко мнѣ!

— Ахъ, вы не должны биться о закладъ! Помните, вамъ запрещено это,—воскликнулъ фонъ Баумзеръ,—хотя вы правы на этотъ разъ: письмо вамъ и оттуда, откуда вамъ всего интереснѣе, полагаю!

Это было то самое письмо, съ которымъ мы уже успѣли ознакомиться. Маіоръ прочелъ его весьма внимательно, затѣмъ перечелъ еще разъ. Фонъ Баумзеръ, наблюдавшій за нимъ черезъ столъ, замѣтилъ озабоченное и встревоженное выраженіе на его лицѣ.

— Надѣюсь, ничего дурного не случилось съ нашимъ добрымъ другомъ, *madame* Скелли?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, съ ней ничего не случилось, а случилось нѣчто дурное съ другой женщиной!—маіоръ прочелъ своему другу всю ту часть письма, которая касалась Кэтъ Харстонъ.

— Это плохая шутка, совсѣмъ плохая!—проговорилъ нѣмецъ; оба сидѣли нѣкоторое время молча, предаваясь размышленіямъ.

— Ну, что ты думаешь объ этомъ?—спросилъ, наконецъ, маіоръ.

— Я думаю, что дѣло обстоитъ гораздо хуже, чѣмъ думаетъ наша добрѣйшая *madame*,—серьезно отвѣчалъ Баумзеръ.—Думаю, что если эта барышня утверждаетъ, что мистеръ Гирдльстонъ хочетъ лишить ее жизни, то весьма вѣроятно и возможно, что онъ дѣйствительно имѣетъ это намѣреніе!

— Правда, онъ не такой человѣкъ, чтобы задумываться надъ пустяками!—сказалъ злобно маіоръ.—Но что можетъ побудить его къ такому дѣлу?

— Деньги. Что же иначе? Вѣдь, я уже давно говорилъ вамъ, дорогой другъ, что уже съ годъ, какъ дѣла фирмы очень плохи. Объ этомъ пока еще не знаютъ, но я то это знаю, да и другіе тоже! А эта дѣвушка, какъ я слышалъ, имѣетъ деньги, которыя, въ случаѣ ея смерти, должны перейти къ старику Гирдльстону. Понимаете? Это такъ же ясно, какъ пять пальцевъ на моей рукѣ!

— Клянусь св. Георгіемъ! Это дѣло пахнетъ уголовщиной!—воскликнулъ маіоръ, шагая по комнатѣ.—Я вѣрю, что этотъ старый ханжа и его красавчикъ сынъ—такія птицы,

что готовы на что угодно. Лавинія смотритъ на это дѣло слишкомъ легко. Только подумать, что есть на свѣтѣ такіе негодяи, которые могутъ наложить руки на эту милую дѣвушку! Право, Баумзеръ, вся кровь во мнѣ кипитъ при мысли объ этомъ.

— Это очень похвально, конечно, со стороны вашей крови, дорогой другъ, но только я не вижу, на сколько это можетъ помочь этой бѣдной миссъ! Обсудимъ этотъ вопросъ практически и рѣшимъ, что намъ дѣлать.

— Я хочу тотчасъ же разыскать молодого Димсдаля. Онъ имѣетъ право первый узнать объ этомъ!

— Да, его надо разыскать, и, конечно, онъ и вы тотчасъ-же отправитесь туда. Я знаю этого молодого человѣка! Его ни за что не удержать, какъ только онъ узнаетъ объ этомъ. Вы также должны поѣхать съ нимъ, чтобы помѣшать ему надѣлать какихъ-нибудь глупостей, а также и для того, чтобы сдѣлать такъ, какъ говоритъ въ своемъ письмѣ добрѣйшая мадамъ Скелли!

— Да, да, конечно! Мы поѣдемъ туда вмѣстѣ. Одинъ изъ насъ постарается увидѣть молодую дѣвушку и узнать, въ какой помощи она нуждается. И будь у нея хоть сто опекуновъ, она не останется безъ помощи; если мы не выкрадемъ ее однимъ махомъ, то не будь я Тобія Клеттербекъ!

— Вы не должны забывать, мой другъ, что это—люди отчаянные, и если они рѣшились убить дѣвушку, то убить мужчину или двухъ не задумаются. Мы не знаемъ даже, сколько ихъ тамъ можетъ быть. Тамъ, конечно, находится Гирдльстонъ, его сынъ и этотъ одноглазый человѣкъ, о которомъ пишетъ madame Скелли. Но неизвѣстно, сколько еще ихъ есть въ домѣ. Кромѣ того, не забудьте, что и полиція будетъ не на вашей сторонѣ, а скорѣе даже противъ васъ, такъ какъ пока еще нѣтъ явныхъ уликъ въ покушеніи на убійство. Если вы подумаете о всемъ этомъ, то я увѣренъ, что согласитесь со мной, что хорошо было бы прихватить съ собой на всякій случай нѣсколько человѣкъ надежныхъ людей, которые пошли бы за вами въ огонь и въ воду!

Маіоръ такъ занялся приготовленіемъ къ отъѣзду, что могъ только отвѣтить своему другу утвердительнымъ кивкомъ.

— А откуда мнѣ раздобыть такихъ людей? — спросилъ онъ.

— Во-первыхъ я,—сказалъ нѣмецъ, отсчитывая по пальцамъ,—да еще нѣсколько человѣкъ изъ нашего товарищества, которые изъявятъ полную готовность принять участіе въ подобномъ дѣлѣ и на которыхъ вполнѣ можно положиться. Вотъ хоть бы Фрицъ Бюлловъ изъ Киля и одинъ русскій, имени котораго я не могу упомнить; онъ прекраснѣйшій человѣкъ. Въ Одессѣ онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, его, навѣрное, повѣсили бы, если бы только могли поймать. Есть еще и другіе, только ихъ трудно будетъ собрать съ разныхъ концовъ города, а эти двое живутъ вмѣстѣ и въ настоящее время имъ абсолютно нечего дѣлать.

— Такъ притащи ихъ съ собою,—проговорилъ маіоръ.— Возьми экипажъ и пріѣзжай вмѣстѣ съ ними на Ватерлоовскій вокзалъ, откуда отходитъ поѣздъ въ Бедсворсъ. Я привезу туда Димсдаля, и мы встрѣтимся на станціи. Мнѣ кажется, что намъ нельзя терять времени,—добавилъ онъ, уже собираясь уходить. Онъ былъ совершенно готовъ; фонъ Баумзеръ накинулъ пальто и надѣлъ шляпу, затѣмъ досталъ изъ угла толстую увѣсистую дубину и сказалъ.—Нѣчто подобное можетъ намъ тамъ понадобиться!

— У меня съ собой мой шестизарядный револьверъ,—сказалъ маіоръ, ощупывая боковой карманъ,—и оба вмѣстѣ вышли изъ дома. Фонъ Баумзеръ покатилъ въ Истъ-Эндъ, гдѣ обитали его политическіе друзья, а маіоръ вскочилъ въ экипажъ и помчался прежде всего въ Филлиморъ-Гарденсъ, а оттуда въ контору фирмы Гирдльстонъ въ Сити, но, нигдѣ не заставъ молодого Димсдаля, рѣшилъ прямо ѣхать на вокзалъ, чтобы въ крайнеймъ случаѣ уѣхать со слѣдующимъ поѣздомъ хоть одному. По пути къ вокзалу онъ столкнулся, какъ уже было описано, съ молодымъ Димсдалемъ.

Письмо, полученное маіоромъ, было положительно ударомъ грома для Тома; въ худшихъ своихъ опасеніяхъ и предположеніяхъ онъ никогда не заходилъ такъ далеко. Безъ оглядки спѣшилъ онъ теперь обратно на станцію и несся такъ быстро, что бѣдный маіоръ, задыхаясь и пыхтя, съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ, постепенно отставая все больше и больше. Тѣмъ не менѣе онъ былъ доволенъ и возбужденъ. По пути Томъ разсказалъ ему свое недавнее приключеніе здѣсь на вокзалѣ, отъѣздъ Эзры Гирдльстона и его рыжебородаго товарища. При вѣсти объ этомъ лицо

маiора сильно омрачилось, и на немъ появилось выраженiе сильной тревоги.

— Молите Бога, чтобы мы не прiѣхали слишкомъ поздно!—задумчиво проговорилъ онъ.

XLI. Тучи сгущаются.

Когда Кэтъ облегчила свою душу передъ вдовою Скелли и заручилась содѣйствiемъ этой доброй женщины, громадная тяжесть свалилась съ ея души, и она спустилась съ крыши сарайчика совершенно другой женщиной, обновленной и возрожденной. Горе и ужасъ всѣхъ этихъ долгихъ дней пройдутъ, какъ сонъ. Черезъ день, она была въ томъ увѣрена, Томъ или маiоръ прiѣдутъ сюда и найдутъ средство вырвать ее изъ этой тюрьмы,—и эта мысль до того оживляла ее, что даже краска румянца снова выступила у нея на щекахъ, и она даже стала напѣвать, идя домой въ это унылое и мрачное зданiе аббатства. Мистриссъ Жерроксъ и Ребекка сразу замѣтили въ ней перемѣну и удивлялись. Кэтъ на радостяхъ даже хотѣла помочь старухѣ по хозяйству, но старая карга рѣзко и грубо отказалась отъ помощи. Ребекка также отвѣчала коротко и отрывисто, когда Кэтъ обращалась къ ней, и смотрѣла на нее въ высшей степени недружелюбно.

— Вамъ не Богъ вѣсть, что отъ того приключилось!—ядовито замѣтила молодая служанка,—что вы по ночамъ всякiя страсти видѣли!

— Ахъ, не говорите объ этомъ, Ребекка!—проговорила Кэтъ.—Я, право, боюсь, что совершенно напрасно такъ напугала всѣхъ; но, право, мнѣ было далеко не хорошо, даже очень нехорошо въ эту ночь; возможно, впрочемъ, что мнѣ все это только причудилось. Но тогда я видѣла его также ясно, какъ вижу васъ теперь!

— Что она говоритъ?—спросила мистриссъ Жерроксъ, приложивъ руку къ уху.

— Она говоритъ, что видѣла привидѣнiе вчера ночью, такъ же явственно, какъ сейчасъ видитъ васъ.

— Все это глупости!—пробормотала старуха, гремя своими сковородками и кастрюльками,—я здѣсь жила много раньше ея въ этомъ домѣ, жила одна одинешенька и никакихъ привидѣнiй не видала. Это она отъ нечего дѣлать

не знаетъ, на что жаловаться, такъ и говоритъ, что ее тревожатъ привидѣнія.

— Да нѣтъ-же, я вовсе не жалуюсь!—весело воскликнула Кэтъ,—право, не жалуюсь!

— Это какъ разъ на нее похоже; вѣчно она противорѣчитъ, что ни скажу!—сипло прохрипѣла старуха.—Всегда противорѣчитъ!

— Ну, вы не въ добромъ духѣ сегодня,—замѣтила Кэтъ и пошла въ свою комнату, съ прежней безпечной легкостью перескакивая заразъ по двѣ ступеньки.

Ребекка послѣдовала за ней и, замѣчая происшедшую въ ней перемѣну, истолковала ее по своему.

— Вы какъ будто очень повеселѣли теперь,—сказала она, стоя въ дверяхъ комнаты Кэтъ и заглядывая въ комнату съ горькой усмѣшкой на губахъ.—Завтра, вѣдь, суббота!

— Такъ что жъ изъ того, что завтра суббота?—спросила Кэтъ съ непритворнымъ удивленіемъ.

— Ну, да, вы прекрасно знаете, что я хочу сказать, нечего прикидываться, будто вы не знаете!

Тонъ и манера Ребекки были такъ дерзки и вызывающи, что Кэтъ не могла придти въ себя отъ изумленія.

— Я положительно не имѣю ни малѣйшаго представленія о томъ, что вы хотите сказать!—проговорила она совершенно спокойно.

— Въ самомъ дѣлѣ?!—воскликнула Ребекка, подпершись руками въ бока и насмѣшливо глядя въ лицо своей молодой госпожѣ.—Скажите, пожалуйста, она, видите-ли, не знаетъ, что я хочу сказать! Не знаетъ, что завтра пріѣдетъ ея кавалеръ! Не знаетъ, что мистеръ Эзра каждую субботу ѣдетъ нарочно сюда, такую даль, изъ Лондона, чтобы только поглядѣть на нее! И она еще будетъ говорить, что не это ее такъ веселитъ! Ахъ, двуличная тварь!..

Лицо молоденькой служанки было искажено злобой и она съ бѣшеной силой сжимала свои кулаки, словно готовясь накинуться на Кэтъ.

— Ребекка!—крикнула молодая дѣвушка,—я, право, думаю, что вы совершенно лишены разсудка! Потрудитесь не забывать, что вы моя служанка, а я ваша госпожа! Какъ вы осмѣливаетесь говорить со мной такимъ тономъ!? Сію же минуту уйдите отсюда!..

Но горничная продолжала стоять на своемъ мѣстѣ, слов-

но не слыша. Тогда Кэтъ двинулась къ ней съ такимъ рѣшительнымъ и гнѣвнымъ видомъ и жестомъ, полнымъ достоинства, указывала ей еще разъ на дверь, что та невольно смутилась и, бормоча что-то сквозь зубы, удалилась въ свою комнату. Кэтъ заперла за нею дверь, затѣмъ, давъ волю своему смѣху, разсмѣялась впервые съ тѣхъ поръ, какъ переступила порогъ этого аббатства. Ей казалось до того смѣшно, будто можно было думать, что мысль увидѣть Эзру могла веселить ее, что она положительно не могла удержаться отъ смѣха при воспоминанiи о словахъ Ребекки. Но одна мимолетная мысль о немъ разомъ положила конецъ ея веселости. Да, дѣвушка говорила правду; завтра онъ явится сюда, но, быть можетъ, ея друзьямъ удастся прiѣхать раньше него. Дай-то Богъ!

День былъ холодный, но ясный. Изъ ея окна были видны бѣлоснѣжные паруса Хампширскихъ рыбачьихъ лодокъ, колыхавшiеся на фонѣ темно-синяго моря. Направо вдали виднѣлась бѣлая линiя пѣны; это были песчаныя отмели Виннеръ-Сандсъ. Была пора прилива, и все безобразное болото лежало подъ водой, только тамъ и сямъ нѣкоторыя возвышенности выступали надъ водой, словно темнобурыя спины спящихъ бегемотовъ. Надъ головой у нея пролетала большая стая дикихъ гусей, съ крикомъ направлявшаяся на югъ.

Все кругомъ, казалось, соотвѣтствовало ея собственному настроенiю; все говорило о жизни, и всюду была жизнь; и сама она была такъ полна надежды на свѣтлое будущее, что ей страстно хотѣлось жить. Теперь ей съ трудомъ вѣрилось, что она та самая дѣвушка, которая еще только сегодня утромъ разбила о стѣну бутылку съ ядомъ, чувствуя, что если она не сдѣлаетъ этого, то у нея непремѣнно явится мысль воспользоваться совѣтомъ ея опекуна. А между тѣмъ это было такъ. Вотъ и несомнѣнныя доказательства того, что то было не сонъ; вотъ осколки склянки, на голыхъ доскахъ покрытаго ковромъ пола ея комнаты, и отвратительный, ѣдкiй запахъ зелья, все еще не вывѣтрившiйся. Чтобы избавиться отъ него, она распахнула окно и вдохнула въ себя свѣжiй, холодный воздухъ; все происшедшее представилось ей какимъ-то страшнымъ кошмаромъ. Она не вполнѣ представляла себѣ, что именно предпримутъ друзья для ея спасенiя, но ни минуты не сомнѣвалась, что будетъ спасе-

на и весьма скоро. Ей оставалось только терпѣливо ждать и все будетъ хорошо. Завтра къ ночи, самое позднее, всѣмъ ея страданіямъ придетъ конецъ; въ этомъ она была вполнѣ увѣрена.

То же самое думалъ и старикъ Гирдльстонъ, сидя внизу въ столовой, съ головой, низко опущенной на грудь и глядя изъ подъ своихъ густыхъ, нависшихъ бровей на красные угли въ каминѣ. Завтрашній вечеръ рѣшитъ все дѣло разъ навсегда и безповоротно. Бертъ и Эзра прибудутъ около пяти часовъ, и это будетъ начало конца. Что касается дальнѣйшей судьбы Берта, то о ней заботиться было нечего: онъ все равно былъ погибшій человѣкъ. Если давать ему вволю спирта, то онъ протянетъ недолго и недолго будетъ тревожить ихъ своимъ существованіемъ. Кромѣ того, онъ ничего не могъ выиграть, а только проиграетъ, если бы задумалъ выдать ихъ. Да и какую цѣну могли имѣть показанія такого безпробуднаго пьяницы, не могущаго различить своей галлюцинаціи отъ настоящей дѣйствительности, и какъ могли бы они повредить такому почтенному лицу, какъ глава крупнѣйшей фирмы, ведущей торговлю съ Африкой?! Такимъ образомъ все было предусмотрѣно старымъ коммерсантомъ; кромѣ того, онъ имѣлъ въ головѣ наготовѣ еще одинъ пріемъ, столь ловкій и хитрый, что ни одинъ врачъ и ни одинъ слѣдователь никакимъ образомъ не могъ бы доискаться истины.

Онъ подозвалъ къ себѣ мистриссъ Жерроксъ и спросилъ:

— Въ какомъ часу приходитъ послѣдній поѣздъ?

— Есть поѣздъ, который приходитъ въ Бесворсъ безъ четверти десять!

— Онъ проходитъ мимо нашего парка приблизительно безъ 20 минутъ десять?

— Да, это такъ вѣрно, что можно ставить часы по этому поѣзду!

— Хорошо.—А гдѣ миссъ Харстонъ?

— Наверху, сэръ. Она вернулась веселая, смѣющаяся, прыгала и скакала, словно вчера родилась.

— Смѣялась?—сказалъ съ недоумѣніемъ Гирдльстонъ, сдвинувъ свои косматыя брови.—Она не казалась мнѣ веселой сегодня утромъ. Вы не думаете, что она помѣшалась, какъ вамъ кажется?

— Я ничего объ этомъ не знаю. А вотъ Ребекка пришла

внизъ и жаловалась, что она выгнала ее изъ своей комнаты. Она здѣсь разыгрываетъ хозяйку, что и говорить! Смотрите, она скоро всѣмъ намъ дастъ разсчетъ!

Гирдльстонъ упорно молчалъ, но по лицу его было видно, что онъ былъ крайне удивленъ тѣмъ, что слышалъ.

Въ эту минуту Кэтъ спала крѣпкимъ здоровымъ сномъ. Въ ея годы горе и тревоги скоро забываются. Все это было ужасно мучительно и тяжело, пока приходилось переживать, но теперь, когда уже брежжила заря новой жизни, она просыпалась спокойная и счастливая, съ сердцемъ, полнымъ радости и надежды.

Она чувствовала, что какъ только будетъ свободна, то проститъ отъ всей души и опекуну, и Ребеккѣ, даже Эзрѣ. Она схоронитъ навсегда все это страшное прошлое и никогда больше не будетъ ни говорить, ни вспоминать о немъ.

Все это утро Кэтъ старалась себѣ представить, что въ это время дѣлалось въ Лондонѣ и сколько времени еще пройдетъ прежде, чѣмъ она увидитъ своихъ друзей. Если бы мистриссъ Скелли телеграфировала, то депеша получилась-бы въ Лондонѣ уже прошедшей ночью. Но, вѣроятно, она пошлетъ еще письмо, а письмо получится по утру около 9-ти часовъ!—разсуждала Кэтъ.—Затѣмъ пройдетъ нѣкоторое время, пока маіоръ будетъ розыскивать Тома, послѣ чего они станутъ вмѣстѣ обсуждать, что имъ дѣлать, можетъ быть, даже поѣдутъ посовѣтоваться съ докторомъ Димсдалемъ, и на это у нихъ уйдетъ все утро и часть дня, такъ что они едва-ли будутъ въ Бедсворсѣ раньше вечера.

Къ этому времени Эзра успѣетъ уже уѣхать и будетъ здѣсь. Въ прошлую субботу онъ пріѣхалъ около 5 или 6 часовъ. И какое необъяснимое чувство страха и ужаса овладѣло ею при мысли о встрѣчѣ съ Эзрой! И это чувство вызывало въ ней ничто иное, какъ грубость и жестокость его и то враждебное чувство къ ней, какое она угадывала въ немъ, о грозившей же ей страшной опасности она не имѣла ни малѣйшаго подозрѣнія.

Въ это утро за завтракомъ мистеръ Гирдльстонъ былъ болѣе обыкновеннаго ласковъ и добръ, чѣмъ во всѣ послѣдніе дни, какъ-будто желалъ загладить впечатлѣніе угрожающихъ словъ, сказанныхъ имъ наканунѣ. Ребекка, прислуживавшая у стола, была поражена, слыша, какъ ласково старикъ разговаривалъ съ Кэтъ. Вообще вся его манера была какъ-будто

менѣе сурова и натянута, чѣмъ обыкновенно, потому что теперь, когда, такъ сказать, наступилъ моментъ дѣйствовать, онъ чувствовалъ извѣстный подъемъ духа, какъ это обыкновенно бываетъ у энергичныхъ людей.

— Вамъ бы слѣдовало позаняться изученіемъ ботаники,— сказалъ онъ,—повѣрьте, никогда нельзя слишкомъ многому научиться въ молодости; кромѣ того, всѣ познанія въ области естественныхъ наукъ—учатъ насъ постигать ту удивительную гармонію, какая существуетъ во всей вселенной, а это обогащаетъ умъ и сердце!

— Я бы очень охотно занялась изученіемъ ботаники,—отвѣчала Кэтъ,—но боюсь, что не съумѣю постичь этой премудрости.

— Всѣ лѣса здѣсь полны чудесъ: мельчайшее насѣкомое, мушка или поденка также чудесны, какъ и самый могучій дубъ. Вашъ отецъ очень любилъ растенія и животныхъ!

— Да, помню!—сказала Кэтъ, и лицо ея стало печальнымъ при воспоминаніи объ отцѣ и давно минувшихъ годахъ. Что бы сказалъ ея покойный отецъ,—подумалось ей,—еслибы знакъ, какъ этотъ человѣкъ, сидящій противъ нея, обращался съ ней?! Но не все ли равно теперь, когда, быть можетъ, уже черезъ нѣсколько часовъ она будетъ внѣ его власти!

— Я помню,—продолжалъ Гирдльстонъ,—что въ ту пору, когда мы съ нимъ жили вмѣстѣ въ Сити, будучи еще мальчиками въ ученьи, въ одной общей коморкѣ надъ лавкой,—у него была маленькая морская свинка, которую онъ очень любилъ и съ которой постоянно возился. Все свое свободное время онъ посвящалъ ухаживанію за этой маленькой тварью и, повидимому, это было его единственное удовольствіе. Однажды вечеромъ она бѣжала по полу: я вскочилъ и, наступивъ на нее ногой, раздавилъ ее: я сдѣлалъ это умышленно!

— Бѣдный папа!—воскликнула Кэтъ.

— Я сдѣлалъ это изъ принципа.—«Ты посвящалъ слишкомъ много времени этому маленькому животному,—сказалъ я,—обрати свои помыслы выше, на что-нибудь серьезное»!— онъ былъ ужасно огорченъ и сердитъ, но съ теченіемъ времени одумался и даже благодарилъ меня впослѣдствіи: это былъ для него полезный урокъ.

Кэтъ была до того озадачена этимъ разсказомъ, что нѣсколько времени сидѣла молча, а затѣмъ спросила.

— А сколько вамъ было лѣтъ тогда?

— Такъ, около шестнадцати!

— Такъ вы, значитъ, всегда были такимъ...—она не могла подыскать подходящаго слова, чтобы мягко и вѣжливо выразить свою мысль и замолчала.

— Да, я былъ призванъ еще очень молодымъ,—сказалъ Гирдльстонъ,—и сталъ однимъ изъ избранныхъ уже въ ранней молодости!

— А кто, по вашему мнѣнію, избранные?—спросила Кэтъ нерѣшительно.

— Члены христіанской общины «Первоначальной Троицы»; по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, кто посѣщаетъ церковь въ улицѣ Пербрукъ. Я того мнѣнія, что духовенство въ другихъ церквахъ, гдѣ мнѣ случалось бывать, не проповѣдуетъ такъ непреложное слово Божіе, какъ его проповѣдуютъ тамъ, а потому и не достигаетъ истинной цѣли ученія. Они минуютъ тѣсныя врата и идутъ широкими!

— Въ такомъ случаѣ,—замѣтила Кэтъ,—вы полагаете, что никто не будетъ спасенъ, кромѣ тѣхъ, кто посѣщаетъ церковь въ улицѣ Пербрукъ?

— Да и то еще далеко не всѣ, а быть можетъ только одинъ изъ десяти!—отвѣчалъ коммерсантъ съ оттѣнкомъ самодовольства.

— Въ такомъ случаѣ царство небесное, вѣроятно, очень тѣсно, что въ немъ почти никому нѣтъ мѣста!—проговорила Кэтъ, вставая изъ-за стола.

— Вы думаете пойти куда-нибудь?—спросилъ старикъ.

— Да, я собиралась прогуляться по парку.

— Размышляйте, гуляя, о какомъ-нибудь текстѣ Священнаго Писанія,—сказалъ Гирдльстонъ,—это полезно въ началѣ дня!

— О какомъ же текстѣ вы совѣтуете мнѣ размышлять?—спросила дѣвушка, стоя уже въ дверяхъ и обернувшись къ нему въ полу-оборота съ улыбающимся лицомъ, вся залитая солнечнымъ свѣтомъ, который врывался въ комнату черезъ отворенную ею дверь.

— «И среди жизни мы въ рукахъ смерти!»—проговорилъ старикъ торжественно, но при этомъ голосъ его звучалъ такъ глухо и сурово, что дрожь пробѣжала по всему тѣлу молодой дѣвушки. Впрочемъ, впечатлѣніе это было мимолетное. День былъ такой ясный, свѣтлый, воздухъ такой бодрящій и живительный, что мрачныя думы бѣжали сами собой, а тутъ

еще и спасеніе было близко! Именно въ это утро она хотѣла стряхнуть съ себя всякія черныя мысли и мрачныя предчувствія.

Она спустилась внизъ, въ паркъ, и обмѣнялась нѣсколькими словами съ одноглазымъ привратникомъ: у нея не чувствовалось ни малѣйшаго озлобленія къ этому человѣку; напротивъ, она могла самымъ добродушнымъ образомъ смѣяться надъ его странностями. На этотъ разъ онъ былъ въ очень дурномъ расположеніи духа, вслѣдствіе семейныхъ непріятностей. Его обидѣла жена и даже пустила въ ходъ рукоприкладстово.—«Она обыкновенно сперва сердилась и ругалась; а потомъ уже бралась за кочергу»,—повѣствовалъ ворчливо Стевенсъ,—а теперь прежде всего пустила въ ходъ кочергу и потомъ уже стала ругаться! Просто никакого сладу нѣтъ съ бабой!»...

Кэтъ смотрѣла на его свирѣпое лицо и атлетическую фигуру и думала при этомъ: «какая отчаянно смѣлая женщина должна быть его жена!»

— Это все изъ-за того, что рыбацкія дѣвушки, не могутъ оставить меня въ покоѣ!—сталъ онъ пояснять причину гнѣва своей супруги.—А она этого не выноситъ, убей меня Богъ! Но я то въ этомъ не виноватъ; я всегда имѣлъ какую-то притягательную силу для женщинъ!...

— А отправили вы мое письмо?—спросила Кэтъ.

— Ну, конечно, отправилъ!—былъ отвѣтъ.—Вѣроятно, оно теперь уже въ Лондонѣ,—и единственный глазъ стража такъ быстро забѣгалъ по сторонамъ, что молодая дѣвушка почувствовала ложь и внутренно возблагодарила судьбу за то, что ей было на что надѣяться, помимо увѣренія стараго негодяя.

На дорогѣ никого и ничего не было видно, кромѣ медленно тащившейся простой деревенской телѣги, подлѣ которой плелся худощавый и блѣдный крестьянинъ. Но Кэтъ со времени жестокаго обращенія съ ней подростковъ испытывала къ мѣстнымъ крестьянамъ непріязненное чувство и потому поспѣшила скрыться и пошла по направленію къ сарайчику. Взобравшись на его крышу, она оглядѣла окрестности и вдругъ замѣтила, что по ту сторону стѣны, прижавшись вплотную къ ней, неподвижно стоялъ какой-то мальчуганъ въ курточкѣ, обильно разукрашенной множествомъ свѣтлыхъ пуговокъ. Мальчуганъ стоялъ до того неподвижно, что его можно бы принять

за каменное изваяніе, если бы не глаза, пытливо бѣгавшіе по сторонамъ и, наконецъ, остановившіеся на ней.

— Съ добрымъ утромъ, миссъ!—проговорилъ онъ.

— Добраго утра!—отвѣтила Кэтъ.—Если не ошибаюсь, я видѣла тебя съ мистриссъ Скелли вчера?

— Да, миссъ! Миссъ велѣла мнѣ дожидаться здѣсь и не трогаться съ мѣста, пока вы не придете. Она сказала, что вы непремѣнно придете,—и вотъ я ждалъ здѣсь больше часа!...

— Твоя барыня ангелъ,—проговорила Кэтъ съ искреннимъ увлеченіемъ,—а ты—очень хорошій мальчикъ!

— Что касается барыни, то вы вѣрно сказали: у нея такое сердце, что его хватило бы на троихъ!

Кэтъ не могла не улыбнуться, слушая, съ какой горячностью этотъ мальчуганъ говорилъ про свою госпожу.

— Ты, повидимому, очень любишь ее?

— Какъ мнѣ не любить ее?! Она взяла меня изъ рабочаго дома безъ всякаго свидѣтельства и теперь даетъ воспитаніе! Она послала меня сюда съ порученіемъ!

— А въ чемъ заключается это порученіе?

— Она поручила сказать, что написала письмо вмѣсто того, чтобы телеграфировать, такъ какъ ей надо было такъ много сказать!

— Я сама такъ думала!—сказала Кэтъ.

— Она написала мистеру, который ухаживаетъ за ней, и сказала, что она не сомнѣвается, что онъ пріѣдетъ сегодня; еще сказала, чтобы вы не падали духомъ и дали бы ей знать, если кто обижаетъ васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—проговорила Кэтъ,—можешь передать мистриссъ Скелли, что сегодня опекунъ былъ добрѣе ко мнѣ, чѣмъ всегда, и теперь я полна надежды и ожиданія. Поблагодари ее сердечно отъ меня за доброту и сочувствіе ко мнѣ!

— Хорошо, миссъ! Но скажите, тотъ человѣкъ, тамъ у воротъ не ударилъ васъ?... Тотъ съ бѣльмомъ на глазу?

— Нѣтъ, мой милый мальчикъ, нѣтъ, онъ меня не тронулъ!

Джонъ недовѣрчиво поглядѣлъ на нее.

— Если не тронулъ, тѣмъ лучше!—проговорилъ онъ,—но мнѣ кажется, что вы не изъ тѣхъ, кто любитъ жаловаться, если можно безъ того обойтись; на всякій случай я принесъ вотъ это!—и, разжавъ кулакъ, онъ показалъ Кэтъ большой узловатый кремень, добавивъ.—Если бы онъ васъ тронулъ, я бы ему вышибъ этимъ послѣднее его буркало!

— Не дѣлай ничего подобнаго, милый мой, а бѣги скорѣе домой и будь добрый мальчикъ, какъ твоя милая и добрая госпожа!

— Хорошо, миссъ! Прощайте!

— Прощай, хорошій, благодари мистриссъ Скелли.

Кэтъ проводила его глазами, пока онъ не добѣжалъ до конца стѣны, затѣмъ на минуту пріостановился, какъ бы въ нерѣшимости и, вдругъ, разжавъ свой кулакъ, зашвырнулъ свой камень далеко въ поле, послѣ чего быстро побѣжалъ въ сторону отъ аббатства.

XLII. Три лица въ окнѣ.

Почти подъ вечеръ прибылъ въ аббатство Эзра. Кэтъ видѣла черезъ одно изъ оконъ галлереи, какъ онъ подъѣхалъ въ высокомъ догкартѣ *): подлѣ него сидѣлъ широкоплечій рыжебородый мужчина, а позади, на заднемъ сидѣньѣ, торчалъ, словно птица на сучкѣ, знакомый ей работникъ изъ «Бѣшенаго Быка». Кэтъ бросилась къ окну, услыхавъ звукъ колесъ на пескѣ; у нея мелькнула случайная надежда, что, быть можетъ, ея друзья успѣли пріѣхать раньше, чѣмъ она ихъ ожидала. Но одного взгляда въ окно было достаточно, чтобы убѣдиться въ ошибкѣ. Изъ-за занавѣски она видѣла, какъ они сошли изъ экипажа и вошли въ домъ, тогда какъ шарабанъ повернулъ и покатился обратно къ выѣзду, спѣша опять въ Бедсворсъ.

Она медленно вернулась въ свою комнату, внутренно удивляясь, какого страннаго пріятеля привезъ сюда Эзра и кто такой былъ этотъ пріятель. Дѣвушкѣ бросилось въ глаза, что онъ былъ одѣтъ грязно, представляя собою рѣзкій контрастъ съ молодымъ коммерсантомъ, который всегда былъ даже черезъ мѣру щеголеватъ въ своемъ нарядѣ. Очевидно, этотъ субъектъ намѣревался остаться здѣсь на ночь, такъ какъ они отпустили экипажъ. Кэтъ была отчасти даже рада этому гостю, полагая, что его присутствіе будетъ сдерживать Гирдльстоновъ; несмотря на любезное и ласковое обращеніе старика съ нею въ этотъ день, Кэтъ не могла забыть его словъ въ предыдущее утро и случая съ склянкой яда. И въ ней упорно держалось убѣжденіе, что опекунъ затѣвалъ по отношенію къ ней что-то недоброе. Но теперь она перестала бояться его. Ей ни на

*) Высокій, двухколесный шарабанъ.

минуту не приходило въ голову, что замыселъ старика могъ быть приведенъ въ исполненіе прежде, чѣмъ успѣютъ пріѣхать ея спасители.

По мѣрѣ того, какъ время шло, она становилась все нетерпѣливѣе, нервнѣе и возбужденнѣе. Она сидѣла и шила въ своей комнатѣ, но вскорѣ убѣдилась, что не можетъ съ должнымъ вниманіемъ относиться къ работѣ, и стала нервно ходить взадъ и впередъ по своей маленькой комнатѣ, прислушиваясь къ доносившимся до нея изъ столовой глухимъ звукамъ мужскихъ голосовъ. Говорилъ, повидимому, кто-то одинъ ровнымъ, монотоннымъ голосомъ, и только время отъ времени его прерывалъ другой, громкій и густой голосъ, сильный и могучій, напоминавшій скорѣе грозное рычаніе дикаго хищнаго звѣря, чѣмъ голосъ человѣка. «Это, вѣроятно, голосъ рыжебородаго пріѣзжаго»,—разсуждала Кэтъ и внутренно удивилась о чемъ они могли такъ долго и серьезно бесѣдовать. Вѣроятно, обсуждали какія-нибудь важныя торговыя дѣла или какое-нибудь новое выгодное предпріятіе. Ей припомнилось, что она когда-то слышала, будто нѣкоторые изъ крупнѣйшихъ лондонскихъ биржевиковъ отличались чрезвычайной эксцентричностью, особенно въ отношеніи костюма, и подумала, что, быть можетъ, этотъ рыжебородый, не смотря на свой небрежный нарядъ, могъ быть человѣкомъ весьма состоятельнымъ.

Она рѣшила весь вечеръ не выходить изъ своей комнаты, чтобы не встрѣчаться съ Эзрой, но ея безпокойство было настолько велико, что она стала ощущать лихорадочное возбужденіе, и въ комнатѣ ей стало душно и тѣсно. Она подумала, что свѣжій воздухъ благотворно подѣйствуетъ на нее, и, чуть слышно ступая по лѣстницѣ, чтобы не потревожить собесѣдниковъ, пошла внизъ. Однако, повидимому, тѣ все таки услышали ея шаги, такъ какъ вдругъ замолчали, и въ комнатѣ у нихъ воцарилась мертвая тишина, длившаяся до тѣхъ поръ, пока она не прошла.

Кэтъ вышла на маленькую лужайку передъ домомъ; здѣсь было нѣсколько грядокъ цвѣтовъ, прихотливо разбросанныхъ тамъ и сямъ, но заросшихъ теперь сорными травами. Чтобы развлечься, дѣвушка стала приводить въ порядокъ одну изъ грядокъ и, опустившись на колѣни, принялась выщипывать сорныя травы, безобразившія куртину. По срединѣ росъ кустъ розъ; она привела его въ порядокъ, затѣмъ перешла къ другимъ цвѣтамъ и такъ работала съ необычайнымъ усер-

діемъ, отрываясь лишь для того, чтобы взглянуть внизъ вдоль длинной аллеи, ведущей къ воротамъ и отъ воротъ къ дому, или прислушаться къ какому-нибудь случайному звуку, доносившемуся до ея слуха.

Разъ она случайно взглянула на домъ. Окна столовой выходили какъ разъ на эту лужайку, и въ одномъ изъ оконъ она увидѣла трехъ мужчинъ, смотрѣвшихъ на нее. Гирдльстоны оба кивали головой въ ея направленіи, словно указывая на нее своему гостю. Тотъ же глядѣлъ на нее съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ. Кэтъ показалось, что ей никогда еще въ жизни не приходилось видѣть такого свирѣпаго и жестокаго лица. Оно было сильно раскраснѣвшееся и нагло смѣющееся въ этотъ моментъ, тогда какъ лицо Эзры блѣдно и встревожено. Когда они замѣтили, что и она ихъ увидѣла, всѣ трое поспѣшно отошли отъ окна. Только одно короткое мгновеніе она видѣла ихъ, и все же эти три лица въ окнѣ,—одно страшное, свирѣпое, красное и два блѣдныхъ знакомыхъ лица по обѣимъ сторонамъ, такъ и врѣзались въ ея память.

Гирдльстонъ былъ такъ доволенъ раннимъ пріѣздомъ своихъ пособниковъ и перспективой близкаго конца задуманнаго имъ дѣла, которое теперь должно было рѣшиться разъ навсегда, что встрѣтилъ ихъ съ радушіемъ, совершенно не свойственнымъ его натурѣ.

— Какъ всегда, аккуратенъ и пунктуаленъ, мой милый мальчикъ,—сказалъ онъ, привѣтствуя сына.—На тебя всегда можно положиться! Ты просто можешь быть поставленъ за образецъ всѣмъ нашимъ современнымъ дѣловымъ людямъ. Что же касается васъ, мистеръ Бертъ,—обратился онъ къ своему гостю, пожимая его мозолистую, грязную и широкую, какъ лопата, руку,—то я чрезвычайно счастливъ видѣть васъ здѣсь, въ аббатствѣ, хотя искренно сожалѣю о печальной необходимости, заставившей потревожить васъ!

— Объ этомъ мы переговоримъ послѣ,—коротко оборвалъ отца Эзра,—мы съ Бертомъ еще ничего не ѣли!

— Я, чортъ побери, чуть съ голоду не подыхаю!—пробурчалъ гость, грузно плюхнувшись въ кресло.

Эзра все время тщательно наблюдалъ за нимъ, чтобы онъ не напился гдѣ-нибудь на станціи или въ какомъ-нибудь попутномъ трактирѣ по дорогѣ, и потому Бертъ былъ те-

перь сравнительно трезвъ, т. е. настолько, насколько могъ быть трезвъ его просыщенный алкоголемъ мозгъ.

Гирдльстонъ призвалъ мистриссъ Жерроксъ,—и та тотчасъ же накрыла на столъ, поставивъ передъ гостями кусокъ холоднаго мяса и большой кувшинъ пива. У Эзры, можно сказать, почти не было аппетита, но за то Бертъ ѣлъ съ невѣроятной жадностью и постоянно наполнялъ свой стаканъ. Когда, наконецъ, онъ насытился и выпилъ весь эль, то всталъ и, зарычавъ отъ пресыщенія чисто по-звѣриному, досталъ изъ кармана объемистую пачку чернаго табаку, который тутъ же и принялся разрѣзать на тонкіе пласты и набивать трубку. Эзра придвинулъ кресло къ огню и расположился у камина; отецъ послѣдовалъ его примѣру, предварительно удаливъ изъ комнаты старуху и заперевъ за нею дверь на ключъ.

— Ты уже говорилъ нашему пріятелю о предстоящемъ дѣлѣ, въ которомъ потребуется его помощь?—спросилъ старикъ сына.

— Да, я разъяснилъ ему все!

— Пятьсотъ фунтовъ деньгами и безплатный проѣздъ въ Африку!—вставилъ Бертъ.

— Такой энергичный человѣкъ, какъ вы, можетъ многое сдѣлать въ Африкѣ съ такими деньгами!—замѣтилъ старикъ Гирдльстонъ.

— Что я съ ними буду дѣлать,—это ужъ не ваше дѣло, сударь,—грубо пробормоталъ Бертъ.—Я сдѣлаю дѣло,—вы заплатите мнѣ,—и вся недолга. Больше васъ ничего не касается.

— Совершенно вѣрно, — проговорилъ старый коммерсантъ примирительнымъ тономъ. — Вы вольны дѣлать, что угодно, съ этими деньгами!

— И не спрашиваясь вашего позволенія!—прорычалъ Бертъ.

Это былъ человѣкъ такого безпокойнаго и сварливаго нрава, что во всякое время былъ готовъ причинить кому-нибудь непріятность.

— Весь вопросъ теперь въ томъ, какъ это устроить!—вмѣшался Эзра, говоря сквозь зубы, глухимъ, подавленнымъ голосомъ. Онъ былъ страшно нервенъ и неспокоенъ. При всей своей жестокости характера и безсердечности, онъ все таки былъ еше молодъ и потому невольно содрогался при

мысли о томъ, что должно было случиться. Глаза его были мутны; онъ сидѣлъ, перекинувъ одну руку за спинку кресла и нервно барабаня пальцами другой руки по своему колѣну.

— Вы, вѣроятно, придумали какой-нибудь планъ! — обратился онъ къ отцу,—имѣйте въ виду, что теперь—крайній срокъ для приведенія въ исполненіе этого дѣла, иначе придется не сегодня—завтра заколачивать контору въ Фенчерчъ-Стритѣ!—мрачно замѣтилъ молодой коммерсантъ, глядя въ огонь камина.

При одной мысли объ этомъ старикъ содрогнулся до глубины души.

— Все, только не это!—воскликнулъ онъ.

— Однако, это время очень близко! Я долженъ быть чертовски бороться всѣ эти дни, чтобы протянуть еще эту недѣлю.

— Что такое съ твоей губой? — вдругъ спросилъ старикъ.—Она у тебя какъ будто распухла.

— У меня произошло столкновеніе съ этимъ Димсдалемъ,—отвѣтилъ Эзра, поднимая руку ко рту, чтобы скрыть обезображенную часть лица.—Онъ прослѣдилъ насъ до самаго вокзала, и намъ съ Бертомъ пришлось отбить его отъ своихъ пятокъ; кажется, что и я оставилъ ему память по себѣ!

— Онъ продѣлалъ какой-то дьявольскій фокусъ со мной!— пробурчалъ Бертъ,—и такъ отшвырнулъ меня, что чуть было духъ не вышибъ! Теперь, вѣдь, я ужъ не такъ легко падаю, какъ въ былые годы!..

— Но ему не удалось напасть на вашъ слѣдъ?—спросилъ старикъ Гирдльстонъ, замѣтно встревоженный.—Нѣтъ вѣроятности, чтобы онъ вдругъ явился сюда и испортилъ все дѣло?

— Не безпокойся,—увѣренно сказалъ Эзра,—ничего подобнаго! Онъ находился въ рукахъ полисмена въ тотъ моментъ, когда я въ послѣдній разъ видѣлъ его!

— Слава Богу! А теперь прежде, чѣмъ идти дальше, я хотѣлъ бы сказать мистеру Берту пару словъ относительно того, что привело насъ къ этой необходимости!

— А у васъ не найдется ли чего выпить, пріятели?— спросилъ вдругъ Бертъ.

— Найдется! Конечно, найдется! Что тамъ въ этой бу-

тылкѣ? Имбирная водка? Какъ вамъ это кажется подходящимъ?

— Тутъ есть и кое-что получше,—сказалъ Эзра, пошаривъ въ шкафу.—Вотъ бутылка голландскаго джина. Это, вѣроятно, лишніе запасы мистриссъ Жерроксъ... Ну да это ничего, мы воспользуемся ими!

Бертъ взялъ бутылку, налилъ себѣ полъ стакана и долилъ водой.

— Ну, теперь валяйте! Я слушаю!—проговорилъ онъ, залпомъ выпивая стаканъ и сейчасъ же наливая вновь.

Старикъ Гирдльстонъ всталъ и, стоя спиной къ огню камина, заложивъ руки за спину, сталъ говорить.

— Я желалъ бы дать вамъ понять, что это вовсе не внезапное рѣшеніе съ нашей стороны: цѣлый рядъ событій привелъ насъ къ тому и поставилъ въ такое положеніе, что теперь уже невозможно избѣжать этого. Наша торговая честь и репутація для насъ дороже всего остальнаго, и мы съ сыномъ рѣшили скорѣе пожертвовать рѣшительно всѣмъ, чѣмъ утратить нашу коммерческую репутацію и честь нашей фирмы. Къ несчастью, наши дѣла нѣсколько запутались, и стало безусловно необходимо, чтобы фирма безотлагательно получила откуда-нибудь извѣстную сумму денегъ, чтобы выдти изъ своихъ затрудненій и избавиться отъ кое-какихъ обязательствъ... Эту сумму мы пытались добыть путемъ одной смѣлой спекуляціи, которая была весьма удачно задумана и мастерски выполнена, но полной удачѣ которой помѣшала одна не предвидѣнная несчастная случайность...

— Знаю!..—пробормоталъ Бертъ.

— Ну, конечно. Послѣ того мы могли нѣкоторое время бороться съ деньгами, которыя одолжали у разныхъ лицъ, а также благодаря хорошимъ прибылямъ отъ нашей торговли съ Африкой. Но пришло время, когда стало нужно расплачиваться за долги, и фирма снова очутилась въ опасности. Тогда мы впервые подумали о состояніи этой дѣвушки, котораго было бы вполнѣ достаточно для спасенія фирмы,.. Но мы не могли имъ воспользоваться, такъ какъ оно было обставлено такимъ образомъ, что никто не могъ коснуться его до полнаго совершеннолѣтія или до замужества дѣвушки, или же—въ случаѣ смерти, когда, согласно завѣщанію, эти деньги перейдутъ ко мнѣ!..

Бертъ утвердительно кивнулъ своей косматой головой.

— Принимая это во вниманіе, мы дѣлали все на свѣтѣ, чтобы склонить дѣвушку на бракъ съ моимъ сыномъ. Могу сказать безъ преувеличенія, что никогда еще ни одна дѣвушка не была окружена такимъ деликатнымъ вниманіемъ, такимъ предупредительнымъ ухаживаніемъ, какъ она со стороны моего сына Эзры. Я, съ своей стороны, употреблялъ все свое вниманіе на нее, чтобы склонить ее къ этому браку. Но, несмотря на всѣ наши усилія, она отвергла его самымъ рѣшительнымъ образомъ и дала намъ понять, что всякія дальнѣйшія попытки склонить ее къ этому браку будутъ совершенно безнадежны!..

— Быть можетъ, кто нибудь другой... высказалъ свое предположеніе Бертъ.

— Да, тотъ самый человѣкъ, который отшвырнулъ васъ на сажень отъ себя, тамъ, на станціи,—вставилъ Эзра.

— Ха! Такъ я славно отплачу ему теперь за это!—пробурчалъ бывшій морякъ съ злорадной усмѣшкой.

— Правда, человѣческая жизнь священна, мистеръ Бертъ,—продолжалъ старикъ,—но жизнь одного человѣка, въ сравненіи съ существованіемъ цѣлой крупной фирмы, отъ которой зависятъ жизнь и пропитаніе сотенъ людей, становится малозначущей и ничтожной; и если сопоставить судьбу миссъ Харстонъ съ судьбою фирмы Гирдльстоновъ, то само собой становится ясно, что въ глазахъ свѣта и людей послѣдняя имѣетъ большую цѣну и значенію и потому должна быть спасена даже цѣною человѣческой жизни!

Бертъ опять сочувственно кивнулъ головой и снова наполнилъ свой стаканъ.

— Имѣя въ виду, что эта печальная необходимость можетъ представиться, я принялъ всѣ необходимыя мѣры уже нѣсколько времени тому назадъ. Это аббатство, какъ вы, можетъ быть, замѣтили во время пути сюда, находится въ совершенно уединенной, далекой отъ всякаго сосѣдства и довольно дикой мѣстности. Его земля обнесена высокой каменной стѣной, такъ что всякій живущій здѣсь фактически становится заключеннымъ. Я увезъ сюда эту дѣвушку такъ неожиданно, что никто не могъ узнать, гдѣ она находится, а здѣсь вездѣ распространилъ о ней такіе слухи, что никто не будетъ удивленъ, если узнаютъ, что она умерла!

— Но вѣдь должно быть слѣдствіе?—Потребуется свидѣтельство врача!—спросилъ Эзра.

— Я даже буду настаивать на слѣдствіи и допросѣ!—проговорилъ старикъ.

— Настаивать?! Да ты съ ума сошелъ!

— Выслушай до конца, и я убѣжденъ, что ты придешь какъ разъ къ противоположному выводу. Мнѣ кажется, что я напалъ на блестящую мысль, блестящую по своей простотѣ и правдоподобію!—и старикъ сталъ потирать руки, осклабивъ свои длинные желтые клыки и искренно наслаждаясь своей изумительной изобрѣтательностью.

Бертъ и Эзра наклонились впередъ, чтобы лучше разслышать его слова; онъ же понизилъ голосъ до глухого шепота.

— Здѣсь всѣ думаютъ, что она помѣшанная! — сказалъ онъ.

— Ну, да! Такъ что же?

— Въ каменной стѣнѣ ограды есть маленькая дверца, выходящая прямо на рельсы....

— Ну, такъ что изъ этого?

— Допустимъ, что эта дверь будетъ оставлена незапертой. Развѣ было бы такъ невѣроятно, что помѣшанная вздумала бы бѣжать отъ своихъ стражей именно черезъ эту дверку и была раздавлена 10-и часовымъ курьерскимъ поѣздомъ?!

— Да, если она попадетъ подъ него!

— Вы не совсѣмъ поняли мою мысль! Предположимъ, что поѣздъ переѣдетъ мертвое тѣло. Можно ли послѣ этого будетъ доказать, что она была уже мертвой раньше, чѣмъ ее переѣхалъ поѣздъ? Какъ вы думаете, придетъ кому-нибудь въ голову, что поѣздъ переѣхалъ не живую женщину, а трупъ?

— Понимаю, что ты думаешь сдѣлать!—сказалъ Эзра.— Ты хочешь прикончить ее здѣсь, а затѣмъ вынести туда и положить на рельсы...

— Конечно! Что можетъ быть лучше и проще? Нашъ другъ Бертъ, здѣсь присутствующій, сдѣлаетъ свое дѣло, а затѣмъ мы вынесемъ ее черезъ калитку и положимъ на самомъ темномъ мѣстѣ желѣзнодорожнаго пути! Вернувшись домой, мы подымемъ тревогу; кто нибудь обнаружитъ, что калитка отперта. Вполнѣ естественно, что и мы выйдемъ черезъ нее съ фонарями и найдемъ ея изуродованный трупъ на полотнѣ.... Думаю, послѣ этого намъ нечего бояться слѣдователя или кого бы то ни было!—заключилъ старикъ Гирдльстонъ.

— А, вѣдь, онъ востеръ, хозяинъ то,—воскликнулъ Бертъ съ непритворнымъ восхищеніемъ, шлепнувъ себя по ляшкѣ отъ

удовольствія.—Это самая хитрая выдумка, какую только я слышалъ за многіе годы!

— Право, мнѣ кажется, что ты—самъ дьяволъ во плоти,—произнесъ Эзра, глядя на отца не то съ чувствомъ ужаса и отвращенія, не то удивленія.—А какъ же быть съ мистриссъ Жерроксъ, съ Стевенсомъ и съ Ребеккой? Рнзвѣ ты думаешь, имъ можно довѣриться?

— Конечно, не въ такомъ дѣлѣ,—отвѣчалъ ужасный старикъ,—да это вовсе и не нужно: мистеръ Бертъ можетъ сдѣлать свое дѣло подъ открытымъ небомъ... Зачѣмъ это дѣлать въ домѣ, гдѣ нельзя будетъ скрыть этого факта, когда такъ легко вызвать ее подъ какимъ-нибудь предлогомъ въ садъ?! Тогда нѣтъ ни малѣйшихъ шансовъ на то, чтобы кто-либо изъ домашнихъ заподозрилъ истину!

— Но, вѣдь, домашніе-то прекрасно знаютъ, что она не помѣшанная!...

— Они подумаютъ, что она сдѣлала это умышленно, съ отчаянія. Эта тайна останется только въ нашихъ трехъ сердцахъ. Послѣ ночной работы нашъ другъ, мистеръ Бертъ, уѣдетъ въ Африку зажиточнымъ и обезпеченнымъ человѣкомъ, а фирма Гирдльстонъ выйдетъ съ высокоподнятой головой изъ всѣхъ своихъ затрудненій, чистая и незапятнанная, съ прежней безупречной репутацией...

— Говори тише!—шепнулъ Эзра.—Я слышу ея шаги: она идетъ внизъ!

Всѣ трое стали прислушиваться къ легкимъ шагамъ и слышали, какъ дѣвушка вышла изъ дома.

— Подите сюда, Бертъ!—проговорилъ Эзра, немного погодя.—Вонъ она тамъ возится около цвѣтовъ на лужайкѣ! Подите и взгляните на нее!

Они втроемъ остановились у окна и стали смотрѣть. Въ этотъ моментъ и Кэтъ, поднявъ глаза, увидѣла три лица въ окнѣ.

— На рѣдкость красивая и красиво сложенная женщина!—замѣтилъ Бертъ, съ плотоядной улыбкой глядя на дѣвушку.—Это самое мерзкое дѣло, какое мнѣ когда-либо приходилось дѣлать!—пробурчалъ онъ.

— Но вѣдь мы все таки можемъ разсчитывать на васъ?—спросилъ старикъ, глядя на него испытующимъ взглядомъ.

— Можете поручиться!... Разъ мнѣ платятъ...—флегматически отвѣчалъ Бертъ, возвращаясь къ своей трубкѣ и стакану съ джиномъ.

XLIII. Приманка и крючекъ.

Сѣрый вечеръ подкрался незамѣтно прежде, чѣмъ всѣ подробности были выработаны злоумышленниками. Становилось до того холодно, что Кэтъ принуждена была вернуться обратно въ свою комнату. Эзра, оставивъ отца и Берта у камина, подошелъ къ открытой двери, ведущей въ сѣни, и остановился тамъ, разсѣянно глядя на тощія старыя деревья съ обнаженными вѣтвями, которыя колыхались, словно длинныя тощія руки, отъ дуновенія рѣзкаго холоднаго вѣтра. Легкій туманъ подымался съ моря и прозрачною бѣлою пеленою окутывалъ деревья. Эзра невольно содрогнулся, глядя на эту жуткую картину, какъ вдругъ почувствовалъ, что чья-то рука легла на его руку немного ниже локтя. Онъ оглянулся и увидѣлъ подлѣ себя Ребекку.

— Неужели у васъ не найдется ни слова для меня?—спросила она, печально заглядывая ему въ лицо.—Вѣдь, я и вижу-то васъ всего разъ въ недѣлю, да и то у васъ никогда не находится для меня ласковаго слова!

— Я не видѣлъ тебя, красотка,—сказалъ Эзра.—Ну, какъ же тебѣ нравится здѣсь?

— Для меня что одно мѣсто, что другое,—все равно,—отвѣчала Ребекка.—Вы просили меня поѣхать сюда, я и поѣхала; вы еще говорили, что скажете, какимъ образомъ я могу сослужить вамъ службу здѣсь... Когда-же я это узнаю?

— Въ этомъ нѣтъ никакой тайны, красотка! Вы уже служите мнѣ службу тѣмъ, что ухаживаете здѣсь за моимъ отцомъ, заботитесь о немъ все это время, такъ какъ старухѣ не подъ силу вести домъ!

— Это вовсе не то, о чемъ вы говорили тогда,—продолжала дѣвушка, глядя на него испытующимъ взглядомъ.—Я отлично помню ваше лицо въ то время, какъ вы говорили эти слова. У васъ было тогда что-то на умѣ — и теперь есть, только вы скрываете и не хотите сказать мнѣ! Почему вы не довѣряете мнѣ!...

— Не говори глупостей!—коротко отрѣзалъ Эзра.—У меня много непріятностей, которыя растраиваютъ меня.... Что тебѣ будетъ за прокъ отъ того, если я буду разсказывать объ этомъ, о моихъ дѣлахъ и заботахъ въ городѣ?!...

— Нѣтъ, это что-то другое,—настаивала Ребекка.—А кто этотъ человѣкъ тамъ, въ столовой, пріѣхавшій съ вами?

— Это дѣловой человѣкъ изъ Лондона. Онъ явился посовѣтоваться съ отцомъ объ одномъ денежномъ дѣлѣ. Желаешь еще спросить что-нибудь?...

— Мнѣ хотѣлось бы знать, сколько времени мы еще пробудемъ здѣсь и ради чего насъ заперли здѣсь, словно въ монастырѣ?

— Мы переѣдемъ обратно въ Лондонъ, вѣроятно, еще раньше конца зимы, а уѣхали сюда изъ-за здоровья миссъ Харстонъ; она была не совсѣмъ здорова и нуждалась въ перемѣнѣ воздуха... Ну, довольна ты теперь?

Эзра желалъ устранить, по возможности, всякія подозрѣнія, какія могли зародиться въ душѣ Реббеки.

— А что заставляетъ васъ пріѣзжать сюда каждую субботу?—спросила она все съ тѣмъ же испытующимъ взглядомъ.—Вы не стали бы ѣздить сюда, въ эту мрачную нору, безъ какой-нибудь серьезной причины. Сначала я было думала, что, быть можетъ, вы ѣздите сюда, чтобы повидать меня, но вы слишкомъ скоро разубѣдили меня въ этомъ. Было время, когда я нравилась вамъ, когда вы любили меня...

— Я и сейчасъ люблю тебя!...

— Ахъ, очень!—саркастически и вмѣстѣ съ горечью воскликнула она.—Ни слова, ни взгляда вы не подарили мнѣ, когда послѣдній разъ были здѣсь. А все таки не безъ причины вы такъ регулярно ѣздите сюда!

— Что тутъ удивительнаго, если человѣкъ пріѣзжаетъ повидать своего отца!

— Ужъ очень вы много думали о немъ въ Лондонѣ!—возбужденно возразила дѣвушка.—Хоть сердитесь на меня, хоть нѣтъ, а я скажу,—и это вѣрно,—что если мнѣ не достанется ваша любовь, то и никому другому: вѣдь, вамъ не безъизвѣстно, что во мнѣ течетъ цыганская кровь! И скорѣе я заколю и васъ, и ее, чѣмъ уступлю васъ этой дѣвушкѣ!—говоря это, Ребекка потрясала сжатымъ кулакомъ своей правой руки, а лицо ея дышало такой жаждой мщенія и такой дикой страстью, что Эзра былъ положительно пораженъ.

— Я всегда зналъ, что ты горяча и вспыхиваешь, какъ порохъ, но ты еще никогда не заходила такъ далеко раньше!—проговорилъ онъ въ изумленіи.

Но у Ребекки уже наступилъ моментъ реакціи, и теперь слезы градомъ бѣжали по ея щекамъ.

— Вы не оставите меня, не бросите меня совсѣмъ?—

всхлипывала она, крѣпко уцѣпившись за его руку.—Я готова даже дѣлить вашу любовь съ другою, но не могу, не могу перенести, чтобы вы совершенно отвернулись отъ меня!

— Ты сейчасъ приведешь сюда отца своимъ проклятымъ плачемъ и воемъ!—досадливо произнесъ Эзра.—Ступай умой свое лицо!

Его слово было закономъ для нея, и она тотчасъ же послушно направилась на кухню, все еще горько плача. Въ ея незавидной, безцвѣтной и однообразной жизни единственнымъ свѣтлымъ пятномъ былъ тотъ моментъ, когда молодой красавецъ Эзра подарилъ ее своимъ случайнымъ вниманіемъ. Въ ея пылкомъ воображеніи онъ рисовался лучшимъ изъ всѣхъ мужчинъ, героемъ, словомъ, воплощеніемъ прекраснаго и величественнаго. Не было такой вещи, чего бы она не сдѣлала ради него! Она обладала привязанностью собаки, но такъ же, какъ собака, способна была бѣшено рычать на каждаго, кто становился между ней и ея господиномъ. Глубоко на днѣ ея души упорно коренилось подозрѣніе, котораго ничто не могло удалить, что между любимымъ ей человѣкомъ и ненавистной дѣвушкой было какое-то тайное соглашеніе, какая-то тайная связь. Когда она уходила въ свою комнату, то внутренно рѣшила, что еще въ этотъ же пріѣздъ Эзры устроитъ такъ, что никакое сообщеніе между нимъ и Кэтъ не пройдетъ мимо ея рукъ или безъ ея вѣдома. Она знала, что шпіонить за Эзрой—дѣло не безопасное, такъ какъ онъ уже не разъ доказывалъ ей на дѣлѣ, что ея женское положеніе не можетъ въ его глазахъ служить ей защитою противъ его грубаго и жестокаго обращенія. Тѣмъ не менѣе она рѣшила привести свою мысль въ исполненіе со всею хитростью и ловкостью ревнивой женщины.

Когда свѣтъ померкъ, и сѣрыя тѣни сумерокъ спустились на землю, Кэтъ, присѣвъ въ своей комнатѣ у окна, стала терпѣливо ждать момента своего освобожденія. Нѣсколько углей еще догорали въ каминѣ; тутъ же стояла угольница со свѣжимъ углемъ. Ей было очень холодно, поэтому она придвинула свой стулъ къ камину и стала отогрѣвать передъ огнемъ свои озябшія руки. Это было скучное и томительное ожиданіе,—вѣтеръ со свистомъ проносился между вѣтвей деревьевъ и жалобно завывалъ въ щеляхъ и трубахъ стараго зданія. Когда же пріѣдутъ ея друзья? Быть можетъ, что нибудь задержало ихъ сегодня? Ее сегодня утромъ это пока-

залось бы ей совершенно невозможнымъ, но теперь, съ наступленіемъ вечера, ей уже стало очевидно, что что-нибудь задержало ихъ, но завтра, самое позднее, они должны пріѣхать. Она стала размышлять теперь о томъ, что они будутъ дѣлать, когда пріѣдутъ. Пріѣдутъ ли они открыто прямо сюда и потребуютъ ее отъ Гирдльстоновъ или будутъ пытаться предворительно вступить въ спошенія съ ней? Какъ бы они ни рѣшили поступить, во всякомъ случаѣ это будетъ къ ея благу.

Она подошла къ окну и посмотрѣла на улицу. Какъ видно, ночь собиралась быть бурной; на дальнемъ юго-западномъ горизонтѣ собирались косматыя тучи; блѣдныя звѣзды чуть мигали сквозь сѣрую дымку тумана, а небо казалось свинцово-сѣрымъ. На дворѣ было такъ темно, что моря уже не было видно, только глухой раскатистый шумъ прибоя явственно доносился до нея, наполняя воздухъ глухимъ стономъ, а соленая влага волнъ проникала даже въ ея открытое окно. Дѣвушка закрыла окна и опять сѣла поближе къ огню у камина. Ее знобило частью отъ холода, частью отъ какого-то смутнаго предчувствія бѣды.

Прошло около часа; вдругъ она услышала шаги на лѣстницѣ, и кто-то постучалъ въ ея дверь. Это была Ребекка; она принесла ей чашку чая на подносѣ и хлѣба съ масломъ. Кэтъ была весьма признательна за это вниманіе, такъ какъ это избавляло ее отъ необходимости идти въ столовую и встрѣчаться съ Эзрой и его непріятнымъ пріятелемъ.

Ребекка поставила подносъ и, къ немалому удивленію Кэтъ, повернулась и плотно закрыла за собою дверь. Лицо ея было очень блѣдно, а движенія рѣзки и возбужденны.

— Вотъ записка для васъ,—проговорила она,—ее вручили мистриссъ Жерроксъ для передачи вамъ, но я проворнѣе по лѣстницѣ, чѣмъ она, поэтому и взялась отнести ее вамъ!— съ этими словами она передала Кэтъ небольшой лоскутокъ бумаги, тщательно сложенный, но не запечатанный и даже не вложенный въ конвертъ.

Записка ей! Неужели отъ ея друзей, которые уже прибыли и ухитрились послать ей извѣщеніе? Должно быть, такъ. Она взяла записку изъ рукъ дѣвушки и тутъ замѣтила, что руки той тряслись и дрожали.

— Что съ вами, Ребекка, вы не здоровы?—участливо спросила Кэтъ.

— Нѣтъ, я совершенно здорова! Читайте свою записку и

не обращайте на меня вниманія!—отвѣчала дѣвушка своимъ обычнымъ, рѣзкимъ, отрывистымъ тономъ и вмѣсто того, чтобы выйти изъ комнаты, стала прибирать въ комнатѣ, не переставая искоса наблюдать за своей госпожей.

Нетерпѣніе Кэтъ было слишкомъ велико, чтобы она могла дождаться ухода прислуги, и потому, не обращая вниманія на ея присутствіе, она развернула записку съ надеждой увидѣть въ концѣ ея имя своего возлюбленаго, и вдругъ глаза ея упали на подпись Эзры Гирдльстона! Что могъ онъ сообщить ей? Она придвинула единственную имѣвшуюся въ комнатѣ свѣчу поближе къ себѣ и прочла слѣдующія строки, небрежно набросанныя карандашемъ на лоскуткѣ бумаги, вырванной изъ записной книжки.

Дорогая моя миссъ Харстонъ!

Боюсь, что ваше заключеніе здѣсь было для васъ крайне тяжелымъ и мучительнымъ. Я не разъ уговаривалъ отца или прекратить, или хоть видоизмѣнить существующій здѣсь порядокъ, но онъ неизмѣнно отказывался это сдѣлать. Такъ какъ онъ продолжаетъ настаивать на своемъ, вопреки всему, что я могъ сказать ему, то я рѣшилъ предложить вамъ свое содѣйствіе и свою помощь, чтобы доказать, что я вашъ искренній другъ, несмотря на все происшедшее между нами. Если бы вамъ удалось выбраться сегодня вечеромъ въ 9 часовъ изъ дома—и встрѣтиться со мной у стараго дуба въ концѣ аллеи, то я позабочусь доставить васъ въ Бедсворсъ, а оттуда, если вы пожелаете, вы можете отправиться въ Портсмутъ съ ближайшимъ поѣздомъ. Я постараюсь устроить такъ, чтобы вы нашли дверь не запертой къ тому времени. Понятно, что я не отправлюсь вмѣстѣ съ вами въ Порсмутъ, а вернусь сюда, оставивъ васъ на станціи. Я хочу сдѣлать это для того, чтобы доказать вамъ, что какъ ни безнадежно мое чувство къ вамъ, все же моя привязанность къ вамъ по прежнему глубока и искренна. Вашъ Э. Гирдльстонъ.

Кэтъ была до того поражена этимъ посланіемъ, что нѣкоторое время сидѣла неподвижно, держа въ рукахъ записку, всецѣло поглощенная своими мыслями, когда же, наконецъ, пришла въ себя и оглянулась, Ребекки уже не было въ комнатѣ. Она свернула записку и бросила ее въ огонь. Такъ, значитъ, Эзра не былъ такъ жестокосердъ, какъ она полагала, значитъ, онъ старался повліять на отца, чтобы смягчить ея участь! Не слѣдовало ли ей принять его предложеніе и вос-

пользоваться его помощью, или ждать вѣстей отъ своихъ друзей? Быть можетъ, они уже въ Бедсворсѣ, но только не знаютъ, какъ извѣстить ее; если такъ, то предложеніе Эзры какъ нельзя болѣе кстати. Во всякомъ случаѣ она могла бы отправиться въ Портсмутъ и оттуда телеграфировать Димсдалямъ. Предложеніе было слишкомъ заманчивое, чтобы отъ него отказаться.

Было уже послѣ восьми часовъ вечера, а Эзра назначилъ 9 часовъ. Она встала съ намѣреніемъ надѣть плащъ и шляпу.

XLIV. Тѣнь смерти.

Разговоръ съ Ребеккой навелъ Эзру на мысль, что, быть можетъ, ему все таки удастся выманить Кэтъ изъ дома и такимъ образомъ предоставить ее въ распоряженіе Берта. Онъ предложилъ этотъ планъ отцу, который горячо одобрилъ. Единственнымъ слабымъ пунктомъ въ немъ было затрудненіе, какимъ образомъ заставить Кэтъ выйти ночью, да еще въ такую бурную холодную ночь, какъ эта, изъ компаты на дворъ. Очевидно, была только одна причина, могущая побудить къ этому,—это—надежда на бѣгство! Играя на этой стрункѣ, можно было выманить ее въ паркъ и заманить въ западню. Эзра вмѣстѣ съ отцомъ сочинили записку и передали мистриссъ Жерроксъ для передачи Кэтъ.

Но случайно Ребекка, подстерегавшая малѣйшее движеніе Эзры, увидѣла, какъ старуха плелась по корридору съ запиской въ рукѣ.

— Что это, тетушка?—спросила она.

— Письмо ей!—прошипѣла таинственно старуха, кивая своей дрожащей головой въ сторону комнаты Кэтъ.

— Такъ я отнесу его!—сказала поспѣшно дѣвушка.—Я какъ разъ иду на верхъ съ чаемъ!

— Благодарю, милая, эти лѣстницы прямо замучили меня!—произнесла старуха и отдала записку.

Дѣвушка взяла ее и понесла наверхъ, но вмѣсто того, чтобы снесть прямо своей госпожѣ, проскользнула въ свою компату и прочла ее, жадно пожирая глазами каждое слово. Эта записка какъ будто подтверждала самыя худшія ея подозрѣнія. Въ ней Эзра просилъ о свиданіи съ той самой дѣвушкой, которую онъ говорилъ, что ненавидитъ. Правда, любовныхъ, пылкихъ словъ здѣсь не было, онъ просилъ ее въ сдержанныхъ вы-

раженіяхъ подъ весьма вѣроятнымъ предлогомъ. Но это было, вѣроятно, только для отвода глазъ, на случай, если записка попадетъ въ чужія руки. Очевидно, между ними было какое-то соглашеніе, и это было только условное свиданіе. Ребекка принялась быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, ударяя себя кулаками въ голову и до крови кусая себѣ губы. Прошло довольно много времени прежде, чѣмъ она могла успокоиться на столько, чтобы отнести записку по назначенію, причемъ Кэтъ всетаки замѣтила, что ея руки дрожали и тряслись: она и не подозрѣвала, какая страшная борьба происходила въ это время въ душѣ темноглазой дѣвушки, и какъ эти дрожащія руки хотѣли вцѣпиться въ горло соперницы и задушить ее.

— Уже 8 часовъ!—сказалъ Эзра.—Хотѣлось-бы знать, придетъ-ли она.

— Навѣрное придетъ!—сказалъ коротко его отецъ

— Ну а если бы не пришла?

— Въ такомъ случаѣ мы нашли-бы другое средство заставить ее выйти изъ дома: не для того же мы зашли такъ далеко, чтобы въ послѣдній моментъ останавливаться изъ-за какихъ то пустяковъ!

— Я долженъ что-нибудь выпить!—произнесъ Эзра послѣ нѣкотораго молчанія, протянувъ руку къ бутылкѣ.—Я чувствую, что весь оледенѣлъ, и мои нервы напряжены до послѣдней степени. Положительно не понимаю, какъ ты можешь быть такъ спокоенъ, словно сводишь какой-нибудь дѣловой счетъ у себя въ конторѣ. Хоть бы скорѣй это кончилось! Это выжиданіе положительно ужасно!

— Ну, такъ проведемъ это время съ пользой,—произнесъ старикъ; съ этими словами досталъ изъ кармана небольшую Библію и сталъ читать вслухъ торжественнымъ и звучнымъ голосомъ съ просвѣтленнымъ и спокойнымъ лицомъ. Желтоватый свѣтъ свѣчи освѣщалъ рѣзкія черты старика, его прямой, острый носъ, впалыя щеки и глубоко сидящіе темные, блестящіе глаза, придававшіе его лицу еще большее сходство съ коршуномъ.

Эзра, откинувшись на спинку стула съ лицомъ, освѣщеннымъ пламенемъ камина, блѣдный и растерянный, но все таки красивый, съ любопытствомъ смотрѣлъ на отца. Онъ до сихъ поръ еще не могъ выяснить себѣ, былъ-ли этотъ старикъ безподобнымъ притворщикомъ или религіознымъ маніакомъ. Что

касается Берта, то онъ скорѣе лежалъ, чѣмъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, протянувъ ноги къ огню и свѣсивъ руки и голову черезъ ручку кресла; онъ крѣпко спалъ и даже громко храпѣлъ.

— Не пора-ли его будить?—спросилъ Эзра, прерывая чтеніе Библіи.

— Да, я думаю, пора!—отвѣтилъ старикъ, закрывая священную книгу и набожно кладя обратно въ свой грудной карманъ.

Эзра взялъ свѣчу, держа ее надъ головою спящаго.

— Что за животное!—проговорилъ онъ,—видалъ ли ты когда-нибудь существо, болѣе похожее на звѣря въ образѣ человѣческомъ?

Дѣйствительно, фигура этого человѣка въ данный моментъ не имѣла ничего привлекательнаго: его мускулистыя ноги и руки безпомощно свисли, огненно-рыжая борода торчала впередъ, обнажая жилистую, красную, точно воловью шею. Мутные и тусклые, какъ у мертвой рыбы, глаза были полузакрыты, а изъ толстыхъ чувственныхъ губъ со свистомъ вырывалось пьяное дыханіе, распространявшее сильный запахъ спиртнаго перегара. Изъ кармана его грязной коричневой куртки, которая теперь была разстегнута на груди, торчалъ короткій толстый кистень съ тяжелымъ свинцовымъ шаромъ на концѣ.

Джонъ Гирдльстонъ вытащилъ это оружіе изъ кармана спящаго и, повертѣвъ его въ рукѣ, сказалъ:

— Полагаю, что и я уложилъ-бы на мѣстѣ вола этой штучкой!

— Не размахивай ею надъ м о ей головой!—глухо сказалъ Эзра,—такъ, какъ ты сейчасъ стоишь, освѣщенный огнемъ камина, размахивая этой тяжелой палицей, ты менѣе привлекателенъ, чѣмъ обыкновенно!

Джонъ Гирдльстонъ принужденно улыбнулся и спокойно положилъ орудіе въ карманъ Берта.

— Проснитесь, Бертъ!—проговорилъ онъ, тряся его за плечо,—уже половина 9-го.

Бертъ, съ проклятіемъ выругавшись, вскочилъ на ноги, но тотчасъ же упалъ обратно въ кресло и обвелъ комнату недоумѣвающимъ взглядомъ, очевидно, не сознавая, гдѣ онъ находится. Вдругъ взглядъ его упалъ на бутылку джина, теперь уже почти пустую, онъ протянулъ за ней руку и издалъ

радостное восклицаніе, указывая этимъ на вернувшееся къ нему сознаніе.

— Я, кажись, вздремнулъ, господа,—сипло проговорилъ онъ,—да это и не мѣшало для возстановленія силъ! Кажись, вы сказали, что пора приниматься за дѣло?!

— Мы приняли мѣры, чтобы она вышла изъ дома въ 9 часовъ!

— Такъ это еще не раньше, какъ черезъ ½ часа!—воскликнулъ сердито Бертъ,—зачѣмъ же было будить меня теперь?! Я бы могъ еще поспать!

— Намъ лучше выйти теперь. Она можетъ придти немного раньше!..

— Ну, такъ идемъ!—сказалъ бывшій морякъ, застегивая свою куртку и обертывая свою шею грязнымъ рванымъ шарфомъ.—Кто идетъ со мной?

— Мы оба пойдемъ,—поспѣшилъ отвѣтить Джонъ Гирдльстонъ рѣшительно.—Вамъ нужна будетъ помощь для того, чтобы вынести ее на желѣзнодорожную линію!

— Да, вѣдь Бертъ можетъ сдѣлать это и одинъ: она не такъ тяжела!—замѣтилъ Эзра.

Гирдльстонъ старшій отозвалъ сына немного въ сторону и сказалъ:

— Не будь же такъ неблагоразуменъ, Эзра! Мы не можемъ положиться на этого полупьянаго человѣка. Все это должно быть сдѣлано съ величайшей осмотрительностью, чтобы не осталось ни малѣйшаго слѣда, ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію! Вѣдь, нашимъ старымъ дѣловымъ девизомъ было всегда—что хозяйскій глазъ долженъ быть всюду! Мы не измѣнимъ ему и на этотъ разъ!

— Это ужасное дѣло!—проговорилъ Эзра, нервно содрогаясь.—Мнѣ бы не хотѣлось быть причастнымъ къ нему!

— Ты не то скажешь завтра, когда увидишь, что фирма спасена, и никто ничего не знаетъ. Смотри, онъ уже пошелъ,—не надо терять его изъ виду.

Отецъ и сынъ оба поспѣшно вышли слѣдомъ за Бертомъ, котораго застали стоящимъ передъ крыльцомъ. На морѣ собиралась буря; дулъ сильный холодный, рѣжущій вѣтеръ. Обнаженныя деревья уныло шелестили вѣтвями и стонали; время отъ времени раздавался громкій трескъ обломленнаго вѣтромъ сука, съ шумомъ падавшаго на землю. Тучи поминутно набѣгали и скрывали собою луну, такъ что минутами ея хо-

лодный свѣтъ обдавалъ серебристымъ блескомъ и старое аббатство, и зеленый лѣсъ, а вслѣдъ затѣмъ вдругъ разомъ становилось совершенно темно. Черезъ оставленную открытой дверь на лужайку ложилась широкая золотистая полоса свѣта отъ лампы, горѣвшей въ столовой. И на фонѣ этой свѣтлой полосы три темныхъ мужскихъ фигуры, бросавшихъ отъ себя причудливыя, страшныя тѣни, казались чѣмъ-то сверхъестественнымъ.

— Не захватить ли съ собой фонарь?—спросилъ Бертъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ Эзра,—мы достаточно увидимъ и такъ! Намъ не нужно свѣта!

— У меня есть фонарь на всякій случай; мы можемъ воспользоваться имъ, еслибы вдругъ представилась надобность!—вставилъ старикъ.—Мнѣ думается, что для насъ всего лучше было-бы теперь-же занять мѣста, такъ какъ она можетъ придти раньше, чѣмъ мы ее ожидаемъ. А дверь лучше всего оставить открытой; она убѣдится тогда, что на ея пути не встрѣчается препятствія.

— Не особенно-то вы проницательны!—ядовито замѣтилъ отцу Эзра.—Если она найдетъ дверь открытой,—то это легко можетъ навести ее на мысль о западнѣ... Нѣтъ, лучше наглухо заприте дверь изъ столовой, а дверь изъ сѣней на улицу только притворите. Тогда она подумаетъ, что вы съ Бертомъ сидите въ столовой.

— А гдѣ Жероксъ и Ребекка?—спросилъ старикъ Гирдльстонъ, закрывая дверь, какъ сказалъ сынъ.

— Жерроксъ сидитъ въ своей комнатѣ, а Ребекка, вѣроятно, на верху, въ своей!

— Ну, такъ все какъ будто благополучно. Пойдемъ, Бертъ, вотъ сюда, въ эту сторону!

И всѣ трое двинулись сначала черезъ усыпанную гравіемъ площадку передъ подъѣздомъ, затѣмъ по мокрой скользкой травѣ прямикомъ къ лѣсистой части парка

— Вотъ старый дубъ,—проговорилъ старый Гирдльстонъ, когда передъ ними вдругъ выросла темная масса, стоявшая нѣсколько поодаль отъ другихъ деревьевъ. Бертъ обошелъ вокругъ него, тщательно изслѣдуя почву, на сколько это было возможно въ темнотѣ.

— Быть можетъ, вамъ нуженъ фонарь?—спросилъ его старикъ.

— Нѣтъ, я и такъ все вижу! Мнѣ кажется, что я теперь знаю, какъ мнѣ приступиться! Вы двое можете встать вонъ хоть за эти деревья или гдѣ хотите, только такъ, чтобы мнѣ не мѣшать: я не нуждаюсь ни въ чьей помощи. Когда Джимъ Бертъ берется за какое дѣло, то приводитъ его въ исполненіе самымъ исправнымъ образомъ. Я не люблю, чтобы вокругъ меня толкались!

— Да мы и не думали вмѣшиваться въ ваши распоряженія!—проговорилъ старикъ.

— Это—самое лучшее!—пробурчалъ Бертъ.—Я залягу вотъ здѣсь съ этой стороны дуба. Когда она подойдетъ, то подумаетъ, что онъ еще не пришелъ, встанетъ около дуба и будетъ ждать. Улучивъ тогда удобную минуту, я подкрадусь къ ней сзади, и она никогда не узнаетъ даже, что ее убилъ человѣкъ, а не молнія!

— Превосходно!—воскликнулъ Гирдльстонъ.—Превосходно! Но намъ лучше стать на свои мѣста!

— Но помните, чтобы это было сдѣлано разомъ, однимъ ударомъ!—сказалъ мрачно Эзра.—чтобы мы не слышали ни криковъ, ни стоновъ. Я могу многое вынести, но этого не вынесу!

— Вамъ-то бы слѣдовало знать, какой у меня ударъ!—съ злобной усмѣшкой отозвался Бертъ.—Если бы ваша голова не была такъ же крѣпка, какъ у вола, то вы не были бы здѣсь теперь!

Рука Эзры невольно поднялась къ зажившему шраму, и онъ пробормоталъ вполголоса про себя:

— Да, такого удара съ нея достаточно, чтобы разомъ вышибить духъ!

Отецъ и сынъ удалились и заняли свои мѣста въ тѣни старыхъ деревьевъ, шагахъ въ пятидесяти отъ дуба, а Бертъ присѣлъ на землю за дубомъ, прижавшись всѣмъ тѣломъ къ его стволу и держа наготовѣ свое страшное оружіе, въ ожиданіи жертвы.

Эзра, который обыкновенно былъ рѣшителенъ и смѣлъ, на этотъ разъ совершенно не могъ совладать со своими нервами; зубы его стучали, какъ въ лихорадкѣ, и онъ съ трудомъ держался на ногахъ. Наоборотъ, старикъ былъ совершенно спокоенъ и невозмутимъ, даже болѣе спокоенъ и безучастенъ, чѣмъ обыкновенно.

— Сейчасъ будетъ бить 9!—прошепталъ Эзра.

— Безъ десяти минутъ,—отвѣтилъ отецъ, взглянувъ на свой золотой хронометръ и стараясь разсмотрѣть положеніе стрѣлокъ.

— А что, если она не придетъ?

— Тогда мы должны найти другое средство, чтобы заставить ее выйти.

Съ того мѣста, гдѣ они стояли, можно было видѣть весь домъ, какъ на ладони. Она не могла выйти, не будучи замѣчена ими. Надъ дверью было большое длинное и узкое окно, выходившее на улицу; оно было освѣщено и оба, отецъ и сынъ, не спускали съ него глазъ, зная, что, выходя внизъ, въ сѣни, дѣвушка должна будетъ пройти мимо этого окна. И вотъ въ тотъ моментъ, какъ они смотрѣли на окно, какая-то тѣнь на мгновеніе заслонила въ немъ свѣтъ.

— Она прошла!

— Шшъ!

Еще минута,—и дверь изъ сѣней осторожно пріотворилась,—и широкая полоса желто-золотистаго свѣта легла на лужайку почти до того самаго мѣста, гдѣ залегли сообщники. Въ серединѣ этой золотистой полосы появилась фигура дѣвушки. Даже отсюда можно было разглядѣть на ней ея свѣтло-сѣрый плащъ и скромную, плотно прилегающую къ головѣ маленькую шляпочку. Она окутала лицо, голову и шею газовымъ шарфомъ, вѣроятно, для того, чтобы защитить себя отъ рѣзкаго холоднаго вѣтра. Съ минуту она стояла, вглядываясь въ темноту, какъ бы въ нерѣшительности, идти-ли ей дальше или вернуться назадъ, затѣмъ быстрымъ, рѣшительнымъ движеніемъ заперла за собою дверь. Свѣтлая полоса пропала, но они все-таки знали, что она была уже за дверью, внѣ дома, и придетъ къ назначенному мѣсту.

Имъ показалось, однако, цѣлою вѣчностью то время, пока они, наконецъ, услышали звукъ ея шаговъ. Она подходила очень медленно и съ большой осторожностью, словно боясь наткнуться на что нибудь. Раза два она даже останавливалась и осматривалась кругомъ, чтобы убѣдиться, что не сбилась съ направленія. Въ этотъ моментъ изъ-за облаковъ вышла луна, и они увидѣли темный силуэтъ дѣвушки уже недалеко отъ себя. Луна позволила и ей различить старый дубъ, и она пошла теперь быстрѣе и увѣреннѣе. Подойдя ближе, она убѣдилась, что пришла первой на условленное мѣсто, такъ какъ снова замедлила шагъ и пошла теперь

той особой, безшумной поступью, какъ обыкновенно ходятъ, поджидая кого нибудь. Но тучи уже снова набѣжали, и кругомъ становилось все темнѣй и темнѣй.

— Я все еще вижу ее! — хрипло прошепталъ Эзра, схвативъ отца за руку въ своемъ возбужденіи.

Старикъ ничего не отвѣтилъ, жадно впиваясь глазами въ темноту.

— Вотъ она стоитъ немного отступя отъ дуба,—продолжалъ молодой человѣкъ, указывая на нее своимъ дрожащимъ пальцемъ,—она еще не достаточно близко отъ него, чтобы онъ могъ достать ее!

— Теперь онъ выступаетъ изъ тѣни,—тихо прошепталъ отецъ.—Развѣ ты не видишь, какъ онъ подкрадывается къ ней ползкомъ по землѣ?

— Вижу! Вижу его,—проговорилъ Эзра все тѣмъ же подавленнымъ, полнымъ ужаса голосомъ.—Вотъ онъ остановился; вотъ опять подвигается дальше. Боже мой, онъ подлѣ нея! Но она смотритъ въ другую сторону, отвернувшись отъ него!

Узкій лучъ свѣта вдругъ прорвался изъ-за тучъ, и въ немъ рѣзко вырисовались во мракѣ двѣ человѣческія фигуры: то была ничего не подозрѣвавшая дѣвушка и подстерегавшій ее убійца, готовый, подобно дикому звѣрю, однимъ прыжкомъ броситься на добычу. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и очутился на разстояніи менѣе аршина отъ нея. Дѣвушка, вѣроятно, услышала шорохъ позади себя и проворно обернулась, но въ тотъ же самый моментъ убійца нанесъ ей страшный ударъ, разомъ свалившій ее съ ногъ. Одну секунду тому назадъ здѣсь стояла красивая дѣвушка во всемъ блескѣ своей цвѣтущей молодости, а теперь лежала безформенная масса, безжизненный трупъ: Бертъ заработалъ свои кровавыя деньги.

При звукѣ страшнаго глухого удара и паденіи тѣла на землю—оба сообщника убійцы выбѣжали изъ своей засады. Бертъ стоялъ надъ жертвой съ своимъ страшнымъ орудіемъ въ рукѣ.

— Даже не ахнула!—хвастливо проговорилъ онъ.—Что вы скажете на это? А?..

Старикъ Гирдльстонъ протянулъ ему руку и, пожимая его мозолистую лапу, поздравилъ съ блестящей удачей.

— Не зажечь-ли фонарь?—спросилъ онъ.

— Бога ради, нѣтъ!—простоналъ Эзра.

— Я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, что ты такъ слабонервенъ,—произнесъ спокойно отецъ.—Но такъ какъ дорога къ калиткѣ мнѣ хорошо знакома, то мы можемъ дойти туда даже ощупью. Какъ отрадно знать, что нигдѣ кругомъ нѣтъ слѣдовъ крови! Въ этомъ главное преимущество кистеня передъ ножемъ!

— Въ этомъ вы правы, хозяинъ!—сказалъ одобрительно Бертъ.

— Не будете ли вы столь добры, мистеръ Бертъ, взяться съ одного конца, а я возьмусь съ другого,—обратился старикъ къ убійцѣ.—Вы извините, если я пойду впередъ; но я здѣсь лучше знаю дорогу, чѣмъ вы!

— Поѣздъ долженъ пройти черезъ полчаса, такъ что у насъ остается немного времени; спустя же эти полчаса всякая возможность напасть на слѣдъ преступленія совершенно исчезнетъ!

Старый Гирдльстонъ поднялъ голову убитой дѣвушки, Бертъ взялся за ноги. Эзра пошелъ за ними, словно подавленный какимъ-то тяжелымъ кошмаромъ. Онъ вполнѣ признавалъ необходимость этого убійства, но никогда раньше не могъ себѣ представить всего ужаса осуществленія его. Онъ уже начиналъ раскаиваться, что далъ свое согласіе на это страшное дѣло, но затѣмъ снова выплывали думы о блестящихъ перспективахъ ихъ фирмы, которая могла быть спасена только цѣною смерти этой дѣвушки. Могъ ли онъ, съ его вкусомъ и изнѣженностью, мириться съ бѣдностью и нуждой, грозившимъ ему въ томъ случаѣ, если фирма погибнетъ? Ужъ лучше веревку да петлю на шею, чѣмъ такая жизнь! Всѣ эти мысли тѣснились у него въ головѣ въ то время, какъ онъ плелся позади Берта къ деревянной калиткѣ въ стѣнѣ ограды.

XLV. Нашествіе въ Хампширъ.

Когда Томъ и маіоръ прибыли на станцію линіи Ватерлоо, они уже застали тамъ фонъ Баумзера и его двухъ товарищей. Господинъ съ нигилистическими взглядами былъ худощавъ и высокъ ростомъ; его сюртукъ съ очень длинными фалдами, застегнутый почти до подбородка, проявлялъ

тамъ и сямъ готовность разойтись по швамъ. Сѣдѣющіе волосы ложились ему на плечи, а коротко подстриженная бородка всклокочена. Онъ стоялъ, заложивъ одну руку за бортъ сюртука и подпершись въ бокъ другою, словно позировалъ для своей статуи, которую ему воздвигнетъ родной народъ, достигнувъ свободы. Несмотря на поношенное платье, въ этомъ человѣкѣ было что-то благородное и внушающее къ нему уваженіе; поклонъ его, когда Баумзеръ представилъ его Тому и маіору, сдѣлалъ бы честь любому представителю европейскаго двора; вокругъ шеи у него болтался толстый шнурокъ, на которомъ висѣлъ двойной лорнетъ. Вдѣвъ его на свой красивый съ легкой горбинкой носъ, онъ оглядѣлъ внимательно тѣхъ господъ, которымъ явился оказать свое содѣйствіе.

Бѣловъ изъ Киля былъ небольшого роста, темно-глазый, гладко-выбритый господинъ, проворный, энергичный и быстрый въ своихъ движеніяхъ; онъ болѣе походилъ на кельта, чѣмъ на тевтона. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ и увѣрялъ маіора на отвратительномъ англійскомъ языкѣ, что онъ особенно счастливъ быть полезнымъ тому, кто выказалъ столько доброты по отношенію къ его преслѣдуемому и уважаемому соотечественнику, фонъ Баумзеру. Вообще оба вновь прибывшіе относились къ его другу съ видимымъ уваженіемъ, показывавшимъ, что въ соціалистическихъ кружкахъ фонъ Баумзеръ являлся далеко не зауряднымъ человѣкомъ. Маіору оба эти пріятеля его друга очень понравились, и онъ былъ весьма доволенъ, что заручился ихъ содѣйствіемъ въ предстоящемъ дѣлѣ.

Неудача преслѣдовала нашихъ друзей. Освѣдомившись въ билетной кассѣ объ отходящихъ поѣздахъ, они узнали, что раньше какъ черезъ два часа не будетъ туда поѣзда, да и тотъ прибудетъ въ Бедсворсъ не ранѣе 8 часовъ вечера.

При этомъ извѣстіи Томъ Димсдаль не могъ уже болѣе сдерживаться; онъ бѣгалъ взадъ и впередъ, умоляя начальника станціи снарядить экстренный поѣздъ, чего-бы это ни стоило, но оказалось, что это невозможно въ виду усиленнаго субботняго движенія. Не оставалось ничего болѣе, какъ только дожидаться надлежащаго поѣзда. Фонъ Баумзеръ и его пріятели отправились поискать по близости такого учрежденія, гдѣ можно было-бы утолить голодъ, и вскорѣ нашли маленькій ресторанчикъ, гдѣ и стали угощаться по царски

на счетъ фонъ Баумзера, который сегодня угощалъ ихъ. Маіоръ Клеттербекъ также зналъ по близости хорошее мѣсечко, гдѣ можно было-бы не безъ удовольствія провести эти два часа ожиданія. Но Тома Димсдаля нельзя было уговорить покинуть платформу, хотя бы на одну минуту, а маіоръ не соглашался покинуть юношу въ его возбужденномъ состояніи ни на одну секунду. Не подлежитъ сомнѣнію, что это двухчасовое ожиданіе было записано обоими на счетъ старика Гирдльстона, которому предстояло разсчитаться и за него.

Въ самомъ дѣлѣ, хорошо, что именно въ этотъ день за спиной молодого Димсдаля стояли добрые друзья. Его видъ былъ до того странный и разстроенный, что всѣ проходившіе мимо невольно останавливались, чтобы взглянуть на него, или оборачивались назадъ, съ видомъ недоумѣнія. Его широко раскрытые глаза, казалось, никого и ничего не видѣли, и въ нихъ какъ-бы застыло выраженіе ужаса. Онъ не могъ оставаться ни минуты на мѣстѣ, а то садился, то вскакивалъ или принимался бѣгать взадъ и впередъ подъ вліяніемъ пожиравшей его потребности дѣлать что-нибудь. Маіоръ мѣрнымъ шагомъ расхаживалъ съ нимъ рядомъ, разсказывая для его развлеченія всевозможныя исторіи, правдивыя и апокрифическія, но Томъ даже не слушалъ его.

Эзра Гирдльстонъ опередилъ ихъ на цѣлыхъ четыре часа. Эта мысль не давала Тому покоя и брала верхъ надъ всѣми остальными соображеніями. Онъ отлично зналъ Кэтъ и былъ увѣренъ, что она никогда не высказала бы мистриссъ Скелли такихъ опасеній, если бы не имѣла на то самыхъ серьезныхъ основаній. И даже помимо ея словъ, что могло побудить старика къ этому внезапному удаленію ея отъ всѣхъ живыхъ людей и къ заключенію въ стѣнахъ уединеннаго, заброшеннаго аббатства, если не какой-нибудь злой замыселъ? Послѣ того, что онъ узналъ о страховкѣ судовъ и о томъ, какъ старикъ Гирдльстонъ склонилъ его прекратить всякія сношенія съ Кэтъ, пылкій юноша готовъ былъ повѣрить о немъ, что угодно. Кромѣ того, онъ зналъ теперь, что въ случаѣ смерти Кэтъ ея деньги переходили къ старику Гирдльстону, и потому у него не оставалось сомнѣнія, что тамъ затѣяли убійство. А этотъ страшный рыжебородый человѣкъ, котораго Эзра повезъ сегодня съ собой туда? Томъ готовъ былъ рвать на себѣ волосы, при мысли о своемъ без-

силіи въ настоящій моментъ помочь Кэтъ чѣмъ-нибудь и о своемъ безуміи, заставившемъ его потерять изъ виду Эзру Гирдльстона и его сообщника.

Маіоръ утверждалъ, что никогда еще въ жизни два часа времени не казались ему столь долгими, и Томъ могъ поддержать его въ этомъ. Но все на свѣтѣ приходитъ къ концу, и часовыя стрѣлки на станціонныхъ часахъ стали, наконецъ, приближаться къ назначенному для отправленія поѣзда въ Бедсворсъ времени. Баумзеръ и его пріятели вернулись изъ трактира съ папиросами въ зубахъ и значительно повеселѣвшіе

Всѣ пятеро усѣлись въ купэ вагона перваго класса и не могли дождаться, когда провѣрятъ билеты, заштемпелюютъ багажъ и продѣлаютъ всю эту процедуру передъ отправкой поѣзда. Наконецъ, раздался пронзительный свистокъ оберъ-кондуктора, удушливый храпъ паровоза въ отвѣтъ на него,— и колеса заработали, поѣздъ тронулся.

Нашимъ спасителямъ слѣдовало еще подробно обдумать планъ спасенія. Томъ, фонъ Баумзеръ и маіоръ обсуждали его, а двое соціалистовъ курили папиросу за папиросой, болтая между собою по нѣмецки. Томъ стоялъ за то, чтобы прямо отправиться въ аббатство и потребовать отъ Гирдльстона передать имъ молодую дѣвушку. Но маіору и его другу этотъ планъ казался неразумнымъ: это значило поставить себя въ безнадежно противузаконное положеніе. Гирдльстонъ могъ наотрѣзъ отказать имъ въ этомъ требованіи,— и въ сущности, какъ бы основательны ни были ихъ подозрѣнія, все же это были только подозрѣнія, не болѣе, и другіе люди могли взглянуть на нихъ иначе.

— Въ такомъ случаѣ, что же вы совѣтуете?—спросилъ Томъ, проводя рукой по своему разгоряченному лбу

— Да вотъ, я объясню вамъ свой планъ, — сказалъ маіоръ,—и полагаю, что мой другъ фонъ Баумзеръ согласится со мною! Сколько я понялъ, это аббатство обнесено кругомъ высокой каменной стѣной, въ которой всего только одни ворота. Мы должны остаться за оградой, а одинъ изъ насъ долженъ проникнуть въ ограду, въ качествѣ развѣдчика, и постараться разузнать, какъ тамъ все обстоитъ, и изучить мѣстоположеніе. Затѣмъ пусть онъ постарается увидѣть самое барышню и узнать, нужна ли ей немедленная помощь и какого рода. Если ему не удастся добраться до нея, то пусть

его бродитъ вокругъ дома и постарается, что можно, услышать и разузнать. По крайней мѣрѣ у насъ будутъ тогда хоть какія-нибудь серьезныя данныя, на основаніи которыхъ мы можемъ дѣйствовать.

— Я имѣю при себѣ свистокъ для охотничьихъ собакъ,— продолжалъ маіоръ,—нашъ развѣдчикъ могъ бы захватить его съ собой и въ случаѣ, если бы ему немедленно потребовалась наша помощь, пусть только свистнетъ,—и мы всѣ четверо подоспѣемъ къ нему, хотя я, право, не знаю, какъ перелѣзу черезъ стѣну, чортъ бы ее побралъ!—печально докончилъ маіоръ, оглядывая свою тучную фигуру.

— Я надѣюсь, мой другъ, что вы доставите мнѣ честь, позволивъ пойти первому, потому что, когда я служилъ въ швабскихъ стрѣлкахъ, то считался лучшимъ развѣдчикомъ въ полку!—проговорилъ ф.-Баумзеръ.

— Эта честь по праву принадлежитъ мнѣ!—сказалъ рѣшительно Димсдаль.

— Вы имѣете на то полное право, конечно,—поддержалъ его маіоръ...—Чортъ знаетъ, что это за поѣздъ: онъ идетъ не шибче того, на которомъ путешествовалъ по Америкѣ нашъ коммисаріатскій чиновникъ, Джимми Траверсъ, который разсказывалъ мнѣ, что однажды идетъ ихъ поѣздъ, и вдругъ они видятъ, что впереди по рельсамъ идетъ корова. Они думали, что поѣздъ переѣдетъ бѣдное животное, но все обошлось благополучно: они даже не нагнали ее, а вскорѣ она и совсѣмъ скрылась у нихъ изъ виду... А вотъ и станція! Далеко ли еще до Бедсворса, оберъ-кондукторъ?

— Слѣдующая станція, сэръ!

— Благодареніе Богу! Мы и такъ, вѣроятно, запоздали; впрочемъ, это всегда такъ бываетъ, когда очень торопишься!..

Было уже около восьми часовъ, когда они прибыли на мѣсто своего назначенія; начальникъ станціи направилъ ихъ къ «Бѣгущему Быку», гдѣ они наняли тотъ самый экипажъ, который привезъ въ аббатство Гирдльстона и Кэтъ въ день ихъ переселенія сюда. Пока запрягали лошадь, стало уже около половины девятаго.

— Поѣзжай какъ только можешь скорѣе въ аббатство!— сказалъ маіоръ.

Угрюмый возница ничего не отвѣтилъ, но выраженіе недоумѣнія и удивленія появилось на его флегматическомъ

лицѣ. За многіе годы никто никогда ничего не слыхалъ о старомъ аббатствѣ, такъ что почти даже забыли объ его существованіи, а теперь вдругъ цѣлыя стаи Лондонскихъ господъ стали ѣздить въ аббатство одни за другими. Онъ долго размышлялъ надъ этимъ страннымъ фактомъ и въ концѣ концовъ пришелъ къ тому выводу, что слѣдовало бы повысить плату за провозъ по этому случаю.

Ночь была отвратительная; погода бурная и сырая и при этомъ пронизывающе холодная; но никто изъ пяти пассажировъ даже не замѣчалъ этого: всѣ были поглощены предстоящей имъ задачей. Даже доброхотные участники экспедиціи до того пріобщились къ интересамъ молодого Димсдаля, что смотрѣли уже на это дѣло, какъ бы на свое личное.

— Ворота какъ разъ въ концѣ этого луга, сэръ!

— Близко мы теперь?—спросилъ маіоръ.

— Не подъѣзжай къ воротамъ, слышишь, а остановись немного дальше, проѣхавши ворота!

— Тамъ нѣтъ другого хода, кромѣ какъ черезъ ворота!—замѣтилъ возница.

— Дѣлай, какъ тебѣ приказано!—строго сказалъ маіоръ.

На лицѣ возницы снова появилось несомнѣнное удивленіе. Онъ обернулся въ полъ-оборота на козлахъ и пристально, насколько позволяла темнота ночи, вглядѣлся въ своихъ сѣдоковъ. Ему почему-то показалось всего болѣе вѣроятнымъ, что ему придется когда-нибудь, быть можетъ даже въ недалекомъ будущемъ, показывать на нихъ подъ присягой въ какомъ-нибудь судебномъ учрежденіи. «Этого толстаго краснощекаго я, навѣрное, узнаю, да и желтобородаго также!—подумалъ про себя возница.

Въ этотъ моментъ они проѣхали мимо каменныхъ столбовъ съ аллегорическими эмблемами и поѣхали дальше вдоль высокой стѣны парка. Отъѣхавъ шаговъ сто или больше отъ воротъ, маіоръ приказалъ возницѣ остановиться, и всѣ пятеро вышли изъ экипажа. Повышенная плата за проѣздъ была уплачена безъ возраженій, и возница покатилъ обратно къ дому, думая заѣхать на всякій случай въ полицейское правленіе графства и донести о подозрительныхъ сѣдокахъ, которыхъ онъ только что отвезъ въ аббатство.

— Весьма вѣроятно, что они держатъ сторожа у воротъ,— проговорилъ маіоръ,— а потому намъ слѣдуетъ держаться отъ нихъ подальше. Стѣна эта очень высокая, и, полагаю, намъ

всего лучше идти вдоль ея до тѣхъ поръ, пока мы не найдемъ мѣста, гдѣ она всего болѣе доступна!

— Я могъ бы перебраться черезъ нее и здѣсь!—сказалъ Томъ Димсдаль, сгорая отъ нетерпѣнія и волненія.

— Подождите еще немного; вѣдь, нѣсколько минутъ не могутъ составить никакой разницы, а старикъ сэръ Колинсъ обыкновенно утверждалъ, что гораздо больше битвъ проиграно изъ-за излишней поспѣшности, чѣмъ изъ-за излишней медлительности. Что это тамъ за высокая гряда?

— Это желѣзнодорожная насыпь,—сказалъ фонъ Баумзеръ,—видите, тамъ сторожка стрѣлочника и красные огни!

— Такъ и есть! Здѣсь стѣна, кажется, какъ будто нѣсколько ниже... А это что такое темное? Стой, друзья,—да это дверь, или деревянная калитка, ведущая въ ограду!

— Хотя она заперта изнутри!

— Подсадите-ка меня здѣсь! — почти умоляюще сказалъ Томъ.—Вѣдь, вы не можете знать, что происходитъ тамъ, за этой оградой. Быть можетъ, въ эту самую минуту, когда мы стоимъ здѣсь, они замышляютъ убійство!

— Онъ правъ!—прибавилъ фонъ Баумзеръ.—Мы будемъ ждать здѣсь, пока вы не позовете насъ. Давайте поможемъ ему друзья! Подсадите его!

Они подсадили; Томъ ухватился за гребень стѣны, хотя битыя стекла глубоко врѣзались въ его руки, и въ слѣдующій моментъ стоялъ уже на мѣстѣ.

— Вотъ свистокъ, возьмите его!—сказалъ маіоръ, подымаясь на кончики пальцевъ и подавая ему маленькую серебряную вещицу.—Если только мы понадобимся, свистните въ него хорошенько: мы разомъ подоспѣемъ на подмогу! Если кому не перебраться черезъ стѣну, то мы выломаемъ эту дверь. Пусть ихъ чортъ возьми, а только мы пробьемся къ вамъ!

Томъ только что собрался спрыгнуть внизъ въ кусты, росшіе вдоль стѣны, какъ вдругъ товарищи, слѣдившіе за нимъ снизу, увидѣли, что онъ прилегъ на гребнѣ стѣны и остался неподвиженъ, прислушиваясь къ чему-то.

— Шшъ!—шепнулъ онъ имъ сверху.—Кто-то идетъ въ кустахъ подъ деревьями!

Теперь вѣтеръ стихъ, и буря какъ будто улеглась. Начиная съ поляны передъ домомъ, уже можно было слышать шаги и подавленные звуки голосовъ. Остальные за стѣной также заползли въ тѣнь отъ стѣны и приникли къ землѣ; Томъ лежалъ

плашмя на гребнѣ стѣны, и никто не могъ снизу отличить его отъ самой стѣны.

Между тѣмъ и звуки шаговъ, и голоса замѣтно приближались, пока не подошли къ самой оградѣ. Судя по звуку, то были шаги нѣсколькихъ человѣкъ, ступавшихъ медленно и тяжело; затѣмъ раздался рѣзкій звукъ поворачиваемаго ключа въ ржавомъ замкѣ и деревянная калитка раскрылась, протяжно заскрипѣвъ на своихъ ржавыхъ петляхъ.

Три темныхъ фигуры прошли въ нее, повидимому, неся какую-то довольно тяжелую ношу. Находившіеся въ засадѣ еще плотнѣе прижались къ стѣнѣ и прилегли къ землѣ, оставаясь неподвижными и жадно слѣдя за каждымъ движеніемъ трехъ фигуръ. Они съ трудомъ могли различать, но тѣмъ не менѣе, слѣдя за этими темными фигурами, вдругъ почувствовали безотчетный ужасъ, какъ будто на всѣхъ ихъ дохнуло дыханіемъ смерти. Темныя фигуры перешли черезъ дорогу и стали подыматься на желѣзнодорожную насыпь. Судя по ихъ движеніямъ, можно было сказать съ увѣренностью, что ихъ ноша была тяжелая, такъ какъ они принуждены были нѣсколько разъ останавливаться во время подъема на крутой, поросшій травою и потому скользкій откосъ насыпи; однажды даже, шедшій впереди, очевидно, оступился и упалъ на колѣни, подавивъ глухое проклятіе. Наконецъ, они очутились на насыпи, и ихъ темныя фигуры, сливавшіяся во время подъема съ насыпью, теперь опять ясно вырисовывались на фонѣ ночного неба. Всѣ трое склонились надъ рельсами, на которыя и положили свою ношу, какую-то безформенную темную массу, которую они несли очень бережно.

— Нужно свѣту!—сказалъ кто-то изъ трехъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ?—возразилъ другой.

— Мы не можемъ работать впотьмахъ! — замѣтилъ третій, недовольный и сердитый голосъ, говорившій грубо и громко, въ отличіе отъ остальныхъ, говорившихъ сиплымъ шепотомъ.

— Мы должны устроить такъ, чтобы поѣздъ прошелъ какъ разъ черезъ...—сказалъ спокойно первый голосъ.—Вотъ, Бертъ, зажгите!

Послышался звукъ чиркнутой о коробокъ спички, и слабая точка свѣта зажглась во тьмѣ; она мигнула и угасла, словно ее задуло вѣтромъ; но въ слѣдующій моментъ фитиль фонаря загорѣлся, и яркій желтый лучъ свѣта освѣтилъ окружающее. Свѣтъ фонаря упалъ прежде всего прямо на маіора и его то-

варищей, выскочившихъ теперь на проѣзжую дорогу, отдѣлявшую насыпь отъ стѣны, а затѣмъ освѣтилъ и группу на полотнѣ желѣзной дороги. Но не на маіора и его пособниковъ смотрѣли теперь расширенными, полными ужаса глазами убійцы; даже самъ маіоръ и остальные въ этотъ моментъ совершенно забыли о негодяяхъ тамъ на насыпи, такъ какъ тамъ, на темномъ фонѣ калитки, почти посреди проѣзжей дороги, освѣщенная дрожащимъ свѣтомъ фонаря, игравшимъ на блѣдномъ красивомъ личикѣ, словно призракъ, вышедшій изъ могилы, стояла многострадальная, измученная дѣвушка, которой предназначался смертельный ударъ убійцы.

Нѣсколько минутъ она стояла неподвижно; присутствующіе тоже не шевелились, словно ошеломленные. Вдругъ съ высоты насыпи раздался такой ужасный, такой дикій крикъ, что тѣ, кто слышали его, никогда не забудутъ. Бертъ упалъ на колѣни и закрылъ глаза рукой, чтобы не видѣть. Джонъ Гирдльстонъ схватилъ своего сына за руку и увлекъ его за собою внизъ во тьму, разстилавшуюся по ту сторону насыпи; они бѣжали безъ оглядки, обезумѣвъ отъ страха, съ лицами, побѣлѣвшими отъ ужаса и широко раскрытыми, ничего не видящими передъ собой глазами, какъ люди только что смотрѣвшіе въ лицо мертвецу, выходцу съ того свѣта.

Между тѣмъ Томъ соскочилъ внизъ со стѣны и схватилъ Кэтъ въ свои объятія. Она прижалась къ нему, плача и смѣясь, спасенная, наконецъ, отъ сѣтей смерти, которыя уже затягивались надъ ней и чуть было совсѣмъ не затянулись.

XLVI. Полночное бѣгство.

Если были когда-либо два человѣка, совершенно пришибленныхъ, разбитыхъ и уничтоженныхъ, то это были Гирдльстоны. Мокрые, исцарапанные колючками, въ изорванномъ платьѣ, задыхаясь и падая отъ изнеможенія, они все продолжали бѣжать безцѣльно, безсознательно пробивая себѣ дорогу черезъ лѣсъ и кусты, перескакивая черезъ встрѣчавшіяся на пути препятствія; въ ихъ отуманенномъ мозгу вертѣлась одна только мысль—бѣжать, бѣжать какъ можно дальше отъ этого кроткаго, красиваго личика, этого воплощеннаго безмолвнаго упрека, все еще стоявшаго у нихъ передъ глазами. Истощенные, обезсилѣвшіе они продолжали то тащиться, то бѣжать сквозь мракъ и бурю ночи, не чувствуя ни холода, ни

боли отъ ссадинъ и царапинъ, пока вдали не блеснуло море, и до ихъ слуха не донесся однообразный, грозный шумъ прибоя. Теперь только они остановились среди прибрежныхъ песковъ и камышей. Теперь луна свѣтила, ярко заливая своимъ холоднымъ ровнымъ свѣтомъ бушующій океанъ и длинную темную линію Хампширскаго побережья. Остановившись эти двое несчастныхъ взглянули, наконецъ, другъ другу въ лицо съ тѣмъ выраженіемъ, съ какимъ, вѣроятно, глядѣли другъ на друга двѣ погибшихъ души, когда за ними впервые захлопнулись врата ада.

Кто бы могъ узнать теперь въ нихъ, въ этихъ двухъ несчастныхъ, всѣми уважаемаго коммерсанта изъ Фенгеръ-Стрита и его высокомѣрнаго красавца сына?. Платье на нихъ было изорвано; лицо обрызгано грязью и исцарапано мѣстами въ кровь колючками; старикъ потерялъ свою шляпу, и его серебристые волосы разметались по вѣтру. Но еще болѣе разительна была перемѣна, происшедшая въ ихъ лицахъ. Оба они имѣли теперь то испуганное, недоумѣвающее и вмѣстѣ боязливое выраженіе, какое пріобрѣтаетъ физіономія загнаннаго звѣря, чующаго за собою погоню. Ихъ дрожащія руки и прерывающееся дыханіе свидѣтельствовали о полномъ изнеможеніи; боязливо оглядывались они кругомъ, готовые бѣжать безъ оглядки, при первомъ подозрительномъ звукѣ.

— Дьяволъ, ты этакій! — воскликнулъ, наконецъ, Эзра хриплымъ, словно не своимъ голосомъ, дѣлая шагъ впередъ по направленію къ отцу и какъ бы собираясь его ударить.— Вотъ до чего ты насъ довелъ со своими разсчетами и заговорами! Что мы будемъ теперь дѣлать, а? Отвѣть мнѣ на это!— Онъ схватилъ старика за сюртукъ и сталъ сильно трясти, чуть не задушивъ.

Лицо Гирдльстона-старика страшно вытянулось; казалось, съ нимъ сейчасъ будетъ ударъ; глаза же сдѣлались точно стеклянные и какъ будто ничего не видѣли передъ собой. Луна освѣщала его неподвижные, остановившіеся глаза и искаженное, мертвенно-блѣдное лицо.

— Видѣлъ ты ее?—спросилъ онъ почти шепотомъ, и губы его тряслись.—Видѣлъ?

— Да, видѣлъ!—рѣзко и отрывисто отвѣтилъ сынъ.—Видѣлъ еще и этого проклятаго Димсдаля, и маіора, и еще, Богъ вѣсть, сколько другихъ за ея спиной! Нечего сказать, хорошенькую компанію мы накликали на себя!..

— То былъ ея духъ!—произнесъ старикъ все тѣмъ же исполненнымъ ужаса шепотомъ, — духъ убитой дочери Джона Харстона!

— Не духъ, а она сама,—сказалъ Эзра; онъ такъ же былъ охваченъ паническимъ страхомъ въ первый моментъ, но во время бѣгства успѣлъ нѣсколько разобраться въ положеніи дѣлъ.—Нечего сказать, заварили мы славную кашу съ этимъ дѣломъ!

— Ты говоришь, она сама!—воскликнулъ старикъ въ недоумѣніи.—Бога ради, не издѣвайся надо мной! Кто же была та, кого мы несли черезъ весь паркъ и оставили на рельсахъ?

— Кто? Да никто иной, какъ эта ревнивая Ревекка Тайльфорсъ, понятно! Она, вѣроятно, прочла мою записку и вышла въ плащѣ и шляпѣ той, чтобы узнать, что я ей буду говорить, безумная!

— Значитъ, не та, которую намъ было нужно, не та!—пробормоталъ старикъ все съ тѣмъ же остановившимся взглядомъ.—И все задаромъ, совсѣмъ за даромъ!... Все напрасно! Безъ всякой пользы!...

— Не стой тутъ, да не бормочи себѣ подъ носъ,—грубо крикнулъ Эзра, схвативъ отца за рукавъ и таща его за собой вдоль по берегу.—Развѣ ты не понимаешь, что тамъ за нами погоня, и намъ грозитъ висѣлица, если поймаютъ! Очнись! Хорошій это будетъ конецъ послѣ всѣхъ твоихъ молитвъ, поученій и богобоязненныхъ упражненій!

И оба опять побѣжали по песчаной отмели, пробираясь между камышами и скользя по зеленому илу и тинѣ, оставленнымъ на пескѣ послѣдней бурей. Вѣтеръ былъ еще на столько силенъ, что имъ приходилось бѣжать, низко опустивъ голову. Соленыя брызги ѣли имъ глаза, оставляя горькій осадокъ на губахъ.

— Куда ты ведешь меня, сынъ мой?—спросилъ, наконецъ, старикъ, совершенно выбившись изъ силъ.

— Къ единственному мѣсту спасенія, какое намъ еще осталось,—отвѣтилъ Эзра.—Иди и не спрашивай!

Вскорѣ сквозь сумракъ ночи имъ показался вдали слабый огонекъ, мигавшій далеко впереди. Это былъ, очевидно, тотъ пунктъ, къ которому стремился Эзра.

По мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, свѣтъ разгорался и увеличивался, пока, наконецъ, не обратился въ свѣтъ

лампы, льющійся изъ маленькаго окна ромбоидальной формы. Теперь старикъ Гирдльстонъ узналъ это мѣсто. То была хижина одного рыбака, по имени Сампсонъ, который жилъ въ полутора миляхъ отъ Клакстона. Его жилище привлекало всеобщее вниманіе своей курьезной и необычайной постройкой: оно было сооружено изъ обломковъ разбившейся здѣсь на берегу много лѣтъ тому назадъ норвежской барки. Своеобразная кровля, окна и обшивка дома придавали этой хижинѣ чрезвычайно любопытный видъ; владѣлецъ ея былъ счастливымъ обладателемъ очень хорошаго рыболовнаго судна, которымъ онъ очень гордился и на которомъ работалъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ, извлекая, какъ гласила молва, весьма приличный доходъ.

— Что ты думаешь сдѣлать,—спросилъ опять старикъ, когда сынъ его подошелъ къ двери.

— Не будь точно привидѣніе; ты, вѣдь, людей напугаешь своимъ видомъ; если будешь спокоенъ, то мы еще можемъ спастись!—проговорилъ Эзра.

— Мнѣ уже лучше, я нѣсколько оправился! Можешь на меня положиться!...

— Старайся принять улыбающійся видъ!—шепнулъ ему сынъ и громко, рѣшительно постучалъ въ дверь. Ихъ приближенія не слыхали изъ-за шума прибоя волнъ и воя вѣтра. Но когда Эзра постучалъ въ дверь, то внутри послышалась возня, звукъ опрокинутыхъ стульевъ и громкій лай собаки, затѣмъ глухой звукъ, какъ будто кто-то запустилъ въ собаку сапогомъ; раздался короткій визгъ, и лай смолкъ.

— Нѣту живцовъ!—крикнулъ грубый голосъ изнутри.

— Я хотѣлъ бы видѣть мистера Сампсона!—сказалъ Эзра.

— Да говорятъ же вамъ, что нѣтъ у насъ живца!—заревѣлъ тотъ же голосъ, еще болѣе сердито и раздражительно.

— Да намъ не нужно живца; намъ надо только поговорить объ дѣлѣ!

Теперь дверь распахнулась, и грубаго вида человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ красной шерстяной курткѣ и съ лицомъ не менѣе краснымъ, чѣмъ его куртка, появился на порогѣ.

— Нѣтъ у насъ...—началъ было онъ, но вдругъ, узнавъ своихъ посѣтителей, коротко оборвалъ свою рѣчь, глядя на нихъ съ такимъ удивленіемъ, какъ будто они на его глазахъ выросли изъ подъ земли.

— Право слово! Да это господа изъ аббатства!—восклик-

нулъ онъ, наконецъ, и свистнулъ, очевидно, выпуская такимъ способомъ свой зарядъ удивленія, которое иначе, казалось-бы, такъ и застряло въ его существѣ.

— Мы хотѣли поговорить съ вами, мистеръ Сампсонъ!—началъ Эзра.

— Ну, конечно, конечно! — воскликнулъ рыбакъ, пятясь въ свою хижину и обтирая рукавомъ своей куртки сидѣнья двухъ деревянныхъ стульевъ.—Входите! Слушай, Джорджъ, пододвинь для господъ стулья!

На послѣдній окликъ отозвался тощій, долговязый, но мускулистый парень въ тяжелыхъ рыбачьихъ сапогахъ, который подтолкнулъ стулья къ огню, гдѣ весело горѣло нѣсколько толстыхъ тяжелыхъ полѣнъ. Гирдльстоны присѣли къ огню и стали грѣться; рыбакъ и его сынъ наблюдали за ними, молча разинувъ рты, словно то были не люди, а какіе то рѣдкіе экземпляры зоологическаго міра, выброшенные бурей на берегъ.

— Лежи смирно, Самми!—грубо крикнулъ рыбакъ на громадную овчарку, которая теперь почему-то усердно лизала руку Гирдльстона.—Чего она такъ сосетъ? Эге, да у васъ на рукѣ кровь, сэръ!

— Очень возможно, мой отецъ расцарапалъ о тернъ,—сказалъ поспѣшно Эзра,—и шляпу у него сдуло: мы заблудились впотьмахъ и только случайно выбрались сюда. Такое непріятное положеніе!

— Ну, конечно!—согласился Сампсонъ, оглядывая ихъ съ головы до ногъ.—А я думалъ, когда услышалъ вашъ стукъ, что наши сосѣди рыбаки изъ Клакстона; они во всякое время идутъ сюда за живцомъ, это, пожалуй, единственные гости, какихъ мы здѣсь видимъ! Не такъ ли, Джорджъ?

Но тотъ ничего не отвѣтилъ, а только широко раскрылъ свой громадный ротъ и загоготалъ.

— Мы пришли сюда предложить вамъ заработокъ получше,—сказалъ Эзра.—Вы, вѣроятно, помните, что мы встрѣтились съ вами нѣсколько времени тому назадъ, и вы разсказывали о вашемъ домѣ, суднѣ и разныхъ разностяхъ...

Рыбакъ утвердительно кивнулъ головой.

— Вы говорили тогда, что ваше судно очень быстроходное и такое большое и просторное, что не уступитъ, пожалуй, иной яхтѣ. Какъ мнѣ помнится, я сказалъ вамъ тогда, что когда-нибудь, быть можетъ, испробую его!

Рыбакъ снова кивнулъ. Его удивленные глаза все еще продолжали слѣдить за гостями, останавливаясь на каждой прорѣхѣ ихъ платья, на каждомъ пятнѣ грязи на ихъ лицахъ и обуви.

— Мы съ отцомъ хотимъ проѣхать берегомъ до Дауна и надумали воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы испробовать ваше судно и ваше искусство въ управленіи имъ. Надѣюсь, оно можетъ безнаказанно пройти это разстояніе?

— Можетъ ли оно пройти это разстояніе?! Даунъ не больше, какъ въ двадцати миляхъ отсюда! При хорошемъ вѣтрѣ можно дойти туда въ одинъ день! Завтра около полудня можно будетъ и отправиться, если вѣтеръ спадетъ!

— Завтра около полудня!.. Нѣтъ, намъ нужно уже быть на мѣстѣ къ этому времени. Мы хотимъ выйти въ море теперь-же!

Морякъ оглянулся назадъ на сына, а тотъ снова фыркнулъ и расхохотался.

— Вотъ было бы важное дѣло—выходить въ море въ такое время ночи, да еще при такомъ бурномъ юго-западномъ вѣтрѣ! Никогда не слыхалъ ничего подобнаго!

— Послушайте,—продолжалъ Эзра, выразительно подчеркивая свои слова,—мы съ отцомъ рѣшили отправиться непремѣнно сегодня;—насъ ждетъ тамъ срочное дѣло и потому мы готовы заплатить, сколько слѣдуетъ. Чѣмъ скорѣе мы отправимся, тѣмъ для насъ лучше. Скажите сами, сколько вы желаете получить, и мы, вѣроятно, сойдемся въ цѣнѣ. Но если вы не хотите доставить насъ въ Даунъ, то скажите прямо: въ Клакстонѣ много такихъ хозяевъ, которые согласятся это сдѣлать!

— Ну, ночь сегодня будетъ не добрая, объ этомъ и говорить нечего!—пробормоталъ рыбакъ,—и можно сказать почти навѣрняка, что насъ будетъ кидать изъ стороны въ сторону, и, быть можетъ, порветъ снасти. Мы не давно только что красили судно заново! Ну, а отъ такой работы краска испортится, это всякій знаетъ. Да и путь, вѣдь, не малый, и назадъ-то надо вернуться... Это будетъ стоить мнѣ двухъ или трехъ рабочихъ дней, а теперь рыбы здѣсь у берега пропасть нагнало, и сбытъ самый хорошій...

— Ну, хватитъ вамъ за все это 30 фунтовъ?—спросилъ Эзра.

Эта сумма была гораздо выше той, о какой мечталъ рыбакъ

и какую осмѣлился бы назвать, но щедрость молодого коммерсанта дала ему смѣлость попробовать, нельзя получить съ него еще больше.

— Тридцать пять, и то было бы недостаточно за мои убытки и труды!—сказалъ рыбакъ,—если считать и поврежденія судна!

— Ну, такъ скажемъ: сорокъ,—произнесъ Эзра,—и дѣло съ концомъ.—Хотя это и такъ ужъ больно много за проѣздъ на рыбацкомъ суднѣ, но я ужъ, такъ и быть, не стану торговаться изъ-за нѣсколькихъ фунтовъ!

Старый рыбакъ поскребъ у себя въ затылкѣ, словно въ нерѣшимости, принять ли это нежданное благословеніе Господне или постараться получить еще больше.

Но Эзра разрѣшилъ этотъ вопросъ, быстрымъ движеніемъ вскочивъ на ноги и воскликнувъ: «Пойдемъ, отецъ, въ Клакстонъ; тамъ мы найдемъ то, что намъ нужно, да еще за полъ цѣны!

— Не спѣшите такъ, сэръ, не спѣшите!—торопливо проговорилъ рыбакъ.—Вѣдь, я еще не сказалъ, что не согласенъ на это дѣло. Я готовъ выйти въ море за тѣ деньги, что вы изволили предложить, — готовъ... Ну-ка поторапливайся, Джорджъ! Готовь снасти!

Парень въ громадныхъ сапогахъ засуетился и принялся выноситъ на дворъ то-то, то другое, съ такимъ проворствомъ, какого трудно было даже подозрѣвать въ немъ, судя по его неуклюжему виду.

— Можно мнѣ умыть руки гдѣ нибудь?—спросилъ старикъ Гирдльстонъ.

На рукахъ его были во многихъ мѣстахъ слѣды крови отъ трупа убитой дѣвушки:—на провѣрку оказалось, что кистень Берта вовсе ужъ не такое безкровное оружіе.

— Вотъ тутъ есть вода, сэръ, въ этой чашкѣ,—сказалъ рыбакъ.—Можетъ, вамъ нужно еще и немного пластыря, чтобы заклеить имъ ссадины?

— Нѣтъ, благодарю!—Вѣдь, это въ сущности пустяки!—поспѣшно отвѣтилъ старикъ.

— Ну, такъ я оставлю васъ здѣсь на время,—сказалъ рыбакъ, а мнѣ нужно пойти туда: тамъ еще много дѣла. Боюсь только, что пища для васъ у меня на суднѣ будетъ незавидная: сухари, вода да сушеное мясо!..

— Ничего!—Поторапливайтесь только, сколько можно!—продолжалъ Эзра.

Рыбакъ вышелъ за дверь и поспѣшилъ на берегъ, гдѣ около судна возился его сынъ. Эзра остался вдвоемъ съ отцомъ въ хижинѣ. Старикъ очень тщательно умылъ свои руки и вылилъ грязную воду на улицу, за дверь.

— Какимъ образомъ уплатишь ты этому человѣку обѣщанную сумму?—спросилъ онъ сына.

— У меня есть деньги, зашитыя въ жилеткѣ и подкладкѣ сюртука,—отвѣтилъ тотъ,—я не былъ такимъ безумнымъ, чтобы не предвидѣть, что крахъ могъ случиться въ любую минуту, и рѣшилъ, чтобы не все досталось въ руки кредиторовъ!...

— Сколько у тебя есть при себѣ?

— Что тебѣ до этого?—сердито огрызнулся Эзра.—Знай свои дѣла! Эти деньги мои, я ихъ спасъ и потому имѣю на нихъ право! Довольно и того, что я согласился истратить часть ихъ для твоего спасенія!

— Да я не оспариваю у тебя этихъ денегъ, мой мальчикъ,—кротко сказалъ старикъ.—Надо благодарить Бога, что ты имѣлъ предусмотрительность припрятать деньги. Что, ты намѣренъ переправиться во Францію?

— Во Францію! Да развѣ ты не понимаешь, что телеграфъ тамъ уже поднялъ на ноги всѣхъ жандармовъ?! Нѣтъ, сударь, это было бы плохое спасеніе!.. Тамъ насъ изловили бы однимъ махомъ!...

— Куда же въ такомъ случаѣ думаешь ты бѣжать?

— А гдѣ рыбакъ?—отозвался Эзра, подозрительно выглядывая за дверь въ ночную темноту.—Никто не долженъ знать о мѣстѣ назначенія. Мы нагонемъ судно капитана Миггса—«Чернаго Орла» въ Даунѣ; оно должно было выйти сегодня изъ Темзы, пристать въ Гравесэндѣ и прослѣдовать оттуда въ Даунъ, гдѣ оно будетъ завтра. Это будетъ воскресенье; никакія вѣсти еще не дойдутъ... Если намъ удастся отплыть вмѣстѣ съ Миггсомъ, то судебныя власти и полиція потеряютъ всякій слѣдъ нашъ. Мы заставимъ его спустить насъ на берегъ въ Испаніи, и думаю, это достаточно собьетъ съ толку нашихъ сыщиковъ. Безъ сомнѣнія, они караулятъ теперь каждую станцію по всей линіи. Не могу себѣ представить только, что сталось съ Бертомъ!

— Надѣюсь, что его повѣсятъ!—воскликнулъ Джонъ

Гирдльстонъ съ проблескомъ прежней энергіи.—Если бы онъ принялъ обычныя мѣры предосторожности, чтобы удостовѣриться, та ли это дѣвушка,—никогда бы не случилось этого!

— Не вали на него вину,—съ горечью сказалъ Эзра,—вспомни, кто настаивалъ на этомъ дѣлѣ, когда оба мы готовы были идти на попятный! Да и кто изъ насъ подумалъ бы объ этомъ, если бы не ты!

— Я дѣйствовалъ съ благою цѣлью!—воскликнулъ старикъ, воздѣвъ руки къ потолку молитвеннымъ жестомъ.—Не тебѣ упрекать меня: вѣдь, только ради тебя, ради того, чтобы оставить тебя богатымъ, я задумалъ это. Мною двигала одна только эта мысль. И я готовъ былъ сдѣлать все, что угодно, для достиженія этой цѣли!..

— Вы всегда имѣете превосходныя намѣренія,—ядовито сказалъ сынъ,—но они обладаютъ странной способностью проявляться въ очень дурномъ свѣтѣ. Берегись, вотъ идетъ Сампсонъ!

Дѣйствительно, въ этотъ моментъ послышались передъ дверью хрустъ песка и тяжелые шаги рыбака, вслѣдъ затѣмъ заглянуло въ дверь и его красное лицо, лоснящееся отъ соленой воды прибоя.

— Мы совсѣмъ готовы, сэръ!—сказалъ онъ,—Джорджъ и я нарядимся въ наши непромокаемыя куртки и плащи, и тогда можно запирать лавочку. Дому нашему придется самому себя стеречь, пока мы съ сыномъ вернемся.

Гирдльстоны вышли и пошли къ морю, здѣсь ихъ ждала маленькая шлюпка, которая и подвезла ихъ къ судну, стоявшему на якорѣ на разстояніи двухсотъ ярдовъ отъ берега. Его силуэтъ слабо вырисовывался во тьмѣ. Вправо и влѣво тянулась длинная линія бѣлой пѣны, словно океанъ былъ громадное хищное чудовище, грозно рычащее и подстерегающее свою жертву, скаля на маленькое судно свои бѣлые, блестящіе зубы.

Буря, впрочемъ, нѣсколько улеглась, но временами все еще дулъ сильными порывами югозападный вѣтеръ; густыя, темныя клочковатыя тучи неслись по небу. Температура была весьма низкая, такъ что оба пассажира застегнулись до верху и потирали руки отъ холода.

Спустя немного времени пришелъ Сампсонъ съ сыномъ; они несли по фонарю въ каждой рукѣ. Дверь хижины они закрыли на тяжелый висячій замокъ, что означало, что они окон-

чательно готовы къ отъѣзду. При свѣтѣ фонарей можно было разглядѣть, что они съ ногъ до головы одѣты въ непромокаемыя желтыя промасленныя одежды и такія же рыбачьи шляпы, повидимому, разсчитывая на сырую и мокрую погоду.

— Вы вовсе не такъ одѣты, чтобы провести на суднѣ эту ночь; вы промокнете до костей!—сказалъ Сампсонъ.—Право, я боюсь за васъ, сэры!

— Это уже наше дѣло!—отвѣчалъ Эзра.—Отчаливайте!

— Садитесь, сэры, а мы за вами!—промолвилъ Сампсонъ.

Челнокъ столкнули въ прибой, который чуть было не подхватилъ его, послѣ чего оба рыбака проворно вскарабкались въ него и оттолкнулись отъ мели. Эзра и его отецъ сѣли на кормѣ; рыбаки принялись усиленно грести. Волны ходили очень высокія,—и шлюпка то высоко взлетала на гребень громадной волны, то неудержимо неслась въ глубокую бездну между двумя грозными ревущими волнами. Временами и судно, къ которому они правили, высоко поднималось на гребнѣ вала, а затѣмъ почти исчезало изъ вида между высокими волнами, такъ что надъ водяной стѣной виднѣлись только верхи его мачты. Отъ берега до судна было всего какихъ нибудь двѣсти саженъ, но для прозябшихъ, измученныхъ и непривычныхъ бѣглецовъ это разстояніе показалось въ нѣсколько разъ больше.

— Готовь багоръ!—крикнулъ рыбакъ, когда темный силуэтъ судна, наконецъ, выросъ непосредственно передъ ними.

— Готово, отецъ!—отозвался молодой парень.

Челнокъ подвели къ борту судна, и пассажиры вскарабкались на него, какъ могли, за ними проворно и ловко послѣдовали рыбаки.

— Захватилъ причалъ-то, Джорджъ?

— Да!

— Такъ закрѣпи его на кормѣ!

Парень побѣжалъ и закрѣпилъ причалъ шлюпки на кормѣ судна, послѣ чего оба они стали подымать парусъ.

— Ну, теперь будетъ ладно!—сказалъ Сампсонъ.—Подсобите намъ, сэръ, если вы ничего противъ того не имѣете!

Эзра ухватился за канатъ, переданный ему, и сталъ тянуть. Для него было положительнымъ облегченіемъ ухватиться за любое дѣло, которое отвлекло его хоть на время отъ событій истекшаго вечера.

— Хватитъ, сэръ! Пустите!—сказалъ шкиперъ и, пере-

гнувшись черезъ корму, подхватилъ якорь, который Эзра вытянулъ на бортъ; съ шумомъ упалъ на палубу тяжелый якорь. Послѣ этого отецъ и сынъ, при содѣйствіи своихъ пассажировъ, укрѣпили снасти, подняли большой коричневый парусъ,—и маленькое судно накренилось такъ, что черпнуло бортомъ воды, а палуба очутилась подъ такимъ угломъ, что, только крѣпко держась за снасти, джентльмены могли устоять на ногахъ. Бѣшеныя волны бились о корму, поминутно обдавая ее тучами брызгъ и при случаѣ заливая чуть не всю палубу.

— Оно, конечно, не то, чтобы настоящая каюта,—обратился къ пассажирамъ Сампсонъ, какъ бы извиняясь,—ну, ужъ какъ есть, сэръ,—вы найдете ее внизу; тамъ вамъ, можетъ быть, лучше будетъ!

— Благодарю васъ, — отозвался Эзра, — мы пока еще останемся на верху. Когда можемъ мы прибыть въ Даунъ?

— Этимъ ходомъ мы будемъ тамъ около полудня.

— Благодарю!

Рыбаки соблюдали между собою очередь, чередуясь одинъ у руля, другой на вахтѣ. Оба же пассажира, прижавшись другъ къ другу, присѣли за бакомъ. Каждый изъ нихъ былъ настолько озабоченъ и поглощенъ своими собственными мыслями, что имъ было не до разговора. Вдругъ, миновавъ Клакстонъ и обогнувъ мысъ, они очутились какъ разъ противъ аббатства. Всѣ окна этого мрачнаго зданія свѣтились огнями, и темные силуэты людей поминутно затемняли въ нихъ на мгновеніе свѣтъ, мелькая то, тутъ, то тамъ.

— Взгляни туда!—прошепталъ сыну старикъ Гирдльстонъ.

— Эге! Полиція не долго собиралась!—отозвался тотъ съ недоброй усмѣшкой.

Джонъ Гирдльстонъ смолкъ и долго хранилъ молчаніе, оставаясь совершенно неподвижнымъ, но потомъ вдругъ уронилъ голову на руки и, закрывъ лицо руками, неудержимо зарыдалъ въ первый и послѣдній разъ въ своей жизни.

— Я думаю объ утрѣ понедѣльника въ Фенчерчъ Стритъ!—проговорилъ онъ сквозь слезы.—Боже мой!—И это конецъ цѣлой жизни упорнаго труда и борьбы... О, мое дѣло! Мое дѣло! Дѣло, которое я создалъ своими руками! Это надрываетъ мнѣ душу!..

И такъ они просидѣли, прижавшись другъ къ другу, всю долгую и холодную зимнюю ночь. И кто можетъ сказать, какія думы проносились у нихъ въ головѣ, въ то время, какъ

они глядѣли неподвижно въ темную даль, съ блѣдными, словно окаменѣлыми лицами, мысленно заглядывая въ еще болѣе мрачную даль ихъ неизвѣстнаго будущаго. Не лучше ли было тому безжизненному трупу, который они снесли на насыпь, чѣмъ имъ, этимъ истерзаннымъ людямъ, мучимымъ цѣлымъ адомъ ужасовъ, раскаянія, согрѣшенія и самоупрековъ, пришибленнымъ и удрученнымъ горемъ о запятнанномъ грѣхомъ и позоромъ прошломъ.

XLVII. Законъ и порядокъ.

Негодяй Бертъ былъ до такой степени пораженъ видѣніемъ той дѣвушки, которую онъ, какъ ему казалось, только что убилъ, что остался лежать неподвижно подлѣ тѣла своей жертвы, не будучи въ состояніи оказать ни малѣйшаго сопротивленія. Маіоръ быстро схватилъ его, а русскій нигилистъ такъ ловко и умѣло скрутилъ ему платкомъ руки, что сразу было видно, что онъ не впервые дѣлаетъ это дѣло. Затѣмъ онъ совершенно спокойно досталъ изъ-за пазухи своего сюртука длинный блестящій ножъ и поднесъ его конецъ къ носу Берта, очевидно, давая понять, что всякая попытка къ бѣгству будетъ безполезна и опасна.

— А это кто?—спросилъ Баумзеръ, приподнявъ голову убитой дѣвушки и положивъ ее къ себѣ на колѣни.

— Бѣдная дѣвушка! Она уже не скажетъ, кто она была!—пробормоталъ маіоръ, поднося фонарь къ ея холодному, блѣдному лицу.—Вотъ то мѣсто, гдѣ ей нанесенъ былъ ударъ. Смерть должна была наступить мгновенно и безболѣзненно. Я готовъ поклясться, что это молодая особа, спасти которую мы явились, если бы не имѣли ее цѣлой и невредимой передъ глазами! Благодареніе Богу!

— А гдѣ же тѣ двое другихъ?—спросилъ фонъ Баумзеръ, впиваясь глазами въ темноту.—Если есть въ этой странѣ законъ и справедливость, то ихъ повѣсятъ за такое дѣло!

— Они уже скрылись,—сказалъ маіоръ, снова опустивъ на землю голову убитой.—Совершенно безполезно гнаться за ними. Мы совсѣмъ не знаемъ этой мѣстности, не знаемъ даже, въ какомъ направленіи они бѣжали. Они пустились бѣжать, какъ сумасшедшіе! Халло! Кой чортъ, что это можетъ быть такое?

То, что привлекло вниманіе бывшаго офицера, было появленіе въ концѣ поляны трехъ свѣтящихся яркихъ дисковъ,

движущихся врядъ по направленію къ полотну. Они быстро приближались, становясь все ярче и ярче; затѣмъ вдругъ раздался громкій голосъ: «Вотъ они, господа! Держите ихъ!—и прежде, чѣмъ маіоръ и его пріятели успѣли сообразить, въ чемъ дѣло, на нихъ набросились трое полисменовъ, наведенныхъ па слѣдъ преступленія возницей изъ «Бѣгущаго Быка».

Въ одно мгновенье Томъ, маіоръ и фонъ Баумзеръ были арестованы. Русскій нигилистъ, стоявшій съ ножемъ наготовѣ и питавшій безпредѣльную ненависть ко всякому закону, приготовился къ самооборонѣ такъ же, какъ и Бюловъ изъ Киля. Къ счастью, однако, какъ видъ Берта, такъ и нѣсколько словъ маіора освѣтили старшему полицейскому надзирателю истинное положеніе дѣлъ,—и онъ перенесъ свое вниманіе главнымъ образомъ на Берта, на котораго надѣли ручныя кандалы. Затѣмъ ему сообщили о всѣхъ извѣстныхъ маіору обстоятельствахъ дѣла.

— Кто эта молодая особа?—спросилъ старшій полисменъ, указывая на Кэтъ.

— Это миссъ Харстонъ, та самая молодая дѣвушка, для спасенія которой мы сегодня и пріѣхали и которой, по всей вѣроятности, и предназначался смертельный ударъ, нанесенный этой несчастной.

— Быть можетъ, сэръ, для барышни было бы лучше, если бы ее увести въ домъ,—проговорилъ полицейскій, обращаясь къ Тому.

— Благодарю васъ, сэръ,—отвѣчалъ молодой Димсдаль и удалился вмѣстѣ съ Кэтъ, ведя ее подъ руку. Она разсказала ему, какъ, не найдя нигдѣ ни своего плаща, ни шляпки, она, наконецъ, рѣшилась выйти въ одномъ платьѣ, чтобы только придти на условленное мѣсто. Поиски вещей заставили ее нѣсколько опоздать противъ условленнаго времени; когда же она стала приближаться къ старому дубу, то услышала голоса и шаги, нѣсколько смутившіе ее въ первый моментъ. Вскорѣ она замѣтила, что шаги стали постепенно удаляться, она послѣдовала за ними вплоть до отворенной калитки, гдѣ и остановилась, а зажженный на насыпи фонарь, освѣтившій ее, обнаружилъ ея присутствіе друзьямъ и врагамъ. Однако, по мѣрѣ того, какъ они подвигались ближе къ дому, Томъ почувствовалъ, какъ Кэтъ все крѣпче упирается на его руку; наконецъ, подходя уже къ самому аббатству, онъ принужденъ былъ поднять ее на руки и внести въ домъ, такъ какъ дѣвушка совершен-

по обезсилѣла и была близка къ обмороку. Страданія, пережитыя ею за послѣднее время, и этотъ странный финалъ, а вслѣдъ за нимъ радость желаннаго свиданья,—все это совершенно подкосило ее. Внеся въ домъ, Томъ положилъ ее въ кресло передъ каминомъ въ столовой и сталъ примѣнять весь небольшой запасъ своихъ медицинскихъ познаній для возстановленія ея силъ.

Тѣмъ временемъ полицейскій инспекторъ, вполнѣ усвоивъ точныя и ясныя показанія маіора, распорядился немедленно же принять самыя энергичныя мѣры къ задержанію преступниковъ.

— Вы отправляйтесь сейчасъ же на станцію, констэбль Джонсъ, — приказалъ онъ, — и телеграфируйте въ Лондонъ: «Джонъ Гирдльстонъ, шестидесяти одного года, и сынъ его Эзра Гирдльстонъ, 28 лѣтъ, разыскиваются по обвиненію въ убійствѣ. Адресъ: Экклестонъ Сквэръ и Фенчерчъ-Стритъ, «Сити». Отправьте также и обозначеніе примѣтъ: «отецъ—ростъ—шесть футовъ и одинъ дюймъ—рѣзкія, правильныя черты, волосы и баки сѣдые, глаза, глубоко сидящіе въ глазныхъ впадинахъ, черные, блестящіе, брови густыя, темныя; нѣсколько сутоловатъ отъ старости и худощавъ. Сынъ—ростъ 5 футовъ, 10 дюймовъ, смуглый, глаза большіе, черные, волосы черные, вьющіеся; крѣпкаго, коренастаго сложенія; одѣтъ щеголевато, обыкновенно носитъ въ галстукѣ булавку съ головой бульдога». Этого будетъ достаточно! — Затѣмъ телеграфируйте на всѣ станціи вдоль всей линіи, чтобы ихъ задержали, гдѣ бы то ни было. Отправьте донесеніе и подробное обозначеніе примѣтъ старшему констэблю въ Портсмутъ; пусть слѣдятъ за всѣми отходящими судами. Надѣюсь, что такимъ образомъ намъ удастся поймать ихъ! А теперь отнесемъ эту бѣднягу въ домъ!

Присутствующіе помогли поднять тѣло и пронести его обратно тѣмъ же путемъ, какимъ оно было вынесено изъ ограды.

Бертъ молча, угрюмо слѣдовалъ позади печальнаго шествія въ сопровожденіи второго полисмена, а русскій нигилистъ заключалъ шествіе, не спуская своихъ зоркихъ проницательныхъ глазъ съ бывшаго моряка и все еще держа наготовѣ ножъ. Когда они пришли, наконецъ, въ аббатство, арестованнаго заперли въ одну изъ безчисленныхъ пустыхъ келій, тѣло же убитой Ребекки внесли въ ея бывшую комнату и положили на постель.

— Мы должны осмотрѣть весь домъ!—сказалъ полицейскій инспекторъ,—и допросить всѣхъ живущихъ въ немъ!

Насильно вытащенная изъ своей комнаты мистриссъ Жероксъ прежде всего впала въ обморокъ, затѣмъ была приведена въ чувство и получила приказаніе сопровождать полицію во время обыска, что она и дѣлала съ какимъ-то страннымъ недоумѣніемъ и удивленіемъ, вплоть до того момента, пока не увидѣла свою бутылку голландскаго джина на столѣ. При видѣ этой бутылки она подняла страшный крикъ,—и изъ устъ ея посыпался цѣлый градъ проклятій по адресу всѣхъ отсутствующихъ, начиная съ самой полиціи, она разразилась невѣроятнымъ потокомъ причитаній и обвиненій, лившихся изъ ея устъ съ непостижимой быстротой. Успокоивъ свою душу такимъ способомъ, она закончила потокъ своего краснорѣчія душу раздирающимъ крикомъ и, вырвавшись изъ рукъ полицейскихъ, убѣжала въ свою комнату, гдѣ и заперлась, послѣ чего, насколько можно было судить по быстрому стуку ея пятокъ по каменнымъ плитамъ, слышенному изъ коридора, впала въ сильный истерическій припадокъ.

Между тѣмъ Кэтъ уже достаточно оправилась, чтобы дать показанія полиціи и указать ей жилыя комнаты. Полицейскій инспекторъ съ особеннымъ любопытствомъ и вниманіемъ осмотрѣлъ скудную обстановку комнаты Кэтъ.

— И вы говорите, что прожили въ этой комнатѣ три недѣли?—спросилъ онъ.

— Почти мѣсяцъ!—отвѣтила Кэтъ.

— Боже правый! Не мудрено, что вы смотрите болѣзненной и блѣдной. У васъ красивый видъ изъ окна?—спросилъ онъ и, подойдя къ окну, отдернулъ занавѣску и посмотрѣлъ въ тьму. Только одинъ лучъ луннаго свѣта длинной, узкой полосой ложился на бурливыя волны моря, и какъ разъ подъ этимъ серебристымъ лучемъ колыхалось на морѣ одно одинокое рыбацкое судно съ большимъ коричневымъ парусомъ, бѣжавшее на востокъ по вѣтру. Зоркій глазъ полицейскаго остановился на нѣкоторое время на этомъ суднѣ, затѣмъ онъ задернулъ занавѣску и отошелъ отъ окна. Ему и въ голову не пришло, что тѣ двое людей, которыхъ онъ старался выслѣдить, могли избрать именно это судно для своего бѣгства, и въ этотъ моментъ уже ушли изъ его рукъ.

Далѣе онъ очень подробно и тщательно осмотрѣлъ комнаты Эзры и его отца. Обѣ онѣ были обставлены не только комфор-

табельно, но даже и солидно: на кроватяхъ хорошіе пружинные матрацы, на полу ковры, на окнахъ—тяжелыя портьеры. Кромѣ того, въ комнатѣ старика были книги, бумаги и другія вещи, характеризовавшія его образъ жизни. На одномъ изъ маленькихъ столиковъ лежалъ длинный листъ бумаги, сплошь испещренный цифрами; вѣроятно, то были цифры, относящіяся къ положенію денежныхъ дѣлъ его фирмы; подлѣ лежалъ небольшой дневникъ въ кожаномъ переплетѣ. Полицейскій инспекторъ заглянулъ въ него и, пробѣжавъ глазами нѣсколько строкъ, издалъ восклицаніе негодованія.

— Здѣсь мы видимъ прекрасныя наставленія!—произнесъ онъ. — Смотрите-ка! — «Преисполни, Господи, душу мою дѣяніями благими!—дальше—«Направи стопы моя, Господи, по словесамъ твоимъ»... и все въ такомъ родѣ! Какъ видно этотъ человѣкъ былъ притворщикомъ даже и передъ самимъ собою! Вѣдь, не могъ же онъ думать, что его дневникъ попадетъ когда-нибудь въ чужія руки.

— Странная будетъ компанія въ царствѣ небесномъ, если и онъ туда попадетъ!—замѣтилъ фонъ Баумзеръ.

— А это что такое?—спросилъ инспекторъ, вытолкнувъ ногою изъ угла за шифоньеромъ кучу какого-то платья.—Э, да, вѣдь, это полное монашеское одѣяніе!

При этихъ словахъ Кэтъ устремилась впередъ и воскликнула:

— Такъ, значитъ, я видѣла его!.. А я почти убѣдила уже себя, что это была простая галлюцинація!

— Какая галлюцинація?—спросилъ инспекторъ.

Кэтъ разсказала въ краткихъ словахъ все, какъ было; какъ ея опекунъ сообщилъ ей, вскорѣ по пріѣздѣ, легенду объ замученномъ монахѣ, и какъ однажды ночью она встрѣтила этого монаха въ корридорѣ; инспекторъ дѣлалъ замѣтки съ ея словъ въ свою записную книжку.

— Хитрый старый песъ!—воскликнулъ полицейскій.—Понятно, онъ легче могъ бы примирить свою совѣсть съ фактомъ, что напугалъ васъ до смерти или до потери разсудка, чѣмъ съ фактомъ прямого убійства, и потому разсказалъ вамъ всю эту небывальщину, чтобы подѣйствовать на ваше воображеніе! Удивительно, какъ только ему не удалось довести васъ до умопомѣшательства или до разрыва сердца подобными штуками!

— Не будемъ больше думать объ этомъ, дорогая,—шепнулъ Томъ своей невѣстѣ, замѣтивъ выраженіе испуга въ ея

глазахъ при воспоминаніи о всемъ пережитомъ ею въ этихъ стѣнахъ.—Зачѣмъ думать объ этихъ ужасахъ, когда вы скоро будете въ полной безопасности въ Филлиморъ-Гарденѣ, подлѣ моей доброй мамы?! А пока, думаю, вамъ всего лучше уснуть!

— Мнѣ тоже такъ думается, Томъ!

— Вы не побоитесь спать въ своей комнатѣ сегодня?

— Нѣтъ, я теперь ничего не боюсь, когда знаю, что вы здѣсь, подлѣ меня. Я была такъ увѣрена, что вы придете ко мнѣ на помощь; я ждала васъ весь вечеръ!

— Я никогда не сумѣю въ достаточной мѣрѣ отблагодарить всѣхъ этихъ моихъ друзей за ту помощь и содѣйствіе, какое они оказали мнѣ сегодня!

— Это я должна благодарить ихъ! —сказала Кэтъ. — Въ самую тяжелую и критическую минуту своей жизни я нашла друзей. Кто осмѣлится сказать послѣ этого, что дни рыцарства прошли?!

— Дорогая миссъ Харстонъ, — проговорилъ маіоръ, расклаииваясь передъ Кэтъ со всею граціей, присущей ирландскому дворянину. — Вы уже въ достаточной мѣрѣ отблагодарили насъ тѣмъ, что вы сейчасъ сказали. Я, какъ вамъ извѣстно, дѣйствовалъ по приказанію высшаго начальства, тѣмъ не менѣе хочу надѣяться, что вы повѣрите, что и помимо мистрисъ Скелли, всегда поспѣшилъ бы на помощь женщинѣ, находящейся въ опасности. Тобіа Клеттербекъ, хоть и старъ, миссъ Харстонъ, но его сердце никогда не зачерствѣетъ на столько, чтобы не разогрѣться при мысли о горѣ или несчастьѣ женщины! — закончивъ свою рѣчь этой красивой фразой, маіоръ еще разъ почтительно раскланялся и отступилъ въ сторону.

Остальные трое чужеземцевъ, стоявшіе за его спиной, ничего не сказали, только дружески улыбались молодой дѣвушкѣ. Она отвѣтила каждому сердечными рукопожатіями, и послѣднее воспоминаніе, какое она унесла въ этотъ вечеръ въ свою комнату, было воспоминаніе о сіяющихъ лицахъ фонъ Баумзера, Бюлова изъ Киля и безымяннаго Русскаго, когда тѣ, въ свою очередь, пожелали ей спокойной ночи.

XVLIII. Капитанъ Гамильтонъ Миггсъ видитъ видѣніе.

Эзра Гирдльстонъ не разъ доказывалъ на дѣлѣ, какъ въ Африкѣ, такъ и на Лондонской биржѣ и во многихъ другихъ случаяхъ своей жизни свою исключительную способность схва-

тывать положеніе дѣлъ и дѣйствовать быстро и рѣшительно, сообразно тѣмъ обстоятельствамъ, въ какія онъ былъ поставленъ. Но никогда еще онъ не проявлялъ эту свою способность болѣе блестящимъ образомъ, чѣмъ въ ужасный моментъ, когда понялъ, что не только задуманное и подготовленное, совмѣстно съ отцомъ, преступленіе не удалось, но что все было раскрыто, и оба они стали преслѣдуемыми властями преступниками. Съ тою же невѣроятной быстротой, которая дѣлала его блестящимъ дѣловымъ человѣкомъ, онъ сейчасъ же сообразилъ, въ чемъ единственный шансъ на спасеніе, и тотчасъ прибѣгнулъ къ нему. Если бы удалось добраться до судна капитана Гамильтона Миггса, то имъ не страшно было бы никакое преслѣдованіе.

«Черный Орелъ» спустился внизъ по Темзѣ въ ту самую субботу, которая была столь чревата достопамятными событіями. Миггсъ долженъ былъ зайти въ Гравесэндъ, затѣмъ предполагалъ свернуть въ Даунъ и тамъ ожидать окончательныхъ предписаній отъ фирмы. Если бы они, т. е. Эзра съ отцомъ, успѣли захватить его прежде, чѣмъ онъ уйдетъ изъ Дауна, то почти не было шансовъ на то, чтобы Миггсъ узналъ о происшедшемъ, такъ какъ, по счастію, слѣдующій день былъ воскресеньемъ, и, за отсутствіемъ утреннихъ газетъ, никто не могъ сообщить ему послѣднихъ извѣстій о происшествіи въ Хампширѣ. Имъ оставалось только придумать какую-нибудь болѣе или менѣе правдоподобную исторію для объясненія ихъ желанія сопровождать его на «Черномъ Орлѣ» и уговорить его высадить ихъ на берегъ въ Испаніи. А разъ они будутъ внѣ предѣловъ Англіи, среди безпредѣльнаго океана, какой сыщикъ въ состояніи былъ бы разыскать ихъ слѣдъ.

Конечно, Сампсонъ могъ все раскрыть по своемъ возвращеніи, но Эзра разсчитывалъ, что вѣтеръ, который былъ имъ теперь по пути, оказался бы противнымъ ему, когда онъ поѣдетъ домой, — идти противъ вѣтра съ этой рыбачьей ладьей дѣло не легкое. Быть можетъ, рыбакамъ придется пробиться цѣлую недѣлю прежде, чѣмъ они доберутся до дому, а за это время Эзра разсчитывалъ уйти отъ всякой опасности. У него было 1000 штукъ англійскихъ билетовъ по 5 фунтовъ каждый, зашитыхъ подъ подкладкой его сюртука на спинѣ и груди, — и это давало ему увѣренность, что съ этими деньгами и съ присущей ему энергіей, дѣловитостью и выдающимися коммерческими способностями, онъ сумѣетъ начать новую жизнь въ

Новомъ Свѣтѣ, съ надеждой на успѣхъ. Что же касается отца, то онъ окончательно рѣшилъ покинуть его и при первой возможности, гдѣ попало.

Въ эту холодную зимнюю ночь, рыбачье судно Сампсона уходило на востокъ, а бѣглецы оставались все время на палубѣ, прозябшіе и промокшіе до костей отъ дождя и брызгъ, но сознававшіе, что для нихъ болѣе желанными были и буря, и морскія волны съ ихъ сѣдыми гребнями, чѣмъ собственныя мысли: лучше рѣжущій вѣтеръ, завывавшій кругомъ, и сердитое, злобное море, чѣмъ образъ невинно убитой дѣвушки тамъ на рельсахъ и фигуры неутомимыхъ полицейскихъ ищеекъ, пущенныхъ по ихъ слѣду неумолимымъ закономъ.

Разъ Эзра указалъ отцу на луну, на ликѣ которой два маленькихъ облачка изобразили прямоугольную фигуру.

— Смотри! — воскликнулъ онъ — какъ это похоже на висѣлицу!

— Для чего жить? — отвѣчалъ уныло старикъ, — и ради чего?

— Тебѣ, не знаю для чего! — отвѣтилъ сынъ, — ты уже испыталъ свое счастье и сумѣлъ себя показать, а я еще молодъ; я не имѣлъ еще времени испытать свои силы, показать себя людямъ; я еще не имѣю желанія испробовать тѣснаго галстуха!

— Бѣдный мой мальчикъ! — продолжалъ сокрушенно старикъ, — бѣдный мальчикъ!

— Они еще не поймали меня, — продолжалъ Эзра, — а если бы и поймали, то еще вопросъ, что бы со мной сдѣлали. Вѣдь, не могутъ же они троихъ повѣсить изъ-за одной убитой дѣвушки! — Кромѣ того, и убійство-то это не я задумалъ и выполнилъ! Тебѣ же придется покачаться на висѣлицѣ!

Старикъ только вздохнулъ сокрушенно, но ничего не сказалъ.

Около двухъ часовъ по полуночи они увидѣли рядъ огней, которые, по словамъ рыбаковъ, были огнями города Ворсинга. передъ разсвѣтомъ миновали другую площадь мигающихъ и дрожащихъ огоньковъ; то былъ Брайтонъ.

Теперь они были уже на полъ-пути къ мѣсту своего назначенія. Когда время стало близиться къ разсвѣту, темныя тучи стали собираться на сѣверной части горизонта, во всей же остальной части небо было чисто и ясно, кромѣ отдѣльныхъ клочковъ бѣлыхъ перистыхъ облаковъ, плывшихъ то тутъ, то

тамъ, подобно разметаннымъ по небу бѣлымъ перьямъ какой-нибудь гигантской птицы. Эти облачка, бывшія вначалѣ жемчужно-бѣлыми, мало по малу стали принимать лиловатый оттѣнокъ, который вскорѣ перешелъ въ блѣдно-розовый, а изъ блѣдно-розоваго—въ ярко огненно-красный, когда край огненнаго свѣтила показался надъ горизонтомъ. Море въ свою очередь отражало въ себѣ огненное зарево восхода и высокія, безпокойныя волны окрасились кроваво-краснымъ отблескомъ зари. — «Словно все это море кровавое»! — замѣтилъ старый коммерсантъ, невольно содрогаясь при видѣ этого великолѣпнаго зрѣлища.

Когда окончательно разсвѣло, бѣглецы могли явственно разглядѣть другъ друга: оба они были блѣдны, какъ мертвецы, волосы въ безпорядкѣ, подъ глазами зеленые круги, лица вытянуты, съ растеряннымъ, безпокойнымъ выраженіемъ и слѣдами тревоги и утомленія.

— Хмъ! — проговорилъ Эзра, — если Миггсъ увидитъ насъ въ такомъ видѣ, то сразу заподозритъ неладное!

Спустили за бортъ ведро и, зачерпнувъ воды, стали умываться, раздобывъ кусокъ мыла и обломокъ гребенки. Умывшись и причесавшись, они почистили другъ другу платье, и Эзра купилъ у Сампсона для отца спортивную фуражку, которая весьма мало пристала къ суровому и мрачному лицу старика.

— Вотъ превосходный видъ!—замѣтилъ Сампсонъ, указывая на длинную гряду скалъ, изъ которыхъ однѣ были известковыя, а другія—изъ какой-то темной глины и камня. Одна скала, высоко взымавшаяся надъ всѣми остальными, выдѣлялась какъ своими очертаніями, такъ и высотой. На вершинѣ ея былъ поставленъ маякъ съ сигнальной станціей. На востокъ отъ утеса былъ расположенъ большой, живописный по своему мѣстоположенію городъ, раскинувшійся полумѣсяцемъ вокругъ глубокаго залива.

— Это Бичи-Хэдъ,—сказалъ Сампсонъ, указывая на известковый утесъ,—высшій пунктъ на всемъ Ламаншѣ; поэтому здѣсь и устроили сторожевой пунктъ, съ котораго даютъ знать с всѣхъ проходящихъ судахъ!

— А что это за городъ?—спросилъ Эзра.

— Истбурнъ!—коротко отвѣтилъ рыбакъ и поплелся на носовую рубку готовить закуску.

Такъ какъ закуска состояла изъ одного вяленаго мяса и морскихъ сухарей, да и бѣглецы не расположены были къ ѣдѣ,

то завтракъ ихъ длился недолго. Они снова вернулись на свое прежнее мѣсто на палубѣ и залюбовались прекрасной понорамой, развертывавшейся передъ ними, а за ихъ спиной проходили суда всевозможныхъ родовъ, начиная съ грязныхъ угольщиковъ и кончая величественными четырехмачтовыми линейными судами.

Эзра предостерегъ отца, чтобы тотъ сѣлъ, такъ какъ замѣтилъ цѣлый рядъ любопытныхъ лицъ, смотрѣвшихъ на нихъ съ палубы какого-то большого судна.

— Нашъ костюмъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ пассажирамъ рыбачьей ладьи,—сказалъ онъ,—и нѣтъ надобности обращать на себя вниманіе и возбуждать разные толки!—Такъ какъ все еще дулъ свѣжій вѣтеръ, то маленькое судно продолжало бѣжать съ быстротой 7—8 узловъ въ часъ.—Вѣтеръ намъ очень на руку!—замѣтилъ Эзра, какъ бы самъ про себя.

— Это милость къ намъ Провидѣнія! — набожно добавилъ Джонъ Гирдльстонъ съ тѣмъ сосредоточеннымъ видомъ, который свидѣтельствовалъ, что его помыслы сохранили свой прежній характеръ.

Около 10 часовъ утра они подошли къ каменистымъ террасамъ Гастингса; въ половинѣ 11-го увидали передъ собою Винчельси, затѣмъ вышли въ открытое море, т. е. держались дальше отъ берега, такъ что только издали видѣли длинную бѣлую стѣну и шпили Фолькстона и Довера, тогда какъ съ противоположной стороны смутная линія тумана на краю горизонта вырисовывала очертанія береговъ Франціи. Было около пяти часовъ пополудни; солнце уже начинало снова клониться къ западу, когда рыбакъ, внимательно вглядѣвшись впередъ изъ-подъ приставленной къ глазамъ мозолистой руки, вдругъ дернулъ Эзру за рукавъ.

— Видите эти буруны?—сказалъ онъ, указывая рукой за штирбордъ.—Это Гудвинсъ, а тамъ впереди суда, стоящія на якорѣ въ Даунѣ!

Суда были еще въ нѣсколькихъ миляхъ отъ рыбачьяго судна нашихъ бѣглецовъ, но лицо Эзры просвѣтлѣло при видѣ цѣли своего мучительнаго путешествія. Онъ еще разъ привелъ въ порядокъ свой туалетъ и туалетъ отца, словно готовясь предстать передъ какимъ-нибудь важнымъ лицомъ.

— Благодареніе судьбѣ!—прошепталъ онъ, вздохнувъ съ облегченіемъ и вглядываясь въ силуеты судовъ, которыя все

болѣе и болѣе приближались, становясь все яснѣе и какъ бы постепенно выростали передъ глазами.—Этотъ крайній, если не ошибаюсь,—«Черный Орелъ». Онъ еще не ушелъ!—пробормоталъ онъ, говоря самъ съ собою въ полъ-голоса.

— Да, это «Черный Орелъ!»—сказалъ увѣренно старикъ.— Я узнаю по контуру кормы и расположенію мачтъ!

Когда они подошли еще ближе, не оставалось уже ни малѣйшаго сомнѣнія, что данное судно было, дѣйствительно, «Черный Орелъ».

— А вотъ и бѣлая полоса вдоль кормы!—сказалъ Эзра.— Это несомнѣнно оно!—Пристаньте, Сампсонъ, вотъ къ этому судну, которое стоитъ крайнимъ, тамъ!

Рыбакъ взглянулъ впередъ въ указанномъ направленіи.

— Къ тому, что сейчасъ подняло якорь?—спросилъ онъ.— Да что вы? Мы не поспѣемъ: оно уйдетъ!

— Подняло якорь!—вскрикнулъ Эзра.—Неужели вы хотите сказать, что оно уходитъ?

— Посмотрите сюда!—продолжалъ рыбакъ и указалъ рукой, какъ надъ судномъ вдругъ взвился большой прямой парусъ, затѣмъ другой и такъ далѣе, пока оно не расправило всѣ свои бѣлыя крылья, во всю ихъ ширину.

— Не говорите, что мы не можемъ захватить его!—крикнулъ Эзра съ страшнымъ проклятіемъ, весь побагробѣвъ отъ волненія и злобы.—Я вамъ говорю, что мы должны непремѣнно захватить это судно! Слышите? Все зависитъ отъ этого!... Оно должно сдѣлать три короткихъ галса прежде, чѣмъ выйдетъ изъ гавани. Если мы пойдемъ прямо, какъ сейчасъ идемъ, то можемъ еще подойти къ нему довольно близко прежде, чѣмъ оно совершенно покинетъ рейдъ! —Бога ради! Ставьте всѣ паруса, какіе только можно, Сампсонъ; поднимите эти рифы!—и дрожащими отъ волненія пальцами Эзра Гирдльстонъ сталъ отпускать паруса. Лодка накренилась еще сильнѣе подъ силою внѣшняго давленія.—Нѣтъ ли еще какого-нибудь паруса, который можно было бы поставить?

— Нѣтъ, вѣтеръ упалъ, и мы не можемъ ставить больше парусовъ: насъ перевернетъ!—отвѣчалъ рыбакъ.

— Мнѣ кажется, мы нагоняемъ его!—проговрилъ Джонъ Гирдльстонъ, не сводя глазъ съ «Орла», который въ данный моментъ находился на разстояніи приблизительно полутора мили впереди ихъ.

— Да, теперь мы настигаемъ его; но, вѣдь, онъ еще не

далъ хода, а теперь сейчасъ уйдетъ отъ насъ! Какъ ты думаешь, Джорджъ, вѣдь уйдетъ?

Сынъ рыбака только кивнулъ утвердительно головою и разразился грубымъ хриплымъ смѣхомъ.

— Это лучше всякой гонки!—воскликнулъ онъ, наконецъ.

— А призомъ служатъ наши головы!—пробормоталъ Эзра. Мы все еще нагоняемъ!...

Теперь они уже совершенно ясно различали темный корпусъ судна съ бѣлой полосой у кормы и его красиво вздымающіеся бѣлые паруса.

— Оно поворачиваетъ!—проговорилъ Сампсонъ; дѣйствительно, «Орелъ» сталъ теперь къ нимъ бортомъ.—Если мы не захватимъ его на этомъ галсѣ, то совсѣмъ не догонимъ: вѣдь, когда оно повернется въ слѣдующій разъ, то уже прямо выйдетъ въ каналъ («Ла Маншъ»).

— Гдѣ у васъ что-нибудь бѣлое?—возбужденно воскликнулъ Эзра и, не дождавшись отвѣта, сбѣжалъ въ каюту и въ слѣдующій моментъ вернулся оттуда съ грязной бѣлой скатертью.—Встань здѣсь, отецъ, и теперь держи и не переставай махать этимъ! Они могутъ увидѣть насъ съ судна!

— Думаю, мы нагоняемъ ихъ!—сказалъ Джорджъ отцу.

— Да, нагоняемъ,—отвѣтилъ отецъ, но дѣло въ томъ, съумѣемъ ли мы подойти достаточно близко, чтобы остановить ихъ прежде, чѣмъ они повернутъ на другой галсъ?

Старый коммерсантъ стоялъ на носу, размахивая бѣлымъ сигналомъ надъ головой. Сынъ же его, вставъ рядомъ, сталъ махать своимъ носовымъ платкомъ.—Они какъ будто не больше какъ въ полу-милѣ отъ насъ. Давайте, закричимъ всѣ вмѣстѣ: они могутъ насъ тамъ услышать!—и оба Гирдльстоны слили свои голоса въ мощный, хриплый крикъ, который поддержали и рыбакъ со своимъ сыномъ.—Ну, еще разъ!—крикнулъ Эзра, и снова громкій, гулкій крикъ пронесся надъ моремъ, длинный, протяжный крикъ скорби и отчаянія, но судно продолжало идти своимъ путемъ.

— Если они не повернутъ, то мы нагонимъ ихъ!—сказалъ рыбакъ.—Только бы придержались въ этомъ направленіи хоть пять минутъ!...

— Слышишь?—обратился Эзра къ отцу, и они съ новою силой стали размахивать своими бѣлыми сигналами и кричать.

— Они поворачиваютъ!—вдругъ крикнулъ Джорджъ.—Все кончено! Ничего теперь не подѣлаешь!

Гирдльстонъ глухо застоналъ, увидѣвъ, какъ большой парусъ откачнулся назадъ. Тогда всѣ четверо на рыбачьемъ суднѣ напрягли свои глаза, чтобы видѣть, какъ за большимъ парусомъ послѣдуютъ и другіе, но тѣ оставались неподвижны.

— Они увидѣли насъ! — воскликнулъ рыбакъ, — и теперь ждутъ, чтобы принять на бортъ!

— Значитъ, мы спасены!—прошепталъ Эзра, отступая назадъ и утирая свое обливавшееся потомъ лицо.—Спустись внизъ въ каюту, отецъ, и оправься: ты положительно смотришь, какъ привидѣніе! Тебя могутъ тамъ испугаться!

Капитанъ Гамильтонъ Миггсъ до того освоился съ спиртными напитками «Пѣтуха и Бѣлой Буквицы», не смотря на ихъ злокачественныя свойства, о которыхъ уже упоминалось раньше, что явился на свое судно чуть не въ самый моментъ его отправленія и въ такомъ разстроенномъ видѣ, что едва могъ держаться на ногахъ. Но, будучи убѣжденнымъ сторонникомъ гомеопатической доктрины similia similibus curantur (подобное излѣчивается подобнымъ же),—онъ тотчасъ же принялся излѣчивать себя поглощеніемъ неограниченнаго количества судового рома.

Что за прокъ имѣть на суднѣ лоцмана, если и самому еще надо быть трезвымъ!—говорилъ онъ своему помощнику Макъ Ферсону—и высказавъ это логическое разсужденіе, онъ заперся въ своей каютѣ, гдѣ распѣвалъ во все горло комическіе куплеты въ продолженіи всего пути отъ Лондона до Гравесэнда. Наконецъ, онъ до того изнурился отъ этого пѣнія, что, не выходя изъ каюты, заснулъ и прохрапѣлъ въ теченіе 15 часовъ. По прошествіи этого времени онъ вышелъ, наконецъ, наверхъ и увидѣлъ, что «Черный Орелъ» какъ разъ подымалъ якорь, чтобы выйти въ Каналъ (Ла-Маншъ).

Капитанъ Гамильтонъ Миггсъ наблюдалъ за установкой парусовъ, засунувъ руки въ карманы и осыпая ругательствами всѣхъ, начиная съ помощника и кончая послѣднимъ юнгой, но дѣлалъ это съ такимъ искреннимъ увлеченіемъ, что его никакъ нельзя было заподозрить въ пристрастіи къ кому либо. Израсходовавъ весь свой запасъ ругательствъ и проклятій, онъ спустился внизъ и угостился тамъ изъ недопитой бутылки рома. Это средство, несомнѣнно, помогало возбужденію его памяти и вдохновенія, такъ какъ, выйдя снова наверхъ, онъ разразился несравненно болѣе длиннымъ рядомъ ругательствъ, главнымъ образомъ по адресу рулевого.

Успокоивъ такимъ образомъ свои нервы, капитанъ принялся съ мрачнымъ и величественнымъ видомъ расхаживать взадъ и впередъ по квартердэку, кидая испытующіе взгляды то на паруса, то на облака и относясь ко всему критически, что было разсчитано на то, чтобы произвести внушительное впечатлѣніе на экипажъ вообще и дать ему понять, насколько ихъ капитанъ свѣдущъ и прозорливъ.

«Черный Орелъ» уже повернулъ вторично и какъ разъ готовился выйти изъ гавани въ открытое море, какъ взглядъ Миггса, блуждавшій по сторонамъ, совершенно случайно упалъ на рыбачье судно, нагонявшее его и на бѣлый сигналъ, развѣвшійся на носу этой ладьи. Онъ направилъ на нее свою трубу и, хотя руки у него сильно дрожали, и онъ едва могъ справиться съ трубой, тѣмъ не менѣе послѣ непродолжительнаго усилія отнялъ трубу отъ глазъ, и на лицѣ его появилось сперва выраженіе удивленія и недоумѣнія, а затѣмъ—какой-то странной покорности.

— Ужъ они снова у меня появились, Макъ!—сказалъ онъ конфиденціально-печально своему старшему помощнику.

— Что такое, сэръ?

— Эти двойники... прыгунчики... видѣнія... Это, вѣроятно, отъ перемѣны воздуха опять сдѣлалось со мной!

— Вы какъ будто здоровы!—замѣтилъ помощникъ сочувственнымъ тономъ.

— Весьма возможно, Макъ; но они все-таки появились! И странно, обыкновенно это бываютъ крысы, иногда тараканы или жуки, а на этотъ разъ,—гораздо хуже!... Разрази меня на мѣстѣ, если я не видѣлъ въ трубу на той рыбачьей лодкѣ, что у насъ за кормой, — мистера Эзру Гирдльстона и старика, стоявшихъ въ этой лодкѣ; на старикѣ—спортивная фуражечка, такая смѣшная; онъ размахивалъ полотенцемъ. Это самое забавное видѣніе, какое мнѣ когда либо еще привидѣлось въ жизни. Я принесу остатки лекарства, оставшагося отъ послѣдняго припадка, и затѣмъ лягу заснуть, Макъ!—съ этими словами онъ сошелъ въ каютъ-компанію и, принявъ большую дозу бромистаго кали, повалился на свою койку, громко проклиная свое слабое здоровье.

Удивленіе Макъ Ферсона было не менѣе велико, чѣмъ недоумѣніе капитана Миггса, когда, взявъ трубку, онъ въ свою очередь убѣдился, что оба владѣльца судна находились на этой рыбачьей лодкѣ. Онъ тотчасъ же распорядился остановить ма-

певръ и сталъ поджидать лодку. Спустя нѣсколько минутъ послѣдняя пристала къ борту; спустили трапъ, и оба Гирдльстона поднялись на верхъ своего собственнаго судна.

— Гдѣ капитанъ?—строго спросилъ глава фирмы.

— Внизу, сэръ; онъ не очень «здравствуетъ»,—отвѣтилъ Макъ Ферсонъ, не могшій отказаться отъ своего пристрастія къ длиннымъ словамъ, не смотря на все свое недоумѣніе.

— Можете поднять паруса;—мы отправляемся съ вами!—сказалъ Эзра.

— Эй! Эй! Подымай тамъ парусъ!—скомандовалъ помощникъ,—и минуту спустя «Черный Орелъ» тронулся въ путь.

— У насъ навернулось непредвидѣнное и очень интересное дѣло въ Испаніи, и мы непремѣнно должны лично изслѣдовать его на мѣстѣ!—сказалъ Гирдльстонъ Макъ Ферсону.—И навернулось оно совершенно неожиданно; время не терпитъ;—поэтому мы сочли за лучшее отправиться на своемъ собственномъ суднѣ, чѣмъ дожидаться очередного почтово-пассажирскаго парохода!

— Гдѣ же вы будете спать, сэръ?—спросилъ помощникъ,—боюсь, что наши приспособленія здѣсь не особенно удовлетворительны!

— Въ каютъ-компаніи два диванчика; на нихъ мы можемъ прекрасно устроиться, и я думаю, что мы всего лучше сдѣлаемъ, если спустимся туда сейчасъ-же: мы очень утомились этимъ утомительнымъ путешествіемъ въ лодкѣ!

Когда они удалились въ каюту, Макъ-Ферсонъ принялся расхаживать по палубѣ съ серьезнымъ, озабоченнымъ лицомъ. Подобно большинству шотландцевъ, онъ былъ проницательный и смышленный человѣкъ, и провести его было не такъ-то легко. Его поразило то странное обстоятельство, что оба главы фирмы одновременно покинули Лондонъ и всѣ свои дѣла въ Сити для какого-то дѣла въ Испаніи. Затѣмъ, гдѣ же былъ ихъ багажъ? И почему это имъ вздумалось отправиться на «Черномъ Орлѣ», за безопасность котораго нельзя было ручаться даже и на одинъ часъ? Все это вмѣстѣ взятое весьма смущало проницательнаго и осторожнаго шотландца, невольно заставляя его доискиваться скрытой причины всего этого. Тѣмъ не менѣе онъ никому не сообщилъ своихъ мыслей и только удовольствовался тѣмъ, что мимоходомъ замѣтилъ судовому плотнеску, что въ теченіе всей своей жизни, еще не разу не запомнилъ болѣе «монументальнаго эпизода».

XLIX. Путешествіе въ пловучемъ гробѣ.

Въ началѣ плаванія, всѣ обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали «Черному Орлу». Вѣтеръ повернулъ къ востоку и гналъ ихъ по Ламаншу вплоть до третьихъ сутокъ по выходѣ изъ Дауна, когда они увидѣли на краю горизонта о-въ Ушантъ. Ни одной подозрительной шлюпки, ни одной канонерки не видѣли они за все время, хотя каждый разъ, когда ввиду появлялось какое-нибудь судно, идущее по тому же направленію какъ и «Черный Орелъ», душа Эзры Гирдльстона уходила въ пятки, и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Одинъ разъ маленькій бригъ сталъ подавать имъ сигналы, и когда несчастные бѣглецы увидѣли, какъ флажки подымались и смѣнялись одни другими, они подумали, что все погибло и что участь ихъ рѣшена. Но оказалось, что то было какое-то пустячное сообщеніе, и тогда владѣльцы судна снова успокоились.

Вѣтеръ спалъ въ тотъ день, когда они вышли изъ канала, и вся поверхность моря превратилась какъ бы въ громадную пелену ртути, искрящуюся въ лучахъ зимняго солнца. Вода была еще довольно высока вслѣдствіи недавняго вѣтра и бури, и «Чернаго Орла» качало изъ стороны въ сторону, словно онъ перенялъ привычку опьяненія отъ своего капитана. Небо было совершенно чисто, но повсюду на краю горизонта лежала на водѣ легкая дымка бѣловатаго тумана. Кругомъ была такая тишина, что трескъ покачивающихся на баканцахъ шлюпокъ и скрипъ шпангоутовъ при качкѣ судна слышалось съ удивительной отчетливостью, равно какъ и хриплый, пронзительный крикъ нѣсколькихъ чаекъ, рѣявшихъ надъ кормой. Но, покрывая собой всѣ другіе звуки, съ монотонной регулярностью слышался почти безпрерывно глухой, однообразный звукъ, который заставлялъ забывать о томъ, что находишься на парусномъ суднѣ и, создавалъ полную иллюзію работающихъ поршней машины.

— Что это за шумъ, капитанъ Миггсъ?—спросилъ Джонъ Гирдльстонъ, стоя у перилъ шканцевъ въ то время, какъ старый морской волкъ съ секстантомъ въ рукѣ дѣлалъ свои полуденныя наблюденія. Надо сказать, что капитанъ велъ себя примѣрно со времени неожиданнаго появленія судовладѣльцевъ и въ настоящее время находился въ удивительномъ и безпримѣрномъ состояніи трезвенности.

— Это работаютъ насосы!—отвѣчалъ Миггсъ, убирая въ футляръ свой секстантъ.

— Насосы?—удивился старикъ Гирдльстонъ, а я думалъ, что насосами пользуются только тогда, когда судно находится въ опасности!

Эзра какъ разъ подошелъ къ нимъ въ этотъ моментъ и съ живѣйшимъ интересомъ сталъ прислушиваться къ ихъ разговору.

— Да, это судно находится въ опасности!—спокойно сказалъ Миггсъ.—А вы какъ думали?

— Судно въ опасности!—воскликнулъ Эзра, окидывая взглядомъ чистое безоблачное небо и совершенно спокойное море.—Гдѣ же опасность? Я не вижу! Я никакъ не думалъ, что вы—такая старая баба, Миггсъ!

— Это еще будетъ видно!—сердито отозвался старый морякъ, грозно сдвинувъ брови.—Если судно не имѣетъ дна, сударь мой, то постоянно находится въ опасности, какова бы ни была погода, тихая или бурная, все равно!

— Такъ вы хотите сказать, что это судно не имѣетъ дна?

— Да, именно; я хочу сказать, что въ немъ чуть не въ любомъ мѣстѣ можно просунуть палецъ въ швахъ, и только благодаря безпрерывному выкачиванію, оно еще держится на водѣ!

— Нечего сказать, прекрасное положеніе дѣлъ!—съ негодованіемъ воскликнулъ Джонъ Гирдльстонъ.—Какъ же это могло случиться, сэръ, что я не былъ увѣдомленъ объ этомъ раньше?—строго обратился онъ къ капитану.—Вѣдь, это же крайне опасно!

— Вы не были увѣдомлены!—съ возмущеніемъ воскликнулъ Миггсъ.—Не были увѣдомлены объ этомъ! Да было ли хоть одно плаваніе, послѣ котораго я бы не являлся къ вамъ, мистеръ Гирдльстонъ, и не говорилъ вамъ, что я положительно удивленъ, что еще разъ вернулся въ Лондонъ? И годъ, и два, и три года тому назадъ я вамъ доносилъ о состояніи судна, а вы тогда смѣялись мнѣ въ глаза; да, смѣялись! Только теперь, когда вы сами находитесь на немъ посреди безпредѣльнаго океана, вы начинаете понимать, что испытываютъ моряки, плавая на такихъ пловучихъ гробахъ!...

Гирдльстонъ готовъ былъ уже строго и рѣзко одернуть непокорнаго и дерзкаго Миггса, но его сынъ удержалъ его, положивъ ему руку на плечо. Теперь нельзя было ссориться съ

Миггсомъ: они были всецѣло въ его власти, пока не достигнутъ первой пристани спасенія.

— Въ сущности въ словахъ капитана много правды, отецъ,—сказалъ Эзра смѣясь,—съ этимъ нельзя не согласиться:—мы не представляемъ себѣ того, чего сами не испытали. «Черный Орелъ» непремѣнно получитъ новую обшивку передъ слѣдующимъ плаваніемъ, и мы посмотримъ, нельзя ли будетъ еще нѣсколько увеличить содержаніе капитана и его помощника въ зачетъ того, что они испытывали отъ неисправности судна!

Миггсъ промычалъ что-то, что можно было одинаково принять и за неясно выраженную благодарность, и за выраженіе сомнѣнія, всего вѣрнѣе это должно было выражать то и другое вмѣстѣ.

— Я предполагалъ,—сказалъ старикъ Гирдльстонъ примирительнымъ тономъ,—что пока погода стоитъ благополучная, судну не можетъ грозить серьезной опасности!

— Погода не долго будетъ благопріятной!—ворчливо отозвался капитанъ,—барометръ стоялъ на 30, а теперь онъ быстро падаетъ. Я и раньше бывалъ въ этихъ мѣстахъ въ это время года, и затишье при быстро падающемъ барометрѣ никогда не предвѣщало ничего хорошаго. Посмотри-ка туда, на нордъ! Что ты скажешь на это, Санди?—обратился онъ къ своему старшему помощнику.

— Въ связи съ падающимъ барометромъ это имѣетъ угрожающій характеръ!—отвѣчалъ шотландецъ.

Между тѣмъ то, что привлекало на себя вниманіе профессіональныхъ моряковъ, не казалось Гирдльстонамъ чѣмъ-либо серьезнымъ. Туманъ на краю горизонта, въ сѣверной его части болѣе густой, чѣмъ въ другихъ, и нѣсколько узкихъ, точно веревки, облаковъ, устремляющихся къ верху, словно щупальцы гигантскаго осьминога, лежащаго позади туманной гряды,— все это казалось имъ вовсе не страшнымъ.

— А вотъ и вѣтеръ!—сказалъ Миггсъ, обращаясь конфиденціально къ своему помощнику.—Я бы убралъ тонъ-брамсель и опустилъ стакель, мистеръ Макъ-Ферсонъ!—распорядился онъ, называя своего помощника полнымъ именемъ, какъ это дѣлалъ всегда, отдавая ему какое-нибудь приказаніе по службѣ; въ обычномъ же пріятельскомъ разговорѣ онъ называлъ его не иначе, какъ сокращенно—Макъ или просто Санди.

Старшій помощникъ отдалъ командѣ соотвѣтствующія при-

казанія, а самъ капитанъ сошелъ внизъ въ каюту, но вскорѣ снова вышелъ наверхъ, и лицо его было теперь еще болѣе озабочено и серьезно, чѣмъ раньше.

— Барометръ упалъ почти до 28,—сказалъ онъ,—я еще никогда не видѣлъ, чтобы онъ падалъ такъ низко за все время, какое я провелъ въ морѣ.—Уберите гротъ, мистеръ Макъ-Ферстонъ, и спустите марсели!

— Есть, сэръ!

Шуму, крика и суеты было теперь вдоволь, когда люди стали убирать паруса, и ихъ протяжный крикъ при работѣ напоминалъ крикъ стаи морскихъ птицъ.

— Живо шевелитесь, ребята!—заоралъ Миггсъ,—не то васъ всѣхъ, материныхъ сыновей, снесетъ въ море, если вы только не справитесь во время!

Теперь даже и Гирдльстоны начали понимать, что судну грозитъ опасность, и опасность эта не въ одномъ воображеніи капитана Миггса, что буря готова каждую минуту разразиться надъ ними. Теперь вся сѣверная часть неба представляла собою одну сплошную черную тучу, грозно надвигающуюся съ быстротой, свидѣтельствующей о силѣ вѣтра, гнавшаго ее передъ собой. Надвигающаяся темная туча омрачала и недавно еще яркія и сверкающія волны океана, издававшія теперь глухой и жалобный стонущій рокотъ, одновременно угрожающій и унылый.

— Это вѣрно та же буря, что свирѣпствовала нѣсколько дней тому назадъ!—замѣтилъ Миггсъ.—Эти вѣтры представляютъ собою не рѣдко циклоны, которые возвращаются, описавъ кругъ, опять къ тому-же мѣсту, гдѣ начались!

— Здѣсь на верху пока всѣмъ хорошо, но судно наше не выдержитъ большой качки! Это фактъ!—мрачно замѣтилъ помощникъ.

Теперь вѣтеръ сталъ дуть рѣзкими короткими порывами, рябившими поверхность моря и заставлявшими «Чернаго Орла» медленно переправляться черезъ валы. Вдругъ на палубу упало нѣсколько тяжелыхъ капель дождя; громадная темная гряда тучъ проносилась теперь надъ судномъ, продолжая стремиться все дальше и дальше.

— Смотри!—крикнулъ старый рулевой.—Вотъ она идетъ!

И дѣйствительно, не успѣлъ онъ договорить своихъ послѣднихъ словъ, какъ буря разразилась со свистомъ и воемъ, словно разнуздали разомъ всѣхъ демоновъ преисподней. Си-

ла порыва ея была такъ велика, что Гирдльстону показалось, будто его ударило какимъ-то твердымъ предметомъ. Судно накренилось такъ, что его подвѣтренный бортъ касался воды, и съ минуту лежало такъ въ водоворотѣ брызжущей пѣны. Палуба его находилась подъ такимъ угломъ, что казалось, будто «Черный Орелъ» никогда больше не выпрямится; но мало по малу онъ приподнялся колеблясь и содрогаясь, какъ живое существо, затѣмъ вдругъ понесся впередъ, ныряя и кружась, словно клочекъ бумаги, подхваченной вѣтромъ.

Къ вечеру буря достигла своей высшей силы. «Черный Орелъ» несся по волнамъ, почти не слушаясь парусовъ. Волны ходили очень высоко, и куда только ни хваталъ глазъ, всюду виднѣлось безконечное пространство темныхъ, сердитыхъ валовъ, набѣгающихъ и нагоняющихъ другъ друга, обгоняющихъ и громоздящихся одни надъ другими, высоко вздымая свои грозные сѣдые гребни. Когда судно погружалось въ черныя пропасти между двумя валами, такъ что водяная стѣна стояла по обѣ стороны чуть не наравнѣ съ мачтами судна, — бѣглецы, объятые ужасомъ, ждали, что вотъ—вотъ эти водяныя стѣны сомкнутся надъ ними и поглотятъ ихъ всѣхъ. Раза два волны, дѣйствительно, сшибались надъ самой палубой съ шумомъ и ревомъ, какому ничего подобнаго никогда не слыхали Гирдльстоны, и злополучное судно содрогалось и стонало, словно предчувствуя свою неминуемую гибель.

То была страшная ночь для всѣхъ находящихся на суднѣ. Еще пока было свѣтло, можно было видѣть, какая опасность грозила и откуда, но теперь судно неслось и ныряло среди чернильно чернаго мрака; то его подымало на самый гребень громаднаго вала, то низвергало внизъ, въ глубокую, черную и холодную пропасть. У руля стояло двое людей; но все, что они могли сдѣлать, сводилось къ тому, чтобы не дать судну перевернуться килемъ кверху.

Никто не помышлялъ о томъ, чтобы сойти внизъ. Лучше было видѣть и знать свою погибель, чѣмъ быть запертымъ въ этомъ пловучемъ гробу, гдѣ никто не могъ протянуть вамъ руку спасенія. Разъ капитанъ Гамильтонъ Миггсъ, цѣпляясь за поручни и ванты, пробрался къ тому мѣсту, гдѣ стояли Гирдльстоны, отецъ и сынъ.

— Смотрите туда!—крикнулъ онъ, указывая на подвѣтренную сторону.

Оба представителя фирмы, прикрывая глаза рукой, стали вглядываться въ окружающій мракъ ночи въ указанномъ направленіи. Дѣйствительно, въ какихъ-нибудь 200 ярдахъ разстоянія отъ «Чернаго Орла» видѣлось красноватое пятно свѣта, гнѣвно вздымавшееся и опускавшееся вмѣстѣ съ валомъ, но быстро уходившее впередъ несмотря ни на что. То было большое свѣтящееся пятно и нѣсколько меньшихъ свѣтлыхъ точекъ, мигавшихъ выше и подлѣ пятна.

— Что это такое?—спросилъ старшій Гирдльстонъ.

— Это пароходъ!—сказалъ капитанъ, крича, что есть мочи, чтобы покрыть ревъ бури.

— Ну, а какъ вамъ кажется... наше положеніе?..—спросилъ Эзра, не договаривая своей мысли.

— Очень плохо!—сказалъ Миггсъ,—хуже и быть не можетъ!—съ этими словами онъ снова сталъ цѣпляться за всѣ встрѣчные предметы, какъ попугай въ клѣткѣ, чтобы вернуться на прежнее мѣсто.

Подъ утро облака какъ будто нѣсколько разсѣялись, но не было ни малѣйшихъ признаковъ, предвѣщавшихъ конца бури. Разсвѣтъ не принесъ съ собой ни радости, ни надежды; кругомъ бушевали свинцово-сѣрыя косматыя волны, а среди нихъ—затерянное, безпомощное судно, съ обрывками парусовъ, точно птица съ надломленными крыльями, неслось къ югу.

Даже Гирдльстоны замѣтили, что въ началѣ бури, только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ волны перескакивали чрезъ палубу, теперь же послѣдняя все время стояла подъ водой, чуть не по колѣно людямъ, и мелкія волны все время ходили по ней взадъ и впередъ. Миггсъ давно замѣтилъ это и озабоченно совѣщался со своимъ помощникомъ.

— Мнѣ это совсѣмъ не нравится, Макъ,—кричалъ онъ, покрывая своимъ хриплымъ голосомъ шумъ бури,—оно не поднимается надъ водой!

— Я думаю, оно на половину полно воды!—отвѣтилъ также серьезно помощникъ.—Долго оно не продержится надъ водой.

Онъ отлично сознавалъ опасность, и мысли его невольно уносились къ маленькому коттеджу съ черепичной крышей близъ Питерхэда. Правда, въ этомъ коттеджѣ была

только жена, про которую говорили, что она удѣляла на долю Санди только недобрыя и грубыя словечки своего словаря, а иногда и нѣчто еще болѣе грубое и непріятное, тѣмъ не менѣе любовь, говорятъ, причудлива, и люди привязываются иногда къ совершенно не достойнымъ любви предметамъ. И теперь прекрасные глаза рослаго шотландца были влажны не отъ одной морской воды, когда онъ думалъ, что, быть можетъ, онъ никогда больше не увидитъ ни крытаго черепицей коттеджа, ни его обитательницы.

— Не мудрено,—говорилъ Миггсъ,—если судно принимаетъ воду и низомъ, и верхомъ. Люди сбились съ ногъ и выбились изъ силъ, выкачивая воду, а вода въ трюмѣ все прибываетъ!

— Я подозрѣваю, что это послѣднее наше совмѣстное плаваніе!—сказалъ Макъ-Ферсонъ съ усиленнымъ подъ вліяніемъ душевнаго волненія шотландскимъ акцентомъ.

— Ну, а что вы думаете, не лечь-ли намъ въ дрейфъ?

— Нѣтъ, я-бы предоставилъ ему бѣжать впередъ; по моимъ соображеніямъ мы не должны быть далеко отъ испанскаго берега, а это, быть можетъ, дастъ намъ возможность спасти, если не судно, то хоть самихъ себя, хотя я боюсь, что ни одна шлюпка не выдержитъ такого волненія!

— Вы правы, Макъ! Такъ у насъ больше шансовъ на спасеніе, чѣмъ если мы ляжемъ въ дрефъ. Оно разломится, какъ яичная скорлупа. Проклятье! А все же, Макъ, я почти радъ, что это все случается теперь, когда эти двое у насъ на суднѣ! Мы ихъ научимъ, какъ отправлять людей на такихъ плавучихъ грибахъ, и каково находиться на нихъ въ такую бурю!—И старый морской волкъ хрипло захохоталъ.

Въ этотъ моментъ къ нимъ подошелъ судовой плотникъ, балансируя, какъ только могъ, такъ какъ палуба приняла теперь чуть не перпендикулярное къ водѣ положеніе.

— Вода въ трюмѣ быстро пребываетъ,—сказалъ онъ,—течь все больше увеличивается, и я ничего не могу подѣлать; люди совсѣмъ выбились изъ силъ.... Тамъ—земля!—добавилъ онъ.

При послѣднихъ словахъ капитанъ и его помощникъ стали вглядываться сквозь туманъ въ указанномъ направленіи. Большой темный утесъ вздымался надъ моремъ немного влѣво отъ судна, неприступный и грозный.

— Намъ бы всего лучше направить курсъ на него,—

сказалъ Макъ-Ферсонъ. — Нѣтъ никакихъ шансовъ спасти судно, но, быть можетъ, намъ еще удастся какъ нибудь выкинуться на берегъ!

— Оно пойдетъ ко дну прежде, чѣмъ мы подойдемъ къ берегу!—мрачно замѣтилъ судовой плотникъ.

— Не падайте духомъ, другъ!—почти весело крикнулъ Миггсъ и затѣмъ сталъ пробираться къ тому мѣсту, гдѣ стояли Гирдльстоны.—Нѣтъ никакой надежды спасти судно,— но мы можемъ попытаться спасти людей,—обратился онъ къ нимъ,—Вамъ придется встать въ очередь къ насосамъ; люди всѣ выбились изъ силъ!

Оба Гирдльстона молча, безъ малѣйшаго возраженія, послѣдовали за нимъ. Экипажъ, безмолвный и изнуренный безпрерывной работой, толпился вокругъ насосовъ. Слабо работавшій аппаратъ звучалъ, какъ тиканье часовъ среди рева бури.

— Ну-ка беретесь снова, ребята!—крикнулъ Миггсъ весело и бодро.—Эти двое помогутъ вамъ; плотникъ и помощникъ тоже; вотъ вамъ и подмога!

Эзра и сѣдовласый его отецъ взялись за дѣло и молча принялись за работу наравнѣ съ экипажемъ, едва удерживаясь на ногахъ на скользкомъ полу.

Миггсъ спустился въ каюту. Его поведеніе во все время бури было безупречно, но теперь онъ сознавалъ, что ничего больше не можетъ сдѣлать, и, сбросивъ съ себя общественныя обязанности и свою отвѣтственность, вернулся къ своимъ частнымъ занятіямъ. Онъ наполнилъ чуть не до краевъ большую стопку голымъ ромомъ и осушилъ ее однимъ глоткомъ, затѣмъ сталъ пѣть и вышелъ наверхъ на палубу въ самомъ веселомъ, благодушномъ и безпечномъ расположеніи духа.

Судно все еще бѣжало въ направленіи зубчатой линіи утесовъ, которые теперь виднѣлись вдоль всего горизонта. «Черный Орелъ», видимо, садился все глубже и глубже и нырялъ грузно и тяжело между волнами, вмѣсто того, чтобы подыматься на ихъ гребни, какъ было раньше. Вода въ трюмѣ прибывала, и для всѣхъ было ясно, что судно не долго продержится надъ водой, а съ минуты на минуту можетъ пойти ко дну. Теперь уже никакое выкачиваніе не могло спасти его; оно разползалось по всѣмъ швамъ. Но небо очистилось, и вѣтеръ, хотя все еще свѣжій. былъ те-

перь уже далеко не такъ силенъ, какъ раньше. На одно мгновенiе даже выглянуло солнце и окрасило волны въ ярко-изумрудный цвѣтъ съ жемчужно-бѣлой блестящей пѣной. Эта внезапная перемѣна погоды только еще болѣзненнѣе отозвалась въ сердцахъ людей, сознающихъ, что всѣ они, за малымъ, быть можетъ, исключенiемъ, обречены на смерть.

— Буря проносится! — замѣтилъ Макъ-Ферсонъ. — Будь у насъ настоящее, а не прогнившее до основанiя судно, мы были бы спасены!

— Вы правы, старый другъ Санди! Но мы пойдемъ ко дну всѣ вмѣстѣ: и капитанъ, и владѣльцы судна, и всѣ наши пожитки и экипажъ!—безпечно прокричалъ Миггсъ,—а это своего рода утѣшенiе, чортъ возьми!

Помощникъ взглянулъ на говорившаго, и на лицѣ его выразилось не то недоумѣнiе, не то нѣчто похожее на презрѣнiе.

— Вы ужъ опять прикладывались къ бутылкѣ!—замѣтилъ онъ,—а, вѣдь, если мы пойдемъ ко дну, что почти несомнѣнно, какъ ужасно будетъ предстать передъ своимъ Творцомъ съ душою, погрязшей въ пьянствѣ!

— Идите-ка сами внизъ, да хлебните хорошенько; вотъ вамъ мой совѣтъ!—хрипло и грубо крикнулъ Миггсъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! Если я долженъ умереть, то умру трезвый!

— Вы умрете дуракомъ,—сердито крикнулъ шкиперъ,—вотъ что я вамъ скажу... Ну, старый ханжа, и засадили-же вы насъ въ яму съ вашими обманными страховками и темными дѣлами! Какъ это вамъ теперь нравится, когда судно идетъ ко дну у насъ подъ ногами, э? Что, теперь, небось, починили бы его, если бы оно еще разъ вернулось въ Альбертовскiе Доки?

Эта насмѣшливая рѣчь была обращена къ старику Гирдльстону, который теперь пересталъ качать воду и стоялъ, прислонившись къ камбузу, безнадежно глядя на длинный рядъ темныхъ утесовъ, которые теперь были уже всего въ полу-милѣ отъ нихъ. Слышался шумъ прибоя, и виднѣлась линiя буруновъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ волны съ дикимъ бѣшенствомъ устремлялись на эту преграду.

— Онъ не въ состоянiи командовать! — проговорилъ Эзра, обращаясь къ Макъ-Форсену и указывая глазами на Мигса,—что вы совѣтуете дѣлать?

— Мы повернемъ судно и спустимъ шлюпки съ подвѣтренной стороны. Онѣ могутъ затонуть или выдержать, но это

единственное, что намъ остается. Эти двѣ шлюпки легко могутъ вмѣстить всѣхъ насъ.

Судно до того быстро уходило теперь подъ воду, что спустить шлюпки было не трудно, такъ какъ онъ, вися на баканцахъ, находились всего на нѣсколько футовъ надъ водой. Большинство изъ экипажа благополучно размѣстились въ шлюпкахъ, а Гирдльстоны съ Миггсомъ и четырьмя матросами сѣли въ небольшую гичку. Не легко было помѣшать шлюпкамъ опрокинуться или разбиться, такъ какъ волны съ невѣроятной силой то относили ихъ отъ судна, то сшибали одну съ другой. Но благодаря искуснымъ маневрамъ имъ, наконецъ, удалось благополучно отчалить и уйти въ море безъ несчастій.

Только теперь, когда они уже не имѣли подъ собой палубы судна, всѣ почувствовали силу непокорной и бурной стихіи. Громадныя волны кидали ихъ изъ стороны въ сторону. Старикъ Гирдльстонъ сидѣлъ молча и неподвижно, мрачный и блѣдный подлѣ Эзры. Выраженіе лица послѣдняго говорило о мужествѣ и рѣшимости, при полномъ сознаніи грозящей ему опасности, не останавливаться ни передъ чѣмъ для своего спасенія. Миггсъ сидѣлъ на рулѣ и время отъ времени разражался пьянымъ хохотомъ, четверо матросовъ, спокойные и подавленные, удерживали веслами лодку отъ крушенія, сколько могли, изрѣдка поглядывая черезъ плечо на буруны и скалы.

Но оставалось ничего болѣе, какъ только править къ ближайшему мѣсту берега, такъ какъ шлюпку заливало водой.

— Судно затонуло!—сказалъ Эзра въ тотъ моментъ, когда ихъ подняло на гребень волны. Всѣ оглянулись, но нигдѣ уже не было видно ни малѣйшаго признака «Чернаго Орла»; кругомъ одно пустынное, ревущее море; нигдѣ—ни мачты, ни лоскута паруса: мрачная пучина поглотила безслѣдно судно Миггса.

— И мы всѣ затонемъ, какъ только насъ выкинетъ на буруны!—крикнулъ капитанъ.—Гребите же, черти! Гребите! Обгоняйте шлюпку помощника! Вѣдь, это гонка, друзья! А призовой столбъ—чертово пекло!! Опережай ихъ, братцы!

Эзра взглянулъ на отца и увидѣлъ, что губы его шевелились, а лицо сосредоточено: онъ молился.

— Все то-же!—съ ѣдкой насмѣшкой проговорилъ онъ.

— Я стараюсь примириться съ Богомъ!—торжественно

и искренно сказалъ старикъ,—въ эти минуты вѣра—мой оплотъ и утѣшеніе. Я оглядываюсь назадъ, на свою долгую жизнь, и хотя униженно сознаю, что не разъ впадалъ въ заблужденія, не разъ уклонялся отъ указаннаго Богомъ пути, все же въ главномъ я шелъ прямымъ путемъ. Отъ самой юности я былъ воздержанъ, набоженъ и работящъ. Ахъ, сынъ мой, загляни искренно въ свою душу и скажи, готовъ-ли ты предстать предъ своимъ Творцомъ?!

— Заботься о себѣ!—сказалъ Эзра, не спуская глазъ съ пѣнящейся линіи буруновъ, которые теперь были ужъ совсѣмъ близко.—Ну, а какъ ты полагаешь относительно дочери Джона Харстона, а?

Даже и въ этотъ страшный часъ Эзра испытывалъ какое-то злобное наслажденіе при видѣ того, какъ мучительная спазма схватила горло старика, лицо котораго судорожно исказилось при напоминаніи о дѣвушкѣ, которая была поручена его попеченію.

— Если я и согрѣшилъ, то согрѣшилъ ради достойной цѣли!—сказалъ онъ серьезно и убѣжденно.—Я это сдѣлалъ для спасенія своей фирмы, своего дѣла, гибель котораго наносила ударъ справедливости и являлась торжествомъ зла. Въ руки Твои, Господи, предаю духъ мой!—закончилъ онъ набожнымъ полушепотомъ.

Въ этотъ самый моментъ грамадный валъ высоко приподнялъ лодку и съ страшной силой швырнулъ на торчавшія изъ воды скалы и камни. Раздался сильный трескъ, и киль лодки разлетелся въ щепки; второй грозный валъ перескочилъ черезъ эти обломки и, захвативъ ихъ съ собой,—выбросилъ на другой рифъ, ближайшій къ берегу. Крестьяне, стоявшіе на вершинѣ обрыва, издали услышали предсмертные вопли утопающихъ, сливавшіеся съ шумомъ и ревомъ безпощаднаго прибоя. Глядя внизъ, они могли видѣть тамъ и сямъ мелькающія на волнахъ черныя точки; то были головы несчастныхъ гибнущихъ или борящихся со смертью людей; число ихъ все убывало и убывало, по мѣрѣ того, какъ ихъ или выкидывало на скалы или уносило теченіемъ.

Эзра былъ сильный и искусный пловецъ: выбившись изъ обломковъ гички и отшвырнувъ при этомъ отъ себя одного несчастнаго матроса, уцѣпившагося за него, онъ не сталъ тратить силъ, чтобы добраться до берега: онъ зналъ, что

волны и такъ гораздо скорѣе выбросятъ его на скалы, и сберегалъ силы для того, чтобы бороться съ прибоемъ, когда это станетъ необходимо. Дѣйствительно, громадный валъ подхватилъ его и, какъ перо, швырнулъ на прибрежный отвѣсный утесъ, на вершину котораго Эзра съ отчаянными усиліями и вскарабкался ухватившись руками за небольшой выступъ. Однако, ударъ, который онъ получилъ, достигнувъ скалы, былъ настолько силенъ, что онъ самъ не понималъ, какъ могъ удержаться. Когда волна отхлынула, онъ, разбитый, изнемогающій, едва переводя духъ, увидѣлъ себя стоящимъ на крошечномъ выступѣ скалы, гдѣ какъ разъ только хватало мѣста для его ногъ. Это было настоящее чудо. Оглядѣвшись кругомъ, онъ нигдѣ не видѣлъ ни малѣйшаго перерыва въ отвѣсномъ склонѣ утесовъ. Но и здѣсь онъ не могъ считать себя спасеннымъ: вѣдь, если одна волна выбросила его на эту скалу, то другая могла каждую минуту смыть его, и теперь онъ напряженно смотрѣлъ на прибой; два—три вала, не столь высокихъ, разбились у его ногъ, обдавъ его цѣлымъ облакомъ холодныхъ соленыхъ брызгъ, а теперь и третій, могучій валъ величественно надвигался на него. По разсчетамъ Эзры онъ долженъ былъ достигнуть по крайней мѣрѣ до его колѣнъ, и теперь весь вопросъ сводился къ тому, снесетъ ли онъ его обратно въ море или нѣтъ. Молодой человѣкъ широко разставилъ ноги, упершись на нихъ изо всей силы, и впился ногтями въ скалу, такъ что кровь брызнула изъ-подъ нихъ. И вотъ волна нахлынула и, оглушивъ его своимъ неистовымъ ревомъ, точно смертоносный демонъ, схватила его за ноги, стараясь увлечь за собой, но онъ напрягалъ всѣ свои силы,—и вдругъ сила напора ослабѣла; онъ какъ будто очнулся и увидѣлъ, что волна спадала вдоль лицевой стороны утеса, оставляя на ней мокрый слѣдъ. Но ее подхватилъ новый валъ и опять бросилъ на скалу, хотя уже съ меньшею силой; при этомъ изъ глубины хрустально зеленой волны высунулась судорожно двигавшаяся длинная рука и ухватилась за край того выступа утеса, на которомъ стоялъ Эзра.

Прежде, чѣмъ даже появилась надъ водою мертвенно-блѣдное лицо, молодой человѣкъ узналъ руку своего отца. Разбитый и окрававленный, и тотъ узналъ сына и умоляющимъ взглядомъ смотрѣлъ на него, стараясь удержаться на вѣсу. Но выступъ былъ такъ малъ, что его судорожно вцѣпившіеся въ край скалы пальцы касались пальцевъ ногъ Эзры.

— Здѣсь нѣтъ мѣста для другого!—грубо крикнулъ молодой. человѣкъ.

— Именемъ Бога молю...

— Тутъ и одинъ едва можетъ удержаться!..

Старикъ все еще висѣлъ надъ зеленой бездной, до половины въ водѣ. То было всего нѣсколько секундъ, но въ душѣ старика за это время успѣло пронестись много воспоминаній изъ его прошлаго. Онъ снова увидѣлъ полутемную комнату умирающаго друга и свою собственную фигуру, стоящую у его смертнаго одра. И вдругъ снова раздались въ его ушахъ знакомыя слова и слабый голосъ умирающаго, заглушая даже шумъ прибоя и ревъ бури: «Пусть твоя кровь и плоть, пусть и твой родной сынъ поступитъ съ тобой такъ, какъ ты будешь поступать съ ней!» Старикъ снова съ мольбою взглянулъ на сына. Эзра видѣлъ, что слѣдующій уже надвигающійся валъ подыметъ старика на самый выступъ, гдѣ онъ теперь стоитъ, и тотъ, можетъ быть, столкнетъ его тяжестью своего тѣла.

— Пусти! Не держись!—крикнулъ онъ отцу.

— Помоги мнѣ, Эзра!..

Но вмѣсто того молодой человѣкъ со всей силы ударилъ своимъ тяжелымъ каблукомъ по безкровной, почти окоченѣвшей рукѣ старика. Тотъ дико вскрикнулъ и сорвался въ бушующія волны. Эзра взглянулъ внизъ и увидѣлъ его полное невыразимаго отчаянія лицо, глядѣвшее на него изъ-подъ воды; затѣмъ оно медленно стало уходить все глубже и глубже, пока не превратилось въ трепещущее бѣлое пятно глубоко подъ зеленой прозрачной волной. Въ этотъ моментъ спустили толстый канатъ съ верху обрыва, и молодой человѣкъ понялъ, что онъ спасенъ.

L. Нить размотана, и на концѣ завязано два узла.

Велико было волненіе уважаемыхъ стариковъ въ Филиморъ Гарденѣ, когда Кэтъ Харстонъ была, наконецъ, доставлена къ нимъ. Добрая старушка Димсдаль прижала ее къ своей полной груди и цѣловала, журила и плакала надъ ней, какъ родная мать, тогда какъ добродушный докторъ былъ до того растроганъ, что едва могъ сдерживать себя въ границахъ приличія.

— И вы въ самомъ дѣлѣ думали, что мы забыли о васъ,

что мы были настолько безумны, что прекратили всякую переписку съ вами, по настоянію этого стараго мерзавца?!— сказалъ докторъ, похлопывая Кэтъ по блѣдной щекѣ и нѣжно цѣлуя ее, какъ любящій дѣдъ.

— О, я была очень неразумна,—воскликнула дѣвушка, мило краснѣя и оправляя свои прекрасные волосы, нѣсколько растрепанные безчисленными ласками добрыхъ стариковъ.

— Ахъ, этотъ старый негодяй, эти два негодяя,—гремѣлъ старикъ Димсдаль, потрясая кулакомъ.—Дай-то Богъ, чтобы ихъ изловили прежде, чѣмъ кончится слѣдствіе!..

Однако, желаніе добраго доктора не было услышано,—и Бертъ являлся единственнымъ изъ трехъ преступниковъ, представшимъ передъ судомъ. Всѣ причастныя къ этому процессу лица дали свои показанія, и сознавшійся въ своемъ злодѣяніи Бертъ, убійца Ребекки Тайлфорсъ, былъ приговоренъ къ смертной казни. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе недѣли три спустя, и бывшій морякъ, упившійся въ послѣдній разъ передъ смертью, умеръ стойко и нераскаянно.

Неподалеку отъ Филиморъ Гардена стоитъ скромная маленькая церковь, гдѣ каждое воскресенье правитъ службу скромный маленькій священникъ. Церковь эта лежитъ въ какихъ-нибудь ста саженъ отъ большой и широкой улицы, по которой въ праздничные дни движется набожная толпа богомольцевъ, но никто изъ нихъ не знаетъ объ ея существованіи, потому что она не могла нажить себѣ высокой колокольни, и ея колоколъ былъ до того миніатюренъ, что звукъ его не заглушалъ собою даже обычнаго шума городской жизни.

Вотъ почему, кромѣ нѣсколькихъ семей, случайно нашедшихъ туда дорогу и оставшихся чрезвычайно довольными кроткими и разумными поученіями скромнаго маленькаго священника, приходъ этотъ не имѣлъ прихожанъ и считался однимъ изъ бѣднѣйшихъ приходовъ въ Лондонѣ. Посѣтителей церкви было такъ мало, что нерѣдко добросовѣстный и задушевный маленькій проповѣдникъ, проведшій цѣлую недѣлю надъ обработкой своей воскресной проповѣди,— когда приходило это воскресенье, готовъ былъ расплакаться при видѣ малочисленности аудиторіи, для которой онъ такъ усердно и добросовѣстно готовилъ свою проповѣдь.

Представьте же себѣ удивленіе, даже недоумѣніе этого

маленькаго священника, когда его попросили сдѣлать оглашеніе одновременно двухъ брачущихся паръ, и обѣ, какъ ему было извѣстно, принадлежали къ привиллегированному классу общества, даже къ большому свѣту; когда при этомъ ему заявили, что оба бракосочетанія должны совершиться въ его маленькой церкви, и что онъ самъ долженъ былъ повѣнчать счастливыхъ супруговъ?! Отъ полноты сердечнаго умиленія этотъ добрѣйшій и скромнѣйшій человѣкъ тотчасъ купилъ и принесъ домой съ величайшимъ торжествомъ самую невозможнѣйшую шляпку своей женѣ, шляпку съ лиловыми лентами и красными ягодами; а эта добрѣйшая женщина приняла обнову съ выраженіемъ самаго искренняго восторга и благодарности, хотя потомъ, въ уединеніи своей комнаты, спорола всѣ красныя ягоды, замѣнивъ ихъ чѣмъ-то болѣе соотвѣтствующимъ ея положенію и личному вкусу. Весь маленькій приходъ этой церкви былъ не менѣе удивленъ, услыхавъ изъ устъ своего духовнаго отца, что маіоръ Клеттербекъ намѣренъ вступить въ бракъ съ вдовою Лавиніей Скелли, а Томасъ Димсдаль съ сиротой дѣвицей Катериной Харстонъ. Выйдя изъ церкви, они поспѣшили сообщить объ этомъ своимъ друзьямъ и знакомымъ, а тѣ, въ свою очередь, своимъ знакомымъ и друзьямъ; въ результатѣ это послужило прекрасной рекламой для маленькой церкви,—и въ слѣдующее воскресенье скромный маленькій священникъ говорилъ свою излюбленную проповѣдь о безплодной смоковницѣ передъ такою аудиторіей, о какой онъ никогда и не мечталъ.

Но если оба предстоящіе брака являлись уже прекрасной рекламой для маленькой церкви, то на сколько же большей рекламой оказалось самое торжество обѣихъ парадныхъ свадебъ, когда къ церкви подъѣхали двѣ парадныхъ кареты! Изъ одного экипажа выскочилъ очень добродушный веселаго вида господинъ, не много свыше среднихъ лѣтъ, румяный, цвѣтущій и здоровый, вслѣдъ за нимъ появился высокій, стройный мужчина, озабоченно оглядывавшійся время отъ времени на своего товарища. Изъ втораго экипажа вышелъ атлетическаго сложенія смуглый молодой человѣкъ въ сопровожденіи маленькаго безупречно одѣтаго веснущатаго господина, который, казалось, былъ до того разнервленъ, что два раза уронилъ свою перчатку по пути къ ризницѣ. Оба джентльмена, отойдя къ заднему концу церкви, стали бесѣдовать

между собой подавленнымъ шепотомъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Мистеръ Гирлей, любимецъ и довѣренный Тома Димсдаля представился фонъ Баумзеру. Но вотъ всѣ повернули головы: пріѣхали невѣсты. Мистриссъ Скелли была такъ же привлекательна и мила, какъ 15 лѣтъ тому назадъ, когда впервые шла къ вѣнцу; на ней было гриде-перлевое платье и такого же цвѣта наколка, а въ рукахъ— прекрасный букетъ, какой только могъ найти маіоръ Тобіа Клеттербекъ. Что касается Кэтъ, то она представляла собою самую прелестную, юную невѣсту, какую только можно представить. Бѣлое кружевное платье на атласѣ красиво облегало ея гибкій станъ, густыя темныя рѣсницы, опущенныя надъ ея синими глазками, дѣлали ее очаровательной въ этотъ день. Добродушный докторъ Димсдаль съ своимъ румянымъ, улыбающимся лицомъ положительно сіялъ въ своемъ снѣжно-бѣломъ жилетѣ, а его супруга, вся въ слезахъ, облеченная въ красный бархатъ, напоминавшій собою старинную мебель, тоже была счастлива до умиленія.

Были тутъ и двое соціалистовъ, русскій и нѣмецъ изъ Киля, приглашенные съ одной стороны маіоромъ, а съ другой Томомъ на это торжество.

Послѣ вѣнчанія было много поцѣлуевъ, объятій и радостныхъ слезъ, затѣмъ началась столь щедрая раздача подарковъ, какой еще никогда не видала маленькая церковь. Маленькій церковный органъ заигралъ торжественный свадебный маршъ; маіоръ съ еще большей важностью выпятилъ свою грудь и горделиво вышелъ, подъ руку съ своей красивой супругой, изъ церкви, вслѣдъ за нимъ, счастливый и довольный, велъ свою молодую жену Томъ Димсдаль.

Общій роскошный завтракъ ждалъ новобрачныхъ въ Филиморъ Гарденѣ, и всѣ присутствовавшіе на немъ долго еще вспоминали о тостахъ въ честь новобрачныхъ, предложенныхъ веселымъ докторомъ Димсдалемъ, и о томъ восторженномъ воодушевленіи, съ какимъ эти тосты были встрѣчены присутствующими гостями. Пили и за здоровье гостей вообще, и за каждаго въ частности, въ томъ числѣ и за скромнаго маленькаго священника, и его жену, и за русскаго эмигранта съ труднопроизносимымъ именемъ, и за всѣхъ остальныхъ, пока не были поданы экипажи, и обѣ молодыя четы отправилась въ свадебное путешествіе.

Между тѣмъ оказалось, что дѣла фирмы Гирдльстонъ были

вовсе не такъ безнадежны, какъ это казалось съ перваго взгляда. Когда вѣсть о катастрофѣ проникла въ Фенчерчъ, то тамъ воцарилась настоящая паника, но затѣмъ, когда стали открыто разбираться въ дѣлахъ, то хотя и оказалось, что отчетныя книги были неправильны, и на фирмѣ лежалъ порядочный долгъ, но все-же, принявъ въ соображенiе блестящiе торговые обороты, при доплатѣ извѣстной суммы, фирма могла быть спасена, и чтобы сдѣлать это, Томасъ Димсдаль вложилъ въ нее весь свой остальной капиталъ и принялъ въ компанiю старика Гильрея, что оказалось прекраснѣйшей комбинацiей для обоихъ, такъ какъ фирма «Димсдаль и Гильрей»—въ настоящее время одна изъ солиднѣйшихъ въ Англiи изъ всѣхъ, ведущихъ торговыя сношенiя съ Африкой. Наибольшимъ довѣрiемъ изъ капитановъ судовъ пользуется мистеръ Макъ-Ферсонъ, шлюпка котораго чудеснымъ образомъ была выброшена на отмель послѣ того, какъ его злополучный капитанъ и судовладѣлецъ потерпѣли крушенiе и погибли въ волнахъ съ частью экипажа.

Что сталось съ Эзрой Гирдльстономъ, накто не зналъ. Нѣсколько лѣтъ спустя Томъ Димсдаль слышалъ отъ одного комми-вояжера о какомъ-то меланхоликѣ, спившемся съ круга и скитавшемся по трактирамъ низшаго разряда въ Санъ Франциско; потомъ онъ погибъ въ пьяной дракѣ. Въ описанiи этого несчастнаго было много такого, что совпадало съ внѣшностью и привычками молодого Гирдльстона, но ничего опредѣленнаго объ этомъ нельзя было сказать...

Маiоръ по прежнему щеголеватъ и очарованъ своей супругой, а его вѣрный наперсникъ фонъ-Баумзеръ, постоянный гость за столомъ г-жи Клеттербекъ, съ усердiемъ, достойнымъ лучшаго, закармливаетъ сластями молодого отпрыска этой благородной фамилiи.

Кэтъ и ея молодой супругъ, не смотря на множество заботъ и хлопотъ, связанныхъ съ крупнымъ торговымъ дѣломъ, всячески скрашиваютъ послѣднiе годы жизни добрыхъ стариковъ, которые такъ гордятся своимъ сыномъ и такъ нѣжно любятъ свою дочь. И что бы ни готовила жизнь для этой молодой четы, можно съ увѣренностью сказать, что они всегда выйдутъ побѣдителями, такъ какъ смѣло могутъ опереться другъ на друга.

КОНЕЦЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ.